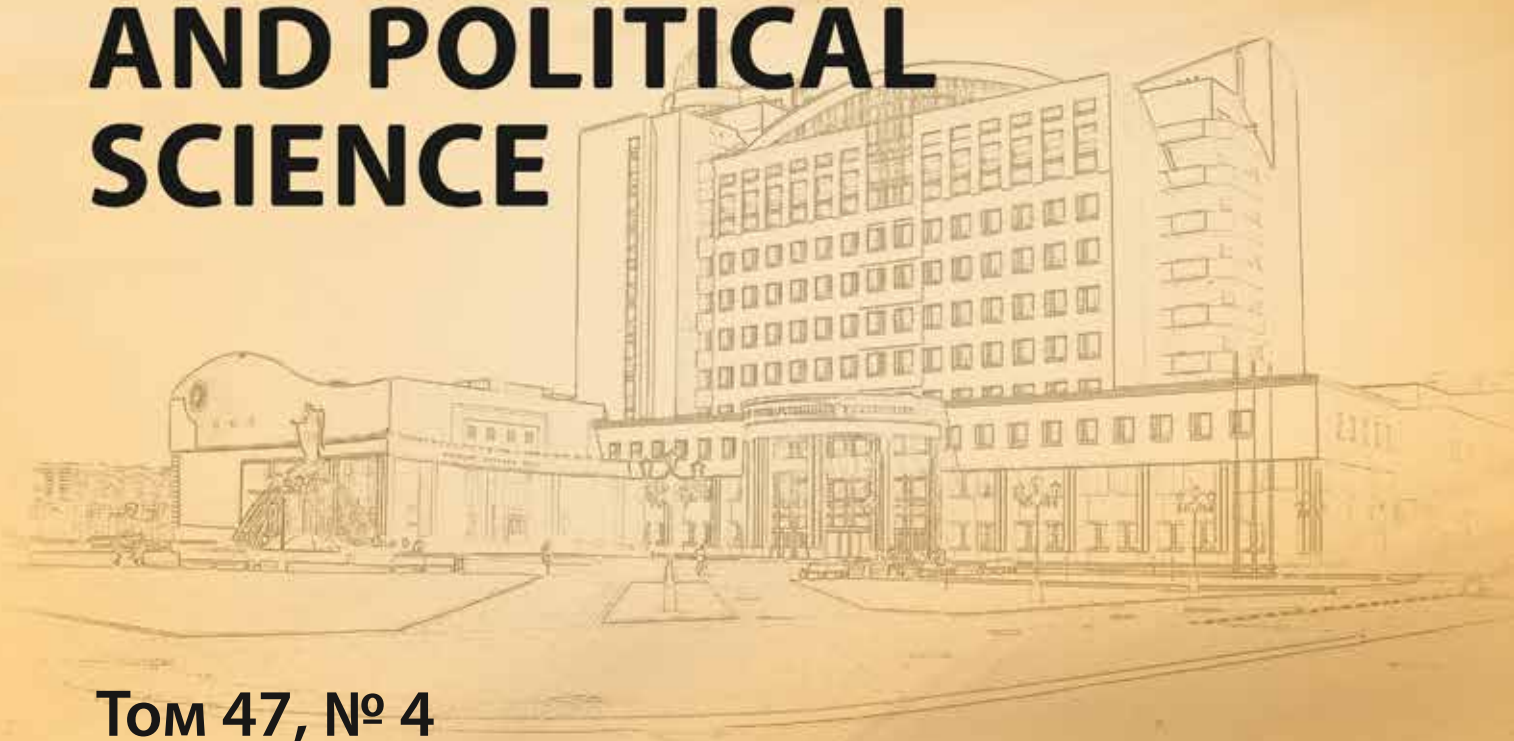
НИУ БелГУ
BELGOROD STATE UNIVERSITY (BSU)

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE



Том 47, № 4

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ
2020. Том 47, № 4

Ранее журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (07.00.02 – Отечественная история, 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода), 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».
Издатель: НИУ «БелГУ» Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

О.Н. Полухин, ректор НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, проректор по качеству и дополнительному образованию НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н.Н. Болгов, заведующий кафедрой всеобщей истории Педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

И.Т. Шатохин, заместитель директора по научной работе и международной деятельности Педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения Педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Оноприенко, доцент кафедры российской истории и документоведения Педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор (Ереванский государственный университет, Армения)

С. Атлагич, доктор политических наук (Белградский государственный университет, Сербия)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

М. Казански, доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук (Белгородский юридический институт МВД России)

М.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор (Воронежский государственный педагогический университет)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

Х.Р. Туманс, доктор истории (Латвийский национальный университет, Рига, Латвия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.
Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Л.П. Коханова. Корректура, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.В. Литовченко. E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 25,7. Дата выхода 30.12.2020. Оригинал-макет подготовлен отделом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

673 Новосильнов А.С., Сивкина Н.Ю.
К вопросу об интерпретации хода сражения при Херонее 338 г. до н. э.
683 Парфенов В.Н., Литовченко Е.В.
Апостол Павел в Иудее: последний визит
693 Чореф М.М.
К вопросу о признаках подражаний поздним боспорским статерам
704 Назаров А.Д.
Бунт гревтунгов во Фригии в 399–400 гг.: пример неудачной адаптации варваров в Восточной Римской империи
714 Болгов Н.Н., Болгова А.М., Денисова И.В., Бузанаков Ю.В.
Образованность, школы, книжная культура в Восточном Средиземноморье в IV–VII вв. (Антиохия, Берит, Кесария, Газа)
727 Ващева И.Ю.
Принцевы острова в пенитенциарной системе Византийской империи
747 Золотухина Н.Е.
Положение ариан и донатистов в Африке после установления ромейского господства в регионе
754 Логвинова А.А.
Эллинистическо-иудейские и древнехристианские исторические сочинения в «Библиотеке» Фотия
763 Мехамадиев Е.А.
Арабский географ начала X в. Ибн ал-Факих о византийской феме Халдия: к вопросу о военной политике Константинополя в западно-кавказских и армянских владениях на рубеже VIII–IX вв.
773 Родович Ю.В.
Военно-политическое сотрудничество США и Германии в 40-е годы XX в. – первые десятилетия XXI в.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

783 Мухина И.Г.
Влияние представителей национальных меньшинств на становление высшего образования в Харькове в XIX – начале XX столетий
794 Черникова Н.В.
«Сведущие люди» в Государственном совете второй половины XIX в.
803 Масленникова В.А.
Создание и деятельность частной бесплатной женской профессиональной школы А.А. Машковцевой на территории Таврической губернии в конце XIX – начале XX вв.
811 Орлов А. С.
«Постойная повинность есть, конечно, одна из самых тягостных для граждан». Постойная повинность и строительство казарм в Российской империи второй половины XIX века
818 Тонких В.А., Громова В.В.
Земельный рынок в Центральном Черноземье в 60–90-е годы XIX века
826 Демьяненко Н.Н.
Освещение событий российско-болгарских дипломатических отношений в журнале «Вестник Европы» в 1894–1917 годах
836 Пушкарёва И.М.
Финансовое положение России при Временном правительстве в 1917 г.: новый взгляд на историографию вопроса
854 Трофимов Р.В., Мошкин А.Н.
Московский журнал «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.) в современной российской и украинской историографии
863 Иваненко Я.И.
Развитие промышленности Курской области в 1934–1950 гг. в отечественной историографии 1950-х – 2000-х годов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

872 Каминченко Д.И.
Гражданская активность в локальных интернет-сообществах: на примере группы «АнтиСнег – Нижний Новгород» в Facebook
885 Ермаков А.А., Корнилов А.А., Рыжов И.В.
Россия и северный фронт Израиля: новые грани асимметричного конфликта
894 Крутов А.В.
Политический прогресс: исторические и современные особенности, возможности применения математического описания
904 Дажанаби Я., Козуб Е.А.
Роль иракской нефти в стратегии США
912 Ивашкин М.А.
Ближневосточная политика Франции в период президентства Николя Саркози и Франсуа Олланда
921 Корюшкин А.И.
Дискурсивный сетевой анализ: дискурсивно-динамический аспект исследования публичной политики
933 Орешкина А.В.
Практика политического процесса в Сомали
939 Швырков А.И.
О понятии политической реальности

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE
2020. Volume 47, No. 4

Previously, the journal was published under the title «Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science»

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (07.00.02 – Russian History, 07.00.03 – World History (of a definite epoch), 23.00.02 – Political Institutions, Processes and Technologies, 23.00.04 – Political Issues of International Relations, Global and Regional Development). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (РИНЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».
Publisher: Belgorod National Research University «BelGU» Publishing House.
Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief of the Series

O.N. Poluhin, rector, doctor of political sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, vice-rector on quality and supplementary education, doctor of historical sciences, professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief:

N.N. Bolgov, world history department chair, doctor of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

I.T. Shatohin, professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences, professor (Belgorod National Research University)

L.S. Polovneva, associate professor of the russian history and records management department, candidate of political sciences (Belgorod National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Onoprienko, associate professor of the russian history and records management department, candidate of historical sciences (Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, doctor of historical sciences, professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, doctor of historical sciences, professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, doctor of political sciences (Belgrade State University, Serbia)

A.V. Glukhova, doctor of political sciences, professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, doctor of historical sciences; corresponding member of Russian Academy of sciences; Director of the Museum of anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkammer) Russian Academy of Sciences

M. Kazanski, PhD in history (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in political science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, doctor of political sciences, associate professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

M.M. Marasanova, doctor of historical sciences, professor (Yaroslavl state University after. P.G. Demidova)

E.A. Molev, doctor of historical sciences, professor (Nizhniy Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)

V.A. Perepelitsyn, doctor of historical sciences, professor (Voronezh State Pedagogical University)

S.I. Posokhov, doctor of historical sciences, professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, doctor of historical sciences, leading scientific worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

H.R. Tumans, PhD in history (Latvian National University, Riga, Latvia)

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г.
Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor L.P. Kokhanova. Pag Proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.V. Litovchenko. E-mail: onoprienko@bsu.edu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Publisher's signature 25,7. Date of publishing: 30.12.2020. Dummy layout is replicated at Publishing House «BelSU» Belgorod National Research University. Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

673 Novosilnov A.S., Sivkina N.Yu.
On the issue of interpretation of the Course of the battle of Chaeronea 338 B. C.

683 Parfenov V.V., Litovchenko E.V.
Apostle Paul in Judaea: the last vizit

693 Choref M.M.
On the issue of signs of imitations of the late Bosporus staters

704 Nazarov A.D.
The mutiny of Greuthungs in Phrygia, 399–400: an example of unsuccessful adaptation of barbarians in the East Roman Empire

714 Bolgov N.N., Bolgova A.M., Denisova I.V., Buzanakov Yu.V.
Education, schools, book culture in the East Mediterranean in the 4th – 7th cent. A. D. (Antihoch, Berit, Caesaria, Gaza)

727 Vashcheva I.Yu.
Prince's islands in the penitentiary system of the Byzantine Empire

747 Zolotukhina N.E.
The position of the Arians and Donatists in Africa after the establishment of Byzantine domination in the region

754 Logvinova A.A.
Hellinistic-judaic and ancient Christian historical works in the «Library» of Photius

763 Mekhamadiev E.A.
An arabic geographer of the early Xth c. Ibn al-Fakih about the Byzantine theme of Chaldia: on a military policy of Constantinople within its West Caucasus and Armenian possessions at the turn of the eighth–nineth centuries

773 Rodovich Yu.V.
Military-political cooperation between the USA and Germany in the forties of the XX century – the first decades of the XXI century

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

783 Mukhina I.G.
Influence of representatives of national minorities on the formation of higher education in Kharkov in the XIX – beginning of the XX centuries

794 Chernikova N.V.
«Svedushhie ljudi» in the State Council of the second half of the 19th century

803 Maslennikova V. A.
Creation and activity of a private free female professional school of A.A. Mashkovtseva on the territory of Tavricheskaya province in the late 19th – early 20th centuries

811 Orlov A.S.
«Free quarter is definitely one of the heaviest duties for citizens». Free quarter and barracks building in the Russian Empire of the second half of the XIX century

818 Tonkih V.A., Gromova V.V.
The land market of the Central Chernozem region in 60–90-s of the 19th century

826 Demyanenko N.N.
Coverage of the events of Russian-Bulgarian diplomatic relations in the journal «Bulletin of Europe» in 1894–1917

836 Pushkareva I.M.
The financial status of Russia under Provisional government in 1917: historigraphy revisited

854 Trofimov R.V., Moshkin A.N.
Moscow magazine «The Ukrainian life» (1912–1917) in modern Russian and Ukrainian historiography

863 Ivanenko Ya.I.
Industrial development of the Kursk region in 1934–1950 in Russian historiography 1950s – 2000s

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

872 Kaminchenko D.I.
Civil activity in local internet communities: on the example of «AntiSneg – Nizhny Novgorod» community in Facebook

885 Ermakov A.A., Kornilov A.A, Ryzhov I.V.
Russia and Northern battlefield of Israel: new sides of the asymmetric conflict

894 Krutov A.V.
Political progress: historical and modern features, possibilities of using the mathematical description

904 Janabi Ya., Kozub E.A.
The role of Iraqi oil in US strategy

912 Ivashkin M.A.
French middle eastern policy during the presidency of Nicolas Sarkozy and Francois Hollande

921 Koryushkin A.I.
Discurse network analysis: discursive-dynamic aspect of public policy research

933 Oreshkina A.V.
The practice of political process in Somalia

939 Shvyrkov A.I.
On the concept of political reality

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94(3)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-673-682

К вопросу об интерпретации хода сражения при Херонее 338 г. до н. э.

А.С. Новосильнов, Н.Ю. Сивкина
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23
E-mail: natalia-sivkina@yandex.ru, vscbkfdvtcnt@yandex.ru

Аннотация. Авторы статьи анализируют реконструкции хода сражения между македонянами и греками при Херонее, произошедшего в 338 г. до н. э., предложенные исследователями Й. Кромайером, Г. Сотириадесом, Н. Хаммондом. Источники предоставляют мало сведений об этой знаменательной для Древней Греции битве. Ход сражения большей частью ориентирован на героическую гибель и несправедливую судьбу греков. Именно скудность источников представляет сложность для современных исследователей в правильной интерпретации всей картины битвы. По мнению авторов статьи, общепринятую версию битвы следует пересмотреть, так как, вероятно, Александр со своим конным отрядом находился на левом крыле правого фланга македонян.

Ключевые слова: битва при Херонее 338 г. до н. э., царь Филипп II, фаланга, конница.

Для цитирования: Новосильнов А.С., Сивкина Н.Ю. 2020. К вопросу об интерпретации хода сражения при Херонее 338 г. до н. э. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 673–682. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-673-682.

On the issue of interpretation of the Course of the battle of Chaeronea 338 B. C.

Andrew S. Novosilnov, Natalia Yu. Sivkina
Nizhny Novgorod State University,
23 Gagarin av., Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: natalia-sivkina@yandex.ru, vscbkfdvtcnt@yandex.ru

Abstract. The authors of the article analyze works dedicated to the research of the battle that took place at Chaeronea in 338 B. C. Sources provide little information about this significant battle for ancient Greece, which is the subject of debate and various opinions. The fundamental versions of the course of the battle were reconstructions proposed on the basis of topographical and archaeological research. According to the researchers, Philip commanded a phalange located on the right flank, and his son Alexander - a horse located on the left flank. Accordingly, against Philip's flank were the Athenians, and against Alexander's flank were the Beotians and the Theban «sacred» detachment. But in view of the paucity of the source base, there was a perception that Alexander's command was not a horse, but an infantry. Some researchers minimize the role of the horse in the battle. The authors of the article offer their version of the course of the battle, based on the data of sources and the results of research, both the latest and carried out earlier. According to the authors, the horse of the Macedonian took an active part in the battle. The «sacred» detachment of the Thebans was located on the left flank of the Greek army, and Alexander at the head of his horse detachment was on the left wing of the right flank of the Macedonian.

Keywords: the battle of Chaeronea 338 BC, King Philip II, phalanx, cavalry.

For citation: Novosilnov A.S., Sivkina N.Yu. 2020. On the issue of interpretation of the Course of the battle of Chaeronea 338 B. C. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 673–682 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-673-682.

В этой статье рассматривается вопрос о ходе сражения, произошедшем в 338 г. до н. э. при беотийском городе Херонея. Актуальность данного вопроса связана с тем, что современные исследователи до сих пор не пришли к единому мнению по интерпретации этой эпохальной и переломной для Древнего мира битве.

Дискуссии ведутся о численности противоборствующих войск, их диспозиции, вооружении. Этому способствует скудность описания битвы в немногочисленных источниках, дошедших до наших дней, и их временна́я удалённость от самой битвы.

Сложность для исследователей представляет выявление географических объектов – рек и возвышенностей, упомянутых в источниках. Даже Плутарх, уроженец Херонеи, не даёт исчерпывающих данных. Ярким примером этого служат его слова о «могилах македонян», расположенных неподалеку от «дуба Александра», где перед битвой стояла его палатка (Plut. Alex. 9), а также рассуждения о реке Гемон (Plut. Dem. 20; Thes. 27).

На основании дошедших до нашего времени источников современные исследователи говорят о ходе сражения в общей форме следующим образом:

1. Афиняне стоят на левом фланге, беотийцы и Священный отряд на правом.
2. Македоняне наступают – Филипп с фалангой на правом фланге, Александр с конницей – на левом.
3. Фаланга Филиппа отступает «лицом» к неприятелю, чтобы «растянуть» строй греческой армии.
4. Афиняне устремляются за «отступающей» фалангой македонян; центр смещается влево, между Священным отрядом и центром образуется брешь.
5. Александр с конницей устремляется в эту брешь и уничтожает Священный отряд.
6. Филипп атакует крыло афинян и заставляет их бежать.

Мнения исследователей расходятся лишь в деталях, но основа, предоставленная источниками, остаётся неизменной.

В начале 1900-х гг. на предполагаемом месте сражения, независимо друг от друга, проводили свои исследования Й. Кромайер и Г. Сотириадес.

В 1903 г. вышла работа Й. Кромайера, в которой автор, опираясь на данные источников и результаты «полевых» исследований, подробно показывает и разъясняет предполагаемый ход сражения. Й. Кромайер определил левый фланг греческой армии «в области современных домов Капрейны», а правый – у западной оконечности горы Аконтион, на берегу реки Кефисс [Kromayer, 1903, S. 161], у холма, который считался могилой македонян [Pritchett, 1958, p. 308].

По мнению Й. Кромайера [Kromayer, 1903, S. 167], на «северном крыле битвы» отряд Александра столкнулся с фиванским отрядом. Сражение было упорным, но под македонским натиском фиванские воины отступили, а затем бежали с поля боя через перевал Керата. Позднее рядом с местом предполагаемого отступления фиванских воинов была установлена знаменитая статуя Льва. На другом фланге фаланга Филиппа «отступала» под напором афинян примерно 600 метров. Афиняне полагали, что победа уже в их руках, но в районе «башни» попали в ловушку между скалами и фалангой Филиппа. 1 000 афинских воинов погибла, 2 000 попало в плен. Бежавших с поля боя афинян Филипп преследовать не стал.

В 1902 г. Г. Сотириадес провёл археологические исследования двух холмов, расположенных на месте сражения. Первый – около западной оконечности горы Аконтион, второй – в 2,5 км к востоку от первого [Sotiriädes, 1903, S. 308]. Сам Г. Сотириадес признаётся, что был под впечатлением от книги Й. Кромайера и надеялся, что первый холм ока-

жется братским погребением македонян [Sotiriädes, 1903, S. 310]. Но находки из первого холма не дали ожидаемых результатов. Под вторым холмом обнаружилось пепелище огромного погребального костра и остатки предметов IV в. до н. э. Этот холм Г. Сотириадес и определил, как братскую могилу павших македонских воинов и местом самой кровопролитной части сражения. Им была опровергнута предложенная Й. Кромайером диспозиция войск противников перед началом сражения. Линию фронта греков Г. Сотириадес определил между обнаруженным им самим могильным холмом македонян на востоке и возвышенностью горы Турион, прикрывающей перевал Керата, на западе [Sotiriädes, 1903, S. 327]. В описании самого хода сражения Г. Сотириадес следует традиции античных авторов: Филипп маневрирует фалангой, чтобы дать Александру возможность подавить самую боеспособную часть войска антимакедонской коалиции [Sotiriädes, 1903, S. 329].

В 1926 г. вышла новая работа Й. Кромайера, в которой он пересмотрел свою первоначальную точку зрения относительно диспозиции противоборствующих сторон и хода битвы. На основании данных, полученных Г. Сотириадесом, Й. Кромайер предложил новую реконструкцию хода сражения. По мнению Й. Кромайера [Kromayer, Veith, 1926, S. 35], афинский контингент «прикрывал» перевал Керата, расположившись на восточных склонах горы Турион. Филипп при своём манёвре отошёл к западному склону, в район высоты 177. В это время Александр «опрокинул» фиванский контингент и зашёл в тыл «центра» союзной греческой армии, а затем и в тыл наступающих на Филиппа афинян. Афиняне были взяты в клещи с двух сторон. Победа македонян была полной.

В 1938 г. вышла работа Н. Хаммонда, в которой он указывает на недочёты в рассуждениях Й. Кромайера и Г. Сотириадеса о диспозиции противостоящих армий. Н. Хаммонд определяет левый греческий фланг у возвышенности 177, которая является оконечностью горного хребта Туриона, «отделяющего долину Керата от долины Ликуресси» [Pritchett, 1958, p. 309], а правый – у холма, идентифицированного как полиандрион македонян [Hammond, 1938, p. 206]. Такое положение греческих сил Н. Хаммонд объясняет оборонительной тактикой греков. По Н. Хаммонду сражение проходило в три фазы [Hammond, 1938, p. 212]. В упрощённом виде это выглядит так:

Фаза 1. Македоняне наступают; греки стоят на месте.

Фаза 2. Филипп отступает; его центр и левый фланг наступают; афиняне, центр и беотийцы наступают на левом фланге, но Священный отряд остаётся на месте.

Фаза 3. Александр прорывается в тыл, центры сходятся, и Филипп гонит афинское крыло в долину реки Гемон [Worthington, 2008, p. 148; 2013, p. 248; 2014, p. 87].

Но от дальнейшего преследования поверженного противника Филипп отказался. По словам Дж. Коуквелла, «Филипп-солдат сыграл свою роль. Пришло время для Филиппа – государственного деятеля» [Cawkwell, 1978, p. 149].

В настоящее время указанные работы являются основополагающими при описании сражения. Но противоречивыми являются определения трёх небольших рек между акрополем Херонеи и входом на перевал Керата, выходящих на равнину с юга [Hammond, 1938, p. 187]. Эти три потока – Гемон, Мориос и Молос – упоминает Плутарх (Dem. 19; Sull. 17, 4; 19, 5; Thes. 27), но данные современных исследований разнятся. Дж. Коуквелл [Cawkwell, 1978, p. 146] предположил, что русло реки Кефисс в IV в. до н. э. могло проходить в другом месте. Г. Сотириадес отмечает, что с древности уровень земли в южной части херонейской равнины, где разливаются зимние ручьи, стекающие между скалистым фундаментом горы Турион и городом Херонея, в районе статуи Льва поднялся на 2 м [Sotiriädes, 1903, S. 303]. Можно предположить, что и русла рек Гемон, Мориос и Молос в древности могли иметь другой вид и пролегать в других местах.

Н. Хаммонд указывает на то, что в описании битвы Й. Кромайером при манёвре Филиппа в греческих силах не произошло «разрыва», а конница Александра опрокинула крыло беотийцев, имевшее глубину строя в 50 человек [Hammond, 1938, p. 215]. Многие

исследователи не согласны с утверждением Й. Кромайера об удачной атаке македонской конницы на Священный отряд. Например, Р. Гебль считает ошибочным мнение о возможности конницы раздробить ряды фаланги [Gaebel, 2002, p. 151–152] и ставит под сомнение утверждение о том, что конница македонян врезалась в Священный отряд [Gaebel, 2002, p. 156]. По мнению У. Тарна, конница не могла сломать искусственную преграду из копий [Tarn, 1930, p. 62]. П.А. Рэй объясняет это поведением лошади – она не станет врываться в вооружённую массу людей, так как просто испугается [Rahe, 1981, p. 85].

По мнению М.М. Маркла III, Филипп II вооружил сариссой македонских всадников при использовании «клина» – тактикой атаки конницы на фалангу гоплитов [Markle, 1977, p. 339]. Накануне сражения при Херонее он вооружил сариссами конницу по примеру трибаллов и сформировал конницу клином по примеру фракийцев для лобового нападения на пехоту. И когда Плутарх говорил, что Священный отряд «стоял и встретил его (Филиппа) сариссы», он имел в виду сариссы македонской конницы [Markle, 1978, p. 491]. М.М. Маркл III пришёл к такому выводу, изучив дошедшие до нашего времени художественные изображения батальных сцен древности, в частности, сражений Александра Великого, на которых изображены всадники с длинными копьями. Пытаясь объяснить наличие сарисс у всадников конного отряда Александра, М.М. Маркл III отвергает мнение о вооружении сариссами фалангитов Филиппа [Markle, 1978, p. 488], мотивируя своё мнение условиями местности. Ю.Н. Борза склоняется в пользу этой версии М.М. Маркла III [Borza, 1990, p. 225]. Однако П.А. Рэй считает, что утверждениям Маркла III необходима повторная проверка [Rahe, 1981, p. 85], хотя и не исключает того, что Филипп вооружил сариссой своих всадников [Rahe, 1981, p. 86]. Вывод Р. Гебля об использовании сариссы македонскими всадниками совершенно отличается от заключения М.М. Маркла. Р. Гебль считает, что копьё македонского всадника было длиннее, чем копьё греческого пехотинца, но короче, чем македонская сарисса [Gaebel, 2002, p. 168].

Й. Кромайер, изменив своё мнение относительно диспозиции войск, остался непреклонен в том, что фаланга Филиппа отступала 600 м «лицом» к неприятелю. Свои доводы он привёл ранее [Kromayer, 1905, S. 20], и со временем его точка зрения не изменилась. Он предполагает, что такое отступление на плацу могло бы составлять 100 м через две или три минуты, но в условиях сражения – в десять или двадцать раз дольше, то есть на 100 м будет тратиться 20 или 30 минут [Hammond, 1938, p. 208]. Г. Дельбрюк назвал «чудовищной» идею такого отступления Филиппа, а также раскритиковал Й. Кромайера за попытку научного обоснования такого манёвра [Delbrück, 1920, S. 174]. Но Й. Кромайер ссылается на Полиэна (Polyaen. IV. 2. 2, 7) и, отвечая на критику Г. Дельбрюка, указывает, что такое отступление фаланги под напором неприятеля возможно, если оно происходит медленно [Kromayer, Veith, 1926, S. 36]. Н. Хаммонд, рассматривая вопрос «отступления» Филиппа, указывает, что в реконструкции Й. Кромайера время этого манёвра Филиппа должно составлять более двух-трёх часов. Но в своей новой версии хода битвы в работе 1926 г. Й. Кромайер не заостряет на этом внимания. Н. Хаммонд приходит к выводу, что Филипп не мог отступить далеко, поскольку темп отступления вследствие афинского натиска должен был быть медленным. Манёвр длился около 30 минут, за которые, если вычислять по системе Й. Кромайера, отступление составило приблизительно 150 м [Hammond, 1938, p. 208].

Самым кровопролитным местом в битве считается область вокруг холма, покрывавшего пепелище, идентифицированного как полиандрион павших македонян благодаря открытию Г. Сотириадеса. Размер пепелища – 10 м в диаметре и 0,75 м высотой [Sotiriädes, 1903, S. 138] – указывает на костёр очень большого размера. Здесь следует вспомнить об обычае греков погребать погибших солдат, в частности, кремировать погибших воинов на поле боя и отправлять прах на родину [Pritchett, 1985, p. 250]. По словам А. Ханиотиса [Chaniotis, 2005, p. 162], «любой военный лидер, одержавший победу или потерпевший поражение, должен был похоронить своих павших солдат. Неписанные

обычаи войны обязывали армию победителей дать противнику возможность похоронить своих павших, и отказ в этом рассматривался и как ужасное высокомерие, и как страшное наказание для мёртвых. За поведением любого лица – военачальника, благотворителя или царя – в отношении соблюдения этого обычая тщательно следили, и оно служило критерием для характеристики его личности или для объяснения его мотивов». Македонский царь посчитал нужным первым протянуть руку к примирению с Афинами. Для этого Филипп решил воспользоваться услугами попавшего к нему в плен афинского оратора Демада, который и согласился доставить в Афины мирные предложения македонского царя [Холод, 2002, с. 103; 2003, с. 191]. Филипп дал согласие кремировать павших афинских воинов и отправить их прах в Афины [Hammond, 1938, p. 208; Pritchett, 1985, p. 222; Sotiriädes, 1903, S. 311], а также отпустить пленных афинян без выкупа.

Посольство Филиппа в Афины, вероятнее всего, длилось несколько дней, и именно в это время тела павших афинян были кремированы. Вот здесь и возникает вопрос о принадлежности погребального костра. По нашему мнению, Филипп мог использовать давний обычай греков в своих интересах. На Херонейской равнине больше не обнаружено ни одного погребального пепелища. Место, где был расположен полиандрион, называют «самым престижным» для погребения [Rzepka, 2018, p. 522]. Афины нужны были Филиппу в качестве союзника. Обнаруженный Сотириадесом погребальный костёр мог использоваться и для кремации павших македонян, и для кремации павших афинян.

Вопрос участия конницы в Херонейском сражении 338 г. до н. э. также остаётся открытым. Ввиду скудности дошедших до нашего времени источников, появилось предположение о «пехотном» сражении без серьёзного вмешательства конницы. П.А. Рэй считает решающую роль македонской конницы в битве маловероятной [Rahe, 1981, p. 87]. По мнению Дж. Баклера, македонские фалангиты под командованием Александра прорвали строй Священного отряда и других беотийцев [Buckler, 1990, p. 75–80; 2008, p. 257], а для манёвров конницы не было места [Buckler, 2003, p. 503]. Р. Гебль, говоря о командовании Александра пехотой, отводит коннице хоть и неизвестную, но явно вспомогательную роль [Gaebel, 2002, p. 168]. Но сторонники версии о командовании Александром пехотой в Херонейском сражении не указывают, в каком качестве Александр производил командование и какому роду войск относилась эта пехота. Также не учитывается тот факт, что если Александр находился в пешем строю, то он не мог покинуть его, чтобы не расстроить целостность построения.

«Тактика» византийского императора Льва VI (Sylloge Tacticorum. 94.3) [Chatzelis, Harris, 2017, p. 111] и слова Демосфена (Dem. 18. 216) стали основой для утверждения, что македонская конница не могла атаковать хорошо подготовленную греческую пехоту [Rzepka, 2018, p. 522] ввиду больших потерь в недавней битве с фиванскими воинами.

Но М.А. Сирс и К. Виллекс, опираясь на антропологический анализ М.А. Листон, утверждают, что македонская кавалерия не только участвовала в Херонейском сражении 338 г. до н. э., но и принимала непосредственное участие в уничтожении фиванского Священного отряда [Sears, Willekes, 2016, p. 1034]. М.А. Листон провела исследование сохранившихся до наших дней останков погибших воинов, обнаруженных под статуей Льва. По её мнению, раны на черепах указывают, что те, кто наносили их, располагались выше своих жертв, и удары приходились сверху вниз [Liston, 2019, p. 91].

Наша версия хода сражения представлена, исходя из данных исследователей, ранее занимавшихся этим вопросом. Мы поддерживаем предположение Дж. Ма о том, что беотийский контингент, включая Священный отряд, сражался на левом крыле греческой армии [Ma, 2008, p. 74]. Это можно объяснить тем, что на тот момент беотийцы были самой боеспособной единицей греков. И, следуя традиции Эпаминонда, они могли выступать ударным, левым крылом. Афинский контингент располагался на правом, почётном крыле. По словам Й. Уортингтона, афинянам пришлось отдать командование в руки фиванцев

[Worthington, 2008, p. 144; 2013, p. 245; 2014, p. 83]. Не исключено, что этот факт мог повлиять на расстановку сил греков.

По непонятным причинам практически всеми исследователями игнорируется тот факт, что в состав обеих противоборствующих армий входили воины из разных полисов, хотя об этом говорит Диодор (Diod. XVI. 86). Логичным будет предположить, что каждое государство составляло свой отдельный отряд, но под общим центральным руководством. Соответственно, действовать единым организмом, как показано в представленных выше работах, ни одна из армий не могла.

Правый фланг греков расположен на излучине реки Кефисс, примерно в 500 м северо-западнее обнаруженного Г. Сотириадесом полиандриона, а левый фланг – в районе возвышенности 177, являющейся оконечностью горного хребта Туриона, разделяющего долину Ликуресси и перевал Керата. Тактика греков носит оборонительный характер, и такое расположение греческих сил перекрывает равнину Херонеи от дальнейшего продвижения неприятеля вглубь Беотии и вдоль реки Кефисс и через перевал Керата. Фланговый обход греческого контингента неприятелем исключён ввиду условий местности.

Источники ничего не говорят об участии в битве конных отрядов противоборствующих сторон. Но присутствие конницы на поле боя – как греческой (Dem. 18. 237; Plut. Dem. 17), так и македонской (Diod. XVI. 85) – неоспоримо.

Конницей Филипп располагал с самого начала своего царствования (Front. Strat. IV. 1. 6), не упускал случая увеличить её численность (Diod. XVI. 14. 2; XVI. 35. 5; Just. VII. 6. 8–9), и, вероятно, постоянно использовал наравне с отрядами других родов войск (Dem. Phil. III. 49). Задачи конницы в армии Филиппа также были различны, и конница действовала в тесном взаимодействии с пехотой (Diod. XVI. 4. 5–6; Front. Strat. II. 8. 14). Конница Филиппа не сопутствовала пехоте, а имела одинаковое с ней значение [Delbrück, 1920, S. 173]. Греки использовали свою конницу в битвах с давних времён (о чём говорят многие древние авторы), и сражение при Херонее не могло стать исключением. Согласно «Тактикам» (Ael. Tact. VII. 4–5; XX. 1; Arr. Tact. 9. 2; Asclep. Tact. VII. 1), размещение конницы могло быть различным. По нашему мнению, конница греков располагалась перед рядами греческой армии, а конный отряд Александра располагался позади армии Филиппа, за строем пехоты центра.

В античности передача профессионального знания была преимущественно семейным делом, и воспитание будущего царя в значительной степени основывалось на том опыте, какой он приобретал, сопровождая своего отца и отцовских друзей в военных походах [Chaniotis, 2005, p. 61]. Мы считаем, что во время битвы Александр находился в непосредственной близости с отцом на правом, «царском» крыле армии Филиппа.

Центр армии Филиппа составляли отряды его союзников, основной задачей которых, по всей вероятности, было сдерживать центр греческой армии, обеспечивая тем самым выполнение задуманных Филиппом манёвров. Левое, «ударное» крыло армии Филиппа состояло из отборных и проверенных воинов, прошедших с Филиппом не одну битву. По нашему мнению, левое крыло имеет более глубокое построение, на манер фиванского строя. В отличие от фалангитов, воины этого крыла должны были иметь более лёгкое вооружение, позволяющее легко перемещаться. Не исключено, что на левом крыле присутствовали застрельщики – лучники и пращники.

Филипп хорошо знал военное дело греков и сам много лет воевал, а также «был хорошим психологом, знал слабые стороны греков и использовал их в своих стратегических интересах» [Kromayer, 1903, S. 152]. Можно с уверенностью говорить, что его тактика была неожиданностью для греков.

Армия Филиппа наступает всем фронтом. При «прямом» строе ощетинившейся копьями армии Филиппа греческая конница не могла нанести какого-либо урона. Наступление «косым» строем исключается, т. к. конница греков может совершать атаки с флангов и «прорвать» строй македонской армии.

Македонская армия подходит на такое расстояние, при котором конница греков не может напасть на фланг атакующего левого крыла македонян.

После сигнала левое крыло македонян вырывается вперёд, центр движется с прежней скоростью, а фаланга правого крыла останавливается, поднимает сариссы, совершает оборот и «отступает». Этот манёвр для македонской фаланги был легко осуществим, так как позднее, недалеко от города Пелий, отряд Александра выполнял более сложные манёвры (Arr. Anab. Alex. I, 6. 2–3), отлаженные благодаря многолетним усилиям Филиппа по обучению и тренировке македонского войска (Ael. Varia historia. XIV. 48; Arr. Anab. Alex. I. 6. 1; Polyaen. IV. 2. 1, 3, 10; Front. Strat. IV. 2. 4). Уловка Филиппа возымела своё психологическое действие – левое крыло греков, видя явное бегство фаланги Филиппа с поля боя, устремляется в атаку – погоню и отрывается от основного строя.

После того, как левое крыло македонян достигло противника на правом фланге греков, центр армии Филиппа также переходит на бег. Пройдя несколько десятков метров, фаланга Филиппа останавливается, делает оборот и атакует беотийцев с фронта. Наступает время атаки конного отряда Александра. Отряд Александра, ворвавшись в брешь, ударил беотийцев с фланга и тыла. Такую атаку с трёх сторон Филипп использовал в 358 г. до н. э. в войне с иллирийцами (Diod. XVI. 4). Часть конницы могла уйти в тыл центра и правого крыла греков.

На данное время ни один источник не указывает ни одного сражения Филиппа, в котором им использовалась бы атака конницы «клином». От Арриана мы узнаём об атаке «клина» гетайров Александра на персов под Гавгамелами (Arr. Anab. Alex. 3.14.2) [Перевалов, 2010, с. 238]. Но «Тактики» указывают, что в македонской коннице «клин» начал использоваться именно при Филиппе (Ael. Tact. XVIII. 4; Arr. Tact. 16. 6; Asclep. Tact. VII. 3), значит, Александр использовал уже апробированную его отцом, Филиппом II, тактику конного боя [Перевалов, 2010]. Анализ описания действий Александра в битве при Херонее (Diod. XVI. 86. 3) указывает на схожесть с описанием как конного «клина», так и «ромба» в «Тактиках» (Ael. Tact. XVIII. 3; Arr. Tact. 16. 4–5; 17. 1; Asclep. Tact. VII. 2–3, 5).

Левый фланг македонской армии «сминает» афинский контингент у реки Кефисс. По словам В. Притчетта, в рядах афинян присутствовали рабы, должники и лишенные гражданских прав [Pritchett, 1985, p. 146]. Возможно, это и сыграло роль в поражении и дальнейшем бегстве афинян, так как у таких людей не было достаточной мотивации для героической смерти.

В свою очередь, центр греков, деморализованный рывком вперёд левого крыла и атакой на правое крыло, принял на свои щиты копья македонского центра и постепенно начал сдавать свои позиции.

Сложно предположить действия конницы греков. Если она располагалась перед греческим строем, то могла оказать невольную помощь армии Филиппа. Испугавшись надвигающихся копий, лошади могли броситься в свои ряды, ища среди них защиты и, тем самым, нарушить построение греков.

Преследование и истребление македонской армией центра и правого крыла греков продолжалось до тех пор, пока фаланга Филиппа и часть конницы Александра уничтожали левое крыло греков. Когда с ним было покончено, Филипп дал сигнал остановить резню.

«Этот день был для всей Греции концом её славного господства и её издревле существовавшей свободы» (Just. IX. 3. 5) – Филипп, сын Аминты, царь маленькой Македонии, стал хозяином Греции.

Список литературы

1. Перевалов С.М. 2010. Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов. М., Памятники исторической мысли, 387.

2. Холод М.М. 2002. Демадов мир: к истории афинско-македонских отношений в IV в. до н. э. Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Под ред. проф. Э.Д. Фролова, Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ: 99–114.

3. Холод М.М. 2003. Тень Херонейского льва: утверждение македонского господства в Греции в 338 г. до н. э. Проблемы античной истории. Сборник научных статей к 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ: 185–218.

4. Borza E.N. 1990. In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedon. Princeton, N. J., XVII, 333.

5. Buckler J. 1990. «Χωρὶς ἱππεῖς. A Note on the Battle of Chaironeia in 338 B. C.» Teiresias 20, supp. 3, 75–80.

6. Buckler J. 2003. Aegean Greece in the Fourth Century B. C. Leiden, Brill, XI, 544.

7. Buckler J. 2008. Hans Beck, Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century BC. Cambridge, UK/New York, Cambridge University Press, XVIII, 309.

8. Cawkwell G. 1978. Philip of Macedon. London, Boston, Faber&Faber, 215.

9. Chaniotis A. 2005. War in the Hellenistic world: a social and cultural history. Ancient world at war. Oxford, Oxford (Eng.), XXIII, 308.

10. Chatzelis G., Harris J. 2017. A Tenth-Century Byzantine Military Manual: The Sylloge Tacticorum. London/New York, XII, 170.

11. Delbrück H. 1920. Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. Teil 1, Berlin, Verlag, 555.

12. Gaebel R.E. 2002. Cavalry Operations in the Ancient Greek World. Norman, OK, University of Oklahoma Press, XIV, 345.

13. Hammond N.G.L. 1938. The two battles of Chaeronea (338 B. C. and 86 B. C.). Klio. 31, 186–218.

14. Kromayer J. 1903. Antike Schlachtfelder in Griechenland 1: Von Epaminondas bis zum Eingreifen der Römer. Berlin, 678.

15. Kromayer J. 1905. Wahre Und Falsche Sachkritik. Historische Zeitschrift, Bd. 95, H. 1, Druck und Verlag von R. Oldenbourg, München und Berlin, 568.

16. Kromayer J., Veith G. 1926. Schlachten-Atlas zur antiken Kriegsgeschichte: 120 Karten auf 34 Tafeln; mit begleitendem Text (4. Lieferung, Griechische Abteilung 1): Von Marathon bis Chäronea. Leipzig, 633.

17. Liston M.A. 2019. Skeletal Evidence for the Impact of Battle on Soldiers and Non-Combatants. New Approaches to Greco-Roman Warfare. Malden, Mass., Wiley-Blackwell, 81–94.

18. Ma J. 2008. Chaironeia 338: Topographies of commemoration. The Journal of Hellenic Studies. 128, 72–91.

19. Markle III M.M. 1977. The Macedonian Sarissa, Spear, and Related Armor. American Journal of Archaeology. Vol. 81, No. 3, 323–339.

20. Markle III M.M. 1978. Use of the Sarissa by Philip and Alexander of Macedon. American Journal of Archaeology. Vol. 82, No. 4, 483–497.

21. Pritchett W.K. 1958. Observations on Chaironeia. American Journal of Archaeology. 62 (3), 307–311.

22. Pritchett W.K. 1985. The Greek State at War. Part IV. Berkeley – Los Angeles – London, University of California Press, 455.

23. Rahe P.A. 1981. The Annihilation of the Sacred Band at Chaeronea. American Journal of Archaeology. Vol. 85, No. 1, 84–87.

24. Rzepka J. 2018. The First Battles of the Chaeronea Campaign, 339/8 B. C. Greek, Roman, and Byzantine Studies. Vol 58, No 4, 516–522.

25. Sears M.A., Willekes C. 2016. Alexander's Cavalry Charge at Chaeronea, 338 B. C. The Journal of Military History. George C. Marshall Library, Virginia Military Institute, Lexington, VA. 80, 1017–1035.

26. Sotiriädes G. 1903. Das Schlachtfeld von Chäronea und der Grabhügel der Makedonen. Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung. 28, 301–330.

27. Tarn W.W. 1930. Hellenistic Military and Naval developments. New York, Biblo&Tannen Publishers, 170.

28. Worthington I. 2008. Philip II of Macedonia. New Haven/London, Yale University Press, XX, 303.

29. Worthington I. 2013. Demosthenes of Athens and the Fall of Classical Greece. Oxford, Oxford University Press, XXVIII, 382.

30. Worthington I. 2014. By the Spear: Philip II, Alexander the Great, and the Rise and Fall of the Macedonian Empire. Oxford, Oxford University Press, XXI, 388.

References

1. Perevalov S.M. 2010. Takticheskie traktaty Flavija Arriana: Takticheskoe iskusstvo; Dispozicija protiv alanov [Tactical Treatises by Flavius Arrian: Tactical Art; Disposition against the Alans]. Moscov, Pamjatniki istoricheskoj mysli, 387 (in Russian).

2. Holod M.M. 2002. Demadov mir: k istorii afinsko-makedonskih otnoshenij v IV v. do n. je. [Demad's world: on the history of Athenian-Macedonian relations in the IV century B. C.]. Mnemon. Issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira [Mnemon. Studies and publications on the history of the ancient world]. Pod red. prof. Je.D. Frolova, Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU: 99–114 (in Russian).

3. Holod M.M. 2003. Ten' Heronejskogo l'va: utverzhdenie makedonskogo gospodstva v Grecii v 338 g. do n.je. [Shadow of the Chaeronean Lion: Affirmation of Macedonian rule in Greece in 338 B. C.]. Problemy antichnoj istorii. Sbornik nauchnyh statej k 70-letiju so dnja rozhdenija prof. Je.D. Frolova [Problems of ancient history. Collection of scientific articles dedicated to the 70th birthday of prof. E.D. Frolov]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SpbGU: 185–218 (in Russian).

4. Borza E.N. 1990. In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedon. Princeton, N. J., XVII, 333.

5. Buckler J. 1990. «Χωρὶς ἱππεῖς. A Note on the Battle of Chaironeia in 338 B. C.» Teiresias 20, supp. 3, 75–80.

6. Buckler J. 2003. Aegean Greece in the Fourth Century B. C. Leiden, Brill, XI, 544.

7. Buckler J. 2008. Hans Beck, Central Greece and the Politics of Power in the Fourth Century BC. Cambridge, UK/New York, Cambridge University Press, XVIII, 309.

8. Cawkwell G. 1978. Philip of Macedon. London, Boston, Faber&Faber, 215.

9. Chaniotis A. 2005. War in the Hellenistic world: a social and cultural history. Ancient world at war. Oxford, Oxford (Eng.), XXIII, 308.

10. Chatzelis G., Harris J. 2017. A Tenth-Century Byzantine Military Manual: The Sylloge Tacticorum. London/New York, XII, 170.

11. Delbrück H. 1920. Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. Teil 1, Berlin, Verlag, 555.

12. Gaebel R.E. 2002. Cavalry Operations in the Ancient Greek World. Norman, OK, University of Oklahoma Press, XIV, 345.

13. Hammond N.G.L. 1938. The two battles of Chaeronea (338 B. C. and 86 B. C.). Klio. 31, 186–218.

14. Kromayer J. 1903. Antike Schlachtfelder in Griechenland 1: Von Epaminondas bis zum Eingreifen der Römer. Berlin, 678.

15. Kromayer J. 1905. Wahre Und Falsche Sachkritik. Historische Zeitschrift, Bd. 95, H. 1, Druck und Verlag von R. Oldenbourg, München und Berlin, 568.

16. Kromayer J., Veith G. 1926. Schlachten-Atlas zur antiken Kriegsgeschichte: 120 Karten auf 34 Tafeln; mit begleitendem Text (4. Lieferung, Griechische Abteilung 1): Von Marathon bis Chäronea. Leipzig, 633.

17. Liston M.A. 2019. Skeletal Evidence for the Impact of Battle on Soldiers and Non-Combatants. New Approaches to Greco-Roman Warfare. Malden, Mass., Wiley-Blackwell, 81–94.

18. Ma J. 2008. Chaironeia 338: Topographies of commemoration. The Journal of Hellenic Studies. 128, 72–91.

19. Markle III M.M. 1977. The Macedonian Sarissa, Spear, and Related Armor. American Journal of Archaeology. Vol. 81, No. 3, 323–339.

20. Markle III M.M. 1978. Use of the Sarissa by Philip and Alexander of Macedon. American Journal of Archaeology. Vol. 82, No. 4, 483–497.

21. Pritchett W.K. 1958. Observations on Chaironeia. American Journal of Archaeology. 62 (3), 307–311.

22. Pritchett W.K. 1985. The Greek State at War. Part IV. Berkeley – Los Angeles – London, University of California Press, 455.

23. Rahe P.A. 1981. The Annihilation of the Sacred Band at Chaeronea. American Journal of Archaeology. Vol. 85, No. 1, 84–87.

24. Rzepka J. 2018. The First Battles of the Chaeronea Campaign, 339/8 B. C. Greek, Roman, and Byzantine Studies. Vol 58, No 4, 516–522.

25. Sears M.A., Willekes C. 2016. Alexander's Cavalry Charge at Chaeronea, 338 B. C. The Journal of Military History. George C. Marshall Library, Virginia Military Institute, Lexington, VA. 80, 1017–1035.

26. Sotiriädes G. 1903. Das Schlachtfeld von Chäronea und der Grabhügel der Makedonen. Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung. 28, 301–330.

27. Tarn W.W. 1930. Hellenistic Military and Naval developments. New York, Biblo&Tannen Publishers, 170.

28. Worthington I. 2008. Philip II of Macedonia. New Haven/London, Yale University Press, XX, 303.

29. Worthington I. 2013. Demosthenes of Athens and the Fall of Classical Greece. Oxford, Oxford University Press, XXVIII, 382.

30. Worthington I. 2014. By the Spear: Philip II, Alexander the Great, and the Rise and Fall of the Macedonian Empire. Oxford, Oxford University Press, XXI, 388.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Новосильнов Андрей Сергеевич, аспирант кафедры истории древнего мира и классических языков Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Сивкина Наталья Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и классических языков Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrew S. Novosilnov, postgraduate student of the Department of the History of the Ancient World and Classical Languages of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Natalia Yu. Sivkina, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the History of the Ancient World and Classical Languages of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 94 (3)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-683-692

Апостол Павел в Иудее: последний визит

В.Н. Парфенов, Е.В. Литовченко
Саратовская православная духовная семинария,
Россия, 410028, г. Саратов, ул. Мичурина, 92;
Пензенская духовная семинария,
Россия, 440023, г. Пенза, ул. Перекоп, 4;
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: vparfenov@list.ru, Litovchenko@bsu.edu.ru

Аннотация. После ареста апостола в Иерусалиме Павел умело использовал свой статус римского гражданина и полученное в юности образование при защите перед судом синедриона и римского наместника. В отношении римского гражданства семьи апостола существует несколько версий, наиболее вероятной из которых считается предоставление ей такового в числе наиболее богатых и влиятельных жителей Тарса. Результатом судебного расследования было решение прокуратора Иудеи удовлетворить апелляцию Павла и отправить его в Рим на суд императора. Как для местной власти, так и для апостола это было оптимальным вариантом в сложившейся ситуации.

Ключевые слова: христианство, апостол Павел, римское гражданство, арест, суд, апелляция.

Для цитирования: Парфенов В.Н., Литовченко Е.В. 2020. Апостол Павел в Иудее: последний визит. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 683–692. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-683-692.

Apostle Paul in Judaea: the last vizit

Victor V. Parfenov, Elena V. Litovchenko
Saratov orthodox theological seminary,
92 Michurina St., Saratov, 410028, Russia;
Penza theological seminary,
4 Perekop St., Penza, 440023, Russia;
Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: vparfenov@list.ru, Litovchenko@bsu.edu.ru

Abstract. The article analyzes the history of the arrest of the Apostle Paul in Jerusalem and his detention in Judea. Paul skillfully used his status as a Roman citizen and his early education, both Greek and traditional religious, to defend himself before the Sanhedrin and the Roman Governor. There are several versions regarding the acquisition of Roman citizenship by the Apostle family, the most likely of which is the granting of Roman citizenship to them among the wealthiest and most influential residents of Tarsus, which was a common practice at the end of the Republic and later. The result of the judicial investigation was the decision of the Procurator of Judea to grant Paul's appeal and send him to Rome for trial by the Emperor. This was an optimal option for both the local authorities and the Apostle, since his release from custody or execution by the decision of the Procurator threatened the latter with unpredictable consequences. The trial of Paul by the Sanhedrin entailed certain death, due to the gravity of the charges against him of inciting sedition and blasphemy.

Keywords: Christianity, Apostle Paul, Roman citizenship, arrest, trial, appeal.

For citation: Parfjonov V.N., Litovchenko E.V. 2020. Apostle Paul in Judaea: the last vizit. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 683–692 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-683-692.

Внешняя сторона событий, связанных с визитом Павла в Иерусалим, его арестом, последующим препровождением в Кесарию Приморскую (где находилась резиденция прокуратора Иудеи), двухлетним заключением в ожидании суда, решением нового наместника отправить апостола в Рим знакома любому интересующемуся читателю из Деяний апостолов (автором этого произведения, вошедшего в канон Нового Завета, традиционно считается евангелист Лука). Однако мотивы поведения самого Павла, особенности его положения, связанные с двойным гражданством (Тарса и Рима), отношение римских должностных лиц к нему и его обвинителям, насколько нам известно, специальному анализу в отечественной научной литературе не подвергались.

Сложность данной проблемы определена уже характером источниковой базы. К примеру, в «Деяниях апостолов» «все хронологические маркеры относительны – абсолютные даты отсутствуют полностью» [Humphries, 2006, p. 126]. Таким образом, в отношении хронологии событий приходится обходиться предположениями. К примеру, еще В.В. Болотов полагал, что арест и заключение Павла в Палестине относятся к 56–58 гг., «осенью 58 г. (а не 60 или 61) отправлен был из Кесарии в Рим … и летом-осенью 62 г., может быть, уже скончался мученически» [Болотов, 1903, с. 65, прим. 13]. А. Робертсон относит прибытие Павла в Рим к 56 г. [Робертсон, 1959, с. 186, прим. 1], следовательно, арест апостола в Иерусалиме должен относиться самое позднее к 54 г. С. Баккиокки датирует это событие поздней весной 57 или 58 г. [Bacchiocchi, 1983, p. 18]. По мнению Б. Шоу, Павел был арестован, «видимо, около 58 г. (но, возможно, даже годом или двумя ранее)» [Show, 2015, p. 76]. Авторы статьи о Павле в «Энциклопедии античного христианства» прямо не датируют его депортацию в Рим, но из приведенной ими хронологии наместничества Феста в Иудее (58–62 гг.) вытекает, что она относится к 58 г. [Loi, Amata, 2014, p. 99]. В сущности, этот разнобой объясняется желанием или нежеланием авторов привязать казнь Павла к хорошо известному событию – Великому пожару Рима в 64 г. и последовавшему за ним гонению Нерона на христиан. Поэтому вопрос приходится оставить открытым, хотя в современной науке отмечено, что связь смерти Павла с гонением Нерона представляется сомнительной [Clarke, 2008, p. 870].

Как хорошо известно, из затруднительных ситуаций Павла выручало римское гражданство (Деян. 16:37–39; 22:25–29). Естественно, возникает вопрос, каким образом этот «еврейский интеллектуал и палаточный мастер» [Rüpke, 2018, p. 324] стал римским гражданином по праву рождения, что он с гордостью подчеркнул в разговоре с военным трибуном (χιλίαρχος) Клавдием Лисием, командиром римского гарнизона в Иерусалиме (Деян. 22:27–28).

Статус римского гражданина в I в. н. э. еще значил немало, не случайно тот же начальник гарнизона, судя по имени, этнический грек, подчеркнул, что купил это гражданство «за большие деньги» (πολλοῦ κεφαλαίου). В частности, что было особенно важно в данном случае, римское гражданство предполагало освобождение от телесных наказаний, пыток, наиболее позорных и мучительных видов казни в случае смертного приговора [Mommsen, 1899, 921; Adams, 2008, p. 313 f.] [1].

Примечательно, однако, что, как отметил В. Маротта, Павел, по его собственным словам, трижды подвергался бичеванию (2 Кор. 11:23–25), и это без учета того, что он претерпел от рук иудеев. Здесь следует отметить, что этот вид наказания практиковался

[1] «Римское гражданство в античном мире было желанным сокровищем, обеспечивавшим его обладателю многочисленные права и привилегии, которые были недостижимы для типичного провинциала» [Adams, 2008, p. 326].

именно римлянами (Деян. 16:22–23). По мнению исследователя, «эти факты вовсе не доказывают, что у Павла не было гражданства, они лишь подтверждают, насколько сложным было отстаивание им своих прав» [Marotta, 2015, p. 250].

Однако тот же автор обоснованно указывает, что во время инцидента в Филиппах, городе, который имел статус римской колонии, Павлу, который вспоминает об этом в послании фессалоникийцам (1 Фес. 2:2) стоило, как и его компаньону, вовремя заявить о своем статусе *civis Romanus*, чтобы избежать физического насилия со стороны местных властей, но оба они сделали это только *post eventum* [Marotta, 2015, p. 250, n. 15].

Действительно, своевременного заявления о недопустимости наказания римского гражданина без соответствующего судебного приговора было бы достаточно, чтобы не допустить избиения. Это подтверждается как поведением магистратов Филипп, узнавших о статусе Павла и Силы (Деян. 16:37–39), так и реакцией римских офицеров (центуриона и военного трибуна) в Иерусалиме, собиравшихся «с пристрастием» допросить виновника смуты среди иудеев (Деян. 22:25–29). Собственно говоря, и приказ Клавдия Лисия бичевать Павла объясняется тем, что последний на греческом языке сообщил ему, что является иудеем и гражданином киликийского города Тарса (Деян. 21:37–39), а с провинциалами в подобных случаях явно не церемонились. Поэтому можно допустить, что нежелание Павла (хотя бы в некоторых случаях) вовремя произнести спасительное «*civis Romanus sum!*» объясняется особенностями его характера и желанием «пострадать за Христа» [2].

Интересный и психологически убедительный анализ поведения как Павла при его аресте в Иерусалиме, так и римских офицеров содержится в исследовании С. Адамса [Adams, 2008, p. 324 f.]. Основные его идеи таковы.

Ошибка римских офицеров, намеревавшихся бичевать Павла, вполне объяснима. Когда толпа в Иерусалиме намеревалась растерзать Павла и римские солдаты вырвали оратора из рук иудеев, обстоятельства подтверждали внутрииудейскую природу этого конфликта. Теоретически существовала возможность, что в Иерусалиме могли быть римские граждане из числа потомков иудейских пленников – после падения города, взятого сначала Помпеем (63 г. до н. э.), затем полководцем Антония Гаем Сосием (37 г. до н. э.), – получивших впоследствии свободу и ограниченные гражданские права в результате манумиссии. Но поскольку подобная возможность была крайне маловероятна, да и отношение иудеев к Риму было вполне однозначным, то, скорее всего, ни начальнику гарнизона, ни его подчиненным даже в голову не приходило, что в данном случае они могут иметь дело с римским гражданином.

Во-вторых, Павел представился командиру как иудей и гражданин Тарса. Офицер должен был, во всяком случае, полагать: если бы возмутитель спокойствия обладал римским гражданством, он бы признался в этом сразу или почти сразу после задержания. Объяснение того, что он в этом отношении не торопился, может заключаться в том, что он хотел оказаться вне пределов слышимости буйной, враждебно настроенной толпы иудеев, так как такое признание «нанесло бы серьезный ущерб его делу и подтвердило бы их наихудшие подозрения. Поэтому Павел мудро приберег свое римское гражданство до момента, когда оно могло принести ему наибольшую пользу и не ухудшило бы и без того напряженную ситуацию» [Adams, 2008, p. 324 f.] [3].

---

[2] Соответствующий душевный настрой Павла отмечен в Новом Завете (Деян. 21:11–14). Согласно Деяниям апостолов, после своего обращения в христианство «Павел стал столь ревностен в прокламировании имени Иисуса как Господа, что он постоянно привлекался к суду перед римскими властями различных провинций на основании того, что *de facto* он являлся нарушителем римского мира и порядка». При этом «нельзя сказать, что Павел когда-либо намеренно стремился к возбуждению беспорядков» [Cassidy, 2001, p. 129].

[3] Как отметил Б. Шоу, объявление в нужный момент о своем римском гражданстве было тактикой, которую Павел несколько раз с успехом использовал [Show, 2015, p. 76]. В. Маротта тоже отмечает: «Во время своих путешествий Павел для защиты собственной свободы и физического самочувствия от карательной власти полиции и судебных инстанций городов и провинций римского Востока не молчал,

Разумеется, римские власти в других городах были не настолько наивны, чтобы поверить Павлу на слово. Прецедентов, когда то или иное лицо делало ложное заявление о своем римском гражданстве, чтобы избежать наказания или хотя бы отсрочить его, к тому времени имелось столько, что император Клавдий распорядился в таких случаях предавать виновных смерти за Эсквилинскими воротами Рима (Suet. *Claud*. 25.3).

Поэтому Павел, безусловно, должен был доказать, что является римским гражданином, предъявив соответствующий документ. Что представлял собой этот документ, остается только догадываться. Это мог быть *diploma civitatis Romane*, «маленький диптих, удостоверяющий его рождение и регистрацию в качестве гражданина», или нечто подобное; точный ответ на этот вопрос при современном состоянии источников невозможен [Sherwin-White, 1973, p. 247 ff.; Adams, 2008, p. 326; Marotta, 2015, p. 249].

Что же касается происхождения римского гражданства «апостола язычников», то по этому поводу существуют различные мнения [4]. Понятно, что у Павла, бывшего римским гражданином по праву рождения, гражданства был удостоен его отец, дед или даже прадед, неизвестно только, за какие заслуги. Возможные варианты довольно многочисленны. Предполагается, что предки Павла имели какие-то политические или военные заслуги перед Римом в годы гражданской войны или сразу после нее. Далее, поскольку сам Павел вместе с семьей единоверцев занимался изготовлением палаток в Коринфе (Деян. 18:3), то есть как и они, был «палаточным мастером по профессии» (σκηνοποιὸς τῇ τέχνῃ), следовательно, ремесло это было наследственным и гражданство могло быть получено за поставки палаток римским войскам, расквартированным в Киликии или Сирии [Робертсон, 1959, с. 148]. Наименее вероятный вариант заключается в том, что юридическое положение Павла и его близких восходит к *manumissio,* то есть апостол был потомком отпущенного на волю раба [Marotta, 2015, p. 251 ff.].

Более тщательно разобраться в этом сюжете попытался С. Адамс. С его точки зрения, если учесть отношение иудеев к римлянам, маловероятно, что семья Павла приобрела гражданство в результате военной службы Риму. Можно отвергнуть и версию манумиссии – едва ли отец или дед Павла мог оказаться среди еврейских пленников после взятия римлянами Иерусалима в 63 или 37 г. до н. э., быть отпущенным на волю и вернуться в Тарс создавать семью.

Исследователь полагает: «Наиболее вероятно, что гражданством была награждена семья – полководцем или императором, вероятнее всего, Помпеем, – вследствие ее влиятельности или услуги, оказанной Риму» [Adams, 2008, p. 320]. В данном случае подразумевается кампания Помпея против пиратов в 67 г. до н. э. В обоснование своего предположения Адамс ссылается на мнение А.Н. Шервин-Уайта о том, что Цезарь и Август практиковали предоставление римского гражданства «наиболее богатым и влиятельным гражданам других национальностей» [Sherwin-White, 1973, p. 225 ff.].

когда было уместно и необходимо, о своем статусе римского гражданина; он, скорее, успешно эксплуатировал его, когда того требовали интересы его апостолата» [Marotta, 2015, p. 249 f.].

[4] Скептики вообще считают римское гражданство Павла выдумкой автора «Деяний апостолов», которая понадобилась, чтобы сделать Павла более приемлемым для язычников, а само произведение – более остросюжетным. Однако можно согласиться с С. Адамсом, что столь крайняя точка зрения несостоятельна, поскольку апелляция Павла к императорскому суду, защита перед трибуналом наместника и путешествие в Рим целиком зависят от его римского гражданства. Не доверять римскому гражданству Павла значит полностью не доверять всему нарративу, как и заявлениям автора в начале его труда (Лк. 1:1–4; Деян. 1:1). Современные библеисты считают Евангелие от Луки и Деяния апостолов двумя частями единого произведения, написанного одним автором [Adams, 2008. p. 315]. А. Робертсон, напротив, настроен крайне скептически: «На самом деле все эти речи сфабрикованы автором «Деяний». … Поскольку гл. 22–26 состоят в основном из этих речей, то их достоверность не выше достоверности занимательного исторического романа» [Робертсон, 1959, с. 181]. Этот гиперкритицизм, характерный для марксистской и протестантской историографии раннего христианства, едва ли можно в данном случае разделить: не доверять имеющимся источникам можно лишь при наличии очень веских оснований, а не спекулятивных заключений.

Но здесь неизбежно возникает еще один вопрос: насколько богаты и влиятельны были ближайшие родственники Павла по мужской линии? Если сам он, как видно из эпизода в Коринфе, обладал навыками квалифицированного ремесленника, то следует ли относить его семью к городской верхушке Тарса? Скорее всего, ответ должен быть положительным. Если семья владела крупной мастерской по изготовлению палаток, то она была достаточно состоятельной, чтобы желать дать Павлу греческое образование [Pitts, 2007, p. 90]. Интересно, что это образование, высокий уровень которого был отмечен даже скептически настроенным римским наместником (Деян. 26:24), будущий «апостол язычников» получил именно в Тарсе [Pitts, 2008, p. 19–50; 2014, p. 75–82; 2016, p. 43–67] [5].

Теперь мы подходим к неизбежному вопросу об отношении местных властей к Павлу и проповедуемому им учению об Иисусе Христе. Еще В.В. Болотов заметил: «Возмущения» иудеев против Павла в нескольких городах Азии и Европы – бесспорный факт; но еще вопрос, муниципальные власти не считали ли более виновными в этих στάσεις самих иудеев, чем Павла» [Болотов, 1903, с. 70, прим. 20].

В современной историографии мнения по этому поводу разделились. Так, Я. Энгберг отмечает, что на основе анализа имеющихся источников о деятельности апостола Павла можно заключить, что христиане встречали широкое (popular) сопротивление со стороны как иудеев, так и язычников. Более того, негативно к новому религиозному течению относились и «римские должностные лица с локальной (колониальной), региональной (провинциальной) и, возможно, даже общегосударственной (имперской) юрисдикцией. И, самое важное, своим читателям Павел не предоставляет такую конфронтацию как недоразумение; скорее, показано как само собой разумеющееся, что *властители мира сего* (*the leaders of this world*) время от времени препятствовали *избраннику Божию* (*Gods elect*) (курсив автора. – *В.П.*)» [Engberg, 2007, p. 142. Ср.: Lampe, 2015, p. 117, n. 20].

Признавая ценность этого наблюдения, следует оговориться: для того чтобы разобраться в сущности нового религиозного течения, римским властям потребовалось время, причем достаточно длительное [6]. Когда они разобрались, это стоило Павлу головы в буквальном смысле слова, поскольку в его миссионерской деятельности антиримский аспект при желании (и должной «экспертизе» со стороны ортодоксальных иудеев, его обвинителей) найти было вполне возможно [Elliott, 2004, p. 67–88; Ramsaran, 2004, p. 89–102; Wright Knust, 2004, 155–174, esp. 156; Price, 2004, 175–183, esp. 182 f.].

Но в первые десятилетия христианства, по мнению С. Баккиокки, отношение Рима к христианству было иным. Обычно считается, что римские императоры и администраторы до начала 60-х гг. I в. н. э. либо игнорировали христиан, либо относились к ним как к одной из иудейских сект. Автор полагает, что в действительности картина была несколько иной. С его точки зрения, римские власти достаточно рано поняли «базовое различие между политически ориентированным иудейским мессианистским движением и неполитической природой христианства», поэтому некоторое время относились к последнему достаточно терпимо [Bacchiocchi, 1983, p. 3]. Это, полагает исследователь, доказывается даже обозначением нового движения прилагательным Christianus с чисто латинским суффиксом -ian-; термин, по его мнению, возник в окружении Вителлия, наместника Сирии времен Тиберия, что подтверждает неплохую информированность римских властей в от-

[5] Согласно традиционной точке зрения, Павел учился в Иерусалиме [Асмус, 2009, с. 9; Loi, Amata, 2014, p. 99]. Однако его слова в речи перед иудеями у храма скорее свидетельствуют в пользу Тарса: Ἐγώ εἰμι ἀνὴρ Ἰουδαῖος, γεγεννημένος ἐν Ταρσῷ τῆς Κιλίκιας, ἀνατεθραμμένος δὲ ἐν τῇ πόλει ταύτῃ... (Деян. 22:3). Подробно этот вопрос рассмотрен в диссертации С. Питтса, который, в противоположность мнению многих исследователей, полагает, что традиционное греческое образование Павел получил в Тарсе, а в Иерусалим прибыл учиться иудейской мудрости у Гамалиила, что, впрочем, не исключает продолжения им там не завершенного на родине эллинистического обучения [Pitts, 2007, p. 89 ff., 155–157].

[6] С. Баккиокки доказывает, что *terminus post quem* – 62 г., предположительный год казни Павла [Bacchiocchi, 1983, p. 23]. Этим же годом, тоже предположительно, датировал казнь апостола еще В.В. Болотов [Болотов, 1903, с. 65, прим. 13; с. 69].

ношении возникшего религиозного течения [Bacchiocchi, 1983, p. 12] [7]. Соответственно, по мнению ученого, «сдерживая и ограничивая иудейские акции против христианства, римские власти покровительствовали экспансии последнего» [Bacchiocchi, 1983, p. 21].

Точка зрения эта, конечно, интересна, но спорна, виной чему может быть состояние источников. Если же исходить из имеющейся информации, то в лучшем случае речь может идти не о римской администрации вообще, а об отдельных, наиболее эрудированных в области восточных религий и дальновидных ее представителях, тогда как отношение центральной власти к христианам и христианству еще толком не определилось (за ненадобностью такого определения).

Додуматься до того, чтобы противопоставить христианство (в его, по сути дела, младенческом состоянии) иудаизму мог, допустим, тот же Сенека, антииудейские взгляды которого не были секретом (Augustin. *De civ. Dei*. VI.11); вероятно, мог спустя десятилетия император Домициан, тоже настроенный соответствующим образом (Suet. *Dom*. 12.2) [ср.: Bacchiocchi, 1983, p. 22; Парфенов, 2016, с. 180 сл.]. Как бы то ни было, дальнейшего развития такая политика не получила: до Миланского эдикта государство и общество должны были долго еще дозревать.

Но римским магистратам в массе своей эти различия во взглядах ортодоксальных иудеев и, как они полагали, иудейских же «сектантов» были тогда глубоко безразличны, лишь бы не нарушался общественный порядок на вверенной их надзору и попечению территории [8]. Подтверждается это историей суда над Павлом в Иудее и его последующей депортацией в Рим.

Согласно Деяниям апостолов, начальник иерусалимского гарнизона, вырвав Павла из рук иудейских фанатиков, намеревавшихся его растерзать, отправил виновника волнений в сопровождении сильного конвоя в резиденцию прокуратора Иудеи М. Антония Феста Кесарию Приморскую (Caesarea Maritima) [9]. Однако в сопроводительном письме военный трибун Лисий, в отличие от того, что утверждает Б. Шоу [Show, 2015, p. 76], не обвиняет Павла в возбуждении мятежных настроений. Напротив, если верить автору Деяний, начальник иерусалимского гарнизона указывает, что тот, по его мнению, не совершил ничего, заслуживающего сурового наказания: μηδὲν δὲ ἄξιον θανάτου ἢ δεσμῶν ἔχοντα ἔγκλημα (23:29).

Против Павла иудеи выдвинули обвинения политического и религиозного характера, озвученные перед трибуналом Феликса Тертуллом (Τέρτουλλος), официальным адвокатом Синедриона. Надо сказать, данный обладатель римского имени свое дело знал: оба вида обвинений угрожали Павлу смертью.

В *политическом отношении* «обвинение Павла в том, что он был «агитатором», возбуждающим мятежи, едва ли могло игнорироваться римскими должностными лицами, которые внимательно отслеживали сектантский националистический фермент, что будоражил иудейский мир в то время» [Bacchiocchi, 1983, p. 18].

В *отношении религиозном* Павла обвинили в попытке «осквернить храм» введением в него язычников, что влекло за собой, как об этом предупреждала надпись у входа, казнь виновных, причем в данном случае, как можно заключить по имеющейся информации (Ios. *Antt*. XV.11.5), санкции на нее римлян не требовалось.

---

[7] Кстати, В.В. Болотов подчеркивал, что термин «христиане» никак не мог выйти из иудейской среды: для иудеев единственно корректным обозначением этого движения было ἡ τῶν Ναζωραίων αἵρεσις [Болотов, 1903, с. 68, прим. 17].

[8] Даже если они знали, что «иудеи и христиане – это не совсем одно и то же» [Lampe, 2015, p. 117, n. 20].

[9] Этому предшествовала попытка представить его на суд синедриона, когда Павел, искусно используя разногласия между фарисеями и саддукеями, добился того, что часть фарисеев приняла его сторону; дело дошло до драки между теми и другими (πολλῆς δὲ γινομένης στάσεως), и начальник гарнизона приказал солдатам увести его в казарму (Деян. 23:6–10).

Полностью сознавая политическую сущность всего судебного дела, Павел в первую очередь приложил все усилия к опровержению обвинения в мятеже: «Линия защиты, принятая Павлом как перед иудейскими, так и перед римскими властями, заключалась в том, чтобы свести основания для его ареста исключительно к религиозным причинам…» [Bacchiocchi, 1983, p. 18 f., n. 49]. Надо сказать, это вполне удалось, причем не без снисходительного отношения к нему со стороны представителей римской администрации, которые должны были принять решение по его делу (царь Агриппа II, правнук Ирода Великого, в данном случае играл роль консультанта при новом прокураторе Фесте).

Основные доводы защиты Павла заключались в том, что он не совершил ничего дурного ни против иудейского закона, ни против храма, ни против императора (Деян. 25:8). В результате Фест приходит к выводу, что подсудимый действительно не виновен в чем-либо предосудительном (25:25–26). Созванное наместником совещание с участием Агриппы II, Береники и других компетентных лиц после речи Павла приходит к выводу, что «этот человек не совершил ничего, достойного смерти или уз» (26:31), а царь выразил Фесту свое мнение, что подсудимого следовало бы освободить, но это невозможно из-за его же собственной апелляции к императору (26:32).

С. Баккиокки делает далеко идущий вывод в отношении позиции римских официальных лиц по этому делу: «Никто из них, от трибуна Лисия до прокураторов Феликса, Феста и царя Агриппы, не принимал всерьез политическое обвинение в мятеже. Почему? Предположительно потому, что они достаточно знали о неполитической, мирной природе христианского мессианистского движения. … Живой интерес к христианскому учению у людей, подобных царю Агриппе, как и последовательное отклонение обвинения в мятеже и осквернении храма всеми вышеуказанными римскими должностными лицами, которые принимали участие в суде над Павлом в Палестине, подтверждает хорошее знакомство римлян с христианством и терпимость по отношению к нему» [Bacchiocchi, 1983, p. 19 f.].

Думается, автор преувеличивает здесь как интерес иудейской верхушки к новому религиозному течению, так и степень осведомленности о нем римских магистратов, которых, кроме личных интересов, должно было беспокоить прежде всего спокойствие вверенных им подданных. Признав недоказанными обвинения в адрес Павла, они исходили из формально-юридической стороны дела и в этом отношении были совершенно правы. Терпимость по отношению к христианству здесь совершенно ни при чем, поскольку оно как таковое если и могло их заинтересовать, то разве что в последнюю очередь.

В заключение можно задаться вопросом, насколько правомерной была отправка Павла в Рим? По мнению Брента Шоу, он оказался в столице империи лишь «потому, что таким было произвольное решение римского наместника в Иудее, который отправил его в Рим вместо того, чтобы казнить на месте» [Show, 2015, p. 78].

Едва ли с этим можно согласиться. С одной стороны, выдвинутые ортодоксальными иудеями против Павла обвинения, в первую очередь политические, были слишком серьезными, чтобы Фест взял на себя смелость освободить Павла – это могло быть чревато новой вспышкой массовых волнений на религиозной почве и доносом в Рим об освобождении государственного преступника [10]. С другой – казнь римского гражданина, да еще по столь «резонансному делу», могла вызвать нежелательные последствия для самого наместника [11].

Если учесть, что римские власти вообще остерегались предпринимать действия, способные затронуть религиозные чувства их столь беспокойных подданных, какими бы-

[10] Не случайно предшественник Феста отложил суд на неопределенный срок, оставив апостола в тюрьме, хотя и на льготных условиях, и едва ли дело здесь было только в коррумпированности Феликса, как старается уверить читателя автор Деяний (24:26).

[11] Брент Шоу полагает, что Павел мог воспользоваться своим правом апелляции к императору только с позволения наместника [Show, 2015, p. 77]. Однако делегирование императором своим наместникам сенаторского и тем более всаднического ранга права присуждать к смерти римского гражданина (*ius gladii*) надежно зафиксировано только со времени Адриана [Marotta, 2015, p. 257]. Так что в данном случае Фесту рисковать не стоило.

ли иудеи [Bacchiocchi, 1983, p. 19], то ответ Феста на Καίσαρα ἐπικαλοῦμαι Павла вполне можно признать адекватным сложившейся ситуации: Καίσαρα ἐπικέκλησαι, ἐπὶ Καίσαρα πορεύσῃ (Acta 25:11). Как отмечает тот же Б. Шоу, в интересах наместника было снять с себя ответственность за столь спорный случай [Show, 2015, p. 77].

Список литературы

1. Асмус В.Ф. 2009. Лекции по истории Церкви. М., Свято-Тихоновский богословский университет, 95.
2. Болотов В.В. 1903. Гонение на христиан при Нероне. Христианское чтение. 1: 56–75.
3. Парфенов В.Н. 2016. Долгое эхо Иудейской войны: Домициан и родственники Иисуса Христа «по плоти». Труды Саратовской православной духовной семинарии. Вып. X: 164–182.
4. Робертсон А. Происхождение христианства. Пер. с англ. М., 1959, 322.
5. Adams S.A. 2008. Paul the Roman Citizen: Roman Citizenship in the Ancient World and its Importance for Understanding Acts 22: 22–29. In: S.E. Porter (ed.). Paul: Jew, Greek, and Roman. Leiden, Brill, 309–326.
6. Bacchiocchi S. 1983. Rome and Christianity until A. D. 62. Andrews University Seminary Studies. Vol. 21. 1: 3–25.
7. Cassidy R.J. 2001. Christians and Roman Rule in the New Testament: new perspectives. New York, Crossing Publishing Company, 159.
8. Clarke G.W. 2008. The origin and spread of Christianity. In: Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. X. Cambridge, University Press: 848–872.
9. Elliott N. 2004. The Apostle Paul's Self-Presentation as Anti-Imperial Performance. In: R.A. Horsley (ed.). Paul and the Roman Imperial Order. Harrisburg – London – New York, Trinity Press International: 67–88.
10. Engberg J. 2007. Impulsore Chresto. Opposition to Christianity in the Roman Empire. Transl. by G. Carter. Frankfurt am Main, Peter Lang, 345.
11. Lampe P. 2015. Roman Christians under Nero (54–68 C. E.). In: A. Puig. I. Tàrrech, J.M.G. Barclay, J. Frey (eds.). The Last Years of Paul. Essays from the Tarragona Conference June 2013. Tübingen. Mohr – Siebeck: 111–130.
12. Loi V., Amata B. 2014. Paulus, apostle. I. The man and his evangelic work. Encyclopedia of Ancient Christianity. Vol. 3: 98–99.
13. Marotta V. 2015. St. Paul's Death. Roman Citizenship and *summa supplicia.* In: A. Puig. I. Tàrrech, J.M.G. Barclay, J. Frey (eds.). The Last Years of Paul. Essays from the Tarragona Conference June 2013. Tübingen. Mohr – Siebeck: 247–270.
14. Mommsen Th. 1899. Römisches Strafrecht. Leipzig, Duncker & Humblot, 1104.
15. Pitts A.W. 2007. Paul and Hellenistic Education: Assessing Early Literary, Rhetorical and Philosophical Influences. Diss. Hamilton (Ontario), McMaster Divinity College, 176.
16. Pitts A.W. 2008. Hellenistic Scools in Jerusalem and Paul's Rhetorical Education. In: S.E. Porter (ed.). Paul's World. Leiden, Brill: 19–50.
17. Pitts A.W. 2014. Tarsus or Jerusalem? A Syntactic Argument for Tarsus as the City of Paul's Youth in Acts 22:3. Filologia Neotestamentaria. Vol. 27: 75–82.
18. Pitts A.W. 2016. Paul in Tarsus. Historical Factors in Assessing Paul's Early Education. In: S.E. Porter, B. Dyer (eds.). Paul and Ancient Rhetoric: Theory and Practice in the Hellenistic Context. Cambridge, University Press: 43–67.
19. Porter S.E., Pitts A.W. 2008. Paul's Bible, his Education and his Access to the Scriptures of Israel. Journal of Greco-Roman Christianity and Judaism. Vol. 5: 99–41.
20. Price S.R.F. 2004. Response. In: Paul and the Roman Imperial Order. Harrisburg – London – New York, Trinity Press International: 175–183.
21. Ramsaran R.A. 2004. Resisting Imperial Domination and Influence: Paul's Apocaliptic Rhetoric in 1 Corinthians. In: Paul and the Roman Imperial Order. Harrisburg – London – New York, Trinity Press International: 89–102.
22. Rüpke J. 2018. Pantheon: a new history of Roman religion. Transl. by D.M.B. Richardson. Princeton – Oxford, Princeton University Press, 573.
23. Shaw B. 2015. The Myth of the Neronian Persecution. Journal of Roman Studies. Vol. 105: 73–100.

24. Sherwin-White A.N. 1973. The Roman Sitizenship. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, X, 486.
25. Wright Knust J. 2004. Paul and the Politic of Virtue and Vice. In: Paul and the Roman Imperial Order. Harrisburg – London – New York, Trinity Press International: 155–174.

References

1. Asmus V.F. 2009. Lektsii po istorii Tserkvi [Lectures on the history of the Church]. Moskwa, Svyato-Tikhonovskij bogoslovskij universitet, 95 (in Russian).
2. Bolotov V.V. 1903. Gonenie na christian pri Nerone [The persecution of Christians under Nero]. Christianskoje chtenie. 1: 56–75 (in Russian).
3. Parfjonov V.N. 2016: Dolgoe echo Iudeiskoi voiny: Domitsian i rodstvenniki Iisusa Christa «po ploti» [A long echo of the Jewish war: Domitian and the relatives of Jesus Christ «in the flesh»]. Trudy Saratovskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii. Vyp. X: 164–182 (in Russian).
4. Robertson A. 1959. Proiskhozhdenie christianstva [The Origins of Christianity]. Per. s angl. Moskwa, 322 (in Russian).
5. Adams S.A. 2008. Paul the Roman Citizen: Roman Citizenship in the Ancient World and its Importance for Understanding Acts 22: 22–29. In: S.E. Porter (ed.). Paul: Jew, Greek, and Roman. Leiden, Brill, 309–326.
6. Bacchiocchi S. 1983. Rome and Christianity until A. D. 62. Andrews University Seminary Studies. Vol. 21. 1: 3–25.
7. Cassidy R.J. 2001. Christians and Roman Rule in the New Testament: new perspectives. New York, Crossing Publishing Company, 159.
8. Clarke G.W. 2008. The origin and spread of Christianity. In: Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. X. Cambridge, University Press: 848–872.
9. Elliott N. 2004. The Apostle Paul's Self-Presentation as Anti-Imperial Performance. In: R.A. Horsley (ed.). Paul and the Roman Imperial Order. Harrisburg – London – New York, Trinity Press International: 67–88.
10. Engberg J. 2007. Impulsore Chresto. Opposition to Christianity in the Roman Empire. Transl. by G. Carter. Frankfurt am Main, Peter Lang, 345.
11. Lampe P. 2015. Roman Christians under Nero (54–68 C. E.). In: A. Puig. I. Tàrrech, J.M.G. Barclay, J. Frey (eds.). The Last Years of Paul. Essays from the Tarragona Conference June 2013. Tübingen. Mohr – Siebeck: 111–130.
12. Loi V., Amata B. 2014. Paulus, apostle. I. The man and his evangelic work. Encyclopedia of Ancient Christianity. Vol. 3: 98–99.
13. Marotta V. 2015. St. Paul's Death. Roman Citizenship and *summa supplicia.* In: A. Puig. I. Tàrrech, J.M.G. Barclay, J. Frey (eds.). The Last Years of Paul. Essays from the Tarragona Conference June 2013. Tübingen. Mohr – Siebeck: 247–270.
14. Mommsen Th. 1899. Römisches Strafrecht. Leipzig, Duncker & Humblot, 1104.
15. Pitts A.W. 2007. Paul and Hellenistic Education: Assessing Early Literary, Rhetorical and Philosophical Influences. Diss. Hamilton (Ontario), McMaster Divinity College, 176.
16. Pitts A.W. 2008. Hellenistic Scools in Jerusalem and Paul's Rhetorical Education. In: S.E. Porter (ed.). Paul's World. Leiden, Brill: 19–50.
17. Pitts A.W. 2014. Tarsus or Jerusalem? A Syntactic Argument for Tarsus as the City of Paul's Youth in Acts 22:3. Filologia Neotestamentaria. Vol. 27: 75–82.
18. Pitts A.W. 2016. Paul in Tarsus. Historical Factors in Assessing Paul's Early Education. In: S.E. Porter, B. Dyer (eds.). Paul and Ancient Rhetoric: Theory and Practice in the Hellenistic Context. Cambridge, University Press: 43–67.
19. Porter S.E., Pitts A.W. 2008. Paul's Bible, his Education and his Access to the Scriptures of Israel. Journal of Greco-Roman Christianity and Judaism. Vol. 5: 99–41.
20. Price S.R.F. 2004. Response. In: Paul and the Roman Imperial Order. Harrisburg – London – New York, Trinity Press International: 175–183.
21. Ramsaran R.A. 2004. Resisting Imperial Domination and Influence: Paul's Apocaliptic Rhetoric in 1 Corinthians. In: Paul and the Roman Imperial Order. Harrisburg – London – New York, Trinity Press International: 89–102.
22. Rüpke J. 2018. Pantheon: a new history of Roman religion. Transl. by D.M.B. Richardson. Princeton – Oxford, Princeton University Press, 573.

23. Shaw B. 2015. The Myth of the Neronian Persecution. Journal of Roman Studies. Vol. 105: 73–100.
24. Sherwin-White A.N. 1973. The Roman Sitizenship. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, X, 486.
25. Wright Knust J. 2004. Paul and the Politic of Virtue and Vice. In: Paul and the Roman Imperial Order. Harrisburg – London – New York, Trinity Press International: 155–174.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Парфенов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры церковной истории Саратовской православной духовной семинарии, г. Саратов; профессор кафедры церковной истории и философии Пензенской духовной семинарии, г. Пенза, Россия

Литовченко Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Victor V. Parfenov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Church History of the Saratov Orthodox Theological Seminary, Saratov; Professor of the Department of Church History and Philosophy of the Penza Theological Seminary, Penza, Russia

Elena V. Litovchenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 959.961
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-693-703

К вопросу о признаках подражаний поздним боспорским статерам

М.М. Чореф
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, ул. Гагарина, 23
E-mail: choref@yandex.ru

Аннотация. Наша цель – разработка методики выявления подражаний боспорским монетам позднейшего чекана. Проблема в том, что выпущенные тогда статеры были оформлены столь безыскусно, что подчас их крайне трудно отличить от реплик, отчеканенных непрофессиональными мастерами, лишь волей случая обратившихся к ремеслу фальшивомонетчика. Изображения царей и императоров на них примитивны и гротескны, а надписи подчас изобилуют ошибками. Полагаем, что есть только два критерия, пригодные для выделения позднейших официальных серий: массовость выпуска, для которой характерно использование множества связанных штемпелей, причем с применением не только вновь изготовленных, но и предыдущих лет эмиссии, а также использование эталонов для формовки чеканов. Идет речь о технологиях, применяемых тогда на государственных монетных дворах. Заметим, что фальшивомонетчикам для работы было достаточно лишь пары штемпелей, которые использовать до полного разрушения. Обосновываем этот тезис на примере небольшой группы статеров 631 г. б. э. Полагаем, что эти крайне небрежно оформленные монеты были отчеканены на государственных денежных дворах.

Ключевые слова: нумизматика, экономика, Боспор, статер, дифференты.

Для цитирования: Чореф М.М. 2020. К вопросу о признаках подражаний поздним боспорским статерам. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 693–703. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-693-703.

On the issue of signs of imitations of the late Bosporus staters

Michael M. Choref
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod,
23 Gagarin Avenue, Nizhnij Novgorod, 603950, Russia
E-mail: choref@yandex.ru

Abstract. Our goal is to develop a methodology for identifying imitations of the late coins of Bosporus coinage. The problem is that the staters released at that time were so naive that it is sometimes extremely difficult to distinguish them from replicas minted by unprofessional craftsmen who, by chance, turned to the counterfeiter's craft. Images of kings and emperors on them are primitive and grotesque, and the inscriptions are often replete with errors. We believe that there are only two criteria suitable for highlighting the latest official series: mass release, which is characterized by the use of many related stamps, using not only newly manufactured, but also previous years of issue, as well as the use of models for the production of stamps. We are talking about technologies used then at state mints. Note that counterfeiters needed only a couple of stamps to work, which they must use until they are completely destroyed. We substantiate this thesis on the example of a small group of staters of 631 BE. We believe that these extremely carelessly issued coins were minted at state mint.

Keywords: numismatics, economics, Bosporus, stater, differents.

For citation: Choref M.M. On the issue of signs of imitations of the late Bosporus staters. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 693–703 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-693-703.

Сравнительно недавно в соавторстве с крымским исследователем Д.В. Андриевским [Андриевский, Чореф, 2015, с. 91–94], мы подготовили предварительное сообщение о весьма интересной монете (рис. 1, *1*):

Л. с.: ΒΑϹΙΛΕΩϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙϹ. Бюст мужчины в диадеме, развернутый вправо. Пряди его длинных волос переданы как параллельные кривые линии. Правее подбородка и шеи размещен дифферент Ψ.

О. с.: AVX. Первая буква с косой соединяющей линией. Также на оборотной стороне монеты оттиснуто развернутое вправо изображение мужчины с короткими волосами, в лавровом венке с длинными лентами. Композиция обрамлена окружностью из крупных редких точек.

Монета отчеканена из бронзы. Ее диаметр – 2,0 см, а вес – 4,35 г.

Как видим, монета была отчеканена от имени «царя Рескупорида». Этому выводу не противоречит оформление реверса. На нем отчеканено изображение римского императора, выполненное в стиле, характерном для поздних монет Боспора. Что же касается легенды «AVX», то в ней есть все основания видеть обозначение даты выпуска по б. э.

И сразу же заметим, что оно весьма неординарное. Да, в «A» и в «X» есть все основания видеть символьные обозначения чисел – 1 и 500 соответственно. Однако «V» вред ли может быть истолкован как «υ» – 50 или «ν» – 400. Дело в том, что на античных, в т. ч. и на боспорских монетах легенды, как правило, составляли исключительно из прописных букв. Исключением являются только «ς». Но ее оттискивали только в том случае, если «Σ» была последней буквой в обозначении даты. Так что вместо «ν» должны были отчеканить «N» [Анохин, 2011; Фролова, 1997a; Фролова, 1997b]. Приходим к выводу, что изучаемая монета не могла быть отчеканена в 651 г. б. э.[12] (354/355 г. н.э.).

Далее, символ «X», входящий в состав «AVX», явно использовался для обозначения числа 500. Следовательно, у нас нет оснований полагать, что это буквосочетание включает прописную «V». Учитывая это обстоятельство, мы в свое время допустили, что этот символ является вертикально отраженной «Λ» [Андриевский, Чореф, 2015, с. 91]. Если это так, то из «AVX» получаем «AΛX», которое, в свою очередь, могло быть использовано для обозначения вполне допустимой даты – 631 г. б. э. (334/335 г. н. э.). Чему, повторимся, не противоречит оформление монеты. Определенно, она была выпущена на Боспоре, причем при ее последних государях. Полагаем, что изучаемую монету следует отнести к эмиссии последнего боспорского государя Рескупорида V (318/319–342/343).

Однако мы пока не считаем вопрос о датировании монеты исчерпанным. Дело в том, что администраторы сайта «Монеты Боспора», на базе которого создан наиболее полный каталог монет одноименного государства, за что мы их сердечно благодарим, заключили [13], что в «AVX» следует видеть «AKX». Мы эту точку зрения принять не можем. Дело в том, что символ «K» на боспорских монетах как этого года выпуска [Анохин, 2011, № 2171], так и более позднего чекана, прописывали куда отчетливее, так, чтобы все его элементы были различимы [Анохин, 2011, № 2168–2202; Фролова, 1997b, с. 337–371,

[12] Что, к слову, укладывается в концепцию датирования правления Рескупорида V, обоснованную Н.А. Фроловой, М.Г. Абрамзоном и их соавторами [Абрамзон, 2011; Абрамзон, Новичихин, Сапрыкина, Смекалова 2019; Абрамзон, Фролова, 2007–2008; Абрамзон, Фролова, Горлов, 2002; Фролова, 1997b, с. 131–138].

[13] Монета: 770-5138. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/ (дата обращения: 04.07.2020).

табл. XCIV, *24–30*, XCV–CXI, CXII, *1–4*]. В любом случае он всегда составлялся из двух наклонных, соприкасающихся в одной точке линий, и проходящей через нее вертикальной. Причем этот символ никогда не разворачивали на 90° по часовой стрелке так, чтобы его наклонные элементы напоминали «V» [Анохин, 2011, № 2168–2202; Фролова, 1997b, с. 337–371, табл. XCIV, *24–30*, XCV–CXI, CXII, *1–4*]. К слову, стандартно оформленная «K» размещена на аверсе изучаемой монеты (рис. 1, *1*). Так что на ее реверсе оттиснута именно «V». Причем концы гаст этой буквы, как будто бы древний резчик поставил перед собой цель снять вопрос ее атрибуции, обозначены точками (рис. 1, *1*).

Чем же еще интересна эта монета? Дело в том, что боспорские статеры 631 г. б. э. не были известны ни В.А. Анохину [Анохин, 2011], ни Н.А. Фроловой [Фролова, 1997b, с. 136, 371]. Правда, одну из таких монет изучил Д. Сестини. Но, к сожалению, ученый ограничился ее описанием и не привел даже рисунка [Sestini, 1831, p. 79, No. 21]. Судя по его краткому описанию, на лицевой стороне монеты выбито изображение боспорского царя, окруженное надписью «ΒΑϹΙΛΕΥϹ ΡΙϹΚΟΥΠΟ», а на оборотной различим бюст Константина I Великого (306–337) и обозначение даты «ΑΛΧ». По крайней мере, очевидно, что в написании даты на монете, известной Д. Сестини, не было ошибки. И, что крайне важно, ученый не выявил на ней дифференты [Sestini, 1831, p. 79, No. 21]. Так что у нас есть все основания заключить, что в 631 г. б. э. статеры чеканили по крайней мере в двух эмиссионных центрах, использующих две пары штемпелей [14] [Чореф, 2012b, с. 171–200; Чореф, 2014b, с. 456–487; Чореф, 2015, с. 279–299]. Первый, судя по отсутствию эмиссионных символов, работал в столице [Чореф, 2011, с. 254; Чореф, 2012a, с. 47–51; Чореф, 2012b, с. 177; Чореф, 2014a, с. 333]. Не удивительно, что на этой монете размещено верное обозначение даты. Второй же, использовавший дифферент Ψ, как мы полагаем, располагался на восточном берегу Боспорского пролива – в важнейшей резиденции боспорских государей со времен Рескупорида IV (242/243–253/254, 254/255–257/258, 261/262–267/268, 275/276–276/277 гг. н. э.) [15] [Чореф, 2012b, с. 187–195]. Но, как видим, в 631 г. б. э. этот эмиссионный центр не

[14] Вряд ли есть основания полагать, чтобы в одном и том же центре в один и тот же год в рамках одной эмиссии чеканили монеты с правильно размещенной и перевернутой цифрой в обозначении даты выпуска. Этот факт как нельзя лучше свидетельствует в пользу нашей трактовки дифферентов на боспорских монетах как эмиссионных символов – меток денежных дворов.

[15] К сожалению, наша точка зрения была поставлена под сомнение крымским историком В.В. Панченко. Он, как нельзя хуже зарекомендовав себя в качестве исследователя биографии Одената – речь идет о статье «Морской поход племен Северного Причерноморья 266 г. н. э. на Гераклею и ситуация на Боспоре» [Панченко, 2017, с. 52–62], на которую мы своевременно дали отзыв [Чореф, 2017, с. 46–55], счел возможным внести свой вклад и в изучение дифферентов на боспорских монетах [Панченко, 2020, с. 86–108]. Исследователь пришел к выводу, что Ψ «первоначально … являлся одним из символов правителей царства, причем вне зависимости от их происхождения» [Панченко, 2020, с. 98]. При этом он полагает, что Гигиэнонт (3-я четв. II в. до н. э.) не являлся Спартокидом [Молев, 2017, с. 79–80, 83]. Позже, в римский период, по мнению В.В. Панченко, этот знак «являлся символом правящей династии Тибериев Юлиев, а не правителей Боспора вообще». К первым он не относит Ининфимея (233/234–238/239), Фарсанза (253/254–254/255), Тейрана (266/267, 275/276–278/279) и Радамсадия (309/310–322/323) [Панченко, 2020, с. 98]. Однако, судя по официальным надписям, первый и третий государи были Тибериями Юлиями (КБН 36, 1249, 1250). В то же время неупомянутый исследователем Рескупорид V в текстах надписей (КБН 65, 66, 1112) не представлен как Тиберий Юлий. Это, однако, не дает нам оснований считать его узурпатором. Вполне возможно, что и его соправитель Радамсадий (КБН 66) также был представителем законной династии. Далее, знакам ираноязычных народов Северного Причерноморья и Таврики, в т. ч. и тем, которые использовали боспорские государи из династии Тибериев Юлиев, посвящена обширная литература. Отметим только классические труды Э.И. Соломоник [Соломоник, 1959] и С.А. Яценко [Яценко, 2001]. Важно то, что ученые не отнесли «трезубцы», аналогичные размещенным на боспорских монетах, к группе царских знаков. Напомним, что на упомянутых В.В. Панченко тамгах этих государей зубцы направлены не вверх, а вниз. Приходим к выводу, что трактовка этого дифферента, а, судя по характеру использования, он таковым и являлся, предложенная В.В. Панченко, столь же алогична и нелепа, как и его рассуждения в статье «Морской поход племен Северного Причерноморья 266 г. н. э. на Гераклею и ситуация на Боспоре» [Панченко, 2017, с. 52–62]. О крайне слабом уровне подготовки В.В. Панченко говорит и наличие в Summary его труда грубейших ошибок. Так, он привел вместо «Pharsanzes», «Ininthimeus», «Teiranes» и

был должным образом укомплектован высокопрофессиональными кадрами. Вследствие этого на его монетах вместо «AΛX» разместили «AVX».

Однако мы отдаем себе отчет в том, что наш вывод может быть поставлен под сомнение. Ведь, как уже было сказано выше, изображения на монете исполнены крайне примитивно, можно даже сказать – гротескно, а легенда аверса содержит ошибки. Так что есть определенные основания считать ее репликой. В таком случае предлагаемая датировка только по обозначению даты не выглядит убедительной. И вполне возможно, что изучаемая монета могла быть выпущена значительно позже, после прекращения эмиссии боспорских статеров [16]. Но мы с таким выводом не согласны. Попытаемся обосновать нашу точку зрения.

Ранее нами было подмечено [Андриевский, Чореф, 2015, с. 91], что написание «PHCKOYПOPIC» наряду с широко распространенным «PICKOYПOPIC» вполне допустимо для монет Рескупорида V. Основываемся на выводах Н.А. Фроловой [Фролова, 1997b, с. 323–372]. Остается лишь констатировать, что резчик штемпеля аверса не допустил ошибку в имени правителя.

Куда важнее то, что резчик штемпеля аверса не был должным образом подготовлен к своей профессиональной деятельности. Об этом свидетельствует неоправданно низкий рельеф как бы процарапанных, но в то же время оплывших букв легенды. Вместе с тем линии дифферента Ψ, размещенного правее изображения боспорского государя, прорезаны весьма аккуратно и ограничены точками (рис. 1, *1*). Столь же твердой рукой выполнен и портрет боспорского государя.

Вполне возможно, что над чеканом лицевой стороны этой монеты работало два мастера. Допускаем, что последний из них вырезал и штемпель для реверса. Судим по четкости линий букв и по сравнительно высокохудожественно исполненному, по боспорским меркам, конечно, бюсту императора.

Мы находим последнее обстоятельство весьма существенным. Ведь оно, как нам кажется, достаточно убедительно говорит о том, что монеты выпускала группа монетчиков, в разной степени подготовленных к выполнению поставленных им задач. Но вряд ли они могли трудиться в мастерской фальшивомонетчика. Ведь подобное разделение труда вряд ли имело смысл в условиях подпольного производства. Заключаем, что эти два мастера работали на государственном монетном дворе.

Попытаемся обосновать наше допущение. Ведь пока нам удалось изучить только одну монету этой разновидности. Но на данный момент их известно уже шесть экземпляров [17]. И, что крайне интересно, лицевые стороны этих монет были оформлены с помощью чекана, использовавшегося для эмиссии статеров 618 г. б. э. [18] (321/322 г. н. э.) [19]

«Rhadamsades» немыслимые «Farsanz», «Ininfimey», «Teyran» и «Radamsad». А фразу «Тиберии Юлии» он перевел не как «Tiberian-Julian dynasty», а как «Tiberii Yulii» [Панченко, 2020, с. 99]. Полагаем, что имеем дело с очередным студенческим «конспектом» В.В. Панченко [Панченко, 2017, с. 52], обильно разбавленным его нелепыми домыслами. Остается только посетовать крымским издателям, вынужденным публиковать, по-видимому, без какой бы то ни было проверки труды такого автора.

[16] Так, собственно, и полагают администраторы сайта «Монеты Боспора». См.: Монета 770-5138. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/ (дата обращения: 04.07.2020).

[17] Паспорт монеты: 770-5138-1. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/1.html (дата обращения: 04.07.2020); Паспорт монеты: 770-5138-3. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/3.html (дата обращения: 04.07.2020); Паспорт монеты: 770-5138-4. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/4.html (дата обращения: 04.07.2020); Паспорт монеты: 770-5138-2. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/2.html (дата обращения: 04.07.2020); Паспорт монеты: 770-5138-6. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/6.html (дата обращения: 04.07.2020).

[18] Изображение и описание этой монеты приведено на сайте «Монеты Боспора» См.: Паспорт монеты: 767-5153-1. URL: https://bosporan-kingdom.com/767-5153/1.html (дата обращения: 04.07.2020). Его же администраторы обратили внимание на сходство изображений боспорского государя на аверсе монет на рис. 1, *1*, *7*.

[19] Это обстоятельство было подмечено администраторами сайта «Монеты Боспора». Однако они пришли к выводу, что эта монета также является репликой. К сожалению, они не сочли нужным обосновать это заключение. Мы же, в свою очередь, полагаем, что эта монета – официального чекана. Ведь она

(рис. 1, *7*). Однако его немного модифицировали. Так, продольная гаста дифферента Ψ изначально была довольно длинной, так что ее края выступали за правую и левую поперечные составляющие (рис. 1, *7*). Но на изученной нами монете эти элементы соразмерны, а места их соприкосновения обозначены точками (рис. 1, *1*). Столь же примечательны и буквы легенды. Если на статере 618 г. б. э. они четкие, хорошо читаемые, то на изучаемой нами монете, как уже было сказано выше, они оплывшие и как бы процарапанные. Полагаем, что ранее использовавшийся штемпель был значительно изношен. И монетчики в 631 г. б. э. были вынуждены его подправить. Так что у нас есть все основания полагать, что эмиссионный центр, использовавший дифферент Ψ, работал непрерывно с 618 до 631 г. б. э. Ведь в ином случае штемпель аверса вряд ли бы сохранился.

Заметим, что форма буквы «V» на реверсе статеров на рис. 1, *1, 2* практически безукоризненна. Да, на монете на рис. 1, *5* ее левая и правая гасты не сочленены должным образом. Первая составляющая не пересекается со второй в нижней точке буквы. Но достаточно ли этого для того, чтобы видеть в этом символе именно «K»? Полагаем, что нет. Похоже, что мы имеем дело с очевидной и, скажем, вполне допустимой небрежностью резчика. В любом случае он не вырезал на штемпеле вертикальную линию. Следовательно, перед ним не ставили задачу разместить именно «K». Да и не ясно, что могло побудить резчика штемпеля развернуть эту букву на 90°. Приходим к выводу, что на оборотной стороне изучаемой нами монеты была отчеканена именно «V». Следовательно, ее выпустили в 631 г. б. э., т. е. в конце периода правления Рескупорида V. Это, заметим, не противоречит предлагаемому нами прочтению легенды аверса и трактовке изображений на лицевой и оборотной сторонах.

Но вернемся к ранее не изученным монетам (рис. 1, *2–6*). Для начала опишем их.

Л. с.: ΒΑϹΙΛΕΩϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙϹ. Бюст царя развернут вправо. У изображенного длинные волосы, их пряди переданы как параллельные кривые линии. Нижнюю и среднюю соединяет короткий штрих. Правее его подбородка и шеи размещен дифферент Ψ. Его формы не идеальны. Судя по оттиску, левая поперечная линия к моменту чеканки монеты была разрушена и прорезана заново. Эту работу выполнил неподготовленный мастер. Он разместил на штампе не прямую, а кривую линию.

О. с.: AVX. Первая буква с косой соединяющей линией. Левая гаста «V» сдвинута вверх и вправо. Так что она не соприкасается с правой составляющей этой буквы в нижней ее точке. Бюст мужчины в лавровом венке, развернутый вправо. Композиция вписана в окружность из крупных редких точек.

По-видимому, монета отчеканена из меди или бронзы. Судим по патине. К сожалению, на сайте «Монета Боспора» не указано, из какого металла или сплава она была изготовлена.

Монета в целом хорошей сохранности. Но на ее аверсе заметно повреждение, нанесенное острым твердым предметом. Возможно, что монету пытались сверлить. Диаметр ее неизвестен. Вес – 3,90 г. (рис. 1, *2*).

Л. с.: То же.
О. с.: То же.

выполнена в том же стиле, что и подлинные монеты Рескупорида V [Анохин, 2011, № 2154–2203; Фролова, 1997b, с. 323–372, табл. LXXXVI, *20–23*, LXXXVII–CXII]. Другое дело, что буквы легенды ее аверса выполнены в высоком рельефе. Полагаем, что монета была отчеканена вновь созданными штемпелями. А эмиссия 631 г. б. э. (334/335 г. н. э.) прошла с использованием изношенного и непрофессионально подрезанного штемпеля, на котором была к тому времени сильно изношена та часть поверхности, на которой была размещена легенда. Это, в свою очередь, также свидетельствует в пользу нашего допущения, что эмиссия изучаемых статеров прошла на государственных монетных дворах. В ином случае штемпели вряд ли бы так долго хранили, не используя для нужд производства.

Монета очень плохой сохранности. Так что трудно судить о том, что за штемпеля были использованы при ее изготовлении. Заметно только, что «V» на ее реверсе оформлена так же, как и на статере на рис. 1, *2*.

Монета плохой сохранности. Материал, диаметр и ее вес неизвестны (рис. 1, *3*).

Л. с.: То же. Надпись не читаема.

О. с.: То же. Судя по особенностям начертания «V», ее оборотную сторону оформили тем же чеканом, который использовался при изготовлении статеров на рис. 1, *2, 3*.

Монета плохой сохранности. Материал, диаметр и ее вес неизвестны (рис. 1, *4*).

Л. с.: ΒΑϹΙΛΕ…ΟΥΠΟΡΙϹ. Бюст царя развернут вправо. Пряди волос наложены внахлест. Во всем остальном изображения и легенда схожи с размещенными на лицевой стороне статера на рис. 1, *1*.

О. с.: То же. Полагаем, что ее оттиснули чеканом, задействованным при производстве статеров на рис. 1, *3, 4*. Судим по форме «V».

Монета хорошей сохранности. Материал, диаметр и ее вес неизвестны (рис. 1, *5*).

Л. с.: Надпись нечитаемая. Бюст царя вправо. У него короткие волосы.

О. с.: Различимы «V» и «A». Бюст императора вправо.

Монета плохой сохранности. Материал, диаметр и ее вес неизвестны (рис. 1, *6*).

Наше внимание к мелким деталям оформления отнюдь не случайно. Выявив их, мы можем выяснить, сколько пар штемпелей было задействовано для их производства. Осталось только выяснить, в каком порядке их использовали. Для этого изучим статер 618 г. б. э.

Л.с.: ΒΑϹΙΛΕΩϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙϹ. Буквы размещены неаккуратно, но они переданы четкими линиями. Бюст царя развернут вправо. У изображенного длинные волосы, их пряди переданы как параллельные кривые линии. Нижнюю и среднюю соединяет короткий штрих. Правее его подбородка и шеи размещен дифферент Ψ. Его продольная составляющая длиннее, чем нужно, и выступает за левую и правую гасты. Места соединения линий выделены точками.

О.с.: ΗΙΧ. Бюст мужчины в лавровом венке, развернутый вправо. Композиция вписана в окружность из крупных редких точек.

По-видимому, монета отчеканена из меди или бронзы. Судим по цвету окиси. К сожалению, на сайте «Монета Боспора» не указано, из какого металла или сплава она была изготовлена.

Монета хорошей сохранности. Диаметр и вес монеты неизвестны (рис. 1, *7*).

Учитывая вновь выявленные обстоятельства, полагаем, что первой была отчеканена монета на рис. 1, *2*. Судим по тому, что при ее производстве был использован слегка доработанный штемпель, который оставил оттиск на аверсе монеты 618 г. б. э. (рис. 1, *7*). Причем, интересно, что в процессе использования он был разрушен. Судим по повреждению дифферента Ψ (рис. 1, *2*). Что же касается чекана реверса, то он был изготовлен заново. Обозначим использованные при производстве этого статера штемпели как Obv1 и Rev1.

Полагаем, что позже был изготовлен чекан лицевой стороны, оставивший свой след на статере на рис. 1, *1*. Его сформовали с помощью патрицы, т. е. по той же технологии, что была использована в процессе чеканки статеров Фофорса (285/286–309/310) [Чореф, 2014, с. 323–365]. Причем штемпель лицевой стороны был в очередной раз доработан. Судим по тому, что у боспорского государя иная прическа – пряди переданы непересекающимися линиями. Для этой монеты был создан и новый штамп реверса. Он характерен

тем, что правая и левая гасты «V» сходятся в ее нижней точке (рис. 1, *1*). Обозначим используемые в процессе ее производства штемпели как Obv1a и Rev1a.

Трудно сказать, что за чеканы оставили оттиски на монетах на рис. 1, *3, 4*. Ведь они сильно пострадали от времени. Однако заметно, что длинные нижняя и средняя пряди волос боспорского государя соединены короткой черточкой. А «V» на их реверсе похожа на символ на монете на рис. 1, *2*. Допускаем, что при производстве этих монет использовали чеканы Obv1 и Rev1.

Куда лучше сохранился статер, фотография которого приведена на рис. 1, *5*. Видно, что пряди волос боспорского государя на его аверсе спутаны. В то же время размещенный на нем дифферент Ψ весьма похож на такой же знак на лицевой стороне монеты на рис. 1, *2*. Не менее интересен и реверс этой монеты. Он во всем похож на оборотную сторону статера на рис. 1, *2*, только точки «V» значительно крупнее. Заключаем, что статер на рис. 1, *5* был отчеканен доработанными чеканами, использовавшимися при производстве монеты на рис. 1, *2*. Обозначаем их как Obv1b и Rev1b.

Что же касается статера на рис. 1, *6*, то он сохранился довольно плохо. Однако заметно, что у боспорского государя на аверсе короткие волосы. А на реверсе «V» столь же пропорциональна, что и на рис. 1, *1*. Заключаем, что эту монету отчеканили штемпелями Obv2 и Rev1a.

Итак, у нас есть все основания полагать, что в процессе производства статеров 631 г. б. э. использовали четыре штемпеля аверса и три реверса.

Очевидно, что столь педантичное отношение к элементам монетного оформления не могло быть характерно для фальшивомонетчиков. Есть все основания полагать, что мастера, участвовавшие в производстве изучаемых нами монет, выполняли заказ, по-видимому, правительственный.

Но при этом, похоже, мастера допускали ошибки. С этой точки зрения довольно интересным фактом является появление бюста мужчины с короткими волосами на аверсе монеты на рис. 1, *6*. Дело в том, что Рескупорида V, как правило, изображали длинноволосым [Анохин, 2011, № 2154–2203; Фролова, 1997b, с. 323–372, табл. LXXXVI, *20–23*, LXXXVII–CXII]. Трудно судить по столь плохо сохранившейся монете, но все же считаем возможным допустить, что мастера по ошибке разместили на лицевой стороне монеты изображение правящего императора. Дело в том, что на монетах Боспора римского периода всегда изображали римских государей с короткими прическами. Заметим, что такого рода ошибки говорят о довольно низком уровне подготовки резчиков штемпелей, работавших в 631 г. б. э. на монетном дворе, пользовавшимся дифферентом Ψ.

Итак, что же мы получили? Доступные для изучения монеты были отчеканены в 631 г. б. э. на провинциальном монетном дворе, использовавшем дифферент Ψ. При этом были использованы связанные штемпели. Причем чеканы лицевой стороны были сформованы с помощью доработанного чекана, использовавшегося при выпуске статеров 618 г. б. э. тем же монетным двором. Похоже, что эмиссия была достаточно обильная. В результате последний из чеканов, созданный как разновидность штампа 618 г. б. э., был разрушен. Монетчики были вынуждены создать новый штемпель, оставивший свой оттиск на монете на рис. 1: 6.

Что же касается штампов реверса, то их прототип был изготовлен специально для организации эмиссии статеров 631 г. б. э. В дальнейшем его подрабатывали для продолжения выпуска монет этой серии. Есть все основания полагать, что он и его разновидности являются связывающими элементами, позволяющими воссоздать картину событий.

Выявленные обстоятельства как нельзя лучше и точнее свидетельствуют в пользу нашего тезиса. Об официальности эмиссии говорит не изящество оформления поздних боспорских монет – оно не наблюдалось, а технологичность процесса, свидетельствующая о стремлении к стандартизации, необходимой при массовом производстве платежных средств.

Рис. 1. Изучаемые статеры: *1–6* – 631 г. б. э.; *7* – 618 г. б. э.
Fig. 1. Studied staters: 1–6 – 631 Bosp. Era; 7 – 618 Bosp. Era

Список сокращений

КБН – Корпус боспорских надписей. М., Л.

Список литературы

1. Абрамзон М.Г. 2011. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. II. Клады из новых поступлений в Керченский историко-культурный заповедник (2009–2010 гг.). Симферополь, Керчь, АДЕФ-Украина (Боспорские исследования. Suppl. 2), 280.

2. Абрамзон М.Г., Новичихин А.М., Сапрыкина И.А., Смекалова Т.Н. 2019. Третий Гай-Кодзорский клад позднебоспорских статеров. М., Институт археологии РАН, 344.

3. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А. 2007–2008. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. 1. 1834–2005 гг. Симферополь; Керчь, АДЕФ-Украина (Боспорские исследования. Suppl. 2), 872.

4. Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. 2002. Клады античных монет на Юге России (по материалам Краснодарского края). М., Эдиториал УРСС, 592.

5. Андриевский Д.В., Чореф М.М. 2015. Вновь найденный боспорский статер 631 г. б. э. как исторический источник. В кн.: Коричко А.В. (отв. ред.). Актуальные проблемы фундаментальных и прикладных дисциплин и методик их преподавания: Материалы очно-заочного семинара (г. Нижневартовск, 26 декабря 2015 г.). Нижневартовск, НВГУ: 91–94.

6. Анохин В.А. 2011. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев, Стилос, 328.

7. Молев Е.А. 2017. Боспорские древности. Проблемы политической, социальной и культурной истории античного Боспора. Нижний Новгород, ННГУ, 339.

8. Монета: 770-5138. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/ (дата обращения: 04.07.2020).

9. Панченко В.В. 2017. Морской поход племен Северного Причерноморья 266 г. н. э. на Гераклею и ситуация на Боспоре. Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XXII (VII): 52–62.

10. Паспорт монеты: 767-5153-1. URL: https://bosporan-kingdom.com/767-5153/1.html (дата обращения: 04.07.2020).

11. Паспорт монеты: 770-5138-1. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/1.html (дата обращения: 04.07.2020).

12. Паспорт монеты: 770-5138-2. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/2.html (дата обращения: 04.07.2020).

13. Паспорт монеты: 770-5138-3. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/3.html (дата обращения: 04.07.2020).

14. Паспорт монеты: 770-5138-4. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/4.html (дата обращения: 04.07.2020).

15. Паспорт монеты: 770-5138-6. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/6.html (дата обращения: 04.07.2020).

16. Соломоник Э.И. 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, АН УССР. 180.

17. Струве В.В. (отв. ред.). Корпус боспорских надписей. М., Л., Наука. 951.

18. Фролова Н.А. 1997a. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. I. Монетное дело Боспора 49/48 гг. до н. э. – 210/211 гг. н. э. М., Эдиториал УРСС, 448.

19. Фролова Н.А. 1997b. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. II. Монетное дело Боспора 211– 341/342 гг. н. э. М., Эдиториал УРСС, 536.

20. Чореф М.М 2012b. «Non multa, sed multum», или дифференты на монетах боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник. Stratum plus. № 4: 171–200.

21. Чореф М.М. 2011. Территориально-административное устройство Боспорского царства при Фарнаке II по нумизматическим данным. В кн.: Петербургский апокриф. Послание от Марка. Кишинев, Высшая антропологическая школа: 247–259.

22. Чореф М.М. 2012a. «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II. Via in tempore. История. Политология. Т. 22. 7 (126): 44–59.

23. Чореф М.М. 2014a. Боспорское царство при Фофорсе: по данным нумизматики. Российский археологический ежегодник. 4: 323–365.

24. Чореф М.М. 2014b. К биографии Асандра: путь к престолу. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 6: 456–487.

25. Чореф М.М. 2015. Надчеканки на медных монетах боспорского архонта Асандра. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 7: 279–299.

26. Чореф М.М. 2017. Отзыв на статью В.В. Панченко «Морской поход племен Северного Причерноморья 266 г. н. э. на Гераклею и ситуация на Боспоре». В кн.: Солодкин Я.Г. (отв. ред.). Материалы и исследования по истории России. Вып. 2. Нижневартовск, НВГУ: 46–55.

27. Яценко С.А. 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. Москва, Восточная литература, 190.

28. Sestini D. 1831. Descrizione d’alcune medaglie greche del museo del signore barone Stanislao di Chaudoir. Firenze, Presso Guglielmo Piatti, 156.

References

1. Abramzon M.G. 2011. Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet [Corpus of the Bosporus treasures of antique coins]. Vol. II. Klady iz novykh postupleniy v Kerchenskiy istoriko-kul'turnyy zapovednik (2009–2010 gg.) [Treasures from New Acquisitions to the Kerch’s Historical and Cultural Reserve (2009–2010)]. Simferopol, Kerch, ADEF-Ukraina (Bosporos Studies. Suppl. 2), 280 (in Russian).

2. Abramzon M.G., Novichikhin A.M., Saprykina I.A., Smekalova T.N. 2019. Tretiy Gay-Kodzorskiy klad pozdnebosporskikh staterov [The Third hoard of late Bosporan staters from Gai-Kodzor site]. M., Institut arkheologii RAN, 344 (in Russian).

3. Abramzon M.G., Frolova N.A. 2007–2008. Korpus bosporskikh kladov antichnykh monet [Corpus of the Bosporus treasures of antique coins]. Vol. 1. 1834–2005 gg. [1834–2005]. Simferopol; Kerch, ADEF-Ukraina (Bosporos Studies. Suppl. 2), 872 (in Russian).

4. Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Yu.V. 2002. Klady antichnykh monet na Yuge Rossii (po materialam Krasnodarskogo kraya) [Treasures of antique coins in the south of Russia (based on materials from the Krasnodar Territory)]. M., Editorial URSS, 592 (in Russian).

5. Andriyevskiy D.V., Choref M.M. 2015. Vnov' naydennyy bosporskiy stater 631 g. b. e. kak istoricheskiy istochnik [The Newly Found Bosporus Stater 631 of bosporan era as a historical source]. In: Korichko A.V. (ed.). Aktual'nyye problemy fundamental'nykh i prikladnykh distsiplin i metodik ikh prepodavaniya: Materialy ochno-zaochnogo seminara (g. Nizhnevartovsk, 26 dekabrya 2015 g.) [Actual problems of fundamental and applied disciplines and methods of teaching them: Materials of a part-time seminar (Nizhnevartovsk, December 26, 2015)]. Nizhnevartovsk, NVGU: 91–94 (in Russian).

6. Anokhin V.A. 2011. Antichnyye monety Severnogo Prichernomor'ya [Antique coins of the Northern Black Sea region]. Kiyev, Stilos, 328 (in Russian).

7. Molev Ye.A. 2017. Bosporskiye drevnosti. Problemy politicheskoy, sotsial'noy i kul'turnoy istorii antichnogo Bospora [Bosporus antiquities. Problems of the political, social and cultural history of ancient Bosporus]. Nizhniy Novgorod, NNGU, 339 (in Russian).

8. Moneta: 770-5138. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/ (date of the application: 04.07.2020).

9. Panchenko V.V. 2017. Morskoy pokhod plemen Severnogo Prichernomor'ya 266 g. n. e. na Gerakleyu i situatsiya na Bospore [Sea voyage of the tribes of the Northern Black Sea region, 266 A. D. on Heraclea and the situation on the Bosporus]. In: Prichernomor'ye. Istoriya, politika, kul'tura [Black Sea Region. History, politics, culture]. Iss. XXII (VII): 52–62 (in Russian).

10. Pasport monety: 767-5153-1. URL: https://bosporan-kingdom.com/767-5153/1.html (date of the application: 04.07.2020).

11. Pasport monety: 770-5138-1. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/1.html (date of the application: 04.07.2020).

12. Pasport monety: 770-5138-2. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/2.html (date of the application: 04.07.2020).

13. Pasport monety: 770-5138-3. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/3.html (date of the application: 04.07.2020).

14. Pasport monety: 770-5138-4. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/4.html (date of the application: 04.07.2020).

15. Pasport monety: 770-5138-6. URL: https://bosporan-kingdom.com/770-5138/6.html (date of the application: 04.07.2020).

16. Solomonik E.I. 1959. Sarmatskiye znaki Severnogo Prichernomor'ya [Sarmatian signs of the Northern Black Sea region]. Kiyev, AN USSR. 180.

17. Struve V.V. (ed.). 1965. Korpus bosporskikh nadpisei [Corpus of Bosporan Inscriptions]. M., L, Nauka. 951 (in Russian).

18. Frolova N.A. 1997a. Monetnoye delo Bospora (seredina I v. do n. e. – seredina IV v. n. e.) [Bosporan Coinage (Middle of 1st Century B. C. – Middle of 4th Century A. D.)]. Pt. I. Monetnoye delo Bospora 49/48 gg. do n. e. – 210/211 gg. n. e. [Bosporan Coinage in 49/48 B. C. – 210/211 A. D.]. M., Editorial URSS, 448 (in Russian).

19. Frolova N.A. 1997b. Monetnoye delo Bospora (seredina I v. do n. e. – seredina IV v. n. e.) [Bosporan Coinage (Middle of 1st Century B. C. – Middle of 4th Century A. D.)]. Pt. II. Monetnoye delo Bospora 211–341/342 gg. n. e. [Bosporan Coinage in 211–341/342 A. D.]. M., Editorial URSS, 536 (in Russian).

20. Choref M.M. 2012b. «Non multa, sed multum», ili differenty na monetakh bosporskogo tsarstva perioda «skifskikh voyn» kak istoricheskiy istochnik [«Non multa, sed multum», or Differents on the Coins of the Bosporus Kingdom during the «Scythian Wars» as a Historical Source]. In: Stratum plus 4: 171–200 (in Russian).

21. Choref M.M. 2011. Territorial'no-administrativnoye ustroystvo Bosporskogo tsarstva pri Farnake II po numizmaticheskim dannym [Territorial-Administrative Structure of the Bosporus Kingdom under Pharnaces II, based on Numismatic Data]. In: Peterburgskiy apokrif. Poslaniye ot Marka [Saint-Petersburg Apocrypha. Epistle of Mark]. Kishinev, Vysshaya antropologicheskaya shkola: 247–259 (in Russian).

22. Choref M.M. 2012a. «Calamitas virtutis occasio», ili k istorii poslednikh let tsarstvovaniya Farnaka II [«Calamitas virtutis occasion», or the history of the last years of the reign of Pharnaces II]. In: Via in tempore. Istoriya. Politologiya [Via in tempore. History. Political science]. Vol. 22. 7 (126): 44–59 (in Russian).

23. Choref M.M. 2014a. Bosporskoye tsarstvo pri Foforse: po dannym numizmatiki [Bosporan Kingdom under Theothorses (on the basis of numismatic data)]. In: Rossiyskiy arkheologicheskiy ye-zhegodnik [Russian Archaeological Yearbook]. 4: 323–365. 23 (in Russian).

24. Choref M.M. 2014b. K biografii Asandra: put' k prestolu [To the biography of Asander: the path to the throne]. In: Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea region]. 6: 456–487 (in Russian).

25. Choref M.M. 2015. Nadchekanki na mednykh monetakh bosporskogo arkhonta Asandra [Countermarks on copper coins of the Bosporus archon Asander]. In: Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea region]. 7: 279–299 (in Russian).

26. Choref M.M. 2017. Otzyv na stat'yu V.V. Panchenko «Morskoy pokhod plemen Severnogo Prichernomor'ya 266 g. n. e. na Gerakleyu i situatsiya na Bospore» [Feedback on the article by V.V. Panchenko «Sea voyage of the tribes of the Northern Black Sea Region, 266 A. D. on Heracles and

the situation on the Bosporus»]. In: Solodkin Ya.G. (ed.). Materialy i issledovaniya po istorii Rossii [Materials and research on the history of Russia]. Iss. 2. Nizhnevartovsk, NVGU: 46–55 (in Russian).

27. Yatsenko S.A. 2001. Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya [Signs – tamgas of the Iranian-speaking peoples of antiquity and the early Middle Ages]. M., Vostochnaya literature, 190 (in Russian).

28. Sestini D. 1831. Descrizione d'alcune medaglie greche del museo del signore barone Stanislao di Chaudoir. Firenze, Presso Guglielmo Piatti, 156.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чореф Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail M. Choref, candidate of historical sciences, researcher at the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 94(495) + (363.6)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-704-713

Бунт гревтунгов во Фригии в 399–400 гг.: пример неудачной адаптации варваров в Восточной Римской империи

А.Д. Назаров
Уральский федеральный университет,
Россия, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: andrey.nazarov451@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются причины и характер восстания готов-гревтунгов во Фригии в 399–400 гг. Регулярные части из этих варваров были сформированы в 395–396 г. и отправлены на защиту Осроены от гуннов-хионитов. После окончания военных действий они были переведены обратно во Фригию, в которой проживали с 386 г. Следом гревтунги подняли мятеж, поводом к чему стал отказ препозита священной опочивальни Евтропия вознаградить варваров за боевые успехи. Это решение было воспринято готами как игнорирование заслуг, которое они предпочли компенсировать за счет грабежа городов и деревень в диоцезе Азия. Мигрировавшие в империю в 386 г. гревтунги были объединением воинов, идентичность которого основывалась на совместном участии в военных походах. Соответственно, многие проблемы, возникавшие перед ними, они пытались решать, используя грубую силу. Отдельного внимания заслуживает мотивация командира отряда гревтунгов Трибигильда. Несмотря на то, что этот военачальник находился в восточноримской армии на постоянной службе, он продолжал восприниматься рядовыми готами как вождь, который должен обеспечить справедливое распределение добычи. Трибигильд же рассматривал бунт против императора как способ сохранить авторитет в глазах своих сородичей и соратников.

Ключевые слова: Восточная Римская империя, Византия, византийская армия, готы, гревтунги, антропология насилия.

Благодарности: исследование проведено при поддержке РНФ, проект № 20-18-00240 «Этика войны в странах православной культуры: осмысление индивидуального опыта и реконструкция нормативной модели поведения».

Для цитирования: Назаров А.Д. 2020. Бунт гревтунгов во Фригии в 399–400 гг.: пример неудачной адаптации варваров в Восточной Римской империи. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 704–713. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-704-713.

The mutiny of Greuthungs in Phrygia, 399–400: an example of unsuccessful adaptation of barbarians in the East Roman Empire

Andrey D. Nazarov
Ural Federal University,
19 Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia
E-mail: andrey.nazarov451@gmail.com

Abstract. The article analyzes a character and reasons of the mutiny of Goths-Greuthungs in Phrygia in the years 399–400. Regular units of these barbarians were formed in 395–396 and sent to protect Osroene from the Huns-Chionites. After the end of the war, they were transferred back to Phrygia where Greuthungs had lived since 386. Afterwards, they revolted because of reject of the *praepositus sacri cubiculi* Eutropius to reward for the military success. Greuthungs perceived this decision as inobservance to their merits and chose to compensate for this by plundering towns and villages in the diocese Asia. Greuthungs which migrated to the Empire in 386 were a war band. Its identity based on common participation in warfare.

Accordingly, they tried to decide problems that arose before them using brute force. Special attention should be paid to the motivation of Tribigildus who was the commander of Greuthungs. Despite the fact that he served in the East Roman army on the regular basis, Tribigildus continued to be perceived by ordinary Goths as a leader who should ensure equitable distribution of booty. This commander considered mutiny against the East Roman emperor as a way to maintain authority among his relatives and associates.

Keywords: East Roman Empire, Byzantium, Byzantine army, Goths, Greuthungs, anthropology of violence.

Acknowledgments: the study was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00240 «Ethics of war in the countries of Orthodox culture: comprehension of individual experience and reconstruction of the normative model of behavior».

For citation: Nazarov A.D. 2020. The mutiny of Greuthungs in Phrygia, 399–400: an example of unsuccessful adaptation of barbarians in the East Roman Empire. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 704–713 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-704-713.

Варварские миграции конца IV–V в. поставили Римскую империю перед проблемой размещения переселенцев на своей территории, устранения или по меньшей мере минимизации угроз, исходивших от иммигрантов. Восточная Римская империя сумела сохранить свою государственность, что свидетельствует об эффективности ее политики интеграции варваров в ранневизантийское общество. Однако также известны примеры, когда она терпела неудачи в такого рода мероприятиях. К их числу относятся действия препозита священной опочивальни (*praepositus sacri cubiculi*) Евтропия в отношении гревтунгов, размещенных во Фригии. Следствием неудачных решений этого приближенного императора Аркадия стал бунт, поднятый германцами в 399 г.

Сведения о самом мятеже сохранились в поэме Клавдия Клавдиана «Против Евтропия», исторических сочинениях Филосторгия, Сократа Схоластика, Созомена, Евнапия Сардийского, Зосима. Также в этих источниках содержится информация о положении гревтунгов в обществе империи и о сформированных из их числа отрядах в составе восточноримской армии. Кроме того, необходимо обратиться к агиографическому сочинению, в котором повествуется о мученичествах Гурия, Самона и Авива, а также о чуде, приписанном упомянутым святым. В этом нарративном памятнике, созданном Феофилом Эдессянином, зафиксированы уникальные сведения об участии гревтунгов в боевых действиях против гуннов-хионитов в Северной Месопотамии в конце IV в. [20]

Следует отметить, что событиям 399–400 гг., когда против императора Аркадия один за другим восстали восточноримские военачальники готского происхождения Трибигильд и Гайна, посвящена обширная историография. Однако «Деяния эдесских исповедников Гурия, Самона и Авива» исследователи, обращавшиеся к этим сюжетам, прежде не привлекали [Вольфрам, 2003, с. 213–217; Albert, 1984; Liebeschuetz, 1990, p. 100–125; Heather, 1991, p. 207–208; Cameron, Long, 1993]. Кроме того, необходимо уточнить, какие причины вынудили гревтунгов поднять мятеж, учитывая характерные для древних германцев представления о власти. Проблема взаимоотношений этих иммигрантов с мирным населением восточных провинций империи также заслуживает более пристального внимания.

Значительная часть «Деяний эдесских исповедников Гурия, Самона и Авива» посвящена непосредственно сирийским мученикам, пострадавшим за христианскую веру при Диоклетиане (285–305) и Лицинии (308–324). Кроме того, как отмечалось ранее, в этом литературном памятнике идет речь о чуде Гурия, Самона и Авива. Представляется

[20] В ходе исследования были привлечены различные версии «Деяний эдесских исповедников Гурия, Самона и Авива», имеющие между собой незначительные расхождения: сирийский первоисточник (с оригинальным текстом и английским переводом Ф. Бёркитта), а также более поздние греческий и латинский переводы [Dobschütz, 1911; Burkitt, 1913; Chiesa, 1991]. См. также статью Е.Н. Мещерской о Гурии, Самоне и Авиве в «Православной энциклопедии» [Мещерская, 2006].

необходимым привести краткий пересказ этого сюжета. Итак, в 395–396 г. в Осроену вторглись гунны, угрожая Эдессе (совр. Урфа), вследствие чего на защиту города была отправлена армия, в которой находился отряд готов. Некий германец во время постоя в Эдессе потребовал у богатой вдовы Софии отдать ему в жены дочь Евфимию. После долгих уговоров она согласилась, но заставила варвара поклясться в верности Евфимии в церкви у могил Гурия, Самона и Авива. Гот, однако, умолчал о том, что уже состоял в браке. Между тем гунны отступили из Осроены, после чего варвары покинули Эдессу.

Вернувшись к сородичам, германец ввел в дом Евфимию как простую служанку, скрыв от семьи свою неверность. Впоследствии уроженка Эдессы родила от него сына, который был отравлен женой гота, догадавшейся об измене мужа. Вслед за этим Евфимия сама отравила ту женщину. За убийство сирийка была приговорена к смерти, однако ночь перед казнью она должна была провести в гробнице с покойной супругой гота. Благодаря молитвам к ней на помощь явились Гурий, Самон и Авив, которые перенесли девушку в Эдессу. Когда на Востоке началась новая война, гот вернулся в Осроену и при встрече с Софией и Евфимией сознался в своих злодеяниях. В конечном итоге варвар был передан византийским властям и казнен.

Н.В. Пигулевская отметила, что сведения о мученичествах Гурия, Самона и Авива имеют под собой историческую почву [Пигулевская, 2017, с. 138–139]. Значительная часть информации «Деяний эдесских исповедников…» о событиях конца IV столетия также основывается на реальных событиях. В частности, об участии «гетов» в боевых действиях против гуннов, опустошивших Закавказье, Каппадокию и Северную Месопотамию в 390-х гг., сообщал Клавдиан (Claud. In Ruf. I. 242–251). Согласно Филосторгию, в то время, когда Фракию разорили подунавские гунны, другие гунны, жившие к востоку от последних, ворвались через Каспийские ворота в Армению, а уже оттуда двинулись в Сирию (Philost. XI. 8).

О вторжении «кионайе» (ܟܝܢܝܐ) в Осроену в 395–396 г. упоминал сирийский писатель Псевдо-Иешу Стилит (Иешу, 9). Вероятно, речь шла о хионитах, господствовавшем в IV столетии в Трансоксиане и Бактрии союзе кочевых племен. В греческой версии «Деяний эдесских исповедников…» римляне противостояли «эфталитам, соседствующим с персами и живущим там, где восходит Солнце» (οἱ Ἐφταλῖται Περσῶν ὅμοροι καὶ πρὸς ἀνίσχοντα ἥλιον οἰκοῦντος) [Dobschütz, 1911, S. 151]. Употребление данного этнонима в повествовании о событиях конца IV в. является анахронизмом, поскольку держава эфталитов возникла в Центральной Азии только во 2-й пол. V в. [Golden, 1992, p. 79–81; Felix, 1992; Bivar, 2004]. Так или иначе, можно утверждать, что восточные провинции империи были атакованы не подунавскими гуннами, а хионитами. Последние же в IV в., вероятно, распространили свою власть на кочевников Северного Кавказа [ср.: Гадло, 1979, с. 18].

Н.А. Ганина полагает, что сообщение о захоронении Евфимии рядом с госпожой связано с распространившимися среди сирийцев слухами о подобного рода ритуальных практиках готов. Действительно, известен погребальный обряд восточных германцев, в соответствии с которым они хоронили слуг вместе с господином. Российская исследовательница к тому же высказала мнение, что сам образ варвара в «Деяниях эдесских исповедников…» отражал неприязнь к готам, которую испытывало большинство жителей Восточной Римской империи [Ганина, 2001, с. 135–136].

В данном агиографическом произведении упоминается, что безымянный гот, женившись на Евфимии, вернулся к своей семье, утаив измену от супруги. Достоверность такого сообщения весьма сомнительна. Представляется маловероятным, что зажиточная сирийка могла выдать свою дочь замуж не просто за чужака, но и к тому же за варвара, который едва ли мог уверенно изъясняться на греческом языке, не говоря уже о сирийском. К тому же гот не обладал ни значительными богатствами, ни даже сколь-нибудь весомым положением в римской военной иерархии. Таким образом, сюжет о женитьбе гота на уроженке Эдессы является плодом литературного вымысла, прологом к назидательной истории о последующем чудесном спасении сирийки и наказании варвара за вероломство.

Вымыслом также является сообщение о возвращении гота в Эдессу в связи с новой войной. После отражения набега хионитов в 395–396 г. крупные военные силы вновь были сосредоточены в Месопотамии только в 420–422 гг., когда Византия вела масштабные боевые действия против Ирана. Однако, как будет рассмотрено позднее, большая часть готов-гревтунгов была перебита в ходе подавления поднятого ими в 399 г. мятежа, а также во время разгрома восстания Гайны, к которому они примкнули позднее. Феофил Эдессянин упомянул, что при возвращении гота в Эдессу этому городу угрожали персы и гунны [Dobschütz, 1911, S. 186; Burkitt, 1913, p. 146; Chiesa, 1991, p. 251]. Вероятно, в данном случае сообщалось о нашествии, которому подверглась Осроена в 502 г. В начале VI столетия в византийскую часть Месопотамии вторглась персидская армия, которой командовал сам шаханшах Кавад I. В ней находились и эфталиты, с которыми иранский правитель тесно сотрудничал (Proc. BP. I. 7. 6; 8. 13).

А. Джоунз рассмотрел историю о Евфимии и готе в контексте проблемы взаимоотношений между мирными жителями и солдатами, размещавшимися у них на постое. По его словам, различные обиды и неудобства, доставляемые воинами гражданскому населению, были в позднеантичный период обычным явлением. При этом он отметил, что упомянутый в агиографическом сочинении гот вовсе не обязательно был варваром. Как полагал А. Джоунз, в данном случае речь шла о собирательном образе солдата в восприятии сирийцев [Jones, 1964, p. 632 and n. 54]. Д. Ли согласился с мнением А. Джоунза. Он добавил, что подобные случаи фактического многобрачия были широко распространены среди воинов, которые часто покидали своих законных жен по долгу службы, хотя, конечно, такие союзы были незаконны [Lee, 2007, p. 150–151].

Вместе с тем заслуживают упоминания сведения Псевдо-Иешу Стилита о размещении готов-федератов в Эдессе в 505–506 г. Сирийский писатель в гиперболизированной манере описал неприятности, которые доставили варвары горожанам (Иешу, 93–96). Не исключено, что осуждение готов за бесчинства, которые они учинили в годы правления Анастасия I (491–518), в «Деяниях эдесских исповедников…» было перенесено на германца, находившегося на службе Аркадия (395–408). Это позволяет предположить, что та часть агиографического сочинения, которая посвящена Евфимии и готу, была создана не ранее начала VI столетия. Аргументом в пользу такой гипотезы служит и присутствие этнонима «эфталиты», с которыми Византия впервые столкнулась во время войны против Персии 502–506 гг., в греческой версии этого литературного памятника. Феофил Эдессянин видел в готах исключительно источник проблем, чужаков, постоянно провоцирующих конфликты. Как следствие, в сюжете, посвященном событиям конца IV в., варвару так же была дана негативная характеристика. Таким образом, при создании «Деяний эдесских исповедников…» произошла контаминация двух разных сюжетов из истории позднеантичной Эдессы, которые разделяет почти целое столетие. Объединяет же их то, что они связаны с участием отрядов готов в кампаниях империи в Месопотамии.

Х. Вольфрам в этой связи отметил: «Если готы чувствовали, что римляне, среди которых они жили, ущемляли их права, то они брали дело в свои руки и поступали в соответствии со своими обычаями и привычками» [Вольфрам, 2003, с. 193 и прим. 103]. Идентичность многих варварских объединений периода Великого переселения народов основывалась на совместном участии в военных походах. Как подчеркивает Г. Берндт, «для них физическое насилие определило главный, даже фундаментальный фактор их существования». Более всего в такой среде ценились навыки владения оружием, с помощью которого бойцы могли не только защититься от врага, но и принудить побежденного к исполнению собственной воли [Berndt, 2017, p. 18–19]. Размещенные в Эдессе готы воспринимали ее обитателей не как подданных императора, которыми были и сами варвары, но как объект эксплуатации, конфликт с которым можно разрешить с помощью применения грубой силы [см. также: Козлов, 1973, с. 114–115].

Гот, взявший Евфимию в жены, по всей вероятности, числился в составе регулярного подразделения, состоявшего из гревтунгов. В источниках встречаются упоминания об этих германцах, живших близ Наколеи (совр. Сейитгази) во Фригии Невредимой (*Phrygia Salutaris*), провинции в составе диоцеза Азия (Philost. XI. 8; Zos. IV. 13. 2). В историографии депортация этих варваров на Восток связывается с сообщением ранневизантийского историка Зосима о разгроме гревтунгов под предводительством Одотея во Фракии в 386 г. (Zos. IV. 38–39. Cf.: Claud. In Eutrop. II. 582). Исследователями признается, что уцелевшие в том бою германцы были переселены во Фригию [Вольфрам, 2003, с. 214; Seeck, 1913, S. 306–307; Albert, 1984, S. 89–90; Cameron, Long, 1993, p. 112–113]. Согласно утверждению Ал. Кэмерона и Ж. Лонг, эти варвары имели статус *dediticii* («сдавшиеся») и были поселены в Малой Азии как колоны [Cameron, Long, 1993, p. 113].

Представляется вероятным, что именно эти гревтунги были задействованы в обороне Эдессы от хионитов. Перед кампанией против кочевников, как считали Ал. Кэмерон и Ж. Лонг, из их числа были сформированы регулярные подразделения [Cameron, Long, 1993, p. 115]. Командовал гревтунгами Трибигильд (Τριβιγίλδος, Τριγίβιλδος, Τιρβιγίλλος, *Tarbigilus*), который был назван в сочинении Сократа Схоластика трибуном (χιλίαρχος) (Socr. VI. 6) [Martindale, 1980, p. 1125–1126]. Однако, по словам Филосторгия, этот германец состоял в восточноримской армии, занимая должность комита (κόμητος) (Philost. XI. 8). Зосим же писал, что он возглавлял «алы варваров», тогда как Клавдиан именовал Трибигильда «гетским начальником ал дерзновенным» (Claud. In Eutrop. II. 176–177). Тем не менее тот же Клавдиан сообщал, что «легионом римским гревтунги (*Gruthungi*) были, коих покорили мы, коим дали законы, коим дали поля и дома» (Claud. In Eutrop. II. 576–577).

Как отметил Х. Вольфрам, они продемонстрировали свою эффективность в противостоянии с гуннами, славившимися своими конными лучниками. Это означает, что гревтунги находились в кавалерийских частях [Вольфрам, 2003, с. 214, прим. 214]. В *Notitia dignitatum* не указаны какие-либо подразделения, дислоцировавшиеся в диоцезе Азия, который управлялся проконсулом с гражданскими и военными полномочиями (ND. Or. XX) [21]. Удаленность этой административно-территориальной единицы от границ империи позволяла обходиться без размещения постоянных сил на ее территории. Варвары же, вероятно, первоначально занимались исключительно сельскохозяйственными работами и были в срочном порядке призваны в армию из-за угрозы гуннского вторжения.

Не вызывает сомнений, что гревтунги перед отправлением в Эдессу располагались на Востоке. Во Фракии их отряды находиться не могли. Передислокация сил с Европейского континента могла занять значительное время, тогда как неприятельская угроза требовала оперативного реагирования. По всей вероятности, отряды гревтунгов были переброшены в Осроену сразу после получения известий о вторжении хионитов в Закавказье. Кроме того, имевшиеся в распоряжении императора Аркадия резервы были весьма невелики. Наиболее боеспособные части Восточной империи в составе армии, возглавляемой его отцом Феодосием I, в 394 г. были отправлены в Италию против узурпатора Евгения и вернулись в Константинополь только в конце 395 г. (Zos. V. 7. 4–5). Передислокация на Восток отрядов, подчинявшихся военному магистру Фракии, также маловероятна, поскольку это могло ослабить систему обороны империи у нижнего течения Дуная.

В 399 г. гревтунги подняли мятеж, который возглавил Трибигильд. Придворный поэт западноримского императора Гонория Клавдиан писал, что причиной бунта был отказ препозита священной опочивальни Евтропия вознаградить германца (Claud. In Eutrop. II. 174–180). Конечно, принимая во внимание вражду между Стилихоном, регентом при Гонории, и Евтропием, к этим сведениям необходимо отнестись с осторожностью. Зосим

[21] К. Цукерман датировал восточный список *Notitia dignitatum* 401 г. [Zuckerman, 1998, p. 146–147]. М. Куликовски считает, что данная часть документа создана между 392 и 394 гг. [Kulikowski, 2000, p. 360]. А.-М. Кайзер недавно выдвинула версию о его составлении в 398–405 гг. [Kaiser, 2015, p. 245].

упомянул, что Трибигильд перед восстанием посетил Константинополь, где, вероятно, был принят Евтропием. Добиться желаемого во время этой аудиенции германец не сумел и, вернувшись во Фригию, со своими подчиненными начал разорять азиатские провинции империи, опустошив также Лидию, Памфилию и Писидию (Zos. V. 13. 3–4).

Против мятежников были отправлены войска во главе с презентальным магистром (*magister militum in praesenti*) Гайной, готом по происхождению. Созомен писал, что он состоял в родстве с Трибигильдом, вследствие чего варвары объединили свои силы для совместного наступления на Константинополь (Soz. VIII. 4. 2). Однако в действительности Гайна являлся выходцем из другой готской общности – тервингов-вестготов, он не мог быть сородичем Трибигильда [Jones, Martindale, Morris, 1971, p. 379–380]. О «варварском заговоре» писал и Зосим, который неприязненно относился к германским переселенцам. По его словам, Гайна даже не предпринимал попыток дать бой гревтунгам, а позднее и вовсе примкнул к мятежникам (Zos. V. 14–17) [см. также: Козлов, 1977, с. 52–57] [22]. Как сообщал Филосторгий, гревтунги понесли тяжелые потери в боях с исаврами (Philost. XI. 8). По всей видимости, германцы встретили отпор со стороны легионов *II* и *III Isaura*, возглавляемых дуксом Исаврии (ND. Or. XXIX. 7–8). Таким образом, при дальнейшем продвижении на восток варвары были атакованы в горных перевалах Тавра и отступили в Писидию.

Возможно, именно после этой неудачи Трибигильд начал переговоры с Гайной, который наступал на мятежников с запада, а затем поддержал восстание презентального магистра против Евтропия [23]. Впоследствии отряды гревтунгов захватили Лампсак (совр. Лапсеки) и через Геллеспонт (совр. Дарданеллы, Чанаккале) переправились во Фракию, где Трибигильд был убит. Гайна же, установив контроль над Вифинией, сумел добиться отставки Евтропия и других неугодных ему приближенных Аркадия. Однако позднее сторонники военачальника в Константинополе были перебиты самими горожанами. Во время погрома погибло несколько тысяч готов, проживавших в византийской столице. Гревтунги же были разбиты военным магистром Востока Фравиттой при попытке переправиться с Херсонеса Фракийского (совр. Галлиполи, Гелиболу) обратно в Азию (Philost. XI. 8; Eunap. fr. 75–76, ed. C. Müller; Zos. V. 18–21).

Х. Вольфрам, анализируя причины бунта Трибигильда, полагал, что германец стремился к захвату власти в Восточной Римской империи [Вольфрам, 2003, с. 214]. Г. Альберт, в свою очередь, утверждал, что гревтунги, которые были обычными колонами, добивались повышения своего статуса. Они желали обладать такими же правами, как и тервинги-вестготы под предводительством Алариха [24]. Что касается Трибигильда, этот военачальник стремился получить назначение на более значимую военную должность [Albert, 1984, S. 92–98]. Такую точку зрения поддержал и В. Либешютц [Liebeschuetz, 1990, p. 100–101].

Впрочем, вероятно, что Евтропий действительно не выдал германцам дары, причитавшиеся за победу над хионитами. Такое решение могло оказать негативное влияние на авторитет Трибигильда в глазах его сородичей. Безусловно, эти варвары находились в восточноримской армии на регулярной основе, получая жалование от самого государства. Тем не менее Трибигильд воспринимался гревтунгами не просто как командир, назначенный на этот пост императором или его представителями. В варварских объединениях пе-

[22] Сходная позиция по отношению к варварам на службе Аркадия была высказана Синесием Киренским в трактатах «О царстве» и «О провидении». Как считал Е.П. Глушанин, суждения этого позднеантичного автора были вовсе не реакцией на преобладание германцев в военных структурах, но выражением поддержки сословия куриалов [Глушанин, 1987, с. 20–21; Gluschanin, 1989, S. 244–245].

[23] Причины мятежа Гайны заслуживают отдельного рассмотрения. Первоначально он действовал в интересах префекта претория Востока Кесария, противостоявшего Евтропию. Однако позднее восточноримский военачальник готского происхождения решил действовать против могущественного препозита священной опочивальни самостоятельно [Глушанин, 1987, с. 23; Gluschanin, 1989, S. 248; Heather, 1991, p. 207; Cameron, Long, 1993, p. 201–228].

[24] См. также работы Х. Вольфрама и П. Хизера, в которых изучалось положение вестготов Алариха в Восточной Римской империи в 395–401 гг. [Вольфрам, 2003, с. 204–212; Heather, 1991, p. 204–208].

риода Великого переселения народов военные лидеры должны были обеспечить распределение добычи среди подчинявшихся им соратников, чтобы добиться их верности [Berndt, 2017, p. 21. Ср.: Dick, 2008, S. 196–202].

Трибигильд же не сумел убедить Евтропия выплатить достойное вознаграждение себе и своим подчиненным, вследствие чего предстал перед гревтунгами в невыгодном свете. Учитывая ранее проанализированные представления древних германцев о насилии, мятеж против императора, как и грабежи мирных жителей, были в представлении гревтунгов вполне приемлемым способом решения возникшей проблемы. При этом для варваров своеобразной «компенсацией» за неполученные донативы стало имущество горожан и крестьян Фригии, Лидии, Памфилии, Писидии.

Восстание позволило Трибигильду сохранить право оставаться лидером гревтунгов. По всей видимости, он не был выходцем из среды римской служилой знати и получил назначение на командный пост только при формировании подразделений из обитавших во Фригии дедитициев. Восточноримские власти видели в нем лицо, которое должно было осуществлять функции посредника между ними и рядовыми бойцами. Однако Трибигильд ориентировался не на демонстрацию лояльности императору как гарантию будущего карьерного роста, но на поиск поддержки среди других варваров, с которыми он был связан узами родства или боевого товарищества.

По сути, Трибигильд был «полевым командиром», то есть являлся политическим лидером, чья власть не имела правовых оснований и обеспечивалась лишь опорой на верные ему отряды. Варвар мыслил в рамках иной политической культуры, отличной от восточноримской. Протест его выражался не в стремлении заставить императора признать обоснованность своих притязаний, но в обособлении от центральной власти, попытке создать собственное потестарное образование. Впрочем, бунт гревтунгов был обречен на провал не только из-за малочисленности мятежников, но и ввиду отсутствия поддержки со стороны других сил, в особенности малоазийской провинциальной аристократии [25].

При подведении итогов необходимо отметить, что Евтропий при отказе выдавать донативы отрядам гревтунгов не принял во внимание представления о воинской этике, распространенные среди обитателей *barbaricum*. Кроме того, фригийские гревтунги представляли собой достаточно крупное объединение чужеземцев, которые компактно проживали в диоцезе Азия. В случае недовольства решениями восточноримских властей они могли сплоченно выступить в защиту своих интересов. Поскольку подразделениями гревтунгов командовал их сородич, варвары имели возможность подготовиться к восстанию безо всякого противодействия со стороны военных, сохранявших верность императору Аркадию. Несомненно, неудачный опыт размещения варваров в империи был учтен восточноримскими властями, которые впоследствии стремились избегать подобных ошибок.

Список литературы

1. Вольфрам Х. 2003. Готы: от истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). Пер. с нем. Б.П. Миловидова, М.Ю. Некрасова. СПб., Ювента, 656. (Wolfram H. 1979. Geschichte der Goten: Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München, C.H. Beck, 506).

2. Гадло А.В. 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., Наука, 216.

3. Ганина Н.А. 2001. Готская языческая лексика. М., Издательство МГУ, 176.

4. Глушанин Е.П. 1987. О некоторых причинах появления антиварварских настроений в общественно-политической мысли Византии конца IV – начала V в. Античная древность и средние века, 23: 14–25.

[25] Важно отметить, что неповиновение власти Равенны подобных «полевых командиров» (Эгидия в так называемом «Суассонском королевстве», Марцеллина в Далмации, короля вестготов Теодориха II на юго-западе Галлии и др.) в значительной мере содействовало распаду Западной Римской империи [MacGeorge, 2002; Wijnendaele, 2018, p. 432–443].

5. Козлов А.С. 1973. К вопросу о месте готов в социальной структуре Византии IV–V вв. Античная древность и средние века, 9: 114–121.

6. Козлов А.С. 1977. Некоторые аспекты «проблемы варваров» в «Новой истории» Зосима. Античная древность и средние века, 14: 52–59.

7. Мещерская Е.Н. 2006. Гурий, Самон(а) и Авив. В кн.: Православная энциклопедия. Т. 13. М., Православная энциклопедия: 485–487.

8. Пигулевская Н.В. 1940. Месопотамия на рубеже V–VI вв. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. М., Издательство АН СССР, 176.

9. Пигулевская Н.В. 2017. Культура Сирии в Средние века. М., Ломоносовъ, 224.

10. Albert G. 1984. Goten in Konstantinopel: Untersuchungen zur oströmischen Geschichte um das Jahr 400 n. Chr. Paderborn, F. Schöningh, 211.

11. Berndt G.M. 2017. «The Goths Drew their Swords Together». Individual and Collective Acts of Violence by Gothic Warlords and their War Bands. In: Rogge J. (ed.). Killing and Being Killed: Bodies in Battle. Perspectives on Fighters in the Middle Ages. Bielefeld, transcript: 15–41.

12. Bidez J. (ed.). 1913. Philostorgius. Kirchengeschichte (mit dem Leben des Lucian von Antiochen und den Fragmenten eines arianischen Historiographen). Leipzig, J.C. Hinrichs, 508.

13. Bidez J. (ed.). 1995. Sozomenus. Kirchengeschichte. Berlin, Akademie Verlag, 617.

14. Bivar A.D.H. 2004. Hephtalites. In: Yarshater E. (ed.). Encyclopaedia Iranica. Vol. 12, Fasc. 2. London; Boston, Routledge & Kegan Paul: 198–201.

15. Bright W. (ed.). 1893. Socrates' Ecclesiastical History. Oxford, Clarendon Press, 402.

16. Burkitt F.C. 1913. Euphemia and the Goth, with the Acts of Martyrdom of the Confessors of Edessa. London, Williams & Norgate, 200.

17. Cameron Al., Long J. 1993. Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkeley; Los Angeles; Oxford, University of California Press, 480.

18. Chiesa P. 1991. Il dossier agiografico latino dei santi Gurias, Samonas e Abibos. Aevum, 65 (2): 221–258.

19. Dewing H.B. (ed.). 1914. Procopius. History of the Wars. Vol. 1. London, W. Heinemann; Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 600.

20. Dick S. 2008. Der Mythos vom «germanischen» Königtum: Studien zur Herrschaftsorganisation bei den germanischsprachigen Barbaren bis zum Beginn der Völkerwanderungszeit. Berlin; New York, De Gruyter, 270.

21. Dobschütz E. (ed.). 1911. Die Akten der edessenischen Bekenner Gurjas, Samonas und Abibos: Aus dem Nachlass von O. von Gebhardt. Leipzig, J.C. Hinrichs, 332.

22. Felix W. 1992. Chionites. In: Yarshater E. (ed.). Encyclopaedia Iranica. Vol. 5, Fasc. 5. London; Boston, Routledge & Kegan Paul: 485–487.

23. Gluschanin E.P. 1989. Die Politik Theodosius' I. und die Hintergründe des sogenannten Antigermanismus im oströmischen Reich. Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte, 38 (2): 224–249.

24. Golden P.B. 1992. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, Harrassowitz, 497.

25. Heather P. 1991. Goths and Romans, 332–489. Oxford, Clarendon Press, 380.

26. Jones A.H.M. 1964. The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Administrative and Economic Survey. Vol. 2. Oxford, B. Blackwell, 551.

27. Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. (eds.). 1971. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1. Cambridge, Cambridge University Press, 1170.

28. Kaiser A.M. 2015. Egyptian Units and the Reliability of the *Notitia Dignitatum*, *Pars Oriens*. Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte, 64 (2): 243–261.

29. Kulikowski M. 2000. The «Notitia Dignitatum» as a Historical Source. Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte, 49 (3): 358–377.

30. Lee A.D. 2007. War in Late Antiquity: A Social History. Malden; Oxford; Victoria, Blackwell Publishing, 312.

31. Liebeschuetz J.H.W.G. 1990. Barbarians and Bishops: Army, Church and State in the Age of Arcadius and Chrysostom. Oxford, Clarendon Press, 340.

32. MacGeorge P. 2002. Late Roman Warlords. Oxford, Oxford University Press, 364.

33. Martindale J.R. (ed.). 1980. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. Cambridge, Cambridge University Press, 1386.

34. Müller C. (ed.). 1885. Eunapii Sardiani fragmenta. In: Fragmenta historicorum Graecorum. Vol. 4. Parisiis, A.F. Didot: 7–56.

35. Paschoud F. (ed.). 1979–1986. Zosime. Histoire nouvelle. T. 2–3. Paris, Les Belles Lettres.

36. Platnauer M. (ed.). 1922. Claudian. Vol. 1. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 432.

37. Seeck O. (ed.). 1876. Notitia dignitatum accedunt notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi prouinciarum. Berolini, Weidmann, 339.

38. Seeck O. 1913. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Bd. 5. Stuttgart, J.B. Metzler, 424.

39. Wijnendaele J.W.P. 2018. Generalissimos and Warlords in the Late Roman West. In: Ñaco del Hoyo T., López Sánchez F. (eds.). War, Warlords, and Interstate Relations in the Ancient Mediterranean. Leiden; Boston, Brill: 427–451.

40. Zuckerman C. 1998. Comtes et dues en Égypte autour de l'an 400 et la date de la *Notitia Dignitatum Orientis*. Antiquité Tardive, 6: 137–147.

References

1. Wolfram H. 2003. Goty: ot istokov do serediny VI veka (opyt istoricheskoj etnografii) [The Goths: From the Origins to the Middle of the 6th Century (the Experience of Historical Ethnography)]. Transl. from German by B.P. Milovidov, M.Ju. Nekrasov. Saint Petersburg, Juventa, 656 (Wolfram H. 1979. Geschichte der Goten: Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München, C.H. Beck, 506) (in Russian).

2. Gadlo A.V. 1979. Etnicheskaja istorija Severnogo Kavkaza IV–H vv. [Ethnic History of the North Caucasus]. Leningrad, Nauka, 216 (in Russian).

3. Ganina N.A. 2001. Gotskaja jazycheskaja leksika [Gothic Pagan Vocabulary]. Moscow, Moscow State University Press, 176 (in Russian).

4. Glushanin E.P. 1987. O nekotoryh prichinah pojavlenija antivarvarskih nastroenij v obshhestvenno-politicheskoj mysli Vizantii konca IV – nachala V v. [On Some Reasons of the Emergence of Antibarbarian Sentiments in the Sociopolitical Thought of Byzantium in the Later 4th to Early 5th Century]. Antichnaja drevnost' i srednie veka [Antiquity and the Middle Ages], 23: 14–25 (in Russian).

5. Kozlov A.S. 1973. K voprosu o meste gotov v social'noj strukture Vizantii IV–V vv. [To the Question about the Place of Goths in the Social Structure of Byzantium in the 4th and 5th Centuries]. Antichnaja drevnost' i srednie veka [Antiquity and the Middle Ages], 9: 114–121 (in Russian).

6. Kozlov A.S. 1977. Nekotorye aspekty «problemy varvarov» v «Novoj istorii» Zosima [Some Aspects of the «Problem of Barbarians» in the «New History» by Zosimus]. Antichnaja drevnost' i srednie veka [Antiquity and the Middle Ages], 14: 52–59 (in Russian).

7. Meshcherskaja E.N. 2006. Gurij, Samon(a) i Aviv [Gurias, Samona, and Abibus]. In: Pravoslavnaja jenciklopedija [The Orthodox Encyclopedia]. T. 13. Moscow, Pravoslavnaja enciklopedija: 485–487 (in Russian).

8. Pigulevskaja N.V. 1940. Mesopotamija na rubezhe V–VI vv. Sirijskaja hronika Ieshu Stilita kak istoricheskij istochnik [Mesopotamia at the Turn of the 5th into 6th Century. The Chronicle by Joshua the Stylite as a Historian Source]. Moscow, Academy of Sciences of USSR Publishing, 176 (in Russian).

9. Pigulevskaja N.V. 2017. Kul'tura Sirii v Srednie veka [Culture of Syria in the Middle Ages]. Moscow, Lomonosov, 224 (in Russian).

10. Albert G. 1984. Goten in Konstantinopel: Untersuchungen zur oströmischen Geschichte um das Jahr 400 n. Chr. Paderborn, F. Schöningh, 211.

11. Berndt G.M. 2017. «The Goths Drew their Swords Together». Individual and Collective Acts of Violence by Gothic Warlords and their War Bands. In: Rogge J. (ed.). Killing and Being Killed: Bodies in Battle. Perspectives on Fighters in the Middle Ages. Bielefeld, transcript: 15–41.

12. Bidez J. (ed.). 1913. Philostorgius. Kirchengeschichte (mit dem Leben des Lucian von Antiochen und den Fragmenten eines arianischen Historiographen). Leipzig, J.C. Hinrichs, 508.

13. Bidez J. (ed.). 1995. Sozomenus. Kirchengeschichte. Berlin, Akademie Verlag, 617.

14. Bivar A.D.H. 2004. Hephtalites. In: Yarshater E. (ed.). Encyclopaedia Iranica. Vol. 12, Fasc. 2. London; Boston, Routledge & Kegan Paul: 198–201.

15. Bright W. (ed.). 1893. Socrates' Ecclesiastical History. Oxford, Clarendon Press, 402.

16. Burkitt F.C. 1913. Euphemia and the Goth, with the Acts of Martyrdom of the Confessors of Edessa. London, Williams & Norgate, 200.

17. Cameron Al., Long J. 1993. Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkeley; Los Angeles; Oxford, University of California Press, 480.

18. Chiesa P. 1991. Il dossier agiografico latino dei santi Gurias, Samonas e Abibos. Aevum, 65 (2): 221–258.

19. Dewing H.B. (ed.). 1914. Procopius. History of the Wars. Vol. 1. London, W. Heinemann; Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 600.

20. Dick S. 2008. Der Mythos vom «germanischen» Königtum: Studien zur Herrschaftsorganisation bei den germanischsprachigen Barbaren bis zum Beginn der Völkerwanderungszeit. Berlin; New York, De Gruyter, 270.

21. Dobschütz E. (ed.). 1911. Die Akten der edessenischen Bekenner Gurjas, Samonas und Abibos: Aus dem Nachlass von O. von Gebhardt. Leipzig, J.C. Hinrichs, 332.

22. Felix W. 1992. Chionites. In: Yarshater E. (ed.). Encyclopaedia Iranica. Vol. 5, Fasc. 5. London; Boston, Routledge & Kegan Paul: 485–487.

23. Gluschanin E.P. 1989. Die Politik Theodosius' I. und die Hintergründe des sogenannten Antigermanismus im oströmischen Reich. Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte, 38 (2): 224–249.

24. Golden P.B. 1992. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, Harrassowitz, 497.

25. Heather P. 1991. Goths and Romans, 332–489. Oxford, Clarendon Press, 380.

26. Jones A.H.M. 1964. The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Administrative and Economic Survey. Vol. 2. Oxford, B. Blackwell, 551.

27. Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. (eds.). 1971. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 1. Cambridge, Cambridge University Press, 1170.

28. Kaiser A.M. 2015. Egyptian Units and the Reliability of the *Notitia Dignitatum, Pars Oriens*. Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte, 64 (2): 243–261.

29. Kulikowski M. 2000. The «Notitia Dignitatum» as a Historical Source. Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte, 49 (3): 358–377.

30. Lee A.D. 2007. War in Late Antiquity: A Social History. Malden; Oxford; Victoria, Blackwell Publishing, 312.

31. Liebeschuetz J.H.W.G. 1990. Barbarians and Bishops: Army, Church and State in the Age of Arcadius and Chrysostom. Oxford, Clarendon Press, 340.

32. MacGeorge P. 2002. Late Roman Warlords. Oxford, Oxford University Press, 364.

33. Martindale J.R. (ed.). 1980. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. Cambridge, Cambridge University Press, 1386.

34. Müller C. (ed.). 1885. Eunapii Sardiani fragmenta. In: Fragmenta historicorum Graecorum. Vol. 4. Parisiis, A.F. Didot: 7–56.

35. Paschoud F. (ed.). 1979–1986. Zosime. Histoire nouvelle. T. 2–3. Paris, Les Belles Lettres.

36. Platnauer M. (ed.). 1922. Claudian. Vol. 1. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 432.

37. Seeck O. (ed.). 1876. Notitia dignitatum accedunt notitia urbis Constantinopolitanae et laterculi prouinciarum. Berolini, Weidmann, 339.

38. Seeck O. 1913. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Bd. 5. Stuttgart, J.B. Metzler, 424.

39. Wijnendaele J.W.P. 2018. Generalissimos and Warlords in the Late Roman West. In: Ñaco del Hoyo T., López Sánchez F. (eds.). War, Warlords, and Interstate Relations in the Ancient Mediterranean. Leiden; Boston, Brill: 427–451.

40. Zuckerman C. 1998. Comtes et dues en Égypte autour de l'an 400 et la date de la *Notitia Dignitatum Orientis*. Antiquité Tardive, 6: 137–147.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Назаров Андрей Дмитриевич, инженер-исследователь Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey D. Nazarov, Research Engineer, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

УДК 94(569.4)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-714-726

Образованность, школы, книжная культура в Восточном Средиземноморье в IV–VII вв. (Антиохия, Берит, Кесария, Газа)

Н.Н. Болгов, А.М. Болгова, И.В. Денисова, Ю.В. Бузанаков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308007, г. Белгород, ул. Студенческая, 14
E-mail: bolgov@bsu.edu.ru

Аннотация. В работе рассматривается состояние и эволюция школ и состояние образованности, роль книжной культуры в Восточном Средиземноморье ранневизантийского времени (IV–VII вв.) в контексте культурного континуитета между античностью и Средневековьем на примере городов Сиро-Палестинского региона Антиохии, Берита, Кесарии и Газы. Помимо внутренней истории школ, делаются общие наблюдения над спецификой ситуации в каждом из указанных центров. Весь позднеантичный мир с середины VI в. стал проявлять признаки медиевализации знания, эволюции картины мира, что находилось в связи с другими процессами завершения развития античной цивилизации (прекращение реального муниципального самоуправления, рост этатизма, углубление христианизации, влияние оживившихся местных этно-конфессиональных традиций в регионах). Тем не менее сохранение высоких стандартов грамотности, книг и школ продолжалось до вступления Византии в «Темные века».

Ключевые слова. Книги, школы, образованность, Поздняя античность, Ранняя Византия, Восточное Средиземноморье.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-19-50284 «Книжная культура и образованность в Средиземноморье в IV–VII вв.».

Для цитирования: Болгов Н.Н., Болгова А.М., Денисова И.В., Бузанаков Ю.В. 2020. Образованность, школы, книжная культура в Восточном Средиземноморье в IV–VII вв. (Антиохия, Берит, Кесария, Газа). Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 714–726. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-714-726.

Education, schools, book culture in the East Mediterranean in the 4th–7th cent. A. D. (Antihoch, Berit, Caesaria, Gaza)

Nikolay N. Bolgov, Anna M. Bolgova, Irina V. Denisova, Yuri V. Buzanakov
Belgorod National Research University,
14 Studencheskaja St., Belgorod, 308007, Russia
E-mail: bolgov@bsu.edu.ru

Annotation. The work examines the state and evolution of schools and the state of education, the role of book culture in the Eastern Mediterranean of the early Byzantine time (IV–VII centuries) in the context of the cultural continuity between antiquity and the Middle Ages, using the cities of the Syro-Palestinian region of Antioch, Berita, Caesarea and Gaza as an example. In addition to the internal history of schools, general observations are made on the specifics of the situation in each of these centers. The entire late antique world from the middle of the VI century. began to show signs of mediaevalization of knowledge, the evolution of the picture of the world, which was associated with other processes of completing the development of ancient civilization (the termination of real municipal self-government, the growth of statism, the deepening of Christianization, the influence of revived local ethno-religious traditions in the regions). However, maintaining high standards of literacy, books, and schools continued until Byzantium entered the Dark Ages.

Keywords. Books, schools, education, Late Antiquity, Early Byzantium, Eastern Mediterranean.

Acknowledgments: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 19-19-50284 «Book culture and education in the Mediterranean in the IV–VII centuries».

For citation: Bolgov N.N., Bolgova A.M., Denisova I.V., Buzanakov Yu.V. 2020. Education, schools, book culture in the East Mediterranean in the 4th-7th cent. A. D. (Antihoch, Berit, Caesaria, Gaza). Via in tempore. History and political science, 47 (4): 714–726 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-714-726.

Сохранение высших школ, высокого уровня образованности, почти повсеместной грамотности, развитой книжной культуры в Поздней античности позволило заложить основы для развития средневековой книжности и учености, чем была обеспечена преемственность между античной и средневековой культурой.

Наличие хорошего образования в Ранней Византии было важнейшим фактором карьерного продвижения в условиях высокой вертикальной социальной мобильности. При этом, помимо «профессионального» для будущих бюрократов юридического образования, [Collinet, 1925] важнейшую роль играла риторика, формировавшая «универсальные компетенции» [Cribiore, 2007, p. 225–228].

Предшествующие исследования позднеантичной книжной культуры [Wilson, 1975, p. 1–15.] и образованности [Самодурова, 1984, с. 478–503; Кривушин, Кривушина, 2002; Гольцева, 2005, с. 22–27; Безрогов, 2008; Лемерль, 2012; Ведешкин, 2019, с. 348–363; Тюленев, 2018, с. 40–53; Тюленев, 2019; Уоттс, 2019, с. 306–338; Downey, 1958, p. 297–319; Cameron, 1969, 7–29; Watts, 2008] производились либо применительно к отдельным регионам латинского Запада или Ранней Византии, либо с ориентацией на наследие отдельных авторов. При этом как отдельные регионы, так и отдельные авторы до сих пор не были предметом специального исследования, особенно в отечественной науке, в данном контексте [Болгова, 2015, с. 172–177; Лопатина, 2017].

Данная статья продолжает исследование, начатое в работе, посвященной состоянию образованности и школ в важнейших интеллектуальных центрах [Болгова, 2015б, с. 50–53] – Константинополе, Афинах и Александрии [Болгов, 2020].

Антиохия. Важнейшим интеллектуальным центром позднеантичного Восточного Средиземноморья была Антиохия – метрополия Востока. Подъем язычества и античной науки в Антиохии наблюдается в период правления императора Юлиана, который восстановил храм в честь Траяна и учредил там библиотеку. Однако она была сожжена его преемником императором Иовианом. Некоторые антиохийцы пытались спасти книги из огня, выбрасывая их на землю и прикрепляя к стенам, чтобы желающие могли их почитать (Suid. I 401).

Антиохия славилась риторической школой. В 1-й пол. IV в. здесь жил ритор Ульпиан, у которого обучался Проэресий (Eunap. Vit. soph. 487). Оттуда происходил один из самых знаменитых риторов поздней античности – Либаний, где он основал собственную школу. Его речи отличались изяществом и обаянием, были связаны с интересом к древности. В школе обучались студенты со всего Восточного Средиземноморья [Cribiore, 2007, p. 99; Болгова, 2015а, с. 51–55; Болгова, 2018, с. 43–71]. От него дошло множество речей и писем [Болгов, 2015, с. 3–5], в которых он развивал античную ораторскую традицию, ориентируясь на Демосфена. Либаний пользовался покровительством императора Юлиана, а его влияние в Антиохии было настолько сильным, что он даже выступал посредником между муниципалитетом и имперской властью (Liban. Or. XVI, XVII). Однако латинским языком Либаний полноценно не владел и для чтения писем Симмаха заказывал их переводы на греческий [Уоттс, 2019]. Его учеником был знаменитый христианский богослов и епископ св. Иоанн Златоуст, которому он хотел даже передать свою школу (Soz. HE.

VIII. 2; Socr. HE. VI. 3). Другом Либания был антиохийский грамматик и поэт Дифил [Kaster, 1997, p. 273].

Во 2-й пол. V в. здесь был известен ритор Мосх, которому покровительствовал Гиларий, представитель местной знати, впоследствии ставший философом и учеником Прокла (Damasc. Vit. Is. 91).

Из Антиохии происходил один из наиболее известных историков IV в. Аммиан Марцеллин, классически образованный и написавший римскую историю на латыни [Удальцова, 1974, с. 9–10].

В VI в. здесь прославился популярный хронограф Иоанн Малала [Croke, 1990, p. 1–27]. В Антиохии располагалась резиденция Комита Востока, и там были государственные архивы, сохранявшие много документов, которыми пользовался хронист (Malal. Chron. XVIII. 29).

В конце VI в. в городе творил церковный историк Евагрий Схоластик [Удальцова, 1969, с. 63–72], в качестве источников использовавший труды своих старших современников Зосима и Прокопия Кесарийского (Evagr. HE. III. 40; IV. 12). За свою литературную деятельность он удостоился почетного консульства и квестуры от императоров Тиверия II и Маврикия (Evagr. HE. VI. 24).

Также в VII в. был известен автор «Хроники» Иоанн Антиохийский [История Византии, 1967, т. 1, с. 50].

Помимо язычества здесь была сильная христианская традиция. Крупный богословский центр был основан Лукианом Антиохийским в III в. В Антиохийской школе во главу угла ставилось буквальное толкование Священного Писания и заучивание, обучение велось на греческом языке [Саврей, 2012]. Учеником Лукиана был крупнейший ересиарх Арий [свящ. Владимир (Шмалий), 2009, с. 226–227].

Антиохийская богословская школа породила несторианство и монофизитство. К антиохийской школе принадлежал ересиарх Несторий. Крупнейшим теологом был епископ V в. Феодор Мопсуэстийский. Из Антиохии происходил и церковный историк и богослов Феодорит Киррский [Сидоров, 2009, с. 525–530]. Там же жил епископ конца IV в. Евагрий, друживший со св. Иеронимом, переведший на латынь «Житие св. Антония» Афанасия Великого и оставивший ряд других трактатов (Hier. De vir. ill. 125). В V–VI вв. Антиохия стала центром борьбы несторианства и монофизитства. В V в. патриарший престол занимал пронесторианский Иоанн Антиохийский (Socr. HE. VII. 34; Cyr. Scyth. V. Euth. 31–32). В VI в. крупнейшим представителем монофизитства был Север Антиохийский (Evagr. HE. III. 33), получивший классическое образование в Александрии и дружный с епископом и церковным историком Захарией Митиленским [Болгова, Болгов, 2019, с. 105–136].

Но также сильные позиции имело и ортодоксальное православие. В IV в. известны Отцы Церкви, обучавшиеся в Антиохии: епископ Евсевий Эмесский – друг Евсевия Никомедийского и ученик Евсевия Кесарийского, обучавшийся философии и светским наукам в Александрии (Soz. HE. III. 6), а также Кирилл Иерусалимский [свящ. Михаил (Желтов), 2018, с. 299–318]. Учеником Евсевия Эмесского, изгнанного паствой за глубокие знания математики (Socr. HE. II. 9), стал Диодор Тарсийский, однако в светских науках он был мало сведущ (Hier. De vir. ill. 119). Также там учились теологи Исаак Амидский, Феодор Антиохийский, Павлин Антиохийский, Мохим Месопотамский, чьи сочинения были в V в. известны Геннадию Массилийскому (Gen. Mass. De vir. ill. 3, 12, 66, 71).

Наибольшую славу получил антиохийский святитель Иоанн Златоуст, ученик ритора Либания, сочетавший в своих речах христианское содержание с классической формой. Позднее Златоуст перехал в Константинополь, где обличал пороки знати и боролся с ересями, в том числе с арианством. Своими проповедями он вызвал гнев императрицы Евдоксии, жены императора Аркадия, из-за чего был низложен и сослан в ссылку [Кулаковский, 2003, т. 1, с. 187–201]. Популярность Иоанна была такова, что его осуждение вызвало чуть ли не восстание в Константинополе, которое нашло отражение даже в языче-

ских источниках (Zos. V. 23–24), а его речи читал св. Иероним (Hier. De vir. ill. 129), а в VII в. – Исидор Севильский (Isid. Hisp. De vir. ill. 19).

Во 2-й половине VI в. был известен церковный канонист Иоанн Схоластик (503–577), автор «Номоканона», с 565 г. – константинопольский патриарх.

Антиохия пострадала от разрушительного землетрясения в 526 г., вследствие чего была переименована в Теополь (Malal. Chron. XVII. 16), а затем была разгромлена персидским шахом Хосроем в 540 г. (Proc. B.P. II. 7–10, 14). Хотя Юстиниан ее восстановил (Proc. De aed. III. 10), однако город захирел и культурная жизнь в нем постепенно угасла. Точку античному городу поставило арабское нашествие первой половины VII в. [Downey, 1961, p. 577–578].

Берит. Крупнейшая юридическая школа была в Берите (совр. Бейрут) [Collinet, 1925; Болгова; Болгов, 2013, с. 306–311]. В ней преподавали Домнин, Скилиаций, Кирилл, Патрикий, Демосфен, Евдоксий, Евксен, Ямвлих, Леонтий, Аноним (старший). Согласно законодательству императора Юлиана, профессоров права назначала городская курия, что утверждалось императором, последнее было отменено при Юстиниане. В VI в. в юридической школе обучение велось на латинском и греческом языке, в течение 5 лет студенты должны были тонко постигнуть законодательство Юстиниана [Липшиц, 1984, с. 358–371]. Император Юстиниан усовершенствовал систему обучения. Из 50 книг Дигест надо было изучать 36. Основным учебником были «Институции», составленные на основе «Институций» Гая, «Ответов» Павла и других античных комментаторов, изучавшихся до этой реформы, строго разделенные по разделам (Dig. Just. Const. Deo auct. 5, 11; Const. Omn. 2–5; Const. Tant. 1–8). Студентам разъясняли различные разделы курса на основе индексов к «Дигестам».

Берит в «Дигестах» назван в качестве одного из главных юридических центров (Dig. Just. Const. Omn. 7). Его отлично знал в V в. Нонн Панополитанский, посвятивший его прославлению отдельную книгу (песню) «Деяний Диониса» (Non. Dionys. Lib. XLI). В качестве составителей «Дигест» упоминаются юристы и правоведы Дорофей, Анатолий – представитель юридической династии, которые атрибутированы как происходящие из Бейрута и преподававшие там. Также названы еще несколько десятков имен юристов без указания их города (Dig. Just. Const. Tant. 9, 11). Известны у современников были и профессора Бейрутской школы VI в., составившие комментарии к «Дигестам», Кирилл и Патрикий. Возможно, из Бейрута происходил и известный юрист и преподаватель константинопольской правовой школы Феофил, составлявший первое издание «Кодекса Юстиниана» вместе с Дорофеем, написавший греческий парафраз и схолии к «Дигестам».

В Берите в середине V в. изучал юриспруденцию церковный историк Созомен [Treadgold, 2010, p. 146].

В конце V – начале VI вв. у профессора права Леонтия (Zach. V. Sev. 62) обучались юридическим наукам Захария Ритор и будущий монофизитский патриарх Севир Антиохийский. Это отражено в «Жизнеописании Севира» Захарии, оставившего свидетельства и о культурной жизни в городе. В частности, Севир много изучал классическую литературу, а в городе должна была быть крупная библиотека юридических книг (Zach. V. Sev. 11, 59, 62, 63, 67). Среди студентов-юристов было укоренено язычество, и они имели множество книг языческого содержания, которые переписывались в частных скрипториях и были широко распространены. Одним из известных языческих философов, астрологов и теургов в городе был Леонтий, вынужденный впоследствии обратиться в христианство. В домах ученых города засвидетельствованы частные библиотеки (Zach. V. Sev. 74–91).

Христианские студенты организовывались в группы филопонов и самостоятельно изучали Священное Писание и христианских авторов после занятий в школе, особенно Отцов Церкви – св. Григория Богослова, Василия Великого, Кирилла Александрийского, Иоанна Златоуста. Однако эти книги не были распространены в Берите, и Захария привез их с собой. Но также у некоторых были частные собрания христианских книг. Лидером группы был студент, философ и аскет Евагрий (Zach. V. Sev. 62–73, 86, 111). Впослед-

ствии многие филопоны приняли монашество (Zach. V. Sev. 121–124). По инициативе Захарии и Севира и при поддержке епископа и со стороны властей филопоны разгромили очаг язычества в городе, изъяв и подвергнув публичному сожжению много языческих книг, а их владельцев, к которым принадлежали и знатные люди города, заставили обратиться в христианство (Zach. V. Sev. 86–94).

Кесария Палестинская. Одним из главных интеллектуальных центров Палестины была Кесария Палестинская [Ващева, 2005, с. 13–25; Ващева, 2005а, с. 72–80; Болгова, 2015с, с. 84–88; Schemmel, 1925, S. 1277–1280], которая выступала в качестве административного центра региона, разделившегося с начала V в. на три провинции [Болгова, Болгов, Агаркова, 2013, с. 78–83].

В Кесарии Оригеном еще в III в. была учреждена крупнейшая библиотека, для которой Ориген привез с собой свои книги из Александрии, а также мог собирать книги в других регионах. В библиотеке содержались не только христианские труды, но также работы языческих писателей – как греческих, так и восточных, в том числе многих философов. Среди них были работы Александра Полигистора, Иосифа Флавия, Плутарха, Платона, Филона Александрийского, пифагорейцев, стоиков и многих других. В этой библиотеке находилась «Гексапла» – главный труд Оригена, который представлял параллельный свод текстов Ветхого Завета на иврите и 4 греческих перевода. Эти книги читал и использовал для своих работ Евсевий Кесарийский в IV в. [Carriker, 2003, p. 5, 8м9].

Помимо библиотеки, Оригеном была учреждена крупная философская школа, где изучали все философские направления, за исключением эпикурейцев, превратив Кесарию в важнейший центр оригенизма. Ее слушателем был св. Григорий Тауматург. Продолжил традиции школы Памфил, собиравший книги и расширивший библиотеку [Carriker, 2003, p. 13]. Согласно Исидору Севильскому, библиотека Памфила включала 30 тысяч томов (Isid. Hisp. Etym. VI. 6). Под его руководством в библиотеке переписывали античные книги из свитков в кодексы. Многие тексты он переписывал собственноручно, составив полный каталог книг библиотеки (Euseb. HE. VI. 32), в том числе 25 томов сочинений Оригена, которые в конце IV в. имел св. Иероним, считая себя из-за этого богатым, как Крез (Hier. De vir. ill. 75). Важный вклад Памфил внес в редакцию и издание Священного Писания, составив его критический текст [Carriker, 2003, p. 15–16]. В обучении Памфил использовал философские тексты, в частности Плотина и Порфирия [Carriker, 2003, p. 13].

Его учеником был Евсевий Кесарийский – крупнейший церковный историк времен Константина I, основоположник жанра «Церковной истории» и автор «Хроники», опиравшейся на сведения античных и древневосточных авторов [Treadgold, 2010, p. 369], а также ряд полемических и биографических работ, о которых сообщает св. Иероним (Hier. De vir. ill. 81). Помимо греческого, Евсевий изучил латинский язык в школе [Carriker, 2003, p. 17–18]. Евсевий наследовал заведование библиотекой после смерти Памфила. Школа в Кесарии подверглась гонениям при императоре Диоклетиане, пострадала и библиотека – многие христианские сочинения были уничтожены [Carriker, 2003, p. 21]. При библиотеке, видимо, был крупный скрипторий – к Евсевию обращался император Константин, прося прислать копии Библии (Euseb. V. Const. IV. 36–37).

При императоре Констанции множество трактатов на разные темы написал епископ Кесарии Акакий (Hier. De vir. ill. 98). Учеником Акакия и его преемником стал церковный историк Геласий Кесарийский [Ващева, 2009, с. 38–42], писавший изящным языком, его знал св. Иероним (Hier. De vir. ill. 130).

Во 2-й пол. IV в. в Кесарии действовала риторическая школа оратора Феспесия, где получали образование Евзой и Григорий Назианзин (Hier. De vir. ill. 113). Также из Кесарии Палестинской происходил проязыческий ритор Акакий, подражавший древним ораторам в своих речах, чье искусство высоко ценилось современниками и местами затмевало даже Либания (Eunap. V. soph. 497). Евзой впоследствии, став епископом города, приложил большие усилия для восстановления библиотеки, написав ряд трактатов, которые

были широко известны (Hier. De vir. ill. 113). В библиотеке хранились как книги в папирусах, так и кодексах под руководством епископов Акакия и Евзоя [Carriker, 2003, p. 23–25]. Некоторые кодексы в кесарийской библиотеке (Синаитский, Ватиканский) сохранились к настоящему времени [Carriker, 2003, p. 23]. Библиотекой Кесарии пользовались Гиларий из Пуатье и Евсевий Верцеллийский во 2-й пол. IV в., найдя там сочинения Оригена. В конце IV – начале V вв. много времени в библиотеке провел Иероним, изучая там Оригена. В конце V в. там преподавал Прокопий Газский, а в VI в. выходцем данной школы стал самый знаменитый ранневизантийский историк Прокопий Кесарийский [Carriker, 2003, p. 26–28], получивший глубокое классическое образование, широко знавший древних авторов [Cameron, 2005, p. 1–4]. Представителем академического богословия в Кесарии был Иоанн Грамматик Кесарийский, автор многочисленных работ против ересей, живший в начале VI в. [Сидоров, 1988, p. 81–99].

Кесарийская библиотека погибла в начале VII в. при пожаре [Ващева, 2005, с. 25].

Газа. Еще один важный интеллектуальный центр Палестины – Газа [Болгов, Болгова, 2013, с. 262–267], являвшаяся крупным языческим центром еще на протяжении V в. Там существовало два основных направления: связанные с классической традицией светские школы и богословские центры, опиравшиеся на монашескую традицию.

Газа – родина церковного историка V в. Созомена [Treadgold, 2010, p. 145].

Во 2-й половине V в. в Газе процветала школа христианского ритора и софиста Энея Газского, оставившего диалог «Феофраст» и сборник писем, который был связан с александрийской школой и, вероятно, обучался там у неоплатоника Гиерокла Александрийского [Манохин, 2018, с. 29–34]. Он хорошо знал как классические труды Платона и неоплатоников, так и святоотеческие тексты христианской традиции [Болгова, Болгов, 2016, с. 146–150].

Младшим современником Энея и, возможно, его студентом был ритор Прокопий Газский, который продолжил традиции Энея. Он оставил после себя корпус писем, несколько панегириков, в том числе императору Анастасию, несколько речей, экфрасисов и монодий [Болгова, 2014, с. 101–107]. Кроме того, ему приписывают комментарии и толкования на книги Ветхого и Нового Заветов, в том числе в новой форме катен [Манохин, 2018а, с. 138–140]. В школе Прокопия было сочетание классической и христианской традиции – там будущие епископы и священники обучались красноречию на примерах из античной мифологии [Болгова, 2014, с. 101–107].

В Газе во времена Анастасия был известен грамматик Зосим Газский (Аскалонский), написавший комментарии к Демосфену и Лисию (Suid. Z 169). Его иногда соотносят с языческим историком этого же времени Зосимом, автором «Новой истории» [Болгов, 2010, с. 4–46]. Современниками Зосима и Прокопия являлся латинский грамматик Гиерий, уехавший преподавать латынь в Антиохию вместе с греческими грамматиками Алипием и Стефаном [Манохин, 2018а, с. 193]. Примерно в это же время жил и филолог Тимофей Газский, также являющийся автором трактата «О животных» [История Византии, 1967, т. 1, с. 384], получивший образование в александрийской риторической школе Гораполлона.

Продолжателем и непосредственным преемником Прокопия стал его ученик ритор Хорикий Газский, оставивший после себя корпус речей и декламаций, посвященных античным сюжетам и даже языческим традициям [Bolgova, Bolgov, 2013, p. 2–3; Болгова, Болгов, 2011, с. 65–71]. Одно из наиболее известных его произведений – «Апология мимов», где он выступает в качестве защитника античного театрального искусства, вызывавшего в целом осуждение Церкви. В то же время сам Хорикий придерживался христианского мировоззрения и сам в мифы не верил, оставив экфрасисы на храмы города [Downey, 1958, p. 297–319].

В VI в. в Газе творил поэт Иоанн Газский [Лопатина, 2019, с. 98–100], первый в ранневизантийской литературе представитель христианского символизма, аллегорически толковавший античные символы.

Другим направлением стала монашеская, богословская и агиографическая традиция в Газе. В окрестностях города было более полутора десятков монастырей [Hirschfeld, 2004, p. 61–88], наиболее известные – монастырь св. Илариона, монастырь Петра Ивера, монастырь Севера, монастырь аввы Серида. В последнем в VI в. был создан свод правил на основе переписки старцев монастыря Варсануфия и Иоанна, а также корпус сочинений аввы Дорофея Газского [Курбанов, 2017, с. 20–22, 30–32], который был учеником Прокопия Газского [игум. Дионисий (Шлёнев), 2010, с. 32–43]. В общежительных городских монастырях Газы, кроме послушаний и молитвы, монахи начинают изучать Священное Писание, а впоследствии и прочие науки [игум. Кирилл (Илюхин), 2007, с. 170–186].

Одним из наиболее известных представителей газской христианской школы конца V – 1-й пол. VI вв. был монофизитский епископ Митилены Захария Ритор (Схоластик), получивший образование в Александрии и Бейруте, а также имевший прочные связи с Константинополем [Winkelmann, 1980, p. 182]. Наиболее крупные его произведения – «Церковная история» [The Syriac Chronicle, 1899], диалог «Аммоний» [Zacharias Mytilene, 2012, p. 93–176] и «Жизнь Севира» [Грацианский, 2013, с. 702–703; Two Early Lives of Severos, 2013], также ряд других житий монофизитских подвижников. Есть предположение, что Захария являлся братом Прокопия Газского [Манохин, 2018а, с. 86].

Другим монофизитским писателем этого времени был Иоанн Руф, ученик Петра Ивера, который был монахом и посвятил свои работы истории антихалкидонского сопротивления в Палестине [Манохин, 2018а, с. 87].

Итак, главнейшие интеллектуальные центры восточно-средиземноморского мира – Константинополь, Афины, Александрия, Антиохия, Берит, Кесария Палестинская, Газа. Несмотря на то, что первые три занимали ведущее положение, рассмотренные здесь города центра достойно дополняют их.

Конец единому средиземноморскому культурному пространству положили арабские завоевания, в ходе которых многие интеллектуальные центры Восточной Римской империи – Александрия, Антиохия, Берит, Кесария, Газа – были поглощены иной, мусульманской культурой, установившей господство над Восточным Средиземноморьем. Это привело к общей провинциализации и медиевализации византийской культуры, ее изоляции от западного мира. Византийская греческая культура ушла из Сирии, Палестины, Египта. Это создало условия для окончательного возвышения Константинополя в культурной сфере. Тем не менее книги и интеллектуалы в огромной мере содействовали сохранению относительно единого культурного пространства Поздней античности в канун наступления Средневековья.

Список литературы

1. Безрогов В.Г. 2008. Традиции ученичества и институт школы в древних цивилизациях. М., Памятники исторической мысли, 460.
2. Болгов Н.Н. 2010. Зосим – последний античный историк. Зосим. Новая история. Белгород, БелГУ: 4–46.
3. Болгов Н.Н. 2020. Книжная культура, школы и образованность в Восточном Средиземноморье в IV–VII вв. (Константинополь. Афины. Александрия). Византийский временник, в печати.
4. Болгов Н.Н. 2015. Письма Либания в русских переводах. Мир поздней античности. Документы и материалы. Вып. 3. Белгород, 66.
5. Болгов Н.Н., Болгова А.М. 2019. Александрийские школы V в. по «Философской истории» Дамаския. Иресиона. Античный мир и его наследие. Белгород. Вып. VI.: 105–136.

6. Болгова А.М. 2015. Интеллектуальные центры поздней античности и «академическая мобильность» студентов. Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Вып. 35. 13 (210): 50–53.

7. Болгова А.М. 2015с. Кесарийская школа как феномен переходной эпохи от античности к Византии. Педагогика и образование в системе научного знания. Белгород: 84–88.

8. Болгова А.М. 2014. Прокопий Газский: ритор и богослов. Проблемы истории, филологии, культуры. 2: 101–107.

9. Болгова А.М. 2018. Ранневизантийские портреты: риторы, софисты, философы. Белгород, БелГУ, 404.

10. Болгова А.М. 2015а. Школа Либания по его письмам. III Сиротенковские чтения. Армавир: 51–55.

11. Болгова А.М. 2015б. Школы Ранней Византии: к истории изучения в отечественной историографии. Иресиона. Античный мир и его наследие. Белгород. Вып. IV.: 172–177.

12. Болгова А.М., Болгов Н.Н. 2013. Позднеантичный Берит в Финикии и его юридическая школа. Государство и общество: взаимодействие и противостояние. Воронеж, ВГУ: 306–311.

13. Болгова А.М., Болгов Н.Н. 2012. Провинциальная Газа в Палестине и ее писатели позднеантичного времени. Столица и провинция: история взаимоотношений. Воронеж, ВГУ: 262–267.

14. Болгова А.М., Болгов Н.Н. 2011. Ритор Хорикий и Газская школа. Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. Вып. 18. 7 (102): 65–71.

15. Болгова А.М., Болгов Н.Н. 2016. Эней Газский против неоплатоников и оригенистов: к изучению наследия Энея в отечественной науке. 1917–2017: уроки столетия. Материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. Воронеж: 146–150.

16. Болгова А.М., Болгов Н.Н., Агаркова Ю.Н. 2013. К истории Кесарии Палестинской в ранневизантийское время. Кондаковские чтения – IV. Белгород: 78–83.

17. Ващева И.Ю. 2005. Кесария Палестинская в III – первой половине VII вв. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. Нижний Новгород. Вып. 1 (4): 13–25.

18. Ващева И.Ю. 2005а. Образование в Кесарии Палестинской в III – первой половине VII вв. Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. Нижний Новгород: 72–80.

19. Ващева И.Ю. 2009. Церковный историк Геласий Кесарийский. Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. Вып. 12. 15 (70): 38–42.

20. Ведешкин М.А. 2019. «Учителя-душегубы»: образование и апостасия в Поздней Римской империи. Диалог со временем. 66: 348–363.

21. Гольцева О.Е. 2005. Светские и духовные образовательные центры в Ранней Византии (IV–VII вв.). Наш Анабасис. Вып. 2. Нижний Новгород: 22–27.

22. Грацианский М.В. 2013. Захария Ритор. Православная энциклопедия. Т. 19: 702–703.

23. Игум. Дионисий (Шлёнев). 2010. Дорофей Газский. Православная энциклопедия. Т. 16: 32–43.

24. Игум. Кирилл (Илюхин). 2007. История христианского образования. Православный собеседник. Казань, 2 (15): 170–186.

25. История Византии. 1967. В 3 т. Под общ. ред. С.Д. Сказкина. Т. 1. М., Наука, 566.

26. Кривушин И.В., Кривушина Е.С. 2002. Византийская школа. Иваново, ИвГУ, 88.

27. Кулаковский Ю.А. 2003. История Византии. В 3 т. Т. I: 395–518 годы. СПб., Алетейя. 512.

28. Курбанов А.В. 2017. Повседневная жизнь ранневизантийской киновии (на примере монастыря аввы Серида). Дисс. канд. истор. наук. 07.00.03. Белгород, 288.

29. Лемерль П. 2012. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века. СПб., Свое издательство, 492.

30. Липшиц Е.Э. 1984. Юридические школы и развитие правовой науки. Культура Византии IV – первая половина VII в. М., Наука: 358–371.

31. Лопатина М.Ю. 2019. Иоанн Газский: классические мотивы ранневизантийской поэзии. Византийское содружество: традиции и смена парадигм: тезисы докладов XXII Всероссийской научной сессии византинистов РФ, Екатеринбург, 24–28 сентября 2019 г. Екатеринбург, 98–100.

32. Лопатина М.Ю. 2017. Современная зарубежная историография истории Поздней античности и Ранней Византии (1990–2015 гг.). Мир Поздней античности. Документы и материалы. Вып. 8. Отв. ред. Н.Н. Болгов. Белгород, БелГУ, 110.

33. Манохин Я.В. 2018. «Феофраст» и «Аммоний». Отражение ранневизантийской полемики между христианством и античным язычеством в литературном наследии риторской школы Газы. Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. 2018. Вып. 45. 1: 29–34.

34. Манохин Я.В. 2018а. Ранневизантийская Газа – христианский интеллектуальный центр в Палестине. Дисс. канд. истор. наук. 07.00.03. Белгород, 274.

35. Саврей В.Я. 2012. Антиохийская школа в истории христианской мысли. М., МГУ, 290.

36. Самодурова З.Р. 1984. Школы и образование. Культура Византии. IV – первая половина VII в. М., Наука: 478–503.

37. Свящ. Владимир Шмалий. 2009. Арий. Православная энциклопедия. Т. 3: 226–227.

38. Свящ. Михаил Желтов. 2018. Кирилл. Православная энциклопедия. Т. 34: 299–318.

39. Сидоров А.И. 2009. Богословские школы древней Церкви. Православная энциклопедия. Т. 5: 525–530.

40. Сидоров А.И. 1988. Иоанн Грамматик Кесарийский (к характеристике византийской философии в VI в.). Византийский временник. Т. 49 (74): 81–99.

41. Тюленев В.М. 2019. Римская школа на позднеантичном латинском Западе (Южная Галлия и Италия в V – первой половине VI в.). Иваново, ИвГУ, 224.

42. Тюленев В.М. 2018. Эллинская словесность и ученость на латинском Западе V – первой половины VI вв. Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 10: 40–53.

43. Удальцова З.В. 1974. Идейно-политическая борьба в Ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М., Наука, 388.

44. Удальцова З.В. 1969. К вопросу о мировоззрении византийского историка VI в. Евагрия. Византийский временник. Т. 30 (55): 63–72.

45. Уоттс Э. 2019. Образование в поздней античности. Общение, мысль и социализация. Hypothecai. Вып. 3: 306–338.

46. Bolgova A., Bolgov N. 2013. The Crossroads of Epochs and Cultures: Choricius of Gaza as a mirror of continuity. L'Ecole de Gaza: espace litteraire et identite culturelle dans l'Antiquite Tardive. Paris, College de France: 2–3.

47. Cameron Al. 1969. The last days of the Academy in Athens. Proceeding of the Cambridge Philological Society. 15: 7–29.

48. Cameron Av. 2005. Procopius and the Sixth Century. London, New York, UP, 380.

49. Carriker A.J. 2003. The Library of Eusebius of Caesarea. Leiden, Boston, Brill, 312.

50. Collinet P. 1925. Histoire de l'ecole de droit de Beyrouth. Paris, L'Efevr, 365.

51. Cribiore R. 2007. The school of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton, UP, 384.

52. Croke B. 1990. Malalas, the man and his work. Studies in John Malalas. Sydney, BA: 1–27.

53. Downey G. 1961. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, UP, 512.

54. Downey G. 1958. The Christian School of Palestine: A Chapter in Literary History. Harvard Library Bulletin. 12: 297–319.

55. Hirschfeld Y. 2004. The Monasteries of Gaza: An Archaeological Review. Christian Gaza in Late Antiquity. Leiden, Brill: 61–88.

56. Kaster R. 1997. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, Los Angeles, Oxford, UP, 422.

57. Schemmel F. 1925. Die Schule von Caesarea in Palästina. Philologische Wochenschrift. 45: 1277–1280.

58. The Syriac Chronicle, known as that of Zachariah of Mitylene. 1899. Trans. F.J. Hamilton, E.W. Brooks. London, KK, 390.

59. Treadgold W. 2010. The Early Byzantine Historians. London, Palgrave MacMillan, 488.

60. Two Early Lives of Severos, Patriarch of Antioch, 2013. Trans. with an intr. and notes by S. Brock and B. Fitzgerald. Liverpool, BE, 210.

61. Watts E. 2088. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley, UCP, 368.

62. Wilson N. 1975. Books and readers in Byzantium. Byzantine Books and Bookmen. Washington, Ed., 1–15.

63. Winkelmann F. 1980. Die östlichen Kirche in der Epoche der christologischen Auseinandersetzung. Berlin, Verlag, 322.

64. Zacharias Mytilene. Ammonius. Aeneas of Gaza. Theophrastus. 2012. Trans. by J. Dillon and D. Russel. Gen. ed. R. Sorabji. Bristol, Ed., 93–176.

Referenses

1. Bezrogov V.G. 2008. Tradicii uchenichestva i institut shkoly v drevnih civilizaciyah [Apprenticeship Traditions and School Institute in Ancient Civilizations]. M., Pamyatniki istoricheskoj mysli, 460 (in Russian).

2. Bolgov N.N. 2010. Zosim – poslednij antichnyj istorik [Zosimus – the last ancient historian]. Zosim. Novaya istoriya [Zosimus. New history]. Belgorod, BelGU: 4–46 (in Russian).

3. Bolgov N.N. 2020. Knizhnaya kul'tura, shkoly i obrazovannost' v Vostochnom Sredizemnomor'e v IV–VII vv. (Konstantinopol'. Afiny. Aleksandriya) [Book culture, schools and education in the Eastern Mediterranean in the IV–VII centuries (Constantinople. Athens. Alexandria)]. Vizantijskij vremennik [Byzantine temporary], v pechati [in print].

4. Bolgov N.N. 2015. Pis'ma Libaniya v russkih perevodah [Letters of Libanius in Russian translations]. Mir pozdnej antichnosti. Dokumenty i materialy [World of late antiquity. Documents and materials]. Vyp. 3. Belgorod, 66 (in Russian).

5. Bolgov N.N., Bolgova A.M. 2019. Aleksandrijskie shkoly V v. po «Filosofskoj istorii» Damaskiya [Alexandrian schools of the 5th century on the «Philosophical History» of Damascius]. Iresiona. Antichnyj mir i ego nasledie [Iresione. Ancient world and its heritage]. Vyp. VI. Belgorod: 105–136 (in Russian).

6. Bolgova A.M. 2015. Intellektual'nye centry pozdnej antichnosti i «akademicheskaya mobil'nost'» studentov [Intellectual centers of late antiquity and «academic mobility» of students]. Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya [Scientific reports of BelSU. Series History. Political science]. № 13 (210). Vyp. 35. Belgorod: 50–53 (in Russian).

7. Bolgova A.M. 2015c. Kesarijskaya shkola kak fenomen perekhodnoj epohi ot antichnosti k Vizantii [Caesarean school as a phenomenon of the transitional era from antiquity to Byzantium]. Pedagogika i obrazovanie v sisteme nauchnogo znaniya [Pedagogy and education in the system of scientific knowledge]. Belgorod: 84–88 (in Russian).

8. Bolgova A.M. 2014. Prokopij Gazskij: ritor i bogoslov [Procopius of Gaza: rhetorician and theologian]. Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology, culture]. 2: 101–107 (in Russian).

9. Bolgova A.M. 2018. Rannevizantijskie portrety: ritory, sofisty, filosofy [Early Byzantine portraits: rhetoricians, sophists, philosophers]. Belgorod, BelGU, 404 (in Russian).

10. Bolgova A.M. 2015a. Shkola Libaniya po ego pis'mam [School of Libania according to his letters]. III Sirotenkovskie chteniya [III Sirotenko readings]. Armavir: 51–55 (in Russian).

11. Bolgova A.M. 2015b. Shkoly Rannej Vizantii: k istorii izucheniya v otechestvennoj istoriografii [Schools of Early Byzantium: on the history of studying in Russian historiography]. Iresiona. Antichnyj mir i ego nasledie [Irecione. Ancient world and its heritage]. Vyp. IV. Belgorod: 172–177 (in Russian).

12. Bolgova A.M., Bolgov N.N. 2013. Pozdneantichnyj Berit v Finikii i ego yuridicheskaya shkola [Late Antique Berith in Phoenicia and his Law School]. Gosudarstvo i obshchestvo: vzaimodejstvie i protivostoyanie [State and society: interaction and confrontation]. Voronezh, VGU: 306–311 (in Russian).

13. Bolgova A.M., Bolgov N.N. 2012. Provincial'naya Gaza v Palestine i ee pisateli pozdneantichnogo vremeni [Provincial Gaza in Palestine and its writers of late antiquity]. Stolica i provinciya: istoriya vzaimootnoshenij [Capital and Province: Relationship History]. Voronezh, VGU: 262–267 (in Russian).

14. Bolgova A.M., Bolgov N.N. 2011. Ritor Horikij i Gazskaya shkola [Ritor Choricios and the Gaza School]. Nauchnye vedomosti BelGU. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika [Scientific reports of BelSU. Story. Political science. Economy. Computer science]. Vyp. 18, 7 (102): 65–71 (in Russian).

15. Bolgova A.M., Bolgov N.N. 2016. Enej Gazskij protiv neoplatonikov i origenistov: k izucheniyu naslediya Eneya v otechestvennoj nauke [Aeneas of Gaza against Neoplatonists and Origenists: to study the heritage of Aeneas in Russian science]. 1917–2017: uroki stoletiya. Materialy ezhegodnyh Mitrofanovskih cerkovno-istoricheskih chtenij [1917–2017: the lessons of the century. Materials of the annual Mitrofanov Church-Historical Readings]. Voronezh: 146–150 (in Russian).

16. Bolgova A.M., Bolgov N.N., Agarkova Yu.N. 2013. K istorii Kesarii Palestinskoj v rannevizantijskoe vremya [To the history of Caesarea Palestine in the early Byzantine time]. Kondakovskie chteniya – IV [Kondakov readings – IV]. Belgorod: 78–83 (in Russian).

17. Vashcheva I.Yu. 2005. Kesariya Palestinskaya v III – pervoj polovine VII v. [Caesarea of Palestine in the III – first half of the VII century]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Istoriya [Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. History Series]. Vyp. 1 (4). Nizhniy Novgorod: 13–25 (in Russian).

18. Vashcheva I.Yu. 2005a. Obrazovanie v Kesarii Palestinskoj v III – pervoj polovine VII vv. [Education in Caesarea Palestine in the III – first half of the VII centuries]. Aktual'nye problemy istoricheskoj nauki i tvorcheskoe nasledie S.I. Arhangel'skogo [Actual problems of historical science and the creative heritage of S.I. Arkhangelsky]. Nizhniy Novgorod: 72–80 (in Russian).

19. Vashcheva I.Yu. 2009. Cerkovnyj istorik Gelasij Kesarijskij [Church historian Gelasius of Caesarea]. Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika [Scientific reports of BelSU. Series History. Political science. Economy. Computer science]. Vyp. 12, 15 (70): 38–42 (in Russian).

20. Vedeshkin M.A. 2019. «Uchitelya-dusheguby»: obrazovanie i apostasiya v Pozdnej Rimskoj imperii [«Murderer Teachers»: Education and Apostasy in the Late Roman Empire]. Dialog so vremenem [Dialogue over time]. 66: 348–363 (in Russian).

21. Gol'ceva O.E. 2005. Svetskie i duhovnye obrazovatel'nye centry v Ranney Vizantii (IV–VII vv.) [Secular and spiritual educational centers in Early Byzantium (IV–VII centuries)]. Nash Anabasis [Our Anabasis]. Nizhniy Novgorod, Vyp. 2: 22–27 (in Russian).

22. Gracianskij M.V. 2013. Zahariya Ritor [Zachariah Ritor]. Pravoslavnaya enciklopediya [Orthodox Encyclopedia]. T. 19: 702–703 (in Russian).

23. Igum. Dionisij (Shlyonev). 2010. Dorofej Gazskij [Dorotheus of Gaza]. Pravoslavnaya enciklopediya [Orthodox Encyclopedia]. T. 16: 32–43 (in Russian).

24. Igum. Kirill (Ilyuhin). 2007. Istoriya hristianskogo obrazovaniya [History of Christian Education]. Pravoslavnyj sobesednik [Orthodox interlocutor]. Kazan', 2 (15): 170–186 (in Russian).

25. Istoriya Vizantii [History of Byzantium]. 1967. V 3 t. Pod obshch. red. S.D. Skazkina. T. 1. M., Nauka, 566 (in Russian).

26. Krivushin I.V., Krivushina E.S. 2002. Vizantiyskaya shkola [Byzantine school]. Ivanovo, IvGU, 88 (in Russian).

27. Kulakovskij Yu.A. 2003. Istoriya Vizantii [History of Byzantium]. V 3 t. T. I: 395–518 gody. SPb., Aletejya. 512 (in Russian).

28. Kurbanov A.V. 2017. Povsednevnaya zhizn' rannevizantijskoj kinovii (na primere monastyrya avvy Serida) [Everyday life of early Byzantine kinovia (on the example of the monastery of Abba Serid)]. Diss. kand. istor. nauk. 07.00.03. Belgorod, 288 (in Russian).

29. Lemerl' P. 2012. Pervyj vizantijskij gumanizm. Zamechaniya i zametki ob obrazovanii i kul'ture v Vizantii ot nachala do X veka [The first Byzantine humanism. Remarks and notes on education and culture in Byzantium from the beginning to the X century]. SPb., Svoe izdatel'stvo, 492 (in Russian).

30. Lipshic E.E. 1984. Yuridicheskie shkoly i razvitie pravovoj nauki [Law schools and the development of legal science]. Kul'tura Vizantii IV – pervaya polovina VII v. [The culture of Byzantium IV – the first half of the VII century]. M., Nauka: 358–371 (in Russian).

31. Lopatina M.Yu. 2019. Ioann Gazskij: klassicheskie motivy rannevizantijskoj poezii [John of Gazi: Classical Motives of Early Byzantine Poetry]. Vizantijskoe sodruzhestvo: tradicii i smena paradigm: tezisy dokladov XXII vserossijskoj nauchnoj sessii vizantinistov RF, Ekaterinburg, 24–28 sentyabrya 2019 g. [The Byzantine Commonwealth: Traditions and Paradigm Shift: Abstracts of the XXIIth All-Russian Scientific Session of the Byzantinists of the Russian Federation, Yekaterinburg, September 24–28, 2019]. Ekaterinburg, 98–100 (in Russian).

32. Lopatina M.Yu. 2017. Sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya istorii Pozdney antichnosti i Ranney Vizantii (1990–2015 gg.) [Modern foreign historiography of the history of Late Antiquity and Early Byzantium (1990–2015)]. Mir Pozdney antichnosti. Dokumenty i materialy [World of Late Antiquity. Documents and materials]. Vyp. 8. Otv. red. N.N. Bolgov. Belgorod, BelGU, 110 (in Russian).

33. Manohin Ya.V. 2018. «Feofrast» i «Ammonij». Otrazhenie rannevizantijskoj polemiki mezhdu hristianstvom i antichnym yazychestvom v literaturnom nasledii ritorskoj shkoly Gazy [«Feofrast» and «Ammonius». Reflection of the Early Byzantine polemic between Christianity and ancient paganism in the literary heritage of the rhetorical school of Gaza]. Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya [Scientific reports of BelSU. Series History. Political science]. 2018. Vyp. 45, 1: 29–34 (in Russian).

34. Manohin Ya.V. 2018a. Rannevizantijskaya Gaza – hristianskij intellektual'nyj centr v Palestine [Early Byzantine Gaza – Christian Intelligent Center in Palestine]. Diss. kand. istor. nauk. 07.00.03. Belgorod, 274 (in Russian).

35. Savrej V.Ya. 2012. Antiohijskaya shkola v istorii hristianskoj mysli [Antioch School in the History of Christian Thought]. M., MGU, 290 (in Russian).

36. Samodurova Z.R. 1984. Shkoly i obrazovanie [Schools and Education]. Kul'tura Vizantii. IV – pervaya polovina VII vv. [The culture of Byzantium. IV – the first half of the VII centuries]. M., Nauka: 478–503 (in Russian).

37. Svyashch. Vladimir Shmalij. 2009. Arij [Arius]. Pravoslavnaya enciklopediya [Orthodox Encyclopedia]. T. 3: 226–227 (in Russian).

38. Svyashch. Mihail Zheltov. 2018. Kirill [Kyrillos]. Pravoslavnaya enciklopediya [Orthodox Encyclopedia]. T. 34: 299–318 (in Russian).

39. Sidorov A.I. 2009. Bogoslovskie shkoly drevnej Cerkvi [Theological Schools of the Ancient Church]. Pravoslavnaya enciklopediya [Orthodox Encyclopedia]. T. 5: 525–530 (in Russian).

40. Sidorov A.I. 1988. Ioann Grammatik Kesarijskij (k harakteristike vizantijskoj filosofii v VI v.) [John the Grammar of Caesarea (on the characteristic of Byzantine philosophy in the 6th century)]. Vizantijskij vremennik [Byzantine temporary]. T. 49 (74): 81–99 (in Russian).

41. Tyulenev V.M. 2019. Rimskaya shkola na pozdneantichnom latinskom Zapade (Yuzhnaya Galliya i Italiya v V – pervoj polovine VI vv.) [Roman school in the late ancient Latin West (South Gaul and Italy in the V – first half of the VI century)]. Ivanovo, IvGU: 224 (in Russian).

42. Tyulenev V.M. 2018. Ellinskaya slovesnost' i uchenost' na latinskom Zapade V – pervoj poloviny VI vv. [Hellenic literature and scholarship in the Latin West of the 5th – first half of the 6th century]. Cursor Mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya [Cursor Mundi: Man of Antiquity, Medieval and Renaissance]. 10: 40–53 (in Russian).

43. Udal'cova Z.V. 1974. Idejno-politicheskaya bor'ba v Rannej Vizantii (po dannym istorikov IV–VII vv.) The ideological and political struggle in Early Byzantium (according to historians of the 4th – 7th centuries). M., Nauka, 388 (in Russian).

44. Udal'cova Z.V. 1969. K voprosu o mirovozzrenii vizantijskogo istorika VI v. Evagriya [On the worldview of a Byzantine historian of the 6th century Evagrius]. Vizantijskij vremennik [Byzantine temporary]. T. 30 (55): 63–72 (in Russian).

45. Watts E. 2019. Obrazovanie v pozdnej antichnosti. Obshchenie, mysl' i socializaciya [Education in late antiquity. Communication, thought and socialization]. Hypothecai. Vyp. 3: 306–338 (in Russian).

46. Bolgova A., Bolgov N. 2013. The Crossroads of Epochs and Cultures: Choricius of Gaza as a mirror of continuity. L'Ecole de Gaza: espace litteraire et identite culturelle dans l'Antiquite Tardive. Paris, College de France: 2–3.

47. Cameron Al. 1969. The last days of the Academy in Athens. Proceeding of the Cambridge Philological Society. 15: 7–29.

48. Cameron Av. 2005. Procopius and the Sixth Century. London, New York, UP, 380.

49. Carriker A.J. 2003. The Library of Eusebius of Caesarea. Leiden, Boston, Brill, 312.

50. Collinet P. 1925. Histoire de l'ecole de droit de Beyrouth. Paris, L'Efevr, 365.

51. Cribiore R. 2007. The school of Libanius in Late Antique Antioch. Princeton, UP, 384.

52. Croke B. 1990. Malalas, the man and his work. Studies in John Malalas. Sydney, BA: 1–27.

53. Downey G. 1961. A History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, UP, 512.

54. Downey G. 1958. The Christian School of Palestine: A Chapter in Literary History. Harvard Library Bulletin. 12: 297–319.

55. Hirschfeld Y. 2004. The Monasteries of Gaza: An Archaeological Review. Christian Gaza in Late Antiquity. Leiden, Brill: 61–88.

56. Kaster R. 1997. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley, Los Angeles, Oxford, UP, 422.

57. Schemmel F. 1925. Die Schule von Caesarea in Palästina. Philologische Wochenschrift. 45: 1277–1280.

58. The Syriac Chronicle, known as that of Zachariah of Mitylene. 1899. Trans. F.J. Hamilton, E.W. Brooks. London, KK, 390.

59. Treadgold W. 2010. The Early Byzantine Historians. London, Palgrave MacMillan, 488.

60. Two Early Lives of Severos, Patriarch of Antioch, 2013. Trans. with an intr. and notes by S. Brock and B. Fitzgerald. Liverpool, BE, 210.
61. Watts E. 2088. City and School in Late Antique Athens and Alexandria. Berkeley, UCP, 368.
62. Wilson N. 1975. Books and readers in Byzantium. Byzantine Books and Bookmen. Washington, Ed., 1–15.
63. Winkelmann F. 1980. Die östlichen Kirche in der Epoche der christologischen Auseinandersetzung. Berlin, Verlag, 322.
64. Zacharias Mytilene. Ammonius. Aeneas of Gaza. Theophrastus. 2012. Trans. by J. Dillon and D. Russel. Gen. ed. R. Sorabji. Bristol, Ed., 93–176.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Болгов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Болгова Анна Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Денисова Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Бузанаков Юрий Владимирович, аспирант кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolai N. Bolgov, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Anna M. Bolgova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Irina V. Denisova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Yuri V. Buzanakov, Postgraduate Student, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(3)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-727-746

Принцевы острова в пенитенциарной системе Византийской империи

И.Ю. Ващева
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Российская Федерация, 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: vasheva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается один из географических объектов Византии, расположенный недалеко от Константинополя и окутанный зловещим ореолом. При этом предпринимается попытка оценить место и роль получивших дурную известность Принцевых островов с точки зрения развития пенитенциарной системы Византии. В статье не только приводятся наиболее яркие примеры ссылки и заключения на Принцевых островах именитых и влиятельных особ, религиозных и политических деятелей Византии, но и предпринимается попытка гендерного, социально-статусного, количественного анализа заключенных, выявляются условия их содержания и цели заключения. Актуальность статьи определяется тем, что история Принцевых островов и их роль в Византийской истории изучены крайне мало и в то же время отличается наличием определенных стереотипов. Автор подвергает проверке и заново осмысливает ставшие уже стереотипными представления о роли Принцевых островов в византийской истории и приходит к выводу, что использование архипелага в качестве места заключения неугодных представителей царствующего дома носит вторичный характер. Определяющим же фактором заселения и освоения островов являлись идеальные условия для монастырского строительства. Изменение внутри- и внешнеполитической ситуации в VIII–IX вв. в сочетании с развитием законодательства и судебной системы в Византии приводят к тому, что довольно распространенной практикой наказания, а вернее, способом предотвращения потенциальной угрозы становится ссылка высокопоставленных противников и монастырское заключение. Это был удобный способ сохранить жизнь высокородным политическим соперникам и прямым оппонентам и в то же время устранить их надолго от участия в политической жизни. Принцевы острова в этом отношении как нельзя лучше подходили в качестве места (добровольного или принудительного) уединения, трудов и молитвенных занятий.

Ключевые слова: Принцевы острова, пенитенциарная система, тюрьмы Византии, места заключения, монастыри, «эпоха правового новаторства»

Для цитирования: Ващева И.Ю. 2020. Принцевы острова в пенитенциарной системе Византийской империи. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 727–746. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-727-746.

Prince's islands in the penitentiary system of the Byzantine Empire

Irina Yu.Vashcheva
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23, Av. Gagarin, Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: vasheva@mail.ru

Abstract. The article deals with one of the geographical objects of Byzantium, located near Constantinople and shrouded in an ominous halo. An attempt is made to evaluate the role of the infamous Prince Islands in terms of the development of the Byzantine penal system. The article not only provides the most striking examples of exile on the Islands of famous persons, religious and political figures of Byzantium, but also attempts to gender, social status, quantitative analysis of prisoners, reveals the

conditions of their detention and the purpose of imprisonment. The relevance of the article is determined by the fact that the history of the Prince Islands and their role in the Byzantine history has been studied very little and at the same time is characterized by certain stereotypes. The author checks some stereotyped ideas about the role of the Prince's Islands in Byzantine history and concludes that the use of the archipelago as a place of detention of undesirable representatives of the reigning house is secondary. The determining factor in the settlement and development of the Islands was the ideal conditions for monastic construction. Changes in the domestic and foreign political situation in the VIII-IX centuries in combination with the development of the judicial system in Byzantium brings an appearance of quite common practice to punish, or rather to prevent a potential threat, the exile of high-ranking opponents and monastic imprisonment. It was a convenient way to save the lives of high-born political rivals and direct opponents and at the same time remove them from political life for a long time (Refs 50).

Keywords: Prince's Islands, penitentiary system, Byzantine prisons, places of detention, monasteries, «the age of legal innovation».

For citation: Vashcheva I.Yu. 2020. Prince's islands in the penitentiary system of the Byzantine Empire. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 727–746 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-727-746.

Принцевы острова (греч. Πριγκηπόννησα, *Pringeponnesa*; др.-греч. Πριγκήπων νήσοι, *Pringēpōn nēsoi*) – это архипелаг, состоящий из 9 островов и расположенный в Мраморном море недалеко от Константинополя (совр. Стамбула). Происхождение названия островов часто связывают с тем, что во времена Византийской империи на них ссылали опальную знать – родственников императора, видных государственных деятелей и прочих возмутителей спокойствия, осмелившихся покуситься на престол [26]. Сегодня Принцевы острова являются одним из самых экологически чистых, живописных и престижных мест региона, но славятся они не только своими красивейшими видами, но и богатой историей. Правда, эта история окутана специфическим ореолом. Как пишет С.А. Иванов, «на каждом из островов кого-то мучили, лишали зрения и держали в оковах» [Иванов, 2013, с. 579]. И действительно, примеров тому немало.

Однако в задачи данной статьи не входит ни перечисление жертв и узников Принцевых островов, ни пересказ леденящих душу примеров; более важными и продуктивными, на наш взгляд, являются выявление различных аспектов жизни этого архипелага, анализ действительной роли Принцевых островов в Византийской истории, установление времени и причин начала использования архипелага в качестве места ссылки и заключения высокопоставленных особ.

Источниковая база истории Принцевых островов весьма неоднородна и специфична. Практически все материальные свидетельства византийской эпохи на крупных островах архипелага уничтожены современным строительством. Маленькие необитаемые островки лучше сохранили свидетельства прежних эпох. Однако целенаправленного, систематического археологического исследования островов, насколько нам известно, не проводилось. Более того, на островах расположены некоторые объекты, вход на территорию которых категорически воспрещен.

Письменные источники более доступны и разнообразны, однако содержащаяся в них информация весьма небогата и однотипна. В исторических произведениях [Оболенский и др., 1860; Липшиц, 1950; Чичуров, 1980; Любарский, 2009], как правило, можно найти лишь упоминания о том, что такой-то и такой-то был сослан и закончил свои дни на

[26] По другой версии, восходящей к Кедрину, Принцевы острова получили свое название в VIII в., когда император Юстин II построил здесь роскошный дворец для своего наследника. См., например: [Lawler, 2004, p. 240]. Ср. Феофан 563: «В этом году царь Юстин начал строить другой дворец в подгородной даче, которою владел до своего воцарения, равно на острове Принцевом устроил другой загородный дворец – церковь святых бессребреников, в урочище Дария».

одном из Принцевых островов. Более живую и развернутую картину дают агиографические сочинения – жития того или иного мученика или пострадавшего от гонений церковного деятеля, в которых в красках рассказывается о мучениях, которым те подвергались, и условиях, в которых они содержались на острове, хотя, возможно, многие сведения значительно приукрашены.

Что касается степени изученности истории Принцевых островов и их роли в пенитенциарной системе Византийской империи, то можно констатировать наличие в научной литературе двух-трех стереотипных утверждений, чем собственно изучение данной проблематики и исчерпывается. Принцевы острова как географический объект рассматриваются, пожалуй, только в путеводителях по окрестностям Стамбула, где неизменно отмечается их зловещая слава [Филиппов, 1915; Коркмас, Скоковская, 1919; Pokock, 1745; Freely, 2007; Sartorius, 2011]. Выгодно выделяется на этом фоне работа С.А. Иванова, в которой Принцевым островам и связанным с ними известным людям посвящена целая глава (19 стр.) [Иванов, 2013, с. 579–597] с цитатами из оригинальных источников. Однако в качестве объекта исторического исследования и, в частности, в контексте «истории наказаний» Принцевы острова никогда ранее не рассматривались.

История византийского права, юридических институтов и практик в империи привлекали внимание ученых еще с XIX в. [Суворов, 1876; Азаревич, 1877; Фойницкий, 1889; Dagron, 1994; Morris, Rothman, 1998; Humphreys, 2015; Chitwood, 2017; Stolte, 2018, p. 229–248]. Но и в этих исследованиях Принцевы острова если и упоминаются, то очень бегло и кратко. История тюрем и пенитенциарных учреждений, как и практика наказаний в Византии, изучена довольно слабо. Можно сказать, появляются только еще первые работы в этой области [Кущ, 2014, с. 82–95; Hillner, 2007, p. 205–237; Hillner, 2011, p. 39–56; Hillner, 2013; Hillner, 2015; Chitwood, 2017]. В изданиях по истории Византии Принцевы острова если и упоминаются, то крайне редко и мимоходом.

Первые упоминания о ссылках высокопоставленных особ на острова данного архипелага относятся к 565 г. В частности, сообщается, что *патриарх Евтихий* провел 3 недели в заключении на острове Принкипо [Иванов, 2013, с. 590; Allen, 1980, p. 10–11; Whitbey, 1987, p. 297–308; Cameron, 1988, p. 225–247; Laga, 1992].

В 635 г. «поверив доносам, император Ираклий приказал сослать сюда своего внебрачного сына *Аталариха*», отрубив ему нос и руку по обвинению в участии в заговоре [Липшиц, 1950].

Следующее подобное упоминание в источниках появляется, пожалуй, лишь в 60-е гг. VIII в., когда *патриарх Константин* (754–766) в связи с заговором «19 вельмож» будет низложен и отправлен в ссылку на Принкипо («Княжий остров»), а позднее возвращен в столицу, чтобы подвергнуться публичному осмеянию, осуждению и жестокой казни от императора Константина V [Afinogenov, 2010, p. 207–214].

Острова сыграли свою роль в судьбе женщин императорского дома на рубеже VIII–IX вв. В январе 795 г. Константин VI, сын императрицы Ирины, насильно заставил свою первую жену Марию (Амнийскую) принять монашество, и вместе с дочерьми Ириной и Ефосиньей *Мария* была сослана в монастырь на одном из Принцевых островов, где она и скончалась монахиней в 821 г. Одна из дочерей Марии Евфросиния (правнучка св. Филарета Милостивого и внучка императрицы Ирины) ок. 823 г. будет вызвана из монастыря и станет женой императора Михаила Травла II. История эта наделала много шума в столице (Cont. Theoph. II. 24) [Любарский, 2009]. Для нас же она важна тем, что ссылка женщин императорского дома на Принцевы острова в IX в. становится весьма распространенной практикой. Сама императрица Ирина не избежала этой участи. В 802 г. Никифор, захватив власть, «получивши желаемое, тотчас послал ее на остров Принцип, в обитель, которую она устроила». Спустя некоторое время, опасаясь волнений, Никифор отправил ее на о. Лесбос, где она через полгода и скончалась. Тело же ее было возвращено на о. Принкипо в построенную ей обитель (Theoph. a. 6295 / 795) [Оболенский и др., 1860]. Вероятно, новый импе-

ратор Никифор, захвативший власть путем заговора, не считал Принцевы острова достаточно удаленным и надежным местом для содержания ссыльной императрицы.

Примерно в это же время неудавшийся претендент на власть *Вардан*, желая избежать наказания, добровольно приняв монашеский постриг, с согласия императора удалился на о. Проти [27].

С 809 по 811 гг. провел в заключении на Принцевых островах и *Феодор Студит* [28] со своими сподвижниками (преп. Феодор был отправлен в монастырь на острове Халки, архиепископ Иосиф – на Проти, авва Платон – на Оксию) (Theod. Stud. Orat. Funer. In Platon) [Митр. Владимир, 2011, с. 242; Migne, 1857, col. 803–849]. Здесь преп. Феодор по обыкновению вел обширную переписку со своими учениками и почитателями, которых поощрял на подвиг, утверждал в истине, восхвалял за исповедничество, убеждал не принимать антицерковного постановления Константинопольского собора 809 г. Он стремился даже составить коалицию против императора, пытаясь заинтересовать в византийском противомихианском движении православный Восток и Рим. Находясь в заключении, писал письма к Римскому папе Льву, однако папа Лев ответил на все ходатайства преп. Феодора о содействии лишь моральным сочувствием [Преображенский, 1896; Гроссу, 1907; Доброклонский, 1913–1914; Соколов, 2005]. Освобожден же он был в 811 г. после прихода к власти нового императора.

С 813 по 844 гг. на Платии жил в заключении свергнутый Львом V Михаил I с сыновьями Евстратием и Никитой (будущий *патриарх Игнатий*) [29]. Сам Лев V был убит в 820 г. Михаилом Аморийским, который унаследовал трон как Михаил II. Михаил затем

[27] «В июле месяце, 19 числа; в четвертый день недели, в 1-м часу, Варданес патриций и военачальник восточный, по прозванью Турк, провозглашен был царем заграничными легионами; хотя он долго отказывался, но не мог уклониться от них, пришел к Хрисополису и, ходивши около его 8 дней, не был принят жителями города и возвратился в Малагины. Но, убоявшись Бога и приняв на совесть, чтоб за него не произошло убийство христиан, писал к Никифору и, *получивши от него письменное честное слово и собственноручно подписанное, к которому подписались святейший патриарх Тарасий и все патриции, что он будет соблюден без вреда и наказания*, равно как и все, державшие его сторону, 8 числа сентября, в полночь, тайно ушел он от войска, прибыл в Кий вифинский, в обитель Ираклия и, нашедши здесь присланную от царя ладью, *тогда же остригся, надел монашеское платье и на ладье отправился на остров, называемый Проти, на котором он устроил монастырь, надеясь, что лютый Никифор уважит данное им страшное слово и ни в чем не будет вредить ему*» (Theoph. a. 6295 / 795).

[28] Находясь на Халках, Феодор написал несколько писем, богословских трактатов и стихотворений, одно из которых было с любовью адресовано монашеской келье, в которой он был заключен. Феодор не называет имени монастыря, но другие свидетельства, по-видимому, указывают на то, что это была Святая Троица. В письмах Феодора говорится, что после убийства Льва V в 820 г. его вдова, императрица Феодора, и ее дочери были сосланы в монастырь на Халках новым императором Михаилом II. Феодор и другие жители Святой Троицы были затем выселены, чтобы освободить место для императрицы и ее дочерей. Таким образом, на Халках, по-видимому, было еще одно монастырское учреждение, где могли найти приют перемещенные монахи, и, возможно, это был монастырь Святого Иоанна Крестителя.

[29] «А когда Лев вступил в город, Михаил обрезал вместе с женой и детьми волосы и отправился в божье святилище, именуемое Фаросом…, чтобы вымолить благосклонность нового царя. А тот решил, что *негоже отрывать от бога и лишать жизни Михаила, и потому отправил его изгнанником на остров Плат, велел жить там незаметно и положил ежегодные денежные выдачи. Рассказывают, что там он принял монашество, получил имя Афанасия и прожил еще тридцать два года*. При нем находились его сын Евстратий, по приказу Льва постриженный и оскопленный 20 лет от роду, и Никита, который прежде еще мальчиком командовал иканатами (он стремился дружить с воинами и теми, кто проводил жизнь под открытым небом и опытен был во многих делах), а тогда тоже постригся, был прозван Игнатием, проводил свои дни с отцом и пристрастился к иноческой жизни. А вот супругу его Лев отнял, отделил и переселил в монастырь Прокопии, хотя Михаил горячо просил этого не делать. Михаил ушел из жизни 11 января 6032 г., оставил свой прах на том же острове и был похоронен на правой половине церкви. Евстратий же после смерти отца прожил еще 5 лет, усоп 15 января 6037 г. и упокоен на левой стороне церкви. Игнатий же, прежде именовавшийся Никитой, сподобившись сана константинопольского епископа, много позже предал погребению его святое тело в монастыре Сатира, который сам незадолго до того возвел от основания» (Cont. Theoph. I. 10).

сослал вдову Льва, Феодосию, и ее четырех детей в монастырь Панагии, или Святой Девы, на о. Проти, где были похоронены останки свергнутого императора.

Примерно в это же время (с 823 по 829 гг.) на Антигоне томился в заключении предшественник Игнатия – *константинопольский патриарх Мефодий*. Самые яркие и драматичные страницы истории Принцевых островов связаны, пожалуй, с пребыванием здесь именно этих двух опальных патриархов – патриарха Константинопольского Мефодия (843–847), а затем его преемника – патриарха Игнатия (847–858, 867–877).

Житийные тексты в красках повествуют о том, что будущий патриарх Мефодий просидел в заключении в подземной тюрьме с конца 823 по весну 829 г.: «Император [Михаил II Травл] велел бичевать блаженного бычьими жилами по лицу, а потом заточил его в тесной могиле, имевшей узкое отверстие, через которое ему спускали скудное продовольствие. Вместе с ним в подземелье были заточены два преступника, а снаружи приставлена неусыпная стража. Прошло немного времени, и эти двое умерли, не снеся зловония и темени подземного склепа, а также нестерпимой прожорливости вшей. Выжил один лишь этот благородный и сверхъестественно выносливый муж – Мефодий. Кто бы еще вынес полчища мышей, которые завелись в мертвых телах и докучали погребенному заживо Божию человеку. Этот упрямец потерял все волосы с головы, проведя в ужасном узилище пять лет». Правда, по другой версии, умер лишь один из разбойников, а у Мефодия хватило душевных сил, чтобы обратить второго к покаянию [Иванов, 2013, с. 583]. Из данного текста не ясно, за что патриарх, известный своей праведной жизнью, и двое преступников заслужили одинаково суровое наказание. В юридических памятниках той эпохи также не предписывается строгое тюремное заключение в качестве наказания за какие-либо определенные преступления. Поэтому вызывает сомнение, что патриарх и обычные преступники могли оказаться в одной темнице.

Впрочем, вполне возможно, что автор жития использует здесь стандартные клише, возможно, несколько преувеличивает ужасы заточения, дабы показать мученический венец подвижника. Другие источники рисуют условия заключения Мефодия несколько в ином свете. Сообщается, в частности, что его соратники в борьбе за иконы Феодор и Феофан «передали ему письмо через одного верного человека, рыбака, который прислуживал святому Мефодию в его нехитрых надобностях. По причине темноты его склепа он каждую субботу приносил ему лампадного масла на одну монету, и этого хватало на то, чтобы светить узникам в течение недели. Однажды рыбак заболел и не принес свою обычную порцию масла, но по молитве святого Бог восполнил недостачу». Во всяком случае, известно, что святые иноки-исповедники Феодор и Феофан Начертанные послали святому Мефодию приветствие в стихах, и узник, находясь в подземелье («запертый в гробовой пещере»), также ответил стихотворным приветствием [Димитрий Ростовский, 1903–1911, с. 781–782] (!). После многих лет заключения на Антигоне в регентство императрицы Феодоры Мефодий был освобожден и стал патриархом. Как сообщает Продолжатель Феофана, «тот, кто многочисленными трудами и подвигами в неприкосновенности соблюл добродетель, кто из-за длительного заключения в гнилости и грязи лишился волос, но от бога и царицы Феодоры обрел управление и власть над церковью. А был это великий Мефодий – неодолимый ревнитель церкви» (Cont. Theoph. IV. 3).

Таким образом, ссылка и заточение в склепе на островах не помешали ему не только выжить, но и поддерживать отношения со своими соратниками, писать стихотворные послания и даже вернуться к активной политической деятельности.

Особую роль сыграли Принцевы острова и в судьбе другого *Константинопольского патриарха Игнатия* (797–877). Будучи сыном византийского императора Михаила I Рангаве, он еще ребенком оказался заключен в монастырь, после того как его отец в 813 г. был свергнут с престола. Он был оскоплен и в 14 лет стал монахом. Здесь он развернул бурную деятельность, «Принцевы острова Платия, Ятрос и Теревинф были обжиты его попечением и наполнились храмами Божьими и обителями монахов» [Иванов, 2013,

с. 593]. Им было основано три монастыря на Принцевых островах [Pargone, 1902]. Пробыв в монастырях 33 года, 4 июля 847 г. святой императрицей Феодорой он был возведен на престол Константинопольского патриарха [Beck, 1979, S. 96] как стойкий борец против иконоборчества. Придерживаясь консервативных взглядов, Игнатий завоевал популярность у народа, но навлек на себя нерасположение высшего духовенства. В 856 г. он вступил в открытый конфликт с Вардой, регентом малолетнего императора Михаила III, открыто осудив его грехи и отлучив от причастия. Патриарх увещевал Варду оставить греховную жизнь и смело обличал его беззакония. По приказу Варды святителя мучили 15 дней, заставляя отречься от сана, но не добились ничего (Cont. Theoph. IV. 30–31). Когда в 857 г. Варда хотел заставить святителя постричь в монахини святую царицу Феодору, мать императора, чтобы удалить ее от управления государством, то святой патриарх Игнатий не только не согласился на это, но даже всенародно отлучил Варду от причастия. Не посмев напрямую свергнуть патриарха, Варда свалил на святителя вину за мелкий бунт и, убедив императора в правдивости обвинения, сослал Игнатия на остров Теревинф, один из Принцевых островов. Императрица Феодора тогда же была заключена своим сыном Михаилом III в монастырь на Неандросе, самом маленьком из Принцевых островов. На патриарший престол был поставлен светский чиновник Фотий, человек безусловно яркий и выдающийся, но оказавшийся у власти стремительно и в нарушение всех правил поставления патриарха. Низложенный патриарх Игнатий из ссылки обращается за помощью к Римскому папе (!), что положило начало «Фотианской схизме». Здесь опальный патриарх развернул бурную деятельность и занялся восстановлением монастырей и часовен, пострадавших от набегов россов в 860 г. [30] В 867 г., после убийства императора Михаила III и утверждения у власти Василия Македонянина, Игнатий был возвращен из ссылки и восстановлен в сане патриарха, в коем и оставался вплоть до своей кончины в 877 г.

Примечательно, что сосланные патриархи – люди в высшей степени достойные, не совершившие никаких преступлений (наказывать их было не за что), но своей принципиальной позицией мешавшие проведению императорской политики. Оба патриарха описываются как герои, претерпевшие мученичества за веру. Правда, основные мучения патриарх Игнатий, например, претерпел в столице, а не на островах. Судя по всему, ссылка и заключение, описываемые в исторических источниках одной строчкой, не вызвали столь бурной реакции у современников. Агиография дает более эмоциональное описание их мученического пути, но вместе с тем и более тенденциозна.

В следующий раз Принцевы острова упоминаются в связи с драматичными историями из жизни византийских правителей уже в X в. Так, 17 декабря 944 г. на остров Проти был привезен *Роман Лакапин*, свергнутый собственными сыновьями. А всего через несколько дней, 27 декабря, сыновья Романа, сами ставшие жертвой заговора и дворцового переворота, в свою очередь свергнутые Константином Багрянородным, последовали за отцом. Драматичнейшую сцену описал современник Лиутпранд: «Когда Роман, отец их, услышал о том, что они прибыли, он вышел за ворота монастыря им навстречу и с радостным лицом сказал: «Какая, – говорит, – радость, что ваши величества решили навестить здесь наше ничтожество. Полагаю, что именно сыновняя любовь, изгнавшая меня из дворца, не позволила вам долго там оставаться. Как хорошо, что вы отправили меня вперед. Ведь братия не знала бы, как принять императоров, если бы не имела меня, издавна поднаторевшего в имперских церемониях. Готов уже отвар из воды, сладкие бобы и молодой чеснок». Пока Роман насмехался над ними, Стефан и Константин стояли пристыженные, устремив глаза в землю» [цит. по: Иванов, 2013, с. 581].

[30] О богоугодной деятельности Игнатия и реакции властей на его «самоуправство» в подробностях рассказывает «Житие патриарха Игнатия» Никиты Пафлагона [Migne, 1862, col. 487–575]. Об этом произведении см. также [Васильевский, 1899; Smithies, 1988].

Как видно из данных описаний, Роман и другие неудавшиеся императоры были отправлены на Принцевы острова в монастырь. Никакого строгого тюремного заключения, очевидно, тут не предполагалось. Роман жил вместе с братией, трудился вместе с монахами, вместе с ними и принимал трапезу. Очевидно, разрешались посещения, допускалось общение, так что бывший император не должен был провести оставшуюся жизнь в полном уединении и одиночестве, и уж тем более подвергаться каком-либо физическому насилию.

В 969–970 гг. на остров Проти была сослана и знаменитая *Феофано* (Leo Diac. VI. 4) [Попов, 1820], убившая в декабре 969 г. своего мужа императора Никифора Фоку и посадившая на престол Иоанна Цимисхия. Ей удалось вернуться в Константинополь, где она пыталась найти убежище в церкви Св. Софии. Однако Иоанн Цимисхий остался непреклонен. Он послал в Св. Софию своего верного евнуха Василия Нофа, равнодушного к женским чарам, и тот «выволок ее, причем она крепко ругалась на императора и на Василия, обзывая его скифом и варваром, и била кулаками по щекам» [Иванов, 2013, с. 581]. На основании этих скудных данных можно заключить, что Феофано, очевидно, не содержалась под стражей, если смогла подготовить побег и организовать свое возвращение в столицу, хотя естественные преграды (монастырские стены и море) должны были удержать ее на безопасном расстоянии от столицы.

В 1042 г. на Принкипо была сослана императрица *Зоя* (Mich. Psel. 5. XXI–XXIII) [Любарский и др., 2003]. В монастыре на Принкипо жили в заточении также *Анна Далассина* [31]*, Ирина Дукена и Мария Аланская.*

Интересную информацию о заключении Марии Аланской дает письмо архиепископа Фефилакта Охридского [Gautier, 1986; Иванов, 2013, с. 591], которому опальная императрица некогда покровительствовала, но которую он не навестил, проплывая мимо на корабле. Он пишет: «Пусть знает твоя царственность, что я множество раз и подолгу приставал к матросам, чтобы они повернули руль и направили паруса на островок Прикипо, где *счастливо* пребывает твое величество. Но для них мои грозные вопли не долетали, думаю, из-за того, что уши им забивал еще более грозный вой северного ветра». Данная ситуация весьма любопытна в том отношении, что архиепископ вынужден оправдываться за то, что он не навестил императрицу в ссылке, т. е. он не только мог, но и *должен* был ее навестить. И помешали ему это сделать не страх наказания от грозного императора, но «грозный северный ветер». И в целом он не стесняется писать, что императрица «*счастливо пребывает*» на одном из островов. Очевидно, что условия содержания царственной особы на острове были не такими уж суровыми и вполне соответствовали ее статусу.

В 1072 г. на Принцевых островах в муках закончил свои дни свергнутый и ослепленный *император Роман Диоген* (1067–1071). Это было, пожалуй, последнее крупное и столь драматичное событие, связанное с Принцевыми островами [32].

Михаил VII Дука (1071–1078) был заключен в монастырь, после того как он был низложен и ослеплен в 1078 г., и оставался там до своей смерти в 1090 г.

С начала XII в. Принцевы острова почти не упоминаются в качестве места ссылки и заключения.

Итак, история островов оказалась связана с жизнью многих исключительно ярких, неординарных, уникальных личностей, оставивших свой след в истории Византийской империи. При этом можно сделать определенные наблюдения.

Во-первых, хронологический анализ показывает, что наибольшей популярностью в качестве места ссылки острова пользовались в IX–XI вв.

До начала IX в. наиболее частым местом ссылки выступали о-ва Эгейского моря, особенно о-в Родос (куда были сосланы, например, вдова и дети императора Ираклия),

[31] Подробнее об Анне Далассине: [Диль, 1994, с. 96–110].

[32] По некоторым данным, в 1073 г. на Оксию бежал и искал убежища неудачливый узурпатор Иоанн Дука, однако данное событие не имело такого резонанса и византийскими источниками осталось практически незамеченным.

Фракия (Максим Исповедник), Херсонес Таврический (папа римский Мартин, Юстиниан II и др.), Грузия (Максим Исповедник), Абхазия (Иоанн Златоуст) и др. Но в VII в. активизируются арабы, которые начиная с 654 г. начинают захватывать острова Родос, Кос, Крит и др., что надолго выводит острова из состава византийских владений.

Другим весьма удобным местом для удаления опасных политических противников в ранневизантийский период выступал г. Херсонес в Северном Причерноморье. В конце V – начале VI в. Херсонес (Херсон) вошел в состав Восточно-Римской империи и стал северным форпостом Византии, через который осуществлялся контроль за передвижением варварских племен, представлявших потенциальную угрозу безопасности империи. Византийцы постоянно держали эту стратегически важную крепость под политическим, экономическим и идеологическим контролем и, учитывая отдаленность Херсона, использовали его как место ссылки оппозиционеров, неугодных церковных и политических деятелей. В разное время сюда были сосланы монофизит Тимофей Элур (60-е гг. V в.), римский папа Мартин, Феодор и Евперий (655 г.), низверженный император Юстиниан II Ринотмет (695–705 гг.), его соперник Филиппик Вардан, брат императора Льва Хазара – кесарь Никифор (776 г.), и даже в IX в. монахи-иконопочитатели – сподвижники Феодора Студита: Иоанн Психиат и Иосиф Песнописец.

Таким образом, острова Эгейского моря и весьма удаленное от центра Северное Причерноморье активно использовались византийскими императорами в качестве места ссылок политических противников в период до середины VII в., довольно редко – в VIII в. С IX в. мы практически не встречаем упоминаний о ссылках политических или религиозных деятелей в эти регионы.

Так, первой ключевой точкой в развитии пенитенциарной системы Византии служит рубеж VIII – IX вв. Вторым поворотным моментом служит конец XI в. Именно на эти три столетия (с начала IX до начала XII в.) приходится пик активной жизни Принцевых островов в данном качестве.

Очевидно, что важнейшим фактором, определившим подобную динамику и объясняющим появление тенденции к активному использованию Принцевых островов, стали внешнеполитические изменения в регионе в период VIII–IX вв., когда Византийская империя сталкивается с серией внешнеполитических вызовов. В начале VIII в. в Византии сложилась чрезвычайно сложная внутри- и внешнеполитическая обстановка. Внутренняя смута и рост местного сепаратизма соседствовали с мощным наступлением арабов, угрозой со стороны лангобардов, болгар и славян, потерей целого ряда провинций государства. К 700 г. территория империи уменьшилась в четыре раза (!) по сравнению с периодом правления знаменитого императора Юстиниана I (сер. VI в.). По словам выдающегося русского византиниста А.А. Васильева, «в момент восшествия Льва на престол Византия переживала один из критических периодов своей истории. Так, в 728 г. лангобарды овладели Равенной и начали устанавливать свое господство на севере Италии, лишь формально являвшейся в то время провинцией Византии. В руках арабов оказались недавно столь успешно отвоеванные у персов Сирия, Палестина, Египет, а также часть Малой Азии и византийские провинции в Северной Африке [Васильев, 1998а, с. 318].

В конце VIII – 1-й пол. IX в. международное положение империи определялось, с одной стороны, ростом могущества Франкской державы с коронацией Карла Великого императорской короной в 800 г., претендующей на имперский статус, и усилением внешнеполитического давления со стороны Багдадского халифата, с другой. Кроме того, серьезную опасность представляла Болгария. Император Никифор I попытался разбить хана Крума, вторгшись в Болгарию, взял столицу болгар Плиску, но на обратном пути потерпел сокрушительное поражение и погиб, а болгары, вновь захватив Адрианополь и остальные крепости на подступах, появились у стен Константинополя в 813 г. С 1-й пол. IX в. важным фактором византийской внешней политики становятся взаимоотношения с зарождающимся на севере от империи гос-

ударством русов. Плюс ко всему, в 821–823 годах произошла одна из самых крупных гражданских войн в Византийской империи – восстание Фомы Славянина.

Набеги арабов на территории Византийской империи, борьба со славянами на Балканах, вероятно, делают традиционные направления ссылок оппозиционеров весьма ненадежными. Подтверждением тому стало, например, появление у стен Константинополя в 705 г. низложенного и сосланного императора Юстиниана II вместе с болгарским войском [Дашков, 1997, с. 116–121; Васильев, 1998b, с. 266–315; Успенский, 2005, с. 450; Stratos, 1980]. Вполне вероятно, что в новых условиях требовалось не просто удаленное от столицы место, но место труднодоступное, отделенное естественными преградами от крупных византийских центров и от границ, где политические противники могли бы вступить в контакт с врагами Империи, но достаточно близкое к Константинополю, чтобы можно было держать сосланных противников под постоянным контролем. Острова Эгейского моря и Северное Причерноморье в новых условиях не отвечали таким требованиям. Принцевы острова же, находящиеся в нескольких километрах от Константинополя, и в то же время отрезанные от внешнего мира морем [33], мало населенные (почти необитаемые), становятся идеальным местом для содержания опасных противников. Без посторонней помощи и хотя бы лодки вернуться в Константинополь в условиях IX – X вв. было практически невозможно.

Во-вторых, простейший количественный анализ особ, сосланных на острова архипелага, говорит о том, что в числе заключенных здесь побывало не только порядка двух десятков светских особ, преимущественно неудачных претендентов на императорский престол, потенциальных претендентов на власть или же опальных представителей царствующего дома, но и немало представителей церкви. При этом некоторые деятели церкви удалялись на острова добровольно, не в качестве заключенных, но в поисках уединения и монашеского подвига. С начала XII в. здесь поселяются, пожалуй, только бывшие патриархи. Так, на Оксию был сослан патриарх Михаил Куркуас, занимавший патриарший престол в 1143–1146 гг. Сложив с себя полномочия, он добровольно вернулся на Оксию, где когда-то принял постриг. По словам Никиты Хониата, «Михаил оксийский… добровольно отказавшись от верховной кафедры, возвратился на остров Оксию где он издетства проводил подвижническую безмятежную жизнь, и, простершись на земле, при входе в преддверие храма, отдал выю свою на попрание всякому входящему монаху, сознаваясь, что он напрасно оставлял давнишнее и любезное ему спокойствие и без всякой пользы восходил на верховный престол» (Nic. Chon. Hist. Man. Comn. II. 3) [Долоцкий, 1860–1862]. В 1183 г. патриарх Феодосий ушел в основанный им монастырь на Теревинфе. В этих случаях речь идет не столько о ссылках неугодных оппозиционеров и насильственном заключении под стражу, сколько о добровольном пребывании в монастыре и подвижнической жизни. Принцевы острова с их нетронутой природой, удаленные от суеты Константинополя и крупных городов, представляли собой идеальное место для уединенной жизни, трудов и молитвенных занятий.

В-третьих, гендерный анализ показывает, что среди заключенных было много женщин. Нам известно не менее 10 представительниц царского рода, окончивших свою жизнь в монастырях Принцевых островов. Причем большая часть из них пребывала в монастырях архипелага не в качестве ссыльных или заключенных, а как благочестивые вдовы, добровольно (или не очень) принявшие постриг после смерти своих мужей.

В целом же устойчивое представление о зловещей роли Принцевых островов представляется сильно преувеличенным. В большинстве случаев речь идет не о строгом тюремном заключении (наличие здесь тюрем или других строгих пенитенциарных учреждений, видимо, даже не предполагается), а о монастырском заключении.

[33] Интересно, что из 60 византийских монастырей, уставы которых дошли до нас, 40 (включая константинопольские и афонские) располагались на островах или на побережье [Thomas, Hero, 2000, p. 20].

Условия содержания были весьма сносными. Некоторые из монарших особ (женщины) даже получали содержание из императорской казны. Другие после многих лет заключения смогли вернуться к активной политической жизни. Да и во время самого заключения, как показывают источники, они вели активную переписку со своими сторонниками и даже с Римскими папами. Вероятно, использование островов архипелага византийскими императорами как места заключения для политических оппонентов вторично. Главным же фактором явилась активная монастырская застройка островов.

Надо сказать, что острова, расположенные в нескольких километрах от столицы и в то же время даже в пространственном отношении отрезанные от мира, представляли собой практически идеальное место для монастырского строительства. Само наличие водной преграды уже символически маркирует «уход от мира». Острова в то время были мало обитаемы, что также давало возможность вдали от шума городов, от мирской суеты сосредоточенно молиться и размышлять о вечном. Поэтому довольно рано, по крайней мере, с VI в., на островах начинают появляться монастыри. К XII в. на всех крупных островах архипелага было уже по 2–3 монастыря, на мелких – по одному. Единственный остров, на котором, видимо, не было монастыря и своей специфической истории, – это маленький остров Пита.

Известно, что император Юстин II основал в 569 г. женский монастырь на Принкипо, впоследствии перестроенный и расширенный императрицей Ириной. Помимо него большой славой пользовался монастырь св. Георгия, в котором излечивали бесноватых, а также монастырь св. Николая. На Проти сохранились остатки монастыря, основанного неудачным претендентом на престол Варданом, и Преображенского монастыря, заложенного в XI в. Романом IV. На Антигоне был еще один Преображенский монастырь, по преданию, основанный Василием I. По источникам он прослеживается с X в. А последние дошедшие до нас сведения об этом монастыре относятся к XII в., в связи с вторжением во Фракию болгарского войска и пленения множества паломников во время праздника св. Георгия в окрестностях Цурула из-за корыстолюбия некоего монаха Антигонова монастыря [Иванов, 2013, с. 581]. На о. Халки существовал монастырь св. Троицы, в котором, очевидно, отбывал ссылку Феодор Студит. Он же сообщает, что в 820 г., когда вдову императора Льва V с сыном отправили на о. Халки, монахов из Троицкого монастыря вместе с игуменом «изгнали из обители». Возможно, для нужд шатающихся монахов был основан другой – Верхний Богородичный монастырь [Иванов, 2013, с. 588–589]. Здесь же находится единственный сохранившийся во всем архипелаге византийский памятник – Нижний Богородичный монастырь, и в нем – церковь Марии Камариотиссы [Mathews, Mango, 1973, p. 115–132] XI–XII вв. На Оксии известен монастырь, из которого вышло несколько патриархов Константинополя. На Теревинфе был монастырь, основанный патриархом Феодосием, и еще один, основанный патриархом Игнатием. На Платии в начале VII в. был основан монастырь 40 мучеников. Усилиями патриарха Игнатия «были обжиты три дальних острова» (Платия [34], Ятрос (Неандрос) и Теревинф). Хотя точное количество монастырей, основанных в византийские времена на островах архипелага, неизвестно, письменные источники называют не менее 14 обителей, существовавших с VI по XIII вв. на этой небольшой территории.

Особенно бурно разворачивается монастырское строительство по всей Византийской империи, и в том числе на островах, со второй половины IX в., с восстановления иконопочитания. Собор 843 г. вынужден был даже принять ряд мер, ограничивающих монастырское строительство [Соколов, 1894a; Соколов, 1894b].

Кроме того, важно, что не только Принцевы острова становились местом пристанища политиков, удаленных со сцены. Намного опережал их в этом отношении Студийский монастырь. «Лица, удалявшиеся или удаляемые со сцены, если до тех пор они занимали высокое общественное положение или обладали большим богатством, поступали обыкновенно

[34] В 1307 г. Константин Мелитиниот похоронен на Плати, а в XIV веке он уже был практически необитаем.

в знаменитый Студийский монастырь, находившийся в самом Константинополе. Цари считали этот монастырь самым приемлемым для себя местом после удаления с трона: Михаил Калафат искал в нем убежища, был в нем пострижен и только после ослепления насильно сослан в монастырь Элегмон; Исаак Комнин, после отречения от престола и пострижения в монашество, тоже нашел приют в Студийском монастыре, где пробыл последнее время своей жизни; Михаил Парапинак, вытесненный с престола Вотаниатом, был отправлен после пострижения в Студийский монастырь и только впоследствии, после рукоположения в митрополиты, стал проживать в монастыре Мануила. Вслед за царями и высокопоставленные лица предпочитали Студийский монастырь остальным. Никифор Ксифий, еще при Василии II сосланный на остров Антигона и постриженный в монашество, по возвращении из ссылки при Романе Аргире не пожелал более вмешиваться в государственные дела и принял монашескую схиму в монастыре Студия; Константин Диоген, замешанный в заговоре против Романа, равно и евнух Никифор, спасшийся от погибели во время землетрясения 1035 г., тоже постригся в монахи в Студийском монастыре. Реже, чем Студийский, фигурируют в истории другие из прежде основанных монастырей в столице и в областях, как то: Петрийский, в котором пострижена была и проживала до возведения на престол Феодора, дочь Константина VIII, и куда удалилась Мария, жена Парапинака, с сыном Константином после низвержения мужа с престола; Мануйлов, в который заточен был Романом III Прусиан Болгарин и где проживал Михаил Парапинак, митрополит Ефесский; св. Николая или Моливотон, в котором был погребен император Константин Дука; Мантинийский, где находилась мать Прусиана; Кузина, куда сослан Никифор Протевон; Мирелейский, в котором проживала после пострижения жена Исаака Комнина, Екатерина, с дочерью Марией; Алипос, давший приют больному Мануилу Комнину, в особенности же монастыри на горах: Афоне, Олимпе и Синае» [Скабаланович, 2004, с. 428].

Таким образом, Принцевы острова выступают далеко не единственным местом ссылки или заключения неугодных политиков или людей, опасных для власти, но значительно уступают в этом отношении, например, Студийскому монастырю. С начала XII в. Комнины предпочитают справляться с оппозицией иными способами (в 1105 г. в столице построили башню Анема [Кущ, 2014, с. 82–95]), и Принцевы острова в своем зловещем ореоле постепенно исчезают со страниц источников.

Еще одним важным фактором, оказавшим влияние на судьбу Принцевых островов, является развитие законодательства и пенитенциарной системы в целом. Примечательно, что источники не дают нам практически никаких сведений о наличии в Византии специальных тюрем, предназначенных для заключения и длительного содержания в них политических заключенных [35], вплоть до возведения в начале XII в. башни Анема, которая начинает использоваться как тюрьма для противников трона.

Важной вехой в развитии византийского законодательства является VIII век, которые исследователи называют «эпохой правового новаторства» [Медведев, 2001, с. 134]. Весьма показательным памятником в этом отношении является Эклога, византийский законодательный свод VIII в. [Липшиц, 1965; Медведев, 1986, с. 221–224; Burgmann, 1983]. Эклога 726 г. представляет собой довольно своеобразный правовой документ, содержащий в себе как традиционные нормы постклассического римского права, так и специфические новые, не характерные для Юстинианова законодательства правовые принципы, возникшие под влиянием христианства [Лысенко, 2014, с. 40–41]. Так, в Эклоге появляются цитаты из Священного писания и меняется само отношение к наказаниям.

Византийское уголовное законодательство, безусловно, унаследовало от Рима весь набор уголовных наказаний, закрепленных в Дигестах и в Кодексе Юстиниана [Кофанов,

[35] Точку зрения о том, что тюремное заключение вплоть до XII в. было мерой предварительной и означало содержание обвиняемого под стражей только до суда, оспаривает, например, Бурдара [Bourdara, 1986, p. 227]. О тюрьмах в Византии см. также: [Bourdara, 1987, p. 111–124; Bourdara, 1997, p. 317–336].

2002–2006] [36], но уже вскоре стало адаптировать их в духе большего ограничения и смягчения или, как сказано в Эклоге, «в духе большего человеколюбия» или «милосердия» (ἐπιδιόρθωσις εἰς τὸ φιλανθρωπότερον) [Медведев, 2001, с. 485; Burgmann, 1983]. Эклога действительно демонстрирует тенденцию к относительному смягчению наказаний, вводя различные увечья и иные меры воздействия вместо смертной казни [37].

Кроме того, еще одной важной тенденцией, активно проявляющейся начиная с VII–VIII вв., становится влияние христианской политической теории и оформление теории симфонии, что приводит к возможности сочетания одновременно светского и духовного наказания. Государственные преступления в Эклоге стоят в тесной связи с религиозными. Такие тяжкие преступления против государства, как восстание (политический мятеж) и покушение на императора, в значительной мере носили религиозный характер, поскольку византийский император рассматривался как хранитель всего христианского мира и Вселенской Церкви [Лысенко, 2014, с. 37]. Не случайно, согласно ст. 3 титула XVII, подобного преступника надлежало «в тот же час предать смерти как намеревающегося все разрушить». К государственным преступлениям относилась и государственная измена, также карающаяся смертной казнью (титул XVII, ст. 53).

При этом титул XVII Эклоги (Наказания за преступления) дает весьма интересную формулировку: «3. Поднимающего восстание против императора или злоумышляющего, или принимающего участие в заговоре против него или против государства христиан в тот же час должно предать смерти как намеревающегося все разрушить. Но для того чтобы некоторые часто и из вражды не предавали кого-либо смерти без суда, возводя на него обвинение, что он поднимал голос против царства, нужно его взять на месте под хорошую охрану и донести о нем императору, и как сам император в итоге рассудит и решит, так и сделать».

Как справедливо отмечает Е.Э. Липшиц, «данное дополнение, вероятно, … навеяно эпохой начала VIII в., когда заговоры и смены императоров на византийском престоле стали правилом» [Липшиц, 1965, с. 171]. Однако более любопытно здесь то, что безоговорочное предписание предавать смерти всякого человека, поднимающего восстание против императора или государства, содержащееся в первой части статьи, вступает в противоречие со второй частью статьи, где наказание на месте запрещается во избежание ложных обвинений, а вопрос о характере наказания передается на усмотрение императора. В качестве высшей судебной инстанции в ней фигурирует сам император, решения которого являются безапелляционными. Поскольку церковь не имела собственного карательного аппарата, то император выступал также в роли инстанции, защищающей интересы Церкви методами принуждения [Медведев, 2001, с. 75; Максимович, 2004, с. 181–192].

Примечательно, что речь здесь идет о взятии под стражу как о временной мере, тюремного заключения как формы наказания Эклога не называет [Липшиц, 1965, с. 171–172].

---

[36] Дигесты предусматривают 4 вида наказаний за серьезные уголовные преступления, по сути, означающие смертную казнь.

[37] Данная тенденция к смягчению уголовных наказаний получит свое продолжение в последующей практике, и знаменитый византийский канонист XII в. Феодор Вальсамон даст ей такое объяснение: «Заметь на основании помещенных в толковании настоящей главы постановлений, что если по Дигестам и Кодексам, имевшим силу до реформы по очищению, под уголовное наказание подводилось и *сожжение, и обезглавление, и повешение*, то автор очищения царских законов и составитель Василик не принял этого и в изложенных в Василиках постановлениях Кодекса не поместил этих трех наказаний … Приняв во внимание как многое другое, так равным образом и то, что обезглавление, сожжение, отравление ядом, побиение камнями, низвержение в пропасть есть *не уголовное наказание, а бесчеловечное убийство* (курсив мой. – И.М.), *уголовное же наказание – это изгнание, ослепление, отсечение руки и прочее, что дает наказываемому время для раскаяния (в результате) удаления виновного и по причине продолжительности наказания*, скажи, что если какие законы из содержащихся в Василиках противны настоящему учению, так это Дигесты, и они не должны иметь силы. Узаконено ведь, что постановления (Василик) предпочтительнее Дигест, когда они узаконивают что-либо относительно одного и того же предмета, и что по законам и всем новеллам *мы должны толковать законы в духе большего человеколюбия* и сообразно с этим выносить приговоры» [Медведев, 1992, с. 53–61; Медведев, 2001, с. 203].

Римские законы (в том числе и Corpus juris Civilis), продолжавшие действовать и в Византийской империи, предполагают наличие тюрем не столько в качестве наказания за совершенные преступления, сколько в качестве места предварительного заключения на время следствия или как место временного содержания заключенных до приведения приговора в исполнение (Carcer ad continendos homines, non ad puniendos haberi debet. Ulp. Dig. XL VIII. 19, 8). В качестве мест заключения тюрьмы не упоминаются [Olson, 2008, p. 35–36, 46].

В V в. вследствие проникновения христианских норм и идеологии в сферу правового регулирования появляется новая форма наказания – ссылка в монастырь. Первоначально, очевидно, заключение в монастырь применялось по отношению к представителям клира, но уже в 1-й пол. VI в. в своде законов императора Юстиниана такая форма наказания получает юридическое оформление. Правда, пока он применяется в основном в сфере семейного права (в качестве наказания жены за измену мужу). В последующем ссылка в монастырь становится одним из способов решения карьерных проблем. Согласно 48-му Правилу Трулльского собора (692 г.), «жена производимого в епископское достоинство, предварительно разлучася с мужем своим, по общему согласию, по рукоположении его в епископа, *да вступит в монастырь*, далеко от обитания сего епископа созданный, и да пользуется содержанием от епископа» (Ап. 5, 51; I Всел. 3; IV Всел. 15; Трул. 12, 14, 30; Карф. 3, 4, 25, 70).

В условиях сложной политической борьбы в период иконоборчества монастырская ссылка быстро становится относительно гуманным и надежным способом «решения проблем» – политических, аппаратных и карьерных. Помимо государственных преступников, уличенных в государственной измене, участии в заговорах или переворотах, серьезную опасность, хотя и потенциальную, составляли представители царского рода, могущие претендовать на власть, представители оппозиции (светской и духовной), не согласные и открыто критикующие императорскую политику. Особенно актуальной эта проблема становится в VIII–IX вв. Не совершив никакого преступления, такие люди тем не менее представляли опасность для правящего императора. В условиях, когда казнь была невозможна, но необходимо было устранить политического противника, ссылка и заключение в монастырь становятся идеальным решением проблемы. Изменение законодательства создает необходимые предпосылки для такого развития событий. Интересно, что заключение в монастырь, применяемое Юстиниановым правом (Nov. Just. 134. 10, I [556]) [Blume, 2020] и позднейшим правом, как одна из форм наказания в Эклоге не упоминается. Е.Э. Липшиц объясняет данное обстоятельство антимонастырской направленностью политики иконоборческих императоров [Липшиц, 1965, с. 172], хотя на практике императоры-иконоборцы весьма активно использовали этот метод устранения политических противников. Именно с начала VIII в. в практику наказаний все активнее вводится монастырское заключение. На наш взгляд, удаление политического противника в монастырь пока еще носит добровольно-принудительный характер и служит, вероятно, не столько для удержания под стражей, ограничения деятельности или причинения какого-либо ущерба, сколько *для смирения гордыни и искупления грехов.* Особый смысл данная мера имела для представителей царствующего дома. Добровольный или насильственный уход в монастырь означал устранение от политической жизни нежелательных соперников при сохранении жизни представителям императорской фамилии.

Кроме того, ссылка высокопоставленных особ и заключение их в монастырь, вероятно, не предполагали выделения специальных средств из казны на их содержание (редкие случаи выделения такого жалования особо отмечаются в источниках), и таким образом обязанность их содержать возлагалась на монастырь.

Итак, изменение внутри- и внешнеполитической ситуации в VIII–IX вв. в сочетании с развитием законодательства и судебной системы приводят к тому, что довольно распространенной практикой наказания, а вернее, способом предотвращения потенциальной угрозы становится ссылка высокопоставленных противников на Принцевы острова и монастырское заключение. Это был идеальный способ сохранить жизнь высокородным политическим соперникам и прямым оппонентам и в то же время устранить их надолго от

участия в политической жизни. Пик расцвета Принцевых островов не случайно приходится на эпоху иконоборчества (711–843 гг.) и следующие за ней столетия – время активной политической борьбы и развития монастырского строительства. С VIII в. государство активно использует монастыри в качестве пенитенциарных учреждений. Принцевы острова в этом отношении как нельзя лучше подходили в качестве места (добровольного или принудительного) уединения, трудов и молитвенных занятий. Позднее, с XII в., Комнины начинают использовать новые формы борьбы с оппозицией, строят гражданскую тюрьму Анемас (в которой было специально приготовлено 2 этажа по 14 камер для политических заключенных), а после появления здесь крестоносцев Принцевы острова постепенно приходят в запустение и становятся практически безлюдными.

Список литературы

1. Азаревич Д. 1877. История византийского права. Ярославль [Б. и.]. Ч. 2, 352.
2. Васильев А.А. 1998a. История Византийской империи. Т. 1. СПб., Алетейя, 510.
3. Васильев А.А. 1998b. История Византийской империи. Т. 2. СПб., Алетейя, 593.
4. Васильевский В.Г. 1899. В защиту подлинности жития патриарха Игнатия и принадлежности его современному автору, Никите Пафлагону. Византийский Временник. Т. VI, вып. 1–2: 39–56.
5. Гроссу Н. 1907. Преп. Феодор Студит. Его время, жизнь и творения. 2 т. Киев, тип. Просвещение, 312.
6. Дашков С.Б. 1997. Императоры Византии. М., Красная площадь, 558.
7. Диль Ш. 1994. Византийские портреты. Пер. с фр. М. Безобразовой. М., Искусство, 447.
8. Доброклонский А.П. 1913. Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский. Ч. 1: Его эпоха, жизнь и деятельность. Записки Императорского Новороссийского университета. Т. 113, 1098.
9. Доброклонский А.П. 1914. Преп. Феодор, исповедник и игумен Студийский. Ч. 2: Его творения. Записки Императорского Новороссийского университета. Ист.-филол. фак. Одесса. Вып. 8, 570.
10. Долоцкий В.И. (изд.). 1860–1862. Никиты Хониата История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. В 2 т. Т. 1. СПб., С.-Петербургская Духовная Академия, 564.
11. Иванов С.А. 2013. В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. М., Вокруг света, 688.
12. Коркмас Д., Скоковская М. 1919. Иллюстрированный путеводитель по Константинополю, окрестностям и провинции. Константинополь, Бабок, 426.
13. Кофанов Л.Л. (изд.). 2002–2006. Дигесты Юстиниана: В 8 т. М., Статут.
14. Кущ Т.В. 2014. Узники башни Анема. Вопросы истории. 11: 82–95.
15. Липшиц Е.Э. (изд.). 1950. Никифора патриарха Константинопольского краткая история со времени после царствования Маврикия. Византийский временник. Т. 3 (28): 349–387.
16. Липшиц Е.Э. (изд.). 1965. Эклога: Византийский законодательный свод VIII века. М., Наука, 226.
17. Липшиц Е.Э. 1976. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. Л., Наука, 230.
18. Липшиц Е.Э. 1981. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX–XI вв. Л., Наука, 246.
19. Лысенко О.Л. 2014. Эклога 726 г. Памятник права Византии эпохи иконоборчества и «правового новаторства». Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 3: 16–41.
20. Любарский Я.Н. (изд.). 2009. Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. СПб., Алетейя: 400.
21. Любарский Я.Н. и др. (изд.). 2003. Михаил Пселл. Хронография. Краткая история. СПб., Алетейя: 396.
22. Максимович К.А. 2004. Право и церковь (Византийская империя). Православная энциклопедия. М., ЦНЦ «Православная энциклопедия». Т. 8: 181–192.
23. Медведев И.П. 1986. Рецензия на: Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos V. Hrsg. von L. Burgmann (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte / Hrsg. von D. Simon, Bd. 10). Frankfurt am Main, 1983. Византийский Временник. Т. 46 (71): 221–224.

24. Медведев И.П. 1992. Смертная казнь в толковании Феодора Вальсамона. Византийский Временник. Т. 53 (78): 53–61.

25. Медведев И.П. 2001. Правовая культура Византийской империи. СПб., Алетейя, 575.

26. Митр. Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (изд.). 2011. Преп. Феодор Студит. Слово X. Преподобного отца нашего и исповедника Феодора, игумена Студийского, надгробное слово в честь Платона, его духовного отца. Преп. Феодор Студит. Творения. В 3 т. Т. 2. Нравственно-аскетические творения. Догматико-полемические творения. Слова. Литургико-канонические творения. (Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе. Т. 6). М., Сибирская благозвонница, 864.

27. Оболенский В.И. и др. (изд.) 1884. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. М., Ун-т типогр. на Страстн. б-ре М. Каткова, 606.

28. Попов Д. (изд.). 1820. История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей, изданные в первый раз с рукописей Корол. Парижской Библиотеки и объясненные примечаниями Карлом Бенедиктом Газе. Пер. с греческого. СПб., 332.

29. Преображенский В. 1896. Преподобный Феодор Студит и его время (759–826 гг.). М., Типо-литогр. Ермакова, 356.

30. Св. Димитрий Ростовский. 2004. Житие и страдание святого преподобномученика и исповедника Феодора и брата его преподобного Феофана начертанных. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. В 12 кн. Т. IV. Месяц декабрь. 27 декабря. Киев, Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра: 764–784.

31. Скабаланович Н.А. 2004. Византийское государство и церковь в XI в.: От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., Издательство Олега Абышко, 864.

32. Соколов И.И. 1894a. Состояние монашества в византийской церкви с половины IX до начала XIII в. (842–1204): Опыт церк.-ист. исслед. Казань, типо-лит. Имп. ун-та, 536.

33. Соколов И.И. 1894b. О византийско-восточном монашестве IX–XII вв. Православный собеседник. Июль: 1–24.

34. Соколов И.И. 2003. Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204). СПб., Изд-во Олега Абышко, 464.

35. Соколов И.И. 2005. Преподобный Феодор Студит, его церковно-общественная и богословско-литературная деятельность. Соколов И.И. Лекции по истории Греко-Восточной Церкви: В 2 т. Т. 2. СПб., Издательство Олега Абышко: 209–321.

36. Суворов Н.С. 1876. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб., типография А. Траншеля, 346.

37. Успенский Ф.И. 2005. История Византийской империи. В 5 т. Т. 2. М., АСТ; Астрель, 558.

38. Филиппов С.Н. 1915. Константинополь, его окрестности и Принцевы острова. Пг., В. Березовский, 279.

39. Фойницкий И.Я. 1889. Учение о наказаниях в связи с тюрьмоведением. СПб., тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 514.

40. Чичуров И.С. 1980. Византийские исторические сочинения «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., Наука, 216.

41. Afinogenov D. 2010. The Story of the Patriarch Constantine II of Constantinople in Theophanes and George the Monk: Transformations of a Narrative. In: History as Literature in Byzantium: Papers. Ed. R. Macrides. Farnham: 207–214.

42. Allen P. 1980. Neo-Chalcedonism and the Patriarchs of the Late 6th Century. In: Byzantion. Vol. 50: 5–17.

43. Beck H-G. 1979. Geschichte der orthodoxen Kirche im byzantinischen Reich. Goettingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 268.

44. Blume F.H. (ed.). 2020. Justinian's Novels. In: George W. Hopper Law Library. URL: http://www.uwyo.edu/lawlib/index.html (дата обращения 15.04.2020 [acsessed 15 April 2020]).

45. Bourdara K.A. 1987. Τὸ δίκαιο στὰ ἀγιολογικὰ κείμενα. Αθήνα, 348.

46. Bourdara K.A. 1986. Τὸ ἔγκλημα καθοσιώσεως στὴν ἐποχὴ τῶν Κομνηνῶν (1081–1185). In: Αφιέρωμα στόν Νίκο Σβορωνὸ, τόμ. 1. Ρεθύμνο: 211–229.

47. Bourdara K.A. 1997. Οἱ βυζαντινὲς φυλακές. In: Ἔγκλημα καὶ τιμωρία στὸ Βυζάντιο. Αθήνα: 317–336.

48. Burgmann L. (ed.). 1983. Eclogä Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos V. Frankfurt a/M., 543.

49. Cameron A. 1988. Eustratios' Life of the Patriarch Eutychius and the Fifth Oecumenical Council. In: Kathegetria: Essays presented to J. Hussey for her 80th birthday. Camberley: 225–247.

50. Chitwood Z. 2017. Byzantine Legal Culture and the Roman Legal Tradition, 867–1056. Cambridge, Cambridge University Press, 235.

51. Dagron G. 1994. Lawful Society and Legitimate Power. In: Law and Society in Byzantium: Ninth-Twelth Centuries. Washington: 27–51.

52. Freely J. 2007. The Prince's Islands. Istanbul, Adali Yayinlari, 120.

53. Gautier P. (ed.). 1986. Theophylacte d'Achrida. Letters. Thessalonica, 4: 3–99.

54. Hillner J. 2007. Monastic Imprisonment in Justinian's Novels. In: Journal of Early Christian Studies. 15/2: 205–237.

55. Hillner J. 2011. Enfermement monastique au VIe siècle. In: J. Claustre, I. Heullant-Donant (eds.), Enfermements: Le cloître et la prison du Ve au XVIIIe siècle. Paris, Publications de la Sorbonne: 39–56.

56. Hillner J. 2013. Confined Exiles: An Aspect of the Late Antique Prison System. In: Millennium. Jahrbuch zur Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausend n. Chr. 10 (1): 385–433.

57. Hillner J. 2015. Prison, Punishment and Penance in Late Antiquity. Cambridge, Cambridge University Press, 422.

58. Humphreys M.T.G. 2015. Law, Power and Imperial Ideology in the Iconoclast Era, c. 680–850. Oxford, Oxford University Press, 336.

59. Hussey J. (ed.). 1967. The Cambridge Medieval History. Vol. IV: The Byzantine Empire Part II: Government, Church and Civilization. Cambridge, Cambridge University Press, 517.

60. Kazhdan A.P. (ed.). 2005. Prince's Islands. In: Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, Oxford University Press: 1720.

61. Laga C. (ed.). 1992. Eustratii Presbyteri Vita Eutychii Patriarchae Constantinopolitani. Corpus Christianorum. Series Graeca. Vol. 25. Turnhout; Leuven, 104.

62. Lawler J. 2004. Encyclopedia of the Byzantine Empire. Mcfahrland, 376.

63. Lepree J.F., Djukic L. (eds.). 2019. The Byzantine Empire: A Historical Encyclopedia. Vol 1–2. ABC-Clio, 626.

64. Mathews Th., Mango C. 1973. Observations on the Church of Panagia Kamariotissa on Heybeliada (Chalke), Istanbul with a Note on Panagia Kamariotissa and Some Imperial Foundations of the Tenth and Eleventh Centuries at Constantinople In: DOP. Vol. 27: 115–132.

65. Migne J.-P. 1857. Theodorus Studita Oratio Funeralis In Platon. In: S.P.N. Theodori Studitae. Opera Omnia. Patrologia Graeca. T. 99. Col. 803–849.

66. Migne J.-P. 1862. Nicetas David Paphlago. Vita S. Ignatii atchiepiscopi Constantinopolitani. In: Nicetae Paphlagonis, qui et David, Nicetae Byzantini. Opera quae, reperiri potuerunt omnia. Patrologia Graeca. T. 105. Col. 487–575.

67. Morris N., Rothman D.J. (eds.). 1998. The Oxford History of the Prison: The Practice of Punishment in Western Society, New York, Oxford University Press, 489.

68. Olson M. 2008. Philosophies of Imprisonment in Late Antiquity. In: Constructing the Past: Vol. 9: Iss. 1, Article 7: 29–46.

69. Pargone J. 1902. Les Monasteres de S.-Ignace et les cinq plus petits ilots de l'archipel des Princes. In: Bibliotheca Chersonessitana: ИРАИК. Т. 7: 56–91.

70. Pokock R. 1745. Observations on the Islands of the Archipelago, Asia Minor, Thrace, Greece. London, Bowyer, 458.

71. Sartorius I. 2011. The Princes' Islands: Istanbul's Archipelago. London, T.H.E. Armchair Traveller AT T.H.E. Bookhaus, 120.

72. Smithies A. 1988. Nicetas Paphlago's Life of Ignatius: A critical edition with translation, PhD Diss., State University of New York at Buffalo, 193.

73. Stolte B. 2018. Byzantine Law: The Law of the New Rome. In: The Oxford Handbook of European Legal History. Eds. H. Pihlajamäki, M.D. Dubber, M. Godfrey. Oxford, Oxford University Press: 229–248.

74. Stratos A. 1980. Byzantium in the Seventh Century: Justinian II, Leontius and Tiberius, 685–711. Amsterdam, Adolf M. Hakker, 203.

75. Thomas J., Hero A.C. (eds.). 2000. Byzantine monastic foundation documents. A complete translation of the surviving founders' Typika and testaments. In 5 vols. Vol.5. Dumbarton Oaks Studies, 35. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 342.

76. Whitbey M. 1987. Eutychius, Patriarch of Constantinople: An Epic Holy Man. In: Homo Viator: Classical Essays for J. Bramble. Ed. M. Whitbey, P. Hardie, M. Whitbey. Bristol, Bristol University Press: 297–308.

References

1. Azarevich D. 1877. Istoriia vizantiiskogo prava [History of Byzantine law]. Yaroslavl' [B. i.]. Ch. 2, 352 (in Russian).

2. Vasil'ev A.A. 1998a. Istoriya Vizantijskoj imperii [History of Byzantine Empire]. T. 1. Saint Petersburg, Aletejya, 510 (in Russian).

3. Vasil'ev A.A. 1998b. Istoriya Vizantijskoj imperii [History of Byzantine Empire]. T. 2. Saint Petersburg, Aletejya, 593 (in Russian).

4. Vasil'evskij V.G. 1899. V zashchitu podlinnosti zhitiya patriarha Ignatiya i prinadlezhnosti ego sovremennomu avtoru, Nikite Paflagonu [In defense of the authenticity of the life of Patriarch Ignatius and belonging to its modern author, Nikita Paflagon]. In: Vizantijskij Vremennik. T. VI, vyp. 1–2: 39–56 (in Russian).

5. Grossu N. 1907. Prep. Feodor Studit. Ego vremya, zhizn' i tvoreniya [Rev. Theodore Studite. His time, life and creations]. 2 T. Kiev, tip. Prosveshchenie, 312 (in Russian).

6. Dashkov S.B. 1997. Imperatory Vizantii [Emperors of Byzantium]. Moscow, Krasnaya ploshchad', 558 (in Russian).

7. Dil' Sh. 1994. Vizantijskie portrety [Byzantine portraits]. Per. s fr. M. Bezobrazovoj. Moscow, Iskusstvo, 447 (in Russian).

8. Dobroklonskij A.P. 1913. Prep. Feodor, ispovednik i igumen studijskij. Ch. 1: Ego epoha, zhizn' i deyatel'nost' [Prep. Theodore, confessor and abbot studio. Part 1: His era, life and work]. In: Zapiski Imperatorskogo Novorossijskogo universiteta. T. 113: 1098 (in Russian).

9. Dobroklonskij A.P. 1914. Prep. Feodor, ispovednik i igumen studijskij. Ch. 2: Ego tvoreniya [Rev. Theodore, confessor and abbot studio. 2: His creations.]. In: Zapiski Imperatorskogo Novorossijskogo universiteta. Ist.-filol. fak. Odessa. Vyp. 8: 570 (in Russian).

10. Dolockij V.I. (izd.). 1860–1862. Nikity Honiata Istoriya, nachinayushchayasya s carstvovaniya Ioanna Komnina [Nikita Choniate. The story starting with the reign of John Komnin]. V 2 t. T. 1. Saint Petersburg, S.-Peterburgskaya Duhovnaya Akademiya, 564 (in Russian).

11. Ivanov S.A. 2013. V poiskah Konstantinopolya. Putevoditel' po vizantijskomu Stambulu i okrestnostyam [In search of Constantinople. Guide to Byzantine Istanbul and the surrounding area]. Moscow, Vokrug sveta, 688 (in Russian).

12. Korkmas D., Skokovskaya M. 1919. Illyustrirovannyj putevoditel' po Konstantinopolyu, okrestnostyam i provincii [Illustrated guide to Constantinople, the surrounding area and the province]. Konstantinopol', Babok, 426 (in Russian).

13. Kofanov L.L. (izd.). 2002–2006. Digesty Yustiniana [Justinian Digest]: V 8 t. Moscow, Statut (in Russian).

14. Kushch T.V. 2014. Uzniki bashni Anema [Prisoners of the tower of Anem]. In: Voprosy istorii. 11: 82–95 (in Russian).

15. Lipshic E.E. (izd.). 1950. Nikifora patriarha Konstantinopol'skogo kratkaya istoriya so vremeni posle carstvovaniya Mavrikiya [Nicephorus patriarch of Constantinople a brief history from the time after the reign of Mauritius]. In: Vizantijskij vremennik. T. 3 (28): 349–387 (in Russian).

16. Lipshic E.E. (izd.). 1965. Ekloga: Vizantijskij zakonodatel'nyj svod VIII veka [Ekloga: Vizantijskij zakonodatel'nyj svod VIII veka]. Moscow, Nauka, 226 (iIn Russian).

17. Lipshic E.E. 1976. Pravo i sud v Vizantii v IV–VIII vv. [Law and court in Byzantium in the IV–VIIII centuries]. Leningrad, Nauka, 230 (in Russian).

18. Lipshic E.E. 1981. Zakonodatel'stvo i yurisprudenciya v Vizantii v IX–XI vv. [Legislation and jurisprudence in Byzantium in the 9th – 11th centuries]. Leningrad, Nauka, 246 (in Russian).

19. Lysenko O.L. 2014. Ekloga 726 g. Pamyatnik prava Vizantii epohi ikonoborchestva i «pravovogo novatorstva» [Eclogue 726. Monument to Byzantine law of the era of iconoclasm and «legal innovation»]. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 3: 16–41 (in Russian).

20. Lyubarskij Ya.N. (izd.). 2009. Prodolzhatel' Feofana. Zhizneopisanie vizantijskih carej [The successor of Theophanes. Biography of the Byzantine kings]. Saint Petersburg, Aletejya, 400 (in Russian).

21. Lyubarskij Ya.N. i dr. (izd.). 2003. Mihail Psell. Hronografiya. Kratkaya istoriya [Michael Psell. Chronography Short story]. Saint Petersburg, Aletejya, 396 (in Russian).

22. Maksimovich K.A. 2004. Pravo i cerkov' (Vizantijskaya imperiya) [Law and Church (Byzantine Empire)]. In: Pravoslavnaya enciklopediya. M., CNC «Pravoslavnaya enciklopediya». T. 8: 181–192. (in Russian)

23. Medvedev I.P. 1986. Recenziya na: Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos V. Hrsg. von L. Burgmann (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte. Hrsg. von D. Simon, Bd. 10). Frankfurt am Main, 1983 [Review of: Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos V. Hrsg. von L. Burgmann (Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte. Hrsg. von D. Simon, Bd. 10). Frankfurt am Main, 1983]. In: Vizantijskij Vremennik. T. 46 (71): 221–224 (in Russian).

24. Medvedev I.P. 1992. Smertnaya kazn' v tolkovanii Feodora Val'samona [The death penalty in the interpretation of Theodore Walsamon]. In: Vizantijskij vremennik . T. 53 (78): 53–61 (in Russian).

25. Medvedev I.P. 2001. Pravovaya kul'tura Vizantijskoj imperii [Legal Culture of the Byzantine Empire]. Saint Petersburg, Aletejya, 575 (in Russian).

26. Mitr. Tashkentskij i Sredneaziatskij Vladimir (izd.). 2011. Prep. Feodor Studit. Slovo X. Prepodobnogo otca nashego i ispovednika Feodora, igumena Studijskogo, nadgrobnoe slovo v chest' Platona, ego duhovnogo otca [Rev. Theodore Studite. The word X. Our Monk Father and Confessor Theodore, Father Superior of Studios, gravestone in honor of Plato, his spiritual father]. In: Prep. Feodor Studit. Tvoreniya. V 3 t. T. 2. Nravstvenno-asketicheskie tvoreniya. Dogmatiko-polemicheskie tvoreniya. Slova. Liturgiko-kanonicheskie tvoreniya (Polnoe sobranie tvorenij svyatyh otcov Cerkvi i cerkovnyh pisatelej v russkom perevode. T. 6) [Rev. Theodore Studite. Creations. In 3 vols. T. 2. Moral and ascetic creations. Dogmatic polemical creations. The words. Liturgical-canonical creations (The complete collection of creations of the Holy Fathers of the Church and church writers in the Russian translation. V.6)]. Moscow, Sibirskaya blagozvonnica, 864 (in Russian).

27. Obolenskij V.I. i dr. (izd.) 1884. Letopis' vizantijca Feofana ot Diokletiana do carej Mihaila i syna ego Feofilakta [Chronicle of the Byzantine Theophanes from Diocletian to the kings of Michael and his son Theophylact]. Moscow, Un-t tipogr. na Strastn. b-re M. Katkova, 606 (in Russian).

28. Popov D. (izd.). 1820. Istoriya L'va Diakona Kalojskogo i drugie sochineniya vizantijskih pisatelej, izdannye v pervyj raz s rukopisej Korol. Parizhskoj Biblioteki i ob"yasnennye primechaniyami Karlom Benediktom Gaze. Per. s grecheskogo [The story of Leo Deacon Kaloysky and other works of Byzantine writers, published for the first time from the King’s manuscripts. Paris Library and explained by notes by Carl Benedict Gaza. Trans. from Greek]. Saint Petersburg, 322 (in Russian).

29. Preobrazhenskij V. 1896. Prepodobnyj Feodor Studit i ego vremya (759–826 gg.) [Rev. Theodore Studite and his time (759–826)]. Moscow, Tipo-litogr. Ermakova, 356 (in Russian).

30. Sv. Dimitrij Rostovskij. 2004. Zhitie i stradanie svyatogo prepodobnomuchenika i ispovednika Feodora i brata ego prepodobnogo Feofana nachertannyh [The Life and Suffering of the Holy Rev. Martyr and Confessor Theodore and his brother Rev. Theophanes inscribed]. In: Zhitiya svyatyh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ih-Minej sv. Dimitriya Rostovskogo. V 12 kn. T. IV. Mesyac dekabr'. 27 dekabrya [The lives of the saints in Russian, set out according to the guidance of Chetyih-Miney sv. Demetrius of Rostov. In 12 kn. T. IV. The month of December. 27th of December]. Kiev, Svyato-Uspenskaya Kievo-Pecherskaya Lavra: 764–784 (in Russian).

31. Skabalanovich N.A. 2004. Vizantijskoe gosudarstvo i cerkov' v XI v.: Ot smerti Vasiliya II Bolgarobojcy do vocareniya Alekseya I Komnina [The Byzantine state and the church in the XI century.: From the death of Basil II the Bulgarian Slayer to the accession of Alexei I Komnin]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 864 (in Russian).

32. Sokolov I.I. 1894a. Sostoyanie monashestva v vizantijskoj cerkvi s poloviny IX do nachala XIII v. (842–1204): Opyt cerk.-ist. issled [The state of monasticism in the Byzantine church from half IX to the beginning of the XIII century (842–1204): The experience of the church.-hist. research] Kazan', tipo-lit. Imp. un-ta, 536 (in Russian).

33. Sokolov I.I. 1894b. O vizantijsko-vostochnom monashestve IX–XII vv. [On Byzantine-Eastern monasticism of the 9th – 12th centuries]. Pravoslavnyj sobesednik. Iyul': 1–24 (in Russian).

34. Sokolov I.I. 2003. Sostoyanie monashestva v Vizantijskoj Cerkvi s serediny IX do nachala XIII veka (842–1204) [The state of monasticism in the Byzantine church from half IX to the beginning of the XIII century (842–1204)]. Saint Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko, 464 (in Russian).

35. Sokolov I.I. 2005. Prepodobnyj Feodor Studit, ego cerkovno-obshchestvennaya i bogoslovsko-literaturnaya deyatel'nost' [Rev. Theodore Studite, his church-public and theological and liter-

ary activity]. In: Sokolov I.I. Lekcii po istorii Greko-Vostochnoj Cerkvi [Lectures on the history of the Greek East Church]: V 2 t. T. 2. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko: 209–321 (in Russian).

36. Suvorov N.S. 1876. O cerkovnyh nakazaniyah. Opyt issledovaniya po cerkovnomu pravu [About church punishments. Research experience in church law]. Saint Petersburg, Tipografiya A. Transhelya, 346 (in Russian).

37. Uspenskij F.I. 2005. Istoriya Vizantijskoj imperii [History of the Byzantine Empire]. V 5 t. T. 2. Moscow, AST; Astrel', 558 (in Russian).

38. Filippov S.N. 1915. Konstantinopol', ego okrestnosti i Princevy ostrova [Constantinople, its environs and the Princes' Islands]. Praga, V. Berezovskij, 279 (in Russian).

39. Fojnickij I.Ya. 1889. Uchenie o nakazaniyah v svyazi s tyur'movedeniem [The doctrine of penalties in relation to prison science]. Saint Petersburg, Tip. M-va put. soobshch. (A. Benke), 514 (in Russian).

40. Chichurov I.S. 1980. Vizantijskie istoricheskie sochineniya «Hronografiya» Feofana, «Breviarij» Nikifora. Teksty, perevod, kommentarij [The Byzantine historical works «Chronography» of Theophanes, «Breviary» of Nicephorus. Texts, translation, commentary]. Moscow, Nauka, 216 (in Russian).

41. Afinogenov D. 2010. The Story of the Patriarch Constantine II of Constantinople in Theophanes and George the Monk: Transformations of a Narrative. In: History as Literature in Byzantium: Papers. Ed. R. Macrides. Farnham: 207–214.

42. Allen P. 1980. Neo-Chalcedonism and the Patriarchs of the Late 6th Century. In: Byzantion. Vol. 50: 5–17.

43. Beck H-G. 1979. Geschichte der orthodoxen Kirche im byzantinischen Reich. Goettingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 268.

44. Blume F.H. (ed.). 2020. Justinian's Novels. In: George W. Hopper Law Library. URL: http://www.uwyo.edu/lawlib/index.html (дата обращения 15.04.2020 [acsessed 15 April 2020]).

45. Bourdara K.A. 1987. Τὸ δίκαιο στὰ ἁγιολογικὰ κείμενα. Αθήνα, 348.

46. Bourdara K.A. 1986. Τὸ ἔγκλημα καθοσιώσεως στὴν ἐποχὴ τῶν Κομνηνῶν (1081–1185). In: Αφιέρωμα στόν Νίκο Σβορωνὸ, τόμ. 1. Ρεθύμνο: 211–229.

47. Bourdara K.A. 1997. Οἱ βυζαντινὲς φυλακές. In: Ἔγκλημα καὶ τιμωρία στὸ Βυζάντιο. Αθήνα: 317–336.

48. Burgmann L. (ed.). 1983. Eclogä Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos V. Frankfurt a/M., 543.

49. Cameron A. 1988. Eustratios' Life of the Patriarch Eutychius and the Fifth Oecumenical Council. In: Kathegetria: Essays presented to J. Hussey for her 80th birthday. Camberley: 225–247.

50. Chitwood Z. 2017. Byzantine Legal Culture and the Roman Legal Tradition, 867–1056. Cambridge, Cambridge University Press, 235.

51. Dagron G. 1994. Lawful Society and Legitimate Power. In: Law and Society in Byzantium: Ninth-Twelth Centuries. Washington: 27–51.

52. Freely J. 2007. The Prince’s Islands. Istanbul, Adali Yayinlari, 120.

53. Gautier P. (ed.). 1986. Theophylacte d’Achrida. Letters. Thessalonica, 4: 3–99.

54. Hillner J. 2007. Monastic Imprisonment in Justinian's Novels. In: Journal of Early Christian Studies. 15/2: 205–237.

55. Hillner J. 2011. Enfermement monastique au VIe siècle. In: J. Claustre, I. Heullant-Donant (eds.), Enfermements: Le cloître et la prison du Ve au XVIIIe siècle. Paris, Publications de la Sorbonne: 39–56.

56. Hillner J. 2013. Confined Exiles: An Aspect of the Late Antique Prison System. In: Millennium. Jahrbuch zur Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausend n. Chr. 10 (1): 385–433.

57. Hillner J. 2015. Prison, Punishment and Penance in Late Antiquity. Cambridge, Cambridge University Press, 422.

58. Humphreys M.T.G. 2015. Law, Power and Imperial Ideology in the Iconoclast Era, c. 680–850. Oxford, Oxford University Press, 336.

59. Hussey J. (ed.). 1967. The Cambridge Medieval History. Vol. IV: The Byzantine Empire Part II: Government, Church and Civilization. Cambridge, Cambridge University Press, 517.

60. Kazhdan A.P. (ed.). 2005. Prince's Islands. In: Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, Oxford University Press: 1720.

61. Laga C. (ed.). 1992. Eustratii Presbyteri Vita Eutychii Patriarchae Constantinopolitani. Corpus Christianorum. Series Graeca. Vol. 25. Turnhout; Leuven, 104.

62. Lawler J. 2004. Encyclopedia of the Byzantine Empire. Mcfahrland, 376.

63. Lepree J.F., Djukic L. (eds.). 2019. The Byzantine Empire: A Historical Encyclopedia. Vol 1–2. ABC-Clio, 626.

64. Mathews Th., Mango C. 1973. Observations on the Church of Panagia Kamariotissa on Heybeliada (Chalke), Istanbul with a Note on Panagia Kamariotissa and Some Imperial Foundations of the Tenth and Eleventh Centuries at Constantinople In: DOP. Vol. 27: 115–132.

65. Migne J.-P. 1857. Theodorus Studita Oratio Funeralis In Platon. In: S.P.N. Theodori Studitae. Opera Omnia. Patrologia Graeca. T. 99. Col. 803–849.

66. Migne J.-P. 1862. Nicetas David Paphlago. Vita S. Ignatii atchiepiscopi Constantinopolitani. In: Nicetae Paphlagonis, qui et David, Nicetae Byzantini. Opera quae, reperiri potuerunt omnia. Patrologia Graeca. T. 105. Col. 487–575.

67. Morris N., Rothman D.J. (eds.). 1998. The Oxford History of the Prison: The Practice of Punishment in Western Society, New York, Oxford University Press, 489.

68. Olson M. 2008. Philosophies of Imprisonment in Late Antiquity. In: Constructing the Past: Vol. 9: Iss. 1, Article 7: 29–46.

69. Pargone J. 1902. Les Monasteres de S.-Ignace et les cinq plus petits ilots de l'archipel des Princes. In: Bibliotheca Chersonessitana: ИРАИК. Т. 7: 56–91.

70. Pokock R. 1745. Observations on the Islands of the Archipelago, Asia Minor, Thrace, Greece. London, Bowyer, 458.

71. Sartorius I. 2011. The Princes' Islands: Istanbul's Archipelago. London, T.H.E. Armchair Traveller AT T.H.E. Bookhaus, 120.

72. Smithies A. 1988. Nicetas Paphlago’s Life of Ignatius: A critical edition with translation, PhD Diss., State University of New York at Buffalo, 193.

73. Stolte B. 2018. Byzantine Law: The Law of the New Rome. In: The Oxford Handbook of European Legal History. Eds. H. Pihlajamäki, M.D. Dubber, M. Godfrey. Oxford, Oxford University Press: 229–248.

74. Stratos A. 1980. Byzantium in the Seventh Century: Justinian II, Leontius and Tiberius, 685–711. Amsterdam, Adolf M. Hakker, 203.

75. Thomas J., Hero A.C. (eds.). 2000. Byzantine monastic foundation documents. A complete translation of the surviving founders’ Typika and testaments. In 5 vols. Vol.5. Dumbarton Oaks Studies, 35. Washington, Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 342.

76. Whitbey M. 1987. Eutychius, Patriarch of Constantinople: An Epic Holy Man. In: Homo Viator: Classical Essays for J. Bramble. Ed. M. Whitbey, P. Hardie, M. Whitbey. Bristol, Bristol University Press: 297–308.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ващева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средневековых цивилизаций Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Yu. Vascheva, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the History of Medieval Civilizations of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 94(495)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-747-753

Положение ариан и донатистов в Африке после установления ромейского господства в регионе

Н.Е. Золотухина
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: tretyakova_n_e@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме социального положения ариан и донатистов в условиях установления ромейской власти без углубления в догматические богословские вопросы. Основное внимание уделяется анализу цели военной кампании Велизария в Северной Африке и приводятся аргументы в защиту тезиса о том, что данная военная кампания не носила религиозного характера с целью подавления ариан. Анализируется количественный состав ариан среди солдат экспедиционного корпуса и их отношение к военной кампании. Акцентируется внимание на укрепление позиций донатистов в конце VI в. в византийской провинции Африка.

Ключевые слова: Северная Африка, Велизарий, ариане, донатисты.

Для цитирования: Золотухина Н.Е. 2020. Положение ариан и донатистов в Африке после установления ромейского господства в регионе. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 747–753. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-747-753.

The position of the Arians and Donatists in Africa after the establishment of Byzantine domination in the region

Natalya E. Zolotukhina
Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: tretyakova_n_e@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the social position of the Arians and Donatists after the establishment of Byzantine domination without going into dogmatic questions. Attention is paid to the analysis of the purpose of Belisarius's military campaign in Africa and arguments are given in defense of the thesis that the military campaign was not religious in nature with the aim of suppressing the Arians. The quantitative composition of the Arians among the soldiers of the expeditionary corps and their attitude to the military campaign are analyzed. Attention is focused on strengthening the position of the Donatists at the end of the 6th century in the province of Africa. In the sources, the religious context of the conquest is poorly mentioned, as a rule, the goal of Belisarius's campaign is leveled by the theses that the vandals brought a lot of grievances to the romanized population without clarifying the confessional issue. North Africa is of particular interest for the study of late antique Christianity.

Keywords: North Africa, Belisarius, Arians, Donatists.

For citation: Zolotukhina N.E. 2020. The position of the Arians and Donatists in Africa after the establishment of Byzantine domination in the region. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 747–753 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-747-753.

Северная Африка представляет особый интерес для изучения позднеантичного христианства, специфика которого определяется наличием ряда факторов – раскол Карфагенской церкви и распространение донатизма, а также господство арианской церкви в пе-

риод вандальского завоевания. Поскольку и ариане, и донатисты признавались еретиками, исследовательский интерес обусловлен вопросом их положения после установления ромейского господства в регионе.

Объектом настоящего исследования является проблема социального положения ариан и донатистов в условиях установления ромейской власти без углубления в догматические вопросы.

Церковный раскол в Карфагенской церкви произошел еще в начале IV в. Его главным действующим лицом на начальном этапе был епископ Нумидии Донат, от имени которого происходит название движения донатистов. Важное значение для донатистов имели их утверждения о том, что признаком истинной церкви является святость, проявляющаяся в личном совершенстве её служителей, и что действительны только те таинства, которые совершаются в церкви, а также что ранее совершенные таинства вне церкви недействительны [Дилигенский, 1961]. Спад движения донатистов приходится на период правления императора Гонория, когда они были лишены гражданских прав и права собираться для отправления своих богослужений. Взаимоотношения донатистов с вандалами остаются неясными. Вероятно, этот конфликт отошел на задний план, поскольку вандалы придерживались арианства.

По поводу происхождения арианства высказывались различные точки зрения. Например, В.В. Болотов отмечал связь арианства с оригенизмом [Болотов, 1910]. А.М. Иванцов-Платонов придерживался точки зрения о том, что арианство стало результатом борьбы различных течений александрийской школы [Иванцов-Платонов, 1881]. В 381 г. при императоре Феодосии Великом арианство было окончательно осуждено. Тем не менее, к тому времени идеи Ария получили широкое распространение среди федератов – готов и вандалов, а в Северной Африке с установлением вандальского господства лишь упрочились [Лебедев, 1916].

Имеющиеся источники V–VI вв. указывают на то, что на протяжении многих лет вандалы преследовали местное христианское население, а император Юстиниан, будучи праведным христианином и набожным человеком, активно боролся с ересью и считал унижения, которым подверглось христианское население Африки, невыносимыми [Кулаковский, 2003]. Возмущенный тем, что вандалы насильно крестили ортодоксальных христиан в арианство, пытали верующих, оскверняли храмы, он поставил своей целью освободить африканское население от ариан [38]. Таким образом, можно предположить, что одним из мотивов для завоевания императором Юстинианом Африки был религиозный: стремление освободить африканское романизированное христианское большинство от арианства. Также важно отметить стремление Юстиниана восстановить прежние границы Римской империи, что, вероятно, может быть более веской причиной для вандальской войны.

В историографии относительно основных причин вторжения Юстиниана в Северную Африку часто отмечается, в первую очередь, его религиозный характер. Например, Ш. Диль прямо считал эту военную кампанию крестовым походом [Diehl, 1896], а Вудворд – священной войной против ариан [Woodward, 1916].

Однако необходимо отметить, что в экспедиционных силах, находившихся под командованием Велизария, не менее 1 000 солдат были приверженцами арианства (Procop., II. XIV, 12). Более того, несмотря на то, что Юстиниан являлся ревностным гонителем еретиков, в соответствии с эдиктом от 527 г. относительно готов-ариан, имеющих статус федератов, были применены снисхождения (Cod. Just. 1.5.12.17).

[38] Африканское духовенство стремилось предать гласности гонения со стороны вандалов, что можно наблюдать в труде Виктора Витенского «История гонений в африканской провинции» (Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum, vol. VII).

Прокопий Кесарийский не дает нам упоминаний о том, что Велизарий в ходе кампании в Африке акцентировал какое-либо внимание на религиозной проблеме. При этом он отмечал, что христиане Африки перенесли много оскорблений со стороны вандалов (без упоминания их вероисповедания) [39]. По мнению Уолтера Кэги, Прокопий мог избегать указания на религиозную проблему по нескольким причинам: во-первых, потому, что не являлся приверженцем каких-либо конфессиональных споров; во-вторых, потому, что в этом отсутствовала необходимость, так как его интересовало изложение событий лишь с политической точки зрения; в-третьих – отношение Велизария и экспедиционного корпуса к арианам Африки не было принципиально негативным [Kaegi, 1965].

Несмотря на то, что солдаты-ариане представляли малую часть экспедиционного корпуса, на наш взгляд, они могли оказать определенное влияние на общую ситуацию, делая ее более мягкой и терпимой по отношению к местным арианам Африки (вандалам).

Стоит отметить, что в источниках также нет явного указания на то, что Велизарий угрожал или жестоко обращался с арианским духовенством в Африке. С приходом ромеев многие арианские священнослужители бежали из Карфагена. Прокопий Кесарийский повествует, что Велизарий вошел в Карфаген 15 сентября 533 г. Прежде чем разрешить своим солдатам войти в город, он напомнил, что африканцы прежде были римлянами, и что эти африканцы перенесли много оскорблений (он не был здесь конкретен) от рук вандалов, и именно по этой причине император вел войну с ними: «Ливийцы [романизированное африканское население] издревле являлись римлянами, оказались под властью вандалов не по собственной воле и испытали от этих варваров много беззаконий; именно поэтому василевс [Юстиниан] и начал войну с вандалами, и с их стороны [экспедиционного корпуса] было бы просто святотатством причинить зло людям, для освобождения которых (ибо такова причина войны) они двинулись против вандалов» (Procop., I. 20. 19–20). Когда новость о поражении Гелимера достигла Карфагена, арианские священники бежали (Procop., I. 21. 19–25).

Таким образом, мы видим, что у Прокопия отсутствуют упоминания о том, что арианские священники вынуждены были бежать из-за насильственных действий со стороны экспедиционного ромейского корпуса. Изложение Прокопия, вероятно, указывает на их естественный характер побега из Карфагена из-за страха. Последующие события (в 536 г.) показали, что влиятельное количество арианского духовенства осталось на свободе в Африке даже после установления ромейской власти. Также Велизарий предоставил бежавшим вандалам убежище в карфагенских храмах, что может являться важным доказательством политики умеренности и терпимости в отношении религиозных убеждений вандалов (Procop., I. 21.11).

Более того, анализ законодательных памятников Юстиниана показал, что Юстиниан разрешил арианскому духовенству сохранять свои церковные должности в течение определенного времени, в конце которого, в случае, если они будут перекрещены в ортодоксальное христианство, они не будут подвергаться смещению. Однако, в соответствии с письмом Папы Агапита I от 15 октября 535 г., сообщалось, что бывшие ариане и арианские священнослужители не могут быть приняты в христианское ортодоксальное духовенство, несмотря на желание императора.

Таким образом, данный тезис может указывать на стремление Юстиниана благоприятствовать переходу ариан в ортодоксальное христианство, так как он, вероятно, полагал, что таким образом арианская церковная собственность будет мирно передана в собственность официальной церкви, в чем прослеживается попытка следовать политике религиозной умеренности [Saumagne, 1892].

[39] При этом очевидно, что «христиане Африки» – это ортодоксы, а вандалы – ариане [Третьякова, 2016].

Однако подобная умеренная политика не была поддержана североафриканскими священнослужителями, и реакцией на их позицию стало издание в 535 г. новеллы «Об африканской церкви» [40], которая была направлена на имя префекта претория Африки Соломона [Иващенко, 1873]. Новелла касалась в первую очередь вопросов церковного имущества, а также социального положения донатистов и ариан – арианам, донатистам, иудеям, и другим лицам, не исповедующим православной веры, запрещалось совершать священнодействия, строить храмы, иметь епископов и клириков и проводить таинство Крещения, поскольку «эти секты осуждены не только нами [императором], но и прежними законами, и содержатся людьми нечестивыми и беззаконными» (Novellae, 37).

Также все еретики должны были быть отстранены от общественной деятельности и должностей. В отношении тех, кто являлся приверженцем никейского символа веры, но потом перешел в арианство или к донатистам, а после снова возвратился к ортодоксальной вере, запрещалось вступать на военную службу (Novellae, 37). Также донатистам и арианам не разрешалось иметь свои святилища и совершать обряды.

Новелла ознаменовала изменение в политике императора Юстиниана в отношении данного религиозного вопроса, поскольку, вероятно, император осознавал важность поддержки со стороны североафриканского духовенства. Следует отметить, что в это время была предпринята кампания против остготов в Италии и на Сицилии, в которой Африка играла важную роль тыла. Вероятно, в подобных условиях было важно обеспечить спокойствие в Африке. Тем не менее публикация новеллы имела свой результат. Солдаты-ариане экспедиционного корпуса, оставшиеся в Африке, были недовольны прекращением политики веротерпимости в отношении проведения религиозных обрядов.

Как мы отмечали ранее, важной причиной нестабильной ситуации внутри экспедиционного корпуса Велизария стало отсутствие выплаты жалований (Procop., II. 15. 55–56) и то, что многие солдаты женились на женщинах-вандалках, которые претендовали на земли, которыми ранее владели. Уолтер Кэги полагает, что доктринальные различия арианства и ортодоксального христианства не были достаточно сильной проблемой, чтобы спровоцировать мятеж среди ариан-солдат, причины крылись именно в социально-экономической ситуации [Kaegi, 1965].

В 536 г. произошло восстание под предводительством Стотцы [Жюльен, 1950]. Ариане, начавшие мятеж, составляли лишь небольшую часть от общего числа войск, которые участвовали в нем. Их число было около 1 000 чел. В дополнение к этому выступили 1 000 вандалов (дезертиры из воинских частей вандалов, которые Юстиниан организовал для борьбы на Востоке), которые также предположительно были арианами (Procop., II. 14. 12). Таким образом, число ариан среди солдат составляло около 2 000 чел. Всего количество экспедиционного корпуса солдат (исключая многочисленных местных рабов неопределенной религиозной веры, присоединившихся к мятежникам) в восстании составило 9 000 чел. (Procop., II. 15. 4). Следовательно, ариане составляли менее четверти от числа мятежников. Упоминания ариан в источниках исчезают с подавлением восстания Стотцы.

Таким образом, едва ли предположения о том, что арианство укрепилось в Африке с установлением ромейского господства, могут быть основательны, равно как и те, что многие маврусии являлись арианами [41].

В соответствии с законодательством Юстиниана донатистам также запрещалось иметь свои храмы, священнослужителей, а также проводить обряды. Однако сведения о донатистах активно начинают встречаться в источниках в период правления императора Маврикия. Для лучшего понимания этой ситуации отметим, что период правления этого императора характеризовался нестабильной внутренней и внешней ситуаций, в условиях

[40] Публикация перевода Новеллы 37 Юстиниана I «Об Африканской церкви» с комментариями и историографическим обзором была подготовлена В.В. Серовым и Ю.А. Крейдуном [Серов, Крейдун, 2017].

[41] О предмете данных рассуждений подробнее см.: [Speel, 1960].

чего, вероятно, сам он видел необходимость поддержания внутреннего мира и порядка. Им были смягчены законы, принятые Юстинианом в отношении ереси и инакомыслящих, – к примеру, евреям разрешалось спокойно строить синагоги.

Из писем Папы Григория Великого мы узнаем, что в это время свои позиции усилило движение донатистов. С 591 по 596 гг. непрерывно в переписке Григория Великого обсуждалось усиление позиций донатистов. В соответствии с постановлением императора Маврикия, донатистам разрешалось иметь свои церкви и епископов (Greg., 1, 75), но при условии, что они [донатисты] не могли занимать посты религиозного руководства в провинции и должны были быть благосклонны к императорской администрации. Вся эта ситуация обернулась тем, что донатисты начали насильственно изгонять ортодоксальных священнослужителей.

Более того, данная ересь получила настолько широкое распространение, что многие давали согласие на крещение по донатистскому обряду. «Высшие ранги общества, которые были заражены этой инфекцией (имеется в виду донатизм), а также крупные землевладельцы использовали свое влияние, чтобы «посадить за руль» после них людей, зависящих от их полномочий» (Greg., 4, 41; 6, 34). В это время Папа Римский усилил влияние на Карфагенскую церковь. Когда он узнал (в 597 г.), что префект Нумидии Панталеон слишком ослабил меры против донатистов, и что их влияние возросло до такой степени, что православные священники изгоняются и крещенные ими перекрещиваются, то письменно поручил созвать местный собор. Проходил ли этот собор, и какие решения на нем были приняты – неизвестно. Также, в конце 594 или в 595 г., в Карфагене был проведен общий собор под председательством Карфагенского епископа Доминика в отношении вопроса о донатистах [Markus, 1991]. После этого упоминаний о донатистах в Африке в источниках не встречаются.

Таким образом, мы рассмотрели положение ариан и донатистов после установления ромейской власти в регионе. Вероятно, ошибочно полагать, что арианство укрепилось после прихода ромеев, как и то, что император Юстиниан и Велизарий с экспедиционным корпусом вели захватническую политику в отношении ариан. Подобные действия не являлись рациональными, поскольку в составе экспедиционного корпуса Велизария было около 1 000 солдат-ариан.

В источниках слабо упоминается религиозный контекст завоевания; как правило, цель кампании Велизария нивелируется тезисами о том, что вандалы доставили много обид романизированному населению без уточнения конфессионального вопроса.

Говоря о восстании солдат, среди которых были ариане, представляется маловероятным искать в нем религиозную причину, так как наибольшее значение в ходе мятежа имел земельный вопрос, а также вопрос жалования.

Донатисты, как и все ереси, в соответствии с законодательством Юстиниана не имели права иметь церкви, священнослужителей, совершать обряды, однако с ослаблением политики императора Маврикия в отношении еретиков движение донатистов в некоторой мере укрепило позиции в конце VI в.

Все ереси в византийской Африке исчезли лишь вместе с христианством и имперской властью в целом в ходе арабского завоевания конца VII в.

Список литературы

1. Болотов В.В. 1910. Лекции по истории Древней Церкви. В 4-х томах. Том 3. СПб., 474.
2. Виктор Витенский. 2007. История гонений в африканской провинции. Москва. Электронная книга. URL: http://yakov.works/acts/05/marsel/istoriki_11.htm (дата обращения: 24 мая 2020).
3. Дилигенский Г.Г. 1961. Северная Африка в IV–V вв. Москва, Политиздат, 304.
4. Диль Ш. 1906. Юстиниан и византийская цивилизация в VI в. СПб., 188 с.
5. Жюльен Ш.-А. 1950. История Северной Африки. В 2-х томах. Том 1. Москва, Наука, 422.

6. Иванцов-Платонов А.М. 1881. Религиозные движения на христианском Востоке в IV и V веках. Москва, 239.

7. Иващенко А.И. 1873. История Северо-африканской Церкви с 534 года до конца ее существования. Христианское чтение, 11: 461–531.

8. Кулаковский Ю.А. 2003. История Византии. В 3-х томах. Том 2. СПб., Алетейя, 402.

9. Лебедев Д.А. 1916. Вопрос о происхождении арианства. Богословский вестник, 5: 133–162.

10. Мягков Ю.Г. 1995. Юстиниан и «Ренессанс» Римской империи в VI в. Античный вестник, 3: 12–22.

11. Серов В.В. 2017. Новелла 37 Юстиниана I «Об африканской церкви». Христианство на Ближнем Востоке, 2: 37–50.

12. Третьякова Н.Е. 2016. К вопросу об установлении византийской власти в Северной Африке и проводимой политике Юстиниана Великого в регионе. Науковий вісник Дипломатичної академії України: 120–125.

13. Diehl Ch. 1896. L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533–709). Paris, Ernest Leroux, 644.

14. Kaegi W.E. 1965. Arianism and the Byzantine Army in Africa 533–546. Tradatio, 21: 23–53.

15. Markus R.A. 1966. Reflections on Religious Dissent in North Africa in the Byzantine Period. Studies in Church History, 3: 140–149.

16. Markus R.A. 1991 The Problem of «Donatism» in the VI C. Gregorio Magno e il suo tempo, 1: 159–166.

17. Merrills A.H. 2004. Vandals, Romans and Berbers: New Perspective on Late Antique North Africa. Ashgate, 316.

18. Saumagne Ch. 1892. Étude sur la propriété ecclésiastique à Carthage d'apres les novelles 36 et 37 de Justinien. Byzantinische Zeitschrift, 22: 77–87.

19. Speel C.J. 1960. The Disappearance of Christianity from North Africa in the Wake of the Rise of Islam. Church History, 29: 379–397.

20. Woodward E.L. 1916. Christianity and nationalism in the later Roman Empire. London, 106.

References

1. Bolotov V.V. 1910. Lekcii po istorii Drevnej Cerkvi [Lectures on the history of the Ancient Church]. V 4-h tomah. Tom 3. SPb, 474 (in Russian).

2. Viktor Vitenskij 2007. Istorija gonenij v afrikanskoj provincii [History of persecution in the African province]. Moskva. Jelektronnaja kniga. URL: http://yakov.works/acts/05/marsel/istoriki_11.htm (data obrashhenija: 24 maja 2020) (in Russian).

3. Diligenskij G.G. 1961. Severnaja Afrika v IV–V vv. [North Africa in the IV–V centuries]. Moskva, Politizdat, 304 (in Russian).

4. Dil' Sh. 1906. Justinian i vizantijskaja civilizacija v VI v. [Justinian and Byzantine civilization in the 6th century]. SPb., 188 (in Russian).

5. Zhjul'en Sh.-A. 1950. Istorija Severnoj Afriki [History of North Africa]. V 2-h tomah. Tom 1. Moskva, Nauka, 422 (in Russian).

6. Ivancov-Platonov A.M. 1881. Religioznye dvizhenija na hristianskom Vostoke v IV i V vekah [Religious movements in the Christian East in the 4th and 5th centuries]. Moskva, 239 (in Russian).

7. Ivashhenko A.I. 1873. Istorija Severo-afrikanskoj Cerkvi s 534 goda do konca ee sushhestvovanija [History of the North African Church from 534 to the end of its existence]. Hristianskoe chtenie [Christian reading], 11: 461–531 (in Russian).

8. Kulakovskij Ju.A. 2003. Istorija Vizantii [History of Byzantium]. V 3-h tomah. Tom 2. SPb., Aletejja, 402 (in Russian).

9. Lebedev D.A. 1916. Vopros o proishozhdenii arianstva [The question of the origin of Arianism]. Bogoslovskij vestnik [Theological Herald], 5: 133–162 (in Russian).

10. Mjagkov Ju.G. 1995. Justinian i «Renessans» Rimskoj imperii v VI v. [Justinian and the «Renaissance» of the Roman Empire in the 6th century]. Antichnyj vestnik [Antique Herald], 3: 12–22 (in Russian).

11. Serov V.V. 2017. Novella 37 Justiniana I «Ob afrikanskoj cerkvi» [Novella 37 Justinian I «On the African Church»]. Hristianstvo na Blizhnem Vostoke [Christianity in the Near East], 2: 37–50 (in Russian).

12. Tret'jakova N.E. 2016. K voprosu ob ustanovlenii vizantijskoj vlasti v Severnoj Afrike i provodimoj politike Justiniana Velikogo v regione [On the question of the establishment of Byzantine power in North Africa and the policy pursued by Justinian the Great in the region]. Naukovij visnik Diplomatichnoï akademiï Ukraïni [Scientific Bulletin of the Diplomatic Academy of Ukraine]: 120–125 (in Russian).

13. Diehl Ch. 1896. L'Afrique byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533–709). Paris, Ernest Leroux, 644.

14. Kaegi W.E. 1965. Arianism and the Byzantine Army in Africa 533–546. Tradatio, 21: 23–53.

15. Markus R.A. 1966. Reflections on Religious Dissent in North Africa in the Byzantine Period. Studies in Church History, 3: 140–149.

16. Markus R.A. 1991 The Problem of «Donatism» in the VI C. Gregorio Magno e il suo tempo, 1: 159–166.

17. Merrills A.H. 2004. Vandals, Romans and Berbers: New Perspective on Late Antique North Africa. Ashgate, 316.

18. Saumagne Ch. 1892. Étude sur la propriété ecclésiastique à Carthage d'apres les novelles 36 et 37 de Justinien. Byzantinische Zeitschrift, 22: 77–87.

19. Speel C.J. 1960. The Disappearance of Christianity from North Africa in the Wake of the Rise of Islam. Church History, 29: 379–397.

20. Woodward E.L. 1916. Christianity and nationalism in the later Roman Empire. London, 106.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Золотухина Наталья Евгеньевна, аспирант кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia E. Zolotukhina, Postgraduate Student, Department of General History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(3)
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-754-762

Эллинистическо-иудейские и древнехристианские исторические сочинения в «Библиотеке» Фотия

А.А. Логвинова
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: aleksandra.kostyukovich@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению труда «Мириобиблион» константинопольского патриарха Фотия (IX в.), а конкретно протохристианских произведений в нем. Эти произведения играли важную роль в становлении ранней христианской литературы, стоя на стыке иудаизма, античной философии и христианства. Через них осуществлялся синтез восточной и западной традиции. В «Мириобиблионе» Фотия предпринята попытка интегрировать их в культурный пласт христианской литературы, несмотря на то, что религиозно-философские взгляды их авторов зачастую серьезно отличаются от христианских догматов. Особое внимание уделено эллинизированному иудею Иосифу Флавию, произведениям которого Фотий посвящает 4 кодекса. Изучение аннотаций Фотия показывает, что протохристианские произведения в целом позитивно воспринимались в византийском обществе, они вызывали интерес прежде всего с точки зрения описания новозаветных событий «изнутри». Однако все же таких произведений было мало, в «Мириобиблионе» всего 7 подобных сочинений из 280.

Ключевые слова: Поздняя античность, Фотий, «Мириобиблион», кодекс, протохристианские сочинения, Иосиф Флавий.

Для цитирования: Логвинова А.А. 2020. Эллинистическо-иудейские и древнехристианские исторические сочинения в «Библиотеке» Фотия. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 754–762. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-754-762.

Hellinistic-judaic and ancient Christian historical works in the «Library» of Photius

Alexandra A. Logvinova
Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: aleksandra.kostyukovich@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the work «Myriobiblion» by the Patriarch of Constantinople Photius (IX century), and specifically the proto-Christian works in it. These works played an important role in the formation of early Christian literature, standing at the junction of Judaism, ancient philosophy and Christianity. Through them the synthesis of Eastern and Western literary traditions was carried out. Photius' Myriobiblion attempts to integrate them into the cultural layer of Christian literature, despite the fact that the religious and philosophical views of their authors are often seriously different from Christian dogmas. Particular attention is paid to the hellenized Jew Joseph Flavius, whose works Photius devotes as many as 4 codes. A study of Photius's annotations shows that proto-Christian works, in general, were positively perceived in Christian society, they aroused interest primarily from the point of view of describing New Testament events «from the inside». However, there were still few such works, in «Miriobiblion» we counted only 7 such works out of 280.

Keywords: Late antiquity, Photius, «Myriobiblon», code, proto-Christian writings, Josephus Flavius.

For citation: Logvinova A.A. Hellinistic-judaic and ancient Christian historical works in the «Library» of Photius. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 754–762 (in Russian). DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-754-762.

Рецепция византийской традиции пользуется неизменным интересом у зарубежных и отечественных историков. Несомненно, в историческом аспекте ценность представляет «Мириобиблион» интеллектуала IX века патриарха Фотия как важнейший памятник рецепции. Это книга, представляющая собой собрание различных прочитанных византийским интеллектуалом античных и средневековых произведений разных авторов. Всего он содержит 280 аннотаций и выписок из различных произведений. «Мириобиблион» по количеству цитируемых кодексов состоит на 43,6% из светских и на 56,4% – из христианских произведений. А по реальному объему (количеству страниц) наоборот, 58% составляют светские и только 42% – христианские тексты.

Особый интерес представляют светские произведения протохристианской традиции и их описание в «Мириобиблионе». Эта литература относилась к периоду I–III вв., являясь наиболее аутентичной для описания жизни Христа и зарождения христианской Церкви именно в историческом плане, и игнорировать ее было невозможно. В то же время она сложно интегрировалась в ортодоксальное христианское вероучение, так как христианство как религия в то время еще не сложилось, не было выработано догматов и канонов, поэтому авторы зачастую разделяли те взгляды, которые в последующем были осуждены как ереси. Вариант интеграции данной литературы в культурно-исторический пласт христианского общества показан в «Мириобиблионе» Фотия. Кроме того, изучение данной темы позволяет взглянуть на такое важное культурное явление первых веков нашей эры, как встреча восточной и античной литературных традиций, их синтез и взаимовлияние, обусловившие генезис собственно христианской литературы. Причем это дается сквозь призму христианского мировоззрения, которое может наиболее глубоко отразить все нюансы этой проблемы.

Зарождение христианской литературы происходило на грани двух разнородных стилевых и языковых миров – еврейско-арамейского и греческого. Она разрушила эту грань самим своим возникновением, разорвав замкнутый круг античной литературы и открыв ее к восприятию нового влияния. Распространение новой религии, а с ней и новой литературы, должны были по необходимости перестроить в корне не только формальный, но и идейный строй латиноязычной и грекоязычной словесности – и при этом с самыми длительными последствиями. Мир старых устоявшихся форм и тем был взорван.

Греко-римская литература была довольно закрытой для внешних воздействий. Обусловлено это отчасти тем, что развивалась она на ином уровне, чем восточные литературы, соседствовавшие с ней географически [Семеновкер, 1995, с. 142]. Мир классической древности смог добиться того, чего не смогли многие великие культуры, – он дал литературе независимость от культа и быта, а также выработал теоретическое высоко сознательное отношение к слову, то есть породил риторику и поэтику. До тех пор, пока языческая, античная Греция оставалась сама собой, она не воспринимала красоту чужого слова [Пети, 2004, с.125–127]. Сам тип литературы латино- и грекоязычного мира качественно изменился на переходе от античности. Эту органическую эволюцию было бы в корне неверно объяснять механическими влияниями Востока, но неоспоримым является то, что преклонение перед Библией было сильнейшим фактором в литературном процессе тех веков. Найти за пределами замкнутого круга собственной классики точку опоры христианизировавшейся греко-латинской литературе помогло знакомство с восточной традицией, тем самым были созданы предпосылки к решению новых задач [Лемерль, 2012, с. 61–70].

Христианство первых трех веков с юридической точки зрения оказалось в положении «недозволенной религии», отказ христиан от участия в официальных языческих куль-

тах называли святотатством, а христианские общины попадали в категорию «незаконных собраний». В этот период со стороны образованных язычников появились первые нападки на христиан. Во II в. главными оппонентами христианства стали автор сочинения «Истинное слово», направленного против христиан, Цельс и наставник императора Марка Аврелия Фронтон. Они рассматривали христианство как учение, которое полно фанатизма и предрассудков и угрожает античному миросозерцанию. Кроме этого, о христианах распространялось множество сплетен и клеветы, вызванных отчасти закрытостью их собраний. Задача древнехристианских авторов заключалась в том, чтобы с самых разных сторон продемонстрировать приемлемость христианства языческому миру – философско-богословской, гражданской, культурной, религиозной и т. д. [Васильев, 2012, с. 55–58]. Прежде всего, древнехристианские авторы старались опровергнуть клевету, возводимую на христиан, и ответить обвинителям Церкви, говорившим о том, что она – угроза государству. Также они раскрывали безнравственность и абсурдность язычества, его божеств и мифологии и утверждали, что единственно верным учением о мире и Боге обладает христианство. Они опровергали аргументы философов и показывали, что сама их философия не может достичь истины, имея человеческий разум единственным обоснованием. Кроме того, они опровергали возводимые на христиан обвинения в чудовищных преступлениях (эдиповы кровосмешения, каннибализм, атеизм и др.), доказывая их абсурдность и невозможность [Плотников, с. 2011, с. 81–90].

Вместе с тем предыстория переворота, осуществленного христианством в средиземноморской литературе, началась еще за три века до возникновения самого христианства – с создания Interpretatio Septuaginta Seniorum («Перевод семидесяти толковников») [42]. Александрийские евреи в годы царствования монарха Птолемея Филадельфа II (285–246 гг. до н. э.) перевели на греческий язык Пятикнижие, то есть пять первых и самых важных книг Ветхого Завета. На этом переводческая работа не остановилась: уже ко второй половине II в. до н. э. на греческий были переведены почти все книги Ветхого Завета. В скором времени появилось в греческом переводе и все остальное [Кащеев, 1997, с.11–19].

От собственно древнехристианской литературы (вторая половина I – начало II в.) до нас, прежде всего, дошел Новый Завет – комплекс религиозных сочинений, которые были выбраны как самое адекватное выражение новой веры из множества подобных им и вместе с Септуагинтой составляли христианскую Библию. В новозаветных текстах отражалась квинтэссенция христианского учения [Зелинский, 1996, с. 22–26]. Однако писания Нового завета составляли лишь незначительную часть обширной протохристианской литературы, которая создавалась в I–III вв., то есть до разрешения христианства и его последующего принятия как официальной религии [Блаватская, 1983, с. 6–14].

Деятельность древнехристианских авторов частично была уже подготовлена эллинистическим иудаизмом, стоявшем на стыке иудаизма, язычества и христианства: Филон Александрийский написал такие несохранившиеся сочинения, как «Основания» и «Апология в защиту иудеев». Иосифу Флавию принадлежала апология «О древности иудейского народа, против Апиона», оказавшая влияние на некоторых авторов. Также важны такие произведения Иосифа Флавия, как: «О бедствиях евреев», «О Вселенной», называемый также «О природе Вселенной» и «О причинах Вселенной»; «Иудейские древности»; «Иудейские войны» [Шаму, 2008, с. 170–177].

В «Мириобиблионе» Фотия представлены несколько кодексов этого рода. Четыре из них посвящены произведениям Иосифа Флавия (ок. 37 – ок. 100 гг. н. э.): кодекс 47 – «О бедствиях евреев», 48 – «О Вселенной», 76 – «Иудейские древности», 238 – «Иудейские войны». Такое внимание Иосифу Флавию, что каждая его работа рассматривается в

[42] Собрание переводов Ветхого Завета на древнегреческий язык, выполненных в III–I вв. до н. э. в Александрии. Часто обозначается как «LXX».

отдельном кодексе, может быть связано с тем, что Фотий читал их в отдельных рукописях, однако также свидетельствует об уважении, которое испытывал византийский интеллектуал к Иосифу.

Кроме этого, Фотий читал произведение Юста Тивериадского (I в.) «Хроника иудейских царей», которому посвящен кодекс 33, а также «Хронику» Секста Юлия Африкана (ок. 160–240 гг.), которую он характеризует в кодексе 34. Еще одно произведение, тематически относящееся к этой группе – анонимный трактат об исчислении Пасхи, который описан в кодексе 116.

В кодексе 47 «Мириобиблиона» Фотий пишет, что прочитал труд иудея Иосифа Флавия «О бедствиях евреев». Там Иосиф описал захват Гисхалы, Иотапаты (где он сам был взят в плен), а также уничтожение прочих еврейских крепостей, а в последней книге – разрушение крепости Масада и Иерусалима. Работа состоит из семи книг. Фотий не изменяет своей традиции, оценивая «чистый стиль» автора и склонность выражать свои мысли с обаянием, с определенностью и достоинством. Фотий пишет, что Иосиф преподносит свои темы приятно и убедительно, даже если склонен принять противоположные взгляды; он умен, очень любит афоризмы и плодовит в использовании доводов. Также он умело разжигает и успокаивает страсти, привносит эмоции. В своем труде Иосиф рассказывает, что взятию Иерусалима предшествовало множество знаков и предзнаменований. В целом, этот кодекс не содержит оценки работы, кроме той, что дана стилю и языку автора.

В кодексе 48 Фотий описывает философские работы Иосифа Флавия по онтологии и космологии: «Прочитал трактат Иосифа «О Вселенной», который в другом месте называется «О природе Вселенной» и «О причинах Вселенной». Состоит он из двух небольших трактатов, где автор показывает, что Платон противоречит сам себе. Также автор опровергает Алкиноя, чьи взгляды на Воскресение, материю и душу являются абсурдными и ложными, и приводит по этому вопросу свое собственное мнение. Он приводит доказательства того, что еврейский народ намного старше греков. Автор думает, что человек представляет соединение воды, земли и огня, а также духа, называемого им душой. О духе он говорит, что он является главенствующей частью, формируется вместе с телом и пронизывает каждый член и каждый сустав».

Фотий отмечает, что эти взгляды отличаются от еврейских идей относительно человеческой физиологии, и они стоят ниже уровня других сочинений автора. Автором также дается краткий отчет о создании мира. Он говорит, что Христос – истинный Бог, дает ему открыто имя Бога и описывает Его порождение от Отца таким языком, к которому нет никаких возражений. Пожалуй, это могло бы заставить сомневаться, что трактат действительно написал Иосиф, хотя стилистически он от остальных его сочинений не отличается. Далее Фотий приписывает работу Гаю, пресвитеру Рима. Но тем не менее в его кодексах она идет под именем Иосифа Флавия [Henry, 1959, t. I, p. 22]. В целом этот труд оценен Фотием положительно, и он соответствует догматическому учению.

В кодексе 76 Фотием описаны «Иудейские древности» Иосифа Флавия в двадцати книгах. Начинает он с Моисеевой космогонии, и, хотя его отчет в основном согласуется с общепринятым, по словам Фотия, иногда он отличается: «Работа заканчивается войной между римлянами и евреями, когда иудейским царем был Агриппа, сын великого Агриппы, лишивший первосвященства Иисуса, сына Гамалиила, и даровавший его сыну Феофила Маттиасу. Антиох со своим стратегом Лисием были первыми, кто ввел новаторство относительно владения первосвященством. Они сняли с этой должности Онию, именуемого Менелаем, предали его смерти, лишили права наследования его сына, назначив на его место Алкима, звавшегося Иакимом, из рода Аарона, но принадлежавшего другой семье. До этого по закону времен Аарона первосвященник занимал должность в течение всей жизни, а сын наследовал отцу. Но когда умер первосвященник Алким, должность была незанятой семь лет. После Маттиаса с сыновьями семейству Хасмонеев было поручено руководство

еврейским народом, и первосвященником был назначен Ионатан, пошедший войной на македонян» (ср., Иосиф Флавий, Иудейские древности, XX, 9–11).

Далее Фотий указывает, что автор описывает конец династии Хасмонеев и что Ирод стал с согласия римлян царем евреев: «Первосвященство он даровал кому попало, подавая своим преемникам пример для подражания. В своих двадцати книгах автор от сотворения мира доходит до начала последней войны между римлянами и евреями, до времени, когда Агриппа был назначен римлянами царем евреев, а Гессий Флор сменил наместника Иудеи Альбина. Евреи восстали, не выдержав жестокости и нечестия Флора, решив, что лучше умирать свободными и сразу, чем в рабстве и постепенно. На двенадцатом году правления Нерона, на второй год наместничества Гессия Флора была война, на которой заканчивается труд Иосифа».

В этом кодексе Фотием приведена биография Иосифа: по рождению он был священник и еврей, принадлежащий со стороны отца к семье, происходившей от долгого рода священников. Со стороны матери он был царского рода, так как ее семья происходила от потомков Хасмонея, которые длительное время удерживали и звание царя, и первосвященство. В шестнадцать лет он заинтересовался тремя сектами евреев и стал исследовать их, чтобы, опробовав все их, выбрать лучшее. Это секты ессеев, саддукеев и фарисеев. Пройдя через эти секты, он удалился в пустыню и жил там три года с человеком, жившим одинокой и аскетической жизнью. В девятнадцать лет он вернулся из пустыни и присоединился к фарисейской секте, напоминавшей секту стоиков среди греков. На тридцатом году народ Иерусалима послал его исследовать состояние дел в Галилее, где было большое смятение. Затем его назначили главнокомандующим Галилеи, где он показал себя хорошим администратором.

В 238 кодексе Фотий описывает «Иудейские войны» Иосифа Флавия: «В этой выборке представлено, что он говорит об Ироде: восстановление храма, способ, с помощью которого он узурпировал Иудейский трон, как наследовали власть его потомки и как власть их исчезла в пользу аристократии, когда первосвященники забрали из-под контроля народа преемственность, и все другие связанные с этим события» [ср., Иосиф Флавий, Иудейские войны, I, X–XXXIII]. Хотя текст 238 кодекса является кратким обзором, в нем содержится много точных цитат, показывающих, что Фотий очень внимательно читал этот труд.

Историческая ценность трудов Иосифа Флавия главным образом заключается в том, что они являются основным источником истории евреев с эпохи Маккавеев до завоевания римлянами Иерусалима. Христианские учителя церкви, такие как Тертуллиан, Климент Александрийский, Феофил Антиохийский, и церковные писатели Иероним, Евсевий и другие отзывались об Иосифе Флавии с похвалой, ссылаясь на него как на признанный авторитет [Петровых, 1903, с. 345].

В кодексе 33 Фотий пишет о сочинении Юста из Тивериады «Хроника царей иудейских в виде генеалогии Юста из Тивериады». Свою историю автор начинает от Моисея и доводит до смерти последнего из царя евреев седьмого Агриппы из рода Ирода. Стиль Юста сжатый, и он опускает много фактов, имеющих первостепенное значение. Фотий отмечает, что Юст в своем труде даже не упоминает о пришествии Христа, об исполненных им чудесах или о событиях его жизни: «Отцом его был еврей Пист; сам Юст, по отзывам Иосифа Флавия, был рабом алчности и порока и распутным человеком. Он являлся политическим противником Иосифа, против которого составил, по слухам, несколько заговоров; но Иосиф, хотя он не раз имел в своей власти врага, только словесно отчитал его и отпустил на свободу». Также Фотий писал, что говорят, что написанная Юстом история по большей части является выдуманной, особенно в части описания иудейско-римской войны и взятия Иерусалима. Таким образом, в целом оценка Фотием работы Юста, как и его личности, дана отрицательная. Также в этой работе не содержится никаких упоминаний о Христе. Сочинения Юста в целом не дошли до нашего времени [Габелко, 2013, с. 200–205].

В кодексе 34 Фотий пишет о прочтении истории Юлия Африкана, бывшего также автором сочинения «Cesti» в 14 книгах: «Стиль его хотя и краток, но он ничего не пропускает, что достойно записи. Начинает он с космогонии Моисея и доходит до пришествия Христа. Также у него дается беглое описание событий, произошедших с того времени до правления Макрина. На этой дате хроника была закончена. Состоит работа из пяти книг. Также Африканом было написано письмо Оригену, где он опровергал подлинность истории Сусанны, приводя среди прочих то основание, что эта история не включена в еврейские книги. Оригеном был дан ответ, где он эти возражения опроверг. Также Африкан написал письмо к Аристиду, где показал, что между генеалогиями Спасителя у Луки и Матфея на самом деле нет никакой разницы».

Юлий Африкан является одним из первых христианских историков. Его «История» сохранилась во фрагментах у Иеронима и Евсевия. Письмо Оригену сохранилось в полном объеме, остальные работы – лишь частично. Можно сделать вывод, что Фотием оценка его работе дана в целом положительная.

В кодексе 116 речь идёт об анонимном сочинении «Третий том на праздник Святой Пасхи, в восьми книгах». Фотий, как обычно, оценивает «простой и очень ясный стиль» автора и отмечает, что в труде содержится множество здравых идей: «Автор в 4-й книге опровергает Метродора, помогая себе доказательствами из Писания. В его обсуждении Пасхи содержится много полезных замечаний в виде толкований о Создании. В этой работе автор подробным образом обсуждает все, что имеет отношение к теме. Он дает подробный и четкий отчет про високосный год и вставной месяц, эпакты луны и солнца, девятнадцать дней и способы их нахождения, о новолунии, о месяцах, какие годы называются интеркалярными и какие циклическими, о неделе и днях недели. Также он обсуждает 28-летний солнечный цикл, 19-летний лунный цикл и его 14-й день, солнечный и лунный месяцы, новолуние по солнечному и лунному месяцу, точный месяц и лунный месяц и расчет лет от сотворения мира. Он пишет, что наш Бог и Господь Христос, в соответствии с другими годами Его пришествия, участвовал в установлении праздника Пасхи, но в другой день, а не в тот, о котором сообщалось. Фотий считает, что это заслуживает внимания, так как Церковь и Златоуст учат, что перед тайной вечерей Он принял участие в регулярном празднике» [Henry, 1960, t. II, p. 210].

Так как труд анонимный, найти информацию о его авторе, его отношению к язычникам и об остальных трудах не представляется возможным. Можно только отметить, что труд оценен Фотием положительно, и кое-какие положения из этого сочинения были приняты им во внимание.

Эпоха раннего христианства не могла дать в настоящем смысле слова художественную литературу. Равновесие между содержанием и формой в его литературной продукции было еще резко нарушено в пользу содержания; декоративные элементы стилистики отвергались за ненужностью; жесткие установки на дидактическую «учительность» исключали внимание к внешнему оформлению [Kaldellis, 2008, p. 276]. Больше свободы себе позволяла повествовательная апокрифическая литература, которая иногда использовала приемы античного романа. Освоение христианством арсенала языческой культуры начиналось с философии; уже к началу III в. им выдвигается такой мыслитель, как Ориген, но не дается еще ни одного автора, который в формальном владении словом смог бы создать конкуренцию столпам «второй софистики» [Тревер, 1940, с. 59].

Лишь накануне эпохи Константина сближение с языческим обществом церкви и рост христианской культуры зашли так далеко, что создались объективные условия для соединения самых утонченных и разработанных форм риторики и христианской проповеди. Так закладывались основы византийской литературы [Kazhdan, 1991, с. 55].

Проанализируем протохристианские сочинения на соответствие догматам и с позиции отношения к ним патриарха Фотия.

Таблица 1
Table 1

Анализ протохристианских сочинений с позиции отношения к ним Фотия
Analysis of proto-Christian writings from the position of Photius' attitude to them

№ кодекса	Автор и название	Общая оценка работы Фотием	Отношение к язычникам	Соответствие работы христианским догматам
33	Юст из Тивериады. Хроника царей иудейских	Отрицательная	Ругает автора и его работу	Не соответствует
34	Юлий Африкан. История	Положительная	Автор не язычник	Соответствует
47	Иосиф Флавий. Иудейская война	Положительная	Автор не язычник, Фотий автора одобряет	Соответствует
48	Иосиф Флавий. О Вселенной			
76	Иосиф Флавий. Иудейские древности			
238	Иосиф Флавий. Иудейские древности			
116	Аноним. Третий том на праздник Святой Пасхи, в восьми книгах	Положительная	Автор не язычник, Фотий автора одобряет	Соответствует

Таким образом, можно сделать вывод, что среди сохранившихся кодексов «Мириобиблиона» протохристианских авторов немного. Среди исследованных нами язычников всего один отзыв Фотия крайне отрицательный. Остальные авторы и их работы оцениваются Фотием положительно и соответствуют христианским догматам. В целом данные работы принимаются и интегрируются в христианскую литературную традицию. Особое внимание Фотий в своих аннотациях сосредотачивает на характеристике жизни и учения Христа, причем интерес вызывает то, что это получается как бы «изнутри», а также на соотнесении взглядов писателей с христианским вероучением.

Список литературы

1. Блаватская Т.В. 1983. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., Наука, 328.

2. Васильев А.А. 2012. Византийская империя. До крестовых походов. М., Алгоритм, 432.

3. Габелко О.Л. 2013. Эллинистический мир: Государства и правители. М., Российский гуманитарный научный фонд, 376.

4. Греческая философия. 2008. Под. ред. М. Канто-Спербер. М., Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 978.

5. Зелинский Ф.Ф. 1996. Религия эллинизма. Томск, 88.

6. Иосиф Флавий. 1990. О древности иудейского народа: Против Апиона. Пер. Я.И. Израэльсона и Г.Г. Генкеля. М., XXXVI, 134 (in Russian).

7. Иосиф Флавий. 1961. Отрывки из «Иудейской войны» и «Иудейских древностей». Пер. А. Сыркина. Поздняя греческая проза. Сост. С. Поляковой. М., ГИХЛ, 29–62.

8. Иосиф (Петровых И.С.). 1903. История иудейского народа по археологии Иосифа Флавия: опыт критического разбора и обработки. Сергиев Посад, 484.

9. Кащеев В.И. 1993. Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э. М., ГЛК, 384.

10. Лемерль П. 2012. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века. Вступ. ст. и пер. с франц.: Т.А. Сенина (монахиня Кассия). СПб., Свое издательство, 490.

11. Мириобиблион. Библиотека Фотия – [Электронный ресурс] – http://simposium.ru/node/10517 (дата обращения: 10.05.2020).

12. Пети П. 2004. Эллинистические цивилизации. М., Астрель, 160.

13. Плотников В.В. 2011. История христианского просвещения в его отношениях к древней греко-римской образованности: от торжества христианства при Константине Великом до окончательного падения греко-римского язычества при Юстиниане (313–529 гг.). М., ЛИБРОКОМ, 536.

14. Семеновкер Б. А. 1995. Библиографические памятники Византии. М., Археографический центр, 232.

15. Тревер К.В. 1940. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., Искусство, 240.

16. Шаму Ф. 2008. Эллинистическая цивилизация. Екатеринбург; М., АСТ, 480.

17. Юлий Африкан. Пер. В. Заславского. – [Электронный ресурс] – http://myriobiblion.byzantion.ru/africanus/africanus2.html (дата обращения: 11.05.2020).

18. Kaldellis A. 2008. Hellenism in Byzantium. The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge, University Press, 482.

19. Kazhdan A. 1991. Bibliotheca. The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, University Press, 2232.

20. Photius. 1959. Bibliotheque, ed. R. Henry. Vol. I. Paris, Edition, 524.

21. Photius. 1960. Bibliotheque, ed. R. Henry, vol. II. Paris, Edition, 760.

References

1. Blavatskaya T.V. 1983. Iz istorii grecheskoj intelligentsii ehllinisticheskogo vremeni [From the history of the Greek intelligentsia of Hellenistic times]. Moscow, Nauka, 328 (in Russian).

2. Vasil'ev A.A. 2012. Vizantijskaya imperiya. Do krestovykh pokhodov [Byzantine empire. Before the Crusades]. M., Algorithm, 432 (in Russian).

3. Gabelko O.L. 2013. Ellinisticheskij mir: Gosudarstva i praviteli [Hellenistic world: States and rulers]. Moscow: Russian humanitarian scientific Foundation, 376 (in Russian).

4. Grecheskaya filosofiya [Greek Philosophy]. 2008. Pod. red. M. Kanto-Sperber [Edited by M. Kanto-Sperber]. M., Greek-Latin Cabinet of Yu. A. Shichalin, 978 (in Russian).

5. Zelinskij F.F. 1996. Religiya ehllinizma [The religion of Hellenism]. Tomsk, 88.

6. Iosif Flavij. 1990. O drevnosti iudejskogo naroda: Protiv Apiona. Per. Ya.I. Izraehl'sona i G.G. Genkelya [On the antiquity of the Jewish people: Against Apion. Per. Ya.I. Izraelson and G.G. Genkel]. M., XXXVI, 134 (in Russian).

7. Iosif Flavij. 1961. Otryvki iz «Iudejskoj vojny» i «Iudejskikh drevnostej» [Excerpts from the «Jewish war» and «Jewish antiquities»]. Per. A. Syrkina. Pozdnyaya grecheskaya proza [Late Greek prose]. Sost. S. Polyakovoj. Per. A. Syrkin. Comp. S. Polyakova. M., GIHL, 29–62 (in Russian).

8. Iosif (Petrovykh I.S.). 1903. Istoriya iudejskogo naroda po arkheologii Iosifa Flaviya: opyt kriticheskogo razbora i obrabotki [The history of the Jewish people in the archaeology of Josephus: experience of critical analysis and processing]. Sergiev Posad, 484 (in Russian).

9. Kashheev V.I. 1993. Ellinisticheskij mir i Rim: Vojna, mir i diplomatiya v 220–146 gg. do n. e. [The Hellenistic world and Rome: War, peace, and diplomacy in 220–146 BC]. M., GLK, 384 (in Russian).

10. Lemerl' P. 2012. Pervyj vizantijskij gumanizm. Zamechaniya i zametki ob obrazovanii i kul'ture v Vizantii ot nachala do X veka. Vstup. st. i per. s frants.: T.A. Senina (monakhinya Kassiya) [The first Byzantine humanism. Remarks and notes on education and culture in Byzantium from the beginning to the Tenth century. Introductory article and translation from French: T.A. Senina (nun Cassia)]. SPb., Svoje publishing house, 490 (in Russian).

11. Miriobiblion. Biblioteka Fotiya [Myriobiblon. The library of Photius] – [Electronic resource] -http://simposium.ru/node/10517 (date accessed: 10.05.2020).

12. Peti P. 2004. Ellinisticheskie tsivilizatsii [Hellenistic civilizations]. M., Astrel, 160 (in Russian).

13. Plotnikov V.V. 2011. Istoriya khristianskogo prosveshheniya v ego otnosheniyakh k drevnej greko-rimskoj obrazovannosti: ot torzhestva khristianstva pri Konstantine Velikom do okonchatel'nogo padeniya greko-rimskogo yazychestva pri Yustiniane (313–529 gg.) [The history of Christian enlightenment in its relations to the ancient Greek-Roman education: from the triumph of Christianity under Constantine the Great to the final fall of Greek-Roman paganism under Justinian (313–529)]. M., LIBROKOM, 536 (in Russian).

14. Semenovker B.A. 1995. Bibliograficheskie pamyatniki Vizantii [Bibliographic monuments of Byzantium]. M., Archeographic center, 232 (in Russian).

15. Trever K.V. 1940. Pamyatniki greko-baktrijskogo iskusstva [Monuments of Greek-Bactrian art]. M.; L., Iskusstwo, 240 (in Russian).

16. Shamu F. 2008. Ellinisticheskaya tsivilizatsiya [The Hellenistic civilization]. Yekaterinburg; M., AST, 480 (in Russian).

17. Yulij Afrikan. Per. V. Zaslavskogo [Julius Afrikanus. Per. V. Zaslavsky]. – [Electronic resource] –http://myriobiblion.byzantion.ru/africanus/africanus2.html (date accessed: 11.05.2020).

18. Kaldellis A. 2008. Hellenism in Byzantium. The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge, University Press, 482.

19. Kazhdan A. 1991. Bibliotheca. The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, University Press, 2232.

20. Photius. 1959. Bibliotheque, ed. R. Henry. Vol. I. Paris, Edition, 524.

21. Photius. 1960. Bibliotheque, ed. R. Henry, vol. II. Paris, Edition, 760.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Логвинова Александра Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandra A. Logvinova, Postgraduate Student, Department of General History, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(495).02
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-763-772

Арабский географ начала X в. Ибн ал-Факих о византийской феме Халдия: к вопросу о военной политике Константинополя в западно-кавказских и армянских владениях на рубеже VIII–IX вв.

Е.А. Мехамадиев
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ул. Университетская набережная, д. 7/9
E-mail: e.mehamadiev@spbu.ru

Аннотация. Арабский географ Ибн ал-Факих, живший, судя по всему, во второй половине IX – начале X вв., в своем географическом трактате «Книга стран» упоминает о провинциях, которые входили в состав Византийской империи к началу X в. Среди этих провинций географ называет и Халдию с центром в Трапезунде, располагавшуюся на северо-востоке Малой Азии. Соответственно, автор данной статьи ставит вопрос, как возникла эта провинция, когда и при каких обстоятельствах, более того – как менялся административно-правовой статус этой провинции. На основании сведений различных источников, как греко-латинских (печати, упоминающие чиновников Халдии, письмо императора Михаила II, правившего в 820–829 гг.), так и грузинских (хроники и жития, переведенные на русский и современные западноевропейские языки), автор пришел к выводу, что провинция Халдия как отдельная территориальная единица империи была учреждена в период между 736 и 781 гг., тогда она обладала статусом гражданской провинции. В конце VIII в., в 790-х гг., эта провинция получила новый статус фемы – военно-территориального округа, находившегося под властью стратига, этот наместник объединял в своих руках военные и гражданские полномочия.

Ключевые слова: Халдия, арабские географы, фемы, армия Армениак, царство Картли, Абхазия, коммеркиарий, стратиг.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00010.

Для цитирования: Мехамадиев Е.А. 2020. Арабский географ начала X в. Ибн ал-Факих о византийской феме Халдия: к вопросу о военной политике Константинополя в западно-кавказских и армянских владениях на рубеже VIII–IX вв. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 763–772. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-763-772.

An arabic geographer of the early Xth c. Ibn al-Fakih about the Byzantine theme of Chaldia: on a military policy of Constantinople within its West Caucasus and Armenian possessions at the turn of the eighth – nineth centuries

Evgeny A. Mekhamadiev
Saint-Petersburg State University
7/9, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, 199034, Russia
E-mail: e.mehamadiev@spbu.ru

Abstract. An Arabic geographer Ibn al-Fakih, who lived, obviously, during the second half of the nineth – a beginning of the tenth centuries, mentions in his famous treatise «The Book of Countries» the provinces of Byzantine Empire, which constituted this Empire to the beginning of the tenth century. Among these provinces

the geographer enumerates the province of Chaldia with official centre in the city of Trapezund (modern Trabzon in Turkey), this province located at the North-West of Asia Minor. With this respect, the author of the present paper asks how, when and why this province was established, moreover, how an administrative rank of this region was changed. To answer this question the author turned to different sources, not only Greek-Latin (the seals, which mention the officials of Chaldia, a letter of the Emperor Michael II, who reigned in 820–829), but also the Georgian (chronicles and lives of saints translated to Russian and modern West Europe languages). Having based on this evidence, the author concluded that the province of Chaldia as a self-sufficient Byzantine territorial unit was established between 736 and 781, then it possessed a rank of a civil province. The reason of establishment of Chaldia was a devastating incursion of Arabic general Muhammad ibn Marwan in the West Caucasus regions, this incursion occurred just in 736–737 – during this campaign Muhammad ibn Marwan ravaged also many Byzantine West Caucasus possessions, including the fortress of Tsikhegoji (Archaeopolis) at the bank of Tekhura River. The Byzantines evacuated a garrison of this fortress and located these troops in Chaldia, troops were headed by two tourmarches, but a governor of the whole province was the so-called chief commerkiarios, a civil official. At the end of the eighth century, during the 790th, this province obtained a new rank of the theme – a military-administrative territorial district, a governor of this district was a military official called strategos, he combined two branches of power, that are military and civilian. The reason of such a conversion was an intention of Constantinople to stop a further territorial extending of the kingdom of Abchazia within West Caucasus lands and to prevent an invasion of Abchazian troops in Byzantine Minor Asia lands immediately.

Keywords: Chaldia, Arabic geographers, the themes, the army of Armeniakoi, the kingdom of Kartli, Abchazia, the kommerkiarios, the strategos.

Acknowledgments: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-09-00010.

For citation: Mekhamadiev E.A. 2020. An arabic geographer of the early Xth c. Ibn al-Fakih about the Byzantine theme of Chaldia: on a military policy of Constantinople within its West Caucasus and Armenian possessions at the turn of the eighth – nineth centuries. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 763–772 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-763-772.

Арабский географ Ибн ал-Факих – один из тех многочисленных авторов эпохи древности и Средневековья, о которых известно только благодаря их трудам. Этот автор не упоминается ни в одном ином произведении арабской географической и исторической литературы, соответственно, у исследователей нет сведений о его жизни, кроме одного важного факта – в 903 г. Ибн ал-Факих написал свой географический трактат «Книга стран», который дошел до наших дней только в сокращенной версии, составленной уже в XI в. другим автором [Meisami, Starkey, 1998, p. 323–324, sv. Ibn al-Faqīh].

Как и многие произведения арабской географической литературы, трактат Ибн ал-Факиха содержит сведения не только о землях Арабского халифата, но и о сопредельных странах, в том числе о Византии, с которой арабы постоянно воевали начиная с VII в. В главах, посвященных Византии, Ибн ал-Факих довольно подробно рассказывает об административно-территориальной организации империи, и в рамках данного сюжета он перечисляет те провинции, которые входили в состав Византии. Среди этих провинций арабский географ упоминает Халдию – регион с центром в городе Трапезунд (современный Трабзон в Турции) на северо-востоке Малой Азии, территориально Халдия располагалась вблизи Абхазии (или Авасгии) – первоначально автономного княжества, а затем и независимого царства на северо-западном побережье Черного моря, в основном земли Абхазии находились между реками Бзыбь (впадает в Черное море в районе Пицунды) и Гумиста (впадает в Черное море в районе Сухуми) [Nicholson, 2018, p. 1–2, sv. Abasgia].

В 1901 г. Э. Брукс перевел фрагменты данного трактата, где Ибн ал-Факих перечисляет византийские провинции, на английский язык, соответственно, цитируем фрагмент текста, содержащий сведения о Халдии, по переводу Э. Брукса: Next there adjoints it the province of Galdiya [Chaldia]… and the seat of the imtratighus is Ikrita… and with him are

two turmukhs («далее располагается провинция Галдийя [Халдия]… и резиденция имтратига – Икрита… и вместе с ним два турмуха») [Brooks, 1901, p. 76]. Конечно же, под терминами «турмух» и «имтратиг» следует понимать византийские военные должности турмарха и стратига соответственно; другими словами, Халдию возглавлял наместник в должности стратига, которому подчинялись два турмарха, турмархи же, в свою очередь, возглавляли турмы – внутренние территориальные единицы Халдии, сами турмархи занимали более низкий ранг в административной иерархии империи, чем стратиги [Kazhdan, 1991, p. 2100–2101, sv. tourma, tourmarches].

Византийский административный справочник, известный под условным названием «Тактикон Успенского» (назван в честь его первоиздателя, русского византиниста Ф.И. Успенского), упоминает стратига Халдии с титулом патрикия (ὁ πατρίκιος καὶ στρατηγὸς Χαλδίας) [Oikonomidès' 1972, p. 49, l. 10], следовательно, к 842–843 гг., когда был составлен «Тактикон Успенского» [Oikonomidès, 1972, p. 47], Халдия обладала статусом фемы, т. е. военного административно-территориального округа, находившегося под властью стратига, стратиг каждой фемы занимал придворный ранг (титул) патрикия [43].

Современная историография в лице Дж. Хэлдона придерживается вывода, что фемы как военно-административные округа были созданы в Малой Азии в начале IX в., при императоре Никифоре I (802–811 гг.), – по мнению исследователя, именно Никифор I учредил фемы, преобразовав старые гражданские провинции, существовавшие в Малой Азии еще со времен поздней Античности. Как проследил Дж. Хэлдон, Никифор упразднил старые провинции и объединил их в более крупные территориальные округа – фемы, во главе каждой фемы был поставлен стратиг, который выполнял не только военные, но и гражданские полномочия, т. е. совмещал в себе и функции командующего войсками, располагавшимися на территории фемы, и функции ее гражданского наместника [Brubaker, Haldon, 2011, p. 749–752, 755, 764, 769; Haldon, 2016, p. 246, 250, 254–255, 258–261].

Следовательно, с учетом позиции Дж. Хэлдона, мы можем предположить, что со времени правления Никифора I фемы были основной единицей внутреннего, административно-территориального деления Византии в Малой Азии, а значит, к 842–843 г. Халдия как регион, располагавшийся в Малой Азии, представляла собой именно фему. В таком случае возникает вопрос, когда возникла фема Халдия и всегда ли Халдия как регион была фемой, т. е. обладала ли эта территория статусом фемы изначально, с того самого момента, когда она была создана как отдельная территориальная единица империи?

Для ответа на этот вопрос, в первую очередь, обратим внимание на письмо императора Михаила II (820–829 гг.) к императору франков Людовику I Благочестивому, сыну Карла Великого, – письмо было написано и отправлено в Паризий (Париж), где проходил поместный церковный собор, в 824 г.; тем не менее текст письма сохранился только в латинском переводе. В данном письме, помимо обсуждения ряда богословских вопросов, Михаил II сообщает Людовику I о подавлении восстания Фомы Славянина – мятежного командующего группой византийских войск, который провозгласил себя императором в 821 г., но был разгромлен в 823 г. Согласно тексту письма, Фома Славянин «путем грабежа присоединил к себе весь округ Армении вместе с округом Халдии, народ которой населяет Кавказские горы, а также одержал победу над предводителем Армениаков и (его) сильным войском» (*direptione sibi subdidit totum Armoeniae ducatum, simul et ducatum Chaldeae, quae gens montem Caucasum incolit, necnon et ducem Armeniacorum cum manu valida devicit*) [Werminghoff, 1908, p. 476, l. 23–24].

П. Лемерль пришел к выводу, что под термином *ducatum*, который мы переводим нейтральным словом «округ», следует понимать фему; по мнению П. Лемерля, слово *ducatum* было латинским переводом греческого слова θέμα. Как полагал исследователь,

[43] Аргументы в пользу того, что «Тактикон Успенского» перечисляет именно фемы, см.: [Zuckerman, 2005, p. 132].

текст письма имеет в виду две фемы, Армениак и Халдию, Халдия же представляла собой новую фему, выделенную из фемы Армениак и преобразованную в самостоятельный военно-административный округ. По мнению П. Лемерля, выделение территории Халдии из состава фемы Армениак произошло до 824 г., во всяком случае, к 824 г. фема Халдия уже существовала [Lemerle, 1965, p. 286, n. 119].

Во многом под влиянием тезиса П. Лемерля в последующей исследовательской литературе утвердилась мысль о том, что фема Халдия была либо основана в 824 г., либо уже существовала к 824 г. [Bryer, Winfield, 1985, p. 301; Belke, 1996, S. 74]; естественно, подобная трактовка полностью зависит только от текста письма Михаила II. Тем не менее, на основании сведений жития Або Тбилели, грузинского святого арабского происхождения, жившего в VIII в., Б. Мартен-Исар пришла к выводу, что фема Халдия была учреждена на рубеже VIII–IX вв.; по мнению исследовательницы, целью создания данного военного округа с центром в Трапезунде было стремление византийской администрации остановить экспансию и продвижение Абхазского царства на территорию восточного побережья Черного моря [Martin-Hisard, 1981, p. 155–156].

Житие Або Тбилели (т. е. Тбилисского), по мнению П. Питерса и К. Кекелидзе, подготовивших латинский и русский переводы с грузинского оригинала, было написано в 786 г. [Peeters, 1934, p. 30; Кекелидзе, 1956, с. 32], т. е. задолго до 824 г. Как сообщает текст жития, в 781 г. [44] Або Тбилели прибыл в Абхазию, на границе с которой располагалась область под названием Халдия (*«… до пределов Халдии; в ней находятся Трапезунд, поселение Апсар и гавань Нафсай, тамошние города и селения являются достоянием царя христолюбивых греков»*) [45].

Т. о., само наименование (топоним) «Халдия» впервые появилось задолго до 824 г., просто в 824 г. данный топоним впервые упоминается в греко-латинских источниках, тогда как авторам из стран и регионов Южного Кавказа наименование «Халдия» было известно уже с рубежа VIII–IX вв. Автор жития Або Тбилели четко фиксирует и осознает административную связь Халдии с Византией; согласно житию, эта территория входила в состав Византии. Другой вопрос, что, к сожалению, житие не уточняет, каким именно правовым статусом обладала территория Халдии в составе империи, на наш же взгляд, первоначально она представляла собой одну из провинций армии Армениак, т. е. в Халдии располагались некоторые войсковые подразделения этой армии (в 809 г. те регионы, где размещались наиболее крупные гарнизоны этой армии, т. е. Каппадокия, Пафлагония, Эленопонт, были объединены в новый территориальный округ – фему Армениак). Административным центром Халдии был город Трапезунд; очевидно, там размещался соответствующий войсковой гарнизон.

Судя по всему, к 824 г. провинция Халдия получила статус фемы; тем не менее, на наш взгляд, под сведениями текста жития Або Тбилели все же следует понимать небольшой территориальный округ (провинцию), входивший в состав более крупного региона империи под названием «провинции Армениаков» (αἱ ἐπαρχίαι τῶν Ἀρμενιακῶν). Наименование «провинции Армениаков» впервые упоминается в печати из коллекции Г. Закоса, датированной 717–718 гг.; судя по всему, под данными провинциями мы можем понимать регионы, где размещались крепости (гарнизоны) армии византийской армии Армениак, по сути – те регионы, где находились войсковые подразделения этой армии: «… главных коммеркиариев апотеки Колонии и всех провинций Армениака, любящего Христа. 1 индиктион» (…γενικ(ῶ)ν κομμερκιαρίων ἀποθήκης Κολ(ω)ν(εί)ας καὶ ἀπα(σ)ῶν τῶν ἐπαρχιῶν τοῦ φιλοχρίστου Ἀρμενιακοῦ. Ἰ(νδικτιὼν) α΄) [Zacos, Veglery, 1972a, p. 299, no. 222a]. Следовательно, возникает вопрос, каким статусом обладали эти провинции, что они собой представляли – военные или гражданские регионы?

[44] В вопросе датировки следуем позиции К. Кекелидзе: [Кекелидзе, 1956, с. 33].

[45] Цит. по русскому переводу К. Кекелидзе: [Кекелидзе, 1956, с. 50]. Ср. латинский перевод П. Питерса: *usque ad fines Chaldiae. Illic sita est Trapezon, et mansio Apsarea, et portus Nicopsis. Pertinent autem istae urbes et loca ad imperium Christum amantis regis Graecorum* [Peeters, 1934, p. 26].

Еще в 1984 г. Р.-И. Лили пришел к выводу, что провинции Армениака, равно как и других армий (Опсикий, Анатолик), упоминаемые в печатях, представляли собой старые гражданские провинции, существовавшие еще со времен поздней Античности; соответственно, как заключил исследователь, применительно к армии Армениак под сведениями печатей следует понимать провинции Каппадокия, Пафлагония и Эленопонт, где размещалась основная масса войск этой армии [Lilie, 1984, S. 34]. Мы согласны с точкой зрения исследователя – дело в том, что коммеркиарии, которые упоминает текст печати, представляли собой чиновников налоговой службы империи, в основном они выполняли две функции – собирали налоги с гражданского населения и снабжали войсковые гарнизоны продовольствием [Brandes, 2002, S. 421, 425; Montinaro, 2013, p. 400–401, 415, 417–418]; соответственно, полномочия определенной группы коммеркиариев распространялись сразу на несколько провинций. Другими словами, географический ареал действия определенной группы коммеркиариев, размещавшейся в продовольственном складе (амбаре) под названием «апотека», охватывал сразу несколько провинций; можно даже сказать, что в правовом и административном смыслах несколько провинций были закреплены за одной апотекой, точнее, эта апотека снабжала войсковые гарнизоны, располагавшиеся в нескольких провинциях.

Одной из таких провинций, где находились подразделения армии Армениак, была и Халдия – именно Халдия ближе всего располагалась к основным провинциям армии Армениак, поэтому вполне логично предположить, что и она тоже стала базой для размещения войск данной армии. Из сведений жития Або Тбилели мы можем сделать вывод, что провинция Халдия существовала уже к 781 г., когда вблизи ее земель разместился и сам святой. Следовательно, возникает новый вопрос – когда именно возникла эта провинция, с какими обстоятельствами был связан факт ее создания и каким статусом она все же обладала – военным или гражданским, т. е. какой чиновник возглавлял этот регион?

Для ответа на эти вопросы обратимся к грузинским источникам (хроники и жития), которые сохранили ценные сведения о взаимоотношениях Византии, Абхазии и царства Картли (восточная Грузия, бассейн реки Кура) во 2-й пол. VIII в. «Мученичество царя Арчила» – агиографический текст, написанный в XI в. Леонтием Мровели, епископом города Руиси в Грузии, повествует о мученической смерти царя Картли Арчила II, правившего, как установил К. Туманов, в 736–786 гг. [Toumanoff, 1963, p. 345, 352, 395, 403] [46]. Арчил погиб в 786 г. от рук арабов, вторгнувшихся в Картли и пытавшихся заставить его отказаться от христианства и принять ислам – после безуспешных попыток арабы казнили Арчила за его приверженность к христианской вере. Согласно тексту жития, когда командующий арабскими войсками Азим потребовал, чтобы Арчил сообщил, где спрятаны сокровища его царского рода, царь Картли ответил: «Мой отец и брат поместили все свои сокровища в крепости, от которой отступил эмир Глухой (арабский полководец и халиф Мухаммед ибн Марван II, жил в 688–750 гг., его прозвище в грузинских источниках – «Глухой» – *Е.М.*). Сейчас она находится во владении Греков» [47].

Мы полагаем, что Леонти Мровели (или источник, сведениями которого он воспользовался) имеет в виду военный поход Мухаммеда ибн Марвана против царства Картли и его союзников на южном Кавказе, состоявшийся в 736–737 гг. [Mikaberidze, 2007, p. 449, sv. Marwan ibn-Muhammad]. В ходе этого похода Марван разграбил многие земли западной Грузии, в том числе и Абхазию, но в решающем сражении у крепости Анакопия Арчил и его союзник, князь (эристав) Абхазии Леон I, нанесли арабским войскам поражение и заставили их отступить [Mikaberidze, 2007, p. 449, sv. Marwan ibn-Muhammad]. Тем не менее другой источник, на этот раз хроника псевдо-Джуаншера (принятое в науке

[46] В современной историографии позицию К. Туманова поддерживает С. Рапп: [Rapp, 2003, p. 443, 472, 474, 478].

[47] Цитируем текст по английскому переводу Р. Томсона: «My father and brother placed all their treasures in the fortress from which the emir Qru retreated. Now it is in the possession of the Greeks» [Thomson, 1996, p. 253].

условное обозначение неизвестного автора, скрывавшегося под именем Джуаншера Джуаншериани, другого грузинского хрониста, жившего в VIII в. [Toumanoff, 1943, p. 169–170], также этот автор известен под именем «продолжатель Джуаншера»), сообщает, что отец и брат Арчила зарыли сокровища своего рода *«в Кутаиси и Цихе-Годжи»* [Джуаншер Джуаншериани, 1986, с. 103]. Под крепостью Цихе-Годжи, конечно же, следует понимать Археополис – столицу древнего царства Лазика, располагавшегося на северо-западе Грузии, в бассейне реки Риони (Фасис, как ее называли греки), территория самого Археополиса примерно соответствовала современному селу Нокалакеви в Грузии, на берегу реки Техури [Mikaberidze, 2007, p. 136, sv. Archaeopolis].

Псевдо-Джуаншер отмечает, что Марван *«разрушил трехстенную крепость Цихе-Годжи, разгромил и прошел порубежную стену Клисуры… И, как только прошел Глухой* (т. е. Марван – *Е.М.*), *Клисуру, которая была в ту пору рубежом между Грецией и Грузией, разгромил город Апшилети Цхуми* (современный Сухуми, столица Абхазии – *Е.М.*) [Mikaberidze, 2007, p. 133, sv. Arabs, in Georgia] *и подступил к крепости Анакопии»* [Джуаншер Джуаншериани, 1986, с. 102–103], у стен этой крепости он в итоге и был разгромлен войсками Арчила и Леона I. Далее, как сообщает псевдо-Джуаншер, уже после победы над Марваном, Арчил отправил Леону письмо с благодарностью за помощь в борьбе с арабами, в этом письме грузинский царь подчеркнул, что *«восстановлены владения наши выше от Клисуры. Пойду и устроюсь в Цихе-Годжи и Кутаиси»*. Наконец, устроив все эти дела, Арчил, со слов хрониста, *«построил крепость на рубеже Гурии и Греции»* [Джуаншер Джуаншериани, 1986, с. 106]; под Гурией, судя по всему, можно понимать историческую область в западной Грузии, располагавшуюся между реками Чорох (на юге, впадает в Черное море вблизи Батуми в современной Аджарии) и Риони (на севере) [Mikaberidze, 2007, p. 346, sv. Guria].

Наконец, еще один источник – «Мученичество Давида и Константина», двух князей (мтаваров), располагавшихся в княжестве (мтаварстве) Аргвети на западе Грузии (на землях этого княжества сегодня размещаются города Чиатура, Зестафони, Сачхере, Харагаули, в целом земли Аргвети простирались от Лихского хребта до Сухуми) – сообщает, что до своего поражения в битве при Анакопии Марван *«забрал крепости и города, разорил их и сделал непроходимыми и безлюдными страну Мегрельскую и Абхазскую… и прошел (вдоль) морского берега и забрал крепости и города приморские»* [48].

Несмотря на то, что грузинские источники дают весьма противоречивую картину событий, на основании их сведений мы все же можем сделать несколько выводов:

1. Судя по всему, вплоть до 736 г. владения Византии на территории западного Кавказа простирались вплоть до крепости Цихе-Годжи, т. е. древнего Археополиса, на берегу реки Техури, не случайно Леонти Мровели в своем труде «Мученичество царя Арчила» утверждает, что крепость, где родственники Арчила спрятали сокровища царского рода, находилась под контролем греков, т. е. византийцев. Другой вопрос, что Византия утратила контроль над этой крепостью и ближайшими к ней землями не в 786 г., как говорит Леонти Мровели, а в 736 г. в результате грабительского похода Марвана и боевых действий грузино-абхазских войск против арабов.

2. Когда грузино-абхазские войска разгромили Марвана, Византия, судя по всему, заключила с царем Арчилом договор о разграничении сфер влияния – крепость Цихе-Годжи и соседние с ней земли вплоть до реки Чорох отошли к грузинскому царю, в то время как земли за рекой Чорох остались под контролем Византии.

Мы полагаем, что земли, оставшиеся под властью Византии и простиравшиеся от реки Чорох до города Трапезунд, как раз и были преобразованы в отдельную провинцию под названием «Халдия», в этой провинции разместились те византийские войска, кото-

[48] Цит. по русскому переводу Г.В. Цулая: [Цулая, 1996, с. 113–114]. По оценке Г.В. Цулая, этот текст был создан во времена правления грузинского царя Баграта IV (1027–1072 гг.), т. е. в XI в. [Цулая, 1996, с. 105].

рые ранее находились в крепости Цихе-Годжи и окружавших ее местностях. Не случайно Ибн ал-Факих, цитированный ранее, говорит о наличии в Халдии двух турмархов – очевидно, военное командование над войсками, перемещенными из Цихе-Годжи в Халдию, осуществляли два турмарха. Мы можем предположить, что сами войска, прибывшие в Халдию, в административно-правовом плане принадлежали к армии Армениак, входили в ее состав, соответственно, территория Халдии стала одной из провинций армии Армениак, т. е. в Халдии размещались гарнизоны (войсковые подразделения) данной армии.

Тем не менее, на наш взгляд, в тот период, т. е. в 736–781 гг., Халдия была не военной, а гражданской провинцией, ее возглавлял гражданский наместник; сведения печатей позволяют предположить, что функции гражданского управления находились в руках чиновника в должности главного коммеркиария, этот чиновник упоминается в печати из коллекции Г. Закоса: Θεοτόκε, βοήθει τῷ σῷ δούλῳ Εὐγεν(ί)ῳ γεν(ι)κ(ῷ) κομερκιαρίῳ Χαλδίας («Богородица, помоги своему рабу Евгению, главному коммеркиарию Халдии» – [Zacos, Veglery, 1972b, p. 1064, no. 1880], датировка – IX в.). Очевидно, в период до 824 г., когда Халдия уже совершенно точно обладала статусом фемы, эту провинцию возглавлял главный коммеркиарий, после же 824 г. в течение какого-то времени он еще продолжал выполнять свои полномочия, несмотря на наличие в Халдии ее собственного стратига, т. е. военного наместника; другими словами, главный коммеркиарий и стратиг Халдии еще какое-то время сосуществовали друг с другом. Судя по всему, до 824 г. основными функциями главного коммеркиария Халдии были сбор налогов, снабжение войсковых гарнизонов провинции, а также судопроизводство, тогда как функции непосредственного военного командования над гарнизонами осуществляли два турмарха.

Соответственно, итоговый вопрос нашего исследования – когда именно Халдия превратилась из гражданской провинции в фему, т. е. когда возникла должность стратига Халдии, когда он встал во главе этого региона и какие причины заставили центральную администрацию империи провести такую реформу? Для ответа на поставленный вопрос обратимся к сведениям жития Георгия Амастридского, знаменитого византийского святого и епископа города Амастрида в Пафлагонии. Как известно, Георгий жил в период примерно с 750–760 до 802–807 гг.; около 790 г. патриарх Тарасий назначил Георгия епископом Амастриды [Kazhdan, 1991, p. 837, sv. George of Amastris]. Текст жития содержит рассказ о том, как Георгий, уже занявший епископскую кафедру, вызволил из темницы нескольких торговцев Амастриды, ложно обвиненных в торговых злоупотреблениях и заключенных под стражу в городе Трапезунд (ἐν Τραπεζοῦντι). Согласно житию, «они были схвачены стратигом и переданы в государственную тюрьму, чтобы они находились (там) под стражей» (ἑάλωσαν, καὶ δημοσίᾳ παρὰ τοῦ στρατηγοῦντος φρουρᾷ τηρεῖσθαι παρεδόθησαν) [49].

А. Брайер и Д. Уинфилд отождествили стратига, упоминаемого в житии Георгия Амастридского, со стратигом Халдии [Bryer, Winfield, 1985, p. 301], и мы поддерживаем трактовку исследователей, другой вопрос – из текста жития четко видно, что этот стратиг занимался вопросами судопроизводства, а значит, он осуществлял полномочия гражданской власти. Следовательно, мы можем предположить, что в период между 790 и 802–807 гг. центральная администрация Византии преобразовала Халдию в фему – во главе этого региона был поставлен стратиг, который теперь выполнял и функции гражданского наместника, одновременно он осуществлял командование и над двумя турмархами, располагавшимися ранее в Халдии. Судя по всему, функции главного коммеркиария теперь ограничивались исключительно сбором налогов.

По какой причине центральная администрация приняла решение учредить должность стратига Халдии? Мы полагаем, что такой причиной было резкое усиление Абхазии в 790-е гг., расширение ее территориальных пределов – согласно хронике «Летопись Картли», *«Когда же ослабли греки, отложился от них эристав абхазский по имени Леон, племянник*

[49] Цит. по: [Васильевский, 1915, с. 42].

эристава Леона, которому дана была в наследство Абхазия. Сей второй Леон был сыном дочери хазарского царя, и с помощью его и отложился он (Леон) от греков, присвоил Абхазию с Эгриси до самого Лихи и нарекся царем абхазов»[50]. Конечно же, под этим Леоном, племянником другого Леона, следует понимать князя (эристава) Абхазии Леона II, правившего с 758 по 798 гг. [Mikaberidze, 2007, p. 425, sv. Leon II], который провозгласил себя царем Абхазии и присоединил к своим владениям практически все регионы современной западной Грузии, тем самым он продвинулся непосредственно к границам Византии, т. е., фактически – к землям провинции Халдия. Как показали К. Туманов и С. Рапп, Леон II провозгласил себя царем и присвоил себе земли западной Грузии в 790-е гг. [Toumanoff, 1963, p. 256, 401, note 45, 411, note 22; Rapp, 2003, p. 483]; следовательно, мы можем заключить, что два процесса – создание фемы Халдия и резкое усиление (а также территориальное расширение) Абхазии практически полностью совпали друг с другом по времени.

Это совпадение, в свою очередь, наводит на мысль, что гражданская провинция Халдия была преобразована в военный округ (фему) именно в связи с опасностью, исходившей от Абхазского царства – византийцы стремились преградить путь для дальнейшего продвижения Леона II уже непосредственно в земли Малой Азии, поэтому они поспешили разместить в Халдии стратига и вместе с ним, очевидно, и группу новых войск, усилив тем самым старые гарнизоны региона. Фактически мы можем признать, что фема Халдия была учреждена даже раньше, чем другие фемы Малой Азии, т. е. в 790-е гг., задолго до реформ Никифора I, учредившего большие фемы, такие как Армениак, Анатолик и Опсикий.

Список литературы

1. Васильевский В.Г. 1915. Житие св. Георгия Амастридского (тексты русский и греческий). В кн.: Васильевский В.Г. Труды. Том III. Петроград, Типография Императорской Академии наук: 1–71.

2. Джуаншер Джуаншериани. 1986. Жизнь Вахтанга Горгасала. Пер. Г.В. Цулая. Тбилиси, Мецниереба, 149.

3. Летопись Картли. Пер. Г.В. Цулая. Тбилиси, Мецниереба, 1982.

4. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Пер. К. Кекелидзе. Тбилиси, Академия наук Грузии, 1956.

5. Цулая Г.В. 1996. Из истории грузинской агиографии: «Мученичество Давида и Константина». Этнографическое обозрение, (№ 1): 104–116.

6. Belke K. 1996. Paphlagonien und Honōrias. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften (Tabula Imperii Byzantini, 9), 327.

7. Brandes W. 2002. Finanzverwaltung in Krisenzeit. Untersuchungen zur byzantinischen Administration im 6–9 Jahrhundert. Frankfurt a/Main, Löwenklau-Gesellschaft, 788.

8. Brooks E.W. 1901. Arabic Lists of the Byzantine Themes. JHS, 21: 67–77.

9. Brubaker L., Haldon J. 2011. Byzantium in the Iconoclast Era, c. 680–850: a History. Cambridge, Cambridge University Press, 907.

10. Bryer A., Winfield D. 1985. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Vol. I. Washington D.C., Dambarton Oaks, 394.

11. Encyclopedia of Arabic Literature. Ed. by J.S. Meisami and P. Starkey. Vol. I. London – N.Y, Roudledge., 1998.

12. Haldon J. 2016. A context for two «evil deeds»: Nikephoros I and the origins of the *themata*. In: Le saint, le moine et le paysan. Mélanges d'histoire byzantine offerts à Michel Kaplan. Éd. par O. Delouis, S. Métivier et P. Pagès. Paris, Publications de la Sorbonne: 245–265.

13. Lemerle P. 1965. Thomas le Slave. TM, 1: 255–298.

14. Lilie R.-J. 1984. Die zweihundertjährige Reform. Zu den Anfängen der Themenorganisation im 7 und 8 Jahrhundert. I. Die «Reform» der Verwaltung. BS, 45 (1): 27–39.

15. Martin-Hisard B. 1981. La domination byzantine sur le littoral oriental du Pont Euxin (milieu du VII–VIII siècles). Byzantino-Bulgarica, 7: 141–156.

[50] Цит. по русскому переводу Г.В. Цулая: [Цулая, 1982, с. 48].

16. Mikaberidze A. 2007. Historical Dictionary of Georgia. Maryland, The Scarecrow Press, 733.

17. Montinaro F. 2013. Les premiers commerciaires Byzantins. TM, 17: 351–538.

18. Monumenta Germaniae historica. Legum sectio III. Concilia. Tomus II: Concilia aevi Karolini I. Pars II. Ed. A. Werminghoff. Hannoverae–Lipsiae, Impensis Bibliopolii Hahniani, 1908.

19. Oikonomidès N. 1972. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, Centre National de la Recherche Scientifiques, 403.

20. Oxford Dictionary of Byzantium. Ed. By A. Kazhdan. Vol. 1–3. Oxford, Oxford University Press, 1991.

21. Peeters P. 1934. Les Khazars dans la Passion de S. Abo de Tiflis. AB, 52 (1/2): 21–56.

22. Rapp St. 2003. Studies in Medieval Georgian Historiography: Early Texts and Eurasian Contexts. Louvain, Peeters, 522.

23. Rewriting Caucasian History. The Medieval Armenian Adaptation of the Georgian Chronicles. The Original Georgian Texts and the Armenian Adaptation. Transl. with Introduction and Commentary by R.W. Thomson. Oxford, Clarendon University Press, 1996.

24. The Oxford Dictionary of Late Antiquity. / Ed. by O. Nicholson. Vol. I: A–I. Oxford, Oxford University Press, 2018.

25. Toumanoff C. 1943. Medieval Georgian Historical Literature (VII–XV Centuries). Traditio, 1: 139–182.

26. Toumanoff C. 1963. Studies in Christian Caucasian History. Georgetown, Georgetown University Press, 600.

27. Zacos G., Veglery A. 1972a. Byzantine Lead Seals. Vol. I/1. Nos. 1–1095. Basel, J.J. Augustin, 704.

28. Zacos G., Veglery A. 1972b. Byzantine Lead Seals. Vol. I/2. Nos. 1096–2671A. Basel, J.J. Augustin, 729.

29. Zuckerman C. 2005. Learning from the Enemy and More: Studies in «Dark Centuries» Byzantium. Millenium, 2: 79–136.

References

1. Vasil'evskiy V.G. 1915. Zhitiye sv. Georgiya Amastridskogo (teksty russkiy i grecheskiy) [The Life of George of Amastris (Russian and Greek Texts)]. In: Vasil'evskiy V.G. Trudy [Works]. Vol. III. Petrograd, Imperial Academy of Sciences Publ.: 1–71 (in Russian).

2. Dzhuansher Dzhuansheriani. 1986. Zhizn' Vakhtanga Gorgasala, perevod G.V. Tsulaya [The Life of Vakhtang Gorgasali translated by G.V. Tsulaya]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 149 (in Russian).

3. Letopis' Kartli [The Chronicle of Kartli]. Tsulaya G.V. (translation of). 1982. Tbilisi, Metsniereba Publ., 112 (in Russian).

4. Pamyatniki drevnegruzinskoy agiograficheskoy literatury [Sources for Ancient Greek Hagiography Literature]. Kekelidze K. (translation of). 1956. Tbilisi, Georgian Academy of Sciences Publ., 106. (in Russian).

5. Tsulaya G.V. 1996. Iz istorii gruzinskoy agiografii: «Muchenichestvo Davida i Konstantina» [From a History of Georgian Hagiography: «A Martyrdom of David and Constantine»]. Etnograficheskoye obozreniye [Ethnographical Review], 1: 104–116 (in Russian).

6. Belke K. 1996. Paphlagonien und Honōrias. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften (Tabula Imperii Byzantini, 9), 327.

7. Brandes W. 2002. Finanzverwaltung in Krisenzeit. Untersuchungen zur byzantinischen Administration im 6–9 Jahrhundert. Frankfurt a/Main, Löwenklau-Gesellschaft, 788.

8. Brooks E.W. 1901. Arabic Lists of the Byzantine Themes. JHS, 21: 67–77.

9. Brubaker L., Haldon J. 2011. Byzantium in the Iconoclast Era, c. 680–850: a History. Cambridge, Cambridge University Press, 907.

10. Bryer A., Winfield D. 1985. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Vol. I. Washington D.C., Dambarton Oaks, 394.

11. Encyclopedia of Arabic Literature. Ed. by J.S. Meisami and P. Starkey. Vol. I. London – N.Y, Roudledge., 1998.

12. Haldon J. 2016. A context for two «evil deeds»: Nikephoros I and the origins of the themata. In: Le saint, le moine et le paysan. Mélanges d'histoire byzantine offerts à Michel Kaplan. Éd. par O. Delouis, S. Métivier et P. Pagès. Paris, Publications de la Sorbonne: 245–265.

13. Lemerle P. 1965. Thomas le Slave. TM, 1: 255–298.

14. Lilie R.-J. 1984. Die zweihundertjährige Reform. Zu den Anfängen der Themenorganisation im 7 und 8 Jahrhundert. I. Die «Reform» der Verwaltung. BS, 45 (1): 27–39.

15. Martin-Hisard B. 1981. La domination byzantine sur le littoral oriental du Pont Euxin (milieu du VII–VIII siècles). Byzantino-Bulgarica, 7: 141–156.

16. Mikaberidze A. 2007. Historical Dictionary of Georgia. Maryland, The Scarecrow Press, 733.

17. Montinaro F. 2013. Les premiers commerciaires Byzantins. TM, 17: 351–538.

18. Monumenta Germaniae historica. Legum sectio III. Concilia. Tomus II: Concilia aevi Karolini I. Pars II. Ed. A. Werminghoff. Hannoverae–Lipsiae, Impensis Bibliopolii Hahniani, 1908.

19. Oikonomidès N. 1972. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, Centre National de la Recherche Scientifiques, 403.

20. Oxford Dictionary of Byzantium. Ed. By A. Kazhdan. Vol. 1–3. Oxford, Oxford University Press, 1991.

21. Peeters P. 1934. Les Khazars dans la Passion de S. Abo de Tiflis. AB, 52 (1/2): 21–56.

22. Rapp St. 2003. Studies in Medieval Georgian Historiography: Early Texts and Eurasian Contexts. Louvain, Peeters, 522.

23. Rewriting Caucasian History. The Medieval Armenian Adaptation of the Georgian Chronicles. The Original Georgian Texts and the Armenian Adaptation. Transl. with Introduction and Commentary by R.W. Thomson. Oxford, Clarendon University Press, 1996.

24. The Oxford Dictionary of Late Antiquity. / Ed. by O. Nicholson. Vol. I: A–I. Oxford, Oxford University Press, 2018.

25. Toumanoff C. 1943. Medieval Georgian Historical Literature (VII–XV Centuries). Traditio, 1: 139–182.

26. Toumanoff C. 1963. Studies in Christian Caucasian History. Georgetown, Georgetown University Press, 600.

27. Zacos G., Veglery A. 1972a. Byzantine Lead Seals. Vol. I/1. Nos. 1–1095. Basel, J.J. Augustin, 704.

28. Zacos G., Veglery A. 1972b. Byzantine Lead Seals. Vol. I/2. Nos. 1096–2671A. Basel, J.J. Augustin, 729.

29. Zuckerman C. 2005. Learning from the Enemy and More: Studies in «Dark Centuries» Byzantium. Millenium, 2: 79–136.

Список условных сокращений

AB – Analecta Bollandiana. Bruxelles, 1882–
BS – Byzantinoslavica. Prague, 1929–
JHS – Journal of Hellenic Studies. London, 1880–
TM – Travaux et mémoires. Paris, 1965–

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мехамадиев Евгений Александрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Средних веков Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Mekhamadiev, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of History of the Middle Ages, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

УДК 94(430)+94(73)087
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-773-782

Военно-политическое сотрудничество США и Германии в 40-е годы XX в. – первые десятилетия XXI в.

Ю.В. Родович
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, 300026, г. Тула, просп. Ленина, 125
E-mail: tgpu@tula.net

Аннотация. В статье рассматривается история военно-политического сотрудничества США и Германии с середины 1940-х годов до настоящего времени. Показаны контакты американских разведывательных органов с представителями военных и политических кругов Третьего рейха**,** реализация планов использования немецких военнопленных в интересах американской армии, участие США в создании вооруженных сил ФРГ. Отмечается, что после объединения Германии немецкие войска вновь появились за пределами ее границ и участвовали в многонациональных маневрах, миссиях ООН и военных операциях. Но суверенитет ФРГ ограничен в силу размещения на ее территории американских военных объектов. Попытки президента Д. Трампа переложить чрезмерное финансовое бремя США в НАТО на европейских участников не совпадают с интересами ФРГ. Поэтому действуя в рамках проекта PESCO, ФРГ совместно с Францией и их ближайшими партнерами стремится обеспечить свою безопасность в рамках ЕС путем создания европейской армии, что, однако, не означает отказа страны от военно-политического сотрудничества с США и участия в Североатлантическом блоке.

Ключевые слова: США, Германия, военно-политическое сотрудничество, немецкие военнопленные, НАТО, бундесвер, европейская армия.

Для цитирования: Родович Ю.В. 2020. Военно-политическое сотрудничество США и Германии в 40-е годы XX в. – первые десятилетия XXI в. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 773–782. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-773-782.

Military-political cooperation between the USA and Germany in the forties of the XX century – the first decades of the XXI century

Yuri V. Rodovich
Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University,
125 Lenin Avenue, Tula, 300026, Russia
E-mail: tgpu@tula.net

Abstract. The article examines the history of the military-political cooperation between the United States and Germany from the mid-1940s to the present. It shows the contacts of American intelligence agencies with the military and political circles of the Third Reich, the implementation of the plans for the use of German prisoners of war in the interests of the U.S. army, the U.S. participation in the creation of the armed forces of Germany. It is noted that after the unification of Germany, the German troops appeared outside its borders again and participated in the multinational maneuvers, the UN missions and in military operations. But the sovereignty of Germany is limited due to the placement of American military facilities on its territory. President Trump's attempts to shift the excessive financial burden of the US in NATO to the European participants do not coincide with the interests of Germany. Therefore, acting within the framework of the PESCO project, Germany together with France and their closest partners seeks to ensure its security within the EU by creating a European army, which, however, does not mean that the country refuses the military and political cooperation with the United States and the participation in the North Atlantic bloc.

Keywords: Germany, USA, NATO, European army.

For citation: Yu.V. Rodovich. 2020. Military-political cooperation between the USA and Germany in the forties of the XX century – the first decades of the XXI century. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 773–782 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-773-782.

Проблема военно-политического сотрудничества между США и Германией была и остается одной из наиболее актуальных в исторической науке. Опираясь на новые или малоизученные документы, мемуарную литературу, материалы СМИ, автор настоящей статьи поставил перед собой задачу – проследить эволюцию этого сотрудничества начиная с 40-х гг. XX века и дать оценку его состояния на современном этапе.

Идеи необходимости такого сотрудничества с целью использования «германского фактора» против СССР появились еще в период Второй мировой войны. 4 декабря 1942 г., в разгар Сталинградской битвы, лондонская резидентура внешней разведки СССР узнала о беседе британского посла в США Э. Галифакса с заместителем госсекретаря С. Уэллесом, в ходе которой последний высказал свое опасение, что в случае развала германской военной машины в конце 1942 г, в 1943 или в 1944 гг. Красная армия будет преследовать немецкие войска далеко на западе, что приведет к распространению большевизма, окажет неблагоприятное воздействие на американское общественное мнение и приведет к нарушению «европейской реконструкции» [Очерки истории российской внешней разведки, 1999, с. 592].

В марте-апреле 1945 г. глава резидентуры американского Управления стратегических служб А. Даллес встречался с руководителем войск СС и сил полиции в Северной Италии обергруппенфюрером СС К. Вольфом. Речь шла о возможности капитуляции перед западными союзниками группировки вермахта в Северной Италии или даже о капитуляции немецких войск на всем западном фронте. По требованию советского руководства эти переговоры прекратились. Однако в конце апреля 1945 г. тайные переговоры союзников с гитлеровской верхушкой были возобновлены. Теперь они велись Гиммлером, Риббентропом, Кальтенбруннером через главу шведского Красного Креста Ф. Бернадотта, контакты с которым были установлены еще в 1943 г. Гиммлер предложил сообщить шведскому правительству о его предложении капитулировать на всем западном фронте [Переписка Председателя Совета Министров СССР…, 2005, с. 577]. В то же время немецкие войска должны были продолжать войну до тех пор, пока фронт западных стран не придет на смену германскому фронту. Союзники были вынуждены информировать советское правительство о переговорах. К военному конфликту с СССР лидеры США и Англии оказались не готовы. Соотношение сил было не в их пользу, о чем они знали из документа Объединенного комитета начальников штабов США, направленном еще в мае 1944 г. государственному секретарю [Великая Отечественная война 1941–1945 годов, 2014, с. 700]. По этой причине и военное руководство США не поддержало предложенный У. Черчиллем план нанесения удара по наступавшей Красной армии силами союзников совместно с Германией (операция «Немыслимое»).

Тем не менее Соединенные Штаты пытались использовать военнопленных немцев в послевоенном противостоянии с Советским Союзом. Во-первых, в июле 1943 г. в американском военном департаменте был создан «отдел специальных проектов», который осенью того же года начал разработку секретной «программы переобучения» немецких военнопленных. Цель проекта – подготовка «лидеров для союзной зоны оккупации», чтобы иметь в Германии государство, которому США смогут доверять. Уже тогда ставка была сделана на немецких пленных как своих будущих союзников в послевоенной Европе. Программа была запущена через год, но успеха не имела.

Во-вторых, 22 апреля 1945 г. начальник штаба сухопутных войск США Дж. Маршалл дал согласие на осуществление англо-американского проекта по изучению архивов

воинских формирований вермахта, воевавших на восточном фронте. Через месяц было заключено соглашение между разведками Англии и США по изучению немецкого опыта ведения войны против СССР. Это был проект «Хилл» [Рудаков, 2015], который осуществлялся силами немецких пленных офицеров, доставленных в сентябре 1945 г. в лагерь Ритчи, штат Мэриленд. Результаты исследований в рамках проекта предназначались американской армии.

В ноябре 1945 г. после создания нескольких библиографических отчетов под руководством четырех американских и двух британских офицеров началась подготовка исследований по немецкому личному составу и мобилизации, логистике на уровне высшего командования, немецкой фортификации и обороне, немецкой оперативной разведке и т. п. С октября 1945 по апрель 1946 гг. в проекте было задействовано около 200 офицеров, написано 3 657 страниц документов для правительств США, Англии и Канады [Рудаков, 2015].

В-третьих, к деятельности США против СССР в первые послевоенные месяцы следует отнести работу «группы Гелена». Через несколько месяцев после падения Третьего рейха генерал-майор Р. Гелен, возглавлявший гитлеровскую разведку на восточном фронте, продолжил свою работу, но уже для нужд американцев. В августе 1945 г. Гелен и несколько его офицеров были отправлены в США, а припрятанные им документы были отправлены в лагерь Ритчи. В дальнейшем некоторые офицеры, участвовавшие в проекте «Хилл», присоединились к работе «группы Гелена». В течение 10 месяцев нахождения в форте Хант, штат Виржиния, группа работала над написанием докладов по истории немецкого опыта ведения разведки против СССР, а к концу своего пребывания в США уже давала консультации американским военным по текущим разведывательным вопросам. Эта группа получила название «Болеро» [Plan for the Inclusion of the Bolero Group in Operation Rusty]. В начале июля 1946 г. группа была возвращена в Германию и включилась в деятельность по воссозданию немецкой разведывательной организации, финансируемой военным департаментом США, а с 1949 г. – ЦРУ, пока в 1956 г. не стала официальным разведывательным органом ФРГ (БНД).

В середине 1947 г. в Вашингтоне и Лондоне приняли окончательное решение о резком обострении конфронтационной политики с СССР. В этих условиях Западная Германия с ее богатыми экономическими и людскими ресурсами превратилась в потенциально союзника. Восстановлению немецкого военно-экономического потенциала способствовало вовлечение Западной Германии в «план Маршалла». Поступающие в нее средства, как отмечал бывший офицер разведки германского рейха, а затем сотрудник западногерманской разведывательной службы БНД Х. Фельфе, использовались для возобновления и развития производства вооружений, строительства и реконструкции транспортной инфраструктуры, мостов, портов, аэродромов, складов боеприпасов и казарм. В 1952 г. военная помощь США Западной Германии в три раза превысила экономическую [Фельфе, 1988, с. 122–123].

После берлинского кризиса 1948–1949 г. ускорился процесс создания западногерманского государства – Федеративной Республики Германия. Уже в ноябре 1949 г. первый канцлер ФРГ К. Аденауэр оценил значимость немецкого военного контингента для Запада. Процессу ремилитаризации ФРГ способствовала война в Корее. В обстановке развернутой на Западе антисоветской кампании 4 июля 1950 г. верховный комиссар в Германии Дж. Макклой заявил, что западные державы будут рассматривать «нападение на Западную Германию как нападение на них самих» [Die auswärtige Politik der Bundesrepublik Deutschland, 1972, S. 845]. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, в августе 1950 г. канцлер ФРГ К. Аденауэр высказался за создание из числа добровольцев вооруженных сил численностью 150 тыс. чел. в качестве составной части единой европейской армии [Фельфе, 1988, с. 127].

В том же году появился план французского премьер-министра Франции Р. Плевена о создании Европейского оборонительного сообщества и европейской армии с участием контингентов из ФРГ.

В октябре 1950 г. в Западной Германии было создано «ведомство Бланка» (будущее министерство обороны ФРГ). Т. Бланк официально отвечал за отношения с оккупационными войсками союзников. На деле под руководством канцлера он вел скрытую подготовку к восстановлению германских вооруженных сил.

В октябре 1950 г. была разработана концепция военной безопасности с учетом не только тогдашнего конфликта между Востоком и Западом, но и опыта Генерального штаба вермахта, осуществившего поход на СССР. Речь шла о общеевропейской «общей обороне от Дарданелл до Скандинавии». Отмечалась необходимость вооружения «современным оружием», то есть атомными бомбами [Bald]. Эту концепцию можно считать важной вехой на пути создания бундесвера.

В марте 1951 г. была организована Федеральная пограничная охрана (BGS). В июле 1953 г. Т. Бланк и генерал А. Хойзингер выезжали в США для ознакомления с организацией и структурой американской армии [Фельфе, 1988, с. 176]. В знак протеста против планируемого перевооружения ушел с поста министра внутренних дел Г. Хайнеман. Западногерманская общественность также выразила свой протест. Однако министры иностранных дел США, Англии и Франции, а также Совет НАТО одобрили соглашение о ремилитаризации ФРГ.

Поскольку «план Плевена» был отвергнут Национальным собранием Франции, США вовлекли Западную Германию непосредственно в Североатлантический блок, добившись подписания 23 октября 1954 г. многосторонних Парижских соглашений. Был отменен оккупационный статус. ФРГ могла создать армию (бундесвер) численностью почти 500 тыс. чел. Но ей запрещалось иметь атомное, химическое и бактериологическое оружие.

Первым послевоенным министром обороны Западной Германии с 1955 по 1956 г. был Т. Бланк. В ноябре 1955 г. первые более 100 добровольцев в бундесвер были приведены к присяге. В начале ноября 1956 г. федеральным правительством было создано семь дивизий, в основном состоявших из бывших офицеров BGS и добровольцев. В дальнейшем бундесвер стал рассматриваться в США в качестве одной из наиболее надежных сил, обеспечивавших «сдерживание» вооруженных сил государств-членов Организации Варшавского Договора.

В 1984 г. ФРГ получила от Западноевропейского союза, членом которого она являлась с 1955 г., согласие на снятие ограничений на военные корабли, ракеты и бомбардировщики. После объединения Германии в 1990 г. немецкие войска вновь появились за пределами германских границ и за пределами собственной обороны НАТО, участвуя не только в многонациональных маневрах или миссиях ООН, но и в активных военных операциях. В 1995 г. самолеты ФРГ совместно с авиацией НАТО наносили авиаудары по позициям сербов во время межэтнического вооруженного конфликта на территории Боснии и Герцеговины, а в 1999 г. впервые со времени Второй мировой войны участвовали в военной акции против Югославии. Бундесвер принял участие в миротворческих миссиях блока в Боснии (с 1995 г.), Косово (с 1999 г.) и Македонии (2001–2003 гг.).

После трагических событий 11 сентября 2001 г. Германия поддержала США в объявленной американским президентом Дж. Бушем-мл. борьбе с международным терроризмом. В ноябре 2001 г. правительство Г. Шредера, получив согласие бундестага, выделило около 3,9 тыс. военнослужащих для операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане под руководством США. В 2003 г. германские военные в составе Международных сил содействия безопасности (МССБ/ISAF) стали участвовать в воссоздании властных структур на местном уровне. Но в 2006 г. представитель Министерства обороны ФРГ признал, что немецкие военные самолеты также использовались на юге Афганистана и поддерживали операции НАТО в этом районе» [Rozoff, 2009]. В 2018 г. немецкие солдаты участвовали в 16 зарубежных миссиях [Басов и др.]. Добившись вывода российских войск с территории Восточной Германии в 1994 г., правительства ФРГ поддерживали планы США о расширении НАТО на восток.

В 2003 г. руководство ФРГ впервые с момента своего вступления в НАТО выступило против военной акции США в отношении Ирака, хотя с 2006 г. немецкие источники неоднократно сообщали, что Федеральная разведывательная служба (БНД) при правительстве Шредера – Фишера предоставляла американским силам информацию о целях во время бомбардировки Ирака в 2003 г. [Rozoff].

Тем не менее со времени военной интервенции США в Ирак Германия стала занимать более взвешенную позицию по вопросам использования силы вне ее зоны ответственности. В период так называемой «арабской весны» Германия не мешала силам НАТО проводить силовую операцию в отношении Ливии, однако и не планировала использовать в ней бундесвер. Такую же позицию она заняла в период сирийского кризиса. Присоединение к созданной США в сентябре 2014 г. антитеррористической коалиции по борьбе с «Исламским государством» произошло только после совершения ИГ актов террора в Париже в ноябре 2015 г. При этом основным партнером Германии в борьбе с терроризмом в Сирии и Ираке стала Франция, а не США.

Германия при правительствах, возглавляемых А. Меркель, балансировала между организацией НАТО, возглавляемой США, и Европейским союзом, где ФРГ играла ведущую роль. Она поддержала расширение НАТО на Балканах за счет Албании (2009), Хорватии (2009), Черногории (2017), считая это необходимым для правового обоснования своего присутствия в стратегически важном для нее регионе. Вместе с тем германские лидеры выступали против скорейшего включения в состав НАТО Украины и Грузии, чтобы не быть вовлеченными в прямой конфликт с Россией.

Однако суверенитет ФРГ ограничен: на ее территории США разместили свои военные базы. В годы «холодной войны» в Западной Германии, находившейся тогда на первой линии фронта, было 250 американских баз. К 2018 г. оно сократилось до 30 [Świerczyński]. В Германии находятся Европейское командование США в Штутгарте, командование США в Африке в Штутгарте, штаб армии США в Европе в Висбадене, авиабаза Рамштайн ВВС США, больница вооруженных сил США в Ландштуле, учебные заведения в Графенвоере и Хоэнфельсе, войска бригады армии США в Вильсеке (Бавария) и некоторые другие объекты [Wiegold].

История размещения войск США в Германии началась еще в 1945 г. Тогда в Европе находились около 2 млн американских солдат, большая часть которых была дислоцирована на немецкой земле. После окончания войны группировку сократили до 109 тыс. человек. Однако уже к концу 1940-х гг., когда усилилось противостояние между Вашингтоном и Москвой, руководство США приняло решение создать на базе 7-й армии, расквартированной в Германии, штаб американской сухопутной армии в Европе. В дальнейшем численность американского контингента в ФРГ постоянно наращивалась.

Только с 1991 г., после самороспуска Организации Варшавского Договора и распада СССР, США начали сокращать численность своих военнослужащих в Европе, в том числе в Германии. В 2019 г. на территории ФРГ находилось 35,7 тыс. солдат и офицеров. Американских военных в Германии немецкое общество воспринимает весьма болезненно. В июле 2018 г., согласно данным опроса компании You Gov, проведённого по заказу аинформационного агентства DPA, 42 % немцев выступили за вывод из страны американских войск. За сохранение американского военного присутствия на немецкой земле выступили только 37 % опрошенных [Fast jeder zweite Deutsche für Abzug der US-Truppen].

США использовали территорию ФРГ для размещения своего ядерного оружия. Осенью 1953 г. в Западной Германии появились артиллерийские орудия с ядерными гранатами. В декабре 1957 г. на сессии Совета НАТО было принято решение о размещении ядерных запасов на территории западноевропейских членов альянса. В мае 1958 г. военные министры блока одобрили план «МС-70» по формированию частей, оснащенных средствами доставки тактического ядерного оружия, в том числе в составе бундесвера. 25 марта 1958 г. бундестаг ФРГ большинством голосов фракции ХДС/ХСС выступил за оснаще-

ние бундесвера «современным», то есть ракетно-ядерным оружием. В ноябре 1969 г. правительство «малой коалиции» в ФРГ во главе с В. Брандтом подписало Договор о нераспространении ядерного оружия. Однако генералы бундесвера и некоторые влиятельные политические круги ФРГ не оставили надежды на получение доступа к ядерному оружию в той или иной форме [Klein, S. 259–260].

12 декабря 1979 г. было принято т. н. «двойное решение» НАТО: вести американо-советские переговоры об ограничении ракет средней дальности двух стран, а в случае их неудачи «довооружаться», т. е. размещать ракеты США в Западной Европе. После принятия западногерманским бундестагом 22 ноября 1983 г. решения о готовности принять на территории ФРГ американские ядерные ракеты СССР покинул стол переговоров. США начали размещение в Западной Европе, в том числе в ФРГ, ядерных ракет средней дальности, что вызвало принятие Советским Союзом ответных мер. Ситуация в Европе и мире в целом резко обострилась.

Лишь в условиях позитивных перемен в международной обстановке во второй половине 1980-х гг. после длительных проволочек руководство ФРГ стало содействовать заключению между США и СССР Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Договор был подписан 8 декабря 1987 г.

В соответствии с «Договором об окончательном урегулировании в отношении Германии», подписанным ФРГ, ГДР, СССР, США, Великобританией и Францией 12 сентября 1990 г., объединенная Германия отказывалась от производства, обладания и распоряжения ядерным, биологическим и химическим оружием. В сентябре 1996 г. К. Кинкель, министр иностранных дел ФРГ в правительстве Г. Коля, подписал Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Позже он подверг критике США за отказ от ратификации этого документа [Егоров, с. 65]. Позиция Вашингтона по этому вопросу в ноябре 1999 г. подверглась критике и со стороны главы МИД ФРГ Й. Фишера в правительстве Г. Шредера. После выступления президента США Б. Обамы в Праге 5 апреля 2009 г. с призывом к созданию безъядерного мира в коалиционный договор ХДС/ХСС и СвДП от 26 октября 2009 г. было включено положение относительно вывода американского ядерного оружия из Германии [Wachstum. Bildung. Zusammenhal, S. 120]. В марте 2010 г. бундестаг предложил правительству ФРГ убедить союзников по НАТО в необходимости вывести оставшиеся ядерное оружие США с территории Германии [Abrüstung]. Однако в коалиционном договоре между партиями ХДС/ХСС и СДПГ от 16 декабря 2013 г. предлагалось сохранить ядерное оружие в качестве «инструмента сдерживания» в стратегической концепции НАТО, а Германия должна был сохранять «интерес к стратегическим дискуссиям и процессам планирования». Партнеры по коалиции связали вывод с территории страны тактического ядерного оружия с успехом переговоров между США и Россией по разоружению [Deutschlands Zukunft gestalten Koalitionsvertrag]. Изменение позиции германской правящей элиты было обусловлено давлением на нее со стороны Вашингтона, следованием «натовской дисциплине», ухудшением отношений с Россией.

США по-прежнему сохраняли в Европе свое тактическое ядерное оружие и даже запланировали его модернизацию. Американские бомбы размещены на базах ВВС США в Брюггене, Бюхеле, Норфенихе, Меммингене, Рамштайне, Шпандалеме [Ярошинская]. Самолеты «Торнадо» германских ВВС стали проводить тренировки, используя муляжи доставленных на военную базу Бюхель 20 американских ядерных бомб. Хотя в заключенном между ХДС/ХСС и СДПГ коалиционном договоре от 12 марта 2018 г. подчеркивалось, что целью политики правительства ФРГ «является мир, свободный от ядерного оружия», подтверждалась позиция партнеров по коалиции, которую они занимали в 2013 г. [Ein neuer Aufbruch für Europa].

Солдаты бундесвера проходили подготовку на военных объектах США, регулярно участвовали в совместных учениях и работали в военных штабах как в США, так и в Германии. С осени 2014 г. пост начальника штаба (CoS) в штаб-квартире американской армии

в Европе (USAREUR), базирующейся в Висбадене, занимал немецкий бригадный генерал, который на это время являлся военнослужащим армии США. Между двумя государствами развивается сотрудничество в области оборонных технологий. Немецкое представительство по оборонным связям в Соединенных Штатах и ряд офицеров связи в ключевых американских офисах – очевидные свидетельства такого рода сотрудничества. В Ньюпорте, Уэльсе (2014 г.) и в Варшаве (2016 г.) страны – члены НАТО приняли меры по перестраховке восточных союзников. Германия взяла на себя руководство многонациональным батальоном в Литве. Инициатива по усилению и обучению трансатлантических возможностей (TACET) способствует укреплению военного потенциала и координации проектов учений в Восточной Европе [Deutschland und USA].

Министр обороны ФРГ У. фон дер Ляйен (ныне – председатель Еврокомиссии – *Ю.Р.*) приветствовала наращивание военного присутствия США в ФРГ как зримый знак жизнеспособности трансатлантических отношений [Басов и др.]. Курс на развитие германо-американского военно-политического сотрудничества продолжает и новый министр обороны (с 17 июля 2019 г.) А. Крамп-Карренбауэр.

В «Белой книге бундесвера» 2016 г., определяющей основные направления военно-политической стратегии ФРГ на ближайшие годы, как и в «Белой книге» 2006 г., подчеркивается стремление Германии быть надежным партнером в ЕС и НАТО. В то же время в новом документе Германия фигурирует в качестве центрального действующего актора в Европе. Отмечается ее готовность брать на себя больше ответственности в урегулировании и предотвращении конфликтов [Weissbuch].

После окончания «холодной войны» и появления европейской «опоры» НАТО главным для Вашингтона стало не допустить дублирования функций и автономизации европейского военного блока, а сделать его гармоничной частью НАТО, усиливая вклад ЕС в эту организацию. По мнению же Берлина, усиление европейского военного потенциала должно было создавать сбалансированные трансатлантические отношения, забирая часть нагрузки с США и обеспечивать готовность к самостоятельным действиям в тех случаях, когда НАТО откажется от участия в каких-либо операциях, а европейцы сочтут это необходимым [Гаевой, 2015, с. 17].

С приходом на пост президента Соединенных Штатов Америки в 2017 г. Д. Трампа прослеживается стремление последнего переложить чрезмерное финансовое бремя США в НАТО на европейских участников, добиться увеличения их расходов за каждый дополнительный батальон, переброшенный на континент. Но такие намерения не совпадают с интересами ФРГ. Она стремится активизировать действия в рамках «Постоянного структурированного сотрудничества» (PESCO), оформленного 13 ноября 2017 г. на базе ЕС, без участия США и Великобритании. Речь шла о повышении оперативной совместимости и координации действий вооруженных сил стран-участниц, наращивании совместных группировок под командованием штабных структур ЕС, углублении кооперации в военно-промышленной сфере, в том числе робототехники, кооперации в борьбе с киберугрозами. Страны-участницы согласились довести расходы на оборону до 2 % от ВВП [Europaische Union-Staaten melden PESCO].

Реализация проекта PESCO позволяет ФРГ совместно с Францией и их ближайшими партнерами создать европейскую армию и осуществлять военно-политические акции за пределами НАТО, производить продукцию военного назначения без США и Великобритании, а также обеспечить переподчинение части германских военных контингентов Евросоюзу.

Тем не менее безопасность ФРГ еще относительно продолжительное время не будет рассматриваться вне военно-политического сотрудничества Германии с США и участия в Североатлантическом блоке, что обусловлено позицией немецкой политической и военной элиты, руководства НАТО и ЕС, размещением на германской территории американских военных объектов и значительной интеграцией бундесвера в структуры НАТО.

Список литературы

1. Басов Ф., Васильев В., Кокеев А., Хорольская М. 2018. Немецкое представление о безопасности. Международная жизнь, 10. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/2089 (дата обращения: 07.07.2019).

2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. 2014. М., Кучково поле, 864.

3. Гаевой Г.Е. 2015. Американо-германские отношения: 1990–2013 гг.: автореферат дис. ... канд.исторических наук. Томск, 23.

4. Егоров А.И. 2013. Позиция Германии по вопросу нераспространения оружия массового уничтожения и ядерных материалов (1990-е – начало 2000-х гг.). Вестник Томского государственного университета, 367: 64–68.

5. Очерки истории российской внешней разведки. Гл. ред. В.И. Трубников. В 6 т. Т. 4. 1941–1945 гг. 1999. М., Международные отношения, 696.

6. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.), переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). Министерство иностранных дел РФ. 2005. М.: Воскресенье, 647.

7. Рудаков В. Роль и место США в подрыве послевоенного мирового порядка. 12.03.2015. URL: http://www.old.ural-eurasia.ru/mnenie/rol-i-mesto-ssha-v-podryve-poslevoennogo-mirovogo-poryadka/https://russian.rt.com/world/article/531459-ssha-voennye-germaniya (дата обращения: 07.07.2019).

8. Фельфе Х. 1988. Мемуары разведчика. Пер. с нем. М., Политиздат, 319.

9. Ярошинская А. Новые атомные бомбы уже в Германии. 23.09.2015. URL: http://www.rosbalt.ru/main/2015/09/23/1443663.html (дата обращения: 10.06.2019).

10. Abrüstung. Bundestag fordert Abzug von US-Atomwaffen. 26.03.2010. URL: https://www.zeit.de/politik/deutschland/2010-03/bundestag-atomwaffen-abruestung (accessed: 10.06.2019).

11. Bald D. Die Politik der Wiederbewaffnung. 01.05.2015. URL:https://www.bpb.de/politik/grundfragen /deutsche- verteidigungspolitik /199276/ wiederbewaffnung (accessed: 11.06.2019).

12. Deutschlands Zukunft gestalten Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 18. Legislaturperiode. 2013. URL: https://www.bundesregierung. de/Content/DE/ _Anlagen/2013/2013-12-17-koalitionsvertrag.pdf?__blob=publicationFile (accessed: 12.06.2019).

13. Deutschland und USA: bilaterale Beziehungen. 27.05.2019. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/usa-node/bilateral/204568 (accessed: 10.06.2019).

14. Die auswärtige Politik der Bundesrepublik Deutschland. 1972. Koln, Wissenschaft und Politik, 989.

15. Fast jeder zweite Deutsche für Abzug der US-Truppen. 11.07.2018. URL: https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infoline_nt/brennpunkte_nt/article179150408/Fast-jeder-zweite-Deutsche-fuer-Abzug-der-US-Truppen.html (accessed: 18.07.2019).

16. Plan for the Inclusion of the Bolero Group in Operation Rusty. July 2, 1946. URL: https: //nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB146/doc17.pdf (accessed: 11.07.2019).

17. Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 19. Legislaturperiode. Berlin, den 12. März 2018. URL: https://www.bundesregierung. de/Content/DE/_Anlagen/2018/03/2018-03-14- (accessed: 16.07.2019).

18. Europaische Union-Staaten melden PESCO (Permanent Structured Cooperation) – Teilnahme. 13.11.2017. URL: https://www.bmvg.de/de/aktuelles/eu-staaten-melden-pesco-teilnahme-19568 (accessed: 16.07.2019).

19. Klein P. 1970. Aktuelle Fragen der Rüstungsbeschränkung und Abrüstung. Deutsche Aussenpolitik. 2: 259–260.

20. Rozoff R. Deutschland: Die erste nach dem Kalten Krieg entstandene neue militärische Großmacht (Teil 3). 28.07. 2009. URL: https://www.hintergrund.de/politik/inland/deutschland-die-erste-nach-dem-kalten-krieg-entstandene-neue-militaerische-grossmacht-teil-3(accessed: 13.07.2019).

21. Świerczyński M. Amerykańskie bazy z Niemiec do Polski? Nie tak szybko. 01.07.2018. URL: https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/swiat/1754480,1,amerykanskie-bazy-z-niemiec-do-polski-nie-tak-szybko.read(accessed: 11.07.2019).

22. Wachstum. Bildung. Zusammenhalt. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und FDP. 17. Legislaturperiode. 2009. Berlin, Friedrich-Ebert-Stiftung, 132.

23. Weissbuch. Zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. 2016. URL: https:// www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissbuch2016-barrierefrei-data.pdf (accessed: 11.01.2020).

24. Wiegold T. US-Truppen raus aus Deutschland? Ein Blick auf die Fakten. 30.06.2018. URL: https://augengeradeaus.net/2018/06/us-truppen-raus-aus-deutschland-ein-blick-auf-die-fakten/ (accessed: 16.07.2019).

References

1. Basov F., Vasil`ev V., Kokeev A., Xorol`skaya M. 2018. Nemeczkoe predstavlenie o bezopasnosti [German vision of security]. Mezhdunarodnaya zhizn, 10. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/2089 (accessed: 07.07. 2019) (in Russian).

2. Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov [The Great Patriotic War of 1941–1945.]. V 12 t. T. 9. Soyuzniki SSSR po antigitlerovskoj koalicii [Allies of the USSR in the anti-Hitler coalition]. 2014. M., Kuchkovo pole, 864 (in Russian).

3. Gaevoj G.E. 2015. Amerikano-germanskie otnosheniya: 1990–2013 gg. [American-German Relations: 1990–2013]: avtoreferat dis. ... kand. istoricheskix nauk. Tomsk, 23 (in Russian).

4. Egorov A.I. 2013. Poziciya Germanii po voprosu nerasprostraneniya oruzhiya massovogo unichtozheniya i yaderny`x materialov (1990-e – nachalo 2000-x gg.) [Germany's position on the non-proliferation of weapons of mass destruction and nuclear materials (1990s – early 2000s)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 367: 64–68 (in Russian).

5. Ocherki istorii rossijskoj vneshnej razvedki [Essays on the history of Russian foreign intelligence] / Gl. red. V.I. Trubnikov. V 6 t. T. 4. 1941–1945 gg. 1999. M., Mezhdunarodny`e otnosheniya, 696 (in Russian).

6. Perepiska Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR s prezidentami SShA i prem`er-ministrami Velikobritanii vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny`, 1941–1945 gg.: perepiska s U. Cherchillem i K. E`ttli (iyul` 1941 g. – noyabr` 1945 g.), perepiska s F. Ruzvel`tom i G. Trume`nom (avgust 1941 g. – dekabr` 1945 g.) [Correspondence of the Chairman of the Council of Ministers of the USSR with the Presidents of the United States and Prime Ministers of Great Britain during the Great Patriotic War, 1941–1945: correspondence with W. Churchill and C. Attlee (July 1941 – November 1945), correspondence with F. Roosevelt and H. Truman (August 1941 – December 1945)]. Ministerstvo inostranny`x del RF. 2005. M., Voskresen`e, 647 (in Russian).

7. Rudakov V. Rol` i mesto SShA v podry`ve poslevoennogo mirovogo poryadka [Rolleu and the USA's place in the underwear of the post-war world order]. 12.03.2015. URL: http://www.old.ural-eurasia.ru/mnenie/rol-i-mesto-ssha-v-podryve-poslevoennogo-mirovogo-poryadka/https://russian.rt.com/world/article/531459-ssha-voennye-germaniya (accessed: 07.07. 2019).

8. Fel`fe X. 1988. Memuary` razvedchika [Scout Memoirs]. Per. s nem. M., Politizdat, 319 (in Russian).

9. Yaroshinskaya A. Novy`e atomny`e bomby` uzhe v Germanii [New atomic bomb already in Germany]. 23.09.2015. URL: http://www.rosbalt.ru/main/2015/09/23/1443663.html (data obrashheniya: 10.06. 2019).

10. Abrüstung. Bundestag fordert Abzug von US-Atomwaffen. 26.03.2010. URL: https://www .zeit.de/politik/deutschland/2010-03/bundestag-atomwaffen-abruestung (accessed: 10.06.2019).

11. Bald D. Die Politik der Wiederbewaffnung. 01.05.2015. URL:https://www.bpb.de/politik/ grundfragen /deutsche- verteidigungspolitik /199276/ wiederbewaffnung (accessed: 11.06.2019).

12. Deutschlands Zukunft gestalten Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 18. Legislaturperiode. 2013. URL: https://www.bundesregierung. de/Content/DE/ _Anlagen/2013/2013-12-17-koalitionsvertrag.pdf?__blob=publicationFile (accessed: 12.06.2019).

13. Deutschland und USA: bilaterale Beziehungen. 27.05.2019. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/laender/usa-node/bilateral/204568 (accessed: 10.06.2019).

14. Die auswärtige Politik der Bundesrepublik Deutschland. 1972. Koln, Wissenschaft und Politik, 989.

15. Fast jeder zweite Deutsche für Abzug der US-Truppen. 11.07.2018. URL: https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infoline_nt/brennpunkte_nt/article179150408/Fast-jeder-zweite-Deutsche-fuer-Abzug-der-US-Truppen.html (accessed: 18.07.2019).

16. Plan for the Inclusion of the Bolero Group in Operation Rusty. July 2, 1946. URL: https: //nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB146/doc17.pdf (accessed: 11.07.2019).

17. Ein neuer Aufbruch für Europa. Eine neue Dynamik für Deutschland. Ein neuer Zusammenhalt für unser Land. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. 19. Legislaturperiode. Berlin, den 12. März 2018. URL: https://www.bundesregierung. de/Content/DE/_Anlagen/2018/03/2018-03-14- (accessed: 16.07.2019).

18. Europaische Union-Staaten melden PESCO (Permanent Structured Cooperation) – Teilnahme. 13.11.2017. URL: https://www.bmvg.de/de/aktuelles/eu-staaten-melden-pesco-teilnahme-19568 (accessed: 16.07.2019).

19. Klein P. 1970. Aktuelle Fragen der Rüstungsbeschränkung und Abrüstung. Deutsche Aussenpolitik. 2: 259–260.

20. Rozoff R. Deutschland: Die erste nach dem Kalten Krieg entstandene neue militärische Großmacht (Teil 3). 28.07. 2009. URL: https://www.hintergrund.de/politik/inland/deutschland-die-erste-nach-dem-kalten-krieg-entstandene-neue-militaerische-grossmacht-teil-3(accessed: 13.07.2019).

21. Świerczyński M. Amerykańskie bazy z Niemiec do Polski? Nie tak szybko. 01.07.2018. URL: https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/swiat/1754480,1,amerykanskie-bazy-z-niemiec-do-polski-nie-tak-szybko.read(accessed: 11.07.2019).

22. Wachstum. Bildung. Zusammenhalt. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und FDP. 17. Legislaturperiode. 2009. Berlin, Friedrich-Ebert-Stiftung, 132.

23. Weissbuch. Zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr. 2016. URL: https:// www.bmvg.de/resource/blob/13708/015be272f8c0098f1537a491676bfc31/weissbuch2016-barrierefrei-data.pdf (accessed: 11.01.2020).

24. Wiegold T. US-Truppen raus aus Deutschland? Ein Blick auf die Fakten. 30.06.2018. URL: https://augengeradeaus.net/2018/06/us-truppen-raus-aus-deutschland-ein-blick-auf-die-fakten/ (accessed: 16.07.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Родович Юрий Владиславович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri V. Rodovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Archeology, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, Tula, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 94 (477.54) «18/191»
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-783-793

Влияние представителей национальных меньшинств на становление высшего образования в Харькове в XIX – начале XX столетий

И.Г. Мухина
Инжиниринговый колледж
Белгородского государственного национального исследовательского университета,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: 19Muhina67@mail.ru

Аннотация. В научной статье осуществлен комплексный анализ удельного веса представителей национальных меньшинств в высших учебных заведениях Харькова на протяжении XIX – в начале XX вв. На основе широкой базы источников, статистических и архивных данных доказано, что во всех высших учебных заведениях города их численность была весьма существенной, а их научный и преподавательский опыт позволил поставить учебный процесс на достаточно высокий уровень, привлечь большое количество молодежи из разных регионов государства на обучение. Акцентируется внимание на результатах их образовательной и научной деятельности как в Харькове, так и за его пределами. Обращается внимание на то, что благодаря научной и практической деятельности ведущих ученых и преподавателей из числа представителей национальных меньшинств Харьковские университеты и институты стали научно-техническими и культурными центрами не только данного региона, но и российского государства в целом.

Ключевые слова: иностранцы, представители национальных меньшинств, высшее образование, университет, институт, наука.

Для цитирования: Мухина И.Г.. 2020. Влияние представителей национальных меньшинств на становление высшего образования в Харькове в XIX – начале XX столетий. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 783–793. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-783-793.

Influence of representatives of national minorities on the formation of higher education in Kharkov in the XIX – beginning of the XX centuries

Irina G. Mukhina
Engineering College of Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: 19Muhina67@mail.ru

Abstract. In the scientific article, a comprehensive analysis of the share of foreigners and representatives of national minorities in higher educational establishments in Kharkov during the 19th and early 20th centuries was carried out. Based on a wide range of sources, statistical and archival data, it was proved that in all higher educational institutions of the city foreign specialists who came from European countries took the leading place, their scientific and teaching experience allowed to raise the educational process to a sufficiently high

level, draw a large number of young people from different regions of the country for training. Foreign professors stood at the origins of the formation of Kharkov University, more than half of the teaching staff were Germans, French, and from the 1920s. XIX century Poles, Serbs, Dutch, Finns and many others. Many of the foreigners accepted Russian citizenship and stayed here permanently. The analysis of the legislative base of the Russian Empire, which initiated the involvement of European educational and scientific personnel for work in Russian higher educational institutions, was carried out. Attention is drawn to the fact that not only material benefits attracted foreigners to work in Russia, but also the opportunity to creatively use their scientific and educational potential, their high relevance as specialists. This explains such a long stay of representatives of national minorities in Kharkov, which the became their second homeland for them. The author draws attention to the great role of representatives of national minorities in the formation not only of the university, but also of the veterinary, medical institutions, technical university, higher women's and commercial courses. The training of specialists for various branches of the economy in the higher educational institutions of the city turned Kharkov in the early 20th century into a powerful scientific, technical, industrial and cultural center of the Russian Empire. Attention is drawn to the fact that thanks to the scientific and practical activities of leading scientists and teachers from among representatives of national minorities, Kharkov universities and institutes have become scientific, technical and cultural centers not only in this region, but also in the Russian state as a whole.

Keywords: foreigners, representatives of national minorities, higher education, specialists, university, institute, science.

For citation: Mukhina I.G. 2020. Influence of representatives of national minorities on the formation of higher education in Kharkov in the XIX-beginning of the XX centuries. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 783–793 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-783-793.

Постановка проблемы. Во второй половине XVIII столетия после ликвидации казацкой военно-полковой системы, которая существовала на территории Харьковского наместничества (до 1797 г.), в Слободско-Украинской губернии (с 1835 г. – Харьковской), была введена территориально-административная система Российской империи, а город Харьков стал административным центром региона, где происходило становление и развитие отечественного высшего образования и науки южных регионов России. Для организации учебных заведений по лучшим образцам образовательных и культурных традиций Европы и привлечения в Российскую империю иностранных ученых и преподавателей была создана соответствующая законодательная база. Особенности процессов становления и развития высшего образования, науки и культуры Харькова и губернии раскрывают труды таких авторов и исследователей второй половины XIX – начала XX вв., как Д. Багалей и Д.П. Миллер [Багалей, 1908; Багалей, Миллер,1912], А.С. Лебедев [Лебедев, 1886], М. Халанский [Халанский, 1908] и др. Но их труды посвящены либо деятельности отдельных образовательных и научных учреждений и обществ, либо имеют описательный и научно-популярный характер изложения. В целом эти источники только частично раскрывают данную проблему, что не позволяет глубоко и всесторонне ее изучить. В советское время по идеологическим причинам вопросы участия иностранцев в культурном и образовательном развитии региона практически не рассматривались, их численный состав и процентное соотношение среди общего преподавательского состава учебных заведений Харькова и региона детально не изучался и не обобщался. Только в 90-х – начале 2000-х годов эта тематика стала актуальной и востребованной для исследователей, так как углубленное изучение этого вопроса позволяет объективно и всесторонне исследовать этапы и направления развития высшего образования края и реально оценить вклад представителей национальных меньшинств, имеющих либо иностранное, либо российское подданство в становлении высшего образования и науки в Харькове и регионе в целом в XIX – начале XX вв. Некоторая часть информации об этнической принадлежности профессоров и преподавателей, работавших в Харьковском университете до 1917 года, есть в юбилейном издании, вышедшем к 350-летию со дня основания города [Харківський Національний університет…,

2004], но, к сожалению, она недостаточна для глубокого изучения роли представителей национальных меньшинств, работающих в этот период в университете, также отсутствуют сведения о них в других высших учебных заведениях города. В состав национальных меньшинств входили как собственно иностранцы, которые временно работали в университете и других учебных заведениях Харькова, не меняя своего подданства, так и преподаватели российского подданства, которые относились к обрусевшим родам иностранных переселенцев, осевших в регионе на протяжении XVIII – начала XIX столетий, а также иностранцы, которые приняли российское подданство в XIX веке, оставшись здесь на постоянное место жительства. Исходя из этого, **цель научной статьи** – изложить результаты исследования, сравнительного анализа и обобщения различных источников, статистических и архивных данных, осуществить комплексный анализ удельного веса иностранцев и представителей национальных меньшинств в высших учебных заведениях и научных обществах Харькова, определить основные результаты их образовательной, научной и практической деятельности в данный период. Для систематизации и всестороннего анализа существующих источников по теме исследования автором были изучены материалы областного архивного фонда Харьковской области, законодательная база Российской империи, которая регламентировала права и обязанности иностранных подданных, проживающих и работающих в России, обобщены и переработаны статистические материалы, собранные за разные периоды деятельности Харьковского государственного университета и других высших учебных заведений города в XIX – начале XX столетий, определен удельный вес представителей национальных меньшинств в самых крупных образовательных учреждениях, рассмотрены результаты их деятельности.

Основные результаты исследования. В конце XVIII – начале XIX веков в Харьков и губернию прибывает значительное количество выходцев из Европы, что обуславливает формирование ряда общин, которые объединяли их членов не столько по этнической принадлежности, сколько по вероисповеданию. Так, этнограф А. Риттих в 80-х гг. XIX века выделил пять групп переселенцев: католики (поляки, чехи, французы, частично немцы и швейцарцы); протестанты (немцы, англичане, шведы, частично швейцарцы) иудеи (евреи и караимы); мусульмане и цыгане [Риттих, 1880, с.13]. Самыми большими и влиятельными были общины протестантов и католиков, которые объединяли в себе как собственно иностранцев, так и российских подданных, преимущественно немцев и поляков. Из представителей национальных меньшинств они составляли наиболее многочисленную группу, которая существенно проявила себя в образовательной и культурной сфере Харьковской губернии наряду с коренным населением края, составлявшим большинство (великороссами и малороссами). Особенностью становления Харьковского университета стал тот факт, что для его открытия и подъема статуса учебного заведения были приглашены профессора и преподаватели из Европы, преимущественно немцы и французы.

Этому способствовали высокий социальный статус и материальные выгоды, которые получали преподаватели и профессора из числа иностранцев в Российской империи. Согласно «Табелю о рангах», введенному еще в XVIII веке, должность ректора равнялась чину статского советника, а ординарные профессора имели дворянские привилегии и чины надворных советников с правом повышения своего ранга каждые пять лет. Экстраординарные профессора и адъюнкты соответствовали чину коллежского асессора. Ординарные профессора ежегодно получали около 2 тыс. руб., а преподаватели имели дополнительные доплаты за чтение лекций вольным слушателям за пребывание на должностях деканов или секретарей и тому подобное. Кроме наличия высокого социального статуса, квартиры профессоров освобождались от военных постоев, после 25 лет научно-педагогического стажа они получали звание заслуженного профессора и право на пенсию в полном окладе, сохраняя за собой в течение 5 лет кафедру [Харківський Національний університет…, 2004, с. 39, 40]. Эти государственные льготы и поощрения, безусловно, способствовали их притоку в российские университеты. Иностранцы, которые находились на службе в Российской империи, не лишались права на пенсии и одновременную матери-

альную помощь, даже если не принимали российское подданство. Деятели искусства, получившие пенсии в России, не лишались их даже во время пребывания за рубежом [Свод законов Российской империи…, 1857, кн. 3, гл. 1, ст. 8; гл. 2, ст. 329]. Дети иностранцев, родившихся в России, имели право работать в культурно-образовательной сфере наравне с российскими подданными [Россия. Законы и постановления…, 1868, разд. 4, гл. 1, ст. 1513]. Таким образом, анализ законодательной базы Российской империи относительно условий и льгот для иностранных подданных, работавших в российских университетах и институтах в XIX в., дает нам основание утверждать, что для них были введены особые привилегии, позволяющие поднять статус российских учебных университетов, привлечь иностранных ученых в Россию и расширить связи с ведущими научными центрами Европы.

Как известно, впервые иностранные специалисты (греки, французы, немцы и итальянцы) приглашаются во второй половине XVIII в. в Харьковский коллегиум – первое учебное заведение в городе и крае, в котором учебный процесс был поставлен по образцу Киево-Могилянской академии. Иностранцы преподавали музыку, иностранные языки, историю, теорию европейского искусства и живописи. В 60-х – 70-х гг. XVIII в. в коллегиуме работали грек Антоний Ксенатский, итальянцы Алекс де Кастелло и музыкант Франц Мартини, француз Петр Антон и др. [Лебедев, 1886, с. 13, 17]. В 80-х – 90-х гг. ректором стал немец фон Буксгевден, в составе гувернеров работали немцы М. Станислав, Яган, Клейнк, Ф. Ольденборгер, французы Кох, И. Паули, А. Ведель и т. д. [Багалей, Миллер, 1912, т. 1, с. 414]. Один из воспитанников коллегиума грек М.Т. Каченовский в начале XIX века стал профессором Московского университета, много занимался историей искусств, археологией, историей и географией, был редактором литературного издания «Вестник Европы» [Харьковский календарь…, 1883, с. 418].

Но значительный приток титулованных и опытных европейских специалистов начинается в 1805 г. с открытием Харьковского университета, ставшего одним из старейших университетов Восточной Европы и одним из ведущих крупнейших университетов Российской империи. Благотворительная деятельность, организованная В.Н. Каразиным и попечителем Харьковского учебного округа С. Потоцким позволила собрать средства на открытие университета и привлечь европейских профессоров из Германии, Франции, Сербии, Польши и других государств. Некоторые из них приняли российское подданство, среди них профессора И. Ланг, Л. Умлауф, А. Стойкович, Беллен-де-Балю и др. [51] В первые годы в университете работало всего 25 преподавателей, из них 8 немцев (32 %), 4 француза (16 %), 2 серба (8 %). В целом удельный вес иностранцев составил 56 % от общего числа преподавателей, а их влияние на развитие университета в первые годы было достаточно существенным [Мухіна, 2006, с. 105]. Согласно уставу университета, были созданы 4 факультета: словесных, этико-политических, физических и математических, лекарственных и медицинских наук. Профессора-иностранцы вошли в Совет, который занимался учебным и научным процессом и выбирал ректора. В 1805 г. деканом словесного факультета был избран немец Л.А. Умлауф, в 1808 г. – француз Я. Беллен-де-Баллю, в 1810 г. – француз А. Дюгур, в 1813 г. – немец Х. Роммель. Первым деканом факультета этико-политических наук был избран профессор и доктор философии немец И. Шад, прибывший из Йенского университета.

В начале XIX века среди математиков-иностранцев преобладали в основном немцы, среди них профессор Франкфуртского университета И.И. Гут, доктора философии Йенского университета И.А. Шнауберт и Эрфуртского университета Ф.И. Гизе, ученик немецкого философа И. Канта доктор философии К.К. Нельдехен и др. [Физико-математический факультет Харьковского университета…, 1908, с. 31, 59, 87]. Политологию, правоведение и немецкую литературу преподавал профессор Л. Якоб, философию, право и психологию – профессор И. Ланг. На факультете физико-математических наук химию и ботанику преподавал Ф. Гизе, астрономию и математику – И. Гут. На факультете

[51] ГАХО, ф. 3, оп. 14, д. 311, л. 21.

лекарственных и медицинских наук преподавали немцы-профессора А.Я. Калькау, Л. Ванноти, Ф. Пильгер, венгр Г. Корритари и другие [Цвиркун, 1984, с. 165, 272, 275]. Известно, что вторым ректором университета на три года был избран серб А. Стойкович, в 20-х годах XIX в. – немец И.Л. Кронеберг и поляк В.Я. Джунковский, в 30-40-х гг. – венгр А.И. Дудрович и поляк А.А. Валицкий [Харківський національний університет…, 2004, с. 56]. Эти факты свидетельствуют о том, что иностранцы работали на всех факультетах без исключения и принимали участие в руководстве университета.

По воспоминаниям профессора Х. Роммеля, в университете существовала определенная конкуренция между иностранцами и отечественными преподавателями, что способствовало расколу преподавательского состава на определенные группы, но преимущество было на стороне иностранных профессоров [Пять лет из истории Харьковского университета…, 1868, с. 59]. Так, профессор Л. Умлауф был членом училищного совета, который контролировал работу губернских училищ, профессор А. Дюгур в 1810–1812 гг. был членом правления цензурного и училищного комитетов университета и занимал должность библиотекаря [Халанский, 1908, с. 246]. Профессор греческой и французской словесности Я. Беллен-де-Баллю с 1805 до 1811 гг. был членом комитета по благоустройству университета, а также инспектором студентов и библиотекарем. Со дня основания университета и до 1811 г. профессор И. Шад выполнял обязанности члена правления и секретаря совета. Кроме преподавания немецкого и латинского языков, он издал хрестоматию по немецкой литературе для университета и гимназий, составил на латинском языке университетский устав [Халанский, 1908, с. 246; Историко-филологический факультет Харьковского университета…, 1908, с. 146, 17]. К сожалению, в источниках отсутствует информация о языке преподавания иностранцев, прибывших сюда из Европы, но исходя из опубликованных ими на русском языке учебно-методических материалов, можно предположить, что лекции проводились преимущественно на русском языке. Выпускник Харьковского университета известный историк Н. Костомаров в своих воспоминаниях говорил о том, что многие иностранные профессора не очень хорошо владели русским языком, что затрудняло подчас восприятие студентами учебного материала, среди них профессор немец Э. Маурер, француз Паки-де-Совиньи и другие [81, с. 93].

В 1812 г. деканом словесного факультета был избран Х. Роммель, при участии которого при университете были созданы Педагогический институт и Общество наук, где он был председателем. Им разработаны и изданы «План и правила обучения и преподавания в педагогическом институте» и курс лекций «Дидактика и методика» [Биографический словарь..., с. 417]. С 1820 по 1824 гг. ординарный профессор И.Я. Кронеберг выполнял обязанности члена университетского совета, в течение 1823–1829 гг. был ректором университета. Дважды, в 1823–1826 гг. и в 1831–1833 гг., он избирался деканом словесного факультета и много усилий потратил на создание студенческой библиотеки. Заметный след в Харьковском университете оставили преподаватели рисования скульптор и художник из Италии А.И. Локуэс и талантливый польский портретист Б.Ф. Клембовский [Историко-филологический факультет Харьковского университета …, 1908, с. 371].

По воспоминаниям воспитанников университета, И. Шад имел большие педагогические способности и ораторский талант, которые он блестяще использовал при работе со студентами во время лекций. Также симпатии студентов были и на стороне Х. Роммеля, который на лекциях широко использовал переводы произведений античных авторов, демонстрируя их как лучшие образцы ораторского искусства, пытался заинтересовать учеников, сделав преподавание классической филологии и истории культуры «живым, эстетическим познанием». На физико-математическом факультете большой успех у студентов имели лекции А. Стойковича и Ф. Гизе. Во время работы в Харькове А. Стойкович издал общий курс физики, а Ф. Гизе – курс общей химии, который стал одним из лучших изданий не только в России, но и в Европе. В этот период большим уважением со стороны

студентов пользовался ученик И. Шада, доктор философии венгр А. Дудрович, который имел репутацию опытного лектора [Багалей, Миллер, 1912, т. 2, с. 165–166].

С началом войны с Наполеоном положение преподавателей из числа иностранцев (особенно немцев и французов) в Харьковском университете резко усложнилось. По указанию Министерства народного образования в лице графа А.К. Розумовского для поднятия авторитета отечественных преподавателей иностранцы начали вытесняться с руководящих должностей на кафедрах университетов, а с 1815 года Совет Харьковского университета получил распоряжение давать чин адьюнкта только имеющим российское подданство. Это привело к оттоку иностранцев из университета. В этот период в университете работало 44 преподавателя, из них 26 иностранцев, что составило 59 % от общего числа [Багалей, 1908, с. 486, Мухіна, 2006, с. 115]. Известно, что университет покинул Я. Белен-де-Баллю, А. Стойкович, в 1815 году уехал в Марбург профессор истории Х. Роммель, в 1816 г. за вольнодумство был выслан профессор И. Шад. В целом до 1820 года университет оставили И. Гут, Ф. Гизе, Ф. Швейцкарт, А. Дегур, Л. Якоб и другие профессора из числа иностранцев [Багалей, Миллер, 1912, т. 2, с. 52]. Часть из них по разным причинам умерла в первые годы своей работы, не доживши до пятидесяти лет (Виллих, И. Барендт, Л. Умлауф, А. Калькау, Д. Шмерфельд). Для восстановления профессорско-преподавательского состава Ученый совет университета в 1820 году обратился в Министерство образования с просьбой продолжить приглашение иностранных ученых и преподавателей на работу, преимущественно из австрийских и славянских земель [Харківський національний університет…, 2004, с. 44, 76].

В 20-х годах XIX века ординарный профессор греческого языка, один из руководителей католической общины Харькова В.Я. Джунковский стал председателем правления и проректором, а с 1821 г. – ректором университета. Под его руководством была упорядочена университетская библиотека, систематизирован каталог произведений и переводов по ветеринарии, медицине, классической философии, агрономии и т. д. Так, Н.И. Костомаров отмечал, что среди преподавателей большой авторитет и уважение у студентов имели преподаватель греческой словесности А.А. Валицкий, профессор Х. Роммель, профессор классической философии, ректор И.Я. Кронеберг, прославившийся как способный и красноречивый лектор, талантливый переводчик произведений Шекспира, автор литературоведческих статей по немецкой литературе и классической филологии. В 1825 г. вышел его сборник «Амалтея», а в 1835 г. – сборник «Минерва». Он был знаком с В.Г. Белинским, который неоднократно приезжал к нему в Харьков для участия в литературном кружке. Его сын Андрей Кронеберг стал впоследствии известным критиком и переводчиком, знал несколько иностранных языков и переводил на русский язык произведения Тита Макция Плавта, И. Гете, Ж. Санда, Г. Филдинга и других. В 1842 году вышел его перевод «Гамлета» и литературные статьи в столичных журналах «Отечественные записки» и «Современник». В 1852 г. он начал работу над переводом книги «Летописи Тацита», но завершил эти переводы после его смерти брат Алексей Кронеберг [Літературна Харківщина…, 1995, с. 193–194]. Известно, что А.А. Валицкий с 1836 г. заведовал университетским нумизматическим кабинетом, с 1839 по 1845 гг. исполнял обязанности декана факультета, а в 1842 г. был избран ректором.

В течение XIX в. удельный вес представителей национальных меньшинств как российского, так и иностранного подданств, оставался существенным, но постепенно он уменьшался за счет притока преподавателей и числа великороссов и малороссов. Установлено, что на 1805 г. представители национальных меньшинств из числа профессорско-преподавательского состава в университете составили 56 %, в 1866 г. – 31,5 %, а в 1913 году – 24,4 %, тем не менее этот показатель был достаточно высоким. Если в первые десятилетия подавляющее большинство составили преподаватели-иностранцы, то с 30–40-х гг. XIX в. практически все преподаватели имели российское подданство [Мухіна, 2006, с. 113]. Благодаря динамичному развитию Харькова и росту престижности Харьковского университета постоянно возрастает и численность студентов, обучающихся

в нем. Так, на 1885 г. в университете обучалось 1 227 студентов, в 1913 г. – 3 216, а в 1915 г. – уже 3 909 студентов [ГАХО, ф. 667, оп. 286, д. 116, л. 8–25].

Следует отметить, что профессора и преподаватели Харьковского университета сыграли важную роль в открытии и функционировании других учебных заведений Харьковской губернии. Так, профессора Ф.В. Пильгер, Х.А. Экеблад и К.Ф. Вишневский направили свои усилия на создание в 1839 г. Ветеринарного училища, которое в 1873 г. по решению Министерства народного просвещения было преобразовано в Харьковский ветеринарный институт [Багалей, Миллер, 1912, т. 2, с. 592]. Первым директором училища был назначен прозектор зоотомии Харьковского университета поляк Н.Д. Галицкий, который 17 лет отдал этому учебному заведению. После окончания Виленского университета он получил в Харькове степень магистра ветеринарных наук и степень врача, организовал работу по накоплению и систематизации научных пособий для формирования специальной библиотеки не только по ветеринарным наукам, но и смежным отраслям. Так же неоднократно он был в командировках за границей, где изучал иностранный опыт в сфере ветеринарии. Уже после отставки в 1868 г. он вернулся в свое имение в Польше и продолжил лечебную практику [Медицинский факультет Харьковского университета…, 1905–1906, с. 310]. Этнический состав преподавателей Ветеринарного училища был очень богатым, но заметный след оставили, кроме Н.Д. Галицкого, и другие выходцы из Польши. В 50-х – 70-х гг. XIX в. здесь преподавали выпускники Виленской медицинской академии и Виленского университета адъюнкт Полюта, профессора Островский, Павлович, Витович, профессор физиологической химии и медицинской физики Тихонович, голландец Я. Ганнот и др. В 1879 г. в состав институтского Совета вошли Я.М. Ганнот, доцент Павлович, финны профессор органической химии Г. Лагермарк и приват-доцент ботаники Ф. Рейнгард, профессор минералогии француз О. Брио и другие [Багалей, Миллер, 1912, т. 2, с. 599, 602]. О росте престижа данного учебного заведения свидетельствует тот факт, что на 1910–1911 учебный год в институте обучалось 480 студентов, в 1915 г. – 515 студентов [Список студентов Харьковского Ветеринарного института…, 1910, с. 1–72].

В 1885 г. при участии преподавателей Харьковского университета был открыт Харьковский технологический институт, ставший одним из центров высшего технического образования Российской империи. Он осуществлял подготовку специалистов для промышленности, машиностроения, строительства железных дорог и тому подобное. В 80-х – 90-х годах XIX в. в институте преподавали английский язык Г. Даунс, немецкий язык – А. фон Труарт, французский – Ф.М. Шено, химическую технологию – профессор В.А. Гемилиан, анатомию – А. Рейнгард, металлургию – А. Мевиус, аналитическую геометрию, алгебру и тригонометрию – экстраординарный профессор А.П. Пшеборский и другие. Следует отметить, что на 1909 г. из 73 профессоров и преподавателей, работающих в институте, около 30 % имели иностранное происхождение или были собственно иностранцами. В 1910 г. численность студентов института составила 1 171 чел. [52]

В начале XX века этнический состав преподавателей учебных заведений Харькова был достаточно богатым, но подавляющее большинство из них имели российское подданство. Многие из них были активными членами не только своих национальных и религиозных общин, но и принимали участие во многих общественных и благотворительных организациях. В 1907 г. в Харькове впервые открылись Высшие женские курсы, которые имели историко-филологический и физико-математический факультеты. Из состава профессоров и преподавателей Харьковского университета представители национальных меньшинств (преимущественно этнические немцы, французы и поляки) составляли на историко-филологическом факультете 30 %, на физико-математическом – 32 % [Мухіна, 2006, с. 126]. Среди них декан факультета, экстраординарный профессор Ф.И. Шмидт, заслуженные ординарные профессора И.В. Нетушил, В.П. Бузескул, П.Е. Лейкфельд, лекторы

[52] ГАХО, ф. 770, оп. 1, д. 19, л. 2; д. 650, л. 20–21.

иностранных языков П.А. Дютруиль, Г.Ю. Ирмер, А.Р. Пельтцер, заслуженные профессора Л.А. Струве, Л.В. Рейнгард, А.П. Пшеборский, приват-доценты С.Н. Бернштейн, В.Х. Даватц и другие. На 1912 г. количество студенток на Высших женских курсах достигло 250–300 чел. В годы Первой мировой войны после прибытия в Харьков большого количества беженцев из числа студенческой молодежи происходит стремительный рост численности студенток курсов почти в три раза. Так, на 1 января 1916 г. на Высших женских курсах обучалось уже 1 954 чел. [Высшие женские курсы…, 1916, с. 3–6, 16–20].

С декабря 1910 г. при активном содействии профессоров и ученых В.Я. Данилевского, Е.П. Браунштейна и А.К. Гана начал свою работу Женский медицинский институт на улице Сумской. Организацию учебной деятельности взяли на себя преподаватели медицинского факультета Харьковского университета Р.П. Кримберг, В.В. Рейнгардт, приват-доцент Е.Ф. Лисицкий, профессора Н.С. Бокариус, Ф. Опенховский, Е.П. Браунштейн и В.В. Фавр. Начиная с 1914 г. институт ежегодно выпускал до 240 женщин-врачей. В начале XX в. создаются Высшие коммерческие курсы, на которых обучались и мужчины, и женщины. Учебное заведение находилось под кураторством Попечительского совета Харьковского купеческого общества, который на 50 % состоял из представителей еврейского купечества (Г. Гольберг, И.Ф. Елецкий, А.А. Мюнх, В.М. Гордон и другие). В этом учебном заведении французский и немецкий язык преподавали представители национальных меньшинств Л.Г. Фолио, А.Е. Энзен, Г.Ю. Ирмер, К.В. Петерман, математику преподавал И. Симсон. В целом на курсах ежегодно обучалось приблизительно 300 студентов [Отчет Харьковских Высших коммерческих курсов…, 1915, с. 27].

Усилиями профессоров и преподавателей высших учебных заведений Харькова из числа национальных меньшинств были созданы мощные научные общества, которые имели связи с европейскими научными центрами, а их члены неоднократно выезжали в Европу для обмена опытом. Так, в 1813 году было создано Общество наук при поддержке и участии профессоров Харьковского университета А. Стойковича, Х. Роммеля, В. Джунковского, И. Кронеберга. В 1861 году по инициативе профессоров медицины В.Ф. Грубе, Д. Лямбля, В. Франковского, Э. Браунштейна и других открыто Медицинское общество. Во второй половине XIX века усилиями профессоров и преподавателей созданы Общество исследователей природы (1869 г.), Историко-филологическое общество (1876 г.), Математическое общество (1879 г.) и другие, где работали ученые различных национальностей, среди них А. Чернай, В. Надлер, В. Шерцль, М. Дринов, Д. Деларю, А. Пшеборский, Л. Струве и т. д. Анализ численности профессоров и преподавателей в этих обществах позволил установить, что удельный вес представителей национальных меньшинств был достаточно высоким и составил в Обществе наук – 50 % на 1817 г., в Математическом обществе – 36 % на 1899 г., в Историко-филологическом обществе – 34 % на 1910 г., в Медицинском обществе – 31 % на 1913 г., в Обществе исследователей природы – 17 % на 1913 г. [Мухіна, 2006, с. 116].

Многие ученые Харьковского университета неоднократно бывали за границей по обмену опытом и активизировали взаимодействие между учеными Европы и России. Так, в 80-х гг. XIX в. молодой ученый, выпускник Харьковского университета немец Г.Ф. Шульц неоднократно присутствовал на лекциях известных европейских ученых в Лейпциге, Бонне, Берлине, стал членом редакционного совета Записок Харьковского университета. В 90-х гг. XIX в. он получил степень доктора классической философии и стал ординарным профессором. Другой выпускник университета, экстраординарный профессор и доктор наук В.П. Бузескул возглавил в 1901 году историко-филологический факультет университета, был членом Императорского Московского и Императорского Российского Археологических обществ, принимал участие в международных археологических съездах в Риге (1896 г.), в Киеве (1899 г.), Харькове (1902 г.) [Багалей, 1908, с. 204, 287]. В 1882 г. Императорское Вольное Экономическое общество направило в Париж на шесть месяцев известного профессора Харьковского университета и Ветеринарного института Л.С. Ценковского для изучения способов предупредительных прививок против сибирской язвы методом Луи Пастера. За годы своей

научной деятельности он написал около 45 научных работ по изучению флоры и фауны, а в 1856 г. защитил докторскую диссертацию «О низких водорослях и инфузориях». Свой иностранный опыт он использовал для экспериментов по созданию вакцин в лабораториях Харьковского ветеринарного института. Об успехе его научно-исследовательской работы свидетельствует тот факт, что ежегодно для своих исследований и разработок институт получал на содержание лабораторий и персонала 5 тыс. руб. Здесь были разработаны и осуществлены первые прививки по методике Л. Ценковского, возникла одна из крупнейших в Российской империи Харьковская Бактериологическая станция. Научные заслуги позволили ученому в 1886 году стать почетным членом многих российских университетов, а на рубеже 80-х – 90-х гг. XIX в. Харьковская станция начала производить по заказу Воронежской, Таганрогской, Екатеринославской и других губерний антидифтерийную сыворотку [53]. В 1909 году профессор Харьковского технологического института В.С. Кнаббе после заграничной командировки по изучению новейшего технического оборудования промышленных предприятий и осмотра заграничных заводов, имеющих новое оборудование, написал научную работу, посвященную новейшим методам механической обработки различных металлов. Это позволило отечественным ученым ускорить разработку этих технологий в России [54]. Научно-исследовательская и образовательная деятельность многих ученых и преподавателей, работавших в высших учебных заведениях Харькова, повлияла на становление и успешное развитие отечественного высшего образования, науки, промышленности не только в Харьковской губернии, но и Российской империи в целом.

Выводы. Таким образом, всесторонний анализ статистических и архивных данных, а также иных источников, систематизация и обобщение собранного материала позволяет сделать вывод о том, что в течение XIX – начале XX в. представители национальных меньшинств принимали непосредственное активное участие в создании и развитии практически всех высших учебных заведений региона, составляя в них сначала половину, а затем от 20 до 30 % от всего профессорско-преподавательского состава. Опыт как иностранных, так и отечественных специалистов, общие усилия всех преподавателей и профессоров высших учебных заведений города позволили поставить учебный процесс на высокий научно-теоретический уровень, наладить связи с ведущими российскими и европейскими образовательными и научными центрами. Благодаря их активной деятельности и самоотверженности высшие учебные заведения Харькова получили прочную научно-исследовательскую и практическую базу, имели достойный научный уровень наряду со столичными вузами, увеличили количество студентов из разных уголков страны, а Харьков превратился в один из самых мощных образовательных и научных центров империи, осуществляющих подготовку специалистов различных областей науки и промышленности.

Список источников

1. Биографический словарь профессоров и преподавателей. Харьков, б. г., 388.

2. Высшие женские курсы, учрежденные Обществом взаимопомощи трудящихся женщин. Отчет за 1915 г. 1916. Харьков, Тип. Дрейшпуля, 25.

3. Государственный архив Харьковской области (ГАХО).

4. Літературна Харківщина: Довідник. 1995. За загальною ред. М.Ф. Гетьманца. Харків, Майдан, 368.

5. Отчет Харьковских Высших Коммерческих курсов Харьковского купеческого общества за 1914–1915 учебный год. 1915. Харьков, Тип. Шмерковича, 30.

6. Россия. Законы и постановления. Законы о состояниях по изданию 1857 г. и продолжениями 1863 и 1864 годов. 1868. Т. 9. М., Тип. Рис., 519.

7. Свод законов Российской империи издания 1857 г. Уставы о службе гражданской. 1857. Спб., Тип. 2 Отд. собств. его импер. велич. канцелярии, 384.

[53] ГАХО, ф. 201, оп. 1, д. 1, л. 5, 6, 41.
[54] ГАХО, ф. 770, оп. 1, д. 650, л. 59.

8. Список студентов Харьковского Ветеринарного Института. 1910–1911 учебный год. 1910. Харьков, Тип. Дарре: 1–72.

9. Харьковский календарь на 1884 г. 1884. Под ред. Г.С. Ефименко. Харьков, Изд-во Хар. губ. стат. ком-та, 420.

Список литературы

1. Багалей Д.И., Миллер Д.П. 1912. Т. 2. История города Харькова за 250 лет его существования. 1655–1905. Харьков, Тип. и литогр. М. Зильберберга и С-вья, 973.

2. Багалей Д.И. 1908. Т.2. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). С приложением портретов и планов. 1815–1835. Харьков, Тип. Зильберберга, 72.

3. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования. 1805–1905.1908. Под ред. М.Г. Халанского и Д.И. Багалея. Харьков, Тип. Зильберберга, 390.

4. Лебедев А.С. 1886. Харьковский коллегиум как просветительный центр Слободской Украины до учреждения в Харькове университета. М., Издательство Имп. Общ-ва истории и древностей российских при Московском университете, 103.

5. Медицинский факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования. 1805–1905. 1906. Под ред. И.П. Скворцова и Д.И. Багалея. Харьков: Тип. Дарре, 314.

6. Мухіна І.Г. 2006. Участь національних меншин у суспільно-політичному та економічному житті Харківської губернії (XIX – початок XX ст.): Дис… канд. іст. наук. Харків, 204.

7. Пять лет из истории Харьковского университета. Воспоминания профессора Роммеля о своем времени, о Харькове и Харьковском университете. 1868. Харьков, Тип. Счасни, 110.

8. Риттих А.Ф. 1880. Этнографический очерк Харьковской губернии. Харьковские губернские ведомости. № 170, 172.

9. Физико-математический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования. 1805–1905. 1908. Под ред. И.П. Осипова и Д.И. Багалея. Харьков, Тип. Дарре, 248.

10. Халанский М.Г. 1908. Опыт истории историко-филологического факультета Императорского Харьковского университета. Харьков, тип. Зильберберга, 112.

11. Харківський Національний університет ім. В.Н. Каразіна за 200 років. 2004. За ред. В.С. Бакірова, В.М. Духопельникова, Б.П. Зайцева та ін. Харків, Фоліо, 750.

12. Цвиркун В.П. 1984. Переселение из Юго-Восточной Европы в Россию в XVIII в. Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев: 44–46.

References

1. Bagalej D.I., Miller D.P. 1912. T.2. Istoriya goroda Har'kova za 250 let ego sushchestvovaniya. 1655–1905 [History of the city of Kharkov for 250 years of its existence. 1655–1905]. Har'kov, Tip. i litogr. M. Zil'berberga i S-v'ya, 973.

2. Bagalej D.I. T.2. 1908. Opyt istorii Har'kovskogo universiteta (po neizdannym materialam). S prilozheniem portretov i planov. 1815–1835 [The experience of the history of Kharkiv University (based on unpublished materials). With the attachment of portraits and plans. 1815–1835]. Har'kov, Tip. Zil'berberga, 72.

3.Istoriko-filologicheskij fakul'tet Har'kovskogo universiteta za pervye 100 let ego sushchestvovaniya. 1805–1905. Pod red. M.G. Halanskogo i D.I. Bagaleya [Historical and Philological Faculty of Kharkov University for the first 100 years of its existence. 1805–1905]. Har'kov, Tip. Zil'berberga, 1908.

4. Lebedev A.S. 1886. Har'kovskij kollegium kak prosvetitel'nyj centr Slobodskoj Ukrainy do uchrezhdeniya v Har'kove universiteta [Kharkiv Collegium as an educational center of Sloboda Ukraine before the establishment of a university in Kharkiv]. M., Izdatel'stvo Imp. Obshch-va istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete, 103 (in Russian).

5. Medicinskij fakul'tet Har'kovskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya. 1805–1905. Pod red. I.P. Skvorcova i D.I. Bagaleya [Medical Faculty of Kharkov University for the first hundred years of its existence. 1805–1905. Edited by I.P. Skvortsov and D.I. Bagaleya]. Har'kov, Tip. Darre, 314.

6. Muhina I.G. 2006. Uchast' nacional'nih menshin u suspil'no-politichnomu ta ekonomichnomu zhitti Harkivs'koï gubernii (XIX – pochatok XX st.) [Participation of national minorities in the socio-political and economic life of the Kharkiv province (XIX – early XX century)]: Dis… kand. ist. nauk: 07.00.01. Harkiv, 204.

7. Pyat' let iz istorii Har'kovskogo universiteta. Vospominaniya professora Rommelya o svoem vremeni, o Har'kove i Har'kovskom universitete. 1868 [Five years from the history of Kharkov University. Memories of Professor Rommel about his time, about Kharkov and Kharkov University]. Har'kov, Tip. Schasni, 110.

8. Rittih A.F. 1880. Etnograficheskij ocherk Har'kovskoj gubernii. Har'kovskie gubernskie vedomosti. № 170, 172.

9. Fiziko-matematicheskij fakul'tet Har'kovskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya. 1805–1905. 1908. Pod red. I.P. Osipova i D.I. Bagaleya [Five years from the history of Kharkov University. Memories of Professor Rommel about his time, about Kharkov and Kharkov University. 1805–1905. Edited by I.P. Osipov and D.I. Bagaleya] Har'kov, Tip. Darre, 248.

10. Halanskij M.G. 1908. Opyt istorii istoriko-filologicheskogo fakul'teta Imperatorskogo Har'kovskogo universiteta [Khalansky M.G. 1908. The experience of history of the Faculty of History and Philology of the Imperial Kharkov University]. Har'kov, tip. Zil'berberga, 112.

11. Harkivs'kij Nacional'nij universitet im. V.N. Karazina za 200 rokiv. 2004. Edited by V.S. Bakirova, V.M. Dukhopelnikova, B.P. Zaitsev and others [Kharkiv National University named after V.N.Karazin for 200 years. Edited by V.S. Bakirova, V.M. Dukhopelnikov, B.P. Zaitseva and others]. Har'kov, Folio, 750.

12. Cvirkun V.P. 1984. Pereselenie iz Yugo-Vostochnoj Evropy v Rossiyu v XVIII v. Rossiya i Yugo-Vostochnaya Evropa [Resettlement from South-Eastern Europe to Russia in the XVIII century. Russia and Southeast Europe]. Kishinev: 44–46.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мухина Ирина Геннадьевна, преподаватель Инжинирингового колледжа НИУ БелГУ, кандидат исторических наук, доцент, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mukhina Irina Gennadievna, lecturer of the Engineering College, National Research University BelGU, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belgorod, Russia

УДК 94(47):342.5
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-794-802

«Сведущие люди» в Государственном совете второй половины XIX в.

Н.В. Черникова
Институт российской истории РАН,
Россия, 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
E-mail: ncher@inbox.ru

Аннотация. Государственный совет как высшее законосовещательное учреждение Российской империи играл при монархе роль консультанта по всем законодательным вопросам. Необходимым требованием при выполнении столь важной функции была тщательность рассмотрения министерских проектов вплоть до прогнозирования возможных последствий их применения. В ряде случаев выполнение этой задачи было невозможно без привлечения «сведущих людей» – экспертов. В статье на основании анализа широкого круга источников проанализировано содержание понятия «эксперты» во второй половине XIX в., отношение к ним в Государственном совете, значение их участия в его заседаниях. Автор приходит к выводу, что, несмотря на усложнение стоявших перед Советом задач, отношение к институту экспертов не менялось и их потенциал не был использован в полной мере.

Ключевые слова: Российская империя, Государственный совет, законодательные проекты, эксперты, чиновники.

Для цитирования: Черникова Н.В. 2020. «Сведущие люди» в Государственном совете второй половины XIX в. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 794–802. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-794-802.

Experts («Svedushhie ljudi») in the State Council of the second half of the XIX century

Natalya V. Chernikova
Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
19 Dm. Ulianova St., Moscow, 117292, Russia
E-mail: ncher@inbox.ru

Abstract. The State Council was the highest legislative authority of Russian Empire. Although its function was purely advisory, the quality of managerial decisions highly depended on it. So, thoroughness of its work was an important requirement for the Council. And the use of experts served as one of the ways to reach it. Experts (or «svedushhie ljudi») might be of different social position but they had to be able to provide professional conclusions on planned projects. Their opinions were important and could even change final decisions of the Council but in the same time they had a second-rate position: they weren't present during discussions and have no right to vote. Their invitation wasn't governed by any law and depended on the willingness of officials. Increasing complexity of state administration didn't modify the status of the experts. They continued to be treated as an alien transplant for bureaucratic system and none of projects of State Council reform raised this issue. So, the problem of involvement of local figures in the state administration couldn't be solved through experts.

Keywords: Russian Empire, State Council, legislative projects, experts, officials.

For citation: Chernikova N.V. 2020. Experts («Svedushhie ljudi») in the State Council of the second half of the XIX century. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 794–802 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-794-802.

Главной функцией Государственного совета как высшего законосовещательного собрания Российской империи был анализ министерских законопроектов с самых разных ракурсов. Здесь обсуждались необходимость и важность нового закона, обоснованность заложенного в проекте подхода к разрешению той или иной проблемы, его сочетание с существующим законодательством и тенденциями развития страны в целом. Предполагалось, что опытность членов Государственного совета поможет им всесторонне проанализировать проект, учесть все нюансы, предусмотреть все последствия введения нового положения и обеспечить его успешное применение.

Тщательность работы была основным требованием, которое предъявлялось к Совету верховной властью. Император в тонкости проекта не вникал – он просто не имел для этого возможностей. И упущения Совета могли привести к необходимости пересмотра дела. Известен случай, когда в 1831 г. единогласно одобренное Советом представление министра финансов о повышении таможенных пошлин вызвало на практике много недоразумений. Николай I, изъявляя «чувство прискорбия и неудовольствия» неосмотрительностью членов, писал по этому поводу в собственноручном рескрипте на имя председателя Совета графа В.П. Кочубея, что считал себя «вправе надеяться, что Государственный совет, составленный из людей, заслуживших Мое особенно благоволение, никогда не ослабнет в усилиях и старании избегать всего, могущего навлечь на него нарекание в неосмотрительности» [Государственный совет. 1801–1901. 1901. с. 78–79].

Это стало серьезным уроком для членов Совета. Как отмечал в дневнике Е.А. Перетц, дела в Государственном совете рассматривались «насколько возможно для людей преимущественно кабинетных – очень основательно» [Перетц Е.А. 1927, с. 19. Запись 5 января 1881 г.]. Может быть, поэтому во второй половине века таких неприятностей уже не случалось.

Одним из приемов, способствовавших качеству анализа законопроектов, было участие в заседаниях департаментов Совета «сведущих людей» – экспертов. Их приглашение было разрешено еще в 1827 г. В Учреждение Государственного совета 1842 г. эта статья вошла под № 12. Выбор экспертов ничем ограничен не был, поскольку главное требование состояло в том, что от них «по свойству дела можно ожидать полезных разъяснений». [Учреждение Государственного совета, 1842].

Как выразился однажды государственный секретарь А.А. Половцов, «медные пуговицы чиновничьего вицмундира никак не дают разносторонности, а между тем дела Совета не только разносторонни, но всесторонни» [Половцов, 1966, с. 183. Запись 16 февраля 1884]. Члены Совета, несмотря на свою опытность, конечно, не могли обладать всеобъемлющими знаниями. А быстро развивающаяся экономическая сфера вообще была им мало известна. Этот недостаток и должны были восполнить эксперты. Кроме того, от них ожидали сведений о положении дел на местах и возможных перспективах и результатах применения той или иной меры.

Институт экспертов привлекал повышенное внимание еще современников. Участие в заседаниях высшего законосовещательного органа нечиновного элемента, казалось, открывало многообещающую перспективу для дебюрократизации государственного управления и даже закладывало основу для развития зачатков народного представительства. Именно с такого ракурса рассматривала институт экспертов и последующая историография, особое внимание уделявшая разнообразным проектам введения в состав Государственного совета «общественного» элемента [Зайончковский, 1964, с. 419; Чернуха, 1878, с. 35, 58–59; Воронин, 2008, с. 30–31; Барыкина, 2016, с. 75, 95]. В то же время организация участия экспертов в работе Совета осталась фактически за гранью исследований, а роль «сведущих людей» при обсуждении законопроектов упоминалась лишь вскользь, как незначительная [Кочаков, 1941, с. 97; Соловьев, 2018, с. 143–144]. Между тем, эта форма государственной экспертизы с привлечением практиков разных социальных, общественных и служебных положений представляет собой интересный опыт анализа законопроек-

тов, потенциал которого требует дальнейшего изучения. Для решения этой задачи нами были использованы данные разных типов источников: не только законодательства и материалов личного происхождения (писем, дневников, воспоминаний общественных и государственных деятелей), но, главным образом, делопроизводственной документации, в принципе недостаточно используемой при освещении этого сюжета.

Приглашение экспертов зависело от председателя Департамента, государственного секретаря и внесшего проект министра, а их количественный состав мог колебаться весьма значительно. В некоторых случаях достаточно было заключения даже одного человека, в других – требовалось мнение четырех-пяти лиц. А на заседании Соединенных департаментов 6 октября 1883 г., где обсуждался вопрос об учреждении русско-американского общества товарных складов с зерноподъемами (речь шла об элеваторах), присутствовали 15 (!) экспертов [Половцов, 1966, с. 121. Запись 6 октября 1883].

Среди «сведущих людей» встречались люди очень разных социальных положений – чиновники высоких рангов, ученые, фабриканты, представители земства и дворянских обществ, общественные деятели. По некоторым вопросам в этой роли могли выступать даже члены императорской фамилии.

Для общественных деятелей приглашение в Государственный совет было событием, о котором даже писали газеты. Так, «Новое время» сообщало своим читателям в 1887 г., что «Московский городской голова приглашен для присутствования 3 января в Государственном совете по случаю назначенного на этот день обсуждения вопроса о передаче находящихся в Москве заведений приказа общественного призрения в ведения местного городского общественного управления» [Новое время, 1887, с. 3].

Для большинства выступление в качестве экспертов было исключительным событием. Новизна и торжественность обстановки, высокий статус собрания не могли не вызвать волнения. Приглашенный в 1868 г. на заседание Совета по тарифному вопросу московский предприниматель Н.А. Найденов вспоминал о своих переживаниях, когда наступила его очередь говорить. «Должен сознаться, – писал он, – что у меня явилось ощущение, которого я не испытывал со времени училищных экзаменов; затряслись поджилки; я старался лишь не потерять нити, не пропустить чего-либо необходимого» [Найденов, 1905, с. 88].

Временами такая нервозность приводила к тому, что, как указывал К.П. Победоносцев, эксперты говорили «слишком надуто и торжественно, недовольно естественно и близко к сущности вопроса» [Половцов, 1966, с. 457.]. Другие держали себя с достоинством. Описывая заседание Соединенных департаментов 13 марта 1882 г. по вопросу о регулировании работ на фабриках, И.А. Шестаков отмечал участие множества экспертов: «Сан-Галли, московские – Морозов, Алексеев, Дмитриев, Кайданов. Меня порадовали их логичность, уменье говорить и непринужденность» [Шестаков, 2014, с. 22].

Состав экспертов формировался так, чтобы среди них по возможности были представители разных мнений и всех заинтересованных сторон. В 1887 г., например, в связи с упразднением Петербургской адресной экспедиции и освобождением столичной полиции от взимания сборов в пользу города, городскому общественному управлению было поручено самостоятельно «установить взыскание» адресного, больничного и прописочного сборов [55]. Соответственно, в качестве экспертов на заседание Департамента законов были при-

[55] Адресный сбор взимался при прописке паспортов с лиц, находившихся на частной службе и занимающихся ремеслами при получении ими особых (адресных) билетов на жительство. С отменой адресных билетов в 1888 г. адресный сбор тем не менее сохранился и просуществовал до 1 января 1917 г. Больничный сбор собирался на устройство и содержание больницы для чернорабочих с лиц, уплачивавших адресный сбор по низшим, 4 и 5 разрядам, а также чернорабочих, освобожденных от уплаты адресного сбора. Прописочный сбор – еще один сбор в пользу города – взимался при «явке» (предъявлении) паспорта в полиции при приезде.

глашены градоначальник П.А. Грессер (как глава полиции) и городской голова Петербурга В.А. Лихачев [Отчет по Государственному совету за 1887 год, 1888, с. 7].

При подборе экспертов предпочтение отдавалось практикам – предпринимателям, представителям администрации и общественного управления. Но в случае новизны проблемы к ее обсуждению привлекались и ученые. В частности, они сыграли важную роль в 1884 г. при обсуждении проекта министерства государственных имуществ о регулировании лова волжской сельди. Этот вопрос тогда был новым, лов сельди только недавно стал одним из основных видов рыбного промысла на Волге. До этого он регулировался правилами, изложенными в Уставе каспийских рыбных и тюленьих промыслов и изданными еще в 1865 г. С приобретением ловом сельди самостоятельного значения эти правила устарели и не могли предотвратить непроизводительного истребления сельди в низовьях Волги и постепенного истощения ее запаса.

Участия экспертов потребовала уже разработка проекта, который первоначально обсуждался в Комитете каспийских рыбных и тюленьих промыслов при участии промышленников с верховьев и низовьев Волги и специально командированных ученых. Эти же категории экспертов, ученые и рыбопромышленники, были заслушаны и Соединенными департаментами законов, экономии и гражданским. И именно заключения специалистов легли в основу решения департаментов, которое затем было утверждено Общим собранием Государственного совета [Отчет по Государственному совету за 1884 год, 1886, с. 497–519].

В том случае, если по какой-то причине выбор экспертов казался неудачным, он легко корректировался. Так, осенью 1881 г. в Государственном совете рассматривался законопроект о понижении выкупных платежей. Весной этот вопрос уже обсуждался в Совете, а в летние месяцы распоряжением Александра III было созвано совещание министров внутренних дел, государственных имуществ и управляющего министерством финансов «при участии» приглашенных по их выбору «земских экспертов» «из наиболее известных и сведущих практических деятелей разных оттенков и из разных частей государства» [Перетц, 1927, с. 97]. В качестве таковых выступили губернский предводитель дворянства, один действующий и один бывший уездный предводитель дворянства, 4 председателя губернских земских управ, 4 гласных губернских земских собраний и президент Московского общества сельского хозяйства, всего 12 человек. Правда, на деле ни о какой совместной работе экспертов с министрами речь не шла и права голоса в совещании они не получили. Просто результаты работы экспертов были обсуждены министрами и уже в их редакции представлены на обсуждение Государственного совета [Отчет по Государственному совету за 1881, 1883, с. 136–142]. Однако, поскольку среди экспертов не было единогласия, представители разных мнений были приглашены на заседание Совета в качестве «знающих людей».

Составлением списка приглашенных занимался министр внутренних дел Н.П. Игнатьев. Он даже успел утвердить его у императора и продолжал настаивать на своей правоте и после того, как государственный секретарь Е.А. Петерц указал ему на неудачный выбор экспертов для Совета: большинство комиссии было представлено, значительное меньшинство – гораздо слабее, а имевшее существенное значение особое мнение не представлено вообще. Упорство министра стало причиной специального совещания у председателя Государственного совета вел. князь Михаила Николаевича председателей департаментов и государственного секретаря, на котором Игнатьев под сильным давлением согласился, что Михаил Николаевич передоложит императору этот уже утвержденный им вопрос. И хотя на следующий день Игнатьев отказался от своего слова, вопрос был передоложен и состав приглашенных в заседание Госсовета экспертов изменен в соответствии с распределением голосов в комиссии [Перетц, 1927, с. 99–100]. Таким образом, было достигнуто всестороннее и объективное освещение вопроса.

Это было тем более важно, что заключение экспертов могло влиять на мнение Совета. Так произошло, например, при обсуждении вопроса о сокращении рабочего дня для

работающих на фабриках детей и подростков в Соединенных департаментах Законов и Экономии в 1882 г. Согласно проекту, малолетние рабочие разделялись на две категории – с 12 до 14 и с 14 до 17 лет. В качестве экспертов выступали фабриканты и заводчики, которые настаивали на крайней сложности соответствующего разделения смен на практике и, кроме того, утверждали, что оно поведет к обесцениванию труда подростков. В результате Советом было решено ввести одни разряд несовершеннолетних рабочих – с 12 до 15 лет [Отчет по Государственному совету за 1884, 1886, с. 436–436].

В том же году в Совете обсуждался проект военного министра о приостановке действия Положения о земских учреждениях в Области Войска Донского. Совет склонялся к тому, чтобы во избежание излишней путаницы в переходный период не приостанавливать деятельность земств немедленно, а прямо перейти к новому порядку управления земскими делами, когда таковой будет выработан. Этому воспротивились приглашенные на заседание начальник Главного управления казачьих войск и помощник наказного атамана войска Донского. Они уверяли, что казачество, составлявшее 60 % населения области, крайне негативно относится к деятельности земств, считает ее не отвечающей действительным нуждам и интересам казаков, видит в ней главную причину постоянного роста налогового бремени и, что еще более важно, нарушение своих привилегий. При промедлении, утверждали эксперты, недовольство казачьего населения «легко может повлечь за собою неблагоприятные осложнения» [Отчет по Государственному совету за 1882 г., 1884, с. 35]. Эта точка зрения и легла в основу постановления Совета, одобрившего проект военного министра [Там же, с. 35–36].

Мнение экспертов, таким образом, нередко корректировало проект и этим немало способствовало успешному применению закона. В 1886 г. А.А. Половцов специально отметил важность приглашения экспертов (нескольких предводителей дворянства и губернаторов) на заседания департаментов, где обсуждался «чиншевой вопрос, весьма трудный к разрешению, будучи спутан историческим и юридическим, а может быть, еще и другими элементами, как национальный и социальный». И хотя министр внутренних дел граф Д.А. Толстой был недоволен этим вызовом, пишет Половцов, его результатом было то, что «это сложное дело было разрешено так, что за истекший с того времени год ниоткуда не слышно жалоб» [Половцов, 1966, т. 2, с. 37].

Вместе с тем необходимо заметить, что та роль, которую играли заключения экспертов, не гарантировала почтительного отношения к ним самим. Для Государственного совета «сведущие люди» были посторонним элементом, и разница их статуса с положением членов Совета всячески подчеркивалась.

В силу недостаточной разработки вопроса в литературе эксперты смешиваются с другой категорией лиц, которые, не будучи членами Совета, тем не менее присутствовали на его заседаниях [Соловьев, 2018, с. 143–144, 272]. Речь идет о непосредственно готовивших проект чиновниках – членах министерских комиссий, директорах департаментов и проч., приглашавшихся «для представления объяснений». Их сажали за особый стол рядом с чиновником Государственной канцелярии, который составлял журнал по данному проекту, и сразу после окончания рассмотрения «их» дела они должны были покинуть заседание. Положение этих лиц было наиболее бесправным – они не могли высказать свое мнение ни о проекте в целом, ни о его части, должны были отвечать только на поставленные вопросы, а если таковых не возникало, оставались безмолвными все заседание. В.И. Гурко даже заявляет, что присутствие их было почти бесполезно, поскольку их почти никогда ни о чем не спрашивали, а сами они говорить не имели права. Вопросы, если они были, как правило, адресовывались министру или замещавшему его товарищу. Передать вопрос своему подчиненному для них было бы равносильно признанию поверхностного знакомства с делом, хотя, конечно, во всех его нюансах и тонкостях они разбирались далеко не всегда. Последствием такого положения дел, по словам В.И. Гурко, было несоответствие объяснений «тем мотивам, которые легли в основу обсуждаемого правила, что

подчас и вызывало нетерпеливое и досадливое ерзание по стулу близко ознакомленного с делом, приглашенного для объяснений лица; случалось при этом, что лицо это вставало, подходило к своему шефу и что-то шептало ему на ухо, но тот обыкновенно лишь нетерпеливо от него отмахивался» [Гурко, 2000, с. 41].

Временами это сильно ослабляло позицию самого министра. Так, в 1890 г. во время обсуждения в Соединенных департаментах таблицы уроков в мужских гимназиях министр народного просвещения И.Д. Делянов встретился с сильной оппозицией проекту. От его министерства на заседании присутствовали два члена составившей проект Комиссии «по пересмотру планов и программ в мужских гимназиях и прогимназиях ведомства министерства народного просвещения» – директор Департамента народного просвещения Н.М. Аничков и директор историко-филологического института К.В. Кедров. «И Кедров, и я, конечно, ничего не могли сделать, – жаловался впоследствии Аничков товарищу министра М.С. Волконскому, – п[отому] ч[то] другие нас не спрашивали, а Ив. Д-ч предоставил Кедрову говорить два раза, и когда второй раз он стал возражать смело и решительно, то председатель предложил ему ответить на вопрос и только. Кроме того, я был хоть тем счастлив, что мое единственное разъяснение хоть отчасти приняли» [Аничков, 1890, л. 9 об. – 10].

Положение экспертов было иным. Они также сажались за особый стол, им давалась возможность сделать обстоятельный анализ и заключение по всему проекту, хотя их и предупреждали, что их «объяснения не должны быть слишком пространными, дабы не ослаблять внимания присутствующих» [Найденов, 1905, с. 87]. При этом само обсуждение проходило уже после их ухода [Журналы заседаний Особого совещания, 1878, л. 108 об.; Гурко, 2000, с. 42].

В ряде случаев обсуждение проекта в Государственном совете проходило не целиком, а по статьям, каждая из которых требовала заключения экспертов. Соответственно, и эксперты приглашались в заседание несколько раз. При обсуждении в 1868 г. проекта тарифа, например, эксперты входили и выходили из залы заседания трижды – при обсуждении вопросов о пошлинах на искусственную шерсть и пряжу, валяные ткани (суконные товары) и неваляные ткани [Найденов, 1905, с. 88–89].

В этом состояло основное различие между «сведущими людьми» и чиновниками, приглашаемыми «для справок». Первые имели возможность высказаться по проекту, пространно ответить на все заданные вопросы, но не участвовали в его обсуждении и даже не присутствовали на нем. Вторые должны были оставаться безмолвными свидетелями заседания и лишь кратко отвечать на обращенные к ним вопросы. Эта разница в положении экспертов и чиновников видна на примере известного химика Д.И. Менделеева, которого неоднократно приглашали дать экспертное заключение по вопросам, связанным с его научной деятельностью, в частности – при рассмотрении таможенных пошлин на химические продукты [Половцов, 1966, т. 2, с. 361]. Но в 1892 г. Менделеев был назначен управляющим Главной палатой мер и весов в Министерстве финансов. В этом качестве он был приглашен для объяснений и был «резко осажен одним из членов Совета за то, что захотел, не будучи к тому приглашен председателем, высказаться по поводу одной из статей разработанного им и обсуждавшегося проекта нового положения о мерах и весах» [Гурко, 2000, с. 41].

Несколько приниженное положение экспертов не было особенностью Государственного совета. Точно такое же отношение встречали они во многочисленных ведомственных и межведомственных комиссиях, куда приглашались при разработке или обсуждении готовящихся проектов. Основной причиной этого было то, что в глазах чиновников эксперты представляли собой посторонний и потому не вполне равноправный элемент.

Правда, временами соблюдение дистанции осложнялось тем, что многие комиссии и совещания собирались не в помещениях присутственных мест, а на квартирах их председателей. Весной 1878 г. председатель одного и таких совещаний (Особого совещания «для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи»), П.А. Валуев, даже предложил перенести очередное заседание «в залу Комитета министров как

комнату официальную». Основанием к этому стало планировавшееся приглашение на это заседание для объяснений заведовавшего Женскими медицинскими курсами главного военно-медицинского инспектора Н.Н. Козлова [Журналы заседаний Особого совещания, 1878, л. 47 об.].

Как и в Совете, участие экспертов в совещаниях сводилось к высказыванию заключения по тому или иному вопросу. Права голоса они не имели и окончательно решение им не принадлежало. Это касалось даже целых экспертных комиссий. В частности, как мы видели, лишь вспомогательное значение имело совещание экспертов, рассматривавшее летом 1881 г. проблему распределения по губерниям сумм понижения выкупных платежей. Не менее широко известна «сессия» экспертов (в ней участвовали уже 32 человека), организованная министром внутренних дел Н.П. Игнатьевым осенью того же года и занимавшаяся питейным и переселенческим вопросами [Зайончковский, 1964, с. 419–422, 430–431].

Занятия этих широко разрекламированных еще Игнатьевым совещаний часто расцениваются как опыт привлечения общественности к рассмотрению государственных реформ. Однако в обоих случаях речь шла не о подготовке самостоятельных проектов, а лишь о заключениях, которые затем поступали в бюрократические структуры. Такой порядок в то время считался единственно верным и отступления от него были редчайшим исключением. Предоставление экспертам права голоса наряду с представителями ведомств, как это было сделано в Комиссии для пересмотра системы податей и сборов, было, по мнению современника, «не совсем правильно» [Веселовский, л. 537].

Тем более недопустимым считалось расширение традиционных прав экспертов, приглашавшихся в высший законосовещательный орган империи. Любые попытки такого рода сразу пресекались. В 1890 г. Делянов просил пригласить в заседание Совета профессоров Петербургского университета И.В. Помяловского и П.В. Никитина. Особенность этой просьбы заключалось в том, что речь шла не о том заседании, где вопрос обсуждался и эксперты могли бы дать необходимые справки, а о том, где заслушивался журнал о числе уроков латинского и греческого языков. Поскольку участие экспертов в обсуждении журнала было недопустимо, Делянов получил решительный отказ [Половцов, 1966, т. 2, с. 283].

Жесткое ограничение прав и возможностей экспертов заставило Половцова даже заметить, что «не всякий и пожелает быть приглашенным на таких условиях» [Половцов, 1966, т. 2, с. 361].

Приглашение экспертов с правом голоса носило исключительный характер. За вторую половину XIX в. (до конца царствования Александра III), например, это случилось лишь однажды: в 1891 г. эксперты были приглашены в образованное на правах департамента Совета Присутствие для предварительного рассмотрения, внесенного министром государственных имуществ проекта правил об охоте [Высочайшее повеление, 1891, л. 161 об.]. Правда, в качестве «специально знакомых с этим вопросом» лиц в этом случае выступали люди довольно высоких положений, хотя и не состоявшие членами Совета: вел. кн. Николай Николаевич (младший), сенатор генерал-адъютант Г.С. Голицын и начальник Главного управления уделов генерал-лейтенант князь Л.Д. Вяземский. По специальному письменному докладу вел. князя Михаила Николаевича и ходатайству государственного секретаря А.А. Половцова император разрешил предоставить им право голоса в Присутствии [Половцов, 1966, т. 2, с. 361, 362].

Позже этот случай стал тем прецедентом, на который ссылались уже в царствование Николая II, когда такие разрешения стали более частыми [Деев, 2002, л. 69]. В 1901 г. при подготовке, в связи со столетним юбилеем Государственного совета, его нового Учреждения, составители этого документа указывали, что в 1896–1900 гг. эксперты получали возможность полноправного участия в заседаниях Государственного совета 8 раз [Объяснительная записка, 1900, л. 36–36 об.]. Исходя из этого, предлагалось внести в новое Учреждение пункт о возможности приглашения компетентных лиц с правом голоса,

каждый раз с высочайшего разрешения. Однако сделано этого не было, принципиальная разница в статусе членов Совета и приглашавшихся на его заседания лиц была сохранена.

Это обстоятельство нельзя рассматривать как случайное. Бюрократическая система основывалась на строгой иерархичности и субординации. Эти принципы оставались неизменными даже в проектах довольно кардинальных реформ, появлявшихся на протяжении второй половины XIX в. Соответственно, предложения П.А. Валуева (1863 г.), вел. кн. Константина Николаевича (1866 и 1880 гг.), М.Т. Лорис-Меликова (1881 г.) по привлечению представителей общества к обсуждению законопроектов и соответствующему преобразованию Государственного совета ни в коем случае не предполагали уравнения положения «старых» членов Совета с вводимым в его состав новым элементом [Конституционные проекты в России XVIII – начала XX в., 2010, с. 400–407, 408–440, 441–454, 466–472].

На фоне углубляющейся модернизации всех сфер жизни страны положение «сведущих людей» в государственных учреждениях оставалось неизменным. Их приглашение и состав по-прежнему зависели от желаний и даже настроений сановников, а заключения имели значение лишь в той степени, в какой принимались во внимание чиновными служащими государственных структур. Все это существенно сужало возможности института экспертов, способствовало не только сохранению, но со временем и возрастанию актуальности вопроса о более широком привлечении местных деятелей к участию в государственной жизни.

Список источников

1. Аничков Н.М. 1890. Письмо М.С. Волконскому от 14 апреля. ГА РФ. Ф. 1146. Оп. 1 Д. 170: 5–20 об.
2. Веселовский М.П. Записки. РО РНБ. Ф. 550. F. IV. № 861, 730 л.
3. Высочайшее повеление. 1891. 11 апреля. РГИА. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 150: 161 об.
4. Государственный совет. 1801–1901. 1901. СПб., Государственная типография, 264 с.
5. Гурко В.И. 2000. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., Новое литературное обозрение, 810 с.
6. Журналы заседаний Особого совещания «для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи». 1878. ГА РФ. Ф. 109. Оп. 163. Д. 502. Т. 1, 242 л.
7. Конституционные проекты в России XVIII – начала XX в. 2010. Сост. А.Н. Медушевский. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 640 с.
8. Найденов Н.А. 1905. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., Типолитография товарищества И.Н. Кушнерев и К. Т. 2, 170 с.
9. Новое время. 1887, 3896: 3.
10. Объяснительная записка к проекту учреждения Государственного совета. 1900. РГИА. Ф. 1162. Оп. 2. ОдГС. Д. 2: 36–36 об.
11. Отчет по Государственному совету за 1881 г. 1883. СПб., Государственная типография, 665 с.
12. Отчет по Государственному совету за 1882 г. 1884. СПб., Государственная типография, 319 с.
13. Отчет по Государственному совету за 1884 г. 1886. СПб., Государственная типография, 678 с.
14. Отчет по Государственному совету за 1887 год. 1888. СПб., Государственная типография, 862 с.
15. Перетц Е.А. 1927. Дневник государственного секретаря (1880–1883). М.-Л., Государственное издательство, 172 с.
16. Половцов А.А. 1966. Дневник государственного секретаря. М., Наука. Т. 1. 1883–1886, 551 с.; т. 2. 1887–1892, 578 с.
17. Учреждение Государственного совета. 1842. Полное собрание законов. Собр. 2. Т. 17. СПб. Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 15518: 282–298.

18. Шестаков И.А. 2014. Полвека обыкновенной жизни. Дневники (1882−1888). СПб., Судостроение, 600 с.

Список литературы

1. Барыкина И.Е. 2016. Между самодержавием и автократией (Внутренняя политика Российской империи второй половины XIX в.: государственное управление и самодержавная власть. СПб., СПб АППО, 204 с.
2. Воронин В.Е. 2008. Политический кризис в России конца 1870-х гг. и способы его преодоления глазами высших государственных чиновников. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России», 1: 15–36.
3. Деев А.Ю. 2002. Государственный совет Российской империи, 1894–1905 гг. Дисс. … канд. полит. наук. М., МГУ, 327 с.
4. Зайончковский П.А. 1964. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., МГУ, 513 с.
5. Кочаков Б.М. 1941. Государственный совет и его архивные материалы. Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия «История», 8 (73): 75−104.
6. Соловьев К.А. 2018. Политическая система Российской империи в 1881−1905 гг.: проблема законотворчества. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 351 с.
7. Чернуха В.Г. 1978. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX в. Л., Наука, 248 с.

References

1. Barykina I.E. 2016. Mezhdu samoderzhaviem i avtokratiej (Vnutrennjaja politika Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX v.: gosudarstvennoe upravlenie i samoderzhavnaja vlast') [Between monocracy and autocracy (Domestic policy of the Russian Empire in the second half of the XIX century: public administration and autocratic power]. Saint Petersburg, SPb APPO, 204 p. (in Russian).
2. Voronin V.E. 2008. Politicheskij krizis v Rossii konca 1870-h gg. i sposoby ego preodolenija glazami vysshih gosudarstvennyh chinovnikov [Political crisis in Russia at the end of 1870s and ways of its overcoming in government camp representatives' point of view]. RUDN Journal of Russian history, 1: 15–36 (in Russian).
3. Deev A.Ju. 2002. Gosudarstvennyj sovet Rossijskoj imperii, 1894–1905 gg. [The State Council of the Russian Empire, 1894–1905]. *Ph.D.* dissertation in political science. Moscow, Moscow State University, 327 p. (in Russian).
4. Zaionchkovsky P.A. 1964. Krizis samoderzhavija na rubezhe 1870–1880-h godov [The Russian autocracy in crisis, 1878–1882]. Moscow, MGU, 513 p. (in Russian).
5. Kochakov B.M. 1941. Gosudarstvennyj sovet i ego arhivnye materialy. Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series «Istorija», 8 (73): 75−104 (in Russian).
6. Solov'ev K.A. 2018. Politicheskaja sistema Rossijskoj imperii v 1881−1905 gg.: problema zakonotvorchestva [The Political System of the Russian Empire in 1881–1905: the Problem of Law-Making]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (Rosspen), 351 p. (in Russian).
7. Chernuha V.G. 1978. Vnutrennjaja politika carizma s serediny 50-h do nachala 80-h godov XIX v. [Tsarism's domestic policy from the mid-50s to the early 80s. XIX century]. Leningrad, Science. 248. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черникова Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории России XIX – начала XX в. Института российской истории (РАН), г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya V. Chernikova, Ph. D in History, senior researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

УДК908:616.912 «18-19»
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-803-810

Создание и деятельность частной бесплатной женской профессиональной школы А.А. Машковцевой на территории Таврической губернии в конце XIX – начале XX вв.

В.А. Масленникова
Таврическая академия Крымского федерального университета имени Вернадского,
Россия, 295007, Симферополь, просп. Вернадского, 20
E-mail: Ms.Valeris@bk.ru

Аннотация. В селах Российской империи конца XIX в. у девочек, живущих в больших и в бедных семьях, зачастую не было возможности получить образование. Именно для помощи неимущим была открыта бесплатная женская профессиональная школа А.А. Машковцевой. В статье анализируются источники, которые затрагивали вопросы гендерного неравноправия в образовании на территории Таврической губернии, обоснование необходимости женского образования в целом. Информация о финансированиии и функционировании частной бесплатной женской профессиональной школы А.А. Машковцевой, представленная в статье, позволяет многосторонне оценить деятельность школы на территории Таврической губернии. Автор уделяет внимание поэтапному становлению школы, происходившему наряду с постепенным расширением курсов. В статье указывается, что данное образовательное учреждение было оценено населением как реальная поддержка жителей губернии. В статье дана оценка деятельности школы А.А. Машковцевой.

Ключевые слова: женщины, образование, Таврическая губерния, воспитание.

Благодарности: работа выполнена при поддержке А.А Задерейчук, к. и. н. Крымского федерального университета имени Вернадского.

Для цитирования: Масленникова В.А. 2020. Создание и деятельность частной бесплатной женской профессиональной школы А.А. Машковцевой на территории Таврической губернии в конце XIX – начале XX вв. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 803–810. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-803-810.

Creation and activity of a private free female professional school of A.A. Mashkovtseva on the territory of the Tavricheskaya province in the late XIX – early XX centuries

Valeria A. Maslennikova
V. A. Taurida Academy of the Vernadsky Crimean Federal University,
20 Ave. Vernadsky, Simferopol, 295007, Russia
E-mail: Ms.Valeris@bk.ru

Abstract. In the villages of the Russian Empire at the end of the XIX century girls living in large and poor families often did not have access to education due to its costliness. For such cases (to help the poor) the free female professional school of A.A. Mashkovtseva was opened. The article analyzes the sources that touch upon a subject of gender inequality in education on the territory of the Tauride province and the substantiation of the need for female education in general. The information on the financing and functioning of the private free female professional school of A.A. Mashkovtseva, provided in the article, allows us to esteem the school's activities on the territory of the Taurida province from all angles. The author pays attention to the gradual formation of the school, which took place along with the gradual

expansion of courses. The article indicates that this educational institution was assessed by the population as a real support of the inhabitants of the province.

Keywords: women, education, Tauride province, education.

Acknowledgements: This work was supported by A.A. Zadereichuk, Candidate of Historical Sciences, Vernadsky Crimean Federal University.

For citation: Maslennikova V.A. 2020. Creation and activity of a private free female professional school of A.A. Mashkovtseva on the territory of the Tavricheskaya province in the late XIX – early XX centuries. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 803–810 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-803-810.

Введение

Повышенное внимание к женскому образованию в Российской империи во многом спровоцировано осознанием «женского вопроса», распространившегося с 60-х гг. XIX вв. Проблемы доступности и распространения женского образования, борьбу с которыми объявляли выдающиеся умы Российской империи, и по сей день волнуют исследователей. Вовлечение женского населения в трудовые отношения повлияло на доступность профессиональной подготовки, расширив сеть женских образовательных учреждений. Важность существования ремесленных школ не подвергалась сомнению, ведь овладевая ремеслом, девушки Таврической губернии обеспечивали свои потребности.

Данное исследование призвано систематизировать, расширить и дополнить историю частной бесплатной женской профессиональной школы А.А. Машковцевой как одного из важных центров обучения девушек на территории Таврической губернии. В связи с заданной целью анализируется историческая литература и источники, касающиеся ремесленного образования в Таврической губернии. Рассматриваются основные источники финансирования школы, благодаря которым появляется возможность говорить о признании школы земством. Раскрывается вопрос о поэтапном расширении школы и курсов, читавшихся ученицам. В исследовании продемонстрирована роль школы в жизни учениц посредством анализа отчетов о приходах и расходах, которые позволяют говорить о финансовой поддержке неимущих учащихся.

Объекты и методы исследования

Методологической основной исследования являлось применение диалектического и системного подхода. При написании данной работы использовались общие методы исторического исследования: использование многочисленных разнообразных источников и их анализ, историческое описание и историко-сравнительный анализ.

Прежде всего стоит указать на то, что основной пласт информации, касающийся финансирования, становления школы, педагогического состава, расширения образовательного процесса располагался в делопроизводственных источниках земского учреждения, а также в памятных книгах Таврической губернии. Источниковую базу исследования дополняют документы Российского государственного исторического архива, периодические издания Таврической губернии.

Объемный труд, изданный благодаря съезду русских деятелей по техническому и профессиональному образованию, рассматривал множество положений, касающихся различных вопросов о женских профессиональных училищах: от обзора необходимых предметов, до вопроса о развитии «чувства изящного» в ученицах школ [Съезд русских деятелей, 1890]. М.В. Кечеджи-Шаповалов указывал на тот факт, что определенные сословия не могли прийти к общему решению вопроса о женском образовании, таким образом, поднимался вопрос о существовании гендерного неравноправия в получении образования.

Он продемонстрировал, что в некоторых случаях «желание сословия находило препятствие по воле одного», – так, Таврическое дворянство в большинстве (126 голосов против 39) постановило вносить средства на Симферопольскую женскую гимназию, однако постановление два года не исполнялось по причине несогласия губернского предводителя дворянства, который считал, что женщинам не следует «излишне образовываться» [Кечеджи-Шаповалов, 1902, с. 135].

Одной из исследовательниц, которой принадлежит монументальный труд об истории женского образования в России, можно назвать Е.О. Лихачеву. В ее научном труде содержится множество материалов с комментариями автора за период с 1856 по 1880 гг. [Лихачева, 1901]. В.М. Хвостов тесно связывал женское образование с обретением обширных прав женщинами России. Так же автор, ссылаясь на нравственную философию, указал на то, что умственное развитие – не только право, но и обязанность женщины [Хвостов, 1905, с. 36]. К.В. Ельницкий освещает вопрос о значении педагогического образования [Ельницкий, 1912].

Исторический очерк деятельности школы А.А. Машковцевой вносит ясность в некоторые аспекты существования частной бесплатной женской профессиональной школы [Симферопольская женская, 1916]. В постановлениях Симферопольского уездного земского собрания раскрываются вопросы о финансировании школы, представлены отчеты о приходах и расходах частной бесплатной профессиональной женской школы. Следует указать на то, что периодически публиковались доклады о школе А.А. Машковцевой, в которых были произведены анализы существовавших в ней предметов, о проходивших экзаменах. Также стоит учесть, что в определенных отчетах было указано, какой слой населения получал образование в стенах частной профессиональной женской школы, и обосновывалось получение малоимущими ученицами дотаций в виде обуви, одежды и еды [Постановления, 1912, Памятная книжка, 1914. с. 55–57].

Информация о педагогическом составе содержится в Памятных книгах Таврической губернии [Адрес-календарь, 1913, с. 42; Памятная книжка Таврической губернии, с. 45]. Следует сказать, что педагогический коллектив школы был довольно велик по сравнению с другими школами Таврической губернии. В преподавательском составе значились законоучитель, учителя естествознания, искусств, пения, счетоводства, арифметики, также в школе числились 8 учительниц рукоделия. Текучесть кадров была минимальна.

В постреволюционной России отсутствуют исследователи, интересовавшиеся судьбой школы А.А. Машковцевой. Современные ученые лишь фрагментарно упоминают ее, так Д.А. Громова, анализируя профессиональный статус народной учительницы, указала на тот факт, что ученицы оставались в роли преподавательниц в своих же учебных заведениях, сославшись на частную бесплатную женскую профессиональную школу А.А. Машковцевой [Громова, 2016, с. 93]. Ученые Н.Ф. Дундук и Л.Л. Кузьмина, исследуя профессиональные учебные заведения Таврической губернии XIX – начала XX вв., указывают на школу А.А. Машковцевой как на самое известное ремесленное учебное заведение в Таврической губернии [Дундук, Кузьмина].

Результаты и их обсуждение

Частная бесплатная женская профессиональная школа была открыта под именем Анны Аркадьевны Машковцевой, которая до этого занималась в бесплатной школе грамоты г-жи Урлашевой в г. Симферополь. Стоит отметить, что А.А. Машковцева также являлась вольнослушательницей на Санкт-Петербургских высших женских курсах в 1893–1894 гг. [Н.А. Ветвеницкая, 1895, с. 51]. Вернувшись из Санкт-Петербурга, участвовала в спонсировании бесплатной школы грамотности г-жи Урлашевой, а в 1895 г. основала свою школу [Постановления, 1896, с. 60].

Стоит указать на тот факт, что финансирование школа получала от частных лиц, из общественных и казенных средств, как, например, от Министерства народного просвеще-

ния, Симферопольского городского управления [Постановления 6-го ноября 1909 года, 1910. с. 200]. Большую часть средств, вкладывала учредительница школы А.А. Машковцева [Постановления 6-го ноября 1909 года, 1910, с. 47–48]. В 1902 г. учредительница подала ходатайство о софинансировании школы Симферопольским земством в связи с растущими расходами, с которыми она столкнулась при введении новых отраслей профессионального обучения [Постановления, 1903, с. 251]. После ходатайства А.А. Машковцевой о пособии Уездное Земское собрание, приняв во внимание, что в заведении обучались дети беднейших жителей, удовлетворило ее просьбу [Постановления, 1903, с. 253]. Помимо этого, в школе устраивались вечера и выставки, позволяющие получать заказы и реализовать изготовленную ученицами продукцию [Отчет, 1909, с. 3; Происшествия, 1911, с. 3].

Возрастной состав поступавших в первый класс был практически однороден – девочкам было 12–14 лет. По наблюдениям педагогов, дети более младшего возраста с трудом усваивали материал, также у них отсутствовала усидчивость и сосредоточенность на предмете [Иванникова, 2016, с. 60].

Первоначально школа была открыта с тремя классами. Программа общеобразовательных предметов равнялась приблизительно программе двухклассных министерских школ. Прием в школу производился дважды в год – в конце мая и в конце августа. В I класс школы принимались по конкурсному отбору девочки по окончанию городских, земских, церковно-приходских школ с 4-х годичным курсом либо с соответствующей домашней подготовкой.

В 1899 г. был открыт IV класс, в 1904 г. – V. Курс общеобразовательных предметов к тому времени расширился до программ испытания на звание начальной учительницы. Те, кто желал получить данное звание, отдельно сдавали экзамен при гимназии. Так, в профессиональной школе девушки проходили весьма обширную практику по шитью, кройке и вышивке. С 1908 г. школа ввела специальность вязание, а по общеобразовательным предметам программу 4-х классов женской гимназии, постепенно пополнявшуюся следующими предметами: естествоведением с кратким курсом физики, общим курсом гигиены, куда входили анатомия, физиология, краткой геометрией, кратким очерком русской литературы, курсом рисования и черчения. В V классе были введены счетоводство, товароведение, школьная и ремесленная гигиена, педагогика, методика рукоделия, рисование, литература. Светское пение проходили во всех классах, духовное – с отдельными классами. Гимнастику проводили в первых трех классах. С 1912 г. был открыт VI класс с усиленными практическими занятиями для совершенствования навыков учениц. Здесь продолжалось изучение русской литературы, педагогики, рисования и черчения.

Религиозно-нравственному обучению уделяли особое внимание. Перед началом урока и в конце совершалась общая молитва. Утренняя молитва сопровождалась чтением Евангелия на русском и славянском языках. Ученицы в обязательном порядке посещали воскресные и праздничные службы. За 20 лет существования школы серьезных нарушений не было выявлено. Единственное, как указывали педагоги, что повторялось из года в год, – присвоение чужой собственности. Это явление наблюдалось в школе ежегодно и объяснялось главным образом с преобладанием малоимущих обучающихся. Присвоение чужой собственности, как считало руководство школы, в большинстве случаев не указывало на испорченность учениц, а являлось следствием нужды. Так, девушки заимствовали друг у друга завтраки, книги и прочее. Руководство школы, выдавая бесплатно все эти вещи неимущим, уменьшали вероятность воровства на территории образовательного учреждения.

При открытии школы в нее поступило 7 учениц, из года в год количество желающих обучаться в школе увеличивалось, кроме 1914 г. – военное время отразилось на населении. В газетах давали объявления о датах приемных экзаменов в профессиональной женской школе А.А. Машковцевой [Происшествия, Южные, 1909, с. 3]. На вступительные экзамены

являлось в 2–3 раза больше, чем школа могла принять, что свидетельствовало о чрезвычайной востребованности профессионального образования среди женского населения.

Окончившие курс девушки получали свидетельства об окончании школы и свидетельство из Ремесленной управы на звание подмастерья по платью и белью. В феврале 1908 г. школа получила право самим производить испытания учащихся и выдавать свидетельства на звания учительниц рукоделия в женских гимназиях и прогимназиях. К 1912 г. из 125 лиц, окончивших школу А.А. Машковцевой, 50 работали как мастерицы в различных местах, 23 девушки устроились учительницами, другие же устраивались в ясли, библиотеки, уходили в гувернантки [РГИА Ф. 1278. Оп. 6. Д. 185, с. 4] [56].

Для неимущего класса Профессиональная школа являлась важной ступенью для самостоятельной жизни, ведь именно школа давала возможность девушкам зарабатывать себе на пропитание. При школе имелась ученическая касса, созданная, как упоминалось педагогами, для развития сознания в ученицах пользы своевременно оказанной взаимной помощи. Средства кассы составляли 5 % от заработка мастерских и пожертвований учащихся. Пособия выдавались в случае крайней нужды: болезни, потери работы родителями. Некоторые ученицы прибегали в такой помощи довольно часто, однако большая часть пользовала эти средства в крайних случаях. Можно говорить о том, что взаимопомощь в основном оказывалась ученицам более старшего возраста, в среднем в размере 5 руб. в месяц [Симферопольское уездное земское, 1912, с. 55–57].

Школа А.А. Машковцевой в сознании малоимущего населения являлась «рукой помощи», ведь в целом по губернии образование было на платной основе. Средняя цена для обучения составляла в городских училищах 27 руб. 39 коп., в селах – 20 руб. 94 коп. в год, эти суммы были довольно ощутимы для местного населения [Постановления XXXII-го…, 1898, с. 226].

Руководство школы учитывало, что значительный процент обучаемых детей из неимущего класса, поэтому нуждающимся ученицам выдавали башмаки, галоши, материалы на форменное платье и горячий обед. В 1911 г. 30 учениц бесплатно обедали, помимо этого в течение всего года было выдано 35 пар башмаков и 32 пары галош [Симферопольское уездное земское, 1912, с. 55–57]. Из отчета о приходах и расходах школы следует, что требования неимущих учениц на обувь и одежду постоянно увеличивались, как и количество голодающих, поэтому субсидирование завтраков и одежды постепенно увеличивалось [Постановления 6-го ноября 1909 года, 1910, с. 48].

Следует учесть, что судьба школы на 1917 год остается неизвестной, скорее всего, из-за недостатка финансирования частная бесплатная женская профессиональная школа закрыла свои двери для девушек, желающих обучаться ремеслам. Так, по данным отчета Таврической дирекции о состоянии училищ за 1916 г. видно, что в Таврической губернии осталось 5 женских профессиональных школ [РГИА Ф. 733. Оп. 205. Д. 3229, с. 58] [57]. В целом количественные показатели образовательных учреждений для девушек с 1911 г. свидетельствуют о некотором сокращении профессиональных школ [Дундук, Кузьмина].

Заключение

Подводя итог, можно говорить о том, что частная бесплатная женская профессиональная школа А.А. Машковцевой, открывшая свои двери 19 февраля 1896 г. в г. Симферополь, пришла на помощь способным девушкам, не имевшим достаточного материального обеспечения для учебы. В целом на территории Таврической губернии существовало гендерное неравенство в доступности образования. В мальчиков охотнее вкладывали средства, ведь мужчина на ментальном уровне воспринимался как добытчик, способный поддержать семью в материальном плане. А вот девушек, имевших образование, было

[56] РГИА Ф. 1278. Оп. 6. Д. 185. Об отпуске из казны пособий.
[57] РГИА Ф. 733. Оп. 205. Д. 3229 Таврической дирекции о состоянии училищ за 1916 г.

меньше, как гласила поговорка – «дочка – отрезанный ломоть» [Полятус, 1909, с. 2]. Считалось, что девушка быстрее покидает отеческий дом, выходя замуж, именно поэтому вложение в ее образование было лишено смысла для большей части населения. Финансирование школы позволяло содержать малоимущих учениц, им выделяли одежду, обувь, деньги на завтраки. Имеющаяся при школе касса гарантировала поддержку ученицам, попавшим в тяжелую жизненную ситуацию.

Таким образом, представляется возможным говорить о том, что школа взяла на себя обязательства по воспитанию девушек из малоимущих семей, давала им возможность приобрести практические знания, которые обеспечивали им их существование.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность научному руководителю, кандидату исторических наук Алле Анатольевне Задерейчук.

Список источников

1. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1278. Оп. 6. Д. 185. Об отпуске из казны пособий.
2. РГИА Ф. 733. Оп. 205. Д. 3229 Таврической дирекции о состоянии училищ за 1916 г.

Список литературы

1. Адрес-календарь. 1913. Справочная книга Таврической губернии на 1913. Изд. тавр. губ. правления. Симферополь, Таврическ. Губернск. Типография, 423.
2. Громова Д.А. 2016. Социальный статус женщин-учителей народных училищ в России в конце XIX – начале XX веков: по материалам Таврической губернии. Диссертация ... кандидата исторических наук. М., 198.
3. Дундук Н.Ф., Кузьмина Л.Л. Профессиональные заведения Таврической губернии в XIX – нач. XX в. Статья. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/38417592.pdf (дата обращения: 23 июня 2020).
4. Ельницкий К.В. Значение педагогического образования для женщин как воспитательниц и учительниц детей. Киев, тип. акц. о-ва Н.Т. Корчак-Новицкого, 8.
5. Иванникова М.В. 2016. Из истории ремесленного образования в Крыму. Психология и педагогика в образовательной и научной среде: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (17 ноября 2016, г. Сургут). Стерлитамак: АМИ, 60.
6. Кечеджи-Шаповалов М.В. 1902. Женское движение в России и заграницей. СПб., тип. Спб. о-ва печ. дела в России Е. Евдокимов, 210.
7. Лихачева Е.О. 1901. Материалы для истории женского образования в России. СПб., Тип. М.М. Стасюлевича, 647.
8. Отчет. 1909. Южные ведомости. 39: 3.
9. Памятная книжка Таврической губернии на 1914 год. Симферополь, Таврическ. Губернск. Типография, 1914, 789.
10. Петербургские высшие женские курсы. Памятная книжка окончивших курс на Петербургских высших женских курсах. 1882–1889 г., 1893–1894 г. СПб., 1895, 112.
11. Полятус С. 1909. Речи по случаю семейных тождеств. Крымский шут. 28: 2.
12. Постановления XXXII-го очередного Симферопольского уездного земского собрания 1897 года и экстренных собраний 16-го декабря 1897 г. и 22-го января 1898 г. с приложениями. Симферополь, Губ. Тип., 1898, 416.
13. Постановления Симферопольского уездного земского собрания 44 очередной сессии 1909 года и чрезвычайных... 6-го ноября 1909 года, 17-го января и 23 марта 1910 г.: С прил. докладов и отчетов Управы. Симферополь, 1910, 615.
14. Постановления Симферопольского уездного земского собрания XXXVII очередной сессии 1902 года: С прил. докладов и отчетов Управы. Симферополь, 1903, 515.
15. Постановления Симферопольского уездного земского собрания. С прил. докладов и отчетов Управы. Симферополь, 1896, 432.

16. Постановления Симферопольского уездного земского собрания. С прил. докладов и отчетов Управы. Симферополь, 1912, 750.

17. Происшествия. 1909. Южные ведомости. 110: 3.

18. Происшествия. 1911. Южные ведомости. 36: 3.

19. Симферопольская женская профессиональная школа А.А. Машковцевой. Частная бесплатная женская профессиональная школа А.А. Машковцевой: Крат. очерк деятельности и состояние ее за двадцать лет существования (с 19 февр. 1896 г.). Симферополь, 1916, 67.

20. Симферопольское уездное земское собрание. Постановления Симферопольского уездного земского собрания...: С прил. докладов и отчетов Управы. Симферополь, 1867–1915. 21–27. 46 очередной сессии 1911 года и чрезвычайных... 10 и 11 декабря 1911 года, 31 марта и 31 июля 1912 г. 1912, 750.

21. Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. Труды Съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России. СПБ., Изд. под гл. ред. секретаря Съезда В.И. Срезневского, 1890, 458.

22. Хвостов В.М. 1905. Женщина накануне новой эпохи: два этюда по женскому вопросу. М., Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 101.

References

1. Adres-kalendar'. 1913. Spravochnaya kniga Tavricheskoy gubernii na 1913 [Address calendar. Reference book of the Tauride province for 1913]. Izd. tavr. gub. pravleniya. Simferopol', Tavrichesk. Gubernsk. Tipografiya, 423 (in Russian).

2. Gromova D.A. 2016. Sotsial'nyy status zhenshchin-uchiteley narodnykh uchilishch v Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov: po materialam Tavricheskoy gubernii [Social status of women teachers of public schools in Russia in the late XIX – early XX centuries: based on the materials of the Tauride province]. Dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk. M., 198 (in Russian).

3. Dunduk N.F., Kuzmina L.L. Professional institutions of the Tauride province in the XIX - early. XX century Article. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/38417592.pdf (accessed June 23, 2020).

4. El'nitskiy K.V. Znachenie pedagogicheskogo obrazovaniya dlya zhenshchin, kak vospitatel'nits i uchitel'nits detey [The importance of pedagogical education for women as educators and teachers of children]. Kiev, tip. akts. o-va N.T. Korchak-Novitskogo, 8 (in Russian).

5. Ivannikova M.V. 2016. Iz istorii remeslennogo obrazovaniya v Krymu [From the history of craft education in the Crimea]. Psikhologiya i pedagogika v obrazovatel'noy i nauchnoy srede: Mezhdunarodnoe nauchnoe periodiche-skoe izdanie po itogam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Psychology and pedagogy in the educational and scientific environment: International scientific periodical based on the results of the International Scientific Practical Conference] (17 noyabrya 2016, g. Surgut). Sterlitamak: AMI, 60 (in Russian).

6. Kechedzhi-Shapovalov M.V. 1902. Zhenskoe dvizhenie v Rossii i zagranitsey [Women's movement in Russia and abroad]. SPb., tip. Spb. o-va pech. dela v Rossii E. Evdokimov, 210 (in Russian).

7. Likhacheva E.O. 1901. Materialy dlya istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii [Materials for the history of women's education in Russia]. SPb., Tip. M.M. Stasyulevicha, 647 (in Russian).

8. Otchet [Report]. 1909. Yuzhnye vedomosti. 39: 3 (in Russian).

9. Pamyatnaya knizhka Tavricheskoy gubernii na 1914 god [Memorial book of the Tauride province for 1914]. Simferopol', Tavrichesk. Gubernsk. Tipografiya, 1914, 789 (in Russian).

10. Peterburgskie vysshie zhenskie kursy. Pamyatnaya knizhka okonchivshikh kurs na Peterburgskikh vysshikh zhenskikh kursakh. 1882–1889 g., 1893–1894 g. [Petersburg Higher Women's Courses. Memorial book of those who graduated from the course at the St. Petersburg Higher Women's Courses. 1882–1889, 1893–1894] SPb., 1895, 112 (in Russian).

11. Polyatus S. 1909. Rechi po sluchayu semeynykh tozhdestv [Speeches on the occasion of family identities]. Krymskiy shut. 28: 2 (in Russian).

12. Postanovleniya XXXII-go ocherednogo Simferopol'skogo uezdnogo zemskogo sobraniya 1897 goda i ekstrennykh sobraniy 16-go dekabrya 1897 g. i 22-go yanvarya 1898 g. s prilozheniyami [Resolutions of the XXXII regular Simferopol district zemstvo assembly of 1897 and emergency meetings of December 16, 1897 and January 22, 1898 with annexes]. Simferopol', Gub. Tip., 1898, 416 (in Russian).

13. Postanovleniya Simferopol'skogo uezdnogo zemskogo sobraniya 44 ocherednoy sessii 1909 goda i chrezvychaynykh... 6-go noyabrya 1909 goda, 17-go yanvarya i 23 marta 1910 g.: S pril.

dokladov i otchetov Upravy [Resolutions of the Simferopol District Zemstvo Assembly of the 44th regular session of 1909 and extraordinary... November 6, 1909, January 17 and March 23, 1910: From attached reports and reports of the Office]. Simferopol', 1910, 615 (in Russian).

14. Postanovleniya Simferopol'skogo uezdnogo zemskogo sobraniya XXXVII ocherednoy sessii 1902 goda: S pril. dokladov i otchetov Upravy [Resolutions of the Simferopol District Zemstvo Assembly XXXVII regular session of 1902: From attached reports and reports of the Office]. Simferopol', 1903, 515 (in Russian).

15. Postanovleniya Simferopol'skogo uezdnogo zemskogo sobraniya. S pril. dokladov i otchetov Upravy [Resolutions of the Simferopol District Zemstvo Assembly. With the attached reports and reports of the Office]. Simferopol', 1896, 432 (in Russian).

16. Postanovleniya Simferopol'skogo uezdnogo zemskogo sobraniya. S pril. dokladov i otchetov Upravy [Resolutions of the Simferopol District Zemstvo Assembly. With the attached reports and reports of the Office]. Simferopol', 1912, 750 (in Russian).

17. Proisshestviya [Incidents]. 1909. Yuzhnye vedomosti. 110: 3 (in Russian).

18. Proisshestviya [Incidents]. 1911. Yuzhnye vedomosti. 36: 3 (in Russian).

19. Simferopol'skaya zhenskaya professional'naya shkola A.A. Mashkovtsevoy. Chastnaya besplatnaya zhenskaya professional'naya shkola A.A. Mashkovtsevoy: Krat. ocherk deyatel'nosti i sostoyanie ee za dvadtsat' let sushchestvovaniya (s 19 fevr. 1896 g.) [Simferopol Women's Professional School A.A. Mashkovtseva. Private free female professional school A.A. Mashkovtseva: Krat. an outline of the activity and its state over twenty years of existence (from February 19. 1896)]. Simferopol', 1916, 67 (in Russian).

20. Simferopol'skoe uezdnoe zemskoe sobranie. Postanovleniya Simferopol'skogo uezdnogo zemskogo sobraniya...: S pril. dokladov i otchetov Upravy [Simferopol district zemstvo assembly. Resolutions of the Simferopol District Zemstvo Assembly...: From attached reports and reports of the Office]. Simferopol', 1867–1915. 21–27. 46 ocherednoy sessii 1911 goda i chrezvychaynykh... 10 i 11 dekabrya 1911 goda, 31 marta i 31 iyulya 1912 g. 1912, 750 (in Russian).

21. S"ezd russkikh deyateley po tekhnicheskomu i professional'nomu obrazovaniyu. Trudy S"ezda russkikh deyateley po tekhnicheskomu i professional'nomu obrazovaniyu v Rossii [Congress of Russian Figures on Technical and Vocational Education. Proceedings of the Congress of Russian Figures on Technical and Vocational Education in Russia]. SPB., Izd. pod gl. red. sekretarya S"ezda V.I. Sreznevskogo, 1890, 458 (in Russian).

22. Khvostov V.M. 1905. Zhenshchina nakanune novoy epokhi: dva etyuda po zhenskomu voprosu [Woman on the eve of a new era: two studies on the female issue]. M., Tip. G. Lissnera i D. Sovko, 101 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Масленникова Валерия Андреевна, аспирант кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского г. Симферополь, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maslennikova Valeria Andreevna, Ph. D. student of the Department of Russian History of the Tauride Academy of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia

УДК 355:94 (470) ”19”
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-811-817

«Постойная повинность есть, конечно, одна из самых тягостных для граждан». Постойная повинность и строительство казарм в Российской империи второй половины XIX века

А.С. Орлов
Академия федеральной службы охраны Российской Федерации,
Россия, 302015, г. Орел, ул. Приборостроительная, 35
E-mail: Orlov-orl@mail.ru

Аннотация. В данной статье на основе анализа повременных изданий Российской империи второй половины XIX века рассматривается вопрос преобразования постойной повинности и строительства казарм для русской армии. Постой являлся одним из наиболее тяжелых налогов (наиболее тяжелым бременем) для податных сословий. Во второй половине XIX века правительство Российской империи прилагало усилия для облегчения отбывания данной повинности простым населением. Строилось незначительное количество специальных помещений для войск. В период «великих реформ» императора Александра II работала комиссия для пересмотра системы податей и сборов. Однако комиссия не смогла кардинальным образом изменить систему отбывания постоя и освободить податные сословия от отбывания повинности натуральным образом. С 1882 года в Российской империи началось активное строительство казарменных помещений для армии. И в результате этого к началу XX века правительство полностью перевело армию на казарменное положение, тем самым освободив податные сословия от постойной повинности.

Ключевые слова: Александр II, военная реформа, «Московские Ведомости», «Голос», «Биржевые Ведомости», «Новое Время», «Гражданин», «Отечественные записки».

Для цитирования: Орлов А.С. 2020. «Постойная повинность есть, конечно, одна из самых тягостных для граждан». Постойная повинность и строительство казарм в Российской империи второй половины XIX века. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 811–817. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-811-817.

«Free quarter is definitely one of the heaviest duties for citizens». Free quarter and barracks building in the Russian Empire of the second half of the XIX century

Andrey S. Orlov
Russian Federation Security Guard Service Federal Academy,
35 Priborostroitel'naya St., Orel, 302015, Russia
E-mail: Orlov-orl@mail.ru

Abstract. The article analyzes the transformation of free quarter duty and the issue of building barracks for the Russian army through Russian publications of the second half of the XIX century. Free quarter was definitely one of the heaviest obligations for all groups of citizens. In the second half of the XIX century the government of the Russian Empire attempted to relieve common people of this burden. Special facilities for the army were built then, but there weren’t many of them. During the «great reforms» of Emperor Alexander II there worked a committee on revision of the system of duties and obligations. But it failed to significantly change free quarter system and relieve citizens of physical duties. However, starting from 1881 the Russian Empire began to actively build barracks for the army. As result,

by the beginning of the XX century the government managed to accommodate all army forces in barracks, thus entirely relieving the citizens of free quarter duty.

Keywords: Alexander II, military reform, «Moskovskie Vedomosti», «Golos», «Birzhevye Vedomosti», «Novoe Vremya», «Grazhdanin», «Otechestvennye zapiski».

For citation: Orlov A.S. 2020. «Free quarter is definitely one of the heaviest duties for citizens». Free quarter and barracks building in the Russian empire of the second haif of the XIX century. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 811–817 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-811-817.

Введение

60–70-е годы XIX века ознаменованы либеральными преобразованиями Александра II. В Российской империи происходил ряд крупных реформ, затрагивающих все сферы жизнедеятельности государства. После проигранной Крымской войны (1853–1856 гг.) стала очевидной необходимость коренных изменений в армии. В 1861 году на должность военного министра был назначен профессор Николаевской академии генерального штаба граф Д.А. Милютин, на которого и была возложена обязанность провести данные преобразования. В период проведения военной реформы сокращался количественный состав армии, открывались новые учебные заведения, расширялась подготовка кадров, территория страны была поделена на 15 военных округов, совершенствовалась система военного управления, армия перевооружалась по новому образцу, была введена всеобщая воинская повинность и пересмотрены сроки службы в армии. В период преобразований военному министру пришлось решать множество проблем. Одной из них являлась потребность в размещении войск в казармах и в пересмотре постойной повинности для населения [Зайончковский, 1952, с. 46]. Изменения, которые происходили в военном ведомстве, также влияли и на развитие Российского государства, в частности на эволюцию постойной повинности, которая играла большую роль во взаимоотношениях гражданского и военного населения Российской империи.

Постойная повинность или расквартирование войск по квартирам (домам) городских и сельских жителей явилась для государства наиболее дешевой формой содержания армии. Эта повинность носила натуральный характер, изначально была безденежной и являлась одной из самых тяжелых (наряду с рекрутской повинностью) из тех, что должно было нести податное сословие России. Данная проблема являлась одной из самых острых в течение XVIII–XIX веков. Квартирная повинность серьезно искажала социокультурное, социально-бытовое и демографическое развитие российского общества [Яковлева Л.Е., 2008, с. 3].

Объект и методы исследования

Методология исследования проблемы развития постойной повинности в Российской империи во второй половине XIX века автором основана на основополагающих принципах исторического познания: принципе историзма, объективности и системности. В процессе подготовки материалов статьи использовались методы компаративистского, хронологического анализа, а также метод статистики.

Результаты исследования

Вопрос о необходимости строительства казарм и размещения в них войск возник вместе с созданием регулярной армии Петром I. Однако в связи с достаточно напряженной военно-политической обстановкой размещение войск в казармах было затруднительным. Российской армии на протяжении XVIII века регулярно приходилось воевать и от-

стаивать внешнеполитические интересы страны, и она не могла иметь мест постоянной дислокации. К тому же государство постоянно стремилось сократить расходы на военную сферу, например, обязав простое население размещать у себя в домах солдат и офицеров без какой-либо платы. Военнослужащим в отсутствии учений и лагерных сборов приходилось располагаться в домах у городского и сельского населения, которое, помимо того, что должно было принимать у себя совершенно чужих людей, обязывалось еще и обеспечивать проживающих солдат и офицеров дровами, свечами, постельными принадлежностями и продовольствием. Наиболее обременительным военный постой был для простого мужика. «Прежде, в старину, когда, по слухам, и урожаи были обильнее и повинности собирались не в таком изобилии, как нынче, – мужики, говорят, были рады принять и угостить служилого человека» [Отечественные записки, 1870, № 2]. Но с увеличением налогового гнета у крестьянина стало меньше возможностей кормить за свой счет солдат, находящихся у него на постое. Поэтому приходилось мужику скрываться в собственном доме и принимать пищу тайком от солдат, дабы не кормить их. А плохо накормленный солдат становился зол и неуслужлив к хозяину дома и старался навредить ему.

В 1711 году создается квартирмейстерская служба, которая и занималась непосредственным размещением войск на постое. В 1716 году Воинский устав впервые подробно разъяснил систему размещения армии по квартирам. Изменения правовых норм, правил размещения войск в столицах и крупных городах империи подтолкнули власти к концу XVII столетия к строительству казарм. Еще при императоре Петре I предпринимались попытки устроить полковые слободы; при Екатерине II пытались устроить казармы для целых полков [Новое Время, 1875, № 244]. Источником финансирования были определены городские обыватели, в том числе и путем принуждения [Яковлева Л.Е., 2008, с. 3]. С этого времени государство стало больше внимания уделять постройке казарм.

В первой половине XIX века правительство стало понимать тяжесть постойной повинности для населения и стало предпринимать попытки реформирования данной системы. Но практически все проекты были отложены на неопределенный срок из-за отсутствия денег у государства, а также из-за тех войн, которые вела Российская империя.

Также в данный период утвердились две новые системы уравнивания военного постоя – это строительство казарм и выдача военнослужащим квартирных денег. Так, в первой половине XIX века произошли большие изменения в постойной повинности. К этому времени, по сравнению с XVIII веком, было построено большое количество казарменных помещений за государственный счет и частью за счет городских сумм в Санкт-Петербурге, Москве, Вильно и некоторых других городах, жители которых были полностью освобождены от военного постоя. В результате действий государства к третьей четверти XIX века казармы были построены только в 202 городах и местечках, и в них располагалось 209 000 генералов, штаб- и обер-офицеров и нижних чинов, т. е. 1/3 часть русской армии, а остальные 550 000 человек по-прежнему располагались в квартирах обывателей по городам и селам, причем на долю последних приходилось 1/3 часть [Новое Время, 1875, № 244].

Со второй половины XIX века регулирование расквартирования армии осуществлялось по положениям Устава о земских повинностях, который был издан в 1851 году. Пятая глава устава полностью регламентировала вопросы расквартирования войск [Свод законов Российской империи, 1857, Устав о земских повинностях, с. 67–120]. Однако на практике устав 1851 года имел много неточностей и недочетов. В результате чего податные сословия теперь должны были не только предоставлять войскам свои квартиры, но и сдавать определенную сумму денег на строительство инфраструктуры для войск. Также устав должен был способствовать равномерному распределению расквартировываемых войск среди населения. Но этого достичь так и не удалось. Таким образом, данный документ требовал во многом пересмотра и уточнения.

После проигранной Крымской войны и с началом либеральных преобразований Александра II началась деятельность Комиссии для пересмотра системы податей и сборов. Надо отметить, что военные преобразования нашей армии во второй половине XIX века органически вписываются в военные преобразования стран Европы, таких как Пруссия (которая являлась своеобразной «законодательницей мод» в вопросах реформирования армии), Англия, Франция, Австрия. Проводить данные преобразования было крайней необходимостью для Российской империи, так как наша страна в XVIII и XIX веках превратилась в «жандарма Европы» и без ее ведома не происходил ни один военный конфликт в Европе. Так, газета «Голос» в 1870 году отмечала, что военные преобразования в период царствования Александра II вдохнули в армию новую жизнь, и она стала сопоставима с лучшими европейскими армиями, однако для того чтобы эти изменения вошли «в плоть и кровь армии», нужно дать вооруженным силам «возможность организовываться согласно предпочтениям законодателя». Но это возможно лишь тогда, когда войска имеют такие же хорошие бытовые условия в казармах, как в Европе [Голос, 1870, № 357].

Таким образом, реорганизации военного постоя стали уделять еще больше внимания, что не могло не остаться незамеченным повременными изданиями того времени. На страницах таких газет и журналов, как «Голос», «Новое Время», «Московские ведомости», «Неделя», «Гражданин», «Биржевые ведомости», «Молва», «Отечественные записки», стали появляться статьи, посвященные данному вопросу.

Тяжесть отбывания постойной повинности для населения отмечалась российскими повременными изданиями. Так, «Отечественные записки» утверждали, что «должно признать вполне справедливым, что постойная натуральная повинность является совершенно отжившей свой век и служит препятствием к дальнейшему совершенствованию армии, а также и к нормальному развитию благосостояния народа, который нуждается в этом преобразовании едва ли не более всех» [Отечественные записки, 1866, № 2, с. 148].

Как мы уже сказали выше, постой в натуральном виде существовал отчасти и в тех городах, где жители согласились заменить его денежным сбором, но там это натуральный постой выражался в возмущающей форме: к домовладельцу, не уплатившему причитающегося с него сбора. Квартирная комиссия посылает на постой одного из офицеров до тех пор, пока домовладелец не внесет причитающихся с него денег; затем тот же офицер посылается к другому неисправному домовладельцу для вынуждения и этого к уплате [Голос, 1869, № 264].

Еще одним немаловажным отрицательным аспектом в постойной повинности, который не обошли своим вниманием повременные издания, являлась смертность в войсках от тесноты в казармах и их непригодности для проживания по медицинским показаниям. Устав 1851 года определял размер отводимых помещений. Так, «в комнату длиной в 4, а шириной от 3 до 4 сажень ставить 16 человек нижних чинов, а в комнаты длиной 3 и шириной в 3 сажени – по 10 человек, а в меньшие – по 6 человек» [Свод законов Российской империи, 1857, Устав о земских повинностях, с. 67–120]. Но очень часто случалось так, что, для того чтобы освободиться от постоя, хозяин дома предоставлял отдельное помещение, непригодное для проживания: «…не соответствующие своему назначению, часто старые конюшни. Фабрики, склады, которые нет возможности приспособить ни для обучения в них значительных частей, ни для помещения людей» [Московские ведомости, 1871, № 183].

Поэтому у населения, подлежащего призыву в армию, интересующегося бытовыми условиями, да и у самих солдат возникал инстинктивный страх перед казармой. Так, согласно исследованиям военного доктора Столярова в его статье о казарменных помещениях нашей армии, одной из причин большого количества заболеваний в среде военнослужащих является санитарное состояние казарм. По исследованиям академика Буняковского, смертность гражданского населения была меньше, чем в армии.

Приведем данные из исследования доктора Столярова, подтверждающие наши слова [Московские ведомости, 1871, № 183; Биржевые Ведомости, 1871. № 180]:

	В казармах	На квартире в городе	В деревнях	В лагере	Вообще
Заболело	548	500	300	346	543
Умерло	20	13	8	1,5	12

Из данных сведений видно, что при расположении войск в казармах, не удовлетворяющих санитарным требованиям, смертность оказывалась выше, чем в деревнях и лагерях. Основной причиной болезней являлось отсутствие необходимого количества воздуха в помещении на одного человека. Так, к примеру, в странах Европы, в частности в Англии, на человека приходилось 600 кубических футов воздуха, во Франции, Пруссии, Австрии – около 500, а в России – от 343 до 515,5 кубических футов, тогда как на брюссельском конгрессе 1858 года было определено, что количество воздуха на каждого солдата должно быть не менее 715 кубических футов [Московские ведомости, 1871, № 183]. Таким же образом для того, чтобы устранить причины смертности в войсках, нужно было, по мнению доктора Столярова, строить казармы, удовлетворяющие гигиеническим правилам. Но решение данного вопроса в 60-е и 70-е годы XIX века было отложено практически до 1882 года. Лишь с 1882 года начался активный этап строительства казарменных помещений. Однако, как указывала газета «Гражданин», вопрос о санитарном состоянии казарменных помещений так и не был до конца решен. Прежде всего необходимо было сделать общеобязательным условие, чтобы помещения строились вдали от фабрик и заводов, имели бы «покои светлые, сухие и теплые», чтобы в них не было питейных заведений, трактиров, ресторанов. Площадь данных помещений должна была обеспечивать 1 кубический сажень воздуха на одного человека [Гражданин, 1889, № 56]. Но во многих домах, отводимых в провинциальных городах под казармы, эти требования не соблюдались.

Газеты «Голос» и «Московские Ведомости» сходились во мнении, что только грамотный, обученный солдат способен понять те новые требования, которые предъявляет к нему новый род его деятельности. Однако это было невозможно, во-первых, без сокращения срока обязательной службы, а во-вторых, без размещения войск в казармах, где бы они проживали и обучались военному делу весь год, а не только четыре месяца в году, во время лагерных сборов. Такая подготовка солдата была возможна только при казарменном размещении [Голос, 1869, № 259; Московские ведомости, 1869, №№ 209 и 210]. Но, несмотря на все предпринимаемые действия по строительству казарм, почти до конца XIX века практиковалась натуральная постойная повинность. Казармы строили земства, города, сельские общества [Московские ведомости, 1869, № 281; Неделя, 1880, № 13; Новое Время, 1875, №№ 1153 и 1179; Молва, 1879, № 197], в результате чего к началу XX века почти 94 % всей армии было размещено в специальных воинских помещениях [Яковлева Л.Е., 2008, с. 126].

Однако существовали противники строительства казарм. Так, по сообщениям газеты «Голос», «наши скептики в деле казарм приводят против них следующий довод: солдат вырабатывается из мужика; мужик смолоду привык жить на чистом воздухе, а в казармах воздух спертый; солдату, ввиду сохранения здоровья, полезнее жить 8 месяцев в году в деревне, чем в казармах… Солдат на обывательской квартире не получает так называемых приварочных денег, а получает довольствие с крестьянского стола» [Голос, 1869, № 259].

Заключение

Таким образом, начиная с конца 1882 года весь казарменный капитал, образованный из денежных сборов за отбывание постойной повинности, был передан в Военное министерство. Тогда же было начато активное возведение специальных помещений для войск. Такое решение стало основой для успешной реализации данного вопроса. Так, к 1892 году было построено уже казарм для 117 воинских частей. Масштабы строительства постоянно возрастали, и в результате к 1 января 1900 года в военном ведомстве было воз-

ведено 19 015 казарменных помещений. Примерно 94 % всей армии было размещено в специальных помещениях.

В таких условиях Российской империи пришлось полностью отказаться от расквартирования армии методом постоя у простого населения и предпринять усилия для строительства казарм в наиболее важных стратегических направлениях.

При этом проявились определенные тенденции в совершенствовании управления военным контингентом. К ним можно отнести:

1. Обеспечение российской армии казарменными помещениями дало возможность поднять уровень военного обучения простого солдата, а также значительно сократить сроки мобилизации армии в случае военной опасности, что стало важным критерием боеготовности.

2. Размещение в местах постоянной дислокации воинских подразделений дало возможность командирам и начальникам усилить контроль за дисциплиной военнослужащих и поднять на более высокий уровень систему воинского воспитания.

Переосмысление проблем расквартирования армии во второй половине XIX века привело к преобразованиям в сфере постойной повинности. Постепенно натуральная постойная повинность исчезла. И к началу XX века правительство полностью перевело войска на казарменное расположение.

Список источников

1. Внутренняя хроника. 1875. Новое время, 1153. 16 мая: 2.
2. Внутренняя хроника. 1875. Новое время, 1179. 13 июня: 2.
3. Внутренняя хроника. 1875. Новое Время, 244. 10 декабря: 2.
4. Еще о постойной повинности. 1869. Голос, 264. 24 сентября (6 октября): 1.
5. Казарменный вопрос. 1879. Молва, 197. 20 июля: 1.
6. Казармы. 1869. Московские Ведомости, 209. 24 сентября: 617–619.
7. Казармы. 1869. Московские ведомости, 281. 24 декабря: 829–832.
8. Казармы и военные преобразования нынешнего времени. 1870. Голос, 357. 28 декабря (9 января): 1.
9. Наши общественные дела. 1870. Отечественные записки, 2: 358.
10. Неудовлетворительность казарменных помещений нашей армии. 1871. Московские ведомости, 183. 21 августа: 551.
11. Обзор специальных журналов. 1866. Отечественные записки, 2: 148.
12. По вопросу о постоянных казармах для размножения войск. 1871. Биржевые Ведомости, 180. 4 июля: 2.
13. Потребности в учительских семинариях в Виленском округе. 1869. Московские Ведомости, 210. 25 сентября: 619–621.
14. Потребности войск и земства. 1889. Гражданин, 56. 25 февраля: 1.
15. Правила о выдаче земствам ссуд на постройку казарм. 1880. Неделя, 13. 30 марта: 399.
16. Расквартирование войск и постойная повинность. 1869. Голос, 259. 19 октября: 1.
17. Свод законов Российской Империи. Т. 4. Кн. 2. Устав о земских повинностях. СПб., Гос. Типография, 1857.

Список литературы

1. Зайончковский П.А. 1952. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М., Изд-во Московского ун-та, 46.

2. Яковлева Л.Е. 2008. Развитие постойной повинности в России в XVIII–XIX вв. Авт. дис… канд. ист. наук. Саратов, 3.

3. Яковлева Л.Е. 2008. Развитие постойной повинности в России в XVIII–XIX вв. Дис… канд. ист. наук. Саратов, 126.

References

1. Zayonchkovskiy P.A. 1952. Voennye reformy 1860–1870 gg. v Rossii [Military reforms of 1860–1870 in Russia]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta, 46 (in Russian).

2. Yakovleva L.E. 2008. Razvitie postoynoy povinnosti v Rossii v XVIII–XIX vv. [Quarter Duty Development in Russia in XVIII–XIX Centuries]. Avt. dis… kand. ist. nauk. Saratov, 3 (in Russian).

3. Yakovleva L.E. 2008. Razvitie postoynoy povinnosti v Rossii v XVIII–XIX vv. [Quarter Duty Development in Russia in XVIII–XIX Centuries]. Dis… kand. ist. nauk. Saratov, 126 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Орлов Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, сотрудник Академии Академия федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орел, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey S. Orlov, candidate of historical sciences, employee of the Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation, Orel, Russia

УДК 94(47).043
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-818-825

Земельный рынок в Центральном Черноземье в 60–90-е годы XIX века

В.А. Тонких [1], В.В. Громова [2]
[1] Воронежский государственный университет,
Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
[2] Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: Gromvv@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития земельного рынка в пореформенный период на примере Центрально-Черноземных губерний, отличающихся земледельческим укладом. Особое внимание уделяется выявлению общих закономерностей, определению сословного состава участников и степени их вовлеченности в торговые отношения на земельном рынке. За тридцатилетний период с 1863 по 1892 годы проведен анализ сделок по купле-продаже земли, совершенных представителями дворянского, купеческого, крестьянского и мещанского сословий. Определены объемы товарооборота землевладений. Это позволило проследить процесс и степень интеграции указанных сословий в торговлю землей. Из всех губерний Центрально-Черноземного района Курская и Воронежская губернии существенно отличались количеством сделок, совершаемых на их земельных рынках. Курская губерния была на первом месте по количеству сделок купли-продажи земли, Воронежская – на последнем. С помощью статистических данных в указанных губерниях было проанализировано общее количество ежегодно совершаемых сделок, а также средних размеров землевладений, обращающихся на земельных рынках с 1863 по 1892 гг. Это позволило определить динамику развития, спады и подъемы, сходные и отличные черты земельных рынков этих губерний и сопоставить с тенденциями, имеющимися в целом на земельном рынке Центрально-Черноземного района.

Ключевые слова: земельный рынок, продавец, покупатель, сделка, покупка, продажа, десятина, товарооборот.

Для цитирования: Тонких В.А., Громова В.В. 2020. Земельный рынок в Центральном Черноземье в 60–90-е годы XIX века. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 818–825. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-818-825.

The land market of the Central Chernozem region in 60–90-s of the 19th century

Vladimir A. Tonkikh [1], Viktoriya V. Gromova [2]
[1] Voronezh State University,
1 Universitetskaya Square, Voronezh, 394018, Russia
[2] Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: Gromvv @mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the land market development during the post-reform period, by the example of the agricultural Central Chernozem region. It generally aims to identify some patterns and

also to determinate classes of the main of sellers and customers of the land and their level of involvement in trade relation in the land market. Bargains made between 1863 and 1892 by nobles, peasants, merchants and bourgeois were examined. The volume of land trade was determined. As for the Central Chernozem region Kursk and Voronezh regions were the most involved ones in the trade. Kursk region had the most number of deals, Voronezh region had the fewest. The total number of annual transactions and also average sizes of land properties converted in the land market from 1863 to 1892 were examined by means of statistics of the regions mentioned above. All of these points made possible to determine dynamics of development, recessions and booms, similar and different features of land markets of these regions and compare them with current trends in the land market of the Central Chernozem region in whole.

Keywords: land market, seller, customer, transaction, purchase, sale, tithe, trade.

For citation: Tonkih V.A., Gromova V.V. 2020. The land market of the Central Chernozem region in 60–90-s of the 19th century. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 818–825 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-818-825.

Основной категорией земель, находившихся в свободном товарообороте на земельном рынке России, были частновладельческие земли. До 1861 года перераспределение земельной собственности происходило в основном внутри дворянского сословия [Ковальченко, 1974, с. 254]. Несмотря на то, что с 1801 года лицам других сословий было разрешено владеть незаселенными землями, земельные переходы были незначительны. С отменой крепостного права постепенно стали сниматься сословные ограничения для свободного перехода земли в собственность других сословий. Вместе с тем основная масса продаваемых земель принадлежала дворянству, а дворянское землевладение в России, как известно, отличалось высокой концентрацией. Крупные размеры продаж сдерживали развитие земельного рынка, так как резко ограничивалось число платежеспособных покупателей [Ковальченко, 1974, с. 257].

В 45 губерниях Европейской России за тридцать лет с 1863 по 1892 гг. товарооборот земельного рынка составил 80 727 тыс. десятин, было совершено 565,7 тыс. сделок [Материалы по статистике…, 1901, с. 50–53]. Большая часть земель продавалась крупными участками – на одну сделку приходилось 142,7 дес.

В 10 губерниях Центрально-Черноземного района (Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской, Тульской, Рязанской, Казанской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Симбирской) в 1860 году насчитывалось 30 614 дворян-помещиков, в собственности которых находилось 19 922 тыс. дес. Из этого количества в первых шести губерниях 23 728 дворян имели в собственности 12 267 тыс. дес. земли, на каждого владельца дворянского сословия в среднем приходилось по 517 дес. В остальных четырех губерниях насчитывалось 6 886 помещиков, в их владении находилось 7 655 тыс. дес., средние размеры землевладений составляли 1 112 дес. и были в 2,3 раза крупнее, чем в первых шести губерниях [Военно-статистический сборник, 1881, с. 188].

В Центрально-Черноземном районе с 1863 по 1892 годы было совершено 132 077 актов по купле-продаже земли, что составляло 23 % относительно 45 губерний Европейской России. Дворянами, крестьянами, купцами и мещанами района было совершено 115 337 сделок по продаже земли и 103 346 сделок по ее покупке. Дворяне совершили 56 954 сделки по продаже земли и 25 455 по покупке, крестьяне (лично) – 45 458 и 57 718, купцы – 4 983 и 10 298, мещане – 7 942 и 9 875 соответствующих сделок. От общего количества сделок района это составляло 87 % и 78 % соответственно. Из них дворяне совершили 43 % сделок-продаж и 19 % сделок-покупок, крестьяне единоличники – 34 % и 44 %, купцы – 4 % и 8 %, мещане – 6 % и 7 % соответственно. Если к этому количеству прибавить 4 722 сделок-продаж и 14 331 сделок-покупок (4 % и 11 %), совершенных крестьянскими товариществами, то получится, что на долю крестьян придется 38 % и 55 %

соответствующих сделок, а на указанные сословия с учетом крестьянских товариществ – 91 % сделок-продаж и 89 % сделок-покупок. Доля крестьянских обществ в сделках на земельном рынке была незначительной и составляла 623 сделки-продажи и 1443 сделки-покупки или 0,5 % и 1 % соответственно. Остальными сословиями, а также разносословными союзами и товариществами, было совершено 8,5 % сделок-продаж и 10 % сделок-покупок [Материалы по статистике…, 1901, с. 50–53].

За тридцать лет с 1863 по 1892 годы товарооборот земельного рынка района составил 15 % относительно 45 губерний Европейской России или 11 789 тыс. десятин. Из этого количества дворянами было продано 9 163 тыс. дес., куплено – 5 900 тыс. дес. или 78 % и 50 %, купцами – 745 тыс. дес. и 2 105 тыс. дес. или 6 % и 18 %, крестьянами (единолично) – 472 тыс. дес. и 898 тыс. дес. или 4 % и 8 %, мещанами – 275 и 382 тыс. дес. или 2 % и 3 % соответственно. Всего на долю указанных сословий пришлось 90 % проданной и 79 % купленной земли, что составляло 10 654 тыс. дес. и 9 285 тыс. дес. На долю крестьянских сельских товариществ пришлось 1 % проданной и 4 % купленной земли, крестьянских обществ – 1 % и 2 %. Доля почетных граждан составляла 3 % и 5 %. Доля юридических лиц (без учета крестьянских обществ и товариществ) составляла 2 % и 5 % соответственно, а доля остальных сословий менее одного процента [Материалы по статистике…, 1901, с. 50–53].

Таким образом, основными продавцами и покупателями на земельном рынке района были дворяне, купцы, крестьяне и мещане. Юридические лица (без учета крестьянских обществ и товариществ) увеличили количество купленной и проданной земли только в последние десятилетие указанного тридцатилетнего периода – с 1883 по 1892 годы.

С 1863 по 1892 годы у основных участников земельного рынка района среднее количество проданной и купленной земли, приходящейся на одну сделку, было следующим: у дворян – 162 дес. на 1 сделку-продажу и 232 дес. на 1 сделку-покупку, у купцов – 140 дес. и 203 дес., у крестьян – 11 дес. и 16 дес., у мещан – 32 дес. и 38 дес. соответственно [Материалы по статистике…, 1901, с. 50–53].

У всех из указанных сословий средний размер купленного участка был выше проданного, у дворян и купцов – в 1,4 раза, у крестьян – в 1,5 раза. У мещан данное соотношение было менее существенным и составляло 1,18 раза [Материалы по статистике…, 1901, с. 50–53].

С 1863 по 1881 годы у четырех рассматриваемых сословий торговля землей в целом увеличивалась.

В 1863 году дворяне совершили 1 976 сделок по продаже земли и 978 сделок по ее покупке. В 1866 году дворяне совершили 1 048 сделок по покупке земли – максимальное количество за тридцатилетний период. В 1867–1870 годах дворяне сократили покупку землевладений на 42 % до 687 сделок. Количество продаж дворянских землевладений с 1863 по 1868 годы выросло на 24 %, а с 1869 по 1877 годы – сократилось на 30 %. С 1871 года дворянские сделки-покупки начали расти, с 1878 года начали расти сделки-продажи. Этот рост продолжился до 1880–1881 годов. Таким образом, в 60-х – 70-х годах XIX века количество дворянских сделок на земельном рынке района было подвержено резким колебаниям [Материалы по статистике…, 1901, с. 50–53]. В 1863 году крестьяне совершили 198 сделок по продаже земли и 708 сделок по ее покупке. Количество крестьянских сделок по купле-продаже землевладений росло с небольшими отклонениями до 1881 года [Материалы по статистике…, 1901, с. 50–53].

В 60-х годах XIX века большинство сделок по купле-продаже земли совершали дворяне. В 70-х годах XIX века у крестьян сделок стало больше. С 1870 года они стали больше покупать, чем дворяне, а с 1877 года – и продавать [Материалы по статистике…, 1901, с. 50–53].

Купцы и мещане совершали значительно меньше сделок по купле-продаже земли, чем дворяне и крестьяне. С 1863 по 1871 годы купцы совершали от 277 до 345 сделок по

покупке земли и от 76 до 136 сделок по ее продаже, мещане – от 106 до 152 сделок по продаже и от 183 до 291 сделок по ее покупке. С 1872 по 1881 годы у купцов и мещан количество сделок по купле-продаже земли увеличивалось [Материалы по статистике…, 1901, с. 50–53].

Таким образом, на земельном рынке района крестьяне увеличивали количество сделок с 1863 по 1881 годы. У дворян, купцов и мещан значительный рост количества сделок начался только в 70-е годы XIX века.

В 1880 и 1881 годах купля-продажа землевладений у этих сословий достигла пика. Исключением были мещане, так как пик продаж их землевладений пришелся на 1892 год. В эти годы дворяне совершили соответственно 2 514 и 2 526 сделок по продаже земли, крестьяне – 2 845 и 3 359 сделок, купцы – 235 и 252 сделок, мещане – 388 и 381 сделок. Количество сделок по покупке земли было следующим: у дворян – 1 039 и 1 014 сделок, у крестьян – 3 296 и 3792 сделок, у купцов – 439 и 467 сделок, у мещан – 498 и 464 сделок. В 1881 году, по сравнению с 1863 годом, у дворян сделки-продажи выросли в 1,3 раза, а сделки-покупки – всего на 3 %, у крестьян – в 17 и 5 раз, у купцов – в 2,8 раза и в 1,5 раза, у мещан – в 2,7 и 1,8 раз соответственно. Таким образом, с 1863 по 1881 гг. из всех вышеперечисленных сословий наибольший рост числа сделок наблюдался у крестьян [Материалы по статистике…, 1901, с. 50–53].

Начиная с 1882 года на земельном рынке начался спад, продолжавшийся до 1886 года. Вместе с тем в 1884 году количество сделок у всех указанных сословий немного выросло, но в 1885 году спад продолжился.

Больше всего спад затронул основных участников земельного рынка – дворян и крестьян. В 1886 году дворяне совершили минимальное количество сделок за период с 1863 по 1892 годы – 1 170 сделок по продаже земли и 559 сделок по ее покупке. В этот год крестьяне совершили 1037 и 1300 соответствующих сделок. По сравнению с 1881 годом количество дворянских сделок-продаж сократилось в 2,2 раза, сделок-покупок – в 1,8 раз, крестьянских – в 3,2 раза и 2,9 раза соответственно. У купцов и мещан сокращение числа сделок было менее существенным, чем у дворян и крестьян. Количество купеческих по продаже земли сократилось в 1,16 раз, покупке – в 1,9 раза, мещанских – в 1,25 и 1,6 раза соответственно [Материалы по статистике…, 1901, с. 50–53].

В 1887–1891 годах на земельном рынке Центрально-Черноземного района вновь наблюдался подъем. По сравнению с 1886 годом, в 1891 году количество дворянских сделок по продаже земли выросло в 1,3 раза и по покупке – в 1,4 раза, крестьянских – в 2,4 и в 2 раза, мещанских – в 1,5 и в 1,4 раза. У купцов количество сделок по продаже земли сократилось на 19 %. Количество сделок по покупке земли выросло в 1,2 раза. При этом в 1885–1892 годах купцы совершали меньше сделок по покупке земли, чем в предыдущие 1863–1884 годы (искл. 1864 г.) [Материалы по статистике…, 1901, с. 50–53].

Несмотря на рост в 1887–1891 годах, общее количество сделок по купле-продаже земли не достигло значений 1880–1882 годов. И только мещане совершили больше сделок по продаже земли, чем в 1880–1881 годах. С 1887 по 1892 годы они ежегодно совершали от 406 до 451 сделок по продаже земли. По сравнению с 1863 годом, в 1892 году количество мещанских сделок по продаже земли выросло в 3,2 раза [Материалы по статистике…, 1901, с. 50–53].

Изменения, происходившие на земельном рынке района, можно разделить на три периода в 60-е – 90-е годы XIX века: с 1863 по 1881 годы количество сделок увеличилось, с 1882 по 1886 годы – сокращалось, с 1887 по 1891 годы – рост возобновился. В 1892 году общее количество сделок сократилось на 5 %, т. е. проявилась тенденция к спаду.

Таким образом, дворяне чаще продавали землю, купцы, крестьяне и мещане – покупали. По количеству сделок и объему купленной и проданной земли первое место, безусловно, принадлежит дворянам. Купцы занимают второе место по общему объему пло-

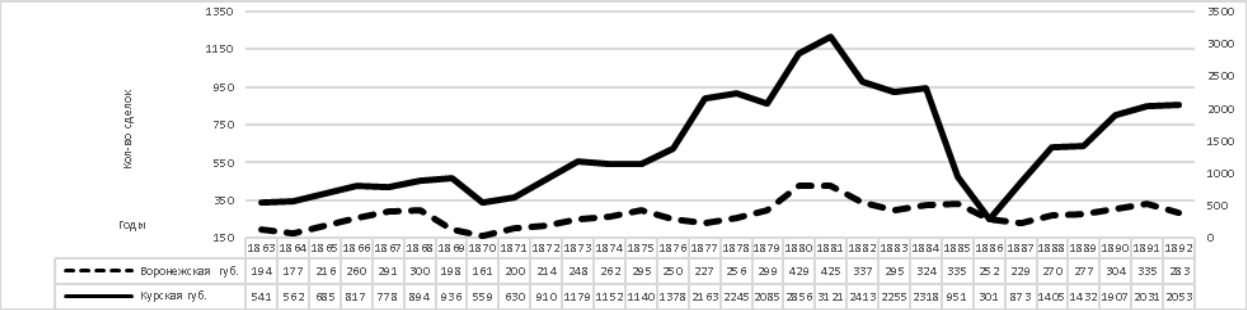
щадей всех сделок, так как, несмотря на в разы меньшее число сделок, средние размеры купеческих купленных и проданных участков лишь немного уступали дворянским.

Крестьяне за рассмотренный тридцатилетний период были на первом месте по количеству сделок-покупок земли и на втором месте по ее продаже. Вместе с тем товарооборот крестьянских землевладений и средний размер проданного и купленного участка на рынке был намного меньше купеческого и дворянского. Мещане совершали в 1,6 раза больше сделок по продаже земли, чем купцы. Количество мещанских сделок по покупке земли было немного меньше купеческих. Объем проданной и купленной мещанами земли был в два раза меньше, чем у крестьян, а средние размеры проданных и купленных участков – больше.

Несмотря на разницу в объемах и количестве совершенных сделок в течение рассматриваемого периода, их изменения стали происходить синхронно у всех указанных сословий. Это позволяет сделать вывод о все большем вовлечении данных сословий в торговые отношения на земельном рынке.

На примере Воронежской и Курской губерний можно детально рассмотреть процессы, происходившие на земельном рынке района в течение тридцатилетнего периода с 1863 по 1892 годы.

За тридцатилетний период с 1863 по 1892 годы в Воронежской губернии было совершено 8 143 сделки по купле-продаже земли, в Курской губернии в 5,2 раза больше – 42 570 сделок. От общего количества сделок района это составляло 6 % и 32 % соответственно. Из всех губерний района Курская губерния была на первом месте по количеству сделок купли-продажи земли, Воронежская – на последнем.



	1863	1864	1865	1866	1867	1868	1869	1870	1871	1872	1873	1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892
Воронежская губ.	194	177	216	260	291	300	198	161	200	214	248	262	295	250	227	256	299	429	425	337	295	324	335	252	229	270	277	304	335	283
Курская губ.	541	562	685	817	778	894	936	559	630	910	1179	1152	1140	1378	2163	2245	2085	2856	3121	2413	2255	2318	951	301	873	1405	1432	1907	2031	2053

Рис. 1. Количество сделок на земельных рынках Курской и Воронежской губерний с 1863 по 1892 годы [Материалы по статистике…, 1907, табл. IV]
Fig. 1. The quantity of sales on land markets of the Voronezh and Kursk provinces in 1863–1892

В обеих губерниях с 1863 по 1880 годы количество сделок росло с небольшими отклонениями, с 1882 по 1886 годы – сокращалось. С 1871 по 1881 годы в Курской губернии, в отличие от остальных губерний района, наблюдался резкий рост числа сделок купли-продажи земли, затем такое же резкое их падение в 1882–1886 годы. В Воронежской губернии их количество росло более умеренными темпами. В 1881 году в Курской губернии была совершена 3 121 сделка купли-продажи земли, в Воронежской – 425 сделок. Это было соответственно в 4 и в 2 раза больше, чем в 1863 году. К 1886 году количество сделок в Курской губернии сократилось в 10 раз до 301 сделки, в Воронежской – в 1,7 раза до 252 сделок. В 1887–1891 годах рост числа сделок вновь возобновился, в 1892 году в Курской губернии он замедлился, а в Воронежской начался спад [Материалы по статистике…, 1907, табл. IV].

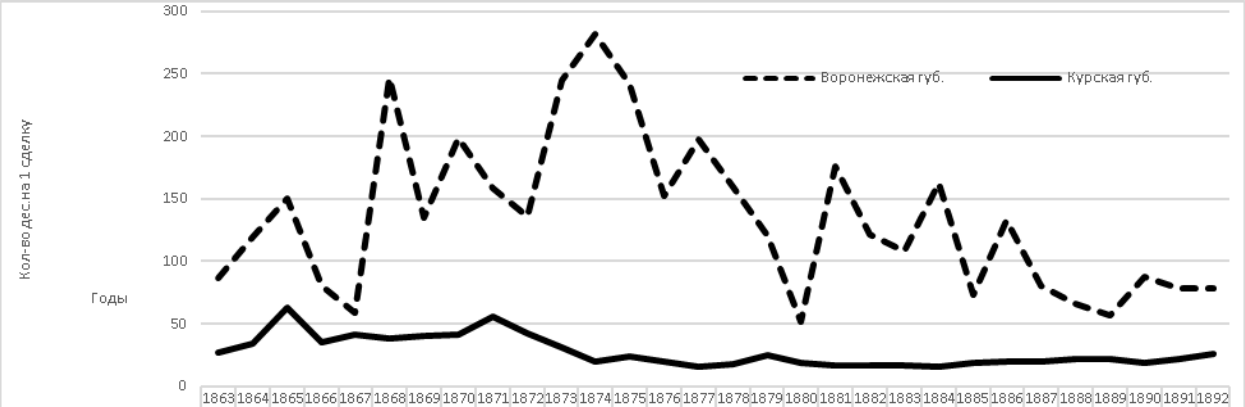
Таким образом, несмотря на разницу в количестве совершенных сделок, в обеих губерниях изменение количества сделок в целом происходило циклически и синхронно.

За тридцать лет, с 1863 по 1892 годы, в Воронежской губернии на одну сделку купли-продажи земли в среднем приходилось 135 дес. В 70-х годах XIX века на земельном

рынке губернии земля продавалась более крупными участками. Так, в 1874 году на одну сделку пришлась 281 десятина. С 1875 года средние размеры участков стали постепенно сокращаться. В 90-е годы XIX века на одну сделку приходилось 78–87 дес. [Материалы по статистике…, 1907, табл. IV].

В Курской губернии земля продавалась самыми мелкими участками относительно других губерний района. С 1863 по 1873 годы на одну сделку приходилось от 27 до 63 дес., с 1872 по 1892 годы – от 15 до 24 дес. [Материалы по статистике…, 1907, табл. IV].

Таким образом, в обеих губерниях в течение рассматриваемого тридцатилетнего периода на одну сделку приходилось все меньше земли.



	1863	1864	1865	1866	1867	1868	1869	1870	1871	1872	1873	1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892
Воронежская губ.	87	119	150	80	59	246	135	199	159	136	245	281	242	152	197	159	121	52	176	121	108	162	73	133	80	66	57	87	78	78
Курская губ.	27	34	63	35	42	38	41	42	56	42	31	19	24	19	16	17	25	19	16	16	17	15	19	19	20	22	22	19	22	26

Рис. 2. Количество десятин, приходящиеся на одну сделку купли-продажи на земельных рынках Курской и Воронежской губерний с 1863 по 1892 годы [Материалы по статистике…, 1907, табл. IV]
Fig. 2. The quantity of tithe on land markets of the Voronezh and Kursk provinces in 1863–1892

Список литературы

1. Анфимов А.М. 1969. Крупное помещичье хозяйство европейской России (конец XIX – начало XX в.). АН СССР. Ин-т истории СССР. М., Наука, 394.
2. Военно-статистический сборник. Вып. IV. Под ред. генерал-майора Н.Н. Обручева. СПб., 1871.
3. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. 1974. Всероссийский аграрный рынок, XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа. М., Наука, 399.
4. Корелин А.П. 1879. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М., Наука, 304.
5. Князь Васильчиков А. 1876. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах: в 2-х т. СПб., Типография Стасюлевича Т. II. 787.
6. Литвак Б.Г. 1991. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. 1861–1895 гг. М., Издательство политической литературы, 93.
7. Литуев В.Н. 1997. Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. М., Калита, 148.
8. Лященко П.И. 1901. Очерки аграрной эволюции. Спб., б. м., 446.
9. Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. IV: Свод данных о купле-продаже земель в 45 губерниях Европейской России за тридцатилетие с 1863 по 1892 гг. Под ред. А.Е. Рейнбота. СПб., Тип. Киршбаума, 1901.
10. Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. XIII.: Погубернские итоги мобилизации земель и средние земельные цены за 40-летие. 1863–1902 гг. Под ред. А.Е. Рейнбота. СПб., Тип. Киршбаума, 1907.
11. Михалевич В. 1862. Материалы географии и статистики России. Воронежская губерния. Собранные офицерами генерального штаба. СПб., Издательство библиотеки графа Панина, 187.
12. Проскурякова Н.А. 1973. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX – начале XX вв. История СССР. 1: 55–75.

13. Святловский В.В. 1911. Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908 гг.). СПб., Книгоиздательство «Начало», 116.

14. Скребицкий А. 1865. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Бонн-на-Рейне, Т. II. Ч. II. 1624.

15. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., ЦСК МВД, 1907.

16. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. I. СПб., 1880.

17. Статистика землевладения. Воронежская губерния. Вып. V. СПб., ЦСК МВД, 1905.

18. Статистика землевладения. Курская губерния. Вып. XXXVII. СПб., ЦСК МВД, 1906.

19. Фортунатов А.Ф. 1893. Сельскохозяйственная статистика Европейской России. М., Типо-литография т-ва И.Н. Кушнерев, 246.

20. Цифровые данные о поземельной собственности в Европейской России. СПб., 1897.

References

1. Anfimov A.M. 1969. Krupnoe pomeshhich'e hozjajstvo evropejskoj Rossii (konec XIX – nachalo XX v.) [Large-scale estates of European Russia (the late 19th century – early 20th)]. AN SSSR. In-t istorii SSSR. M., Nauka, 394.

2. Voenno-statisticheskij sbornik. Vyp. IV [Military Statistics, ed. 4]. Pod red. general-majora N.N. Obrucheva. SPb., 1871.

3. Koval'chenko I.D., Milov L.V. 1974. Vserossijskij agrarnyj rynok, XVIII – nachalo XX v. Opyt kolichestvennogo analiza [All-Russian agrarian market, 18 – early 20th century. Quantitative analysis attempt]. M., Nauka, 399.

4. Korelin A.P. 1879. Dvorjanstvo v poreformennoj Rossii 1861–1904 gg. [Landed gentry in post-reform Russia (1861–1904)]. M., Nauka, 304.

5. Knjaz' Vasil'chikov A. 1876. Zemlevladenie i zemledelie v Rossii drugih evropejskih gosudarstvah: v 2-h t. [Land tenure and farming in Russia and other European countries: in two volumes]. SPb., Tipografija Stasjulevicha T. II. 787.

6. Litvak B.G. 1991. Russkaja derevnja v reforme 1861 g. Chernozemnyj centr. 1861–1895 gg. [Russian village after the reform of 1861 Central Chernozem region] M., Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 93.

7. Lituev V.N. 1997. Zemel'naja sobstvennost' kak dvorjanskaja monopolija v kapitalisticheskoj Rossii [Monopolized land ownership by the nobility in capitalist Russia]. M., Kalita, 148.

8. Ljashhenko P.I. 1901. Ocherki agrarnoj jevoljucii [Essays on the agrarian revolution]. Spb., b. m., 446.

9. Materialy po statistike dvizhenija zemlevladenija v Rossii. Vyp. IV: Svod dannyh o kuple-prodazhe zemel' v 45 gubernijah Evropejskoj Rossii za tridcatiletie s 1863 po 1892 gg. [Statistics on Russian agricultural progress, ed. 4. Set of data related to the land mobility in 45 provinces of European Russia during the period from 1863 to 1892]. Pod red. A.E. Rejnbota. SPb., Tip. Kirshbauma, 1901.

10. Materialy po statistike dvizhenija zemlevladenija v Rossii. Vyp. XIII.: Pogubernskie itogi mobilizacii zemel' i srednie zemel'nye ceny za 40-letie. 1863–1902 gg. [Statistics on Russian agricultural progress, ed. 13. Results of land mobility in each province and average land prices during the period from 1863 to 1902]. Pod red. A.E. Rejnbota. SPb., Tip. Kirshbauma, 1907.

11. Mihalevich V. 1862. Materialy geografii i statistiki Rossii. Voronezhskaja gubernija. Sobrannye oficerami general'nogo shtaba [Russian geography and statistics. The province of Voronezh. Data collected by by General Staff officers]. SPb., Izdatel'stvo biblioteki grafa Panina, 187.

12. Proskurjakova N.A. 1973. Razmeshhenie i struktura dvorjanskogo zemlevladenija Evropejskoj Rossii v konce XIX – nachale XX vv. [Placement and formation of noble land ownership in European the late 19th century – early 20th]. Istorija SSSR. 1: 55–75.

13. Svjatlovskij V.V. 1911. Mobilizacija zemel'noj sobstvennosti v Rossii (1861–1908 gg.) [Land mobility in Russia (1861–1908)]. SPb., Knigoizdatel'stvo «Nachalo», 116.

14. Skrebickij A. 1865. Krest'janskoe delo v carstvovanie imperatora Aleksandra II [Peasant cause during the reign of Alexander II. Bonn on the Rhine, vol. II. Part II. 1624]. Bonn-na-Rejne, T. II. Ch. II. 1624.

15. Statistika zemlevladenija 1905 g. Svod dannyh po 50 gubernijam Evropejskoj Rossii [Land mobility statistics (1905). Set of data on 50 provinces of European Russia]. SPb., CSK MVD, 1907.
16. Statistika pozemel'noj sobstvennosti i naselennyh mest Evropejskoj Rossii. Vyp. I [Statistics of land ownership and localities of European Russia. Ed. 1]. SPb., 1880.
17. Statistika zemlevladenija. Voronezhskaja gubernija [Land ownership statistics. Voronezh Region]. Vyp. V. SPb., CSK MVD, 1905.
18. Statistika zemlevladenija. Kurskaja gubernija [Land ownership statistics. Kursk Region]. Vyp. XXXVII. SPb., CSK MVD, 1906.
19. Fortunatov A.F. 1893. Sel'skohozjajstvennaja statistika Evropejskoj Rossii [Agricultural statistics of European Russia]. M., Tipo-litografija t-va I.N. Kushnerev, 246.
20. Cifrovye dannye o pozemel'noj sobstvennosti v Evropejskoj Rossii [Figures for the land ownership in European Russia]. SPb., 1897.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Громова Виктория Валентиновна, аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Тонких Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой политики Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktoriya V. Gromova, postgraduate student of the Department of Russian history and pre-study Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Vladimir A. Tonkih, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations and World Politics, Voronezh State University, Voronezh, Russia

УДК 94(47:497.2):070“1894/1917”
DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-826-835

Освещение событий российско-болгарских дипломатических отношений в журнале «Вестник Европы» в 1894–1917 годах

Н.Н. Демьяненко
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Россия, 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10 лит. А
E-mail: nik4-demyanenko@yandex.ru

Аннотация. В данной статье впервые в отечественной и зарубежной историографии рассматривается отношение одного из ведущих либеральных журналов России «Вестник Европы» к развитию российско-болгарских отношений в период правления Николая II. Автор показывает, как менялось отношение журнала к Болгарии, ее правителям и болгарскому народу в течение более чем двух десятилетий, начиная с периода, когда отношения фактически отсутствовали при Александре III, и с 1896 года, когда отношения были возобновлены, до периода Балканского кризиса и балканских войн. Заканчивается обзор началом Первой мировой войны, когда Болгария после пятнадцати месяцев дипломатической борьбы вошла в стан врагов России. В качестве источников использовались публикации журнала «Вестник Европы» за период с 1894 по 1917 г. Анализ публикаций журнала позволил автору проследить изменение общественного мнения по отношению к Болгарии и болгарам с момента смерти Александра III и до вступления Болгарии в войну на стороне Германии в 1915 г.

Ключевые слова: Внешняя политика, Балканы, Македония, Болгария, болгары, Фердинанд I, русско-болгарские отношения, русская печать, «Вестник Европы».

Для цитирования: Демьяненко Н.Н. 2020. Освещение событий российско-болгарских дипломатических отношений в журнале «Вестник Европы» в 1894–1917 годах. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 826–835. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-826-835.

Coverage of the events of Russian-Bulgarian diplomatic relations in the journal «Bulletin of Europe» in 1894–1917

Nikolay N. Demyanenko
Leningrad state University named after A.S. Pushkin,
lit. A 10 Peterburgskoe HWY, Pushkin, Saint Petersburg, 196605, Russia
E-mail: nik4-demyanenko@yandex.ru

Abstract. This article discusses the attitude of «Bulletin of Europe», one of the leading liberal magazines in Russia, to the development of Russian-Bulgarian relations during the reign of Nicholas II. The author shows how the magazine’s attitude towards Bulgaria, its rulers and the Bulgarian people has changed over more than two decades. In the year of the coronation of Nicholas II, relations between Russia and Bulgaria were restored. It seemed that the Bulgarians would not test further relations between the two countries for strength. However, the events associated with the uprising in Macedonia in 1903 could have led to a major war in Europe. The declaration of independence of Bulgaria in 1908, which took place almost simultaneously with the annexation of Bosnia and Herzegovina by Austria-Hungary, also left many questions, especially among the supporters of Slavic people unity. Finally, the Second Balkan War and the entry of Bulgaria into the First World War on the side of Germany in the autumn of 1915, drew a line under the relations between the two countries, which resumed after a ten-year break in 1896. Considering one of the publications the author shows the transformation of the attitude towards Bulgaria among the moderately liberal strata of society throughout the reign of Nicholas II. The last year of the

reign is not taken into account, since after February 1916, Bulgaria was practically not mentioned on the pages of the magazine.

Keywords: Foreign policy, the Balkans, Macedonia, Bulgaria, Bulgarians, Ferdinand I, Russian-Bulgarian relations, Russian press, «Bulletin of Europe».

For citation: Demyanenko N.N. 2020. Coverage of the events of Russian-Bulgarian diplomatic relations in the journal «Bulletin of Europe» in 1894–1917. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 826–835 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-826-835.

Российская печать конца XIX – начала XX вв. отличалась большим разнообразием. Выходило множество газет и журналов как консервативного, так и умеренно-либерального направления. Многие из них стали своеобразными вехами в истории отечественной периодической печати. Одним из самых популярных изданий в России, начиная с XIX века, был литературно-политический журнал «Вестник Европы». Издание, существовавшее с 1866 года, продолжало традиции, заложенные еще Н.М. Карамзиным в одноименном журнале, выходившем с 1802 по 1830 гг. С 1866 по 1908 гг. редактором-издателем журнала был М.М. Стасюлевич. В этот период журнал становится одним из самых уважаемых изданий в первую очередь в умеренно либеральной среде. «Вестник Европы» подробно освящал на своих страницах события как внутренней, так и внешнеполитической жизни. В каждом выпуске, а журнал с 1869 годы выходил ежемесячно, существовал раздел «Иностранное обозрение». В этом разделе давалась оценка текущей политической ситуации на международной арене. Ежегодно в январском номере представлялась расширенная оценка событий всего предыдущего года. Основная масса материалов была посвящена событиям, связанным с главными державами того времени: Англией, Францией, Германией, Австро-Венгрией, Италией и дряхлеющей Османской империей. Реже материал посвящался странам Дальнего Востока и Западного полушария. Регулярно печатались новости с Балканского полуострова.

Балканы для России были одним из главных направлений во внешней политике. Считая себя ответственной за поддержку братьев по «крови» и «вере», Россия старалась играть активную роль старшего брата. Периодически такое навязчивое опекание приводило к охлаждению балканских стран к своей «покровительнице». Одним из самых ярких примеров таких непростых отношений были взаимосвязи с молодым болгарским государством. Созданное благодаря крови 200 тысяч русских солдат, Болгарское княжество в лице своих правителей постепенно, но настойчиво освобождалось от опеки России. В результате к 1886 году отношения между двумя странами были прекращены. Только после смерти императора «Миротворца» в 1894 году начался процесс потепления между двумя странами. В 1896 г. отношения были восстановлены.

Тем не менее на протяжении всего царствования Николая II болгары не раз испытывали российско-болгарские отношения на прочность. Постоянно тлеющий конфликт в Македонии, который с помощью опекаемых в Болгарии комитетов вылился в Илинденское восстание 1903 г. Провозглашение независимости Болгарии в сентябре 1908 года, совпавшее по времени с аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Балканские войны и, наконец, вступление Болгарии в Первую мировую войну на стороне Германии.

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины 1894 г. (время накануне воцарения Николая II) по февраль 1916 г., когда в «Вестнике Европы» были представлены последние аналитические материалы, дающие оценку роли Болгарии в Четверном союзе.

Источниками для данного исследования являются все номера журналов «Вестник Европы» со второй половины 1894 г. по февраль 1916 г.

Цель исследования – проанализировать отношение журнала к Болгарии и российско-болгарским отношениям от момента восшествия Николая II на престол до разрыва отношений между двумя государствами в 1915 году и вступления Болгарии в войну на стороне Германии. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: определить отношение журнала к Болгарии и ее правителям накануне смерти Александра III; проанализировать трансформацию взглядов на Болгарию с момента вступления на престол Николая II до окончания Второй Балканской войны; оценить отношение «Вестника Европы» к Болгарии и ее правителю после вступления последней в Первую Мировую войну на стороне Германии.

Историография, в которой так или иначе освещаются отношения России и Болгарии в конце XIX – начале XX в., достаточно обширна. Огромное количество монографий и статей, диссертаций и докладов – лишнее тому подтверждение. В довоенный период исследования, посвященные взаимоотношениям двух стран, выходили в достаточно критическом ключе [Покровский, 1926; Павлович, 1935]. В послевоенный период исследования были также крайне ангажированы [История Болгарии, 1954; Литаврин, 1987]. Появились исследования, авторы которых использовали в качестве главного источника отечественную печать того времени [Валеев, 1958].

К наиболее интересным работам по русско-болгарским отношениям конца XIX в. можно отнести исследования историка В.И. Косика. Так, проблемам российско-болгарских отношений конца XIX века посвящена диссертация [Косик, 1993] и монография [Косик, 1993]. В отдельном труде автор исследовал отношения с Болгарий с 1878 г. и до наших дней [Косик, 2014].

Были работы, оценивающие отношения как за определенный период правления Николая II [Мартыненко, 1967], так и посвященные отношениям в последней четверти XIX века [Кадиева, 2007]. В отдельных трудах изучалась дипломатическая борьба с Австро-Венгрией за влияние на Болгарию [Дюлгерова, 1985]. Интерес представляют работы, охватывающие все события, связанные с Балканскими войнами [Писарев, 1985]. Изучалось общественное мнение по отношению к болгарам и сербам в 1912–1913 гг. [Гусев, 2015]. Однако, несмотря на обилие литературы, нет отдельного исследования на тему русско-болгарских отношений периода всего правления Николая II в отражении конкретного либерального издания. Данная статья призвана восполнить этот пробел.

В 1894 году, когда на троне еще находился Александр III, болгарская тематика регулярно всплывала в отечественной печати. По большей части новости из этой балканской страны преподносились в негативных тонах. «Лжекнязь» Фердинанд Кобургский является «самозванцем», болгарское правительство «демонстрирует черную неблагодарность своей освободительнице России» и т. д. и т. п. В этом отношении журнал «Вестник Европы» демонстрировал явное уважение к болгарскому народу и ее правителю, отмечая, что и сам болгарский народ, и его князь относятся к русскому народу с уважением и благодарностью [Вестник Европы, 1894. Т. 4, с. 878].

После вступления в октябре 1894 года на престол Николая II болгары начали предпринимать шаги к примирению с Россией. Телеграммы соболезнования, направленные из Софии в Санкт-Петербург 21 октября, не остались не замеченными в печати. Однако общее отношение печати продолжало оставаться прохладным еще многие месяцы. Фердинанд Кобургский воспринимался как политик, которого Россия не признает не при каких обстоятельствах. Между тем «Вестник Европы» однозначно воспринимал болгарского правителя как достойного, отмечая, что те, кто раньше не воспринимал Фердинанда всерьез, уже признают его болгарским князем и призывают наладить отношения с Россией [Вестник Европы, 1895. Т. 2, с. 384].

В июне 1895 г. последовал визит в Санкт-Петербург болгарской делегации во главе с митрополитом Климентом. Болгары возложили венки на могиле Александра III, а через несколько дней были приняты молодым императором Николаем II. В ходе визита болгар-

ской делегации обсуждались детали возможного примирения. В те же дни из Болгарии пришло неприятное известие о покушении на бывшего главу болгарского правительства Стефана Стамболова. В России отношение к усопшему политику было однозначно негативное. Однако для «Вестника Европы» его роль в укреплении болгарской государственности была очевидна, так как несмотря на его отрицательное отношение к России, Болгария в годы премьерства Стамболова стала занимать прочное и выгодное политическое положение на Балканах [Вестник Европы, 1895. Т. 4, с. 834].

Состоявшееся в январе 1896 г. крещение принца Бориса, крестным отцом которого стал сам Николай II, способствовало началу официального процесса нормализации отношений между Болгарией и Россией. Изменилось и отношение к Болгарии в печати. Многие консервативные газеты, еще вчера ругавшие принца католика, изменяли тональность своих статей. Как писал «Вестник Европы», «примирение с Болгарией свершилось скорее и проще, чем ожидали наши газетные «патриоты» [Вестник Европы, 1896. Т. 2, с. 407–416].

После восстановления отношений между двумя государствами болгарская тема на страницах «Вестника Европы» сошла на нет. С февраля 1897 по февраль 1899 года Болгария ни разу не упоминается на страницах журнала.

В конце XIX века одним из главных источников беспокойства на Балканах становится Македония. Нерешенность македонской проблемы еще с Берлинского конгресса представляла серьезную проблему. В Болгарии сочувствовали своим соплеменникам, живущим в разных частях европейской Турции, подвергающимся всяческим гонениям со стороны мусульманской администрации. Активно работали македонские комитеты, возбуждающие население против турецких властей, призывая народ к вооруженному восстанию. Они ожидали от турецкого правительства дарования автономного самоуправления». [Вестник Европы, 1899. Т. 1, с. 815–816]. В любом случае «Вестник Европы» исходил из того, что македонский вопрос нужно решить мирными средствами [Вестник Европы, 1899. Т. 1, с. 815–816].

Не желая втягивания России в войну, «Вестник Европы» все равно настаивал на более твердом слове русского МИДа в македонском вопросе: «Применяя к современному турецкому кризису австрийские охранительные принципы, дипломатия выдвинула на первый план заботу не о прекращении мусульманских насилий в Македонии и Старой Сербии, а об удержании болгар и сербов от заступничества за угнетенных христиан» [Вестник Европы, 1903. Т. 3, с. 339]. При этом в депешах русских консулов наблюдался пессимизм относительно будущего восстания. В своих сообщениях они подвергали сомнению возможность всеобщего восстания и ожидали синхронные вспышки в разных районах трех турецких вилайетов [Вестник Европы, 1903. Т. 3, с. 339].

18 марта 1903 г. произошло покушение на русского консула Г.С. Щербину в Митровице. Выйдя из дома в сопровождении конвоя, консул был встречен солдатом-албанцем, который, делая вид что кланяется, выстрелил в него из ружья и ранил в левый бок навылет. Спустя девять дней Г.С. Щербина умер от ран.

2 августа 1903 года началось Илинденское восстание в Македонии. А уже 8 августа был убит русской консул в Битоле А.А. Ростковский. Как и в случае с Г.С. Щербиной, убийцей оказался турецкий солдат – этнический албанец. Убийство русского консула вызвало возмущение по всей России. В печати было много гневных слов не только в адрес турецких властей, но и российского МИДа: «Снисходительное отношение к убийству Щербины не было правильно понято турками и, быть может, послужило поводом к странному предположению, что России вообще несвойственно заступаться за своих представителей с такой прямолинейной энергией, какую выказывают в подобных случаях другие великие державы» [Вестник Европы, 1903. Т. 5, с. 354–367].

Однако в этот раз Россия не удовлетворилась официальными извинениями турецкого посла. Более того, данное убийство вполне могло привести к войне. Из Севастополя к

турецким берегам вышла русская эскадра в составе 14 кораблей. Россия выдвинула ряд требований к Турции. Помимо жесткого наказания для всех причастных к убийству русского консула и немедленной строгой кары для всех гражданских и военных чинов, ответственных за убиение российского консула, Россия потребовала безотлагательного назначения иностранных офицеров в состав жандармерии и полиции для необходимого успокоения мирного населения Македонии и введения законного порядка.

Одновременно с выходом русской эскадры из Севастополя русское дипломатическое ведомство обнародовало телеграмму на имя русского дипломатического агента в Болгарии. В ней болгарскому правительству был послан четкий сигнал о том, что деятельность комитетов носит преступный характер, а поощрение их деятельности болгарским правительством лишь обостряет обстановку [Вестник Европы, 1903. Т. 5, с. 354–367]. Таким образом, Россия ясно дала понять, что ответственность за действия комитетов, возбуждающих население Македонии, лежит на Болгарии. Россия, действуя в рамках русско-австрийского соглашения 1897 года, пошла на заключение 20 сентября 1903 года в ходе встречи Николая II с Францем-Иосифом I Мюрцштегского соглашения, погасившего на некоторое время острую фазу конфликта. Учреждение при турецком наместнике должностей русского и австрийского гражданских агентов, реорганизация местной жандармерии под руководством иностранцев и, наконец, разрешение местным христианам занимать административные и судебные должности на территории Македонии должно было снизить градус напряженности. Правда, об автономии не было и речи. Таким образом, вроде бы болгары должны были быть благодарны России. Однако в их глазах авторитет державы, которую они привыкли называть Освободительницей, постепенно падал. Это было связано с тем, что Россия, старательно избегая возникновения крупного вооруженного конфликта на Балканах, оказалась в глазах болгар в одном ряду с европейскими странами, всячески защищающих турецкие интересы. И в первую очередь с Австро-Венгрией [Вестник Европы, 1904. Т. 1, с. 383].

С началом русско-японской войны тема Балкан на страницах «Вестника Европы» сошла на нет. С июля 1904 по июнь 1906 года балканские проблемы в журнале ни разу не упоминались. За это время Россия пережила поражение в войне с Японией, революцию 1905 года, манифест 17 октября, созыв и роспуск первой Государственной Думы. После 1905 года «Вестник Европы» стал рупором партии демократических реформ. Поэтому теперь журнал преподносил информацию с учетом внутренних событий и взглядом той либеральной общественности, которую представлял журнал.

Что касается событий на Балканах, то журнал фиксирует изменение в противоборствующих сторонах конфликта в Македонии, где столкновения между восставшим христианским населением с турецкими войсками сменились жестокими стычками греков с болгарами. Регулярно происходили налеты греческих отрядов на болгарские села и наоборот, болгарские вооруженные отряды разоряли населенные пункты с преимущественно греческим населением [Вестник Европы, 1907. Т. 2, с. 387]. Происходили стычки и сербов с болгарами. По сути, в этих столкновениях уже зарождались зерна той ненависти, которая особенно проявилась во время Второй Балканской войны. Также стоит отметить однобокость издания в освещении результатов таких конфликтов. Так, в сводках о погибших мирных жителях упоминаются только болгары. Про погибших других народностей не сказано ни слова [Вестник Европы, 1907. Т. 2, с. 387].

Осенью 1908 года Австро-Венгрия объявила аннексию оккупированной ею же в 1878 году Боснии и Герцеговины. Одновременно Болгария провозгласила свою независимость от Турции. То, что провозглашение независимости совпало с аннексией Боснии, заселенной сербами, дало повод некоторым консервативным изданиям говорить не только о нарушении Берлинского трактата 1878 года, но и о сговоре Фердинанда I с Францем-Иосифом I, а также о предательстве Болгарией всего славянского дела. «Вестник Европы» оправдывал действия Фердинанда, так как «болгарское нарушение Берлинского трактата

ни имеет ничего общего с австрийским уже потому, что Болгария этого трактата не подписывала и участия в нем не принимала. Для Болгарии нарушение чуждого и враждебного ей международного договора есть акт национального освобождения и торжества» [Вестник Европы, 1908. Т. 6, с. 366].

Провозглашение независимости Болгарии могло привести ее к войне с Турцией. В течение нескольких месяцев шли напряженные переговоры о материальных компенсациях за дань, которую Турция получала от Болгарии от Восточной Румелии, и компенсации за железную дорогу в этой области. В январе 1909 года Россия предложила посреднические услуги в финансовом споре и представила комбинацию, удобную для обеих сторон и не особенно обременительную для нее самой. Турция получила необходимую сумму путем займа, а Болгария стала платить России приблизительно столько, сколько она платила до этого Турции.

С весны 1909 по сентябрь 1912 года интерес к Болгарии снова затихает. В этот период «Вестник Европы» ее практически не упоминает. Между тем в южной части Европы стал меняться баланс сил. В сентябре 1911 года началась итало-турецкая война. В достаточно короткие сроки и без того дряхлая Оттоманская империя была разгромлена. Турция лишилась последних владений в Северной Африке, а также ряда островов в Эгейском море. В 1912 году у Балканских государств созрел план о совместной войне против Турции, пока та еще не заключила мир с Италией [Вестник Европы, 1912, 10, с. 415]. В короткие сроки сформировался военный блок, куда, помимо Болгарии и Сербии, вошли Греция и Черногория. Поначалу «Вестник Европы» разделял скепсис большинства изданий и российских дипломатов о военных возможностях и долговечности этого блока. Целью дипломатов было сохранить status quo на полуострове в случае ожидаемого поражения балканских стран. Считалось, что Порта, даже находясь в критическом положении после поражения от итальянцев, будет не по зубам Балканскому союзу. Но даже если бы и случилось чудо и турки были бы повержены, то после победы великие державы не дадут самостоятельно распоряжаться результатами этих побед [Вестник Европы, 1912, 9, с. 412].

Помимо этого, на Балканах была еще Румыния, которая не имела общей границы с Турцией и, соответственно, не могла быть участником дележа территорий после войны. Бухарест рассчитывал на компенсации за неучастие своей страны в будущей войне за счет Болгарии. Было понятно, что Бухарест своего не упустит [Вестник Европы, 1912, 10, с. 415]. Николай II присвоил королю румын Каролю I чин генерал-фельдмаршала (последний в истории российской армии) в надежде удержать Румынию от агрессивных планов против болгарской Южной Добруджи.

Однако пессимистические ожидания российских и европейских дипломатов были развеяны стремительными победами балканских армий над турками. «Вместо вопроса о турецких реформах внезапно был поставлен вопрос о самом существовании турецкого владычества на Балканском полуострове» [Вестник Европы, 1912, 11, с. 400]. Главную роль в балканских победах журнал отводил в первую очередь болгарам, чьими победами более всего восторгался: «Болгары – под стенами Константинополя! Кто мог это представить месяц тому назад» [Вестник Европы, 1912, 11, с. 400]. Впрочем, надо отметить, что большинство русских изданий с восторгом писали о болгарских победах.

Вскоре горячая фаза почти на всех фронтах закончилась. Продолжалась еще осада Адрианополя, но в Лондоне уже шли переговоры о мире. Комментируя итоги прошедшего 1912 года, «Вестник Европы» с удовлетворением отмечал, что «Балканская война, начатая 15 (2) октября и прерванная перемирием 3 декабря (20 ноября), остается величайшим событием не только истекшего года, но и всей современной эпохи [Вестник Европы, 1913, 1, с. 417]. Когда в марте 1913 г. пал Адрианополь, журнал с восторгом писал: «Вековой восточный вопрос, стоивший народам столько кровавых и материальных жертв, решен окончательно» [Вестник Европы, 1913, 3, с. 402].

К сожалению, единство балканских стран продолжалось недолго. Еще не был подписан мирный договор в Лондоне, а победители уже начали предъявлять претензии друг к другу. Сербия и Греция были недовольны чрезмерным усилением Болгарии и разделом в македонских землях. Кроме того, Сербия «благодаря» Австро-Венгрии так и не получила выход к Адриатическому морю. Предусмотренный между Сербией и Болгарией договором от 29 февраля 1912 года русский арбитраж касался только вопросов, предусмотренных в договоре. Однако реальная война заставила сербов предъявить болгарам новые требования по Македонии. Николай II 26 мая отправил Петру I и Фердинанду I одинаковые телеграммы с предложением о посредничестве в переговорах. В этих же телеграммах предстоящая война между вчерашними союзниками была названа «преступной». Болгария формально сообщила о своем согласии на русский третейский суд, но сопровождала это согласие оговоркой, чтобы арбитраж касался только вопросов, указанных в союзном договоре. Сербия требовала полного пересмотра союзного договора. В ночь на 17 июня 1913 года Болгария напала на сербов и греков. Очень скоро Сербия и Греция перешли в наступление. Одновременно в тыл Болгарии ударила Румыния, а чуть позже – и разгромленная перед этим Турция. Описывая эти события, «Вестник Европы» с ужасом констатировал, что идея балканского союза потоплена в крови.

Вскоре в Бухаресте начались мирные переговоры. Освещая их на своих страницах, «Вестник Европы» не скрывал своего разочарования: «С Болгарией случилось то, чего не бывало еще, кажется, во всемирной истории. Достигнув самого блестящего положения, о котором могли только мечтать болгарские патриоты, правительство царя Фердинанда в короткий двухнедельный период потеряло по собственной вине все плоды великих национальных жертв и подвергло страну всем ужасам отчаяния» [Вестник Европы, 1913, 9, с. 393]. В ходе переговоров Россия, стараясь смягчить тяжелые итоги Бухарестского мира, объявила, что не может допустить чрезмерного умаления и унижения Болгарии. Интересно, что во время переговоров Австро-Венгрия разошлась с Германией и проявила солидарность с Россией, заступаясь за Болгарию против сербов, греков и турок [Вестник Европы, 1913, 9, с. 393]. В сентябре был заключен мирный договор с Турцией в Константинополе. Многие журналисты отмечали изменение в отношениях между Болгарий и Турцией: «Недавняя жестокая вражда как будто исчезла, Болгария, разбитая своими коварными союзниками, почувствовала возможность сближения с Турцией на почве совместной активной неприязни к Сербии и Греции» [Вестник Европы, 1913, 10, с. 395–396].

В июле 1914 года началась Первая мировая война. Определившиеся на начальном этапе противники уперлись в линии позиционной войны. Настал период, когда два вражеских блока стали пытаться втянуть на свою сторону соседние, пока еще нейтральные государства. И если одни страны сразу объявили о своем бесспорном нейтралитете, то вторые (Италия, Болгария, Румыния и Греция) фактически стали своим нейтралитетом торговать. В этот период «Вестник Европы» уже не сильно рассчитывал на Болгарию, где правительство Фердинанда «допускало провоз германского оружия через свою территорию, закрывало свои границы для русских пассажиров и даже для врачей и вообще действовало прямо или косвенно против России, хотя и продолжало по внешности держаться нейтралитета» [Вестник Европы, 1914, 10, с. 349–350]. Тем не менее страны Антанты вели активную работу по недопущению Болгарии в лагерь Центральных держав. В частности, Россия обещала Болгарии за ее нейтралитет «осуществление ее национальных идеалов», т. е. «возвращения тех частей Македонии, которые у нее были отобраны Сербией и Грецией». Россия трижды делала Болгарии соответствующее предложение, однако положительного решения в этом вопросе достигнуто не было.

Осенью 1915 года после побед Германии на Восточном фронте Болгария склонилась в своем выборе в пользу Центральных держав. Чтобы укрепить союз между турками и болгарами, последние «при посредничестве Германии завязали переговоры с турками и добились передачи в их руки площади приблизительно в 3 000 квадратных километров»

[Вестник Европы, 1915, 10, с. 353]. Такая подачка со стороны турок для болгарского царя была последним аргументом в пользу вступления в войну на стороне Германии. Уже всего через несколько дней в Болгарии была объявлена мобилизация.

В октябре 1915 года журналу оставалось лишь констатировать, что жребий брошен, и брошен не кем другим, как самим Фердинандом [Вестник Европы, 1915, 10, с. 353]. Перед этим Россия предъявила болгарскому правительству ультиматум с требованием порвать в течение суток с врагами славянства. В этот момент «Вестник Европы» впервые перешел на острую критику болгарского правителя, подчеркивая, что «Кобург снова почувствовал себя прапорщиком австрийской службы и получил по телеграфу поощрение от своего императора. С развязностью покинувшего прежнего барина слуги, он шлет дерзкую ноту в ответ на русский ультиматум» [Вестник Европы, 1915, 10, с. 353].

5 октября 1915 г. Россия объявила Болгарии войну. Журнал с горечью отмечал противоестественность того, что болгары, освобожденные от турецкого ига и еще недавно стоявшие во главе победоносной балканской федерации против Турции, соединились теперь с турками и австро-германцами [Вестник Европы, 1915, 10, с. 353]. После февраля 1916 года Болгария исчезла со страниц «Вестника Европы».

Журнал «Вестник Европы» на протяжении всего рассматриваемого в статье периода демонстрировал исключительно положительное отношение как к личности Фердинанда Кобургского, так и к Болгарии в принципе. Восстановление дипломатических отношений в 1896 году журнал воспринимал как естественный ход вещей. Очень подробно издание фиксировало все новости из Македонии. Отмечалась ведущая роль в этих событиях Болгарии. Журнал приветствовал провозглашение независимости Болгарии в 1908 году. С восторгом издание писало о роли Болгарии в Первой Балканской войне. В этот момент журнал кратковременно идеализировал взаимоотношения между балканскими народами. Вторая Балканская война отразилась глубоким разочарованием на страницах издания по отношению ко всем балканским народам (а не только к болгарам, как было у многих изданий). Описывая события 1914–1915 гг., журнал впервые выступил с серьезной критикой Фердинанда Кобургского, чего не допускал ранее, хотя до тональности многих консервативных изданий «Вестник Европы» так и не скатился. Даже спустя столетие ощущается какая-то интеллигентность данного издания по отношению к своему читателю.

В целом все основные события взаимоотношений между двумя странами нашли свое отражение на страницах «Вестника Европы».

Список литературы

1. Валеев Л.Б., Никитин С.А., Мартыненко А.К. 1958. Из истории русско-болгарских отношений. М., Академия наук СССР, 292.
2. Вестник Европы. 1894. Т. 4. 8: 878.
3. Вестник Европы. 1895. Т. 2. 3: 384.
4. Вестник Европы. 1895. Т. 4. 8: 834.
5. Вестник Европы. 1896. Т. 2. 3: 407–416.
6. Вестник Европы. 1899. Т. 1. 2: 815–816.
7. Вестник Европы. 1903. Т. 3. 5: 339.
8. Вестник Европы. 1903. Т. 5. 9: 354–367.
9. Вестник Европы. 1904. Т. 1. 1: 383.
10. Вестник Европы. 1907. Т. 2. 3: 387.
11. Вестник Европы. 1908. Т. 6. 11: 366.
12. Вестник Европы. 1912. 9: 412.
13. Вестник Европы. 1912. 10: 415.
14. Вестник Европы. 1912. 11: 400.
15. Вестник Европы. 1913. 1: 417.
16. Вестник Европы. 1913. 3: 402.
17. Вестник Европы. 1913. 9: 393.

18. Вестник Европы. 1913. 10: 395–396.
19. Вестник Европы. 1914. 10: 349–350.
20. Вестник Европы. 1915. 10: 353.
21. Гусев Н.С. 2015. Болгария и Сербия в русском общественном мнении в период балканских войн 1912–1913: дисс…канд. ист. наук. М., 420.
22. Дюлгерова Н.А. 1985. Политика России и Австро-Венгрии в отношении Болгарии в конце XIX – нач. XX в. (1896–1903) : дис. … канд. ист. наук. М., 215.
23. История Болгарии. 1954. Под ред. П.Н. Третьякова, С.А. Никитина, Л.Б. Валеева. Т. 1. М., Изд-во АН СССР, 576.
24. Кадиева М.А. 2007. Политика России в отношении Болгарии в последней четверти XIX века Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 3: 37–39.
25. Косик В.И. 1993. Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе 1886–1894 гг. М., Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 98.
26. Косик В И. 1993. Политика России в Болгарии 1879–1894 гг.: автореф. дис. … д-ра ист. наук, Российская Академия наук, Ин-т славяноведения и балканистики. М., 32.
27. Косик В.И. 2014. Балканы: «Порвалась цепь великая…» (середина XIX – начало XXI в.). М., Ин-т славяноведения РАН, 272.
28. Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. 1987. Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., Наука, 558.
29. Мартыненко А.К. 1967. Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, изд-во Киев. ун-та, 296.
30. Павлович П. 1935. Авантюры русского царизма в Болгарии. М., Соцэкгиз, 240.
31. Писарев Ю.А. 1985. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., Наука, 286.
32. Покровский М.Н. 1926. Царская Россия в мировой войне. М., Госиздат, 300.

References

1. Valeev L.B., Nikitin S.A., Martynenko A.K.1958. Iz istorii russko-bolgarskih otnoshenii [From the history of Russian-Bulgarian relations]. Moscow, 292 (in Russian).
2. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe] 1894. Vol. 4. 8: 878 (in Russian).
3. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1895. Vol. 2. 3: 384 (in Russian).
4. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1895. Vol. 4. 8: 834 (in Russian).
5. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1896. Vol. 2. 3: 407–416 (in Russian).
6. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1899. Vol. 1. 2: 815–816 (in Russian).
7. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1903. Vol. 3. 5: 339 (in Russian).
8. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1903. Vol. 5. 9: 354–367 (in Russian).
9. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1904. Vol. 1. 1: 383 (in Russian).
10. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1907. Vol. 2. 3: 387 (in Russian).
11. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1908. Vol. 6. 11: 366 (in Russian).
12. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1912. 9: 412 (in Russian).
13. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1912. 10: 415 (in Russian).
14. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1912. 11: 400 (in Russian).
15. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1913. 1: 417 (in Russian).
16. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1913. 3: 402 (in Russian).
17. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1913. 9: 393 (in Russian).
18. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1913. 10: 395–396 (in Russian).
19. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1914. 10: 349–350 (in Russian).
20. Vestnik Evropy [Bulletin of Europe]. 1915. 10: 353 (in Russian).
21. Gusev N.S. 2015. Bolgariya i Serbiya v russkom obschestvennom mnenii v period Balkanskih voin 1912–1913 [Bulgaria and Serbia in Russian public opinion during the Balkan wars of 1912–1913]. Diss ... Cand. ist. nauk. M., 420 (in Russian).
22. Dyulgerova N.A. 1985. Politika Rossii i Avstro-Vengrii v otnoshenii Bolgarii v kontse XIX – nachale XX veka (1896–1903) [Policy of Russia and Austria-Hungary in relation to Bulgaria at the end of the XIX – beginning XX century (1896–1903)]. Dis. ... kand. ist. nauk. M., 215 (in Russian).

23. Istoriya Bolgarii 1954. Pod redaktsiej P.N. Tretyakova, S.A. Nikitina, L.B. Valeeva [History of Bulgaria]. T. 1. M. Ed. of the USSR Academy of Sciences, 576 (in Russian).

24. Kadieva M.A. 2007. Politika Rossii v otnoshenii Bolgarii v poslednej chetverti devyatnadtsatogo veka [Policy of Russia towards Bulgaria in the last quarter of the nineteenth century]. Izvestiya vuzov. North Caucasus region. Social science. 3: 37–39 (in Russian).

25. Kosik V.I. 1993. Vremya razryva: politika Rossii v bolgarskom voprose 1886–1894 [time of rupture. Russia's policy in the Bulgarian question, 1886–1894]. M., Institute of Slavic and Balkan studies, RAS, 98 (in Russian).

26. Kosik V.I. 1993. Russkaya Politika v Bolgarii 1879–1894 [Policy of Russia in Bulgaria 1879–1894]. Autoref. dis. ... doctor of historical Sciences, Russian Academy of Sciences, Institute of Slavonic studies and balkanistics, Moscow, 32 (in Russian).

27. Kosik V.I. 2014. Balkany: «Porvalas' Tsep' Velikaya…» (seredina XIX – nachalo XX veka) [the Balkans: «The great chain Broke...» (mid-XIX – early XXI century)]. Moscow Institute of Slavonic studies of the Russian Academy of Sciences, 272 (in Russian).

28. Kratkaya istoriya Bolgarii. 1987. S drevneishih vremen do nashih dney [A short history of Bulgaria. From ancient times to the present day]. Ed. by G.G. Litavrin, M., Nauka, 558 (in Russian).

29. Martynenko A.K. 1967. Rossijsko-Bolgarskie otnosheniya v 1894–1902 [Russian-Bulgarian relations in 1894–1902]. Kiev, publishing house of Kiev. un-ta, 296 (in Russian).

30. Pavlovich P. 1935. Avantury Russkogo Tsarisma v Bolgarii [Adventures of Russian tsarism in Bulgaria]. M. Sotsekgiz, 240 (in Russian).

31. Pisarev Yu.A. 1985. Velikije derzhavy i Balkany nakanune Pervoy Mirovoy Voiny [Great powers and the Balkans on the eve of the First world war]. M., Nauka, 286 (in Russian).

Pokrovsky M.N. 1926. Tsarskaya Rossiya v mirovoy voine [Tsarist Russia in World War]. M., Gosizdat, 300 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Демьяненко Николай Николаевич, аспирант кафедры истории России Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Россия, учитель истории государственного бюджетного общеобразовательного учреждения средняя общеобразовательная школа № 412 Петродворцового района Санкт-Петербурга, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai N. Demyanenko, postgraduate student of the Department of Russian History, Leningrad State University A.S. Pushkin, St. Petersburg, Pushkin, Russia, history teacher of the state budgetary educational institution, secondary school No. 412 of the Petrodvorets district of St. Petersburg, Russia

УДК 94(47).084.1
DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-836-853

Финансовое положение России при Временном правительстве в 1917 г.: новый взгляд на историографию вопроса

И.М. Пушкарёва
Институт российской истории Российской академии наук,
Россия, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
E-mail: pushkarev@mail.ru

Аннотация. В статье отражена история финансов России при Временном правительстве в 1917 году. Обобщающая достижения российской историографии, она обращает внимание на общие черты политики Временного правительства, на роль банков в обстановке ухудшения экономического положения народа в стране, на взаимоотношения России с союзниками в Первой мировой войне – Англией и Францией. Бессилие правительства в обстановке политического кризиса толкало тех, кто имел доступ к экономическим рычагам управления, к радикальным мерам: распродаже национальных богатств, к свободному доступу в страну представителей иностранного капитала. В особенности привлекательными казались им богатые ископаемыми сибирские земли, золотоносные рудники Алтая, окраинные земли на Дальнем Востоке, острове Сахалин. Автор убежден, что остановить «кровопускание российской финансовой системы» могли только радикальные усилия крепкой государственной власти.

Ключевые слова: Первая мировая война, Временное правительство, финансы, налоги, займы, инфляция, золотой запас, страны-союзники России, концессии.

Для цитирования: Пушкарёва И.М. 2020. Финансовое положение России при Временном правительстве в 1917 г.: новый взгляд на историографию вопроса. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 836–853. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-836-853.

The financial status of Russia under Provisional government in 1917: historigraphy revisited

Irina M. Pushkareva
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
19 Dmitry Ulyanov St., Moscow, 117292, Russia
E-mail: pushkarev@mail.ru

Abstract. The article highlights the contradictory history of Russian finance system during the rule of the country by the Provisional Government in 1917. Summarizing the achievements of Russian historiography, author draws attention to the general features of the policy of the Provisional Government, to the role of banks in an environment of deteriorating economic situation of the people in the country, to Russia's relations with England and France which were its allies in the First World War. The impotence of the government in the midst of the political crisis pushed those who had access to economic levers of government to radical measures: the sale of national wealth, to the permission of free access for representatives of foreign capital to the country. The Siberian lands rich in minerals, the gold-bearing mines of Altai, the outskirts of the Far East, Sakhalin Island seemed especially attractive to them. The author is convinced that only radical efforts of a strong state power could stop the «bloodletting of the Russian financial system».

Keywords: First World War, Russian Provisional Government, finances, taxes, loans, inflation, gold reserve, allies of Russia, concessions.

For citation: Pushkareva I.M. 2020. The financial status of Russia under Provisional government in 1917: historigraphy revisited. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 836–853 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-836-853.

Обращение к столетию Первой мировой войны и революций 1917 г. требуют подведения не только общего, большей частью умозрительного итога в отечественной науке, но привлечения внимания к разработке отдельных тем, одной из которых является финансовое положение России.

С приходом к власти 3 марта 1917 г. Временного правительства в России, сменившего имперский режим, начинался второй период в истории финансов в мировую войну в ходе дальнейшего развития второй демократической революции в стране. Отправным моментом историографического исследования в данной статье являются соответствующие главы монографии П.В. Волобуева 1962 г. [Волобуев, 1962, с. 301], комментарии к ней с позиции сегодняшнего дня, реализованные возможности дополнений ее в новейших исследованиях.

Ученик и последователь А.Л. Сидорова П.В. Волобуев продолжил хронологически его изучение финансового положения России в годы Первой мировой войны [Сидоров, 1960] через призму экономической политики Временного правительства. Обращение сегодня к этой теме представляется актуальным в научном и политическом аспекте, имея в виду сложные сегодня международные отношения России со странами Европы и США. П.В. Волобуев исходил из представления о финансовом положении России в войну в трудах 1917–1918 гг. современников – Г.Д. Дементьева, Д. Боголепова, С.Н. Прокоповича и других историков, экономистов, политиков, которым удалось «прочувствовать» и представить Россию того времени [Боголепов, 1917; Дементьев, 1917; Прокопович, 1918].

В советской историографии 1940–1950-х гг. Волобуев отдал должное книгам В.П. Дьяченко, Б.Б. Ривкина, А. Коняева [Дьяченко, 1947; Ривкин, 1957; Коняев, 1959], которые уделили внимание состоянию финансов в 1917 г., налоговым мероприятиям Временного правительства, роли банков в падавшей в целом экономике России. Характеризуя более поздние работы своих предшественников с точки зрения освещения финансов в 1917 г., П.В. Волобуев выделяет статьи Р.Ш. Ганелина и Л.Е. Шепелева [Волобуев, 1962, с. 13] и ставит проблему способности русской буржуазии к самостоятельному историческому творчеству и, в частности, ее представителей в правительстве в 1917 г. руководить Министерством финансов. Его вывод сводился к тому, что финансовое положение было таковым, что у России был один путь – к социализму.

После выхода монографии П.В. Волобуева финансовым проблемам Временного правительства, как и в целом экономическому положению страны в 1917 г., внимание практически не уделялось. На это указывают сегодня Ю.П. Голицын и Ю.А. Петров в коллективном труде к столетию революции 1917 г. [Голицын, Петров, 2017, с. 384–453], вобравшем исследование проблемы с конца 80-х гг. при проявленном интересе к золотому запасу страны в 1917 г. [Ефимкин, 1988, с. 105–110]. В 90-е гг. в поле зрения исследователей оказались фондовый рынок, государственный долг, иностранные инвестиции, денежное обращение, займы 1917 г. [Потемкин, 1997; Голицын, 1998; Петров, 2000; Денисов, 2005; Страхов, 2007; Вознесенский, 2009; Ходяков, 2009; История Банка, 2010; Мошенский, 2014 и др.]

Сегодня выделяются два направления, позволившие рассуждать на тему о финансовом положении России при Временном правительстве: 1) его финансовая политика и 2) проблема подчиненности Государственного банка. При этом главной задачей является (и здесь не обойтись без обращения к имперскому периоду периода войны) выяснение надежности для экономики России финансовой системы в период Первой мировой войны.

В финансовом секторе Временного правительства (разделившего новую власть с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов) возникли большие трудности. Первостепенная задача, которую Министерство финансов при всех кадровых перестановках пыталось решить в течение всего 1917 г., состояла в том, чтобы сохранить при денежном обращении деятельность народнохозяйственного организма. Временное правительство унаследовало от имперского обязанность перед союзниками. Оно считало для себя главной задачей искать средства, чтобы работать на «молох» войны для бессмысленного для страны ее продолжения, уже обескровленной огромными людскими потерями.

2 марта 1917 г. Министерство финансов возглавил юрист по образованию, недавний чиновник при дирекции императорских театров, крупнейший землевладелец, хорошо известный в деловом мире русской буржуазии политический деятель (по слухам – масон) М.И. Терещенко. Его детищем в поисках средств, со слов управляющего делами Временного правительства, стала с 5 марта 1917 г. реализация «Займа свободы». Терещенко всецело сосредоточился на его проведении в стране.

8 марта Временное правительство открыто признало специальным заявлением все финансовые обязательства прежней власти по внешним государственным займам, а также по внутренним – вкладам в сберегательные кассы и др. «Все платежи, следующие в казну, налоги, пошлины и иные всякие поступления должны вноситься по-прежнему, впредь до изменения их законом» [Вестник, 1917; Экономическое положение, 1957, с. 394].

Предприятие, печатавшее бумажные деньги, так и оставалось едва ли не единственным не военным в стране, резко расширившим объем производства [Вознесенский, 2009, с. 386]. Продолжали распространяться новые кредитные билеты после Февраля 1917 г. в сумме 8 285 млн руб. В 1914 г. эта сумма равнялась 1 665 млн руб., а к марту 1917 г. поднялась до 9 950 млн руб. Внутренние государственные военные займы выросли до 8 млрд руб., займы у западных стран приближались к 7,5 млрд руб. Государственный долг возрос с 8,8 млрд руб. в 1914 г. до 33,6 млрд руб. еще в 1916 г., а золотой запас страны продолжал исчезать в банковских хранилищах союзников.

Осознавая угрозы бумажной эмиссии как инфляционного фактора, Министерство финансов возлагало надежды на внутренние и внешние займы, ослабляющие выпуск бумажных денег, на реализацию «Займа Свободы», о котором существует большая литература. О нем вспоминал Н.Н. Суханов [Суханов, 1922, с. 220–221], в 1918 г. – С.Н. Прокопович [Прокопович, 1918, с. 122, 200 и др.], подчеркивая кризис экономики, вызванный войной. Внимание к «Займу Свободы» в советской историографии начиная с 20-х гг. объяснялось широко практикуемой в СССР этой формой пополнения государственного бюджета [Чубаков, 1926, с. 134 и др.; Гусаков, 1946, с.29–32; Ривкин, 1957, с. 45; Сидоров, 1960, с. 151; Погребинский, 1968, с. 259]. П.В. Волобуев уделил внимание этой заемной кампании Временного правительства в связи с историей его кредитной политики, обратившись к архивным и печатным источникам [Волобуев, 1962, с. 338–350]. В 2007 г. к истории «Займа Свободы» снова обратился В.В. Страхов [Страхов, 2007, с. 31–38]. Ю.П. Голицын и Ю.А. Петров выделяют историю «Займа Свободы» Временного правительства («Займа Победы», как изначально он был назван) в связи с расколом в обществе по поводу продолжения войны [Голицын, Петров, 2017, с. 387–389].

Еще до Февраля 1917 г. в России было уже выпущено займов на 8 млрд руб. номинальных, и выручка от них составила 7528,9 млн руб. 9 марта вышли «Общие основания» для выпуска «Займа Победы (Свободы)». Временное правительство и лично Терещенко руководствовались опытом имперского Министерства финансов, его связью с банками. Государственный банк в этом деле играл организующую роль. Заем должен был погашаться тиражами в течение 49 лет начиная с 1922 г. Совместно с крупнейшими частными банками Государственным банком для размещения займа был образован синдикат из 30 ведущих коммерческих банков. Виднейшие финансовые авторитеты сделали его выгодным для помещения капиталов. Подписка на первый заем Временного правительства открылась 6 ап-

реля на довольно выгодных условиях: было обещано до 5 %, а фактически он дал в первый год 6,7–8 % с суммы вложений. Наверное, заем мог бы повлиять положительно на экономическую ситуацию, если бы не общая остановка в стране, глубоко зашедший кризис промышленности, развал продовольственного снабжения, упадок производительности труда, снижение заработной платы, не остывающий революционный процесс.

В расчете на широкий охват населения срок подписки на заем был установлен с 6 апреля до 1 июня 1917 г. и сопровождался призывами спасти «от гибели свободу и достояние страны». Ни один заем в России в Первую мировую войну не рождал в обществе такого столкновения на политической почве, как «Заем Свободы». Отражая подъем революции, он стал своего рода лакмусовой бумажкой отношения людей к войне, а политических партий – к курсу Временного правительства.

Понимая, что заем может спасти Россию от революции, в нем принимали участие бывшие представители власти вплоть до членов дома Романовых, даже семьи Николая II [Голицын, Петров, 2017, с. 390–391].

Партия кадетов встретила «Заем свободы» с одобрением. С воззваниями к подписке на заем обратились видные экономисты, в их числе М.И. Туган-Барановский. Меньшевики и эсеры в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов в большинстве своем оказали займу поддержку. Председатель Исполнительного комитета Совета меньшевик И.Г. Церетели объявил заем «лучшим средством финансирования революции» [Суханов, 1922, с. 229–221]. Большевики встретили заем критикой, увидев в нем поддержку с помощью народа продолжения войны и заявляя, что лидеры эсеро-меньшевистского Петроградского Совета «беспомощно сдались капиталистам» [Волобуев, 1962, с. 341]. Вопрос о займе после февральских событий в Петрограде провел ощутимый раздел между большевиками и другими социалистическими партиями [Страхов, 2007, с. 31–34, 35, 38].

Хорошо оплаченный правительством Всероссийский комитет общественного содействия государственным займам издавал огромными тиражами десятки агитационных брошюр. Способствовало кампании займа и то, что для его размещения крупнейшие частные банки совместно с Государственным банком образовали специальный синдикат, в который входило 30 коммерческих банков. Для «демократизации» подписки ими предусматривалось предоставление ссуд для приобретения облигаций в учреждениях Государственного банка и казначействах. На улицах городов появились «кортежи из экипажей», агитирующие за заем. У банков возводились разукрашенные киоски, здесь же продавались лотерейные билеты, сулившие выигрыши [Аничков, 1998, с. 56–57].

В обстановке общественной эйфории в начале весны критика большевиками «Займа Свободы» не воспринималась народом; тогда по числу подписчиков – 1 млн человек – прохождение его обнадеживало Министерство финансов. К концу апреля Временное правительство и сам Терещенко уже ощутили, что «Заем Свободы» не оправдывает на него надежд, когда вместо ожидаемых миллиардов народных денег оно получило подписку лишь на 725 млн руб. Министр финансов Терещенко, вложив свои средства в организацию «Займа Свободы», практически не занимался более ничем, страхуя свое начинание. Заем не остановил и обременения рынка бумажными деньгами и почти не дал правительству денег. Замечу, что уже летом люди стали отказываться от подписки на заем, и он не становился «народным займом», как на то рассчитывало Временное правительство [Цит. по: Волобуев, 1962, с. 342]. Тогда сумма подписки составила немногим более 4 млрд, в то время когда один день войны обходился в 50 млн руб. [Голицын, Петров, 2017, с. 391] Сумма краткосрочных обязательств составила 10 млрд руб., в казну же поступило 8,19 млрд руб. Произошел только перевод из краткосрочного долга казны в долгосрочный [Страхов, 2007, с. 42–43; Голицын, Петров, 2017, с. 342–343].

23 апреля при Министерстве финансов срочно было учреждено особое Совещание для разработки плана финансового преобразования. Но за два месяца, пока у власти находился первый состав Временного правительства, в области финансов практически оно не

сделало ничего [Волобуев, 1962, с. 301]. Уходя с поста министра финансов, Терещенко заявил, исходя из своего понимания дел, что «финансовые реформы не могут быть быстро осуществлены» [Цит. по: Шляпников, 1927, с. 105].

Поскольку Терещенко дал личную гарантию на выпуск «Займа Свободы», будучи уже в эмиграции, на протяжении многих лет он погашал долговые обязательства по нему крупнейшим европейским банкам, участвовавшим в его размещении [Терещенко, 2012, с. 199–202].

Замечу, что Терещенко ушел с поста министра финансов 5 мая 1917 г., еще не зная, что ему все-таки придется решать вопросы, связанные с финансовым положением страны осенью 1917 г. в качестве заместителя министра-председателя правительства.

Смена лиц на посту министра финансов при Временном правительстве в течение восьми месяцев заслуживает специального анализа. Чехарда со сменой министров финансов после П.Л. Барка осложняла ситуацию и не лучшим образом влияла на работу министерства. Никто из занимавших кресло министра финансов в 1917 г. не мог сравниться с Барком. После М.И. Терещенко этот пост занял врач по образованию, больше политик, чем финансист, кадет А.И. Шингарев (5 мая – 2 июля 1917 г.).

В связи с приходом в правительство социалистов (меньшевиков и эсеров) историки подчеркивают соответствующие изменения и в Министерстве финансов. Оно демонстрировало решимость повысить доходы у предпринимателей [Голицын, Петров, 2017, с. 396].

Шингарев прежде всего попытался разобраться с расходами на организацию ближайшего наступления на фронте. Вникнув в малоизвестную ему финансовую сферу, он понял, что бюджетные доходы к середине 1917 г., которые были прописаны и существовали на бумаге, представляют «простые бухгалтерские выкладки». В них значилось, что доходы должны увеличиваться в 1917 г., а на деле уже «добрая половина их питается войной». Фиктивными оказались доходы казенных железных дорог за казенные грузы, также как доходы таможни за казенные товары, купленные за границей. Прирост был создан с предполагаемых военных заказов и «не представлял дохода, на который государство могло смотреть как на известный прочный плюс», – подтвердил позже историк Дементьев, и на него ссылается Волобуев. Шингарев констатировал, что, к сожалению, по отношению к широким массам тяжесть обложения налогами в России значительнее, чем в других странах. Он с тревогой отмечал, что ничем, а тем более налогами нельзя покрыть военных расходов. Шингарев предложил провести «сурово» обложение сверхприбыли с военных промышленных предприятий, хотя позднее признался, что это был скорее тактический маневр для получения морального права в обществе на новое косвенное обложение [Волобуев, 1962, с. 310, 314, 319–331, 347, 353 и др.].

13 мая министр труда меньшевик М.И. Скобелев в Петроградском Совете действительно потребовал стопроцентного изъятия в пользу государства прибылей капиталистов и «беспощадного» обложения их имуществ [Страхов, 2006, с. 33]. В развитии этих настроений 12 июня 1917 г. Временное правительство принимает три налоговых закона: «О повышении окладов государственного подоходного налога» (от этого мероприятия правительство надеялось получить в казну сверхприбыль в 680 млн руб.), «Об установлении единовременного налога» и «Об изменении размеров налога на прирост прибылей торгово-промышленных предприятий и вознаграждения личных промысловых занятий». Налоги как бы раскрывали обществу успех революционной перестройки, рассчитывая «умирить» народ, ведь они усматривали громадное повышение налогов на имущих россиян, прокламируя беспрецедентный акт не только российской, но и мировой налоговой практики [Голицын, Петров, 2017, с. 386–387]. Появление их было всецело обязано «июньскому революционному подъему» [Волобуев, 1962, с. 321], как отметил осенью 1917 г. М.В. Бернацкий, ставший министром финансов во Временном правительстве. Ни один из законов не был реализован Временным правительством. Законы отражали состояние общества, попытки лавирования правительства между народом и богатеющей буржуазией и

не более того. Однако уже само обсуждение налогов на имущих вызвало резкое неприятие темы в деловых кругах, которое грозилось усилиться при одном только напоминании о ней в дальнейшем. П.П. Рябушинский тогда заявил, что Россией «управляет какая-то несбыточная мечта, невежество и демагогия» [Волобуев, 1962, с. 321]. Когда позже, в июне, дошло дело чуть ли не до объявления правительству финансового бойкота, Шингарев заявил, что уйдет, и в июле действительно ушел с поста министра финансов.

Между тем финансовое положение все более осложнялось проблемами подчиненности банковского капитала власти. Вопрос этот назревал еще при имперском правительстве. В конце 1916 г. П.Л. Барк не случайно ставил вопрос о необходимости предоставления Особому совещанию по обороне и его заводским совещаниям начать обследование [Сидоров, 1973: 402] деятельности банков, их торгово-комиссионных операций и прав, которые они имели в отношении торговых и промышленных предприятий [Особые совещания, 1917, с. 13].

В мае 1917 г. при Шингареве этим организациям было разрешено ходатайствовать перед Министерством финансов об обследовании банков для выявления злоупотреблений. Ведомственная проверка банков могла бы осуществить попутно контроль различных сторон хозяйственной жизни страны. Однако авторитетным большинством во Временном правительстве был сделан совершенно определенный выбор между народом и торгово-промышленной буржуазией в пользу «священных прав на бешеные прибыли». После чего последовало распоряжение МВД общественным организациям, запрещающее устанавливать контроль деятельности крупных банков. Позаботилось правительство тогда и об охране банковской тайны, которой более всего дорожил финансовый капитал, всеми мерами противясь отмене коммерческой тайны [Волобуев, 1962, с. 89–91].

Министерство Шингарева первого коалиционного правительства не справилось и с «Займом свободы», проваленным в конце мая, промышленной буржуазией и банками, развернувшими защиту своих капиталов. В итоге тот состав Министерства финансов пришёл к необходимости новой бумажной эмиссии.

После правительственного политического кризиса в июле и двухнедельного перерыва, когда дела в министерстве решал его управляющий А.Г. Хрущов (11–24 июля 1917 г.), портфель министра финансов получил член Особого совещания по обороне кадет Н.В. Некрасов (25 июля – 31 августа 1917 г.), державший до этого портфель министра путей сообщения.

Некрасов начал с заявления, что «новый революционный строй обходится государственному казначейству гораздо дороже, чем обходился старый строй» [Цит. по: Волобуев, 1962, с. 310]. И Временное правительство далее приступило к обложению косвенными налогами производство и продажу табака, папирос, крахмального сахара, спичек, а затем и к повышению акцизных ставок на продукты массового потребления – чай, спирт, виноградные вина, дрожжи, хотя и не успело провести в жизнь до «низложения» большевиками.

Еще Некрасов не занял министерское кресло, а 19 июля правительство в надежде скорее получить 121 млн руб. объявило, что повышает акцизы на табак, папиросы; причем на махорку более чем на 50 %, имея в виду, что они являются самыми выносливыми предметами обложения [Волобуев, 1962, с. 333–335]. Но это вызвало огромный протест, который, хотя и растворился в политических событиях того времени (выступление Корнилова), но остался в памяти определенных слоев народа, и о нем лучше было не заикаться.

9 августа при Некрасове начались переговоры между ведомственными учреждениями о выпуске второго внутреннего 4,5 % займа. Он был инициирован положением с перевозкой как военных, так гражданских грузов, и был рассчитан на 750 млн руб. [Экономическое положение, 1957, с. 411]. Его реализация пришлась уже на министерство М.В. Бернацкого.

Поскольку еще в мае 1917 г. появились сомнения, а затем становилось все очевиднее, что «Заем Свободы» не оправдал себя, возникали новые проекты займов, в том числе

принудительных. Такой проект предложил тогда профессор П. Гензель, но он не был даже обсужден в связи с возобновлением военных действий [Голицын, Петров, 2017, с. 393]. В то же время у другой группы при правительстве речь пошла о выпуске военного выигрышного займа на 1 млрд руб. с большим количеством мелких и средних выигрышей [Потемкин, 1997, с. 56 и др.]. Расчет был на поддержку возможно бóльшего числа подписчиков. От ежегодного погашения тиражей предполагалось отказаться. Это позволило бы избежать быстрого роста рыночного курса облигаций и их конкуренций с другими ценными бумагами [См. подробнее: Вопросы финансовой, 1916, с. 28–37]. Некоторые идеи этих планов были реализованы в принятом 11 августа 1917 г. постановлении о выпуске Министерством финансов внутреннего вышеназванного 4,5 % выигрышного займа. Предусматривалась эмиссия облигаций сериями по 400 млн руб. каждая, и ежегодно в течение 50 лет (т. е. до 1967 г.) по каждой серии должны были производиться два тиража выигрышей. Облигации должны были погашаться только выпавшими на них выигрышами [Голицын, Петров, 2017, с. 393–394].

Некрасов был удален из правительства в конце августа после столкновения с министром-председателем Керенским, которому тот в резкой форме посоветовал уйти со своего поста после корниловского путча [Тютюкин, 2012, с. 299].

Место министра финансов в третьем коалиционном правительстве занял М.В. Бернацкий (2 сентября – 25 октября 1917 г.), вместе с другими на министерских постах – с А.И. Коноваловым, М.И. Терещенко, А.И. Верховским, Д.Н. Вердеревским, деятельность которых прямо или опосредованно была связана с финансовым положением страны.

Юрист по образованию, министр финансов М.В. Бернацкий работал во Временном правительстве с первых дней его формирования. В июне 1917 г. выступил одним из организаторов новой радикально-демократической партии либерально-центристского толка. Профессор политэкономии, много занимавшийся аграрным вопросом, ближе других стоял к тому, чем должно было заниматься Министерство финансов. Категорически отвергавший безвозмездную эксплуатацию частных земель, их национализацию, он как бы оказался на своем месте. С министром торговли и промышленности А.И. Коноваловым Бернацкий составил программу, связанную с бюджетом, рассчитанную на усиленную поддержку промышленного производства.

В этой программе проявилось понимание финансового положения в стране. В ней был пункт о запрете вывоза русских ценностей за границу, и он мог быть реализован, запрет влиял на действие налоговых законов. Но осуществить выполнение других важных пунктов программы по независящим от ее составителей обстоятельствам было невозможно, слишком скоро менялась обстановка, и предугадать конъюнктуру было невозможно.

Бернацкому и пришлось столкнуться с требованием делового мира «приостановить до уточнения» действие закона 12 июня; его представители буквально «повисли на нем», пока закон не был признан «ошибкой» министра финансов Шингарева и министра труда М.И. Скобелева из прежнего состава Временного правительства.

Стремясь отвлечь печать от обсуждения раздражающих фактов, на основе которых появился закон 12 июня, правительство Керенского подчеркивало в ней свою заслугу – введение прямых налогов на имущество как наследство и на предметы роскоши [Волобуев, 1962, с. 329–331].

При Бернацком снова началось размещение выпуска займов, в данном случае второго Объединенного железнодорожного. Первый его выпуск пришелся на осень 1916 г. и был определен на общую сумму 350 млн руб. Была затеяна достаточно крупная финансовая операция. В 1917 г. Министерство финансов объявило о займе в связи с нежеланием коммерческих банков идти на дальнейшее кредитование железных дорог без обеспечения гарантий им дополнительных кредитов в Государственном банке. Заем выпускался из 4,5 % на 81 год и реализован среди акционеров банков. В нем участвовали 12 частных же-

лезнодорожных обществ. Заем планировалось погашать тиражами по нарицательной стоимости начиная с 5 сентября 1918 г. [Голицын, Петров, 2017, с. 392]. Подписка началась 3–5 октября, и заем неожиданно был размещен в течение трех дней с превышением выпускной суммы. Объяснялась эта активность растущим слоем предпринимателей, которые получили благодатный объект для спекуляции на фондовой бирже, завуалированной «производительным назначением». П.В. Волобуев пишет, что не последнюю роль сыграло наличие государственной гарантии [Волобуев, 1962, с. 349].

Всеобщая железнодорожная стачка 24–27 сентября, грозившая остановке уже в первый день 39 (49) общих и частных железных дорог и полному параличу экономики, охладила отношение к займу, когда выяснилось, что у Министерства финансов нет денег для повышения новых тарифных ставок по заработной плате для достойной оплаты штатного наемного труда [Пушкарева, 1964, с. 180–202]. Выяснилось, что долг правительства железнодорожникам превышал миллионы рублей.

Результаты прохождения других займов даже в виде обязательств Государственного казначейства, существовавших и до февраля 1917 г., оказались плачевными [Голицын, Петров, 2017, с. 393–394]. Провалы их в советской историографии объяснялись тем, что революция расшатывала и расшатала устои государственного и частного кредита, а это – экономический термометр (по Марксу) – показывает интенсивность революции. «В той самой мере, в какой падает кредит, повышается накал революции и растет ее творческая сила… Банки, оказывающие как хозяева частного капитала могучее воздействие на Государственный кредит Временного правительства, понимали необходимость его финансовой поддержки для укрепления власти и возможности продолжения войны. Но в то же время они, напуганные… революцией, не хотели вкладывать свои капиталы без твердой уверенности в том, что они не только получат прибыль, но и вернут эти капиталы» [Волобуев, 1962, с. 345]. Временное правительство было для них плохим гарантом. Отсюда сдержанность предпринимателей и банков к займам. «Как правило, банки использовали кредит как средство давления на правительство с целью решительной борьбы с революцией» [Волобуев, 1962, с. 345]. Если этого не было, то банки уклонялись от финансирования правительственных начинаний. Так был провален и «Заем свободы».

Осенью 1917 г. Министерством финансов была предпринята попытка решения вопроса с ипотечным кредитом. Вместе с заместителем министра-председателя Терещенко Бернацкий подписал распоряжение «Об учреждении Государственного банка городского и земского кредита». Предполагалось, что банки займутся реализацией облигационных займов на внутреннем и внешнем рынках, но до 25 октября они не успели развернуть свою деятельность. Как и предыдущие министры финансов Временного правительства, Бернацкий так и не смог заручиться поддержкой отечественных финансистов [Голицын, Петров, 2017, с. 395]. Этому было две причины. Одна из них – глубоко внутренняя, связанная с экономикой в годы войны в целом.

Материал, поднятый историками, свидетельствует о тяжелом испытании, которое выдерживали российские банки в 1917 г. Их связи с промышленными предприятиями, операции по их финансированию не преследовали долговременных целей, носили пассивный характер. О хотя бы большом промышленном оживлении, на которое надеялись капиталисты, предприниматели через пару месяцев после изменений в государственной власти переставали даже мечтать. Число этих людей было в масштабах страны очень небольшим. Ведущие политики считали, что можно «составить список «пяти или даже трех тысяч» самых богатых людей в России», связанных с банковским, финансовым капиталом [Ленин, 1969, с. 109]. Отношения их с Временным правительством, казалось бы, теоретически могли «предотвратить неминуемую катастрофу», каким представлялся тем же современникам Октябрь 1917 г.

Профессора-экономисты подсчитали тогда, что к началу 1917 г. в стране имелось не менее 14–15 млрд руб. свободного капитала [Туган-Барановский, 1917, с. 25], что сово-

купное богатство частных лиц доходило в это время до 50 млрд руб. [Цит. по: Волобуев, 1962, с. 313–314] и т. д.

К лету 1917 г. политический процесс в России стал стремительно утрачивать общенациональный характер. Финансовая сфера ощутила этот перелом, разочаровываясь в правительстве, в его способности «рулить обществом». Она не хотела ждать, пока политические силы определятся в поисках консенсуса друг с другом. На арену выходили экономически наиболее развитые петроградские и московские предприниматели [Крузе, 1967, с. 390–392 и др.]. Их интересы как «своего класса» в правительстве предоставляли два министра – М.И. Терещенко и Н.В. Некрасов, и влияние этих богатых людей нельзя преуменьшать.

Однако многие разбогатевшие, не видя возможностей сохранения и умножения капитала внутри страны, стали скрывать капиталы припрятыванием крупных денежных купюр в несгораемых шкафах (тогда неожиданно стали исчезать из обращения купюры достоинством в 100 и 1000 руб.), другие стали активно снимать часть капиталов со счетов и депозитов. Пробный шар этими людьми был брошен весной 1917 г., а с апреля уже начался отлив денег за границу, который к октябрю 1917 г. принял огромные размеры [Прокопович, 1918, с. 113; Экономическое положение, 1957, с. 363, 380]. Для банков «бегство капиталов» за границу было средством валютной спекуляции, для каждого отдельного капиталиста – мерой предосторожности. Размеры утечки не поддаются подсчетам. В некоторых работах на основании соответствующих документов сказано, что они составили не один десяток миллионов рублей [Экономическое положение, 1957, с. 389].

Министерство финансов тогда, весной, было встревожено «утечкой» капиталов. 5 июня 1917 г. при министре А.И. Шингареве вышло постановление, запрещавшее денежные переводы за границу. Оно фактически коснулось в основном «средних» капиталистов. И нарушения такого рода с сентября стали принимать очень большие размеры, а запрещение стало благополучно обходиться самими чиновниками финансовых ведомств, предлагавшими содействовать переводам [Бурышкин, 1954, с. 339]. 17 октября 1917 г. Кредитной канцелярией Министерства финансов был издан циркуляр, который в дополнение к постановлению 5 июня устанавливал контроль над продажей банками своим клиентам наличной валюты, «ибо продажа ее, хотя бы и клиентам в России, рано или поздно влечет перевод денег за границу» [Голицын, Петров, 2017, с. 395]. Это был глас вопиющего в пустыне.

Развал российской экономики, нарастание хозяйственного кризиса в стране отражались и в деятельности Министерства финансов во Временном правительстве. У него плохо выходило искать новые источники дохода, «не переобременявшие трудящиеся массы и не подрывающие народное хозяйство» (как эмиссия и займы) [Волобуев, 1962, с. 313 и др.], к чему побуждала другая власть в стране – Советы рабочих и солдатских депутатов.

В 1917 г. масштабы бумажноденежной эмиссии и внутренних займов росли по ходу растущей дороговизной жизни. В апреле денежная эмиссия обнадеживающе снизилась до дореволюционного уровня, но вскоре ее темпы выросли, превзойдя дореволюционные показатели почти в четыре раза.

С марта по октябрь 1917 г. в стране было напечатано кредитных билетов царских образцов на 6 412 млрд руб. Пребывание на посту министра финансов Некрасова знаменовалось и тем, что с августа 1917 г. правительством Керенского были пущены в обращение «собственные деньги» упрощенных до предела образцов и производства. Рисунки на них отражали время: кредитные билеты достоинством в 250 руб. были с двуглавым орлом, но без царских регалий – короны, скипетра и державы. 1000 руб. («думки») – с Таврическим дворцом в Петрограде. В сентябре появились казначейские знаки в 20 и 40 руб. («керенки»). Эти деньги печатались на плохой бумаге, не имели ни номера, ни подписей, ни даты, что вскоре и породило массовый выпуск фальшивых денег.

В 1917 г. сумма эмитированных Временным правительством бумажных денег зашкаливала за 9 533 млрд руб., т. е. оказалось больше, чем за два с половиной предыдущих

года войны. Оно оставляло далеко позади царское правительство, позволившее расширить эмиссионное право лишь на 6,2 млрд руб. Министерство финансов отмечало, что выпуск кредитных билетов зависел главным образом от военных расходов [Волобуев, 1962, с. 335–338; Голицын, Петров, 2017, с. 385; Гусаков, 1946]. Общая сумма бумажных денег к Октябрьскому перевороту возросла до 19 574 млрд руб. С горечью современники признавали, что экспедиция изготовления государственных бумаг была единственным промышленным производством, не сократившим после февраля ни интенсивности труда, ни размеров производства. По подсчетам экономиста К.Ф. Шмелева, за весь 1917 г. выпусками бумажных денег было покрыто 65,5 % военных расходов против 21,6% в 1914–1916 гг. [Денежное обращение, 1922, с. 17]. Он уточнил подсчеты Г.Д. Дементьева, который считал, что в это время внутренними и внешними займами было покрыто 68 % военных расходов [Дементьев, 1917, с. 38].

Наполнение торгового оборота бумажными деньгами подстегивало инфляцию, сопровождавшуюся спадом производства, ростом товарных цен, катастрофическим падением рубля, покупательная способность которого упала к октябрю 1917 г. до 6–7 коп. от довоенного уровня. Из-за падения курса рубля реальная стоимость денежной массы при гигантской эмиссии сократилась с 3,2 млрд довоенных *золотых* рублей до 1,9 млрд руб. Увеличение денежной массы на 1 % сопровождалось ростом цен на 5,4 %.

Население пугал опережающий инфляцию рост товарных цен: за второе полугодие 1917 г. количество денег в обращении по сравнению с началом 1914 г. выросло в 8,2 раза, индекс товарных цен – в 11,7 раза. Дефицит платежных средств привел к выпуску на местах торговыми, кооперативными организациями своих местных чеков и марок. К осени 1917 г. почти прекратился возврат денег в казну. Из почти 20 млрд денежных знаков, выпущенных при Временном правительстве, на руках у населения оставалось около 13–14 млрд. Имущие слои предпочитали припрятывать крупные купюры царских бумажных денег. Они быстрее обесценивались, чем печатались. Газеты писали, что стоимость рубля может сравняться со стоимостью бумаги, на которой он был напечатан. Остановка печатного станка была бы полным банкротством, прекращением снабжения армии и полным военным поражением. Правительство намечало грандиозный выпуск бумажных денег до конца года до 6 млрд рублей.

Надежды на внутренние займы у всех министров финансов Временного правительства, как было замечено выше, не оправдывались. Дважды продлевались сборы подписей «Займа Свободы», но ничего не вышло. Займ был провален, в том числе и имущими сословиями, которые все меньше старались перепоручить свои капиталы государству во имя войны до победного конца и восстановления «порядка». Сколько коммерческие банки ни группировали подписчиков, усилия их были тщетны: крупные представители капитала сомневались, как тогда выражалась их печать, в «социалистическом эксперименте» первого коалиционного правительства. Займы продвигались плохо в условиях падения заработной платы на всех производствах, сокращения численности рабочих и роста числа безработных.

Замечу, что после июльского кризиса и появления на горизонте Корнилова сумма подписки среди представителей капитала несколько возросла, но вскоре она спала и далее колебалась в зависимости от степени доверия капитала к власти. Именно банки вступали в конфронтацию с властью и «во многом предопределили падение неугодного им первого коалиционного кабинета» [Волобуев, 1962, с. 343–348], переход демократического правительства с большим процентом социалистов чуть ли не к открытой контрреволюции.

В последние месяцы Временного правительства, как сообщала 4 октября 1917 г. «Финансовая газета», биржа вовсе перестала покупать кредитные билеты, предпочитая сохранять свои собственные ценности.

В портфеле сберегательных касс с июня 1914 г. по октябрь 1917 г. находилось государственных займов военного времени на сумму более 3,2 млрд рублей. Но возникали проблемы с выдачей зарплаты на многих производствах. Народ проклинал власть, сравни-

вая ее с царскими временами не в ее пользу. Единственным выходом в спасении народного хозяйства могла быть только национализация банков [Экономическое положение, 1957, с. 363–364; Волобуев, 1962, с. 360–364; Голицын, Петров, 2017, с. 385–387; Бокарев, 2014, 311–313].

Находясь в сжимавшихся тисках внутри страны, Временное правительство продолжало быть верным союзническим обязательствам Антанты, но там отношения были не равными партнерскими.

С этой целью в первом составе правительства министру финансов М.И. Терещенко было предоставлено право на необходимые кредитные операции за границей в пределах до 10 млрд руб. под гарантии краткосрочных обязательств Государственного казначейства в иностранной валюте [Голицын, 1998, с. 105]. Министерство финансов надеялось на расширение заимствований у союзников на войну. «Не будь их…, войну мы должны были бы прекратить», – заявил летом 1917 г. тогда еще советник в правительстве М.В. Бернацкий [Стенографический…, № 3, 1917, с. 19]. Временное правительство льстило себя надеждой, что «отмена старого режима благоприятным образом скажется на кредитоспособности иностранных государств» [Архив, 2001, с. 26]. У него стояла задача «доказать» союзникам рвение России продолжать войну, не потерять их доверие в способности справиться с революцией.

Союзники же стремились, воспользовавшись ситуацией, низводя Россию до роли покорного сателлита [Сидоров, 1960, с. 506–510], очень боясь сепаратного мира, даже открывали новые каналы финансирования, имея главную цель – всемерно препятствовать его заключению Россией [Голицын, 1998, с. 103].

За счет иностранных кредитов Россия и оплачивала поставки вооружения, и, одновременно поддерживая курс русской валюты на зарубежных рынках, производила выплату процентов по государственному долгу. Но из этих средств ни разу ничего не перепадало тылу.

Англия, осторожничая, остерегаясь неблагоприятного разрешения революционной ситуации, давала кредиты в весьма ограниченных размерах. За восемь месяцев 1917 г. она выплатила Временному правительству 408 млн руб., значительно меньше того, сколько получало имперское правительство. От Франции Временному правительству пришлось довольствоваться только тем, что было обещано царизму – скромная сумма в 300–350 млн руб. теперь выдавалась в течение марта – октября 1917 г.

На одном из первых заседании Временного правительства возник вопрос об использовании американского и японского денежного рынка. США ограничились лишь обещанием прямых американских кредитов в 325 млн дол. Но Америкой было отпущено с апреля до октября 1917 г. в разные сроки лишь 187,7 млн долларов под 3,5%-ные обязательства русского Государственного казначейства [Волобуев, 1962, с. 371, 374–377 и др.]. В Японию для обеспечения поставок вооружения отправлялось «залоговое золото», но Япония об этом «забыла», предъявив после 1917 г. России долг в 297,7 млн иен [Голицын, Петров, 2017, с. 398]. О получении кредита при депонировании на 5 млн руб. золота из Государственного банка Временнее правительство вело переговоры и со Швецией. Золото Швеция получила, но России получить хотя бы часть кредита у этой страны не удалось: нагрянула новая революция, и это тоже «забылось» [Голицын, Петров, 2017, с. 400–401].

О размере госдолга России к Октябрю 1917 г. у историков нет единого общепринятого мнения. Известно, что за 2,5 года войны союзниками еще царскому правительству было выделено 5,2 млрд руб. Временное правительство получило от них примерно 2 млрд (2 034,1 млн) руб., т. е. на 1 млрд меньше, чем царизм в течение одного 1916 г.) [Экономическое положение, 1957, с. 384; Волобуев, 1962, с. 378; Голицын, 1998, с. 103].

Подсчетами государственного долга России к концу Февральской революции занимались многие историки. Бытует последнее мнение, что накануне октября 1917 г. государственный долг России (с учетом краткосрочных обязательств казначейства) превышал 60 млрд руб., в т. ч. внутренний долг составлял 44 млрд; тогда как внешняя (заграничная)

задолженность составляла от 7,2 млрд до 16 млрд руб. Подсчетом величины и характера госдолга России к концу 1917 г. занимались И.Ф. Гиндин, П.В. Волобуев, А.Л. Сидоров, П.М. Золин [Гиндин, 1957, с. 166–172; Золин, 1991 с. 82].

В экономическом отношении внешние долги «весили» гораздо больше, чем внутренняя заложенность. В войну бумажный рубль по сравнению с довоенным золотым рублем обесценился почти в 15 раз, тогда как подавляющая часть заграничных займов была заключена в золотых рублях или в валюте [Голицын, Петров, 2017, с. 401]. Однако без реальных союзнических кредитов Россия не могла продолжать войну.

Россия считалась на Западе надежным и аккуратным заемщиком. У нее был большой золотой запас, который при Временном правительстве уменьшился незначительно: с 3 618 млрд руб. до 3 605 млрд руб. [Голицын, 1998, с. 103]

На этих цифрах нельзя остановиться без пояснений. Замечу, прямой государственный долг России за восемь месяцев распоряжающимся государственной казной Временным правительством увеличился на 14,4 млрд руб. Эта сумма составляла более трети его прироста за годы войны до Октября 1917 г. и более половины прироста за 32 месяца ведения войны царским правительством. С марта 1917 г. государственный долг возрастал в среднемесячном исчислении в 2,5 раза быстрее, чем до Февраля 1917 г. [Волобуев, 1962, с. 380–381; Сидоров, 1960] К концу 1917 г. Россия задолжала разные суммы 13 странам, включая отошедшую от нее тогда полностью Финляндию. На момент национализации предприятий (по данным П.В. Оля) – 78,7 % составляли долги всем странам, входившим в состав Антанты (из них 16,1 % составляли германские и австрийские капиталы) [Оль, 1925].

Главным фактором возрастания государственного долга был большой внутренний долг, связанный с колоссальной денежной эмиссией, займовыми операциями казны на внутреннем рынке [Сидоров, 1960, с. 517–518]. Никаких долгосрочных внешних займов Временное правительство не получало; миллиардные займы союзников были оформлены как краткосрочные кредиты, обеспеченные краткосрочными обязательствами Государственного казначейства России.

Финансовое положение России к осени 1917 г. действительно стало катастрофическим. Восемь месяцев после Февраля 1917 г. «оказались периодом нараставшего жесточайшего финансово-экономического кризиса, усугубляемого растущей общественно-политической нестабильностью» [Российская революция, 2017, с. 562]. В разной степени вся система Временного правительства в 1917 г. при всех своих составах и во всех министерствах стремилась сохранить учрежденческие и прочие контракты со старым имперским режимом. Это отчетливо проявилось и в финансовой его политике – бессилие Временного правительства становилось очевиднее, если видеть бесплодные в итоге усилия разных министров финансов в течение восьми месяцев 1917 г. Замечу, что эта тема как специальная обойдена пока историками.

России предстояла расплата за долги, в которых она достаточно сильно увязла. Платежи по погашению должны были составить 2,4 млрд руб. в год. Заграничные в них (по подсчетам в июле 1917 г. Г.Д. Дементьева) составляли 560 млн руб. золотом, тогда как доходы по «мирному» бюджету в 1913 г. равнялись 3,4 млрд руб. [Стенографический … № 5, 1917, с. 5]. Для России это означало усиление финансово-экономической зависимости от Запада, а в случае победы в войне Антанты в будущем было чревато их вмешательством во внутреннюю экономическую жизнь России.

На это указывал в Европе уже созданный Межсоюзнический комитет [Сидоров, 1960, с. 506–512]. В его планы входило организовать дела так, чтобы был свободный доступ в Россию иностранного, главным образом американского капитала, нацеленного на эксплуатацию природных богатств России.

Особое совещание по горным делам Временного правительства уже вынесло решение отдать «как чисто деловому и аполитичному» американскому капиталу договоры на эксплуатацию, концессии в России – на нефтепромышленность на о. Сахалин, углепро-

мышленность на Дальнем Востоке, на крупное золотоносное дело в Сибири, золоторудное дело на Алтае, железорудное дело на Южном Урале, на Подмосковный уголь, на карьерную и цементную промышленность, на кавказскую медь и марганец, на курортное дело и электрификацию ряда районов. Общая сумма иностранных капиталов, необходимых для горнозаводской промышленности, определялась в 10 млрд руб. [Экономическое положение, 1957, с. 464]. Программа распродажи национальных богатств была уготовлена стране после Учредительного собрания.

Выйти из сложившейся зависимости России от других стран, остановить кровопускание в ее финансовой системе, на которой зиждилась вся ее экономика, могли только радикальные повороты государственной власти. Каким было бы это правительство, не случись социалистической революции, трудно сказать. В существовавшей системе двоевластия в 1917 г. все составы Временного правительства не вселяли надежду. Слово было теперь за народной властью.

Итогом участия России в войне и революций был очевидный факт, озвученный летом 1918 г. на I съезде Советов народного хозяйства: «Мы должны сознаться, конечно, что наша финансовая система и банковский аппарат разрушены» [Труды, 1918, с. 326].

Новейшая историография подчеркивает, что на первое место Советская власть после 25 октября поставила подчинение ей банковского аппарата [Голицын, Петров, 2017, с. 403–411], что и было сделано и определило дальнейший ход событий – истории с Учредительным собранием, Викжелем и т. д. Национализация банков в 1918 г. прекратила «бегство капиталов» заграницу, которое началось еще в сентябре 1917 г. и активизировалось после октябрьских событий.

Общим местом в советской экономической и историографической литературе в истории финансов периода Первой мировой войны, напоминают Ю.А. Петров и Ю.П. Голицын, всегда был главный тезис: задача Советской власти состояла в том, чтобы обеспечить безусловное соблюдение интересов малоимущих граждан, владеющих облигациями аннулированных займов, сделать все, чтобы они не пострадали от новой финансовой политики. Исходя из этого, дается здравомыслящая оценка проведенного новой властью «дефолта» в 1918 г., так называемой «красногвардейской» атаке на российский и международный капитал [Голицын, Петров, 2017, с. 423].

Замечу, что стремительная, испепеляющая, бессистемная атака Советов на имущие классы под лозунгом «грабь награбленное у народа» имела многие отрицательные стороны. Под право «обложения имущих классов» массово попадали не только толстосумы города и деревни, но и среднее крестьянство, простые горожане, государственные служащие [Голицын, Петров, 2017, с. 412–413].

Бесконтрольность Советов в расходовании полученных ими средств рождала негативное отношение к ним населения страны. Атака в международной сфере явилась отказом Советов от принятых Россией договорных финансовых обязательств прежних ее правительств. Еще в декабре 1917 г. Советское правительство зондировало почву в отношении «государственного банкротства», его декретом 21 января 1918 г. были аннулированы все иностранные государственных долги России и иностранные займы как «капиталистические», в результате чего банки Германии, Великобритании, Франции, всех стран, которым была должна Россия, теряли огромные суммы, также как держатели русских государственных займов и облигаций железных дорог. Это вызвало бурную реакцию в мире. Проблема обсуждалась на дипломатическом уровне на протяжении всей истории существования СССР [Голицын, Петров, 2017, с. 417–418, 424 и др.]. Но это уже другая тема, которую дóлжно рассматривать в связи со всей предысторией финансового положения России в имперский период и последующие восемь месяцев Временного правительства, признав со всей частностью, что в мировую войну Россия сильно проиграла финансово-экономически и морально.

Историография России в 1917 г. не может отказаться от вывода о неизбежности социалистической революции. Альтернатива этому – подчеркивают новейшие работы –

находится «в непосредственной зависимости от состояния политической системы и позиции ее ведущих акторов, включая российского императора» [Шелохаев, Соловьев, 2008, с. 163]. Обращаясь к проблеме власти и общества в атмосфере формирования в народе революционного сознания в России в начале XX в., Д.И. Менделеев записал в трактате «Заветные мысли», что «только богатое государство, у которого *налажено финансирование (*подчеркнуто мною *И.П.),* связанная с ним промышленность и товарное производство, может удовлетворить и элиту, и народ. Организованная государственным управлением финансовая система всегда в ответе за народную нищету, за модернизацию как производства, так и за состояние всего общества в целом» [Цит. по: Китанина, 2016, с. 57–58].

История финансов в Первую мировую войну и революции 1917 г. в России, тесно переплетаясь с историей экономики, помогает определить угол зрения в объяснении причин этих революций, поясняя и крах монархии, над которым размышляет не одно поколение историков в поисках ответа на вопрос: могла ли Россия избежать трагедию 1917 г.?

Список литературы

1. Аничков В.П. 1998. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М., Русский путь, 366.

2. Архив новейшей истории России. 2001. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь 1917 года. В 4-х т. Том 1. Март – апрель 1917 года. М., РОССПЭН, 447.

3. Боголепов Д.П. 1917. Война и финансы. М., 31.

4. Бокарев Ю.П. 2014. Денежное обращение. Россия в Первой мировой войне. 1914–1918: Энциклопедия. 1: 608–613.

5. Бурышкин П.А. 1954. Москва купеческая. Нью-Йорк, 349.

6. Вестник Временного правительства. 11 марта 1917 г.

7. Вознесенский С.В. 2009. Первые сто лет. Экспедиции изготовления государственных бумаг, 1818–1918. СПб., Нестор-История, 426.

8. Волобуев П.В. 1962. Экономическая политика Временного правительства. М., Издательство Академии наук СССР, 483.

9. Вопросы финансовой реформы в России. В 3-х т. Т. 2. Вып. 1. М., 1916. 139.

10. Гиндин И.Ф. 1957. О величине и характере русского государственного долга в конце 1917 г. История СССР. 5: 166–172.

11. Голицын Ю.П. 1998. Фондовый рынок дореволюционной России: очерки истории. М., Деловой экспресс, 279.

12. Голицын Ю.П., Петров Ю.А. 2017. Финансовое положение. Февраль 1917 – осень 1918 г. В кн.: Российская революция 1917 г.: власть, общество, культура: в 2-х т. Отв. ред. Ю.А. Петров. Т. 1. М., РОССПЭН, 384–453.

13. Гусаков А.Д. 1946. Очерки по денежному обращению в России накануне и в период Октябрьской социалистической революции. М., Госфиниздат, 124.

14. Дементьев Г.Д. 1917. Государственные доходы и расходы России и положение Государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Пг., тип. ред. период. изд. М-ва Финансов, 54.

15. Денежное обращение и кредит. Т. 1. Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914–1921 гг.): [Сб. ст.]. Под ред. С.В. Воронина и К.Ф. Шмелева. Пг.: Б. и., 1922. 638.

16. Денисов А.Е. 2005. Государственные займы Российской империи 1798–1917 годов. М., Финансы и кредит, Финансовая инновационная компания «Фининнова», 211.

17. Дьяченко В.П. 1947. Советские финансы в первой фазе развития социалистического государства. Ч. I. 1917–1925. М., Госфиниздат, 476.

18. Ефимкин А.П. 1988. Отправка Временным правительством золота в Швецию. Вопросы истории. 12: 105–110.

19. Золин П.М. 1991. Государственный долг: истоки тенденции. Финансы СССР. 4.

20. История Банка России, 1860–2010: в 2-х т. Отв. ред. Ю.А. Петров, С.В. Татаринов. М., РОССПЭН, 2010. 623 + 679.

21. Китанина Т.М. 2016. Россия в первой мировой войне. Экономика и экономическая политика. 1914–1917 гг. Курс лекций. Изд. 2-ое. СПб., Гуманитарная академия, 348.

22. Коняев А.И. 1959. Финансовый контроль в дореволюционной России: (Очерки истории). М., Госфиниздат, 164.

23. Крузе Э.Э. 1967. Экономика Петрограда в первой половине 1917 г. В кн.: Октябрьское вооруженное восстание. 1917 год в Петрограде. Кн. II. На путях к социалистической революции. Двоевластие. Л., Наука. Ленингр. отд-ние.

24. Ленин В.И. 1969. Неминуемая катастрофа и безмерные обещания. В кн.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 32. Май – июль 1917. М., Издательство политической литературы: 105–111.

25. Мошенский С.З. 2014. Рынок ценных бумаг Российской империи. М., Экономика, 560.

26. Оль П.В. 1925. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 35.

27. Особые совещания и комитеты военного времени. Пг., Гос. тип., 1917. 99.

28. Петров Ю.А. 2000. Проблема государственного долга и частные германские инвестиции в России. В кн.: Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., РОССПЭН: 458–468.

29. Погребинский А.П. 1968. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., Финансы, 167.

30. Потемкин А.П. 1997. Государственные займы в период Временного правительства в 1917 г. Финансы. 1: 55–57.

31. Прокопович С.Н. 1918. Война и народное хозяйство. М., 264.

32. Пушкарева И.М. 1964. Всеобщая сентябрьская стачка железнодорожников в 1917 г. В кн.: Рабочий класс и рабочее движение в России в 1917 г. М., Наука: 180–202.

33. Ривкин Б.Б. 1957. Финансовая политика в период Великой Октябрьской социалистической революции. М., Госфиниздат. 319.

34. Российская революция 1917 г.: власть, общество, культура: в 2-х тт. Отв. ред. Ю.А. Петров. Т. 2. М., РОССПЭН, 2017. 591.

35. Сберегательные кассы во время Первой мировой войны. В кн.: История сберегательных касс России. 1841–1991. Под ред.А.И. Казьмина. М.: б/издательства: 160–169.

36. Сидоров А.Л. 1960. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. (1914–1917). М., Изд-во АН СССР, 579.

37. Сидоров А.Л. 1973. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., Наука, 655.

38. Стенографический отчет заседаний Экономического совета при Временном правительстве. № 3. Санкт-Петербург, 1917.

39. Стенографический отчет заседаний Экономического совета при Временном правительстве. № 5. Санкт-Петербург, 1917.

40. Страхов В.В. 2007. «Заем свободы» Временного правительства. Вопросы истории. 10: 31–45.

41. Страхов В.В. 2006. Общественные проекты в сфере государственных финансов России 1914–1917 годов. Вопросы истории. 11: 21–38.

42. Суханов Н.Н. 1922. Записки о революции. Кн. 3. Берлин, 450.

43. Терещенко М. 2012. Первый олигарх: Михаил Иванович Терещенко (1886–1956): Необычайная история жизни моего деда, как ее рассказала бы мне моя бабушка. Киев, Ника-Центр, 228.

44. Труды 1 Всероссийского съезда советов народного хозяйства. 25 мая – 4 июня 1918 г.: (Стеногр. отчет). Москва. 1918. 488.

45. Туган-Барановский М.И. 1917. Военные займы в теоретическом освещении. В кн.: Военные займы: Сборник статей. Под общ. ред. М.И. Туган-Барановского. Пг., тип. «Правда», 5–25.

46. Тютюкин С.В. 2012. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917). М., РОССПЭН, 309.

47. Ходяков М.В. 2009. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб., Печатный двор им. А.М. Горького, 221.

48. Чубаков И.И. 1926. Внутренние и внешние кредитные операции в период империалистической войны. Вестник финансов. 5–6: 131–138.

49. Шелохаев В.В., Соловьев К.А. 2018. Февраль в тени Октября (историографические итоги и исследовательские задачи). Российская история. 1: 161–171.

50. Шляпников А.Г. 1927. Семнадцатый год. Кн. 3. М., Л., 380.

51. Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы. Март – октябрь 1917 г. Ч. 2. М., Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 655.

References

1. Anichkov V.P. 1998. Ekaterinburg – Vladivostok (1917–1922) [Yekaterinburg – Vladivostok (1917–1922)]. M., Russkij put', 366 (in Russian).

2. Arhiv novejshej istorii Rossii. 2001. Serija «Publikacii». T. VII. Zhurnaly zasedanij Vremennogo pravitel'stva: Mart – oktjabr' 1917 goda. V 4-h t. Tom 1. Mart – aprel' 1917 goda [Archive of the recent history of Russia. Series «Publications». T. VII. Journals of meetings of the Provisional Government: March – October 1917]. M., ROSSPJeN, 447 (in Russian).

3. Bogolepov D.P. 1917. Vojna i finansy [War and Finance]. M., 31 (in Russian).

4. Bokarev Ju.P. 2014. Denezhnoe obrashhenie. Rossija v Pervoj mirovoj vojne. 1914–1918 [Monetary Circulation. Russia in the First World War. 1914–1918]: Jenciklopedija. 1: 608–613 (in Russian).

5. Buryshkin P.A. 1954. Moskva kupecheskaja [Moscow merchant]. N'ju-Jork, 349.

6. Vestnik Vremennogo pravitel'stva [Bulletin of the Provisional Government]. 11marta 1917 g. (in Russian).

7. Voznesenskij S.V. 2009. Pervye sto let. Jekspedicii izgotovlenija gosudarstvennyh bumag, 1818–1918 [The First Hundred Years. Expeditions of making government papers, 1818–1918]. SPb., Nestor-Istorija, 426 (in Russian).

8. Volobuev P.V. 1962. Ekonomicheskaja politika Vremennogo pravitel'stva [Economic Policy of the Provisional Government]. M., Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 483 (in Russian).

9. Voprosy finansovoj reformy v Rossii [Issues of financial reform in Russia]. V 3-h t. T. 2. Vyp. 1. M., 1916. 139 (in Russian).

10. Gindin I.F. 1957. O velichine i haraktere russkogo gosudarstvennogo dolga v konce 1917 g. [About the size and nature of the Russian state debt at the end of 1917] Istorija CCCR. 5: 166–172 (in Russian).

11. Golicyn Ju.P. 1998. Fondovyj rynok dorevoljucionnoj Rossii: ocherki istorii [The stock market of pre-revolutionary Russia: history essays]. M., Delovoj ekspress, 279 (in Russian).

12. Golicyn Ju.P., Petrov Ju.A. 2017. Finansovoe polozhenie. Fevral' 1917 – osen' 1918 g. [Financial situation. February 1917 – autumn 1918]. V kn.: Rossijskaja revoljucija 1917 g.: vlast', obshhestvo, kul'tura: v 2 -h t. [In the book: Russian revolution of 1917: power, society, culture: in 2 vols]. Otv. red. Ju.A.Petrov. T. 1. M., ROSSPJeN: 384–453 (in Russian).

13. Gusakov A.D. 1946. Ocherki po denezhnomu obrashheniju v Rossii nakanune i v period Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii [Essays on money circulation in Russia on the eve and during the October Socialist Revolution]. M., Gosfinizdat, 124 (in Russian).

14. Dement'ev G.D. 1917. Gosudarstvennye dohody i rashody Rossii i polozhenie Gosudarstvennogo kaznachejstva za vremja vojny s Germaniej i Avstro-Vengriej do konca 1917 g. [State revenues and expenditures of Russia and the position of the State Treasury during the war with Germany and Austria-Hungary until the end of 1917]. Pg., tip. red. period. izd. M-va Finansov, 54 (in Russian).

15. Denezhnoe obrashhenie i kredit. T. 1. Denezhnoe obrashhenie v Rossii i za granicej v gody vojny i revoljucii (1914–1921 gg.) [Money circulation and credit. T. 1. Money circulation in Russia and abroad during the war and revolution (1914–1921)]: [Sb. st.]. Pod red. S.V. Voronina i K.F. Shmeleva. Pg.: B. i., 1922, 638 (in Russian).

16. Denisov A.E. 2005. Gosudarstvennye zajmy Rossijskoj imperii 1798–1917 godov [State loans of the Russian Empire 1798–1917]. M., Finansy i kredit, Finansovaja innovacionnaja kompanija «Fininnova», 211 (in Russian).

17. D'jachenko V.P. 1947. Sovetskie finansy v pervoj faze razvitija socialisticheskogo gosudarstva. Ch. I. 1917–1925 [Soviet finance in the first phase of the development of the socialist state. Part I. 1917–1925]. M., Gosfinizdat, 476 (in Russian).

18. Efimkin A.P. 1988. Otpravka Vremennym pravitel'stvom zolota v Shveciju [Sending gold by the Provisional Government to Sweden]. Voprosy istorii. 12: 105–110 (in Russian).

19. Zolin P.M. 1991. Gosudarstvennyj dolg: istoki tendencii [Public Debt: The Origins of the Trend]. Finansy SSSR. 4 (in Russian).

20. Istorija Banka Rossii, 1860–2010: v 2-h t. [History of the Bank of Russia, 1860–2010: in 2 vols]. Otv. red. Ju.A. Petrov, S.V. Tatarinov. M., ROSSPJeN, 2010. 623 + 679 (in Russian).

21. Kitanina T.M. 2016. Rossija v pervoj mirovoj vojne. Jekonomika i jekonomicheskaja politika. 1914–1917 gg. [Russia in the First World War. Economics and economic policy. 1914–1917 Lecture course]. Kurs lekcij. Izd. 2-oe. SPb., Gumanitarnaja akademija, 348 (in Russian).

22. Konjaev A.I. 1959. Finansovyj kontrol' v dorevoljucionnoj Rossii: (Ocherki istorii) [Financial control in pre-revolutionary Russia: (Essays on history)]. M., Gosfinizdat, 164 (in Russian).

23. Kruze Je.Je. 1967. Jekonomika Petrograda v pervoj polovine 1917 g. [Economy of Petrograd in the first half of 1917]. V kn.: Oktjabr'skoe vooruzhennoe vosstanie. 1917 god v Petrograde. Kn. II. Na putjah k socialisticheskoj revoljucii. Dvoevlastie [In the book: October armed uprising. 1917 in Petrograd. Book II. On the road to the socialist revolution. Dual power]. L., Nauka. Leningr. otd-nie. (in Russian).

24. Lenin V.I. 1969. Neminuemaja katastrofa i bezmernye obeshhanija [Inevitable Catastrophe and Immeasurable Promises]. V kn.: Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 32. Maj – ijul' 1917 [In the book: Lenin V.I. Full composition of writings. T. 32. May – July 1917]. M., Izdatel'stvo politicheskoj literatury: 105–111 (in Russian).

25. Moshenskij S.Z. 2014. Rynok cennyh bumag Rossijskoj imperii [The Securities Market of the Russian Empire]. M., Jekonomika, 560 (in Russian).

26. Ol' P.V. 1925. Inostrannye kapitaly v narodnom hozjajstve dovoennoj Rossii [Foreign capital in the national economy of pre-war Russia]. L., 35 (in Russian).

27. Osobye soveshhanija i komitety voennogo vremeni [Special meetings and wartime committees]. Pg., Gos. tip., 1917, 99 (in Russian).

28. Petrov Ju.A. 2000. Problema gosudarstvennogo dolga i chastnye germanskie investicii v Rossii [The Problem of Public Debt and Private German Investment in Russia]. V kn.: Jekonomicheskaja istorija Rossii XIX–XX vv.: sovremennyj vzgljad [In the book: Economic history of Russia XIX – XX centuries: modern view]. M., ROSSPJeN: 458–468 (in Russian).

29. Pogrebinskij A.P. 1968. Gosudarstvennye finansy carskoj Rossii v jepohu imperializma [State finances of tsarist Russia in the era of imperialism]. M., Finansy, 167 (in Russian).

30. Potemkin A.P. 1997. Gosudarstvennye zajmy v period Vremennogo pravitel'stva v 1917 g. [State loans during the Provisional Government in 1917]. Finansy. 1: 55–57 (in Russian).

31. Prokopovich S.N. 1918. Vojna i narodnoe hozjajstvo [War and the National Economy]. M., 264 (in Russian).

32. Pushkareva I.M. 1964. Vseobshhaja sentjabr'skaja stachka zheleznodorozhnikov v 1917 g. [The general September strike of railway workers in 1917]. V kn.: Rabochij klass i rabochee dvizhenie v Rossii v 1917 g. [In the book: The working class and the labor movement in Russia in 1917]. M., Nauka: 180–202 (in Russian).

33. Rivkin B.B. 1957. Finansovaja politika v period Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii [Financial policy during the Great October Socialist Revolution]. M., Gosfinizdat. 319 (in Russian).

34. Rossijskaja revoljucija 1917 g.: vlast', obshhestvo, kul'tura: v 2-h t. [The Russian revolution of 1917: power, society, culture: in 2 vols]. Otv. red. Ju. A. Petrov. T. 2. M., ROSSPJeN, 2017. 591 (in Russian).

35. Sberegatel'nye kassy vo vremja Pervoj mirovoj vojny [Savings banks during the First World War]. V kn.: Istorija sberegatel'nyh kass Rossii. 1841–1991. Pod red. A.I. Kaz'mina [In the book: History of savings banks in Russia. 1841–1991]. M.: b/izdatel'stva: 160–169 (in Russian).

36. Sidorov A.L. 1960. Finansovoe polozhenie Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917) [The financial position of Russia during the First World War (1914–1917)]. M., Izd-vo AN SSSR, 579 (in Russian).

37. Sidorov A.L. 1973. Jekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny [The economic situation in Russia during the First World War]. M., Nauka, 655 (in Russian).

38. Stenograficheskij otchet zasedanij Jekonomicheskogo soveta pri Vremennom pravitel'stve [Verbatim record of meetings of the Economic Council under the Provisional Government]. № 3. Sankt-Peterburg, 1917 (in Russian).

39. Stenograficheskij otchet zasedanij Jekonomicheskogo soveta pri Vremennom pravitel'stve [Verbatim record of the meetings of the Economic Council under the Provisional Government]. № 5. Sankt-Peterburg, 1917 (in Russian).

40. Strahov V.V. 2007. «Zaem svobody» Vremennogo pravitel'stva [«Loan of Freedom» of the Provisional Government]. Voprosy istorii. 10: 31–45 (in Russian).

41. Strahov V.V. 2006. Obshhestvennye proekty v sfere gosudarstvennyh finansov Rossii 1914–1917 godov [Public Projects in the Sphere of Public Finance of Russia 1914–1917]. Voprosy istorii. 11: 21–38 (in Russian).

42. Suhanov N.N. 1922. Zapiski o revoljucii [Notes on the Revolution]. Kn. 3. Berlin, 450.

43. Tereshhenko M. 2012. Pervyj oligarh: Mihail Ivanovich Tereshhenko (1886–1956): Neobychajnaja istorija zhizni moego deda, kak ee rasskazala by mne moja babushka [The first oligarch: Mikhail Ivanovich Tereshchenko (1886–1956): An extraordinary story of my grandfather's life, as my grandmother would tell me]. Kiev, Nika-Centr, 228.

44. Trudy 1 Vserossijskogo s'ezda sovetov narodnogo hozjajstva. 25 maja – 4 ijunja 1918 g.: (Stenogr. otchet) [Proceedings of the 1st All-Russian Congress of Councils of the National Economy. May 25 – June 4, 1918: (Verbatim report)]. Moskva. 1918. 488 (in Russian).

45. Tugan-Baranovskij M.I. 1917. Voennye zajmy v teoreticheskom osveshhenii [War loans in theoretical coverage]. V kn.: Voennye zajmy: Sbornik statej [In the book: War loans: Collection of articles]. Pod obshh. red. M.I. Tugan-Baranovskogo. Pg., tip. «Pravda»: 5–25 (in Russian).

46. Tjutjukin S.V. 2012. Aleksandr Kerenskij. Stranicy politicheskoj biografii (1905–1917) [Alexander Kerensky. Pages of political biography (1905–1917)]. M., ROSSPJeN, 309 (in Russian).

47. Hodjakov M.V. 2009. Den'gi revoljucii i Grazhdanskoj vojny: denezhnoe obrashhenie v Rossii 1917–1920 gg. [Money of the Revolution and the Civil War: Money Circulation in Russia 1917–1920]. SPb., Pechatnyj dvor im. A.M. Gor'kogo, 221 (in Russian).

48. Chubakov I.I. 1926. Vnutrennie i vneshnie kreditnye operacii v period imperialisticheskoj vojny [Internal and external credit operations during the imperialist war]. Vestnik finansov. 5–6: 131–138 (in Russian).

49. Shelohaev V.V., Solov'ev K.A. 2018. Fevral' v teni Oktjabrja (istoriograficheskie itogi i issledovatel'skie zadachi) [February in the shadow of October (historiographic results and research tasks)]. Rossijskaja istorija. 1: 161–171 (in Russian).

50. Shljapnikov A.G. 1927. Semnadcatyj god. Kn. 3 [The seventeenth year]. M., L., 380 (in Russian).

51. Jekonomicheskoe polozhenie Rossii nakanune Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii. Dokumenty i materialy. Mart – oktjabr' 1917 g. Ch. 2. [The economic situation in Russia on the eve of the Great October Socialist Revolution. Documents and materials. March – October 1917. Part 2]. M., L., Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1957, 655 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пушкарёва Ирина Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр истории России XIX – начала XX в., Институт российской истории Российской академии наук, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pushkareva Irina Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Center for the History of Russia in the end of XIXth – beginning of the XXth century, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

УДК 93: 303.446.4/347.781.52
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-854-862

Московский журнал «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.) в современной российской и украинской историографии

Р.В. Трофимов, А.Н. Мошкин
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;
E-mail: troro@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается современная российская и украинская историография, журнала «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.). Отмечается недостаток изучения в России проукраинской периодики в целом и данного журнала в частности. Выявлены взгляды современных украинских исследователей, которые провели достаточно тщательное исследование журнала, в основном с филологической, журналистской, культурологической и исторической точек зрения. Делается вывод о том, что издаваемый в Москве журнал пропагандировал идеи украинского национализма, который активно противостоял национальной политике русского правительства в рамках концепции триединого русского народа.

Ключевые слова: украинский язык, «украинский вопрос» в Российской империи, малороссы, сепаратизм, автономизм.

Для цитирования: Трофимов Р.В., Мошкин А.Н. 2020. Московский журнал «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.) в современной российской и украинской историографии. Via in tempore. История. Политология. 47(4): 854–862. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-854-862.

Moscow magazine «The Ukrainian life» (1912–1917) in modern Russian and Ukrainian historiography

Roman V. Trofimov, Alexander N. Moshkin
Belgorod National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
E-mail: troro@mail.ru

Abstract. The article reveals the historiography, content and main ideas of magazine «The Ukrainian Life» (1912–1917). The author analyzes research of the magazine in Russian and Ukrainian science, identifies directions for its further study. The author of the article also notes that in national science the pro-Ukrainian periodicals in general and the analyzed magazine in particular have yet to be adequately examined. The article considers the views of modern Ukrainian researchers who conducted a fairly thorough research of the magazine, mainly from the philological, journalistic, cultural and historical points of view. The issue of the scale of the magazine's significance for the ongoing nation-building in the Russian Empire is also important. Ukrainian historiography is inclined to exaggerate the role of this magazine in the «national revival of Ukrainians in Moscow», but the fact is indisputable that the magazine «The Ukrainian Life» was an active spokesman for the few (at that time) activists-Ukrainophiles of the Russian Empire. We see directions for further research in a comprehensive study of the magazine, its impact on Russian society and discussions on the pages of publications. It is concluded that the magazine published in Moscow promoted the ideas of Ukrainian nationalism, that within the framework of the concept of the triune Russian people actively opposed the national policy of the Russian government.

Keywords: Ukrainian language, «Ukrainian issue» in Russia, Little Russian, separatism, autonomism.

For citation: Trofimov R.V., Moshkin A.N. 2020. Moscow magazine «The Ukrainian life» (1912–1917) in modern Russian and Ukrainian historiography. Via in tempore. History and political science. 47(4): 854–862 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-854-862.

Введение

Одной из актуальных тем последних десятилетий является изучение национальных движений окраин Российской империи. Безусловно, в этом процессе одним из самых активных движений были объедения украинофилов, добивавшихся культурной автономии в составе России. Наиболее активно деятели украинской идеи проявляли себя в «украинских» губерниях. По переписи 1897 г. удельный вес малороссов в девяти «украинских» губерниях составлял около 80 %, опускаясь в Таврии до 42 %. А в ведущих городских центрах, традиционно господствующих над сельской округой, малороссы представляли собой незначительное меньшинство – в среднем не более пятой части всех их обитателей [Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 2020]. Что касается крупных великорусских городов, то здесь малорусского населения было не более одного процента. Например, в Москве малороссов начитывалось всего четыре с половиной тысячи человек или 0,43 %. После окончания Первой русской революции в 1907 году, ослабления цензуры и общей либерализации общества в Малороссии стали выходить газеты и журналы проукраинской направленности (например, «Хлебороб», «Рада» и т. д.) на украинском языке. Нашлись сторонники «украинской идеи» и в столице Российской империи – в Санкт-Петербурге, где с 1906 года начал свой выход русскоязычный еженедельник «Украинский вестник» [Корнієвська, 2013, с. 220]. Однако, недолго просуществовав, в этом же году он был закрыт.

Спустя 6 лет после революционных событий с украинофильской тематикой в Москве на русском языке стал выходить журнал «Украинская жизнь». Главные редакторы журнала А. Саликовский и С. Петлюра, описывая журнал как, прежде всего, культурно-просветительский, скрывали его политическую направленность, и поэтому разрешение на издательство в Московском комитете по делам печати было получено. Немногочисленная украинская диаспора, проводя свою агитацию в «чужих» губерниях, ставила целью объединение земляков-малороссов, превращение их в украинцев и «просвещение» великорусской интеллигенции, которая не считала важным «украинский вопрос». Действительно, недооценка опасности украинского сепаратизма со стороны российской власти дорого обошлась новой, уже республиканской России после 1917 года, когда украинский сепаратизм получил поддержку со стороны различных сил, что в конченом итоге привело к расколу русского народа и созданию государства Украина.

В целом этот русскоязычный журнал представлял собой сборник статей деятелей украинского движения и делился на несколько непостоянных рубрик: 1) «На текущие темы»; 2) «Обзор украинской жизни»; 3) «На Украине и вне ее»; 4) «Библиография», 5) «Объявления»; 6) «Украинская пресса», 7) «Из русской печати», 8) «Ответы читателям» и т. д. Тираж в основном составлял до 500–1000 штук, объем выпуска – до 200 журнальных страниц. Исходя из анализа содержания издания, статей, дискуссий на страницах журнала «Украинская жизнь», можно сделать вывод, что в завуалированной форме в Москве пропагандировалась идея украинского национализма с собственной исторической мифологией, ядро которой составило желание создать автономную Украину с правом на культурное самоопределение [«Украинская жизнь», журнал (Москва), 1917]. Важное внимание в журнале уделялось «угнетению» украинского народа Россией («Москвой»), которая лишила, по мнению украинофилов, украинцев государственности. В дальнейшем подобные идеи станут основой уже современной украинской исторической политики.

Объекты и методы исследования

Объектами исследования являются основные идеи, деятельность и роль в современном историческом нарративе России и Украины журнала «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.). Проанализированы современные российские и украинские труды ученых, касающихся издания, его редакторов. Из основных собственно исторических методов научного исследования использовались:

– историко-типологический – для выявления основных идей и подходов исследователей журнала;

– историко-системный – для изучения явления особенностей российской и украинской историографий в контексте изучения журнала;

– проблемно-хронологический – для раскрытия истории изучения журнала в России и за рубежом;

– мы подходили в истории изучения журнала к весьма сложному феномену в области политики, литературы, теории журналистики, поэтому необходим также междисциплинарный подход;

– кроме того, целесообразен структурно-функциональный подход для изучения историографии журнала в контексте всей историографии как России, так и Украины.

Результаты и их обсуждение

В историографии первая серьезная попытка изучения журнала в России была предпринята в 1994 году Н.М. Пашаевой [Пашаева, 1994], которая в своей статье рассмотрела основные направления деятельности и тематику издания. Через 21 год появилась вторая статья М.Э. Клоповой, которая посвящена «Украинской жизни» [Клопова, 2015]. Исследователь рассматривает основные противоречия, которые возникали между русской интеллигенцией и активистами украинского движения. По мнению М.Э. Клоповой, ежемесячник представляет интерес «…не только как собственно украинский журнал, но и как явление российской общественной мысли» [Там же, с. 123]. Вместе с тем «Украинская жизнь» не смогла занять место «рупора украинского движения», отстранившись от актуальных тем российской действительности, что стало причиной непонимания между украинскими активистами и русской оппозиционной общественностью. Как отмечет автор статьи, другой преградой было то, что проукраинские деятели стремились придать «украинскому вопросу» статус исключительности, в то время как для русских читателей этот вопрос был лишь частью общей борьбы за «…преобразования всего российского общества в демократическом духе» [Там же, с. 135]. К сожалению, в отечественной науке публикации М.Э. Клоповой и Н.М. Пашаевой [Пашаева, 1994] остаются едва ли не единственными исследованиями, посвященными этому украинофильскому изданию, которое, по нашему мнению, представляет собой явление незаурядное – на протяжении пяти лет в древней российской столице регулярно выходил журнал, пропагандировавший идеи украинства (украинцев как отдельного народа), которые противоречили официальной национальной политике Российской империи.

В современной Украине на журнал активно обращали внимание в двухтысячные годы. Так, филологом О.О. Полумысной раскрыты композиционные особенности статей на литературную тему [Полумисна, 2007б], журнал был рассмотрен с позиций литературного процесса – изучена та сторона журнала, которая касалась украинских писателей того времени: И. Франко, Л. Украинка, О. Кобылянская и т. д. [Полумисна, 2007а]. В статье «Организационная деятельность редакторского состава журнала ”Украинская жизнь“» (1912–1917 гг.) исследуется организационная деятельность редакторского состава: Я. Шеремецинский, С. Петлюра и А. Саликовский [Полумисна, 2009а, с. 192].

В диссертации О.О. Полумысной «Журнал ”Украинская жизнь“ и литературный процесс начала XX века» отмечено, что «…журнал «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.) по-

ка оставался вне научных поисков» (здесь и далее перевод с украинского языка автора – Р.Т.) [Полумисна, 2009б, с. 7]. Обращает внимание замечание автора, что в советское время журнал игнорировался, и упоминания о нем встречаются без какой-либо аналитики. В диссертационной работе О.О. Полумысной сосредоточено внимание на культурно-литературных аспектах «Украинской жизни», с точки зрения теории литературы и журналистики изучена тематика журнала. По мнению автора: «”Украинская жизнь“ не преследовала откровенно политических целей, своей открытостью и неангажированностью она привлекла к себе многих читателей» [Там же, с. 9]. Возразим, что в подобных оценках чувствуется политическая предопределенность взглядов О.О. Полумысной, ведь по ее мнению «украинская нация» уже тогда представляла собой нечто завершенное и отдельное от русского народа, поэтому журнал ей представляется «не откровенно политическим» и «неангажированным». Неудивительно, что в статье «Деятельность журнала ”Украинская жизнь“ (1912–1917) в оценке украинских и российских периодических изданий начала XX века» [Полумисна, 2010] исследователь практически обходит стороной критические отзывы на деятельность журнала, фокусируясь в основном на позитивных отзывах публицистов. Вместе с тем, как показывает изучение периодической печати того времени, среди русской (как малорусской, так и великорусской) прессы существовало огромное количество негативных отзывов [Клопова, 2015] как о тематике и содержании журнала, так и об украинстве в целом. Итак, нельзя сказать, что журнал был «неангажированным», ведь целью журнала было, прежде всего, изменить национальную государственную политику России, направленную на построение триединой русской нации, показать отличия малороссов и великороссов, очернить русское националистическое движение, важную часть которого составляли малороссы Киева, Харькова, Полтавы, Житомира и других городов.

В другой работе О.О. Полумысная приводит цитату Д. Донцова – одного из ключевых авторов журнала: «Редакция ”Укр. Жизни“ смотрела на нее как на орган проукраинской пропаганды среди русских, я – как на орган противорусской пропаганды среди украинцев» [Цит. по: Полумисна, 2014, с. 292]. Таким образом, материал журнала скорее носил определенную пропагандистскую цель. В целом в трудах многих украинских исследователей прослеживается подобная предопределенность в правильности идей журнала, уверенность в существовании «украинской нации» со своими интересами, отличными от общероссийских, игнорируя активную деятельность многих малороссов, которые считали себя частью единой русской нации.

В другой украинской диссертации Д.И. Миронюка «Симон Петлюра как редактор журнала ”Украинская жизнь“ (1912–1917 гг.)» с точки зрения специалиста по социальным коммуникациям освещены программные основы журнала, организация работы редакции, тематика и направления работы журнала. Отметим, что это исследование основное внимание уделяет личности редактора «Украинской жизни» – С. Петлюре «…как журналисту, публицисту, редактору, организатору редакционно-издательского дела» [Миронюк, 2011, с. 5]. Также укажем на то, что в диссертации были использованы архивные документы (из ЦГАВОВУ и ЦГИАУ в Киеве), касающиеся проукраинской периодики, особенностей взаимодействия с местной властью и становления Симона Петлюры как журналиста. Тем не менее, по нашему мнению, в работах Д.И. Миронюка наблюдается ряд упущений, связанных с исторической объективностью, эмоциональностью изложения, касающихся «украинского вопроса» в России. Так, например, в статье «Журнал ”Украинская жизнь“ – как фактор защиты украинского языка в условиях наступления реакционных сил на национально-освободительное движение» Д.И. Миронюк утверждал, что «…в царской России названия ”Украина“, ”украинцы“, ”украинский“ были административно запрещены. Распоряжение это было тайным, потому что, с одной стороны, оно было противозаконным, а с другой – граждане лишались возможности обжалований» [Миронюк, 2009, с. 425]. Спорными являются утверждения о «тайных распоряжениях», о запрете всего украинского, ведь само название журнала содержало слово «украинская», и на его страницах в

Москве не только употреблялись термины «Украина», «украинцы» и т. д., но еще и обосновывалось право на собственную культуру и язык. Кроме того, в диссертационном исследовании допущен ряд ангажированных высказываний вроде «…столице тогдашней ”тюрьмы народов“ – Москве» [Миронюк, 2011, с. 11] или «…петлюровские идеи не утратили методологического значения […] в контексте современной внутренней, внешней информационной политики, единение нации вокруг идеи независимости и строительства прочного суверенного государства» и т. д. [Миронюк, 2011, с. 4]. Но вместе с тем ценным в работах Д.И. Миронюка является использование большого массива источниковедческого и историографического материала.

Отдельные аспекты деятельности журнала освещены в работах другого украинского исследователя – Ю.О. Безкровного. Были проанализированы данные анкетирования, которое провела редакция «Украинской жизни» среди русских деятелей по «украинскому вопросу» [Безкровний, 2015б]. Опрос проводился в основном среди либеральной и социал-демократической общественности, поддерживающей или нейтрально относящейся к «самоопределению украинского народа». Ответы на вопросы даны и теми, кто публиковался в «Украинской жизни», например, Ф. Коршем [Корш, 1912] и А. Луначарским [Луначарский, 1912]. Следует отметить, что это анкетирование сложно назвать релевантным – ведь большинство респондентов были представлены проукраинским лагерем. Были даны ответы в логике украинского движения того времени: украинцы являются и хотят быть частью Российского государства, но они – отдельный народ, которому необходима автономия в рамках единой страны. Как отмечает Д.И. Миронюк, редакция журнала опубликовала и два негативных отзыва об украинском движении, один из них – князя Е. Трубецкого, который отображал распространенное мнение об «украинской проблеме» в то время: «…[не существует] ни украинской, ни великорусской народности: мы здесь имеем два разветвления одного русского народа и два очень близких наречия одного русского языка» [Цит. по: Безкровний, 2015б, с. 158]. По мнению редакторов «Украинской жизни», такого рода отзывы «…отражают мысли, более-менее распространенные в тех кругах русского общества» [Там же, с. 158]. В целом, как мы отмечали выше, это было отображение, как официальной точки зрения Российской империи, так и многих политиков разных взглядов, от умеренно-либеральных до консервативных. Русские националисты рассматривали идеи, выдвинутые в «Украинской жизни», «…как сепаратизм, на который должна последовать реакция властей» [Колмаков, 2010, с. 48].

В другой статье Ю.О. Безкровного была исследована редакторская деятельность С. Петлюры [Безкровний, 2016]. Интересно, что в первые годы существования журнала С. Петлюра сомневался в необходимости продолжать издавать журнал из-за равнодушия русской публики к «украинскому вопросу». Ю.О. Безкровный в своем исследовании также пишет о разногласиях среди ведущих публицистов журнала. Так, у С. Петлюры были серьезные разногласия с другим редактором – А.Ф. Саликовским, который не поддерживал «…недоверие ко всему русскому и стремление отделиться в тесно ограниченный круг своих национальных интересов» [Цит. по: Безкровний, 2016, с. 31]. Во многом из-за таких идеологических противоречий Саликовский вышел из редакторского состава издания. Как отмечает Ю.О. Безкровный, «это было единственное украинское издание, которому удалось удержаться во время цензурной вакханалии 1914–1915 годов, прежде всего благодаря мудрому руководству редактора» [Там же, с. 32]. Действительно, в статье «Война и украинцы» в 1914 году С. Петлюра поддержал Российскую империю как родину украинцев и других народов, что, безусловно, повлияло на решение не закрывать этот журнал.

В работе Ю. Безкровного «Журнал ”Украинская жизнь“ и цензура» [Безкровний, 2015в] изучены случаи обращения Московского комитета по делам печати к журналу «Украинская жизнь» в течение 1913–1915 годов, во время которых было открыто несколько судебных дел, сопровождавшиеся допросами, конфискациями, штрафами. Ведомством проводился регулярный мониторинг содержания журнала. По мнению автора статьи, такое внимание бы-

ло спровоцировано противниками украинского движения, «…но искусственность и надуманность обвинений способствовали позитивному для редакции решению этих дел» [Безкровний, 2015в, с. 90]. Ю. Безкровный считает, что редакция журнала, прибегая к самоцензуре и повышенным требованиям к каждому номеру журнала, смогла удержать издание от закрытия. Помимо «Украинской жизни», сторонники украинского движения успешно издавали в Москве в военное время на малороссийском наречии журнал «Промінь», который редактировал В. Винниченко при поддержке М, Грушевского, считавший, что «…”Украинская жизнь“ не удовлетворяла многих московских украинцев, она была журналом ”для наружного употребления“» [Цит. по: Безкровний, 2015а, с. 163]. Таким образом, некоторые деятели украинства были недовольны «умеренностью» «Украинской жизни».

Современный украинский исследователь Г. Сергийчук подчеркивал особую роль историка М. Грушевского в развитии и становлении журнала [Сергійчук, 2016]. На основе архивных документов раскрываются предпосылки основания в Москве издания «Украинская жизнь», роль Грушевского в этом процессе, дальнейшее его сотрудничество с изданием. Особое внимание уделяется пребыванию автора многотомного учебника по украинской истории «в ссылке» – в Москве с сентября 1916 до марта 1917 года, когда он непосредственно участвовал во всех важнейших мероприятиях украинофилов Москвы, в частности в создании журнала «Промінь». Грушевский признавал, что «Украинской жизни» в Москве «…вдруг суждено тогда стать единственным украинским органом», и «…теперь приходилось пользоваться им как единственной трибуной» [Цит. по: Сергійчук, 2016, с. 74].

Различные аспекты деятельности «Украинской жизни» осветил другой украинский исследователь – В.С. Идзьо. Работа «”Украинская жизнь“ – научно-литературный и общественно-политический журнал украинцев Москвы и России в 1912–1917 годах» [Ідзьо, 2015а] представляет собой сборник статей автора, в которых изучена позиция журнала касательно «украинского вопроса», проблемы «мирового украинства», «украинской диаспоры» в России. Рассмотрены личности деятелей украинского движения на страницах журнала: Михаил Грушевский, Семен Петлюра, Леся Украинка, Тарас Шевченко, Иван Франко, Митрополит Андрей Шептицкий. Как и вышеупомянутые украинские исследователи, В.С Идзьо очень высоко оценивает материал и ценность журнала. По мнению автора «… журнал ”Украинская жизнь“ наполнен конкретным профессиональным содержанием, который, охватывая комплекс украинских проблем и запросов украинской общественности не только Москвы и России и Украины, не ограничивал себя рамками политической жизни, а пытался охватывать проблемы культуры, истории, науки […] в ”Украинской жизни“ М.С. Грушевский открыто поднял перед российским государством, российским обществом концепцию проблемы исторического восстановления украинской государственности, что требует дальнейшего исследования» [Ідзьо, 2015б, с. 21]. Нельзя не согласиться с тем, что журнал требует комплексного исследования, ведь с учетом специфики национального строительства в Российской империи и либерализации общества происходит и изменение подхода власти к проблеме украинства, что приводит в итоге к краху концепции триединой русской нации, которая была официальной долгое время. Кроме того, возникает вопрос: каким образом в военное время выходило издание, в котором могли быть такие сепаратистские призывы, если даже и тщательно замаскированные под патриотизм.

Заключение

Таким образом, современные украинские исследователи провели достаточно тщательное исследование журнала, в основном с филологической, журналистской, культурологической [Козар, 2014] и исторической точек зрения. На Украине журналу посвящены две диссертации и более дюжины научных публикаций. Однако мы можем выделить несколько недостатков в изложении материала: во-первых, для этих авторов украинское движение является бесспорными борцом «за правду», против «имперского угнетения», «великорусского шовинизма» и т. д. Для вышеупомянутых украинских исследователей

существование украинской нации в начале XX века является фактом, они полностью согласны с позицией редакции журнала, выступают его защитниками, слабо присутствует критика позиции украинофилов. Во-вторых, почти игнорируется прорусская сторона (в лице умеренных либералов и консерваторов в Малороссии и остальной России), которая критически отвечала на публикации, и если она и упоминается, то представлена как глупость и оскорбление здравого смысла. Важен также вопрос о масштабе значимости журнала для тогдашних национальных процессов в России. Украинская историография склонна преувеличивать роль этого издания в «национальном возрождении украинцев Москвы», но бесспорным является тот факт, что журнал «Украинская жизнь» являлся активным выразителем немногочисленных тогда деятелей украинского движения в Российской империи. Перспективы дальнейших исследований мы видим в комплексном изучении журнала, его влияния на русское общество и дискуссий на страницах изданий.

Список источников

1. Корш Ф.Е. 1912. К спору об украинской культуре. Украинская жизнь, 2: 32–43.

2. Луначарский А.Н. 1912. О национализме вообще и украинском движении в частности. Украинская жизнь, 10: 10–19.

3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Электронный ресурс. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0 (дата обращения: 17 ноября 2020).

4. «Украинская жизнь», журнал (Москва). 1917. Указатель статей и заметок, напечатанных к «Украинской жизни» в 1912–1916 гг. М., 44 с.

Список литературы

1. Безкровний Ю.О. 2015а. Володимир Винниченко як редактор журналу «Промінь» (1916–1917). Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету, 43: 162–167.

2. Безкровний Ю.О. 2015б. Анкета журналу «Украинская жизнь» з національного питання. Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія: Історія, 50: 154–160.

3. Безкровний Ю.О. 2015в. Журнал «Украинская жизнь» і цензура (1912–1917). Етнічна історія народів Європи, 46: 86–92.

4. Безкровний Ю.О. 2016. Журналістська діяльність Симона Петлюри в Петербурзі та Москві. Наукові записки НаУКМА. Історичні науки, 182: 27–35.

5. Ідзьо В.С. 2015а. «Украинская жизнь» – науково-літературний і громадсько-політичний журнал українців Москви та Росії у 1912–1917 роках. Львів, Українознавець: 170.

6. Ідзьо В.С. 2015б. Михайло Грушевський на шпальтах часописів українців Росії «Украинский Вестник» та «Украинская Жизнь» першій чверті XX століття. Івано-Франківськ, «Сімик»: 24.

7. Клопова М.Э. 2015. «Больной вопрос». Анкета журнала «Украинская жизнь» 1912–1917 гг. Славянский альманах, 3–4: 122–137.

8. Козар Л. 2014. Висвітлення фольклористично-етнографічної діяльності Павла Чубинського на сторінках журналу «Украинская жизнь». Слов'янський світ, 13: 260–272.

9. Колмаков В.Б. 2010. Об одном националистическом нарративе начала XX века. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия, 1 (3): 48–61.

10. Корнієвська О. В. 2013. «Украинский вестник» – тижневик (1906). Енциклопедія історії України : у 10 т. Київ: Наукова думка, Т. 10: 220.

11. Миронюк Д.І. 2011. Симон Петлюра як редактор журналу «Украинская жизнь» (1912–1917 рр.). Автореф. дис. ... канд. наук із соц. комунікацій. Київ: 20.

12. Миронюк Д.І. 2009. Журнал «Украинская жизнь» – як чинник захисту української мови в умовах наступу реакційних сил на національно-визвольний рух (1912–1917 рр.). Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Філологічні науки, 20: 420–425.

13. Михутина И.В. 2003. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века), М., «Ловатера»: 287 с.

14. Пашаева Н.М. 1994. Журнал «Украинская жизнь». Библиотека и история, 3: 81–101.

15. Полумисна О.О. 2007а. Народництво і модернізм в інтерпретації літературних критиків журналу «Украинская жизнь» (1912–1917) // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 766. Сер. Філологія. 51: 71–75.

16. Полумисна О.О. 2007б. Композиційні особливості літературно-критичних матеріалів журналу «Украинская жизнь» (1912–1917 рр.). Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 787. Сер.: Філологія, 52: 297–301.

17. Полумисна О.О. 2009а. Організаційна діяльність редакторського складу журналу «Украинская жизнь» (1912–1917 рр.). Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 846. Сер.: Філологія, 56: 191–196.

18. Полумисна О.О. 2009б. Журнал «Украинская жизнь» і літературний процес початку ХХ століття. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Харків: 19.

19. Полумисна О.О. 2010. Діяльність журналу «Украинская жизнь» (1912–1917) в оцінці українських і російських періодичних видань початку ХХ століття. Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. № 910. Сер.: Філологія, 60, част. ІІ: 412–415.

20. Полумисна О.О. 2014. Симон Петлюра: літературний критик, публіцист, редактор. Вісник Львівського університету. Серія: Журналістика, 39(1): 289–296.

21. Сергійчук Г. 2016. Співпраця М. Грушевського з українцями Москви на початку ХХ століття. Схід, 4 (144): 73–78.

References

1. Bezkrovnij Ju.O. 2015a. Volodimir Vinnichenko jak redaktor zhurnalu «Promin» (1916–1917) [Volodymyr Vynnychenko as the editor of the magazine «Promin» (1916–1917)]. Naukovi praci istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo nacional'nogo universitetu. 43: 162–167 (in Ukrainian).

2. Bezkrovnij Ju.O. 2015b. Anketa zhurnalu «Ukrainskaja zhizn'» z nacional'nogo pitannja [Questionnaire for the magazine «The Ukrainian Life» on the national issue]. Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. Serija: Istorija, 50: 154–160 (in Ukrainian).

3. Bezkrovnij Ju.O. 2015v. Zhurnal «Ukrainskaja zhizn» i cenzura (1912–1917) [Magazine «The Ukrainian Life» and censorship (1912–1917)]. Etnichna istorija narodiv Yevropy. 46: 86–92 (in Ukrainian).

4. Bezkrovnij Ju.O. 2016. Zhurnalists'ka dijal'nist' Simona Petljuri v Peterburzi ta Moskvi [Journalistic activity of Simon Petliura in St. Petersburg and Moscow]. Naukovi zapiski NaUKMA. Istorichni nauki. 182: 27–35 (in Ukrainian).

5. Idz'o V.S. 2015a. «Ukrainskaja zhizn'» – naukovo-literaturnij i gromads'ko-politichnij zhurnal ukraintsiv Moskvi ta Rosii 1912–1917 rokah [«The Ukrainian Life» as a scientific-literary and socio-political journal of Ukrainians in Moscow and Russia in 1912–1917]. L'viv, «Ukraïnoznavec»: 170 p. (in Ukrainian).

6. Idz'o V.S. 2015b. Mihajlo Grushevs'kij na shpal'tah chasopisiv ukraintsiv Rosii «Ukrainskij Vestnik» ta «Ukrainskaja Zhizn'» pershij chverti XX stolittja [The name of Mykhaylo Hrushevsky in the columns of Ukrainian magazines «The Ukrainian Herald» and «The Ukrainian Life» in the first quarter of the twentieth century]. Ivano-Frankivs'k, «Simik»: 24 p. (in Ukrainian).

7. Klopova M.Je. 2015. «Bol'noj vopros». Anketa zhurnala «Ukrainskaja zhizn'» 1912–1917 gg. [The sensitive issue. Questionnaire of the magazine «The Ukrainian Life»]. Slavjanskij al'manah. 3–4: 122–137 (in Russian).

8. Kozar L. 2014. Visvitlennja fol'kloristichno-etnografichnoï dijal'nosti Pavla Chubins'kogo na storinkah zhurnalu «Ukrainskaja zhizn'» [Coverage of folklore and ethnographic activities of Pavel Chubinsky on the pages of the magazine «The Ukrainian Life»]. Slov'jans'kij svit. 13: 260–272 (in Ukrainian).

9. Kolmakov V.B. 2010. Ob odnom nacionalisticheskom narrative nachala XX veka [On a nationalist narrative of the early twentieth century]. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. 1 (3): 48–61 (in Russian).

10. Korniievska O.V. 2013. «Ukraynskyi Vestnyk» – Tyzhnevyk (1906) [«Ukrainian vestnik» – a weekly (1906)]. Enciklopedija istorii Ukrainy: u 10 t. Kyiv: Naukova dumka. T. 10: 220 (in Ukrainian).

11. Mironjuk D.I. 2011. Simon Petljura jak redaktor zhurnalu «Ukrainskaja zhizn'» (1912–1917 rr.) [Simon Petliura as editor of the magazine «The Ukrainian Life» (1912–1917)]. Avtoref. dis. ... kand. nauk iz soc. komunikacij. Kiïv: 20 (in Ukrainian).

12. Mironjuk D.I. 2009. Zhurnal «Ukrainskaja zhizn'» – jak chinnik zahistu ukranskoi movi v umovah nastupu reakcijnih sil na nacional'no-vizvol'nij ruh (1912–1917 rr.) [The magazine «The Ukrainian Life» – as a factor in the protection of the Ukrainian language in the face of the onslaught of reactionary forces on the national liberation movement (1912–1917)]. Naukovi praci Kam'janec'-Podil's'kogo nacional'nogo universitetu imeni Ivana Ogiyenka. Filologichni nauki. 20: 420–425 (in Ukrainian).

13. Mihutina I.V. 2003. Ukrainskij vopros v Rossii (konec XIX – nachalo XX veka) [The Ukrainian issue in Russia (late XIX – early XX century)]. M., «Lovatera»: 287 p. (in Russian).

14. Pashaeva N.M. 1994. Zhurnal «Ukrainskaja zhizn'» [Magazine «The Ukrainian Life»]. Biblioteka i istorija. 3: 81–101 (in Russian).

15. Polumisna O.O. 2007a. Narodnictvo i modernizm v interpretaciï literaturnih kritikiv zhurnalu «Ukrainskaja zhizn'» (1912–1917) [Populism and modernism in the interpretation of literary critics of the magazine «The Ukrainian Life» (1912–1917)]. Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu im. V.N. Karazina. 766. Ser. Filologija. 51: 71–75 (in Ukrainian).

16. Polumisna O.O. 2007b. Kompozicijni osoblivosti literaturno-kritichnih materialiv zhurnalu «Ukrainskaja zhizn'» (1912–1917 pp.) [Compositional features of literary-critical materials of the magazine «The Ukrainian Life» (1912–1917 pp.)]. Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu im. V.N. Karazina. 787. Ser. Filologija. 52: 297–301 (in Ukrainian).

17. Polumisna O.O. 2009a. Organizacijna dijal'nist' redaktors'kogo skladu zhurnalu «Ukrainskaja zhizn'» (1912–1917 pp.) [Organizational activity of the editorial staff of the magazine «The Ukrainian Life» (1912–1917)]. Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu im. V.N. Karazina. 846. Ser. Filologija. 56: 191–196 (in Ukrainian).

18. Polumisna O.O. 2009b. Zhurnal «Ukrainskaja zhizn'» i literaturnij proces pochatku XX stolittja [Magazine «The Ukrainian Life» and the literary process of the early twentieth century]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Harkiv: 19 (in Ukrainian).

19. Polumisna O.O. 2010. Dijal'nist' zhurnalu «Ukrainskaja zhizn'» (1912–1917) v ocinci ukrainskykh i rosijs'kih periodichnih vidan' pochatku XX stolittja [Edition of the magazine «The Ukrainian Life» (1912–1917) in the assessment of Ukrainian and Russian periodicals of the early XX century)]. Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu im. V.N. Karazina. № 910. Ser. Filologija. 60, chast. II: 412–415 (in Ukrainian).

20. Polumisna O.O. 2014. Simon Petljura: literaturnij kritik, publicist, redactor [Simon Petliura: literary critic, publicist, editor]. Visnik L'vivs'kogo universitetu. Serija: Zhurnalistika. 39(1): 289–296 (in Ukrainian).

21. Sergijchuk G. 2016. Spivpracja M. Grushevs'kogo z ukraintsiamy Moskvi na pochatku XX stolittja [Cooperation of M. Hrushevsky with the Ukrainians of Moscow in the early XX century]. Shid. 4 (144): 73–78 (in Ukrainian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Трофимов Роман Викторович, аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

Мошкин Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЛ исторической антропологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Roman V. Trofimov, post-graduate student of the Department of Russian History and Documentation of the Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Aleksandr N. Moshkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Research Laboratory of Historical Anthropology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 908
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-863-871

Развитие промышленности Курской области в 1934–1950 гг. в отечественной историографии 1950-х – 2000-х годов

Я.И. Иваненко
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: shlif89@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению степени разработанности проблем состояния и функционирования промышленности Курской области периода 1934–1950 гг. в отечественной исторической науке. В качестве библиографии в ней анализируется как советская, так и современная российская историческая литература, диссертационные исследования, в полном объеме или частично посвященные промышленности Курской области в 1934–1950 гг. Проведенный анализ данных трудов позволяет заключить, что ряд аспектов рассматриваемой проблематики является хорошо разработанным. В частности, достаточно полно изучена детальность сахарных заводов вплоть до июня 1941 г. Накоплены существенные знания относительно функционирования химических предприятий Курской области. Подробно исследован процесс восстановления промышленных предприятий союзного и республиканского подчинения региона в 1943–1945 гг. Вместе с тем в данной области знания имеются некоторые пробелы, устранение которых может стать перспективой для дальнейшего исследования.

Ключевые слова: индустриализация в СССР, промышленность регионов СССР, Центрально-Черноземный регион, послевоенное восстановление промышленности, отечественная историческая наука.

Для цитирования: Иваненко Я.И. 2020. Развитие промышленности Курской области в 1934–1950 гг. в отечественной историографии 1950-х – 2000-х гг. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 863–871. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-863-871.

Industrial development of the Kursk region in 1934–1950 in Russian historiography 1950s – 2000s

Yaroslav I. Ivanenko
Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: shlif89@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the degree of elaboration of the problems of the state and functioning of the industry of the Kursk region in 1934–1950 in Russian historical science. As a bibliography, both Soviet and modern Russian historical literature is analyzed, in full or in part devoted to the industry of the Kursk region of the period 1934–1950. The article analyzes scientific works published both at the national and regional levels. The analysis of domestic historiography devoted to understanding the history of the industry of the Kursk region in 1934–1950, allows us to conclude that the detail of sugar factories, up to June 1941, has been sufficiently well studied. The process of restoring industrial enterprises of union and republican subordination in 1943–1945 is studied in detail. However, there are some gaps in this area of knowledge. In particular, the functioning of food (with the exception of sugar) and non-food (with the exception of chemical) industries in the Kursk region in 1934–1941 remains practically unexplored. Due attention is not paid to the recovery process at the enterprises of the food and non-food (with the exception of the chemical) industry in the region of Union and Republican

subordination in the period from 1946 to 1950. The activity of reviving industrial enterprises of regional and district subordination in 1943–1950 has not been studied at all.

Keywords: industrialization in the USSR, industry in the regions of the USSR, the Central Black Earth Region, post-war restoration of industry, domestic historical science.

For citation: Yaroslav I. Ivanenko. 2020. Industrial development of the Kursk region in 1934–1950 in Russian historiography 1950s – 2000s. Via in tempore. History and political science, 47(4): 863–871 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-863-871.

Невиданные по своим масштабам мировые войны XX века продемонстрировали, что одержать победу в них может государство, обладающее не только мощными вооруженными силами, но и достаточно высоким уровнем развития промышленности, богатыми сырьевыми запасами. Ход и итоги боевых действий также показали, что имеет значение не только состояние промышленности на конкретный период времени, но и ее мобилизационный потенциал.

Победа СССР в Великой Отечественной войне показала, что экономическая система СССР оказалась более эффективной с точки зрения организации функционирования промышленности в условиях войны.

Заметим, что проблематика развития промышленности СССР, ее работа в условиях военного времени, а также послевоенное восстановление являются достаточно разработанными в отечественной исторической науке. Так, спустя всего несколько лет после окончания Великой Отечественной войны была опубликована работа видного государственного деятеля Вознесенского Н.А., посвященная функционированию советской экономики в 1941–1945 гг. [Вознесенский, 1948]. В данной монографии описывается предвоенное состояние экономики СССР, рассматриваются вопросы ее адаптации к условиям военного времени, а также послевоенные показатели.

К работам послевоенного периода относится труд ученого-экономиста Лившиц Р.С., содержащий описание территориального размещения промышленности СССР с момента основания государства и практически до конца пятой пятилетки (1955 г.) [Лившиц, 1954]. Основной акцент в данном исследовании сделан на описании ключевых отраслей промышленности довоенных пятилеток. Уделено в нем внимание и функционированию промышленности страны в годы Великой Отечественной войны.

Еще одним из наиболее значимых трудов по обозначенной проблеме выступает работа «Советская экономика в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», изданная под редакцией экономиста И.А. Гладкова [Советская экономика в Великой Отечественной войне, 1970]. В ней рассматривается функционирование различных отраслей промышленности СССР в условиях военного времени, уделяется внимание индустрии союзных республик, их месту в военной экономике государства.

В работе ученого-экономиста, государственного деятеля Чадаева Я.Е. подробно анализируется процесс создания мощной экономической базы СССР, адаптация экономики страны к реалиям войны [Чадаев, 1985]. Кроме того, автор акцентирует внимание на возрождении промышленности освобожденных от немецкой оккупации территорий.

Ряд исследований советского периода посвящен экономическому использованию Германией временно оккупированных территорий СССР в 1941–1944 гг. Среди таких работ можно выделить труд историка Немятого В.Н. [Немятый, 1982]. В данной монографии освещается деятельность советского подполья по срыву нацистских планов эксплуатации промышленности оккупированных регионов СССР.

Еще одним примером соответствующей научной литературы может служить совместный труд экономиста Загорулько М.М. и историка Юденкова А.Ф. [Загорулько, Юденков, 1980]. В данной работе ученые рассматривают вопросы эвакуации промышлен-

ности из прифронтовых районов СССР, экономическую политику немецкой оккупационной администрации на временно оккупированных территориях и противодействие данной политике со стороны партизанского движения.

Что касается публикаций постсоветского периода, то в них также присутствует большое количество работ, в которых проводится анализ проблем функционирования промышленности СССР в 1930–1950-х гг. О важности учета экономического фактора победы в современной историографии говорит тот факт, что в фундаментальном научном труде «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», подготовленном авторским коллективом, один из двенадцати томов посвящен экономике и оружию войны [Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны, 2013].

Издаются в настоящее время и совместные историко-экономические работы, посвященные рассматриваемым вопросам. Среди них можно отметить коллективную монографию «Экономический фундамент победы: параллели истории и современности» [Экономический фундамент победы: параллели истории и современности, 2015]. В данном исследовании с позиций современных экономической и исторической науки анализируется трансформация экономики СССР в преддверии и в период Великой Отечественной войны, проводятся параллели между событиями военного времени и современными кризисными ситуациями.

Вопросам функционирования промышленности СССР в предвоенные и военные годы посвящена объемная научная статья военного историка Шеповой Н.Я. [Шепова, 2011].

Вместе с тем, сосредоточившись на описании функционирования промышленности СССР 1930–1950-х гг. в целом, историки зачастую не уделяли достаточного внимания данным вопросам на уровне отдельных регионов России. Не исключением, на наш взгляд, является освещение функционирования промышленности Курской области в 1934–1950 гг. Несмотря на то, что Курская область представляла собой на данный период времени преимущественно аграрный регион, в годы первых пятилеток в ней шло интенсивное развитие индустрии. Зарождалась химическая промышленность, начинали разрабатываться обширные железорудные ресурсы Курской магнитной аномалии. По этой причине представляется обоснованным рассмотрение вопросов исследования промышленности Курской области в 1934–1950 гг. в отечественной исторической науке.

Что касается хронологических рамок исследования, то они охватывают период с июня 1934 г. по 1950 г. включительно. Выбор нижней границы обусловлен образованием в составе РСФСР Курской области. Избрание в качестве верхней границы 1950 г. было предпринято по причине того, что именно в этот год было завершено выполнение четвертого пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР после окончания Великой Отечественной войны.

В качестве библиографии в настоящей статье анализируется изданная как на общегосударственном, так и на региональном уровне советская и современная российская историческая литература, диссертационные исследования, в полном объеме или частично затрагивающие вопросы функционирования промышленности Курской области обозначенного периода.

Под промышленностью в настоящей статье понимается комплекс добывающих и обрабатывающих предприятий, существовавший в Курской области в 1934–1950 гг.

Отметим, что по данной проблематике в советский период был выпущен ряд обзорных работ историко-экономического характера, изданных как на региональном, так и на общесоюзном уровне. Одной из региональных работ является труд «1917–1957: статьи, воспоминания, очерки», содержащий ряд обзорных статей, характеризующих изменения в промышленности, сельском хозяйстве, народном образовании, здравоохранении и культуре Курской области за сорок лет советской власти [1917–1957: статьи, воспоминания, очерки, 1957]. В данном издании приводятся статистические данные, подтверждающие высокие темпы роста промышленности области в годы индустриализации и постепенном превращении региона из аграрного в аграрно-индустриальный [1917–1957: статьи, воспо-

минания, очерки, 1957, с. 10–11]. Достигнутые успехи иллюстрируются путем сопоставления различных экономических показателей 1940, 1950 гг. с показателями 1913 г. [1917–1957: статьи, воспоминания, очерки, 1957, с. 10–11].

Кроме того, в работе «1917–1957: статьи, воспоминания, очерки» содержатся сведения относительно ущерба, понесенного промышленностью Курской области в ходе немецко-фашистской оккупации и восстановлении народного хозяйства, в процессе реализации четвертого пятилетнего плана [1917–1957: статьи, воспоминания, очерки, 1957, с. 13–16]. Подчеркивается, что за период с 1946 по 1950 гг. в регионе были созданы отрасли производства, которых ранее не существовало: электропромышленность, сельскохозяйственное машиностроение [1917–1957: статьи, воспоминания, очерки, 1957, с. 15].

К региональным работам советского периода, содержащим описание состояния промышленности Курской области 1934–1950 гг., относится экономико-географический очерк «Курская область» [Курская область: экономико-географический очерк, 1966]. Данное издание представляет собой сборник изложенных в научно-популярной форме статей, содержащих сведения о природе, экономическом и культурном уровне развития Курской области. Применительно к характеристике индустрии исследуемого периода в указанной работе приводятся статистические данные, свидетельствующие о количественном и качественном росте промышленных предприятий региона за годы предвоенных пятилеток [Курская область: экономико-географический очерк, 1966, с. 271–274]. Отличительной особенностью изложения материала в данной работе являются многочисленные примеры труда стахановцев, новаторов производства на конкретных предприятиях области. В экономико-географическом очерке уделяется внимание потерям, которые понесла Курская область в ходе немецко-фашистской оккупации. Описываются восстановительные процессы в народном хозяйстве региона в послевоенный период, в частности констатируется, что уже к 1947 г. промышленность области достигла довоенного уровня, а в 1950 г. превзошла его на 28 процентов [Курская область: экономико-географический очерк, 1966, с. 278].

Еще одной работой, содержащей сведения о состоянии промышленности Курской области исследуемого периода, является краткий историко-экономический очерк «Центральное Черноземье за годы Советской власти» [Центральное Черноземье за годы Советской власти, 1967]. В указанном труде приводятся различные статистические данные, свидетельствующие о качественном и количественном росте промышленных предприятий регионов Центрального Черноземья за 50 лет, прошедшие с момента Октябрьской революции. В частности, в отношении Курской области говорится о росте числа металлообрабатывающей промышленности, возникновении новых отраслей промышленности – химической, обрабатывающей, фармацевтической [Центральное Черноземье за годы Советской власти, 1967, с. 36]. Кроме того, для характеристики индустрии Курской области исследуемого периода представляет ценность информация о размере и характере ущерба, нанесенного немецкой оккупацией, ходе и темпах послевоенного восстановительного процесса [Центральное Черноземье за годы Советской власти, 1967, с. 37–40].

К числу обзорных историко-экономических работ советского периода относится коллективная монография «Проблемы развития и размещения производительных сил Центрально-Черноземного района» [Детина и др., 1973]. Несмотря на то, что данная работа посвящена в большей степени характеристике производительных сил на начало 1970-х гг., она в весьма незначительном объеме содержит сведения, касающиеся промышленности Курской области рассматриваемого периода. В частности, говорится об активной индустриализации региона в годы первых пятилеток. При этом отмечается строительство рудника по добыче фосфоритных удобрений в Щиграх как одного из первых предприятий, построенных в Черноземье в годы второй пятилетки [Детина и др., 1973, с. 37].

Значительное место среди современных историографических работ, содержащих анализ развития промышленности Курской области довоенного периода, принадлежит коллективному труду «Курский край: годы социалистической модернизации (1921 – июнь

1941 гг.)» [Курский край: годы социалистической модернизации (1921 – июнь 1941 гг.). 2001]. В данной работе содержится наиболее полная характеристика довоенного состояния промышленности рассматриваемого региона. Авторы дифференцированно подходят к описанию индустрии, приводя общеэкономические показатели отдельно по предприятиям союзного, республиканского, областного и районного подчинения. В целом, характеризуя состояние промышленности Курской области к 1941 г., отмечается, что ведущая роль в ней, как и ранее, осталась за пищевыми предприятиями, в то время как крупные новостройки третьей пятилетки (например, завод синтетического каучука) по причине резкого обострения международной обстановки были поставлены на консервацию [Курский край: годы социалистической модернизации (1921 – июнь 1941 гг.), 2001, с. 274–275].

Отличительной особенностью данной работы является то, что, помимо успехов в индустриальном развитии Курской области в годы первых пятилеток, в ней достаточно подробно говорится о сложностях, которые возникали по мере такого развития. Так, ученые указывают, что многочисленные трудности процесса индустриализации заключались в недостаточности финансирования строительства новых предприятий, нехватке энергоресурсов, материальном и моральном износе оборудования, дефиците квалифицированных кадров, низком качестве выпускаемой продукции [Курский край: годы социалистической модернизации (1921 – июнь 1941 гг.), 2001, с. 250–260].

Помимо работ общеэкономического характера в отечественной исторической науке существуют исследования отдельных отраслей промышленности обозначенного региона СССР. Например, история развития горнодобывающей промышленности затрагивается в совместном труде Калганова М.И., Коссовского М.А. «Великий дар природы» [Калганов, Коссовский, 1968]. Авторы создают достаточно полную картину процесса освоения Курской магнитной аномалии (в том числе в период с 1934 по 1950 гг.), характеризуя основной комплекс проведенных работ и акцентируя внимание на их исключительной важности для советского государства [Калганов, Коссовский, 1968, с. 127–137]. Особенностью данной работы является научно-популярный стиль изложения материала, изобилие геолого-географических аспектов (территориальное расположение конкретных месторождений, их размер, качество содержащихся железорудных запасов, особенности разработки).

К современной историографии освоения Курской магнитной аномалии относится научная статья Пешехоновой О.В., посвященная общей характеристике данного процесса в 1931–1945 гг. [Пешехонова, 2011]. Данная работа представляет собой хронологическое изложение ключевых событий освоения железорудных месторождений КМА. При этом автор кратко перечисляет наиболее важные виды работ, проводившиеся в исследуемый период (строительство первого рудника, открытие новых рудоносных участков, первая плавка руды и др.) [Пешехонова, 2011, с. 228–230]. Хотелось бы заметить, что в качестве источников статьи, помимо опубликованных документов, используются материалы периодической печати СССР 1930-х гг.: всесоюзный «Горный журнал», воронежская газета «Коммуна», «Курская правда».

В современной российской историографии существуют работы, касающиеся иных отраслей промышленности Курской области исследуемого периода. Так, в диссертации Миргородовой Ю.М. анализируется процесс становления и развития сахарной промышленности Курского края в 1928 – июне 1941 гг. [Миргородова, 2011]. В исследовании рассматриваются различные аспекты функционирования одной из наиболее развитых отраслей пищевой промышленности региона (техническая оснащенность предприятий, трудовые и социально-бытовые условия рабочих, роль государственных и партийных органов в организации производства). На основе исследования архивных документов Миргородова Ю.М. приходит к выводу, что сахарная промышленность играла важную роль в структуре промышленности Курской области и интенсивно развивалась в годы первых пятилеток [Миргородова, 2011, с. 167]. Однако ученый констатирует, что, несмотря на высокие тем-

пы экономического развития, промышленность Курского края развивалась медленней, чем в соседних регионах [Миргородова, 2011, с. 167–168].

Вопросам становления и развития химической промышленности Курской области в 1930-е – начале 1990-х гг. посвятил свою диссертацию Коптев С.С. [Коптев, 2013]. Данная работа представляет собой комплексный анализ деятельности государственных и партийных органов, трудовых коллективов предприятий Курской области в исследуемый период по организации химического производства. В диссертации на основе государственных (центральных) и ведомственных архивов освещается уровень материально-технической оснащенности предприятий химической промышленности региона. Из всего объема информации, содержащейся в исследовании, к периоду 1934–1950 гг. относится характеристика таких предприятий данной отрасли, как Щигровский фосфоритный завод, Курский завод синтетического каучука. Подводя итог работе предприятий химической промышленности периода 1930-х гг., Коптев С.С. констатирует, что именно на них обязательным условием качества продукции было применение новейших научных открытий и передовых технологий [Коптев, 2013, с. 216].

К работам, содержащим анализ состояния промышленности Курской области военного периода, относится диссертация Денисовой Н.В. [Денисова, 2003]. Автор раскрывает закономерности функционирования промышленности Воронежской, Курской и Тамбовской областей в годы Великой Отечественной войны. В работе уделяется внимание эвакуации и последующему размещению в тылу ряда промышленных предприятий Курской области (завод по производству сельскохозяйственных машин им. Калинина, завод «Текстильмаш» и др.) [Денисова, 2003, с. 51–52]. Отдельный параграф указанной диссертации посвящен использованию труда иностранных военнопленных на различных промышленных объектах территорий, освобожденных от немецкой оккупации. Что касается Курской области, то указывается, что такими объектами являлись моторемонтный завод, фармацевтический и кирпичный заводы областного центра [Денисова, 2003, с. 147].

Применительно к периоду Великой Отечественной войны особо следует отметить монографию Кононова Н.Г. «Промышленность Курской области в 1943–1945 гг.: первые шаги к возрождению» [Кононов, 2018]. В данной работе подробно описывается процесс восстановления промышленных предприятий союзного и республиканского подчинения Курской области после ее освобождения от немецкой оккупации. Ученый тщательно анализирует усилия государственных и партийных органов области, трудовых коллективов в деятельности по возрождению промышленности. Излагая материал, автор опирается на огромное количество архивных источников, хранящихся в Государственном архиве Курской области и Государственном архиве общественно-политической истории Курской области, материалы периодической печати исследуемого периода. Анализируя восстановительный процесс в регионе, автор констатирует, что ни одно из восстанавливаемых предприятий не достигло к 1945 г. довоенного уровня выпуска продукции [Кононов, 2018, с. 462]. Большой объем проделанной работы позволил Кононову Н.Г. прийти к выводу, что проблема восстановления промышленных предприятий Курской области в 1943–1945 гг. не разработана в полной мере как на общероссийском, так и на региональном уровне [Кононов, 2018, с. 21–22].

Некоторым аспектам функционирования промышленности в период нахождения Курской области в немецкой оккупации посвящена диссертация Комарова Д.Е. [Комаров, 2001]. В ней приводится экономическая характеристика территории СССР, занятой фашистской Германией, рассматриваются ход и результаты эвакуации промышленности, организованной органами советской власти из прифронтовых районов. Ученый делает акцент на реализации планов Германии по экономической эксплуатации временно оккупированных территорий СССР. Следует отметить, что автор лишь вскользь упоминает о данных процессах, происходивших в Курской области. Так, например, приводится факт использования вермахтом одной из фабрик оккупированного Курска для ремонта самолетов [Комаров, 2001, с. 125].

Вопросы восстановления промышленности Курской области затрагиваются в докторской диссертации Хохлова А.В. [Хохлов, 2009]. Однако в данном научном труде рассматривается вся совокупность проблем, связанных с деятельностью государственных органов, партийных и общественных организаций в возрождении самых различных сфер общественной жизни разных регионов СССР, освобожденных от оккупации, в том числе и экономических. Применительно к Курской области ученый приводит данные, согласно которым после освобождения от немецкой оккупации число промышленных предприятий региона составило 12,2 процента от их довоенного количества [Хохлов, 2009, с. 160].

Таким образом, проведенный анализ трудов, посвященных осмыслению истории промышленности Курской области 1934–1950 гг., позволяет заключить, что ряд аспектов данной проблематики является хорошо разработанным. В частности, достаточно полно изучена детальность сахарных заводов, вплоть до июня 1941 г. Накоплены существенные знания относительно функционирования химических предприятий Курской области. Подробно исследован процесс восстановления промышленных предприятий союзного и республиканского подчинения региона в 1943–1945 гг. Вместе с тем в данной области знания имеются некоторые пробелы, устранение которых может стать перспективой для дальнейшего исследования. В частности, недостаточно изученным остается функционирование предприятий пищевой (за исключением сахарной) и непищевой (за исключением химической) промышленности Курской области в 1934–1941 гг. Между тем ведущими предприятиями пищевой промышленности региона, наряду с сахарными заводами, были спиртовые. Не уделено должного внимания восстановительному процессу на предприятиях пищевой и непищевой (за исключением химической) промышленности области союзного и республиканского подчинения в период с 1946 по 1950 гг. Не изучена деятельность по возрождению промышленных предприятий областного и районного подчинения в 1943–1950 гг.

Список литературы

1. 1917–1957: статьи, воспоминания, очерки. 1957. Под ред. Т.И. Архиповой. Курск, Курское книжное издательство, 439.

2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 7. 2013. Экономика и оружие войны. Москва, Кучково поле, 864.

3. Вознесенский Н.А. 1948. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. Москва, Гос. издательство политической литературы, 192.

4. Денисова Н.В. 2003. Промышленность областей Центрального Черноземья России в годы Великой Отечественной войны. Дисс. … канд. ист. наук. Воронеж, 189.

5. Детина С.И., Овчинский Н.В., Шахова О.Т. 1973. Проблемы развития и размещения производительных сил Центрально-Черноземного района. Москва, Мысль, 183.

6. Загорулько М.М., Юденков А.Ф. 1980. Крах плана «Ольденбург» (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). Москва, Экономика, 376.

7. Калганов М.И., Коссовский М.А. 1968. Великий дар природы. Москва, Недра, 255.

8. Комаров Д.Е. 2001. Эксплуатация фашистской Германией экономического потенциала временно оккупированных территорий СССР (1941–1944 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Смоленск, 281.

9. Кононов Н.Г. 2018. Промышленность Курской области в 1943–1945 гг.: первые шаги к возрождению. Курск, ИП Бабкина Г.П., 463.

10. Коптев С.С. 2013. Становление и развитие предприятий химической промышленности Курской области в 1930-е – начале 1990-х гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 260.

11. Курский край: годы социалистической модернизации (1921 – июнь 1941 гг.). Научно-популярная серия в 20 томах. Т. 10. 2001. Курск: Издательство Курского государственного педагогического университета, 400.

12. Курская область: экономико-географический очерк. 1966. Воронеж, Центрально-Черноземное книжное издательство, 480.

13. Лившиц Р.С. 1954. Очерки по размещению промышленности СССР. Москва, Гос. издательство политической литературы, 360.

14. Миргородова Ю.М. 2011. Становление и развитие советской сахарной промышленности (на материалах Курского края: 1928 г. – июнь1941 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 232.

15. Немятый В.Н. 1982. В борьбе за срыв грабительских планов фашистской Германии. Киев, Издательство политической литературы Украины, 230.

16. Пешехонова О.В. Освоение Курской магнитной аномалии за 1931–1945 гг. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. 3–2: 226–230.

17. Хохлов А.В. 2009. Восстановительный процесс в освобожденных районах РСФСР в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941–1953 гг.). Дисс. … докт. ист. наук. Воронеж, 456.

18. Центральное Черноземье за годы Советской власти (краткий историко-экономический очерк). 1967. Под ред. А.А. Глухова. Воронеж, Издательство Воронежского университета, 247.

19. Шепова Н.Я. 2011. Был ли готов СССР к ведению Великой Отечественной войны? Вестник МГИМО Университета. 2: 96–108.

20. Экономический фундамент победы: параллели истории и современности. 2015. Под ред. И.В. Караваевой. Москва, Институт экономики Российской академии наук, 344.

References

1. 1917–1957: stat'i, vospominanija, ocherki [1917–1957: articles, memoirs, essays]. 1957. Pod red. T.I. Arhipovoj. Kursk, Kurskoe knizhnoe izdatel'stvo, 439 (in Russian).

2. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 godov. V 12 t. T. 7. 2013. Jekonomika i oruzhie vojny [The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 volumes. Volume 7. Economy and weapons of war]. Moskva, Kuchkovo pole, 864 (in Russian).

3. Voznesenskij N.A. 1948. Voennaja jekonomika SSSR v period Otechestvennoj vojny [The military economy of the USSR during the Patriotic War]. Moskva, Gos. izdatel'stvo politicheskoj literatury, 192 (in Russian).

4. Denisova N.V. 2003. Promyshlennost' oblastej Central'nogo Chernozem'ja Rossii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Industry of the regions of the Central Black Earth Region of Russia during the Great Patriotic War]. Diss. … kand. ist. nauk. Voronezh, 189 (in Russian).

5. Detina S.I., Ovchinskij N.V., Shahova O.T. 1973. Problemy razvitija i razmeshhenija proizvoditel'nyh sil Central'no-Chernozemnogo rajona [Problemy razvitija i razmeshhenija proizvoditel'nyh sil Central'no-Chernozemnogo rajona]. Moskva, Mysl', 183 (in Russian).

6. Zagorul'ko M.M., Judenkov A.F. 1980. Krah plana «Ol'denburg» (o sryve jekonomicheskih planov fashistskoj Germanii na vremenno okkupirovannoj territorii SSSR) [The collapse of the «Oldenburg» plan (on the disruption of the economic plans of Nazi Germany in the temporarily occupied territory of the USSR)]. Moskva, Jekonomika, 376 (in Russian).

7. Kalganov M.I., Kossovskij M.A. 1968. Velikij dar prirody [Great gift of nature]. Moskva, Nedra, 255 (in Russian).

8. Komarov D.E. 2001. Jekspluatacija fashistskoj Germaniej jekonomicheskogo potenciala vremenno okkupirovannyh territorij SSSR (1941–1944 gg.) [Exploitation by fascist Germany of the economic potential of the temporarily occupied territories of the USSR (1941–1944)]. Diss. ... kand. ist. nauk. Smolensk, 281 (in Russian).

9. Kononov N.G. 2018. Promyshlennost' Kurskoj oblasti v 1943–1945 gg.: pervye shagi k vozrozhdeniju [Industry of the Kursk region in 1943–1945: the first steps towards revival]. Kursk, IP Babkina G.P., 463 (in Russian).

10. Koptev S.S. 2013. Stanovlenie i razvitie predprijatij himicheskoj promyshlennosti Kurskoj oblasti v 1930-e – nachale 1990-h gg. [Formation and development of enterprises of the chemical industry of the Kursk region in the 1930s – early 1990s.]. Diss. ... kand. ist. nauk. Kursk: 260 (in Russian).

11. Kurskij kraj: gody socialisticheskoj modernizacii (1921 – ijun' 1941 gg.) [Kursk Territory: the years of socialist modernization (1921 – June 1941)]. Nauchno-populjarnaja serija v 20 tomah. T. 10. 2001. Kursk: Izdatel'stvo Kurskogo gosudarst-vennogo pedagogicheskogo universiteta, 400 (in Russian).

12. Kurskaja oblast': jekonomiko-geograficheskij ocherk [Kursk region: economic and geographical essay]. 1966. Voronezh, Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 480 (in Russian).

13. Livshic R.S. 1954. Ocherki po razmeshheniju promyshlennosti SSSR [Essays on the location of the USSR industry]. Moskva, Gos. izdatel'stvo politicheskoj literatury, 360 (in Russian).

14. Mirgorodova Ju.M. 2011. Stanovlenie i razvitie sovetskoj saharnoj promyshlennosti (na materialah Kurskogo kraja: 1928 g. – ijun'1941 gg.) [Formation and development of the Soviet sugar industry (based on materials from the Kursk territory: 1928 – June 1941)]. Diss. ... kand. ist. nauk. Kursk, 232 (in Russian).

15. Nemjatyj V.N. 1982. V bor'be za sryv grabitel'skih planov fashistskoj Germanii [In the struggle to thwart the predatory plans of Nazi Germany]. Kiev: Izdatel'stvo politicheskoj literatury Ukrainy, 230 (in Russian).

16. Peshehonova O.V. Osvoenie Kurskoj magnitnoj anomalii za 1931–1945 gg. [Development of the Kursk Magnetic Anomaly in 1931–1945]. Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. 3–2: 226–230 (in Russian).

17. Hohlov A.V. 2009. Vosstanovitel'nyj process v osvobozhdennyh rajonah RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny i poslevoennyj period (1941–1953 gg.) [The recovery process in the liberated regions of the RSFSR during the Great Patriotic War and the post-war period (1941–1953)]. Diss. … dokt. ist. nauk. Voronezh, 456 (in Russian).

18. Central'noe Chernozem'e za gody Sovetskoj vlasti (kratkij istoriko-jekonomicheskij ocherk) [Central Black Earth Region during the years of Soviet power (a short historical and economic essay)]. 1967. Pod red. A.A. Gluhova. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 247 (in Russian).

19. Shepova N.Ja. 2011. Byl li gotov SSSR k vedeniju Velikoj Otechestvennoj vojny? [Was the USSR ready to wage the Great Patriotic War?]. Vestnik MGIMO Universiteta. 2: 96–108 (in Russian).

20. Jekonomicheskij fundament pobedy: paralleli istorii i sovremennosti [The economic foundation of victory: parallels between history and modernity]. 2015. Pod red. I.V. Karavaevoj. Moskva, Institut jekonomiki Rossijskoj akademii nauk, 344 (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иваненко Ярослав Игоревич, аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yaroslav I. Ivanenko, postgraduate student of the Department of Russian history and pre-study Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ
TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 323.22/.28
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-872-884

Гражданская активность в локальных интернет-сообществах: на примере группы «АнтиСнег – Нижний Новгород» в Facebook

Д.И. Каминченко
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: ert1fg2@rambler.ru

Аннотация. Стремительная цифровизация политического процесса и политических отношений способствует возникновению новых механизмов коммуникации между властью и обществом. Это делает актуальным вопрос об измерении эффективности различных сетевых коммуникативных механизмов и поиске основных маркеров подобных измерений. Цель исследования – анализ эффективности функционирования территориального Интернет-сообщества. В качестве основных переменных в проведении исследования используются следующие: интенсивность гражданского участия в работе изучаемого сообщества и качество обратной связи со стороны администраторов сообщества. Концептуальную основу исследования составили социоцентричный подход и теория информационного общества. Основными прикладными методами в работе стали сравнительный анализ и контент-анализ. В результате исследования установлено, что в течение большей части всего временного промежутка мониторинга наблюдался относительно стабильный и устойчивый показатель активности обращений граждан с помощью данного сообщества. Сделан вывод о повышении качества обратной связи со стороны администраторов сообщества в ходе его функционирования.

Ключевые слова: государство, общество, политическая коммуникация, Интернет, Интернет-сообщество, Facebook.

Для цитирования: Каминченко Д.И. 2020. Гражданская активность в локальных интернет-сообществах: на примере группы «АнтиСнег – Нижний Новгород» в Facebook. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 872–884. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-872-884.

Civil activity in local internet communities: on the example of «AntiSneg – Nizhny Novgorod» community in Facebook

Dmitriy I. Kaminchenko
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
23 Gagarin Avenue, Nizhnij Novgorod, 603950, Russia
E-mail: ert1fg2@rambler.ru

Abstract. The rapid digitalization of the political process and political relations contributes to the emergence of new mechanisms of communication between the government and society. This makes the issue of measuring the effectiveness of various network communication mechanisms and finding the main markers of such measurements urgent. The purpose of the study is to analyze the effectiveness of the functioning of the territorial Internet community. The main variables of the study are: the intensity of civic participation in the functioning of the studied community and the quality of feedback from the community administrators. The conceptual basis of the study is the sociocentric approach and the theory of the information society. The main

applied methods used in the paper are the comparative analysis and the content analysis. As a result of the study, it was found that during most of the entire time interval of monitoring, a relatively stable indicator of the activity of citizens' appeals with the help of this community was observed. According to another conclusion there was improving of the quality of feedback from the community administrators in the course of its functioning.

Keywords: state, society, political communication, Internet, Internet community, Facebook.

For citation: Kaminchenko D.I. 2020. Civil activity in local internet communities: on the example of «AntiSneg – Nizhny Novgorod» community in Facebook. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 872–884 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-872-884.

Введение

Интернет выполняет сегодня крайне значимую общественно-политическую роль. Общество активно задействует современные Интернет-платформы для взаимодействия с органами государственной власти, оценки складывающейся политической действительности, комментариев различных политических событий и политического участия в целом. Политические акторы (как государственные, так и негосударственные) нередко применяют Интернет-платформы для политической мобилизации граждан в целях решения различных общественно-политических задач, а также в целях повышения степени открытости проводимой им политики в разных сферах общественной жизни. В целом различные Интернет-технологии формируют особое политическое пространство, важнейшими свойствами которого выступают открытость и прозрачность действий и коммуникации.

Одной из наиболее устойчивых и при этом эффективных форм взаимодействия власти и общества в Интернет-пространстве являются виртуальные сообщества (как правило, в формате пабликов и групп), функционирующие на базе современных платформ поддержки социальных сетей (ВКонтакте, Facebook и т. п.). Интернет-сообщества организуются как самими органами власти, так и обществом, и выполняют важнейшую функцию общественной и политической коммуникации. Нередко подобные сообщества носят территориальный характер (например, городские Интернет-сообщества) и посвящены решению конкретного общественного вопроса (например, уборке снега или ремонту дорожного покрытия). Пользователи активно участвуют в работе подобных сообществ, особенно когда речь идёт о тех вопросах, с необходимостью решения которых они сталкиваются в повседневной жизни.

Активное вовлечение Интернет-сообществ в сетевые практики политической коммуникации способствует усилению научно-исследовательского интереса к изучению процесса их функционирования и его эффектов. В центре внимания оказываются вопросы, связанные с изучением эффективности функционирования виртуальных сообществ в политическом пространстве. В частности, особую актуальность приобретают вопросы, связанные с качеством обратной связи со стороны органов власти и изменением степени интенсивности участия пользователей подобных сообществ. Указанные переменные (качество обратной связи и интенсивность участия пользователей) могут быть рассмотрены в качестве ключевых «измерителей» эффективности Интернет-сообществ в контексте выполнения ими общественно-политической роли. На изучение обозначенных переменных и направлена данная работа. Объектом рассмотрения выступает одно из локальных Интернет-сообществ города Нижнего Новгорода на платформе поддержки социальных медиа Facebook.

Теоретические основания

Теме изучения вопросов электронного участия граждан отводится немало внимания в научном сообществе. Ученые отмечают, что в условиях современного сетевого общества «государство получает возможность собирать информацию о настроениях в обществе, регулировать повестку дня и контролировать нижестоящие уровни управления (например, используя online-работу с гражданами как индикатор эффективности)» [Кабанов, 2016: 38]. Вместе с тем благодаря современным Интернет-порталам, обеспечивающим партиципатор-

ные практики электронного участия, «государство начинает восприниматься как слышащее своих граждан и открытое к диалогу с ними» [Кабанов, 2016: 38].

Цифровые технологии открывают новые возможности для политической коммуникации не только для государства, но и общества, придавая гражданским коммуникациям новое звучание. В целом Интернет стал сегодня тем пространством, «где участники гражданских коммуникаций могут объединиться в единое сообщество» [Ячменник, 2019: 466]. Однако ученые подчеркивают, что далеко не все представители общества осознанно используют коммуникативные практики гражданского активизма на базе уже существующих или только запускаемых Интернет-платформ, «основная масса посетителей сетевых сервисов приходит туда в поисках развлечений и для удовлетворения повседневных житейских запросов» [Михайленок, Малышева, 2019: 80].

Особое внимание ученых приковано к анализу современных механизмов электронного участия (например, онлайн-петиции [Радина, Крупная, 2019: 124]) и технологий цифровых партиципаторных практик (например, технологии ботов [Василькова и др., 2019: 28]). Одним из наиболее распространенных механизмов гражданского активизма сегодня являются онлайн-сообщества. Изучению сетевых сообществ также уделено немало внимания в современной гуманитарной науке.

Н.А. Рябченко, О.П. Малышева и А.А. Гнедаш определяют сетевые сообщества как «неиерархичные и самовоспроизводящиеся социальные объединения акторов / групп акторов, связанных общими ценностями, целями и участием в едином информационно-коммуникационном поле» [Рябченко и др., 2019: 95]. Основными чертами сетевого сообщества, по мнению К.Н. Попова, являются «регулярное групповое взаимодействие, осознание его членами своей общности, появление общих ценностей, высокий уровень интерактивности, наличие сложных разнонаправленных связей внутри своей структуры» [Попов, 2018: 46]. Кроме того, ученые обращают внимание на структурную неоднородность онлайн-сообществ [Видясова и др., 2017: 32; Корконосенко, Бережная, 2017], что в определенной мере согласуется с основным организационным принципом функционирования подобных групп – сетевым принципом.

Онлайн-сообщества представляют собой важнейший компонент современного политико-коммуникативного пространства, определяя не только формы, но и содержание коммуникации. Они способны оказывать существенное воздействие на формируемое в политическом пространстве Интернета смысловое поле и преобладающие в нём, актуализированные в сознании пользователей темы и вопросы. В этой связи уместно обратиться к идее, высказанной в работе С.А. Шомовой применительно к роли современных мем-сообществ о том, что у всё большего числа россиян информационная картина дня сформирована в том числе под влиянием подобных сообществ [Шомова, 2019: 253]. Как пишут А.П. Коротышев и П.П. Рыхтик, «сама структура онлайн-сообществ в значительной мере способствует распространению с их помощью разного рода идей, образов и стереотипов» [Коротышев, Рыхтик, 2019: 34]. В целом, современные социальные медиа содержат в себе сведения, характеризующие ценности их пользователей [Забокрицкая и др., 2020: 152] и выступают одним из проводников общественного мнения [Каминченко, 2016: 42].

Ряд научных исследований посвящен анализу коммуникативных практик в рамках виртуальных сообществ. Обращая внимание на различия в степени интенсивности практик комментирования и выставления лайков к этим комментариям в разных онлайн-сообществах, К.Е. Гурин в качестве их основных причин называет «интенсивность предоставления медиаконтента, размер сообществ по числу подписчиков, а также интенсивность удаления комментариев» [Гурин, 2016: 25]. Л.А. Видясова, Д.М. Новиков и Е.Г. Бершадская установили статистическую связь между такими показателями, как частота публикаций в сообществе и число репостов сообщений, а также между количеством ежедневно публикуемых сообщений и показателем перепубликации всего контента [Видясова и др., 2017: 32].

Актуальным применительно к анализу политической роли онлайн-сообществ является и вопрос о концептуальной основе подобных исследований. От выбора того или ино-

го подхода к изучению политического значения сетевых сообществ нередко зависят основные акценты проводимого исследования. Здесь обратимся к одной из работ Г.К. Корконосенко и М.А. Бережной, где они, выделяя два сложившихся, по их мнению, концептуальных подхода к рассмотрению современных медиасообществ (социоцентричный и медиацентричный), отмечают необходимость дополнения их ещё одним – коммьюнитицентричным – подходом, заслуживающим при этом специальной методологической разработки [Корконосенко, Бережная, 2017].

Говоря о концептуальных основах самого понятия «сообщество» как отдельного концепта гуманитарной науки в целом, отметим работу Е.А. Степановой, где она выделяет две сложившиеся точки зрения относительно данного концепта: сообщество, в первую очередь, как территориальная общность и сообщество, прежде всего, как коммуникация акторов внутри группы. Суть отличий указанных точек зрения, по её мнению, состоит в разнице количественных и качественных характеристик, на которых базируется данное понятие: «В то время как сообщество в виде территориальной общности может охватывать любую локальную территорию, для сетевого сообщества, базирующегося на коммуникации, главную роль играют отношения и взаимодействие внутри группы» [Степанова, 2018: 50].

Не остается в стороне от исследовательского интереса и тема изучения локальных Интернет-сообществ, например, ученые проводят сравнительный анализ пользовательской онлайн-активности внутри виртуальных сообществ жителей пригородов российских городов [Звоновский и др., 2016а; Звоновский, Соловьева 2016б]. Как отмечает К.Н. Попов, одной из причин появления местных Интернет-сообществ является, прежде всего, «интерес людей к тому, что происходит в непосредственной близости от их места жительства» [Попов, 2018: 44]. Территориальные онлайн-сообщества потенциально являются одним из важнейших элементов в структуре взаимодействия общества и органов региональной и муниципальной власти. Неслучайно в научном сообществе сложился устойчивый интерес к изучению общественно-политической роли локальных сообществ в Интернете. Вместе с тем данное направление исследований ещё недостаточно изучено и требует проведения детального анализа конкретных примеров функционирования подобных виртуальных сообществ. В нашей работе мы постараемся проанализировать одно из таких территориальных сообществ, сконцентрировав основное внимание на показателях интенсивности гражданского участия и качестве обратной связи со стороны органов власти.

Завершая краткий анализ существующего пласта научных работ по данной тематике, отметим ещё один важный аспект, нередко выделяемый применительно к исследованиям Интернет-аудитории и её общественным и политическим настроениям и предпочтениям. Этот аспект связан с необходимостью ответа на вопрос, насколько сформированные мнения в коммуникативном поле Интернета соответствуют мнениям вне рамок онлайн-пространства. Здесь сошлёмся на вывод, сделанный в работе Ю.Г. Мисникова и О.Г. Филатовой о том, что «мнения, зафиксированные вне рамок интернет-пространства, в целом совпадают с мнениями, полученными из обсуждений на интернет-платформах» [Мисников, Филатов, 2019: 334]. В условиях современного информационного общества онлайн- и офлайн-пространства настолько переплетены между собой, что в ряде случаев затруднительно подразделить те или иные действия пользователей социальных медиа непосредственно на онлайн- или офлайн-активность.

Методология

Теоретическую основу проводимого исследования составляет социоцентричный подход. Этот подход отвечает поставленным в работе задачам по изучению степени интенсивности электронного участия граждан и качества обратной связи со стороны власти в рамках функционирующего виртуального, локального сообщества. Обозначенный подход позволяет сделать основной акцент на формах и содержании коммуникативных практик как со стороны общества, так и со стороны власти. В целом использование данного подхода способствует

проведению детального анализа особенностей общественной и политической коммуникации в государстве как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях.

Помимо социоцентричного подхода концептуальную основу исследования составляет теория информационного общества. Основное внимание в рамках указанной теории зачастую обращено вопросам использования информационных технологий в целях повышения эффективности и «решения организационных проблем в рамках отдельных политических процессов, например, в ходе организации и проведения выборов» [Современная политическая наука, 2020: 747]. Локальные Интернет-сообщества способны повысить эффективность взаимодействия органов власти и общества на местном и региональном уровнях, оказывая тем самым важнейшее влияние на общественно-политическую коммуникацию и на федеральном уровне.

В работе используются следующие прикладные методы: количественный контент и сравнительный анализ. С их помощью рассматривается функционирование одного из локальных Интернет-сообществ, в частности число обращений граждан и ответных сообщений со стороны органов власти. Единицей аналитического наблюдения в данном случае является сообщение. Сравнительный анализ частоты обращений граждан и ответных сообщений со стороны власти позволит сделать вывод об изменениях степени активности участников сетевого сообщества в процессе его функционирования, а также о качестве обратной связи. Чем чаще органы власти реагируют на сообщения граждан, тем, вероятно, выше эффективность диалога власти и общества в рамках изучаемого сетевого сообщества.

Для проведения исследования был выбран анализ коммуникативных практик Интернет-сообщества «АнтиСнег – Нижний Новгород» [58], организованного на платформе поддержки социальных сетей Facebook в начале февраля 2018 года. Данное Интернет-сообщество являлось официальной группой администрации города Нижнего Новгорода, созданной для совместного с жителями города контроля за качеством уборки территорий города в зимнее время [59]. Участникам группы предлагалось в форме отдельной записи размещать информацию о том участке, который требует срочной уборки снега, рекомендовалось также прикреплять фото самого участка дороги или тротуара. Размещенная пользователями данной Интернет-платформы информация в дальнейшем передавалась тем организациям, за которыми закреплены те или иные участки.

В ноябре 2018 года проект «АнтиСнег – Нижний Новгород» возбновил свою работу, но уже на базе отдельного Интернет-портала [60]. Помимо возможности обратиться к органам власти с информацией о необходимости очистки того или иного участка дороги или тротуара, на данном портале была представлена открытая возможность определения той структуры, которая ответственна за уборку той или иной территории. Кроме того, на портале в режиме онлайн представлена карта, где показано местоположение уборочной техники разного типа [61]. Обращения граждан принимаются через Интернет-портал в течение определенного (сезонного) периода времени (в зависимости от наличия снежного покрова). По данным портала, всего за сезон 2019–2020 года от граждан поступило 3 585 заявок, общее число зарегистрированных пользователей портала – 8 202 пользователя [62].

---

[58] Сообщество «АнтиСнег – Нижний Новгород» в Facebook. Available at: URL: https://www.facebook.com/groups/520479821665738/ (дата обращения: 31.07.2020).

[59] Группа «АнтиСнег – Нижний Новгород» создана в соцсетях для контроля работы подрядчиков при уборке снега // «НТА-Приволжье». Available at: URL: https://www.nta-nn.ru/news/society/2018/news_580041/ (дата обращения: 31.07.2020).

[60] Интернет-портал «АнтиСнег – Нижний Новгород». Available at: URL: https://antisnegnn.ru/ (дата обращения: 31.07.2020).

[61] Сообщество «АнтиСнег – Нижний Новгород» в Facebook. Available at: URL: https://www.facebook.com/photo.php?fbid=938719836325256&set=gm.703105150069870&type=3&theater&ifg=1 (дата обращения: 31.07.2020).

[62] Интернет-портал «АнтиСнег – Нижний Новгород». Available at: URL: https://antisnegnn.ru/ (дата обращения: 31.07.2020).

Результаты

Мониторинг записей сообщества «АнтиСнег – Нижний Новгород» на платформе Facebook проводился в течение месяца, с 1 по 31 марта 2018 года. Учитывая сезонный характер предметной области, которой посвящено данное сообщество, а также начальную временную отметку его функционирования (февраль 2018 года), мы полагаем, что наиболее оптимальным периодом наблюдения за пользовательской активностью в рамках данной группы является март 2018 года. Повторимся, что в ноябре 2018 года проект «АнтиСнег – Нижний Новгород» возобновил свою работу, но уже на базе специального Интернет-портала, поэтому анализ записей пользователей в группе в Facebook стал невыполнимой задачей, так же как и сопоставление данных пользовательской активности внутри этой группы по годам.

Всего за период мониторинга проанализированы 711 сообщений, оставленных как посетителями группы, так и администраторами сообщества. Всего посетители группы оставили 395 записей, администраторы – 316 ответных сообщений. В среднем посетители сообщества оставляли 13 сообщений в день, администраторы – 11 сообщений. Кроме того, ежедневно в среднем 11 пользователей оставляли свои записи на «стене» группы. Выделим одно дополнительное методическое уточнение: анализировались только те записи посетителей группы, в которых они указывали конкретный участок города или тротуара (с указанием улицы и дополнительных территориальных координат (например, номер дома)), требующий, по мнению граждан, очистки от снега или наледи (часто подобные обращения сопровождались фотоизображением самого участка). Записи же администраторов Интернет-группы анализировались в полном объёме, так как они практически всегда являлись ответным сообщением на обращения граждан (исключения составили несколько репостов ряда новостей, имеющих прямое отношение к предметной области указанного Интернет-сообщества).

Для анализа изменения степени интенсивности участия граждан в функционировании изучаемого Интернет-сообщества приведём данные о динамике изменений количества обращений по дням (рис. 1).

Отметим, что в результатах мониторинга не представлены данные за 26 марта, так как в этот день обращений пользователей не наблюдалось. Как видим, с 1 по 5 марта три раза количество обращений пользователей платформы Facebook в группе «АнтиСнег – Нижний Новгород» превышало значение, равное 27, при этом наблюдались и существенные колебания количества обращений (вариация значений в эти дни составила 23 пункта (от 6 до 29 обращений). В дальнейшем ситуация с колебаниями количества обращений стала более устойчивой, однако максимальное количество обращений в день не превышало значения, равного 19 (минимальное количество обращений – 3). В целом, начиная с 6 марта числовые значения количества обращений в день во многом близки среднему значению данного показателя (13). Обобщая статистические данные, можно подразделить их на 2 временных этапа: первый этап (с 1 по 5 марта включительно) и второй этап (с 6 по 31 марта). На первом этапе наблюдаются существенные колебания между показателями, причем именно в этот период отмечаем дни с максимальным количеством обращений пользователей. На втором этапе динамика изменения количества обращений пользователей по дням выглядит стабильнее, однако значений, равных максимальным значениям данного показателя на первом этапе, уже нет. С одной стороны, это может говорить о снижении пользовательской активности участников группы, а с другой – о наличии (на втором этапе) устойчивого, менее подверженного статистическим флуктуациям пользовательского интереса к функционированию группы. Интерпретация результатов будет продолжена в следующей части работы.

Рис. 1. Динамика изменений количества обращений пользователей Интернет-сообщества «АнтиСнег – Нижний Новгород» по дням
Fig. 1. The dynamics of changes of appeals number from users of the Internet community «AntiSneg – Nizhny Novgorod» by days

Ещё одним количественным показателем переменной, связанной с интенсивностью участия граждан в общественно-политической коммуникации с помощью изучаемого территориального Интернет-сообщества, является число пользователей, обратившихся в группу. Здесь сделаем одно методическое уточнение: анализировалось число пользователей, обратившихся к администраторам группы в течение дня без повторений, т. е. если пользователь А в течение одного дня дважды обратился в группу с указанием информации о разных территориальных участках, то в сводной таблице статистических данных за этот день его обращение/я обозначались в качестве единицы. Вместе с тем если пользователь А обращался в группу со своей заявкой (даже по одному и тому же участку) в течение нескольких дней, то в сводной таблице данных обращения этого пользователя обозначались в качестве единицы в каждом из дней наблюдений. Иными словами, сообщения одного и того же пользователя учитывались как отдельные обращения в каждый из тех дней, когда пользователь размещал свою запись-обращение.

Данные о динамике изменений числа обратившихся пользователей группы «АнтиСнег – Нижний Новгород» по дням представлены на рис. 2.

Очевидно, динамика изменений числа пользователей, обратившихся в группу «АнтиСнег – Нижний Новгород», во многом повторяет динамику изменений количества обращений. В данной динамике также выделяются два аналогичных временных этапа с разной амплитудой колебаний значений, только максимальное число пользователей, обратившихся в один день к администраторам группы, меньше – 23 (наблюдалось в первые два дня отчетного периода времени). Подчеркнём, что и в среднем число пользователей, размещавших свои записи-обращения на «стене» группы (11 в день), меньше среднего количества обращений граждан (13 в день). Последующая интерпретация результатов будет продолжена в следующей части работы.

Рис. 2. Динамика изменения числа пользователей, обратившихся в группу «АнтиСнег – Нижний Новгород» по дням
Fig. 2. Dynamics of change in the number of users who applied to the group «AntiSneg – Nizhny Novgorod» group by days

Для изучения второй переменной (качества обратной связи со стороны органов государственной власти) в исследовании был выбран анализ количества ответных сообщений со стороны администраторов группы на обращения посетителей, а в качестве числового показателя – доля обращений граждан, сопровождаемых ответной реакцией со стороны администраторов сообщества в процентах от общего числа обращений в тот или иной день. Данные о динамике изменений этого показателя по дням представлены на рис. 3.

Рис. 3. Динамика изменения показателя доли обращений пользователей группы «АнтиСнег – Нижний Новгород», сопровождаемых ответным сообщением со стороны администраторов группы по дням, в %
Fig. 3. Dynamics of change in the indicator of the share of requests from users of the «AntiSneg – Nizhny Novgorod» group, accompanied by a reply message from the group's administrators by days, in%

Анализ статистических данных о динамике изменений числа обращений участников Интернет-сообщества, сопровождаемых ответной реакцией со стороны администраторов группы, позволяет сделать вывод об определенной тенденции роста числа подобных обращений к концу периода наблюдений (за исключением некоторых отклоняющихся от этой общей тенденции результатов, которые наблюдались 3 и 12 марта соответственно). Подчеркнём, что ответные сообщения администраторов группы содержали в себе, как правило, конкретно-предметную информацию, например, о том, что заявка участника сообщества принята и передана на рассмотрение в соответствующие организации или фотоотчёт о выполненных на основании полученного обращения работ. В среднем, 80% всех обращений граждан сопровождались ответным сообщением со стороны администраторов группы. Интерпретация результатов будет осуществлена в следующей части работы.

Обсуждение

Проведенный анализ текстового содержания коммуникативных практик территориального Интернет-сообщества «АнтиСнег – Нижний Новгород» позволяет сделать ряд выводов и обобщений. Во-первых, анализ числа пользователей, разместивших свои обращения на «стене» группы, и количество таких сообщений за рассматриваемый период времени говорят о наличии относительно устойчивого и стабильного интереса к функционированию данной группы со стороны её пользователей. Вместе с тем обращает на себя внимание и отсутствие усиления интенсивности использования данной группы в качестве механизма для взаимодействия с властью со стороны общества (этот вывод относится исключительно к выбранному в исследовании периоду наблюдения). Подобная тенденция может быть вызвана разными причинами, среди которых можно выделить несколько. Одна из причин отсутствия усиления интенсивности активного участия (подчеркнём, что речь идёт именно об активном участии в форме размещения собственных обращений с указанием конкретных координат участка территории, требующей уборки снега, а не какие-либо иные формы участия, например, «лайки») может заключаться в том, что в обществе уже существует определенное активистское ядро, использующее различные механизмы для взаимодействия с органами государственной власти на предмет решения общественно значимых вопросов. В этом случае само функционирование виртуального сообщества не способствует какому-то заметному повышению числа активистки настроенных граждан. Впрочем, используемая в работе методика содержит в себе некоторые особенности, не позволяющие с абсолютной уверенностью утверждать об изменении числа активных участников, в частности, не рассматриваемые в нашем исследовании «лайки» могут означать согласие других (например, не успевших разместить своё обращение по этому же участку дороги или тротуара) пользователей с уже размещённым обращением.

Ещё одна причина отсутствия роста пользовательской активности может заключаться в сезонном характере вопроса, реализации которого и посвящено функционирование выбранного Интернет-сообщества. В зависимости от погодных условий актуальность вопроса очистки от снега и наледи городских дорог и тротуаров к концу марта может снижаться, что соответствующим образом сказывается и на степени онлайн-активности граждан в обсуждении данной темы.

Во-вторых, выявленная на основании проведения статистического анализа тенденция в работе администраторов Интернет-сообщества позволяет сделать вывод о повышении качества обратной связи со стороны органов государственной власти в процессе коммуникации с обществом по решению важнейшего, общественно значимого вопроса. Учитывая тот факт, что с 6 по 31 марта интерес участников данной группы к размещению своих обращений находился на относительно стабильном и устойчивом уровне (никакого резкого и продолжительного падения уровня активности не наблюдалось), вывод о повышении качества обратной связи приобретает особое значение (так как оно не было вызвано каким-либо ощутимым сокращением количества заявок от граждан). Одной из причин подобной тенденции может быть последовательное улучшение координации действий ад-

министраторов группы и различных организаций, ответственных за уборку снега или наледи на том или ином участке территории города. Подчеркнём, что изучаемая группа начала функционировать в феврале 2018 года, поэтому предположение о последовательном повышении эффективности взаимодействия между разными организациями и ведомствами в процессе его функционирования вполне допустима.

В-третьих, анализ обеих переменных (интенсивность участия граждан в функционировании сообщества и качество обратной связи со стороны органов власти) позволяет сделать вывод о значимой общественно-политической роли, выполняемой изучаемым в работе локальным Интернет-сообществом. С одной стороны, данный механизм создает возможности для общества участвовать в процессах обсуждения и принятия решений по общественно значимым вопросам, а также – осуществлять общественный контроль за реализацией принятых решений. С другой стороны, органы государственной власти с помощью функционирования подобных Интернет-сообществ приобретают важный механизм для координации своих действий с обществом, вовлечения граждан в делиберативные практики принятия значимых общественных решений. Функционирование подобных территориальных Интернет-сообществ способно качественно повысить степень эффективности процессов разработки, принятия и реализации общественно значимых решений на региональном и местном уровнях.

Выводы

Цифровизация и сетевизация политического пространства способствуют появлению новых механизмов общественного и политического участия граждан. Одним из таких механизмов, активно используемых как обществом, так и органами государственной власти, являются Интернет-сообщества. Виртуальные сообщества выполняют сегодня важнейшую общественно-политическую роль, особенно на региональном и местном уровнях, способствуя вовлечению граждан в процессы, связанные с решением общественно значимых вопросов. Проведенное исследование показало, что функционирование одного из таких территориальных сообществ, тематически посвященного важнейшему хозяйственному вопросу (уборке снега), сопровождается относительно стабильным и устойчивым интересом со стороны граждан-пользователей платформы Facebook. Причем организатором работы изучаемой группы выступила именно официальная власть. Более того, обращает на себя внимание повышение качества обратной связи со стороны органов государственной власти в процессе функционирования данного сообщества. Вместе с тем на некоторые вопросы, обозначенные в начале исследования, пока так и не найден однозначный ответ, например, способствует ли функционирование территориального Интернет-сообщества росту числа его активных участников или же активную роль в его работе выполняют те пользователи, кто также участвует в общественной и политической жизни офлайн. Иными словами, пока неясно, способствует ли сам механизм общественного и политического участия с помощью Интернет-сообщества росту общественной и политической активности. Для ответа на этот вопрос необходимо провести последующие исследования, например, с использованием метода социологического опроса.

Список литературы

1. Василькова В.В., Легостаева Н.И., Радушевский В.Б. 2019. Социальные боты как инструмент развития гражданского участия. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 5 (153): С. 19–42.
2. Видясова Л.А., Новиков Д.М., Бершадская Е.Г. 2017. Результаты автоматизированного анализа онлайн-сообществ – активистов порталов электронного участия в России. Информационные ресурсы России, 3 (157): 28–33.
3. Гурин К.Е. 2016. Структуры взаимодействия пользователей при обсуждении медиаконтента онлайн-сообществ СМИ. Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика, 2: 18–27.

4. Забокрицкая Л.Д., Хлебников Н.А., Орешкина Т.А., Комоцкий Е.И. 2020. Возможности изучения ценностей молодежи через профиль социальной сети «Вконтакте». Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2 (156): 148–167.

5. Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю., Соловьева Ю.В. 2016а. Онлайн-активность в новых территориальных сообществах. В сборнике: Проблемы развития предприятий: теория и практика. Материалы 15-й Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Самарского государственного экономического университета. Самарский государственный экономический университет (СГЭУ). Самара, Изд-во Самарского государственного экономического университета: 184.

6. Звоновский В.Б., Соловьева Ю.В. 2016б. Формирование и развитие соседских сообществ в онлайн-пространстве. Наука XXI века: актуальные направления развития, 2–1: 17–20.

7. Кабанов Ю.А. 2016. Электронный авторитаризм (институт электронного участия в недемократических странах). Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики), 4 (83): 36–55.

8. Каминченко Д.И. 2016. Порядок как ценность в текстах современных социальных медиа. Информационное общество, 2: 39–42.

9. Корконосенко Г.К., Бережная М.А. 2017. Сетевые медиасообщества: соотношение коммуникаций онлайн и деятельности офлайн. Социально-гуманитарные знания, 8: 216–234.

10. Коротышев А.П., Рыхтик П.П. 2019. Игровые онлайн-сообщества – ресурс формирования гражданской идентичности российской молодежи. Социум и власть, 3 (77): 30–39.

11. Мисников Ю.Г., Филатова О.Г. 2019. Интернет-дискуссия как форма электронного участия: Российская специфика. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 5 (153): 320–340.

12. Михайленок О.М., Малышева Г.А. 2019. Политические эффекты социальных сетей в России. Социологические исследования, 2: 78–87. DOI: 10.31857/S013216250004012-6.

13. Попов К.Н. 2018. Сетевые форумы как инструмент самоорганизации местных сообществ. Общественные науки и современность, 2: 41–48.

14. Радина Н.К., Крупная Д.А. 2019. Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных онлайн-платформ (на материале Change.org). Полис. Политические исследования, 6: 113–127.

15. Рябченко Н.А., Малышева О.П., Гнедаш А.А. 2019. Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной кампании в эпоху постправды. Полис. Политические исследования, 2: 92–106.

16. Современная политическая наука: Методология: Научное издание. 2020. Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М.: Издательство «Аспект Пресс»: 776 с.

17. Степанова Е.А. 2018. Теория и методология сетевого подхода в исследованиях российских онлайн-сообществ. Южно-российский журнал социальных наук, 2: 50–66.

18. Шомова С.А. 2019. «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 5 (153): 250–269.

19. Ячменник К.В. 2019. Гражданские онлайн-коммуникации в развитии местных сообществ. В сборнике: Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы. Материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием. Московский педагогический государственный университет. Москва, Изд-во Московского педагогического государственного университета: 466–467.

References

1. Gaman-Golutvina, O.V., Nikitin, A.I. (eds.). 2020. Sovremennaya politicheskaya nauka: Metodologiya [Contemporary Political Science]. Moscow: Izdatelstvo «Aspekt-Press»: 776.

2. Gurin K.E. 2016. Struktury vzaimodeystviya pol'zovateley pri obsuzhdenii media-kontenta onlayn-soobshchestv SMI [Users networking structures in discussing media content of online media communities]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika [Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2: 18–27.

3. Kabanov Yu.A. 2016. Elektronnyy avtoritarizm (institut elektronnogo uchastiya v nedemokraticheskikh stranakh) [Electronic authoritarianism: institution of electronic participation in non-

democratic countries]. Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki) [Politeia], 4 (83): 36–55.

4. Kaminchenko D.I. 2016. Poryadok kak tsennost' v tekstakh sovremennykh sotsial'nykh media [Order as the value in texts of modern social media]. Informatsionnoe obshchestvo [Information society], 2: 39–42.

5. Korkonosenko G.K., Berezhnaya M.A. 2017. Setevye media soobshchestva: sootnoshenie kommunikatsiy onlayn i deyatel'nosti oflayn [Network community media: correlation of online communications and offline activities]. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya [Socio-humanitarian knowledge], 8: 216–234.

6. Korotyshev A.P., Rykhtik P.P. 2019. Igrovye onlayn-soobshchestva – resurs formirovaniya grazhdanskoy identichnosti rossiyskoy molodezhi [Online gaming communities as a resource for forming the civic identity of Russian]. Sotsium i vlast' [Society and power], 3 (77): 30–39.

7. Mikhaylenok O.M., Malysheva G.A. 2019. Politicheskie effekty sotsial'nykh setey v Rossii [Political effects of social networks in Russia]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies], 2: 78–87. DOI: 10.31857/S013216250004012-6.

8. Misnikov Yu.G., Filatova O.G. 2019. Internet-diskussiya kak forma elektronnogo uchastiya: Rossiyskaya spetsifika [Online discussion as a form of e-participation: Russian specifics]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)], 5 (153): 320–340.

9. Popov K.N. 2018. Setevye forumy kak instrument samoorganizatsii mestnykh soobshchestv [Network forums as a tool of self-organization of local communities]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and contemporary world], 2: 41–48.

10. Radina N.K., Krupnaya D.A. 2019. Tsifrovoe politicheskoe uchastie: effektivnost' elektronnykh petitsiy negosudarstvennykh onlayn-platform (na materiale Change.org) [Digital policy participation: efficiency of e-petitions of non-state digital platforms (based on the material of Change.org)]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies], 6: 113–127.

11. Ryabchenko N.A., Malysheva O.P., Gnedash A.A. 2019. Upravlenie politicheskim kontentom v sotsial'nykh setyakh v period predvybornoy kampanii v epokhu postpravdy [Presidential campaign in post-truth era: innovative digital technologies of political content management in social networks politics]. Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies], 2: 92–106.

12. Shomova S.A. 2019. «Voyna memov»: novye povoroty informatsionnogo protivostoyaniya [The war of memes: New turns in information confrontation]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)], 5 (153): 250–269.

13. Stepanova E.A. 2018. Teoriya i metodologiya setevogo podkhoda v issledovaniyakh rossiyskikh onlayn-soobshchestv [The theory and methodology of the network approach in researches of Russian online-communities]. Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk [South-Russian journal of social sciences], 2: 50–66.

14. Vasil'kova V.V., Legostaeva N.I., Radushevskiy V.B. 2019. Sotsial'nye boty kak instrument razvitiya grazhdanskogo uchastiya [Social bots as a tool to develop civic engagement]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)], 5 (153): 19–42.

15. Vidyasova L.A., Novikov D.M., Bershadskaya E.G. 2017. Rezul'taty avtomatizirovannogo analiza onlayn-soobshchestv – aktivistov portalov elektronnogo uchastiya v Rossii [The results of an automated analysis of online communities of e-participation portal activists in Russia]. Informatsionnye resursy Rossii, 3 (157): 28–33.

16. Yachmennik K.V. 2019. Grazhdanskie onlayn-kommunikatsii v razvitii mestnykh soobshchestv [Civil online communications in the development of local communities]. In: Gaman-Golutvina O.V., Smorgunov L.V., Timofeeva L.N. Traektorii politicheskogo razvitiya Rossii: instituty, proekty, aktory. Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem [Trajectories of Russia's political development: institutions, projects, actors. materials of the all-Russian scientific conference of the Russian Academy of Medical Sciences with international participation]. Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet. Moskva, Izd-vo Moskovskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta: 466–467.

17. Zabokritskaya L.D., Khlebnikov N.A., Oreshkina T.A., Komotskiy E.I. 2020. Vozmozhnosti izucheniya tsennostey molodezhi cherez profil' sotsial'noy seti «Vkontakte» [Possibilities to study youth

values through Vkontakte social network accounts]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)], 2 (156): 148–167.

18. Zvonovskiy V.B., Merkulova D.Yu., Solov'eva Yu.V. 2016a. Onlayn-aktivnost' v novykh territorial'nykh soobshchestvakh [Online-activities in new suburbs of large Russian cities]. In: Ashmarina S.I. Problemy razvitiya predpriyatiy: teoriya i praktika. Materialy 15-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 85-letiyu Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Enterprise development problems: theory and practice. Materials of the 15th International Scientific and Practical Conference dedicated to the 85th anniversary of Samara State University of Economics]. Samarskiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet (SGEU). Samara, Izd-vo Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta: 184.

19. Zvonovskiy V.B., Solov'eva Yu.V. 2016б. Formirovanie i razvitie sosedskikh soobshchestv v onlayn-prostranstve [Formation and development of neighborhood community in the online-space]. Nauka XXI veka: aktual'nye napravleniya razvitiya, 2–1: 17–20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каминченко Дмитрий Игоревич, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, город Нижний Новгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry I. Kaminchenko, candidate of political sciences, senior lecturer at the Department of Political Science of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia.

УДК327
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-885-893

Россия и северный фронт Израиля: новые грани асимметричного конфликта

А.А. Ермаков, А.А. Корнилов, И.В. Рыжов
Университет Лобачевского,
Россия, 603950, Нижний Новгород, пр-т Гагарина, 23
E-mail: ermakov1989@mail.ru, kotva64@mail.ru, ivr@fmo.unn.ru

Аннотация. Военную операцию «Северный щит», проведенную Армией обороны Израиля на Северном фронте государства против боевиков Хезболлы в 2018–2019 гг., авторы рассматривают в контексте реализации политики безопасности государства Израиль Биньямином Нетаньяху, а также взаимодействия России и Израиля через призму фактического баланса сил на Ближнем Востоке. Прежде всего, была дана оценка важности этой военной операции в процессе разрушения туннелей «Хезболлы», созданных для блокирования поселений в Галилее, а также в контексте усиления сопротивления израильского тыла ракетным обстрелам боевиками организации. ЦАХАЛ продемонстрировал высокую боевую готовность в контексте противодействия «Хезболле», а также подготовки к намеченной военной операции, что существенно подрывает шансы радикалов повлиять на расстановку сил в регионе. Тем не менее авторы предполагают, что израильские силы ограничены в ряде ресурсов, поэтому Израиль нуждается в помощи со стороны наиболее влиятельных игроков современной международной арены, включая Россию. Что касается израильских властей, то они крайне заинтересованы в поддержке России в реализации политики безопасности, поэтому израильское направление является наиболее значимым для Российской Федерации в реализации ее ближневосточного курса. В конечном итоге авторы приходят к выводу о сотрудничестве между Израилем и Россией по двум ключевым направлениям – на уровне министерств иностранных дел обеих стран и министерств обороны, и в обоих случаях приоритетным является борьба с террористической угрозой на израильской территории.

Ключевые слова: Израиль, Россия, операция «Северный щит», Армия обороны Израиля, «Хезболла».

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00039.

Для цитирования: Ермаков А.А., Корнилов А.А., Рыжов И.В. 2020. Россия и северный фронт Израиля: новые грани асимметричного конфликта. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 885–893. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-885-893.

Russia and northern battlefield of Israel: new sides of the asymmetric conflict

Andrey A. Ermakov, Alexander A. Kornilov, Igor V. Ryzhov
Lobachevsky University,
23 Gagarin Ave, Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: ermakov1989@mail.ru, kotva64@mail.ru, ivr@fmo.unn.ru

Abstract. The authors consider the military operation «Northern shield» conducted by the Israel Defense Forces on the Northern front of the state against Hezbollah militants in the context of Benjamin Netanyahu's implementation of the security policy of the State of Israel, as well as interaction between Russia and Israel through the prism of the actual balance of forces in the Middle East. First of all, the importance of this military operation in the process of destruction of Hezbollah tunnels created to block

settlements in the Galilee, as well as in the context of increasing the resistance of the Israeli rear to rocket attacks by militants of the organization, was assessed. The IDF has demonstrated high combat readiness in the context of countering Hezbollah, as well as preparing for the designated military operation, which greatly undermines the chances of radicals to influence the balance of forces in the region. Nevertheless, the authors suggest that the Israeli forces are limited in a number of resources, so Israel needs help from the most influential actors of the modern international arena, including Russia. As for the Israeli authorities, they are extremely interested in Russia's support in the implementation of the security policy, therefore the Israeli direction is the most significant for the Russian Federation in the implementation of its Middle East course. Ultimately, the authors come to the conclusion about cooperation between Israel and Russia in two key areas – at the level of the foreign ministries of both countries and the ministries of defense, and in both cases the priority is the fight against the terrorist threat on Israeli territory.

Keywords: Israel, Russia, operation «Northern Shield», Israel Defense Forces, Hezbollah.

For citation: Ermakov A.A., Kornilov A.A, Ryzhov I.V. 2020. Russia and Northern battlefield of Israel: new sides of the asymmetric conflict. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 885–893 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-885-893.

Сегодня ближневосточный регион занимает важное место во внешней политике Российской Федерации, что наиболее ярко выражается в активных действиях на сирийском направлении. Наша страна выступает гарантом стабильности в международных отношениях на Ближнем Востоке, с которым её связывают многолетние экономические и политические связи. Здесь Россия использует все возможности для восстановления мира, а также поддержания должного уровня безопасности [Рыжов, Тоцкая, 2016, с. 86]. В свете этого особое значение имеет существование на Ближнем Востоке конфликтов, успехи в урегулировании которых, достигнутые при российском участии, ещё более увеличат авторитет нашей страны на международной арене.

Внимание авторов сфокусировано на конфликте между Государством Израиль и радикальной ливанской организацией «Хезболла» («Партия Аллаха»). Его важнейшим эпизодом стали события 2006 г. – Вторая ливанская война. После неё Тель-Авив сосредоточил свои усилия на борьбе с действующими на палестинских территориях группировками, а именно на юге, что нашло выражение в проведении крупномасштабных операций «Литой свинец», «Облачный столп» и «Нерушимая скала» в секторе Газа в период 2008–2014 гг. Кроме них среди действий израильской стороны на палестинском направлении ввиду места проведения, а также итогов выделяется имевшая место в 2014 г. масштабная операция «Возвращайтесь, братья» на Западном берегу реки Иордан (подробнее см.: [Морозов, Ермаков, 2016]).

Уже после этого – зимой 2018–2019 гг. – открылась новая страница в противостоянии между Израилем и «Партией Аллаха».

Речь идёт об операции вооружённых сил Израиля (Армия обороны Израиля или АОИ или ЦАХАЛ) на северной границе своей страны. Хотя по масштабу эти события нельзя поставить в один ряд со Второй ливанской войной, их значение для продолжающегося конфликта между Израилем и «Хезболлой» очень велико. Как и предшествовавшие им военные действия в 2006 году, они наглядно продемонстрировали, насколько опасным противником для Тель-Авива являются действующие на территории Ливана боевики. Кроме того, не беря в расчёт операцию АОИ на ливано-израильской границе и связанные с ней события, невозможно дать объективную оценку текущей политики руководства Израиля в сфере безопасности, которая выстраивается в том числе с учётом возрастающего влияния Российской Федерации на Ближнем Востоке.

Действия Израиля

4 декабря 2018 г. АОИ начала операцию «Северный щит» по нейтрализации ведущих на территорию Израиля тоннелей «Хезболлы». При этом было заявлено, что операция будет осуществляться только на израильской территории [63]. В результате была уничтожена сеть тоннелей, созданная для захвата населённых пунктов в Галилее, которую радикалы планировали использовать в новом конфликте с Израилем [Rasgon, Staff, 2019]. Всего было нейтрализовано 6 таких сооружений, в том числе в районе города Метула [64], который из-за своего расположения особенно уязвим для атак со стороны Ливана. О завершении работ по уничтожению последнего тоннеля «Хезболлы», который вёл на территорию Израиля, пресс-служба ЦАХАЛ сообщила 30 мая 2019 г. [65]

Среди нейтрализованных израильтянами объектов «Партии Аллаха» особо выделяется тоннель, уходивший под землю на глубину 80 м – а это примерно 22 этажа – и имевший протяжённость около 1 км [Staff, Ari Gross, 2019]. Как отметили израильские военные, данный тоннель «Хезболлы» представлял собой намного более серьёзный инженерный проект, нежели тоннели ХАМАС. Его обнаружение не должно было являться неожиданностью для израильской стороны, так как до этого в районе границы с Израилем уже был уничтожен тоннель, который также можно отнести к суперсооружениям «Партии Аллаха» [66]. Строительство этих объектов является одним из свидетельств того, насколько серьёзную военную угрозу «Хезболла» представляет для Израиля.

Успешное завершение операции «Северный щит» имело большое значение не только для противостояния между Израилем и «Хезболлой». Так, снижение возможностей «Партии Аллаха» наносить удары по израильскому тылу – лишь одно из последствий операции. Ввиду существующего в Израиле дисбаланса в защите юга и севера страны не в пользу последнего (подробнее см.: [Ермаков, Рыжов, 2018, с. 59]) нейтрализация угрозы атак из-под земли со стороны ливанских радикалов явилась значительным вкладом в повышение стойкости тыла, угроза которому также исходит от палестинских боевиков. Здесь нужно отметить, что «Хезболла» и действующие на территории сектора Газа боевики обладают сходными средствами вооружённой борьбы против Израиля. Среди них наиболее опасными для него являются те, которые позволяют оказывать давление на израильский тыл, что обусловлено чувствительностью последнего к такому воздействию. Подобными средствами как раз являются тоннели, по которым боевики могут проникать на территорию Израиля, и ракетное вооружение. Ввиду этого одним из приоритетов для Тель-Авива в конфликте с ливанскими и палестинскими радикалами является реализация мер, направленных на нейтрализацию угроз израильскому тылу. Одной из них стала операция «Северный щит». При этом ввиду характера и масштаба угроз израильтяне вынуждены заниматься осуществлением и других подобных мер.

Начнём с того, что в 2019 г. продолжалось строительство подземного заграждения на границе с сектором Газа, предназначенного для защиты израильской территории от трансграничных тоннелей. По данным министерства обороны Израиля, на июль 2019 г. было завершено строительство 40 км этой подземной преграды из запланированных более 60 км [67]. Ещё раньше – в феврале 2019 г. – премьер-министр страны Биньямин Нетаньяху

[63] Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (3–9 декабря 2018 года). 2018. URL: http://www.iimes.ru/?p=50924 (дата обращения: 02.10.2019).

[64] Премия за вклад в безопасность Израиля будет вручена причастным к раскрытию туннелей «Хезбаллы». 2019. URL: http://newsru.co.il/israel/04jun2019/hizb302.html (дата обращения: 04.10.2019).

[65] ЦАХАЛ «запечатал» мегатуннель «Хезбаллы», уходивший под землю на 22 этажа. ВИДЕО. 2019. URL: http://newsru.co.il/israel/30may2019/idf_tunnel_005.html (дата обращения: 27.09.2019).

[66] ЦАХАЛ уничтожил двухкилометровый туннель боевиков «Хизбаллы». 2006. URL: http://newsru.co.il/mideast/27aug2006/bun_piz.html (дата обращения: 27.09.2019).

[67] Построены 40 км подземной преграды на границе с Газой. 2019. URL: http://newsru.co.il/israel/16jul2019/gaza310.html (дата обращения: 22.09.2019).

сообщил о начале возведения бетонной стены вокруг сектора Газа с целью предотвращения проникновения наземным путём на израильскую территорию [68].

Большое внимание израильтяне уделяют повышению стойкости тыла к ракетным обстрелам со стороны радикалов. В 2019 г. сообщалось, что ЦАХАЛ принял решение реорганизовать систему предупреждения о ракетных обстрелах – число районов предупреждения должно значительно возрасти, и предупреждение о ракетном обстреле станет получать каждый населённый пункт. При этом 10 крупных городов разделят на отдельные зоны: так, при ракетном обстреле северной части Тель-Авива сирена не будет включаться в его восточных или южных районах. По словам израильских военных, данные меры помогут предотвратить ситуацию, когда в убежищах находятся сотни тысяч человек [69]. Если такого результата удастся достичь, то по своей значимости реорганизация системы предупреждения о ракетных обстрелах может быть поставлена в один ряд с развёртыванием предназначенных для перехвата ракет систем противоракетной обороны – уже успевшего зарекомендовать себя «Железного купола», а также «Пращи Давида».

Говоря об этих усилиях, стоит отметить их актуальность и своевременность – ввиду нейтрализации Израилем подземной инфраструктуры боевиков на своих южной и северной границах последние будут вынуждены интенсифицировать развитие имеющегося у них ракетного вооружения. Однако среди противостоящих израильтянам мощных радикальных организаций – палестинских ХАМАС и «Исламского джихада», а также ливанской «Хезболлы» – в этом плане наибольшую угрозу для Тель-Авива представляет именно «Партия Аллаха», обладающая, по сравнению с остальными, самыми широкими возможностями реализации своих военных приготовлений. Такое положение дел во многом обусловлено тем, что необходимая для модернизации ракетного арсенала инфраструктура ХАМАС и «Исламского джихада» в основном сосредоточена в блокадном секторе Газа. Сохранение, а также расширение радикальной ливанской организацией имеющихся у неё возможностей для подготовки к новому вооружённому конфликту – залог того, что она продолжит оставаться одним из наиболее опасных противников Израиля. Здесь уместно заметить, что Биньямин Нетаньяху отметил такие военные инструменты «Хезболлы», как тоннели и не обладающие большой точностью ракеты. «Но шиитская террористическая организация мечтает о высокоточном оружии, и это радикально меняет баланс сил», – сказал при этом израильский лидер [70].

Следует также указать на то, что ранее вооружённые силы Израиля были недостаточно готовы к борьбе с «тоннельной угрозой» со стороны радикалов (подробнее см.: [Ермаков, Морозов, 2017, с. 20]). Поэтому операцию «Северный щит» можно рассматривать как демонстрацию Тель-Авивом своих возросших возможностей в данной сфере противоборства с ливанскими и палестинскими боевиками. В пользу такой оценки операции АОИ свидетельствует и проведённая к ней подготовка. Сообщалось, что в ходе неё была развёрнута лаборатория по обнаружению тоннелей, при создании которой учитывался опыт, полученный на границе с палестинским анклавом [71]. Так, Израиль может указать на достижение оперативно-разведывательно-технологического прогресса в отношении угрозы туннелей, прорытых «Хезболлой» на его суверенной территории, на северной границе с Ливаном. Израиль разоблачил и уничтожил туннели, не обостряя ситуацию, но в то же время усиливая в определенной степени свое долгосрочное сдерживание в отношении

[68] Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (28 января – 3 февраля 2019 года). 2019. URL: http://www.iimes.ru/?p=53122 (дата обращения: 23.09.2019).

[69] ЦАХАЛ меняет систему предупреждения о ракетных обстрелах израильской территории. 2019. URL: http://newsru.co.il/israel/12jun2019/azakot_707.html (дата обращения: 22.09.2019).

[70] В Иерусалиме состоялась церемония награждения отличившихся агентов «Мосада». 2018. URL: http://newsru.co.il/israel/06dec2018/mosad_0015.html (дата обращения: 26.09.2019).

[71] ЦАХАЛ опубликовал «голос» наступательного туннеля «Хизбаллы». 2018. URL: http://newsru.co.il/israel/10dec2018/idf_voix_006.html (дата обращения: 26.09.2019).

«Хезболлы» [72]. Это же обстоятельство позволяет считать операцию «Северный щит» продолжением действий по борьбе с «тоннельной угрозой», предпринятых израильтянами на границе с Газой в 2014 г. в ходе крупномасштабной операции «Нерушимая скала» (подробнее см.: [Бородина, Ермаков, Рыжов, 2014]), а также в последующий период.

Можно констатировать, что взаимосвязанные шаги израильской стороны, о которых говорилось выше (операция «Северный щит» на границе с Ливаном, возведение защитных сооружений вдоль границы с сектором Газа, а также реорганизация системы предупреждения о ракетных обстрелах), направлены на то, чтобы не позволить ливанским и палестинским боевикам значительно усилить свои позиции в продолжающемся конфликте. Однако израильтяне обладают ограниченными возможностями для сдерживания роста военной угрозы со стороны противостоящих им радикальных организаций, которые имеют поддержку государственных акторов.

Налицо нехватка у Тель-Авива значительного числа необходимых ресурсов для эффективного противодействия «Хезболле» в условиях продолжающегося затяжного конфликта, арена которого простирается далеко за пределы Ливана. К тому же израильтяне вынуждены задействовать ресурсы в противоборстве с палестинскими радикалами, и меры, осуществляемые ими на границе с Газой после операции «Нерушимая скала», являются одним из проявлений этого. Важно заметить, что сегодняшнее состояние конфликта на палестинской арене для израильской стороны определяет необходимость реализации, в дополнение к существующим, новых мер в сфере защиты тыла. Это, в свою очередь, предполагает ещё большие расходы. Ограниченность ресурсов, среди прочих факторов, обуславливает для Израиля необходимость на текущий момент воздерживаться от эскалации противостояния в секторе Газа.

В сложившихся обстоятельствах для Тель-Авива возрастает ценность дальнейшего развития военно-политических контактов с наиболее влиятельными игроками на Ближнем Востоке из числа великих держав – США и Россией. И если такое сотрудничество между Израилем и Соединёнными Штатами традиционно находится на достаточно высоком уровне, то интенсификация российско-израильского взаимодействия по военно-политической линии сегодня стала новой реальностью ближневосточного региона [73]. При этом израильское направление внешней политики имеет большое значение для Москвы в рамках реализации её ближневосточного курса, что создаёт дополнительные «точки соприкосновения» в процессе развития диалога между двумя сторонами.

Роль Российской Федерации

В столь непростой для израильского руководства военно-политической ситуации фактор присутствия России на Ближнем Востоке всё более возрастает. Дипломатические и военные позиции РФ на линиях противостояния Израиля и негосударственных вооружённых формирований в лице «Хезболлы» и палестинских радикалов контрастируют с возможностями не только стран Запада, но и государств самого ближневосточного региона. Ведь Москва имеет хорошие отношения и развивает диалог со всеми участниками противоборства и потому предпринимает определенные усилия к умиротворению, которые сегодня особенно важны.

Как отметил начальник генерального штаба ЦАХАЛ генерал-лейтенант Авив Кохави, «на севере и на юге сложилась напряженная обстановка, которая может в любой момент скатиться к войне, несмотря на то, что наши враги на текущий момент в ней не заин-

[72] Operation Northern Shield: Interim Assessment. 2019. URL: https://www.inss.org.il/publication/operation-northern-shield-interim-assessment/ (accessed 23.09.2019).

[73] Russia's return to the Middle East Building sandcastles? July 2018. / ed. by Nicu Popescu and Stanislav Secrieru // ISSUE / EU Institute for Security Studies. № 146. 123 p.

тересованы». При этом главной стратегической угрозой для Израиля объявляется ситуация на севере – в Сирии и Ливане [74], то есть на территориях, где российское влияние достаточно высоко и наблюдаются предпосылки для его дальнейшего роста.

Таким образом, для обеспечения безопасности Израиля действия России крайне важны, что делает её одним из ключевых игроков на израильском треке ближневосточной политики [Rumer, 2019]. Поэтому следует ожидать выхода контактов в военно-политической сфере между Израилем и РФ на новый уровень. Однако многое будет зависеть от позиции нового израильского правительства. Здесь наиболее вероятным сценарием видится сохранение Тель-Авивом существующего курса в отношениях с Москвой.

Между тем действия России на Ближнем Востоке можно условно разделить на две приоритетные сферы. Дипломатическую линию продвигает МИД РФ под руководством Сергея Лаврова, и цель внешнеполитического ведомства – свести к минимуму политические претензии сторон друг к другу, принять обязательства не нарушать прекращение огня, не поддаваться на различные провокации. Требования Израиля понять можно, однако выполнить не так просто. Израильские дипломаты утверждают: принципиальный шаг к стабильности – это полная эвакуация иранских сил из Сирии, а также прекращение поддержки Ираном «Хезболлы» и других организаций, признанных в Израиле террористическими [75].

Тель-Авив полагает, что Москва способна оказать давление на «Хезболлу» и ХАМАС. Последний остаётся господствующей в секторе Газа силой, и от него, в числе прочих организаций, зависит упомянутый выше «Исламский джихад». Аргументы израильской стороны следующие: оба движения не входят в список террористических организаций в РФ; российской стороной установлен механизм постоянных консультаций с этими структурами по дипломатической линии; «Партия Аллаха» и Воздушно-космические силы (ВКС) России защищают режим Башара Асада на территории Сирии. Также Москва придерживается позиции, что после полной победы над террористами для установления политической стабильности в регионе все иностранные формирования должны покинуть сирийскую территорию. Здесь интересы РФ и Израиля совпадают.

Военную линию умиротворения поддерживает Министерство обороны РФ, задача которого состоит в том, чтобы вести широкий информационный обмен с представителями ЦАХАЛ. Полагаем, что ведомство Сергея Шойгу стремится создать гибкую систему взаимодействия с командованием АОИ, которая включала бы в себя «правила игры» и на общем для обеих сторон сирийском театре боевых действий.

На переговорах представителей генералитета двух стран обсуждаются вопросы улучшения координации действий израильских и российских военных в Сирии, по отношению к которой ЦАХАЛ использует термин «северная арена», а также функционирования прямого канала связи российской авиабазы «Хмеймим» и командного центра военно-воздушных сил (ВВС) Израиля для предотвращения опасных инцидентов, несущих угрозу жизни военнослужащим двух стран. Израильская сторона подчёркивает, что АОИ продолжит действовать против иранских сил и поставок вооружения «Хезболле» в Сирии [76], что заставляет российских военных корректировать свои оперативные планы.

Как дипломатическое, так и военное направление взаимодействия курирует лично Президент России Владимир Путин, который наладил регулярный обмен мнениями и механизм выработки оперативных решений со своим израильским коллегой Биньямином

[74] Начгенштаба ЦАХАЛа: «Ситуация может в любой момент скатиться к войне на севере и на юге». 2019. URL: http://newsru.co.il/israel/24oct2019/kohavi310.html (дата обращения: 29.10.2019).

[75] Кац и Лавров обсудили в Нью-Йорке актуальные вопросы израильско-российских отношений. 2019. URL: http://newsru.co.il/world/26sep2019/katz_lavrov.html (дата обращения: 30.10.2019).

[76] В Москве прошли переговоры представителей армий Израиля и России. 2018. URL: http://newsru.co.il/israel/12dec2018/tzahal_ru_110.html (дата обращения: 30.10.2019).

Нетаньяху [77]. О значимости таких контактов лидеров двух стран наглядно свидетельствуют слова последнего. «У меня только что был важный разговор с президентом России Владимиром Путиным. Несколько недель назад я встречался с ним и обсуждал важные для безопасности Израиля вопросы. Сегодняшняя беседа также важна для безопасности Израиля. Перед нами стоят непростые задачи, но мы их решаем, в том числе благодаря сотрудничеству и важной координации с Россией. Это критически важно для нас, и мы продолжим так действовать», – заявил он в октябре 2019 г. [78]

***

Подводя итог всему вышесказанному, можно справедливо утверждать, что операция «Северный щит» вкупе с инфраструктурными проектами в сфере защиты тыла играет важнейшую роль в контексте реализации премьер-министром Биньямином Нетаньяху политики безопасности Государства Израиль (подробнее см.: [Корнилов, 2019]).

Данная операция наряду с другими событиями в регионе проявила две ключевые тенденции развития конфликта между Тель-Авивом и «Хезболлой», которые необходимо учитывать при выработке и реализации внешнеполитического курса Российской Федерации на Ближнем Востоке. Первая тенденция заключается в том, что территория Ливана остаётся главной локацией в конфликте между израильтянами и «Партией Аллаха». Важно заметить, что такое положение дел будет сохраняться и в обозримой перспективе, чему способствуют действия Израиля на территории Сирии, которые ослабляют позиции «Хезболлы» во всём ближневосточном регионе. Вторая тенденция состоит в том, что Тель-Авив наращивает усилия в противостоянии с «Партией Аллаха», что обусловлено уровнем военной угрозы для Израиля со стороны последней, а также стремлением израильского руководства не допустить его дальнейший рост. Здесь важнейшим обстоятельством является то, что эти действия израильской стороны предпринимаются в условиях продолжающегося конфликта на палестинских территориях, в том числе в секторе Газа, где вооружённое противостояние может вспыхнуть буквально в любой момент. Это, среди прочих факторов, повышает заинтересованность израильтян в нормализации обстановки вокруг палестинского анклава. Однако, как показало развитие палестино-израильского конфликта, без расширения международного участия такая разрядка не может быть достигнута ни сегодня, ни в обозримом будущем. При этом налицо недостаточное участие в данном процессе статусных акторов международных отношений.

В свете этого прослеживается ряд актуальных направлений выработки и реализации внешнеполитического курса России в ближневосточном регионе. Первое из них – увеличение активности на ливанском треке ближневосточной политики с акцентом на недопущение эскалации конфликта между Тель-Авивом и «Хезболлой». Важно заметить, что этому способствует взаимосвязь происходящего в Ливане и Сирии, предоставляющая российской стороне рычаги для оказания воздействия на сложившуюся обстановку [79]. Второе – это расширение участия в урегулировании палестино-израильского конфликта с уделением особого внимания деэскалации противостояния в секторе Газа. Здесь одним из благоприятствующих факторов является обладание Россией статуса великой державы. Из данного направления вытекает третье – дальнейшее наращивание сотрудничества с Египтом, без деятельного участия которого нормализация обстановки на территории палестинского анклава просто не представляется возможной, одним из доказательств чего является ключевая роль Каира в прекращении вооружённого противоборства в Газе. Учитывая вы-

[77] Телефонный разговор с Премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху. 2019. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/59357 (дата обращения: 30.10.2019).

[78] Состоялся телефонный разговор Биньямина Нетаниягу и Владимира Путина.2019. URL: http://newsru.co.il/israel/07oct2019/putin_702.html (дата обращения: 30.10.2019).

[79] Russia's return to the Middle East Building sandcastles? July 2018 / ed. by Nicu Popescu and Stanislav Secrieru // ISSUE / EU Institute for Security Studies. № 146. 123 p.

шесказанное, а также стремление правительства Нетаньяху – Ганца решить вопрос о статусе части территорий Западного берега реки Иордан, реалистичной представляется перспектива запуска Москвой новой площадки переговорного процесса Израиля и Палестины. Открытый в подобном Астанинскому формате, процесс переговоров способен, по крайней мере, начать диалог непримиримых сторон – диалог, столь важный на фоне кровавой истории палестино-израильского конфликта.

Список литературы

1. Бородина М.Ю., Ермаков А.А., Рыжов И.В. 2014. Летняя война 2014 года в Газе. Новая страница палестино-израильского конфликта. Азия и Африка сегодня, № 12 (689): 16–20.
2. Ермаков А.А., Морозов В.М. 2017. Эхо летней войны в секторе Газа. Азия и Африка сегодня, № 10 (723): 18–21.
3. Ермаков А.А., Рыжов И.В. 2018. Развитие противостояния Государства Израиль и радикалов сектора Газа: «доктрина Либермана». Вестник Брянского государственного университета, № 3 (37): 57–63.
4. Корнилов А.А. 2019. Стратегические альянсы и региональные союзы во внешнеполитических идеях премьер-министров Израиля Давида Бен-Гуриона и Биньямина Нетаньяху. Регион им ир, том X, № 1: 23–27.
5. Морозов В.М., Ермаков А.А. 2016. Операция «Возвращайтесь, братья» в контексте палестино-израильского противостояния. Вестник МГИМО-Университета, № 4 (49): 131–136.
6. Рыжов И.В., Тоцкая Е.П. 2016. Анализ политики России на Ближнем Востоке в 2000–2015 гг. в работах российских исследователей. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, № 4: 82–90.
7. Rasgon A., Staff T. January 26, 2019. Nasrallah: Israeli tunnel op hasn’t curbed «10 percent» of Galilee invasion plan / Adam Rasgon, Toi Staff // The Times of Israel. URL: https://www.timesofisrael.com/idf-reveals-longest-most-significant-hezbollah-tunnel-yet-on-northern-border/.
8. Rumer E. October 2019. Russia in the Middle East: Jack of All Trades, Master of None / Eugene Rumer // Carnegie Endowment For International Peace, The Return of Global Russia. URL: https://carnegieendowment.org/files/WP-Rumer-MiddleEast.pdf.
9. Staff T., Ari Gross J. May 30, 2019. IDF reveals «longest, most significant» Hezbollah tunnel on northern border / Toi Staff, Judah Ari Gross // The Times of Israel. URL: https://www.timesofisrael.com/idf-reveals-longest-most-significant-hezbollah-tunnel-yet-on-northern-border/.

References

1. Borodina M.Yu., Ermakov A.A., Ryzhov I.V. 2014. Letnyaya voina 2014 goda v Gaze. Novaya stranitsa palestino-izrail'skogo konflikta [Summer war 2014 in Gaza: the new page of the Palestinian – Israeli conflict]. Asia and Africa today, no. 12 (689): 16–20.
2. Ermakov A.A., Morozov V.M. 2017. Ekho letnei voiny v sektore Gaza [Echo of summer war in the Gaza Strip]. Asia and Africa today, no. 10 (723): 18–21.
3. Ermakov A.A., Ryzhov I.V. 2018. Razvitie protivostoyaniya Gosudarstva Izrail' i radikalov sektora Gaza: «doktrina Libermana» [Evolution of the confrontation between Israel and the radicals of the Gaza Strip: Lieberman's military doctrine]. The Bryansk State University Herald, vol. 3, no. 37: 57–63.
4. Kornilov A.A. 2019. Strategicheskie al'yansy i regional'nye soyuzy vo vneshnepoliticheskikh ideyakh prem'er-ministrov Izrailya Davida Ben-Guriona i Bin'yamina Netan'yakhu [Strategic alliances and regional alliances in foreign policy ideas of Israeli Prime Ministers David Ben-Gurion and Benjamin Netanyahu]. Region and the World, vol. X, no. 1: 23–27.
5. Morozov V.M., Ermakov A.A. 2016. Operatsiya «Vozvrashchaites', brat'ya» v kontekste palestino-izrail'skogo protivostoyaniya [Operation «Brother’s Keeper» in Context of the Palestinian – Israeli Standoff]. MGIMO Review of International Relations, no. 4 (49): 131–136.
6. Ryzhov I.V., Totskaya E.P. 2016. Analiz politiki Rossii na BlizhnemVostoke v 2000–2015 gg. [The analysis of Russian policy in the Middle East in the studies of Russian researchers

in 2000–2015]. V rabotakh rossiiskikh issledovatelei. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhnii Novgorod, no. 4: 82–90.

7. Rasgon A., Staff T. January 26, 2019. Nasrallah: Israeli tunnel op hasn't curbed «10 percent» of Galilee invasion plan / Adam Rasgon, Toi Staff // The Times of Israel. URL: https://www.timesofisrael.com/idf-reveals-longest-most-significant-hezbollah-tunnel-yet-on-northern-border/.

8. Rumer E. October 2019. Russia in the Middle East: Jack of All Trades, Master of None / Eugene Rumer // Carnegie Endowment For International Peace, The Return of Global Russia. URL: https://carnegieendowment.org/files/WP-Rumer-MiddleEast.pdf.

9. Staff T., Ari Gross J. May 30, 2019. IDF reveals «longest, most significant» Hezbollah tunnel on northern border / Toi Staff, Judah Ari Gross // The Times of Israel. URL: https://www.timesofisrael.com/idf-reveals-longest-most-significant-hezbollah-tunnel-yet-on-northern-border/.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ермаков Андрей Александрович, кандидат исторических наук, г. Нижний Новгород, Россия

Корнилов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и локальной истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, г. Нижний Новгород, Россия

Рыжов Игорь Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и политики России, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey A. Ermakov, Ph.D. (World History), Nizhny Novgorod, Russia

Alexander A. Kornilov, Dr. of Sci. (World History), Professor, Head of the Chair of Foreign Regions Studies and Local History, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Igor V. Ryzhov, Dr. of Sci. (World History), Associate Professor, Head of the Chair of Russian History and Politics, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 323.22/.28
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-894-903

Политический прогресс: исторические и современные особенности, возможности применения математического описания

А.В. Крутов
Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
Россия, 125993, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 4
E-mail: avkrutov@inbox.ru

Аннотация. Понятие прогресса в мировой науке дискуссионно. Цель статьи – выявить свойства политического прогресса, характерные для нестабильных переходных периодов, и возможности применения математических методов его описания. Использованы исторический, сравнительный и системный подходы. Дается обзор основных положений классической и современной идей прогресса. Выделены особенности политического прогресса: связь политики и прогресса через восходящую линию истории; сохранение направленности прогресса посредством революции; возникновение новых институтов, решающих проблемы взаимоотношения личности и общества. Ж. Кондорсе заложил основы математического описания прогрессивных изменений в стабильном состоянии. Современные исследования допускают возможность моделирования прогрессивных процессов в условиях нестабильности. Обсуждаются сомнения в идее политического прогресса.

Ключевые слова: прогресс, политика, политический прогресс, история, революция, стабильность, процесс, математические методы.

Для цитирования: Крутов А.В. 2020. Политический прогресс: исторические и современные особенности, возможности применения математического описания. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 894–903. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-894-903.

Political progress: historical and modern features, possibilities of using the mathematical description

Aleksandr V. Krutov
Moscow aviation institute (National research university),
4 Volokolamskoe shosse, 125993, Moscow, Russia
E-mail: avkrutov@inbox.ru

Abstract. The concept of progress in world science is debatable. The purpose of this article is to identify the properties of political progress typical for the unstable transition periods of the information age, as well as to check the possibility of using mathematical methods for describing this process. The author uses historical, comparative and systematic approaches and gives an overview of the main provisions of the classical and modern ideas of progress. He highlights the features of political progress, such as the connection between politics and progress through the ascending line of history; preservation of the direction of progress in certain states through the revolution; emergence of new institutions that solve the problems of the relationship between the individual and society. J. Condorcet laid the foundations for the mathematical description of progressive changes in a stable state. Modern research allows the possibility of modeling and forecasting progressive processes. The author discusses doubts about the idea of political progress in general.

Keywords: progress, politics, political progress, history, revolution, stability, process, mathematical methods.

For citation: Krutov A.V. 2020. Political progress: historical and modern features, possibilities of using the mathematical description. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 894–903 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-894-903.

Введение

Современный политический процесс связан с переходом к информационной эпохе. Традиционные подходы его описания предполагают стабильность индустриальных «основ бытия», поэтому нужны новые инструменты анализа и прогноза. Можно обратиться к категории политического прогресса, периодически появлявшейся у европейских мыслителей. Идея и методология общественного прогресса активно использовались в политике нашей страны до 1980-х гг., однако затем перестали употребляться на практике и в науке. О прогрессе есть много литературы, обзоров, в частности Дж.Б. Бэри, А. Бэттлера, А.А. Гордиенко, И.А. Козикова, Р. Нисбета, А.А. Энгельгардта и др.

У зарубежных исследователей термин «прогресс» остался и демонстрирует дискуссионность и разочарование в этом явлении [Гуторов, 2018; Slaboch, 2018]. Часто он вытесняется словом «эволюция», поскольку сомнения в прогрессе, которые существовали всегда, усилились после ужасов Второй мировой войны, кризисов конца XX – начала XXI в. [Родичева, Суханова, 2020; Lahat, 2013].

В определенной степени идея и характеристики политического прогресса раскрыты в монографии автора статьи. Сравнение прогресса и политики выявило общность их высших задач; совпадение их на местном уровне; нередкую подмену этих понятий в восприятии; наличие в них теоретической, мобилизующей и идеологической составляющих. Введение термина «политический прогресс» основано на выводах: а) в широком смысле слова прогресс зависит от политики, а политика направляется идеей прогресса; цель прогресса и политики – достижение максимального развития человека и человечества; б) в узком смысле прогресс и политика направлены на согласование общественных процессов на основе солидарности; их связывает творчество (как нелинейная составляющая процесса), частичный регресс, новизна, многообразие и др.; в) в истории мировой общественной мысли встречаются прямые и косвенные указания на политический прогресс. Было показано, что два достаточно расплывчатых, потому слабо определенных понятия (политика и прогресс) при пересечении могут давать однозначное содержание [Крутов, 2009].

В установлении свойств политического прогресса, которые не акцентировались в относительно стабильные десятилетия, и возможностей применения математических методов для их описания состоит цель исследования.

Методология исследования предполагает использование понятия «политический прогресс» для достижения поставленной цели при помощи исторического, сравнительного и системного подходов.

Основополагающие понятия в данной статье имеют следующую авторскую трактовку:

Общественный прогресс – комплексный процесс, выражающийся в усилении взаимодействия общества с природой, модернизации форм человеческой жизни, совершенствовании личности на основе развития производства благ. Этот процесс осуществляется через творчески преобразующую деятельность человечества и отражается в восходящей направленности истории.

Политика – совокупная деятельность субъектов по достижению целей, являющихся «проекцией» идеала на реальную ситуацию. Деятельность оказывает властно-волевое влияние на процессы, управляет ими и формирует общественное представление об улучшении жизни (достижении блага), о позитивной оценке достигаемого результата.

Политический прогресс – нелинейная составляющая прогресса, связанная с появлением новых искусственных направлений деятельности институтов власти, сочленяемой с естественными общественными процессами, отвечающей запросам и ожиданиям активной части населения. Эта составляющая имеет выраженные выигрышные и проигрышные результаты в текущей ситуации.

Основы общественного прогресса и его связь с политикой

Классические основания идеи прогресса были предложены Нисбетом: 1) идея «улучшения» – это «медленное, постепенное и кумулятивное развитие знания», воплощенного в искусстве и науке, в многообразных способах продвижения, улучшения и усовершенствования, используемых человеком для улаживания природных проблем или для реализации группового проживания; 2) цель прогресса – достижение человечеством этих духовных и моральных добродетелей на Земле, что должно привести к еще большему совершенствованию человеческой природы. При этом были представления «об обратно пропорциональном отношении между счастьем и знанием»; 3) вера в непрерывность, постепенность и неизбежность прохода «через определенную последовательность стадий развития», причем более поздние стадии (кроме регресса) превосходят предыдущие [Нисбет, 2007, с. 35–36, 209].

Анализ представлений европейской истории прогресса как исключительно общественного явления показал обобщенные характеристики: постепенное, упорное накопление знания вне зависимости от эпох, территорий, состояния народа; моральное и духовное развитие человека, достижение счастья, свободы от страданий; линейно-поступательное восхождение через обязательную последовательность этапов, при котором достигнутое является основой и «сырьем» для последующего; спорное положение о стремлении к спокойствию и безмятежности; вера в прогресс как идеологию или религию, имеющую сильную мотивацию; применимость понятия к большим территориям (странам) и длительным временам; наличие объективных критериев прогресса для конкретной исторической эпохи [Крутов, 2009].

Кроме того, по мнению В.А. Гуторова, в прогрессе также содержатся бесконечная борьба за самоусовершенствование; ориентация на преумножение достигнутого и «на то, что находится впереди»; оценка исторического процесса в целом и проявляющейся в нем доминирующей тенденции [Гуторов, 2017; Гуторов, 2018].

Политическая составляющая всегда присутствовала в европейской идее прогресса. Так, Св. Августин Аврелий заложил ее элементы: улучшение состояния человечества, появление своей пространственно-временной структуры, линейно-волновое развитие, вера в созидательные идеи, единство и борьба противоположных начал, способность к мобилизации [Нисбет, 2007, с. 138]. В эпоху церковной реформации, Возрождения, буржуазных революций в концепцию прогресса были включены правительство, элиты, религия, экономика, нация.

Развернутое представление о политическом прогрессе как «социальном приложении идеи прогресса к политическим учреждениям, взятым независимо от других сторон общественной жизни», дал Ф.Э. Бюиссон. Он прописал необходимые институциональные условия для разных политических структур и форм правления: по отношению к индивиду, к коллективу, к согласованию деятельностей индивида с коллективом. Так, политический прогресс возможен при наличии системы сил, стоящей над обществом и индивидом и предназначенной «обеспечить конечное торжество идеи справедливости» в случае конфликта между ними. Бюиссон верил, что «сила убеждения, воздействие нравов и обычаев, свобода союзов и в особенности сила общественного мнения» настолько велики, что служат источником уравновешивающей власти, содействующей полному согласованию «прав человека» с «суверенитетом народа» [Бюиссон, 1914, с. 98, 100–101].

Близкое определение дают современные исследователи: политический прогресс – принятие «целенаправленных согласованных действий для изменения мира к лучшему», включающее «осуществление экономического развития и повышение производительности труда, технический прогресс и буржуазные идеалы демократии и рациональности»; «замену буржуазного экономического и социального порядка, основанного на эксплуатации трудящихся классов капиталистами», замену на лучшую систему, в которой экономика и общество были бы организованы так, чтобы «приносить всем одинаковую пользу» [Majumdar et al., 2017, p. 601]. Данное понимание близко к определениям советских и российских обществоведов (Д.И. Чесноков, Г.Н. Волков, Л.В. Николаева, А.А. Макаровский, В.И. Мишин, А.П. Бутенко, О.Г. Антонова и др.) [Крутов, 2009].

Исторические и современные особенности политического прогресса

По мере зарождения сомнения в ориентирах и ценностных основах индустриализма возрастает значение тренда развития в современном мире. Его вектор вполне может задаваться политическим прогрессом. Для обоснования этого утверждения следует описать связь политики и прогресса (выстраивавшуюся в том числе русскими мыслителями с XIX в.).

1. Связь отражается в истории как восходящая непрерывная линия: прогресс формирует соответствующую направленность на основе истории, а политика создает новые события для истории.

Предлагаются такие доводы. Во-первых, в работах мыслителей XIX в. (в частности Л.И. Мечникова и С.Н. Булгакова) утверждалось, что идея прогресса придает осмысленность «смене событий, вечному приливу и отливу случайных явлений» в истории человечества; в социальном процессе происходит прогресс через «раскрытие и выполнение одного творческого и разумного плана» [Петренко, 2015, с. 121, 123]. Во-вторых, язык прогресса формирует политическую жизнь: «телеологическая» история конструирует такую политику, которая ради социальной стабильности выступает за примирение между регрессом – «происходящими трагедиями индивидов» – и результатами «вымышленной дальновидности» [Mensch, 2017]. В-третьих, история описывает изменения естественного состояния общества в результате искусной политики, а политика формирует новую приемлемую искусственность с учетом исторических уроков. Как отмечают некоторые исследователи, осмысление истории приводит к размышлениям о будущем, которые при Просвещении приобрели форму утопий [Клешня, 2016, с. 47]. Так, например, современная утопия может формироваться из веры в ценность рыночного механизма, а политические попытки ее воплощения без знания ситуации зачастую ведут к краху общественной системы. В-четвертых, прогресс – многофакторный политико-исторический процесс созидания, как отмечалось еще в XIX в. П.И. Новгородцевым и Н.И. Кареевым. Общественный прогресс рассматривался не как состояние земного рая, как награда за предпринятые ранее усилия, а как неустанный труд, исполнение долга, постоянное стремление к вечно усложняющейся цели. Нельзя избежать борьбы между отдельными личностями и нациями и государствами, между классами и партиями, у которых свои принципы и программы; передовые деятели и группы по-разному понимают прогресс и осуществляют его разными путями [Васильев, 2018, с. 11; Попов, 2020, с. 70–71]. В-пятых, история должна охватить все разнородные меняющиеся сферы общества, а политика – обеспечить жизнеспособность социальной системы и ее поступательное развитие. При этом, по мнению современников, критериями прогресса являются «степень устойчивости социальной системы, уровень и характер внутренних и внешних противоречий, качество субъективного фактора, сознательная идеологическая направленность бифуркационных процессов» [Кумпен, Росенко, 2018, с. 6].

2. Прогрессивность развития поддерживается не только стабильно согласованно, но и революционно – посредством решительного возвращения к «правильному» государственному курсу.

Концепция политического прогресса позволяет определить возможные направления общественного процесса в точках неопределенности и множественности путей движения, где будущее непредсказуемо. Обществоведы XIX–XX вв. (М.М. Ковалевский, К.М. Тахтарев, П.Л. Лавров, Л.П. Карсавин, В.М. Межуев) давали свои оценки прогрессу. Революция считалась неизбежной случайностью, поскольку «правительство искусственно сдерживает реформирование страны и ее движение по пути прогресса, развивает систему жандармерии и сыска, политического шпионства, лишает народ политических и личных прав и свобод, вызывая враждебное отношение» [Глушкова, 2019, с. 61–62]. Революционный путь – исправление общественных отношений – зависит от деятельности критически мыслящих личностей, «осознающих неустройство общества» и «прогрессивный идеал», ускоривших «неизбежный общественный переворот, осуществив соответствующую подготовку» [Проказин, 2019, с. 48]. В теориях абсолютизируется настоящее и обесценивается прошлое как «худшее» и «меньшее»; оно понимается только в смысле средства к достижению настоящего лишь до той поры, пока не достигнута цель [Петренко, 2015, с. 123]. Поскольку каждая великая революция есть «историческая поправка к ходу общественного развития», уклонившегося от правильного пути, то делался вывод: большевики были людьми XX века и победили, «тогда как их противники так и остались в веке XIX» [Крутов, 2009, с. 174].

Примером радикально-революционной интерпретации прогресса явился Новый Путь Ф. Фанона. Фанон ратовал за полный отказ от идей и ценностей Европы, поскольку они не несут в себе пользу колонизаторам, ведущим антиколониальную борьбу, и воспевал Нового Человека [Majumdar et al., 2017]. Согласно Меншу, смелым решением была смена немецкой культурно-воспитательной политики «по интеграции исторических уроков Холокоста». В то же время американское отрицание «продолжающегося наследия рабства», выразившееся в спорах «о том, что делать со статуями и памятниками, посвященными расистам», привело к зарождению движения «Black Lives Matter» [Mensch, 2017] с тяжелыми последствиями.

3. При политическом прогрессе возникают новые институты, решающие старые проблемы взаимоотношения личности и общества, происходит усложнение общественных отношений.

Еще в Средневековье Ж.Б. Боссюэ отметил влияние религии и политического правительства на прогресс: вокруг них вращаются человеческие дела; осознав их деятельность, можно понять порядок, «все, что есть великого в человечестве» и удерживать в уме «общую направленность всего происходящего в мире» [Нисбет, 2007, с. 138, 230]. Государственно-общественные институты обязаны поддерживать приоритет прогресса над регрессом. Так, по одному из мнений, Тюрго был уверен в том, что человеческий дух «двигает» общество из застоя, но человек попросту не способен увидеть истину, и «за культурным взлетом может последовать падение в варварство» [Гаязова, 2015, с. 20–21]. Сен-Симон приветствовал институты, способствующие личному прогрессу: когда лучшие «независимо от происхождения» могут подняться «к лидерству и участию в абсолютной власти над страной» [Крутов, 2009, с. 107].

Свой вклад в решение этого вопроса внесли российские обществоведы (Кареев, Ковалевский). Организация преобразовывается в организм, в котором растворится личность; но личность стремится к независимости от общественного контроля, к анархии, поэтому следует развивать институты правопорядка на основе свободы, урегулированной законом [Попов, 2020, с. 68]. Политический прогресс приведет к созданию автономных государств, вступающих в союзы, но сохраняющих мир хозяйственным расчетом и заботой о развитии своего производства, создавая «замиренную среду», поэтому общественная

солидарность сменит борьбу, гуманизируются политика, право, суд [Глушкова, 2019, с. 60].

Есть мнение о неизбежности исторических издержек – часть прошлого теряется, не включаясь в общественный процесс. Необходимо укреплять институты сохранения материальной культуры, чтобы ее не только знать, но и «понимать функционирование» ее артефактов [Беловинский, 2015, с. 69]. На примере военного прогресса показано, что он становится источником изменения не только политического прогресса, но и культурного, нравственного, научно-технического и др., создавая новые институты регулирования соответствующих сфер [Maximov, 2015].

Особенности связи политики и прогресса закономерны, их можно выразить языком математики.

Возможность описания и предсказания прогресса с применением нелинейных методов

Объективность политического процесса выражается в возможности управлять им и предугадывать события. Кондорсе заложил основы «рационального знания об обществе» для управления политическим процессом и «научного прогнозирования последствий принятого обществом решения» [Ястребцева, 2015, с. 55]. Дж. Ст. Милль считал возможным «заглянуть в будущую историю человеческой расы» с помощью исследований прогрессивного развития и надеялся, что его рекомендации «сформулируют самую благородную и благотворную часть политического искусства» [Нисбет, 2007, с. 347]. Исследователь новейшей истории видит «витки прогресса, напоминающие предыдущие циклы развития»; полагает, что, взвешенно применяя аналогии, можно «моделировать и воспроизводить идущие процессы и будущие каузальные взаимосвязи»; обосновывает «цикличность и нелинейность» прогресса в мировом глобальном процессе [Синяков, 2018, с. 149].

Применение математики придает объективность описанию процессов. Так, Кондорсе полагал, что исторические события можно рассматривать как элементы рациональности, и их вероятность можно рассчитать. Одновременно Я.Н. Бернулли предложил применить вероятностное исчисление в юриспруденции, политике и гражданской экономике.

По Кондорсе, суждение индивида вероятностно, т. к. вызвано спонтанностью человеческой природы. Все люди разные, но у них есть общие, «средние ценности», порожденные общими разумом, моралью и социально-политическими отношениями. Закон больших чисел позволяет преодолеть зависимость познания событий от «божественного предопределения» и «неопределенности свободной воли». Социальная математика поможет обосновать необходимые знания, которые зиждутся на «искусстве выведения фактов воображения из фактов наблюдаемых» [Ястребцева, 2015, с. 61, 57]. Прогресс человеческого духа станет не только кумулятивным источником познания, а и механизмом преодоления нежелательного. Случай, влияющий на политические события, вовлекает человека в общественную жизнь, подчиняет его капризам небольшого числа лиц, стремящихся к власти. Но эта «власть случая, порожденная невежеством и ошибками, ослабляется» [Condorcet, 2004, p. 169] вместе с их исправлением. Свободный человек участвует в выборах как активный субъект, поэтому истина должна соответствовать решению, принятому большинством голосов. Однако народ может управлять, если его постановления сообразны его разуму, и если «народ допускает ошибки, для него полезно их исправлять» [Ястребцева, 2015, с. 56]. У Кондорсе прогресс в открытой общественной системе описывается как сложный нелинейный процесс.

Кондорсе обосновывал математическое описание легитимности власти: вероятностный подход определяет «истинную силу» доверия (или веры), начиная с нашего согласия с истинами в результате исчисления и заканчивая мнениями, базирующимися на свидетельствах. Легитимность может быть определена с помощью теории вероятности и оценки возможных последствий социальных действий при прогнозировании. Поэтому

описание прогресса основано на строгих методах исчисления и комбинаторике [Ястребцева, 2015, с. 58, 62].

Кондорсе полагал, что наблюдения за случайными событиями, влияющими на человека, заставляют его воображать их возможные комбинации (в том числе с высокой вероятностью осуществления) [Condorcet, 2004, p. 516]. Однако это положение справедливо для медленных, локальных, линейных процессов. В современном неравновесном развитии мира есть прогрессивные явления, которые в видимой области представляются экспоненциальной функцией, и неопытный наблюдатель четко прослеживает ускорение до бесконечности. «Настоящее» продолжение предсказывается с помощью мыслимого принципа детерминизма и понимания динамики природных процессов в большом пространственно-временном континууме. Явление описывается экспоненциальным законом только для небольших промежутков времени, а далее наступает либо «сингулярность», когда ничего нельзя предсказать, либо насыщение (предел) скорости прогресса. Познав природу прогресса, можно делать политическое предсказание [Shestakova, 2018, с. 393–394, 396, 399].

Для описания политического прогресса, который «не цель и не путь к конечной цели, а средство сохранения неравновесной системы в фазах неустойчивости», применим современный аппарат нелинейной математики и моделирования систем, причем «последовательные преобразования системы в направлении от более вероятной к менее вероятной организации сопровождаются повышением интеллектуальности и уровня устойчивого неравновесия со средой» [Назаретян, 2004, с. 155–156]. В этих терминах политика является инструментом достижения стабильности и результативности процесса.

Обсуждение

Идея прогресса имеет широкое толкование, то же касается и политики. Иногда ученые без обоснований связи с идеей прогресса и фундаментальными трудами вводят свои определения. Так, политический прогресс – это «политическое явление, которое сопряжено с развитием демократической политической культуры» [Борисенков, 2015, с. 35]. Возможно, для конкретных исследований этого достаточно, но в политической практике прогресс не всегда сопрягался с демократией и культурой [Крутов, 2009, с. 7, 11, 17, 85, 100, 109, 138, 154, 156, 164].

Влияние на политический прогресс других разновидностей (культурного, экономического) прогресса может по-новому проявиться в современном мире. По мнению некоторых исследователей, технический прогресс становится источником социально-экологического кризиса, а прогрессивные явления имеют свои репрессивные стороны, с которых начинается политическое действие [Гуторов, 2017, с. 37].

Применение концепции политического прогресса к событиям 1960–80-х гг. в СССР показало отход от его выявленных принципов. Отсутствовали новизна и свобода действий граждан как субъектов политики; общественный прогресс толковался как неизбежное линейно-поступательное развитие; отрицались аккумуляция, усложнение, иерархизация общественных отношений, поддерживалась установка на трехчленную структуру общества; отрицалась возможность регрессивных тенденций в стране и др. [Крутов, 2009, с. 129, 184].

При стратегическом планировании и прогнозировании социально-экономического развития с применением математических методов идея политического прогресса может стать трендом. На основе этой идеи можно формировать критерии управления долгосрочными политическими процессами, например, национальными проектами в условиях стратегической нестабильности. Для России это может быть решение глобальных проблем, ответы на большие вызовы и осуществление приоритетов научно-технологического развития.

Заключение

Политический прогресс характеризуется наличием новых целей, соответствующих следующему витку развития, повышением уровня свободы человека через ощущение изменения мира к лучшему, иерархизацией общественных связей, усложнением взаимодействия государственно-общественных институтов.

Связь прогресса и политики отражена в Истории: прогресс формирует восходящую направленность (историческую линию), а политика создает будущие исторические события, поддерживая стабильность. Направленность политического прогресса может видоизменяться революционно как «историческая поправка к ходу развития», если управленческие методы привели к потере курса. Политический прогресс способствует возникновению и развитию институтов, решающих проблемы взаимоотношения личности и общества.

В конце XVIII в. Кондорсе описал прогресс в открытой общественной системе как сложный нелинейный процесс. Для описания политического прогресса применим современный аппарат нелинейной математики и моделирования систем.

Использование математического аппарата при описании прогресса внесет вклад в политическое управление сложными современными процессами, к которым не применимы социологические и экономические методы, сделает прогнозирование этих процессов более точным.

Список литературы

1. Беловинский Л.В. 2015. Прогресс как фактор утраты исторической памяти. Культура и образование, 3 (18): 63–69.

2. Борисенков А.А. 2015. О политическом прогрессе. Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий, 1 (13): 35–40.

3. Бюиссон Ф. 1914. К вопросу о политическом прогрессе. В сб.: Новые идеи в социологии. Вып. 3. Под ред. М.М. Ковалевского и Е.В. де-Роберти. СПб., Образование: 97–103.

4. Васильев Б.В. 2018. «Формула прогресса» в общественно-политической мысли России XIX в. В сб.: Наука, образование и инновации в современном мире. Воронеж, Воронежский ГАУ: 89–94.

5. Гаязова С.Р. 2015. Прогресс как развитие разума и регресс как форма варварства в представлении французских философов эпохи просвещения. Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств, 4 (2): 19–22.

6. Глушкова С.И. 2019. Политико-правовые идеи М.М. Ковалевского о солидарности, личных правах, гражданственности и прогрессе. Вестник Гуманитарного университета, 3 (26): 56–64.

7. Гуторов В.А. 2017. О некоторых тенденциях интерпретации концепции прогресса в современной социальной теории. Вопросы философии. 12: 32–43.

8. Гуторов В.А. 2018. Прогресс и политика: современные философские апории и дилеммы. ПОЛИТЭКС, 14, 2: 190–225.

9. Крутов А.В. 2009. Политический прогресс: концепция и актуальные проблемы. М., Издательство МАИ-ПРИНТ, 251.

10. Кумпен А.А., Росенко М.Н. 2018. Соотношение прогресса и регресса в развитии постиндустриального общества. Дискурс, 1: 3–7.

11. Назаретян А.П. 2004. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М., Мир, 384.

12. Нисбет Р. 2007. Прогресс: история идеи. Пер. с англ. М., ИРИСЭН, 557. (Nisbet R.A. 1980. History of the idea of progress. N.-Y.: Basic Books, 370).

13. Петренко А.Н. 2015. Теория прогресса в общественно-политической мысли России второй половины XIX в. Вестник Томского государственного университета. История, 2 (34): 120–124.

14. Попов А.С. 2020. Проблема социально-исторического прогресса в историософских построениях Н.И. Кареева. Державинский форум, 4 (14): 66–73.

15. Проказин В.В. 2019. Теория прогресса П.Л. Лаврова. Общество: социология, психология, педагогика, 12 (68): 46–49.

16. Родичева И.С., Суханова Н.П. 2020. Генезис идеи общественного прогресса в историко-философской мысли. Проблемы современного образования, 1: 9–15.

17. Синяков С.В. 2018. Эволюция идеи прогресса в зеркале противоречий современной цивилизации. Философия хозяйства, 6 (120): 139–152.

18. Ястребцева А.В. 2015. Интерпретация Кондорсе теории вероятности: о применении математического конструкта области социального действия. Кантовский сборник, 4 (54): 52–64.

19. Клешня Г.М. 2016. Соціальна утопія як сценарій майбутнього у епоху модерну. Вісник НАУ. Серія: Філософія. Культурологія, 2 (24): 43–47.

20. Condorcet, N. de. 2004, Tableau historique des progrès de l'esprit humain. Projets, Esquisse, Fragments et Notes, Paris, l'INED, 224.

21. Lahat G.M. The Political Implications of Kant's Theory of Knowledge. Palgrave Macmillan UK, London, 2013. 298.

22. Majumdar M.A., Chafer T. 2017. Progress: its Visionaries and its Malcontents, Interventions, 19 (5): 599–608.

23. Maximov S.V. 2015. Military Progress in the Global World: new Tendencies and Problems. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 6 (8): 1215–1227.

24. Mensch J. 2017. What's wrong with inevitable progress? Notes on Kant's anthropology today. Cogent Arts & Humanities. 4(1): 1390917.

25. Shestakova I.G. 2018. To the question of the limits of progress: Is singularity possible? Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология, 34 (3): 391–401.

26. Slaboch M.W. 2018. A road to nowhere: The idea of progress and its critics. University of Pennsylvania Press, 194.

References

1. Belovinskij L.V. 2015. Progress kak faktor utraty istoricheskoj pamjati [Progress as a factor in the loss of historical memory]. Kul'tura i obrazovanie. 3 (18): 63–69.

2. Borisenkov A.A. 2015. O politicheskom progresse [On political progress]. Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tehnologij. 1 (13): 35–40.

3. Bjuisson F. 1914. K voprosu o politicheskom progresse [To the question of political progress]. V sb.: Novye idei v sociologii. In: Novye idei v sociologii. Vyp. 3. Pod red. M.M. Kovalevskogo i E.V. de-Roberti. Sankt-Peterburg, Publ. Obrazovanie: 97–103.

4. Vasiliev B.V. 2018. «Formula progressa» v obshhestvenno-politicheskoj mysli Rossii XIX v. [«Formula of progress» in the social and political thought of Russia in the XIX century]. V sb.: Nauka, obrazovanie i innovacii v sovremennom mire. Voronezh, Publ. Voronezhskij GAU: 89–94.

5. Gayazova S.R. 2015. Progress kak razvitie razuma i regress kak forma varvarstva v predstavlenii francuzskih filosofov jepohi prosveshhenija [Progress as the development of reason and regression as a form of barbarism in the view of the French philosophers of the enlightenment]. Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 4 (2): 19–22.

6. Glushkova S.I. 2019. Politiko-pravovye idei M.M. Kovalevskogo o solidarnosti, lichnyh pravah, grazhdanstvennosti i progresse [Political and legal ideas of M.M. Kovalevsky about solidarity, personal rights, citizenship and progress]. Vestnik Gumanitarnogo universiteta, 3 (26): 56–64.

7. The Gutorov V.A. 2017. O nekotoryh tendencijah interpretacii koncepcii progressa v sovremennoj social'noj teorii [Some trends in the interpretation of the concept of progress in modern social theory]. Voprosy filosofii. 12: 32–43.

8. The Gutorov V.A. 2018. Progress i politika: sovremennye filosofskie aporii i dilemmy [Progress and policy: modern philosophical aporias and dilemmas]. POLITJeKS. 14, 2: 190–225.

9. Krutov A.V. 2009. Politicheskij progress: koncepcija i aktual'nye problemy [Political progress: concept and actual problems]. Moscow, Publ. MAI-PRINT: 251.

10. Kumpen A.A., Rosenko M.N. 2018. Sootnoshenie progressa i regressa v razvitii postindustrial'nogo obshhestva [The ratio of progress and regression in the development of post-industrial society]. Diskurs, 1: 3–7.

11. Nazaretyan A.P. 2001. Civilizacionnye krizisy v kontekste Universal'noj istorii [Civilization Crises in the Context of Universal History]. Moscow, Publ. Mir, 384.

12. Nisbet R. 2007. Progress: istorija idei [Progress: The History of an Idea]. Moscow, IRISEN, 557 (Nisbet R.A. 1980. History of the idea of progress. N.-Y.: Basic Books, 370).

13. Petrenko A.N. 2015. Teorija progressa v obshhestvenno-politicheskoj mysli Rossii vtoroj poloviny XIX v. [The theory of progress in the socio-political thought of Russia in the second half of the XIX century]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2 (34): 120–124.

14. Popov A.S. 2020. Problema social'no-istoricheskogo progressa v istoriosofskih postroenijah N.I. Kareeva [The problem of socio-historical progress in the historiosophical constructions of N.I. Kareev]. Derzhavinskij forum. 4 (14): 66–73.

15. Prokazin V.V. 2019. Teorija progressa P.L. Lavrova [The theory of progress P.L. Lavrov]. Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika. 12 (68): 46–49.

16. Rodicheva I.S., Sukhanova N.P. 2020. Genezis idei obshchestvennogo progressa v istoriko-filosofskoj mysli [Genesis of the idea of social progress in historical and philosophical thought]. Problemy sovremennogo obrazovanija. 1: 9–15.

17. Sinyakov S.V. 2018. Evolyuciya idei progressa v zerkale protivorechij sovremennoj civilizacii [Evolution of the idea of progress in the mirror of the contradictions of modern civilization]. Filosofija hozjajstva. 6 (120): 139–152.

18. Yastrebtseva A.V. 2015. Interpretacija Kondorse teorii verojatnosti: o primenenii matematicheskogo konstrukta oblasti social'nogo dejstvija [Condorcet's interpretation of probability theory: on the application of the mathematical construct of the field of social action]. Kantovskii sbornik. 4 (54): 52–64.

19. Kleshnia A. 2016. Social utopia as a future scenario in the modern. Visnyk Nacional'nyj aviacijnyj universytet. Serija: Filosofija. Kul'turologija. 2 (24): 43–47 (in Ukrainian).

20. Condorcet, N. de. 2004, Tableau historique des progrès de l'esprit humain. Projets, Esquisse, Fragments et Notes, Paris, l'INED, 224.

21. Lahat G.M. The Political Implications of Kant's Theory of Knowledge. Palgrave Macmillan UK, London, 2013. 298.

22. Majumdar M.A., Chafer T. 2017. Progress: its Visionaries and its Malcontents, Interventions, 19 (5): 599–608.

23. Maximov S.V. 2015. Military Progress in the Global World: new Tendencies and Problems. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 6 (8): 1215–1227.

24. Mensch J. 2017. What's wrong with inevitable progress? Notes on Kant's anthropology today. Cogent Arts & Humanities. 4(1): 1390917.

25. Shestakova I.G. 2018. To the question of the limits of progress: Is singularity possible? Vestnik SPbGU. Filosofija i konfliktologija. 34 (3): 391–401.

26. Slaboch M.W. 2018. A road to nowhere: The idea of progress and its critics. University of Pennsylvania Press, 194.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крутов Александр Владимирович, доцент кафедры 517 «Философия» Института № 5 Московского авиационного института (национального исследовательского университета), г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr V. Krutov, docent of the Department 517 «Philosophy» of the Institute No. 5 Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

УДК 327
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-904-911

Роль иракской нефти в стратегии США

Я. Дажанаби, Е.А. Козуб
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603005, Нижний Новгород, улица Ульянова, 2
E-mail:yacoobsabih@gmail.com, katya-kozub@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль нефтяного фактора в присутствии сил Соединённых Штатов Америки в Ираке в исторической ретроперспективе. Авторы анализируют геостратегические, экономические и политические интересы США в регионе Персидского залива, в частности, в Ираке. Делается вывод, что оккупация Ирака силами Соединённых Штатов была направлена не на борьбу с терроризмом, а прежде всего преследовала цель получить контроль над разработкой богатых энергоресурсов Ирака, что также дало возможность установить цены на нефть. Кроме того, в интересах американского правительства было не допустить доминирование других международных акторов в данном регионе и избежать конкуренции в борьбе за энергоресурсы.

Ключевые слова: Ирак, США, Ближний Восток, оккупация, нефть, терроризм, реализация, стратегия.

Для цитирования: Дажанаби Я., Козуб Е.А. 2020. Роль иракской нефти в стратегии США. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 904–911. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-904-911.

The role of Iraqi oil in US strategy

Ya. Janabi, Ekaterina A. Kozub
National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky,
2 Ulyanova St., 603005, Nizhny Novgorod, Russia
E-mail:yacoobsabih@gmail.com, katya-kozub@yandex.ru

Abstract
The article is devoted to the study of the role of the oil factor in the presence of the United States forces in Iraq in historical retrospect. The authors analyze the geostrategic, economic and political interests of the United States in the Persian Gulf region, in particular, in Iraq and the events related to the competitive struggle of international actors for the opportunity to dominate in this region.The conclusion drawn in this article is that the occupation of Iraq by the United States forces was not aimed at fighting terrorism, but primarily aimed at gaining control over the development of Iraq's rich energy resources, which also makes it possible to set oil prices, besides, it was in the interests of the American government to prevent the dominance of other international actors in the region. The political actions of American officials in Iraq helped to revive the American economy: increased trade in weapons and the flow of oil in the Persian Gulf and Iraq to the United States. Iraq has become another political victim in the competition of the world's hegemons.

Keywords: Iraq, the USA, Middle East, occupation, oil, terrorism, implementation, strategy.

For citation: Janabi Ya., Kozub E.A. 2020. The role of Iraqi oil in US strategy. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 904–911 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-904-911.

Актуальность темы влияния энергетического фактора на политические действия какого-либо государства с каждым годом повышается. В настоящее время нефть является одним из самых востребованных видов энергоресурсов, торговлю которым можно назвать важнейшим элементом современных мирохозяйственных связей. Она играет ключевую роль в управлении жизненно важными секторами, такими как экономический, сервисный и сектор коммерческой деятельности. Одной из целей американского правительства является установление контроля над мировыми источниками нефти. Как известно, эта колониальная империя, а также её трансконтинентальные компании и их владельцы на протяжении истории уже не раз не колеблясь уничтожали целые страны в поисках нефти. Монополистические нефтяные компании в США были и являются собственностью частного капитала. Международный нефтяной картель в своем составе собрал союз частного капитала и капитала монопольного государства в ряде крупных империалистических стран. Согласно исследованиям, 70% запасов нефти находятся в ближневосточном регионе, именно по этой причине присутствие в данном регионе входит в стратегические интересы США. С 1925 года (в этом году были обнаружены запасы нефти в Ираке) Ирак стал ощущать на себе влияние колониальной империалистической оккупации, которая продолжается до сих пор [Егорин, 2016]. Проблема исследования заключается в том, что правительство Соединённых Штатов Америки на протяжении долгого периода времени оккупировало иракские территории, чтобы достичь своих долгосрочных целей и стать доминирующей силой на территории этого государства.

Объектом данного исследования являются энергоносители, находящиеся на территории Ирака, а предметом – факторы присутствия сил Соединённых Штатов Америки в Ираке. Методологические основы исследования заключаются в использовании системного подхода при написании работы. В качестве основных исследовательских методов были использованы следующие: исторический метод – для раскрытия ретроспективы и развития отношений и взаимодействия между США и Ираком в ближайшие несколько десятилетий; сравнительный метод – для сопоставления характера и масштабов деятельности США в ближневосточном регионе, в частности в Ираке на различных этапах; индуктивный метод – для проведения анализа от частного к общему – от влияния действий США на Ирак к влиянию действий США на ситуацию в мире в целом.

В исследовании был использован ресурсно-акторный подход, в рамках которого была проанализирована ресурсная база и деятельность США, а также негосударственных акторов, принимающих непосредственное участие в реализации внешнеполитического курса страны, их действий в рамках достижения поставленных целей на территории Ирака. Кроме того, применялся контент-анализ выступлений, внешнеполитических документов для определения вектора политики США, а также проблемно-хронологический и идеографический методы, методы анализа, индукции, дедукции, аналогии и обобщения.

Государства Аравийского полуострова, а также государства Персидского залива являются крупнейшим энергетическим резервом во всем мире. Поскольку Ирак – государство, связывающее Европу и регион Индийского океана, стратегической целью империалистов, начиная с прошлого века, было расширение контроля над этой страной. Между Великобританией, Германией, США, Турцией, а также рядом европейских стран была жесткая конкуренция за возможность присутствовать в Ираке и контролировать источники иракской нефти.

Ирак занимает второе место по мировым запасам нефти после Саудовской Аравии, однако реальные запасы в Ираке намного выше. Кроме того, существует возможность открытия новых нефтяных источников при низких затратах на добычу. По этой причине контроль над Ираком означает контроль примерно над четвертью мировых запасов нефти. Также географическое местоположение Ирака позволяет ему контролировать две третьих мировых запасов нефти, которые сосредоточены в Персидском заливе, что, в свою очередь, делает эту страну ещё более важной для США, учитывая геостратегические интересы этой страны. Главная цель Америки в регионе – контролировать экономику Ирака, чтобы получить возможность управления ценами на нефть, в то же время для США важно

не допустить присутствие европейских стран, таких как Германия и Франция, а также некоторых других стран в Ирак [Сушенцов, 2010]. Говоря о целях США, стоит упомянуть возможность контролировать цены, особенно после финансовой катастрофы, которая потрясла как американскую, так и мировую экономику. Понеся огромные потери, США, с целью избежать повтора этого сценария, перешли на политику слабого доллара. Многие считают, что слабый доллар воплощает конец господства над миром, но на самом деле это не так. Слабость доллара – не что иное, как новая политика, которой управляют Соединенные Штаты, и она душит всех. Политика слабого доллара – это многоцелевая политика, которая отвечает всем интересам США, а не только экономическим. Благодаря этой политике глобальная финансовая система окажется под американским контролем точно так же, как и иракская нефть. Американский контроль над нефтью в Ираке предоставит возможность контролировать цены на нефть в мире и тем самым приведет к серьёзным последствиям, уменьшив до самого низкого уровня цены на нефть Персидского залива. Поскольку нефть Персидского залива важна для её экономики, в конечном итоге это может отразиться на экономическом уровне в этих странах и привести к ослаблению государств Персидского залива и арабских стран в целом, что и является одной из основных геостратегических целей США в регионе [Al-shamhi, 2018].

Важность этого исследования заключается в определении роли иракской нефти в американской стратегии и выявлении причин, по которым энергоресурсы стали одним из основных факторов оккупации Ирака, что в результате привело к смене иракского режима, разрушению инфраструктуры и более того, оказало влияние на весь ближневосточный регион.

Контроль над Ираком, находящимся на перекрестке Востока и Запада, а также соединяющим три континента – Азию, Африку и Европу, –даёт возможность Соединенным Штатам Америки контролировать как государства Персидского залива, так и остальную часть Ближнего Востока. В исследовании высказывается предположение о том, что нефть не является единственным фактором, побудившим США оккупировать Багдад и свергнуть режим Саддама Хусейна. Вероятно, есть и другие не менее значимые причины, такие как защита безопасности Израиля и его союзников в регионе, то есть некоторых арабских стран Персидского залива, или возможность контролировать и сдерживать Иран, а также ограничить его ядерную программу. В то же время можно предположить, что все эти причины взаимосвязаны, и, таким образом, нефть не является основным фактором присутствия США в Ираке.

Ирак имеет особое значение для американцев не только по причине залежей там богатых энергетических ресурсов, но и благодаря таким факторам, как уникальные географическое и геополитическое расположение, а также богатая история. Он является одной из крупнейших стран в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. В регионе Ирак конкурирует с ведущими региональными экспортерами энергоресурсов, а также с другими крупными экономиками региона – Турцией и Египтом [Багдасаров, 2016]. Ирак является стратегически значимым государством, так как сухопутные и воздушные пути из Европы в страны Ближнего Востока и Южной Азии проходят через его территории. Кроме того, он является мостом, связывающим Персидский залив и Средиземное море через сирийскую территорию и Красное море, через иорданскую территорию с Персидским заливом, через порт Умм-Каср. Тот, кто имеет контроль над Ираком, может контролировать с иракской территории соседние страны – Иран, Сирию, иракский и турецкий Курдистан, а также всю зону Персидского залива [Aboud, 2014].

Нефть в Ираке была обнаружена в 1925 году на месторождении Киркук, а затем были обнаружены другие нефтяные месторождения в центральном и южном Ираке, в частности в городе Басра [Mejcher, 1980]. Отрасль развивалась достаточно слабо. В 1932 году Ирак получил независимость от Великобритании, что, в свою очередь, ослабило её контроль за нефтяным производством в стране, однако компания «Ирак Петролеум», доминировавшая в нефтяной отрасли государства до 1958 года, контролировалась иностранными капиталами, что помогло укрепиться британским, французским и амери-

канским военно-стратегическим позициям на Ближнем Востоке в рамках строительства нефтепровода к Средиземному морю и финансового участия в сооружении объектов транспортной инфраструктуры региона [Chatelus, 1993]. Чтобы ослабить свою зависимость от иностранного нефтяного капитала, правительства Ирака, Египта и Турции строили национальные нефтеперерабатывающие заводы, однако американские и другие иностранные компании продолжали контролировать иракскую нефть. С момента национализации нефтяной промышленности в Ираке, произошедшей в 1972 году, согласно статистике, иракские запасы нефти превышали 112 миллиардов баррелей, в то время как доля недоказанных запасов превышала 362 миллиарда баррелей [Абиди, 2007]. Наиболее важной характеристикой иракской нефти являлась недорогая стоимость добычи, не превышающая 2 доллара за баррель, в то же время стоимость добычи американской нефти была 14 долларов за баррель [a country that is rich…, 2019]. К настоящему времени Ирак стал четвертой страной в мире по экспорту нефти и вторым крупнейшим производителем среди стран OPEC. Он располагает более чем 147 миллиардами баррелей доказанных запасов нефти – около 9 % мировых поставок – и очень высоким соотношением запасов к фактической добыче (4,6 млн баррелей в сутки в 2018 году). Также в этой стране находятся 125,6 трлн кубометров запасов газа [Salema, 2010]. Учитывая тот факт, что Ирак считается одной из крупнейших нефтяных держав, которые оказывают значительное влияние на мировые поставки энергоресурсов, становится понятен интерес США к этому государству.

Железнодорожные и продовольственные компании, а также банки и автомобильная промышленность занимали ведущее место среди американских компаний начиная с 1929 года, но с 1979 года ведущая роль перешла нефтяной промышленности, доминирующее место по получению прибыли в которой занимали и продолжают занимать такие нефтяные компании, как Exxon, Mobil, Texas и др. [Ван-Вактор, 2014].

После нефтяного и энергетического кризисов 1970-х годов госсекретарь США Генри Киссинджер пригрозил применить военную силу против арабских стран, поднявших цены на нефть. Однако ситуация изменилась на рубеже 1979–1980 гг., когда советские войска пришли в Афганистан. Президентом США Джимми Картером была провозглашена Доктрина Картера, согласно которой Персидский залив считался районом, имеющим жизненно важное значение для Соединенных Штатов и всего западного мира, в связи с этим было принято решение направить военно-морские силы к их берегам, чтобы обеспечить продолжение поставок нефти оттуда.

Во время кризиса в Персидском заливе 1990 года газета American Herald Tribune написала 27 августа 1990 года: «Любой американец, знающий политику США, прекрасно понимает, что Соединенные Штаты не борются за демократию против Ирака, потому что в арабском мире нет демократии, и не борются за Кувейт. Соединенные Штаты перебрались в Ирак, чтобы контролировать богатства – топливную промышленность» [al-Ardawi, 2019].

После терактов 11 сентября 2001 года произошли изменения в стратегическом планировании Америки. Терроризм стал одной из основных форм вооруженного конфликта на международной арене. В связи с этим, согласно новой стратегии США, борьба с терроризмом стала одной из основных целей этого государства. Период, последовавший за событиями 11 сентября 2001 года, стал свидетельством серьезных изменений в стратегии Соединенных Штатов, которая вышла на новый этап. Соединенные Штаты Америки возглавили войну с терроризмом и включили некоторые страны мира, в основном страны ближневосточного региона, в список государств-спонсоров террористов. В целях ликвидации терроризма (в частности в Ираке), в США была создана новая стратегия, которая также была настроена на то, чтобы перестроить карту мира в соответствии с американскими интересами. С того момента, как президент США Джордж Буш ввел термин «ось зла», определив Ирак как одну из трех сторон, наряду с Ираном и Северной Кореей, Соединенные Штаты начали в ходе войны в 2003 году работать над достижением ряда целей: политических, геостратегических и экономических. В данном исследовании уделяется

внимание именно роли экономического фактора, который, как предполагается, является причиной войны в Ираке больше, чем просто захват нефти для внутреннего потребления США. Интересен тот факт, что в период американской оккупации Ирака в 2003 году, основными целями которой были заявлены борьба с терроризмом, а также уничтожение оружия массового поражения, американские силы охраняли от разрушений объекты нефтяной промышленности неподалёку от месторождений нефти, бомбардировки проводились с особой осторожностью, кроме того, были приняты все возможные меры для тушения подожженных нефтяных колодцев [Barnet, 2016].

Такие детали подтверждают истинную причину американской оккупации Ирака. Стоит упомянуть тот факт, что в 2003 году Соединённые Штаты вывели свои войска с баз, расположенных в Саудовской Аравии, в ожидании, что Ирак станет лучшей заменой, а оккупированные месторождения энергоресурсов позволят Вашингтону быть уверенными в стабильном положении энергетического сектора Штатов. Соединенные Штаты навязали Ираку экономическую стратегию, которая предусматривает следующее: полная открытость иракских институтов миру, принятие сильных и привлекательных стимулов для развития частного сектора, достижение конвергенции и экономической интеграции [Ashford, 2018]. В дополнение к американским усилиям по восстановлению Ирака с целью оживления американской экономики и решения такой проблемы, как войны, программа реконструкции Ирака была описана как крупнейший в мире проект реконструкции после проекта Маршалла, который государства предприняли для восстановления Европы после Второй мировой войны [al-Azzawi, 2014].

События 11 сентября 2001 года представляют собой исторический промежуток между двумя фазами и качественным изменением в общем поведении Соединенных Штатов. Поскольку период после 2001 года совпал с нахождением у власти администрации Буша, это оказало значительное влияние на фундаментальные сдвиги в общих тенденциях внешней политики государства. Администрация США привела большое количество ложных аргументов, ставших причиной начала войны с Ираком, включая обвинение данного государства в террористических связях, а также в причастности к событиям 11 сентября 2001 года и в обладании оружием массового уничтожения. Но на самом деле война против Ирака, по сути, была «нефтяной». Ирак является для Соединенных Штатов ключом ко вторым по объему запасам нефти после месторождений Саудовской Аравии. Все страны региона Персидского залива владеют в общей сложности двумя третями мировых запасов нефти [Айдрс, Меланьина, 2016]. Практически каждый крупный торговый партнер США в Азии зависит от стабильного потока нефти из Персидского залива – и Европа также является ключевым импортером. Развивающиеся государства во всем мире зависят от нефтяных портов Персидского залива и в частности Ирака, поэтому Соединенным Штатам необходимо присутствовать в Ираке и продолжать контролировать ситуацию в регионе [Шумилин, 2007].

Кроме того, важно не допустить присутствие в Ираке других международных акторов, в частности России и Китая. Так, политическими официальными лицами США было сделано заключение о том, что вторжение в Ирак является решением, которое предоставляет возможность доминировать в добыче нефтяных богатств страны, а также контролировать регион [Okabi, 2015].

Таким образом, нефть, являющаяся одним из главных инструментов мирового контроля, является важным фактором, послужившим вторжению американских сил в Ирак. Победа в Ираке позволила администрации США добиться глобальных завоеваний, а также прямого господства в этом государстве [Al-Falah, 2019]. Нефть является самой важной политической целью американской внешней политики, в связи с этим есть риск возникновения еще одной иракской войны [lname, 2014]. Трудно не согласиться с замечанием британского журналиста Роберта Фиска: «Соединенным Штатам необходимо будет контролировать глобальные источники нефти…, Соединенные Штаты не вторглись бы в Ирак, если бы Ирак экспортировал свеклу, а не контролировал 25 % мировых запасов нефти» [Makarim, 2010].

Опираясь на все приведённые факты, в результате исследования были сделаны следующие выводы: кроме осуществления геостратегических, экономических и политических интересов, основной целью Соединённых Штатов Америки в Ираке является нефть. Именно данный факт привел к разработке новой стратегии в США и прояснил важность Ирака для обслуживания американских интересов с точки зрения реализации ближневосточного проекта. Однако не стоит забывать, что доминирование в Ираке даёт возможность американскому правительству контролировать Иран и быть готовыми ответить на любые вызовы, которые могут быть предприняты этим государством. Также был сделан вывод, что в случае если США почувствует, что какой-либо международный актор заинтересовался энергоресурсами Ирака, то Вашингтон будет готов использовать вооруженные силы. То есть нефть можно назвать одной из основных причин дестабилизации безопасности в регионе. Кроме того, оккупация Ирака позволила США оказаться в сердце Ближнего Востока и оттуда навязывать свою гегемонию государствам Персидского залива, а также обеспечить присутствие американских военных баз в регионе, которые в случае любых чрезвычайных ситуаций, затрагивающих безопасность Соединенных Штатов или безопасность региона, позволят быть близко к этим местам и быстро отреагировать на такую ситуацию.

Таким образом, Соединенным Штатам Америки была нужна иракская война не для того, чтобы избавить иракский народ от прежнего режима или установить равновесие между арабским миром и Израилем. Руководство США получило контроль над иракской нефтью, что дало возможность вывести Соединенные Штаты на вершину международной системы и поддержать идею однополярной системы международных отношений после появления стратегии президента Джорджа Буша-младшего. Появление новой стратегии дало положительные результаты для Соединенных Штатов, среди них навязывание их гегемонии в регионе Персидского залива. Война, в свою очередь, способствовала оживлению американской экономики: увеличение товарооборота по торговле оружием и потока нефти в Персидском заливе и Ираке в Соединенные Штаты.

Соединённым Штатам Америки удалось достичь своих целей за счёт оккупации Ирака, которая, согласно их заявлениям, была необходимым шагом в борьбе с терроризмом, однако на основании приведённых раннее фактов можно сделать вывод, что заявленные американским правительством цели были предлогом для проникновения на территорию Ирака и установления доминирования на территории этого государства. Следовательно, Ирак стал очередной политической жертвой в конкуренции мировых гегемонов.

Список литературы

1. Абиди Х.Л. Иракская нефть и нефтяная политика в Ираке и в регионе в свете американской оккупации: в 3 т. / Х.Л. аз-Забиди. – Багдад: Иракский центр исследований, 2007. – Т. 1. – 366 с.
2. Айдрус И.А.З., Меланьина М.В. Экономические санкции в условиях глобализации: проблемы теории и современная практика Ирака // Азия: вектор развития внешнеэкономического сотрудничества с Россией в условиях санкций. Ежегодник – 2016. Под редакцией Л.В. Шкваря. Москва, 2016. С. 48–76.
3. Багдасаров С.А. Ближний Восток. Вечный конфликт. М.: Эксмо, 2016. 288 с.
4. Ван-Вактор С.А. Нефть благословенная и проклинаемая. Международный нефтегазовый бизнес от скважины до бензоколонки / С.А. Ван-Вактор. – М.: Альпина Паблишер, 2014. – 240 с.
5. Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. – М.: Альпина Паблишер, 2016. С. 154.
6. Сушенцов А.А. Эволюция политических приоритетов США в Ираке / А.А. Сушенцов // США – Канада. Экономика, политика, культура. – 2010. – № 7. – С. 53–66.
7. Шумилин, А. И. Проблема нефти и перспектива вывода американских войск изИрака/ А. И. Шумилин// США– Канада. Экономика, политика, культура. – С. 37–54.
8. Aboud Ali, 2014. American strategy for the Iraqi development. – Available at: http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=420136&r (accessed 28 February 2020) (in Arab.).

9. A country that is rich and a people that can't find food. What do you know about Iraqi oil. 2019. Available at: http://khaleej.online/Gbz4Mn (accessed 2 March 2020) (in Arab.).

10. Al-shamhi Rahman, 2018. American ambitions for the Iraqi and Syrian oil threaten the organization of OPEC. Available at: http://tishreen.news.sy/?p=21359 (accessed 28 February 2020) (in Arab.).

11. Al-Falah Abdul-Khaliq. 2019. «Iraq to where ... civilised dialogue has moved». Available at: http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=657203 (accessed 4 March 2020) (in Arab.).

12. Chatelus M. Iraq and Its Oil: Sixty-five Years of Ambitions and Frustration // Iraq: Power and Society / ed. by D. Hopwood. – Oxford: St. Antony's College, 1993. – P. 141–161.

13. Haled al-Ardawi, 2019. Iraq and the United States of America, study the future foreign policy of Iraq. Available at: https://abu.edu.iq/sites/default/files/jurnals/abu/3/3-13.pdf (accessed 3 March 2020) (in Arab.).

14. Heba Burhan al-Azzawi. 2014. The events of September 11, 2001 and its impact on international politics. Available at: http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=408271 (accessed 5 March 2020) (in Arab.).

15. Hamisa Okabi. 2015. Oil research in the US-Arab relations on the example of Algeria (1990–2014). Available at: http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=657203 (accessed 5 March 2020) (in Arab.).

16. Mejcher H. Die Politic und das Ol im Nahen Osten. Bd. I. Der Kampf der Machte und Konzerne vor dem Zweiten Weltkrieg. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1980.

17. Salema Ahmed. 2010. America has succeeded in achieving its goals of occupying Iraq. Available at: http://khaleej.online/Gbz4Mn (accessed 6 March 2020) (in Arab.).

18. Saleh lname. 2014. American policy in Iraq: divide and conquer. Available at: http://www.alriyadh.com/19560 (accessed 3 March 2020) (in Arab.).

19. Makarim Ibrahim. 2010. Is oil the cause of America's war with Iraq? Available at: http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=224067 (accessed 4 March 2020) (in Arab.).

20. Thomas P.M. Barnet. America's Post-Oil Grand Strategy, 18 February 2016. – Available at: http:// thomaspmbarnett. squarespace.com/globlo gization/2016/2/18/americas-post-oil-grand-strategy.html (accessed 7 March 2020).

References

1. Abidi Kh.L. Irakskaya neft' i neftyanaya politika v Irake i v regione v svete amerikanskoy okkupatsii: v 3 t. [Iraqi oil and oil policy in Iraq and the region in the light of the American occupation: in 3 vols.] / Kh.L. az-Zabidi. – Bagdad: Irakskiy tsentr issledovaniy, 2007. – T. 1. – 366 s. (in Russian)

2. Aydrus I.A.Z., Melan'ina M.V. Ekonomicheskie sanktsii v usloviyakh globalizatsii: problemy teorii i sovremennaya praktika Iraka // Aziya: vektor razvitiya vneshneekonomicheskogo sotrudnichestva s Rossiey v usloviyakh sanktsiy Ezhegodnik – 2016. Pod redaktsiey L.V. Shkvarya [Economic sanctions in the context of globalization: problems of theory and modern practice of Iraq // Asia: the vector of development of foreign economic cooperation with Russia in the context of sanctions. Edited by L.V. Shkvar]. Moskva, 2016. S. 48–76 (in Russian).

3. Bagdasarov S.A. Blizhnij Vostok. Vechnyj konflikt [The Middle East. Eternal conflict]. Moscow: Eksmo, 2016. 288 p. (in Russian).

4. Van-Vaktor S.A. Neft' blagoslovennaya i proklinaemaya. Mezhdunarodnyy neftegazovyy biznes ot skvazhiny do benzokolonki [Oil blessed and cursed. International oil and gas business from a well to a gas station]. / S.A. Van-Vaktor. – M.: Al'pina Pablisher, 2014. – 240 s. (in Russian).

5. Ergin D. Dobycha. Vsemirnaya istoriya bor'by za neft', den'gi i vlast' [The world history of the struggle for oil, money and power]. – M.: Al'pina Pablisher, 2016. S. 154 (in Russian).

6. Sushentsov A.A. Evolyutsiya politicheskikh prioritetov SShA v Irake [The Problem of oil and the prospect of withdrawal of American troops from Iraq]. / A.A. Sushentsov // SShA – Kanada. Ekonomika, politika, kul'tura. – 2010. – № 7. – S. 53–66 (in Russian).

7. Shumilin A.I. Problema nefti i perspektiva vyvoda amerikanskikh voysk iz Iraka [The Problem of oil and the prospect of withdrawal of American troops from Iraq]. / A.I. Shumilin // SShA – Kanada. Ekonomika, politika, kul'tura. – S. 37–54. Ashford E. Unbalanced: Rethinking America's Commitment to the Middle East // Strategic Studies Quarterly, Spring 2018, pp. 127–148 (in Russian).

8. Aboud Ali, 2014. American strategy for the Iraqi development. – Available at: http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=420136&r (accessed 28 February 2020) (in Arab.).

9. A country that is rich and a people that can't find food. What do you know about Iraqi oil. 2019. Available at: http://khaleej.online/Gbz4Mn (accessed 2 March 2020) (in Arab.).

10. Al-shamhi Rahman, 2018. American ambitions for the Iraqi and Syrian oil threaten the organization of OPEC. Available at: http://tishreen.news.sy/?p=21359 (accessed 28 February 2020) (in Arab.).

11. Al-Falah Abdul-Khaliq. 2019. «Iraq to where ... civilised dialogue has moved». Available at: http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=657203 (accessed 4 March 2020) (in Arab.).

12. Chatelus M. Iraq and Its Oil: Sixty-five Years of Ambitions and Frustration // Iraq: Power and Society / ed. by D. Hopwood. – Oxford: St. Antony's College, 1993. – P. 141–161.

13. Haled al-Ardawi, 2019. Iraq and the United States of America, study the future foreign policy of Iraq. Available at: https://abu.edu.iq/sites/default/files/jurnals/abu/3/3-13.pdf (accessed 3 March 2020) (in Arab.).

14. Heba Burhan al-Azzawi. 2014. The events of September 11, 2001 and its impact on international politics. Available at: http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=408271 (accessed 5 March 2020) (in Arab.).

15. Hamisa Okabi. 2015. Oil research in the US-Arab relations on the example of Algeria (1990–2014). Available at: http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=657203 (accessed 5 March 2020) (in Arab.).

16. Mejcher H. Die Politic und das Ol im Nahen Osten. Bd. I. Der Kampf der Machte und Konzerne vor dem Zweiten Weltkrieg. – Stuttgart: Klett-Cotta, 1980.

17. Salema Ahmed. 2010. America has succeeded in achieving its goals of occupying Iraq. Available at: http://khaleej.online/Gbz4Mn (accessed 6 March 2020) (in Arab.).

18. Saleh lname. 2014. American policy in Iraq: divide and conquer. Available at: http://www.alriyadh.com/19560 (accessed 3 March 2020) (in Arab.).

19. Makarim Ibrahim. 2010. Is oil the cause of America's war with Iraq? Available at: http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=224067 (accessed 4 March 2020) (in Arab.).

20. Thomas P.M. Barnet. America's Post-Oil Grand Strategy, 18 February 2016. – Available at: http:// thomaspmbarnett. squarespace.com/globlo gization/2016/2/18/americas-post-oil-grand-strategy.html (accessed 7 March 2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дажанаби Якуб Сабих Хасан, аспирант Института международных отношений и мировой истории (направление: 41.06.01 Политические науки и регионоведение) ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Россия

Козуб Екатерина Алексеевна, магистрант Института международных отношений и мировой истории (направление: 41.04.01 Зарубежное регионоведение) ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yaqoob Sabeeh Hasan Janabi, post-graduate student of the Institute of International Relations and World History (direction: 41.06.01 Political Sciences and Regional Studies), National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Ekaterina A. Kozub, Master student at the Institute of International Relations and World History (direction: 41.04.01 Foreign Regional Studies), National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 327
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-912-920

Ближневосточная политика Франции в период президентства Николя Саркози и Франсуа Олланда

М.А. Ивашкин
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: mikhail.ivashkin@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимоотношений Франции с государствами ближневосточного региона через призму внешнеполитического курса Николя Саркози и Франсуа Олланда. Ближневосточное направление внешней политики является традиционным для республики, в связи с чем входит в сферу внешнеполитических приоритетов лидеров государства. Цель данной работы заключается в сравнении ближневосточной политики Франции при президентстве Н. Саркози с курсом Ф. Олланда. Для достижения обозначенной цели требуется решить ряд задач: исследовать реализацию внешнеполитического курса президентов в отношении стран Ближнего Востока; выделить общие тенденции ближневосточной политики двух президентов; проанализировать различия между их ближневосточной политикой. В конечном итоге автор приходит к выводу о преемственности взглядов президентов в 2007–2014 гг., сохранением большинства традиционных контактов и расширением сотрудничества. Изменения заключаются в интенсивности взаимодействия. Так, личные качества и убеждения обоих политиков укрепили одни связи и вызвали охлаждение других, вызвали перестановку некоторых акцентов.

Ключевые слова: Франция, Ближний Восток, Николя Саркози, Франсуа Олланд, Ливия, Сирия, Ирак, ОАЭ, Саудовская Аравия, внешняя политика.

Для цитирования: Ивашкин М.А. 2020. Ближневосточная политика Франции в период президентства Николя Саркози и Франсуа Олланда. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 912–920. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-912-920.

French middle eastern policy during the presidency of Nicolas Sarkozy and Francois Hollande

Mikhail A. Ivashkin
National Research Lobachevsky State University of Nizhnii Novgorod,
23 Gagarin Ave., Niznii Novgorod, 603950, Russia
E-mail: mikhail.ivashkin@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of relations of France with the states of the Middle East region through the prism of foreign policy of Nicolas Sarkozy and Francois Hollande. The Middle East direction of foreign policy is traditional for the Republic, and therefore it is included in the sphere of foreign policy priorities of the state leaders. The aim of this paper is to compare the Middle Eastern policy of France under the presidency of N. Sarkozy with the course of F. Hollande. In order to achieve this goal, a number of tasks must be accomplished, in particular: to examine the implementation of the foreign policy of the presidents in relation to the countries of the Middle East; to highlight the general trends in the Middle East policy of the two presidents; to analyze the differences between their Middle East policies. Ultimately, the author comes to the conclusion that the presidents' views in 2007–2014 are consistent, most traditional contacts are preserved and cooperation is expanded. The change lies in the

intensity of interaction. Thus, the personal qualities and beliefs of both politicians have strengthened some connections and caused the cooling of others, and caused a shift in some accents.

Keywords: France, Middle East, Nicolas Sarkozy, Francois Hollande, Libya, Syria, Iraq, United Arab Emirates, Saudi Arabia, foreign policy.

For citation: Ivashkin M.A. 2020. French middle eastern policy during the presidency of Nicolas Sarkozy and Francois Hollande. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 912–920 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-912-920.

Введение

Традиционно Ближний Восток входит в зону интересов Франции, которая активно отстаивает свои позиции и продвигает свое видение расстановки сил в этом регионе. Основными направлениями ближневосточной политики Франции считаются ливано-сирийское и палестино-израильское, где Париж пытается сохранить ровные контакты со всеми сторонами конфликта, а с другой стороны, естественно задевает интересы участников, т. к. государства ближневосточного региона демонстрируют сложное сплетение взаимных обид, конкуренции и поддержки. Также Пятая Республика поддерживает стабильно хорошие связи с Саудовской Аравией как центральным региональным игроком.

Приход к власти социалиста Франсуа Олланда существенно не поменял ближневосточный курс страны, переставив акценты, например, в плане поворота к Саудовской Аравии, но при сохранении жесткой позиции в сирийском и иранском вопросах. Н. Саркози задал определенный темп своему последователю, который, несмотря на оппозиционное положение во внутриполитической сфере, вынужден оставаться активным внешнеполитическим деятелем, не позволяя Франции терять возвращенные в регионе позиции.

Политическое измерение

Внешнеполитические доктрины Н. Саркози и Ф. Олланда на ближневосточном направлении во многом продолжили опыт Ж. Ширака и более глубокие традиции сохранения особой внешнеполитической идентичности Франции, заложенной еще Шарлем де Голлем [Агаджанян, 2012].

В конце XX – начале XXI вв. ближневосточный регион становится местом столкновения интересов целого ряда стран. Начиная с президентства Ж. Ширака, Ближний Восток стал для Франции новым «традиционным» внешнеполитическим направлением в битве за право считаться одним из ключевых государств мира, что отражается в «Белых книгах по обороне и безопасности» от 2008 и 2013 гг. [Агаджанян, 2012].

Вышедшая в июне 2008 г. «Белая книга» Николя Саркози задала внешнеполитический вектор Франции в период его президентства. В ней учитывались традиционные интересы государства в зоне исторического влияния (Северная Африка, северо-западное и северо-восточное побережья Африканского континента), а также потребности военно-политического и энергетического характера на ближневосточном направлении, прежде всего, в зоне Персидского залива [Livre Blanc. Defense et securite nationale, 2008].

Таким образом, внешнеполитическая стратегия Н. Саркози основывалась на предшествующих разработках, но привнесла и новые геополитические приоритеты. Прежде всего, Париж отказался от политики сокращения военного бюджета. Было объявлено об увеличении личного состава армии и удвоении расходов на создание собственной системы оповещения об атаках баллистических ракет, спутников-шпионов и т. д. [Агаджанян, 2012].

В «Белой книге» Н. Саркози констатировалось наличие «арки нестабильности от Атлантики до Индийского океана», то есть региона, протянувшегося от Атлантики через Средиземноморье к Персидскому заливу, странам Африканского Рога и Южной Азии [Li-

vre Blanc. Defense et securite nationale, 2008]. Франция приступила к оптимизации своей военно-политической инфраструктуры на Африканском континенте и созданию точек военного базирования в зоне Залива. Данная стратегия отразилась в открытии военной базы в Абу-Даби в мае 2009 г., ставшей первым постоянным пунктом военного присутствия Франции в зоне Персидского залива с комплексной функциональной нагрузкой [Агаджанян, 2012].

Победа Ф. Олланда на выборах 2012 г. обозначила возможный отказ Франции от концепции «Гиперактивной внешней политики» Н. Саркози. Однако «Белая книга» 2013 г. в целом повторяла концепцию политики, прописанную в документе от 2008 г., за исключением сокращения расходов на разведывательные войска (на 15%) и тяжелое вооружение (на 8%) [Livre Blanc. Defense et securite nationale, 2013]. При этом и в новом документе подтверждалась значимость Ближнего Востока во внешней политике страны.

В своей предвыборной программе Н. Саркози обещал закончить французское присутствие в Афганистане к концу 2013 г. Ф. Олланд также неоднократно выступал с критикой операции НАТО в Афганистане. Так, например, в апреле 2008 г. он подчеркивал, что итог семилетнего пребывания французских войск в Афганистане мрачен – это талибы, наркотики, смерти.

Программа Ф. Олланда включала пункт о выводе французского военного контингента из Афганистана уже к концу 2012 г., несмотря на экспертное мнение о невозможности менять ситуацию в регионе. После победы политик огласил условия вывода войск: в Кабуле должны были остаться небольшие группы технического характера, которым было поручено помочь сформировать самостоятельные афганские военные кадры [Hollande pour un retrait d'Afghanistan «au plus tard à la fin 2012», 2012]. Вывод войск завершился в середине декабря 2012 г. – т. е. на год раньше срока по плану Н. Саркози и на два года раньше, чем это планировал сделать НАТО [Зверева, 2012].

Другой общей темой предвыборной гонки 2012 г. и взглядов обоих президентов в целом стал турецкий вопрос. Мнение Н. Саркози насчет вступления Турции в Евросоюз было прежним: страна не может присоединиться к ЕС ввиду своей исторической и географической роли «моста» между двумя мирами и двумя континентами. Отношения с этой страной бывший глава Французской Республики ухудшил к концу срока: закон о наказании за непризнание геноцида армян стал пиком напряженности в двусторонних отношениях. 22 декабря 2011 г. Парламент Франции одобрил законопроект об ответственности за отрицание геноцида, а 23 января 2012 г. этот законопроект был принят и верхней палатой Сената. Документом предусматривалось уголовное наказание в виде лишения свободы сроком до одного года и штраф в 45 тысяч евро для тех, кто отрицает геноцид армян в Османской империи в 1915 г. [80] Однако уже в феврале 2012 г. Конституционный Совет Франции объявил о нелегальности текста данного закона, противоречащего праву граждан на свободу слова. В ответ Н. Саркози обратился к Правительству с просьбой принять новый закон [81]. Факт принятия закона Сенатом Франции вызвал одобрение Армении и протест Турции, которая отозвала своего посла и намеревалась ввести экономические санкции против Франции.

Франсуа Олланд в целом поддерживал позицию предшественника. Несмотря на подчеркивание стратегической роли Стамбула в урегулировании сирийского конфликта и призывы к налаживанию двусторонних отношений, ухудшенных за время президентства Н. Саркози, он высказывался против принятия Турции в ЕС. Первая причина заключалась в недостаточном развитии демократии в этой стране, что является важным условием при-

[80] Сенат Франции принял законопроект о геноциде армян, МИД Армении отправил благодарственное письмо. 2012. URL: http://www.gazeta.ru/news/lastnews/2012/01/24/n_2177593.shtml (дата обращения: 30.03.2020).

[81] КС Франции отменил наказание за непризнание геноцида армян. 2012. URL: http://top.rbc.ru/society/29/02/2012/639675.shtml (дата обращения: 13.04.2020).

соединения к Евросоюзу. Нерешенный «Кипрский вопрос» также представлял барьер, мешающий Турции претендовать на включение в состав Союза.

Такой политический шаг Н. Саркози и солидарность Ф. Олланда, с одной стороны, легко объяснить предвыборной гонкой 2012 года: поддержка полумиллиона армян, проживающих на территории Франции, могла стать решающей в определении победителя выборов. С другой стороны, ухудшение отношений с Турцией повлекло бы потерю важного экономического партнера [82].

Таким образом, вопрос о геноциде армян встретил политический консенсус среди французских политических кругов. Начатая Саркози законотворческая инициатива продолжилась и после победы Олланда, когда тот намеревался снова представить в Сенат проект закона об уголовном наказании за отрицание геноцида армян [Génocide arménien: Hollande s'engage à reprendre le dossier s'il est élu, 2012]. Тем не менее в январе 2014 г. состоялся первый за 22 года официальный визит главы Франции в Турцию [Панюжева, с. 71].

Если говорить о другом традиционном векторе французской политики, то следует подчеркнуть преемственность в отношениях с Израилем. Благодаря активному французскому участию Израиль заполучил ядерные технологии и построил ядерные реакторы [Зинченко, с. 32]. Отдельное внимание стоит уделить влиянию мощной еврейской диаспоры на французское правительство. Среди всех французских политических партий именно социалисты традиционно поддерживали наиболее тесные связи с Тель-Авивом [Золина, 2007; с. 34].

Преемственность политического курса наблюдается и в отношении урегулирования израильско-палестинского конфликта. В своей деятельности Ф. Олланд придерживался установок Саркози – безопасность самого Израиля обеспечена признанием сосуществования с Палестиной. Президенты прикладывали дипломатические усилия для налаживания диалога между сторонами конфликта, а также поддерживали Рамаллу в ее стремлении обрести статус наблюдателя в рамках ООН, которое было удовлетворено 31 октября 2012 года [83].

Еще одно важное направление ближневосточной политики Пятой Республики – отношения с Саудовской Аравией, отличающиеся доверием, прочностью, разносторонней направленностью, а также принципом взаимности и уважения. Франция была одной из первых стран, признавших молодое государство в 1926 г. [Золина, 2010; с. 23].

С 1996 г. двусторонние отношения развиваются в формате «стратегического партнерства», которое сводится не только к усилению существующего сотрудничества, поощрению встреч, контактов, но и поиску совместного видения ситуации в регионе и мире [Présentation et Historique, 2019].

Рассматривая Саудовскую Аравию как влиятельного актора региональной и международной политики, Франция считает необходимым привлекать страну к вопросам поддержания безопасности и стабильности. Поэтому стороны сотрудничают в вопросах обеспечения мира в регионе и его целостности; разрешения арабо-израильских противоречий и отстаивания права Палестины на существование в качестве суверенного государства; единства и независимости Ирака и Ливана; нераспространения ядерного оружия; верховенства принципов международного права [Présentation et Historique, 2019]. Поддержка Бейрута и совместное с Эр-Риядом финансирование Ливана стало важным вектором регионального курса Парижа еще при Н. Саркози, что активно продолжил Ф. Олланд после вступления на пост главы государства.

---

[82] Франция сделала преступлением отрицание геноцида армян. 2011. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/12/111221_france_turkey_armenia.shtml (дата обращения: 25.04.2020).

[83] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 67/19. Статус Палестины в Организации Объединенных Наций. 2012. Режим доступа: https://undocs.org/ru/A/67/L.19 (дата обращения: 05.05.2020).

В целом, несмотря на различие внутриполитических убеждений двух президентов, политика Парижа в отношении стран Ближнего и Среднего Востока отличалась преемственностью: это касается и предвыборных заявлений относительно Турции и вывода войск из Афганистана, принципиально жесткой позиции в отношении иранской ядерной программы, сотрудничества с Саудовской Аравией в вопросе укрепления мира и стабильности в регионе, в первую очередь, на ливанском и палестинском направлениях, а также традиционных франко-израильских связей.

Экономическое и культурное измерение

Огромный экономический потенциал ближневосточного региона, обширная программа развития и стратегия диверсификации партнерских связей представляли для Франции хорошие перспективы. Поэтому при президенте Н. Саркози Франция существенно увеличила свое экономическое присутствие в этих странах, в частности в Саудовской Аравии, Катаре, Объединенных Арабских Эмиратах, Израиле.

Можно выделить три направления развития экономических связей.

Во-первых, эти страны являются стратегически важными для французских предприятий благодаря своей стабильности, экономическому росту, значению некоторых государств в рамках Совета по сотрудничеству стран Персидского Залива, а также благоприятному климату для развития партнерства. Макроэкономические параметры находятся на хорошем уровне благодаря доходам от поставок топлива, продуманной ценовой политике и осторожному планированию в период мирового финансового кризиса.

Во-вторых, партнерство и подписание больших контрактов обусловлено историческими связями Франции с регионом. Такие традиционные отрасли, как энергетика, особенно атомная и возобновляемая (в частности, саудовские власти разработали план по строительству 16 АЭС стоимостью 70 млрд евро наряду с внедрением солнечной энергии), электрификация, опреснение воды, авиа, ж/д и подземный транспорт, телекоммуникации и электронная промышленность рисуют долгосрочные перспективы для французских компаний [Галстян, 2013]. В Израиле, например, на 2017 г. располагалось порядка 50 филиалов французских компаний, где работало 6 000 человек [La France et Israel, 2019].

В-третьих, ближневосточные страны представляют выгодный рынок сбыта для французских малых и средних предприятий. Наличие выгодной экономической ситуации, характеризующейся диверсификацией экономики и быстрыми темпами роста (в Саудовской Аравии они составили 307 % с 2002 г.), а также отличное качество французских товаров – все это говорит о возможности французского бизнеса выигрывать от такого сотрудничества [Relations économiques bilatérales et presence économique française en Arabie saoudite, 2019].

Вопросы обороны и военного сотрудничества Франции с Ближним Востоком вырабатываются посольствами. С 2011 гг. назначаются начальники миссии по сотрудничеству в сфере обороны со странами региона. Наиболее развито это направление с Саудовской Аравией, являющейся ключевым игроком в арабском мире. Входящие в миссию по сотрудничеству офицеры выступают советниками Вооруженных Сил Эр-Рияда наряду с французскими коллегами [La Mission de defense et mission de cooperation de defense, 2019]. Деятельность охватывает 3 направления: обмен опытом в сфере обороны, военное сотрудничество, совместные действия в сфере разоружения.

Усиление роли Франции достигается и за счёт развития культурного элемента, который включает искусство, образовательную деятельность и научное сотрудничество. Кроме того, культурная политика позволяет жителям арабских государств больше узнать о французском искусстве и культуре, образовании и преодолеть трудности в различиях менталитета, что особенно связано с вопросом миграции [La cooperation culturelle, universitaire et scientifique, 2019].

Культурная политика включает несколько направлений.

Во-первых, это развитие системы начального и среднего образования. Система саудовского образования в период кризиса повернула некоторые школы в сторону французского бакалавриата, поэтому нередким явлением стал выбор французской системы обучения от школы и до университета. Обучение французскому языку активно продвигается и в Палестине, где специальная программа с бюджетом в 700 000 евро способствовала принятию образовательных программ по изучению языка на базе школ и других учебных заведений в Вифлееме, Наплузе, Хевроне [La France et les Territoires palestiniens, 2019].

Во-вторых, это гуманитарное и социальное сотрудничество, которое включает улучшение системы управления, реформирование правосудия, защиту прав человека и защиту детей, беженцев, развитие социальных программ. Договор о сотрудничестве министерств Франции и Саудовской Аравии нацелен на обучение штата и развитие карьеры, в частности в рамках французской системы Национальной Школы Магистратуры. Помощь в деятельности по защите прав человека осуществляется Первой Ассоциацией по правам человека [La France et les Territoires palestiniens, 2019].

В-третьих, это СМИ и культура. Наряду с развитием системы по обучению французскому языку Париж поощряет реализацию политики франкофонии посредством открытия культурных и языковых центров. Так, Французская Республика поддерживает свое влияние и осуществляет поддержку союзников. Например, в 2010 г. был создан Фонд солидарности, нацеленный на сохранение и увеличение ценности культурного и исторического наследия Палестины [La France et les Territoires palestiniens, 2019].

Наконец, Франция наращивает научное сотрудничество, которое развивается в различных областях при поддержке посольств через подписание договоров между исследовательскими структурами государств. Например, между французскими le CNRS и l'IRD и саудовскими KACST и KAUST [La cooperation culturelle, universitaire et scientifique, 2019]. Сотрудничество с Израилем строится на базе совместной лаборатории INSERM в Ницце, Французского Института в Тель-Авиве и Института технологий Technion, а также центров и филиалов в Хайфе и Беэр-Шеве [La France et Israël, 2019].

Таким образом, наблюдается постоянный интерес Франции к Ближневосточному региону как экономически выгодному и перспективному. Наличие исторических и социально обусловленных связей, а также региональные контуры военно-политических взаимоотношений стран обеспечивают увеличение числа контрактов, что было заложено Н. Саркози и продолжено Ф. Олландом. В условиях кризиса и внутренней социально-экономической напряженности Франция использует Ближний Восток для улучшения экономической ситуации. Ключевыми партнерами при Ф. Олланде были Саудовская Аравия (хотя при Н. Саркози приоритет отдавался Катару) и Израиль, с которыми развивалось экономическое партнерство в военной и энергетической сферах, образовательной, культурной и научной областях. Вместе с тем Париж жертвует немалые суммы на развитие культурных связей и упрочение своего влияния в регионе как сильной страны мирового масштаба, в первую очередь это включает поддержку Палестины и гуманитарную помощь беженцам.

Выводы

Внешняя политика страны с приходом к власти Ф. Олланда подверглась изменениям, в первую очередь учитывая отличия в характере и манере поведения президента-социалиста. Образ резкого, порывистого и эмоционального Николя Саркози на Ближнем Востоке (жесткие действия в отношении иммигрантов и ограничение свободы самоидентификации мусульман, вмешательство в их традиционный уклад жизни) скорее мешал развитию двусторонних связей, а клубок межгосударственных противоречий и сложных взаимоотношений внутри самого Персидского региона не позволял Франции укрепиться в качестве надежного партнера.

Политическая деятельность Н. Саркози на Ближнем Востоке, порой излишняя активность и агрессивность не всегда имели положительные результаты, хотя связи с определенными странами усилились. Акцент был сделан на экономическом аспекте взаимоотношений, подписании контрактов и осуществлении финансовой помощи как рычаге давления и влияния государства в регионе.

Более умеренный и спокойный, прагматичный и взвешенный Ф. Олланд создал приятный и обнадеживающий образ с точки зрения арабских лидеров [Зверева, с. 84]. Вместе с комплексным подходом к реализации политики на Ближнем Востоке это позволило новому президенту Франции добиться расположения здешних политических элит, установить дружественные личные контакты и усилить роль страны на фоне ослабления влияния США в данном регионе.

Военизированная составляющая французской политики начинается с открытия первой постоянной военной базы в ОАЭ в мае 2009 г., что можно рассматривать как претензию на французское лидерство. А возобновление участия в военной структуре НАТО в том же году говорит о расширении методов и инструментов потенциального влияния республики, желающей ослабить влияние США на Ближнем Востоке. В условиях начавшейся «Арабской весны» Париж сделал упор на занятии ведущей роли в военной интервенции в Ливию, что могло повысить статус страны в регионе. Тем не менее сирийскую проблему Н. Саркози стал решать дипломатическими методами, делая усилия по восстановлению двусторонних отношений, ухудшенных при Ж. Шираке.

В свою очередь, Ф. Олланд поменял подход к сирийскому вопросу, сделав его более жестким и принципиальным. Франция не только первой признала «Национальную сирийскую коалицию», но и способствовала организации международной конференции для сбора средств в помощь оппозиции. Кроме этого, Франция – единственная из Европы, безоговорочно поддержавшая инициативу США по нанесению военного удара по Сирии в ответ на террористические действия, химические атаки и бомбардировки мирного населения сирийскими властями.

Традиционными партнерами Франции на Ближнем Востоке выступают Израиль и Саудовская Аравия, с которыми страна также наращивает экономическое и культурное сотрудничество. Они поддерживают Францию в ее действиях в регионе, а порой и сами задают тон, как это происходит с иранским направлением. Особую озабоченность Париж проявляет по отношению к политически нестабильному Ливану и Палестинским территориям, оказывая политическую и финансовую помощь и защищая их интересы на международном уровне.

В экономическом плане Париж продолжает эффективное сотрудничество со странами региона в инфраструктурной, космической и авиационной, энергетической отраслях, в реализации проектов по опреснению воды и электрификации, поставкам оружия и техники. Культурное направление носит разносторонний характер и нацелено на укрепление лидерства в странах Ближнего Востока и снижение роли США.

Таким образом, ближневосточный курс внешней политики Франции в период 2007–2014 гг. характеризуется преемственностью взглядов, сохранением большинства традиционных контактов и расширением сотрудничества. Изменения касаются в большей степени интенсивности взаимодействия: опыт, личные качества и убеждения обоих политиков укрепили одни связи и вызвали охлаждение других, вызвали перестановку некоторых акцентов.

Список литературы

1. Агаджанян М. 2012. Ближний Восток во внешней политике Франции: от Триумфальной арки к «арке нестабильности». URL: http://oko-planet.su/first/109566-blizhniy-vostok-vo-vneshney-politike-francii-ot-triumfalnoy-arki-k-arke-nestabilnosti.html (дата обращения: 01.05.2020).

2. Галстян А. 2013. Франция возвращается на Ближний Восток. URL: http://yerkramas.org/article/66486/franciya-vozvrashhaetsya-na-blizhnij-vostok (дата обращения: 30.04.2020).

3. Зверева Т.В. 2012. Итоги президентских выборов и внешняя политика Франции. Международная жизнь. 5: 75–90.

4. Зинченко А.В. 2004. Ядерная политика Франции во второй половине XX в. М., 519.

5. Золина Д.М. 2007. Особенности взаимоотношений между Францией и Израилем (вторая половина XX – начало XXI вв.). Нижегородский журнал международных исследований. Н. Новгород: ННГУ: 30–44.

6. Золина Д.М. 2010. Развитие ближневосточной политики Франции в 1948–2008 гг. Н. Новгород: ННГУ: 18–31.

7. Панюжева М.М. 2013. Франция: новый президент – новый внешнеполитический курс? Современная Европа. Институт Европы РАН. 3: 57–73.

8. Livre Blanc. Defense et securite nationale. 2008. La Documentation Française. – URL: http://www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapports-publics/084000341/0000.pdf (дата обращения: 03.04.2020).

9. Livre Blanc. Defense et securite nationale. 2013.Présidence de la République française. URL: http://www.elysee.fr/assets/pdf/Livre-Blanc.pdf (дата обращения: 03.04.2020).

10. Hollande pour un retrait d'Afghanistan «au plus tard à la fin 2012». 2012. Le Monde. URL: http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2012/article/2012/01/20/hollande-pour-un-retrait-d-afghanistan-au-plus-tard-a-la-fin-2012_1632466_1471069.html (дата обращения: 03.04.2020).

11. Génocide arménien: Hollande s'engage à reprendre le dossier s'ilestélu. 2012. Le Monde.URL: http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2012/article/2012/02/28/genocide-armenien-des-deputes-ump-saluent-la-decision-du-conseil-constitutionnel_1649524_1471069.html (дата обращения: 16.04.2020).

12. La cooperation culturelle, universitaire et scientifique. 2019. URL: http://www.ambafrance-sa.org/La-cooperation-culturelle (дата обращения: 17.04.2020).

13. La Mission de défense et mission de coopération de defense. 2019. URL: http://www.ambafrance-sa.org/La-Mission-de-defense-et-mission (дата обращения: 17.04.2020).

14. La France et Israël. 2019. URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/israel-territoires-palestiniens/la-france-et-israel/ (дата обращения: 17.04.2020).

15. La France et les Territoires palestiniens. 2019. URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/israel-territoires-palestiniens/la-france-et-les-territoires/ (дата обращения: 19.04.2020).

16. Présentation et Historique. 2019. L'ambassade de France à Riyad. – URL: http://www.ambafrance-sa.org/Presentation-et-Historique,397 (дата обращения: 02.04.2020).

17. Relations économiques bilatérale set présence économique française en Arabies aoudite. 2019. L'ambassade de France à Riyad. – URL: http://www.ambafrance-sa.org/Relations-economiques-bilaterales (дата обращения: 21.04.2020).

References

1. Agadjanyan M. 2012. Blizhniy Vostok vo vneshney politike Frantsii: ot Triumfalnoy arki k «arke nestabilnosti» [The Middle East in French foreign policy: from the Arc de Triomphe to the «Arch of Instability»]. URL: http://oko-planet.su/first/109566-blizhniy-vostok-vo-vneshney-politike-francii-ot-triumfalnoy-arki-k-arke-nestabilnosti.html (accessed: 01.05.2020).

2. Galstyan A. 2013. Frantsiya vozvrashchayetsya na Blizhniy Vostok [France returns to the Middle East]. URL: http://yerkramas.org/article/66486/franciya-vozvrashhaetsya-na-blizhnij-vostok (accessed: 30.04.2020).

3. Zvereva T.V. 2012. Itogi prezidentskikh vyborov i vneshnyaya politika Frantsii [Presidential election results and French foreign policy]. Mezhdunarodnaya zhizn.5: 75–90.

4. Zinchenko A.V. 2004. Yadernaya politika Frantsii vo vtoroy polovine XX v. [France's nuclear policy in the second half of the twentieth century]. M., 519.

5. Zolina D.M. 2007. Osobennosti vzaimootnosheniy mezhdu Frantsiyey i Izrailem (vtoraya polovina XX – nachalo XXI vv.). Nizhegorodskiy zhurnal mezhdunarodnykh issledovaniy. N. Novgorod: NNGU: 30–44.

6. Zolina D.M. 2010. Razvitiye blizhnevostochnoy politiki Frantsii v 1948–2008 gg. [The relationship between France and Israel (second half of the twentieth and beginning of the twenty-first centuries)]. N. Novgorod: NNGU, 18–31.

7. Panyuzheva M.M. 2013. Frantsiya: novyy prezident – novyy vneshnepoliticheskiy kurs? [France: new president - new foreign policy?]. Sovremennaya Evropa. Institut Evropy RAN. 3: 57–73.

8. Livre Blanc. Defense et securite nationale. 2008. La Documentation Française. – URL: http://www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapports-publics/084000341/0000.pdf (дата обращения: 03.04.2020).

9. Livre Blanc. Defense et securite nationale. 2013.Présidence de la République française. URL: http://www.elysee.fr/assets/pdf/Livre-Blanc.pdf (дата обращения: 03.04.2020).

10. Hollande pour un retrait d'Afghanistan «au plus tard à la fin 2012». 2012. Le Monde. URL: http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2012/article/2012/01/20/hollande-pour-un-retrait-d-afghanistan-au-plus-tard-a-la-fin-2012_1632466_1471069.html (дата обращения: 03.04.2020).

11. Génocide arménien: Hollande s'engage à reprendre le dossier s'ilestélu. 2012. Le Monde.URL: http://www.lemonde.fr/election-presidentielle-2012/article/2012/02/28/genocide-armenien-des-deputes-ump-saluent-la-decision-du-conseil-constitutionnel_1649524_1471069.html (дата обращения: 16.04.2020).

12. La cooperation culturelle, universitaire et scientifique. 2019. URL: http://www.ambafrance-sa.org/La-cooperation-culturelle (дата обращения: 17.04.2020).

13. La Mission de défense et mission de coopération de defense. 2019. URL: http://www.ambafrance-sa.org/La-Mission-de-defense-et-mission (дата обращения: 17.04.2020).

14. La France et Israël. 2019. URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/israel-territoires-palestiniens/la-france-et-israel/ (дата обращения: 17.04.2020).

15. La France et les Territoires palestiniens. 2019. URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/israel-territoires-palestiniens/la-france-et-les-territoires/ (дата обращения: 19.04.2020).

16. Présentation et Historique. 2019. L'ambassade de France à Riyad. – URL: http://www.ambafrance-sa.org/Presentation-et-Historique,397 (дата обращения: 02.04.2020).

17. Relations économiques bilatérale set présence économique française en Arabies aoudite. 2019. L'ambassade de France à Riyad. – URL: http://www.ambafrance-sa.org/Relations-economiques-bilaterales (дата обращения: 21.04.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ивашкин Михаил Александрович, аспирант Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Института международных отношений и мировой истории, г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail A. Ivashkin, postgraduate student, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

УДК 321
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-921-932

Дискурсивный сетевой анализ: дискурсивно-динамический аспект исследования публичной политики

А.И. Корюшкин
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
Email: a.koryushkin@spbu.ru

Аннотация. Объектом анализа статьи является концепт дискурсивного сетевого анализа, предложенный британским политологом Филипом Лейфелдом, и, прежде всего, его сущностные характеристики, позволяющие оценить объяснительный потенциал такого концепта, представляющего собой комбинацию качественного контент-анализа и количественного сетевого анализа. Здесь интерпретируется принципиальная важность определения в этом концепте публичных политических дебатов в качестве динамичных дискурсивных сетей, дискутирующих проблемы конкретных политических курсов в их развитии, детальной творческой разработки в нем центрального понятия «политический дискурс», подчеркивающей его динамическую природу, также значимость объединения в его методологии актор-ориентированных и контент-ориентированных подходов к изучению политических дискурсов конкретных политических курсов, что позволяет концептуализировать и замерять ко-эволюцию акторов и их контентов в процессе динамичных изменений выработки, реформирования и смены политических курсов, обеспечивая возможность их долгосрочного мониторинга.

Ключевые слова: дискурсивный сетевой анализ, публичные политические дебаты, политический дискурс, качественный контент-анализ, количественный сетевой анализ, динамический аспект исследования, публичная политика.

Благодарности: работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 18-011-00705 «Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия».

Для цитирования: Корюшкин А.И. 2020. Дискурсивный сетевой анализ: дискурсивно-динамический аспект исследования публичной политики. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 921–932. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-921-932.

Discurse network analysis: discursive-dynamic aspect of public policy research

Alexander I. Koryushkin
Saint Petersburg State University,
7/9 University Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
Email: a.koryushkin@spbu.ru

Abstract. The paper's analysis is aimed at the concept of discourse network analysis suggested by the British political scientist Philip Leifeld and, most of all, at its essential features that make it possible to evaluate an explanatory potential of such a concept that appears to be a combination of qualitative content-analysis and quantitative network analysis. It is interpreted here a principal importance of defining in this concept of the public political debates as dynamic discourse networks discussing policy problems in their development and of the detailed and creative elaboration of the central notion of «political discourse» emphasizing its dynamic nature as well as a significance of combining in its methodology of the actor-oriented and the content-oriented approaches to the research over policy

discourses that let conceptualizing and measuring co-evolution of actors and their contents in the process of dynamic changes of formulation, reformation and shift of the policies thus having provided an option of their long-term monitoring.

Keywords: discourse network analysis, public political debates, political discourse, qualitative content-analysis, quantitative network analysis, dynamic aspect of research, public policy.

Gratitudes: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Grant No. 18-011-00705 «The Explanatory Potential of Network Theory in Political Research: Methodological Synthesis as an Analytical Strategy».

For citation: Koryushkin A.I. 2020. Discurse network analysis: discursive-dynamic aspect of public policy research. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 921–932 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-921-932.

Современное постиндустриальное информационное общество на этапе его неуклонно возрастающей и углубляющейся цифровизации все более очевидным образом обнаруживает себя в качестве масштабного сетевого явления, представляющего собой глобальную сеть сетей потоков информации. Оно является предметом социально-научных исследований, в рамках которых разработан и применяется обширный инструментарий политического сетевого анализа, особенно важного в изучении таких центральных, фокусных политических явлений, как процессы принятия политических решений. Сетевая публичная политика, разворачиваясь в интегрированном с интернет-средой публичном пространстве, «представляет собой одновременно процесс и результат взаимодействия широкого круга разнообразных социально-политических акторов, использующих сетевые ресурсы и технологии для выработки способов решения проблем общественной значимости и их интеграции в управленческую практику» [Мирошниченко, Морозова, 2017, с. 83]. Вместе с тем в публичной сфере как информационно-коммуникативном пространстве происходит конструирование групп общественности, участвующих в формировании общественно-политического дискурса. Здесь «конституируются и институционализируются различные политические акторы – участники делиберативного политического процесса, связывающего дискурсивные практики с циклическим производством публичных решений на основе диалога и согласования позиций сторон. На этой основе формируется деятельностно-активистский потенциал или институциональное измерение публичной политики, характеризуемое эффективностью публичной деятельности акторов и их участия в принятии решений» [Там же, с. 85]. Обе эти ипостаси современного политического процесса, его сетевой характер и его дискурсивную природу, соединяет в себе дискурсивный сетевой анализ публичной политики, который представляет собой синтетический эмпирико-теоретический инструмент исследования сетевых и дискурсивных параметров процесса выработки, изменения и смены конкретных политических курсов (policies). Предметом же нашего исследования является получающий все более широкое признание в научном сообществе вариант дискурсивного сетевого анализа, разработанный британским политологом Филипом Лейфелдом, с целью анализа его наиболее важных характеристик, позволяющих интерпретировать его объяснительный потенциал.

В недавнем авторитетном издании «The Oxford Handbook of Political Networks» [Victor et al., 2017] Филип Лейфелд предложил трактовку публичных политических (policy) дебатов в качестве динамичных сетей, исследуемых им в рамках дискурсивного сетевого анализа [Leifeld, 2017]. Политические дебаты, или политические дискурсы, представляют собой вербальные взаимодействия между политическими акторами в отношении того или иного политического курса (policy). Политические акторы делают публичные заявления относительно того, какие политические инструменты, меры они считают полезными и какие они отвергают. Целями и задачами такого участия акторов в политических

дебатах являются (а) доведение до избирателей или потенциальных союзников своего представления о предлагаемом политическом курсе, (б) убеждение других акторов в правильности предлагаемых им мер по разработке и реализации данного курса, и (в) понижение уровня его собственной неопределенности в отношении такого курса посредством получения необходимых знаний от других политических акторов.

Такие дебаты очень важны по ряду оснований. Во-первых, в их ходе определяется, какие политические курсы (policies) включаются в повестку дня парламентских заседаний, а какие не попадают в нее. Во-вторых, они часто оказывают влияние на общественное мнение, которое затем тем или иным образом отражается и в сфере принятия политических решений. В-третьих, они играют также роль и в менее публичных формах взаимоотношений между политическими акторами, в рамках дискуссий и процессов принятия решений за закрытыми дверями или в бюрократической сфере. Кроме того, такие публичные дебаты обладают, посредством изменения в их ходе восприятия акторами проблем, потенциалом влияния на способы решения поставленных в политическом курсе (policy) задач для достижения его результатов еще до его реализации. Политические дебаты, будучи одной из форм политического дискурса, являются сетевым феноменом, поскольку публичные заявления политических акторов, обладающие свойствами реляционного действия, зависят друг от друга во временном и общественно-пространственном плане и могут исследоваться средствами политического сетевого анализа. Целью политического сетевого анализа является описание структур политического дискурса и логическое выведение (inferentiation) порождающих их процессов на базе инструментария сетевого анализа [Leifeld, 2017].

В своей более ранней работе Ф. Лейфелд [Leifeld, 2010] обосновывает политический дискурсивный анализ в качестве важного отсутствующего звена в изучении политически (policy) ориентированного дискурса. Если сам политический дискурс можно определить как формальный обмен обоснованными взглядами относительно того, какие из нескольких альтернативных политических курсов следует применить для разрешения той или иной социально-политической проблемы [Johnson, Johnson, 2000], то его исследованию посвящен обширный массив научной литературы. Однако, пишет Ф. Лейфелд, несмотря на обилие теоретических и эмпирических разработок такого рода, имеет место разрыв, своеобразный провал между контент-ориентированными и актор-ориентированными подходами в изучении политического дискурса. Этот провал он предлагает заполнить на основе новой методологии эмпирического и теоретического анализа политического дискурса посредством концепта дискурсивного сетевого анализа, представляющего собой комбинацию качественного контент-анализа и количественного социально-сетевого анализа.

Действительно, в изучении политического дискурса элиты представлены два существенно отличающихся подхода. Один из них исследует содержание дискурса, задаваясь вопросами о том, «какие существуют конкурирующие фреймы?», «как они связаны с политическими целями и властными отношениями?» или «какие понятия дискурса связаны друг с другом?». Такого рода контент-ориентированный подход типичен в критическом дискурсивном анализе [Wodak, Meyer, 2009], в семантическом сетевом анализе [Brandes, Corman, 2003; Popping, 2003] и в анализе дискурсов легитимности [Nullmeier, Wrobel, 2005; Hurrelmann et al., 2009]. В противоположность ему другой, актор-ориентированный подход к изучению политического дискурса имеет дело с конфигурациями политических (policy) субсистем, выделяемых согласно предпочтениям и идеям акторов. Он сконцентрирован на изменениях взаимосвязей между акторами, которые могут в конечном счете объяснять изменения или смену политических курсов. Примерами таких актор-ориентированных подходов являются концепция коалиций давления [Sabatier, Weible, 2007], теория прерывающегося равновесия [Baumgartner, Jones, 1991], подходы, ориентированные на изучение эпистемных сообществ [Haas, 1992] и парадигм политических кур-

сов [Hall, 1993]. Наиболее типичным примером такого рода актор-ориентированных подходов является концепция коалиций давления (advocacy coalitions), в рамках которой акторы делятся на две противостоящие друг другу коалиции. При этом сущностные убеждения акторов относительно того или иного политического курса (policy core beliefs) являются своеобразным «клеем», скрепляющим коалиции воедино [Sabatier, Weible, 2007]. Такие сущностные убеждения имеют больше сходств внутри коалиций, чем между коалициями. В то же время члены этих коалиций предпринимают непрерывные попытки убедить своих оппонентов в правильности своих позиций, и это взаимодействие между коалициями и составляет содержание политического дискурса. Если внешние события приводят к переосмыслению таких сущностных убеждений и изменению «членства» ключевых акторов в коалициях, то реформирование политического курса (policy) становится возможным.

Что же касается связи между акторами и их концептами, то она представляет для обоих подходов к изучению политического дискурса побочный, вторичный интерес. Они не анализируют ко-эволюцию конфигураций акторов и идей систематическим образом, что Ф. Лейфелд полагает задачей предлагаемого им нового, сущностно реляционного варианта дискурсивного сетевого анализа, объединяющего качественный контент-анализ и количественный сетевой анализ, и призванного концептуализировать и замерять ко-эволюцию акторов и их концептов в процессе их динамических изменений. Он является средством наблюдения и измерения дискурса и может объединяться со многими теоретическим концептами, лежащими в основе политического дискурса, включая концепты дискурсивных коалиций, высказывания политических заявлений, дискурсов легитимности, коалиций давления и эпистемных сообществ. Этот подход тесно связан и может быть интегрирован с сетевой концепцией политических курсов и может интерпретироваться как расширение политического сетевого анализа за счет включения в него дискурсивных структур [Leifeld, 2010, pp. 2–4].

Роль дискурса в объяснении процессов публичной политики и разработки конкретных политических курсов (policies) явилась предметом исследований в политической науке еще в конце прошлого века в рамках аргументативного подхода. Исходным, базовым положением этого подхода является представление о том, что социальные акторы, противостоящие друг другу в политическом конфликте, следуют различным модусам рациональности [Clegg, 1989], в основе которых обнаруживаются различные рамки, фреймы интерпретации, используемые различными конфликтующими группами. Такие фреймы состоят из интер-субъективных структур смысла, состоящих из наборов идей, концептов и категорий и придающих смысл социальной реальности и задающих способы ее преобразования. В литературе по интерпретативному подходу группы акторов, участвующие в разработке публичной политики и являющиеся носителями относительно одинаковых фреймов интерпретации, определяются в качестве дискурсивных коалиций [например, Hajer, 1993, 1996, 2002; Fischer, Forester, 1993; Atkinson, 2000; Szarka, 2004]. Такие дискурсивные коалиции принимают участие в борьбе за дискурсивную гегемонию, а сама эта борьба за институционализацию своего дискурса является, по утверждению ряда авторов, сутью политики [Sederberg, 1984; Laclau, Mouffe, 1985].

Такая разработка аргументативного поворота в политическом анализе предопределила широкое распространение в литературе кейсов, применяющих такие формы качественного дискурсивного анализа, как нарративный анализ, метафорический анализ и фрейм-анализ [Linder, 1995; Lenschow, Zito, 1998; Atkinson, 2000; Szarka, 2004; Falk, 2007; Ferrari, 2007], и позволяющих осуществлять глубинное исследование широкого круга политико-дискурсивных процессов и противоречий [Yanow, 2000; Bryman, 2012]. Вместе с тем, как отмечает А. Мюллер [Muller, 2015], эти методы ограничены в их применении в сравнительном исследовании дискурсивных коалиций, поскольку, не давая возможности получения никаких объективных стандартизированных измерений интенсивности политических конфликтов и уровня поляризации между дискурсивными коалициями, не дают

представление о мере, в которой одна из таких коалиций доминирует в дискурсивном поле, в то время как такое дискурсивное доминирование может быть одним из определяющих факторов в исходе политических конфликтов [Leifeld, Haunss, 2012]. Надо полагать, именно в свете такой или подобной критики Ф. Лейфелд обратился к анализу феномена поляризации дискурсивных коалиций, предложив интерпретацию и анализ публичных политических дебатов как политических дискурсов, обладающих сложным комплексом свойств, которые он определяет как семь их сущностных характеристик.

Во-первых, полагает он [Leifeld, 2014], политический дискурс динамичен, поскольку его акторы неоднократно принимают участие в политических дебатах относительно того или иного политического курса, и скорее их следующие в ходе дебатов один за другим заявления, чем их одномоментные утверждения, составляют сущность такого дискурса.

Во-вторых, политический дискурс реляционен, так как ни его акторы не изолированы в ходе дебатов друг от друга, ни их заявления не распространяются в политическом пространстве и временном интервале обсуждения конкретного политического курса (policy) лишь случайным образом. Здесь имеет место взаимодействие между акторами, зачастую апеллирующими к тому, что было прежде высказано в ходе дебатов другими акторами, поэтому к исследованию такого взаимодействия вполне применим инструментарий социального сетевого анализа, позволяющего эффективно анализировать взаимозависимость и потоки взаимовлияния друг на друга индивидов, групп и институтов.

В-третьих, мотивация акторов к участию в таком дискурсе основана на неопределенности позиции других акторов. Политический дискурс заключает в себе как властные, так и инструментально-альтернативные компоненты разработки оптимального политического курса. Базовым основанием возникновения и существования такого политического дискурса является неопределенность относительно того, приведет ли данный политический курс к достижению необходимого для разрешения той или иной проблемы результата и каковы будут его последствия. С другой стороны, сама эта неопределенность используется акторами, за которыми стоят определенные существенные интересы. Делая в ходе дискурса конкретные заявления или выдвигая те или иные требования, организации и институты пытаются убедить неопределившихся согласиться с их требованиями, в результате чего «движущей силой» такого дискурса является определенная цель, а сам дискурс может быть истолкован в терминах властных отношений.

В-четвертых, поскольку дискурс основан на динамичных нерандомных взаимодействиях между акторами, он обычно обладает свойством пат-зависимости (path-dependence), так как акторы редко выдвигают в ходе дискурса совершенно новые идеи. Если бы все заявления и утверждения акторов, участвующих в дискурсе, были бы основаны на абсолютно новых идеях, стимул к участию в таком дискурсе исчезал бы изначально, потому что невозможно было бы достичь в его процессе каких-либо целей.

В-пятых, дискурс всегда фрагментирован и поляризован. Политическое пространство разработки конкретных политических курсов и, соответственно, их дискурсов состоит из нескольких конкурирующих коалиций акторов. Эти коалиции давления (advocacy coalitions) или дискурсивные коалиции, как правило, вновь и вновь выдвигают когезионные наборы убеждений или утверждений относительно того или иного политического курса, но при этом взаимное пересечение таких наборов убеждений и утверждений относительно мало. Такое явление может отражаться в понятии социального баланса, обнаруживаемого в математических и компьютерных «моделях культурной сегрегации и поляризации».

В-шестых, исследования, проводимые в рамках концепции коалиций давления (advocacy coalitions), свидетельствуют о том, что как внутри коалиций, так и между ними имеет место процесс взаимного узнавания, научения (learning process) акторами друг друга. А это означает, что коалиции, участвующие в дискурсе, будучи фрагментированы или поляризованы, не полностью изолированы друг от друга.

В-седьмых, политический дискурс обладает свойством неравновесности. При том понимании, что участие в дискурсе является одним из средств достижения целей, определяемых в том или ином конкретном политическом курсе, или средством понижения уровня неопределенности относительно возможных в будущем проблем, дискурс продолжает разворачиваться во времени до тех пор, пока цели почти всех участвующих в нем индивидов не будут достигнуты. Поскольку такое равновесие редко возникает в политике, политический дискурс в качестве неравновесного явления обладает, вероятно, неограниченным горизонтом времени. Если бы такое равновесие здесь было, то каждый из акторов дискурса вновь и вновь высказывал бы в определенном порядке один и тот же набор идей, или же дискурс прекратился бы, поскольку прежние противоречия между антагонистами были бы разрешены [Leifeld, 2014, pp. 1–2].

Приведенная здесь формулировка и обстоятельная, творческая интерпретация Ф. Лейфелдом содержательных характеристик феномена политического дискурса представляется важным этапом в разработке концепции дискурсивного сетевого анализа как эффективного инструмента исследования проблем разработки и реализации конкретных политических курсов (policies) в их политической динамике. Вместе с тем весьма значимым моментом в дальнейшей разработке этой концепции явилась совместная статья Филипа Лейфелда и Лоуренса Бранденбергера [Leifeld, Brandenberger, 2019], предложившая объяснение процессов формирования и поддержания единства участвующих в политических дебатах эндогенных коалиций на основе разделяемых убеждений в качестве дискурсивных коалиций в рамках дискурсивного сетевого анализа. При этом они анализируют процесс познания акторами политических (policy) убеждений друг друга и утверждают, что возникающие при этом дискурсивные коалиции формируются тремя различными способами.

Во-первых, полагают эти авторы, так как участвующие в сложном процессе выработки конкретных политических курсов акторы обнаруживают себя в ситуации неопределенности и даже риска, они на основе связывающих их взаимоотношений заимствуют, приобретают знания (learn) других акторов. Таким образом, возникают коалиции, которые формируются и сохраняются в качестве таковых в процессе обретения знаний о политических (policy) убеждениях акторов, которые демонстрировали подобные политические убеждения относительно того или иного политического курса в прошлом. В этом случае известная в литературе по коллаборативному политическому управлению «гипотеза риска» (Berardo, 2014; Berardo and Lubell, 2016) распространяется на процессы формирования убеждений и коалиций. Наблюдая процесс обсуждения того или иного политического курса и обнаруживая акторов такого обсуждения с весьма похожими убеждениями, акторы идентифицируют «соседей» по коалиции. Такой механизм формирования коалиций авторы называют механизмом позитивной взаимности и приводят на микро-уровне эмпирические свидетельства в пользу его значительной роли в процессе формирования коалиций.

Во-вторых, в дополнение к таким сильным понятийным связям, акторы обнаруживают аргументы в пользу того или иного политического курса посредством того, что авторы называют «слабыми связями». Для чего необходимо, чтобы (а) большое число других акторов выражали вполне определенную позицию по обсуждаемому политическому курсу (policy) и (б) мнения многих из этих других акторов были хотя бы в минимальной степени идеологически совместимы с мнением такого «фокусного» актора по другим проблемам или политическим курсам и потому заслуживали бы принятия, признания этим актором в качестве относительно правомерных. Таким образом, акторы стремятся к установлению взаимоотношений не только посредством механизма позитивной взаимности. Они также ориентированы на обретение в результате установления таких «слабых связей» новых для них убеждений, так или иначе совместимых с их собственными (Berardo and Scholz 2010), в результате чего формирование коалиций происходит посредством обнаружения акторами по меньшей мере относительного соответствия их систем убеждений. Такой, второй механизм формирования коалиций авторы называют механизмом инновационного познания.

В-третьих, акторы, делая выводы и из негативных случаев обсуждения предыдущих политических курсов (policies), когда они имели в ходе политических дебатов по ним существенные конфликты с другими акторами, в большей степени склонны оппонировать политическим убеждениям и доводам таких акторов. Такое усиление конфликтных взаимоотношений порождает взаимное отталкивание между коалициями, дополняя действие механизма позитивной взаимности и повышая уровень соответствия внутри коалиций. Такой механизм формирования коалиций авторы называют механизмом негативной взаимности.

Эти три механизма формирования коалиций дополняют друг друга, обеспечивая (а) повышение в результате взаимного усиления позитивных взаимоотношений уровня соответствия внутри коалиций, (б) перекрестный обмен инновационными доводами и аргументами в пользу того или иного политического курса между коалициями и (в) эффект отталкивания между коалициями в результате усиления конфликтных взаимоотношений. Ф. Лейфелд и Л. Бранденбергер уже более девяти лет (с ежедневной фиксацией) тестируют описанный здесь триединый процесс формирования эндогенных дискурсивных коалиций, используя современный динамический сетевой анализ реальных дебатов по конкретным политическим курсам, и на микро-уровне обнаруживают убедительные свидетельства в пользу такого его истолкования (Leifeld and Brandenberger, 2019).

В основании такого динамического сетевого анализа присутствуют следующие три процедуры: (1) идентификация политических акторов, выступающих в средствах массовой коммуникации с теми или иными утверждениями; (2) кодирование и связывание их с конкретными утверждениями, в которых каждый из них позитивным или негативным образом высказывает свои предпочтения относительно того или иного политического курса и (3) дифференцирующее определение таких утверждений по (а) актору, (б) концепту и (в) бинарной информации о поддержке или оппозиции (Leifeld, 2013). В некотором смысле этот метод может быть интерпретирован как своего рода кластерный анализ агрегированных аффилированных (партнерских) сетей, в котором анализ еще существенным образом сфокусирован на содержании утверждения. Но, как только такое утверждение возникает в средствах массовой коммуникации, в нем усматривается определенный актор и конкретный концепт. При этом такие сетевые данные визуализируются и анализируются при помощи программного обеспечения сетевого анализа с открытым исходным кодом Gephi 0.9.2.

Свидетельством роста авторитета и влияния в научном сообществе дискурсивного политического анализа явился тот факт, что второй, июньский номер 2020 года журнала «Politics and Governance» целиком посвящен дискурсивному сетевому анализу в его применении к исследованию дискурсивно-сетевых процессов публичной политики. Этот номер журнала, в роли научного редактора которого выступил Филип Лейфелд, имеет тематическое название «Политические дебаты и дискурсивный сетевой анализ» и содержит одиннадцать статей, раскрывающих содержание конкретно-эмпирических исследований разнообразных политических дебатов как дискурсивных сетей, демонстрирующих широту применения дискурсивного сетевого анализа и анализирующих его методологические качества, позволяющие получить значимый научный результат. Так, Schaub и Mertz [Schaub, Mertz, 2020] проводят сравнение политических сетей конкретных политических курсов и дискурсивных сетей, функционирующих в контексте экологической политики Германии в отношении микрозагрязнителей водоемов. Оба типа сетей, обнаруживая сравнимую структуру, обладают разным составом акторов, более широким в случае дискурсивных сетей за счет участия в них лидеров общественного мнения как внешних политических акторов. Kukkonen и Ylä-Anttila [Kukkonen, Ylä-Anttila, 2020], используя дискурсивный сетевой анализ для исследования научной политики Финляндии в рамках экологической политики в отношении климата, фокусируют свое внимание на специфической группе акторов, ученых и их участии в процессах обсуждения и разработки конкретных направлений экологической публичной политики. Ghinoi и Steiner [Ghinoi, Steiner, 2020] применяют дискурсивный сетевой анализ другой специфической группы акторов, законодателей

различных политических партий и их участие в политических дебатах по климату в парламенте Италии. Эти и другие авторы статей, опубликованных в этом номере журнала, отмечают высокий методологический статус анализируемого нами варианта разработки дискурсивного сетевого анализа и его эвристический характер.

Подводя итоги проведенного в статье анализа важнейших характеристик предложенного Ф. Лейфелдом концепта дискурсивного сетевого анализа, следует признать продуктивность и теоретическую значимость интерпретации публичных политических дебатов как динамичных сетей, исследуемых в рамках дискурсивного сетевого анализа. Целью такого политического сетевого анализа является описание структур политического дискурса и логическое выведение порождающих их процессов выработки конкретных политических курсов. Усматривая разрыв, отсутствие важного звена в изучении политических курсов между контент-ориентированными и актор-ориентированными подходами в исследовании политического дискурса, Ф. Лейфелд предложил и успешно реализовал вариант заполнения его на основе новой методологии эмпирического и теоретического анализа политического дискурса посредством концепта дискурсивного сетевого анализа, связывающего каждого политического актора с его контентом, представляющего собой комбинацию качественного контент-анализа и количественного социально-сетевого анализа и призванного концептуализировать и замерять ко-эволюцию акторов и их контентов в процессе динамических изменений реформирования и смены политических курсов, что свидетельствует о его достаточном объяснительном потенциале и определяет его релевантность задаче исследования дискурсивно-динамического аспекта публичной политики. Этой же задаче соответствует и предложенная автором тонкая, многогранная интерпретация центрального в концепте дискурсивного сетевого анализа понятия политического дискурса, а также значительный уже опыт практического применения дискурсивного сетевого анализа в изучении различных проблем современной публичной политики.

Список литературы

1. Мирошниченко И. В., Морозова Е.В. 2017. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля. Полис. Политические исследования, № 2: 82–102.

2. Atkinson R. 2000. Narratives of Policy: the Construction of Urban Problems and Urban Policy in the Official Discourse of British Government 1968–1998. Critical Social Policy, 20: 211–232.

3. Baumgartner F.R. and Jones B.D. (1991) Agenda dynamics and policy subsystems. The Journal of Politics, 53 (4): 1044–1074.

4. Berardo Ramiro and John T. Scholz. 2010. Self-Organizing Policy Networks: Risk, Partner Selection, and Cooperation in Estuaries. American Journal of Political Science, 54 (3): 632–649.

5. Berardo Ramiro and Mark Lubell. 2016. Understanding What Shapes a Polycentric Governance System. Public Administration Review, 76 (5): 738–751.

6. Berardo Ramiro. 2014. Bridging and Bonding Capital in Two-Mode Collaboration Networks. Policy Studies Journal, 42 (2): 197–225.

7. Brandes U. and Corman S.R. 2003. Visual unrolling of network evolution and the analysis of dynamic discourse. Information Visualization, 2 (1): 40–50.

8. Bryman A. 2012. Social Research Methods. Oxford: Oxford University Press: 766 p.

9. Clegg S.S. 1989. Frameworks of Power. London: Sage: 297 p.

10. Falk D. 2007. Policy Framing in the European Union. Journal of European Public Policy, 14 (4): 654–666.

11. Ferrari F. 2007. Metaphor at work in the analysis of political discourse: investigating a 'preventive war' persuasion strategy. Discourse & Society, 18 (5): 603–625.

12. Fischer F., and J. Forester. (eds.) 1993. The argumentative turn in policy analysis and planning. Durham: Duke University Press: 352 p.

13. Ghinoi S. & Steiner B. 2020. The political debate on climate change in Italy: A discourse network analysis. Politics and Governance, 8 (2): 215–228.

14. Haas P.M. 1992. Introduction: Epistemic communities and international policy coordination. International Organization, 46 (1): 1–35.

15. Hajer M. 1993. Discourse Coalitions and the Institutionalization of Practice: The Case of Acid Rain in Britain. In: Fischer F. and J. Forester (eds.). The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning. Durham, NC: Duke University Press, pp. 34–76.

16. Hajer M. 1996. Ecological Modernization as Cultural Politics. In: Lash S., B. Szerszynski and B. Wynne, (eds.). Risk, Environment and Modernity: Towards a New Ecology. London: Sage: 246–268.

17. Hajer M. (2002) «Discourse Analysis and the Study of Policy Making», European Political Science 2 (1): 61–65.

18. Hall P.A. 1993. Policy paradigms, social learning, and the state: the case of economic policymaking in Britain. Comparative Politics, 25 (3): 275–296.

19. Haunss S., Kuhn J., Padó S., Blessing A., Blokker N., Dayanik E. & Lapesa G. (2020) Integrating manual and automatic annotation for the creation of discourse network data sets. Politics and Governance, 8 (2): 326–339.

20. Howe A.C., M.C.J. Stoddart and D.B. Tindall. 2020. Media coverage and perceived policy influence of environmental actors: Good strategy or pyrrhic victory? Politics and Governance, 8 (2): 298–310.

21. Hurrelmann A., Krell-Laluhov Z., Nullmeier F., Schneider S. and Wiesner A. 2009. Why the democratic nation-state is still legitimate: A study of media discourses. European Journal of Political Research, 48 (4): 483–515.

22. Johnson D.W. and Johnson R.T. 2000. Civil political discourse in a democracy: The contribution of psychology. Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology, 6 (4): 291–317.

23. Kukkonen A. and Ylä-Anttila T. 2020. The science-policy interface as a discourse network: Finland's climate change policy 2002–2015. Politics and Governance, 8 (2): 200–214.

24. Laclau E. and C. Mouffe. 1985. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso: 240 p.

25. Leifeld P. 2010. Ideas, policy design and policy instruments: casting light on the missing link. Paper presented at the workshop of ECPR Joint Sessions, Munster, March 22–27, 2010. https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/d9d2e2b4-306f-4bed-a1a9-8be194ff7dbf.pdf

26. Leifeld P. 2013. Reconceptualizing major policy change in the advocacy coalition framework: A discourse network analysis of German pension politics. Policy Studies Journal, 41 (1): 169–198.

27. Leifeld P. 2014. Polarization of coalitions in an agent-based model of political discourse. Computational Social Networks, 1 (1), article No. 7. https://doi.org/10.1186/s40649-014-0007-y.

28. Leifeld P. 2017. Discourse network analysis: Policy debates as dynamic networks. In: Victor J.N., A.H. Montgomery & M.N. Lubell (Eds.). The Oxford handbook of political networks. Oxford: Oxford University Press: 301–325.

29. Leifeld P. and S. Haunss. 2012. Political Discourse Networks and the Conflict Over Software Patents in Europe. European Journal of Political Research, 51 (3): 382–409 doi: 10.1111/j.1475-6765.2011.02003.x.

30. Leifeld P. and L. Brandenberger. 2019. Endogenous coalition formation in policy debates. Retrieved from https://arxiv.org/abs/1904.05327.

31. Leifeld P. and S. Haunss. 2012. Political discourse networks and the conflict over software patents in Europe. European Journal of Political Research, 51 (3): 382–409.

32. Leifeld P. 2020. Policy Debates and Discourse Network Analysis: A Research Agenda. Politics and Governance, 8 (2): 180–183.

33. Lenschow A. and A.R. Zito. 1998. Blurring or Shifting of Policy Frames? Institutionalization of the Economic-Environmental Policy Linkage in the European Community. Governance: An International Journal of Policy and Administration, 11 (4): 415–441.

34. Linder S. 1995. Contending Discourses in the Electric and Magnetic Fields Controversy: The Social Construction of EMF Risk as a Public Problem, Policy Sciences, 28 (2): 209–230.

35. Muller Allan. 2015. Using Discourse Network Analysis to Measure Discourse Coalitions: Towards a Formal Analysis of Political Discourse. World Political Science. 11 (2): 377–404.

36. Popping R. 2003. Knowledge graphs and network text analysis. Social Science Information, 42 (1): 91–106.

37. Sabatier P.A. and C.M. Weible. 2007. The advocacy coalition framework. In: Sabatier P.A., (ed.) Theories of the Policy Process. Boudler CO: Westview Press: 189–222.

38. Sederberg P.C. 1984. The Politics of Meaning. Tucson, Arizona: The University of Arizona Press: 294 p.

39. Schaub S. and Metz F. 2020. Comparing discourse and policy network approaches: Evidence from water policy on micropollutants. Politics and Governance, 8 (2): 184–199.

40. Szarka J. 2004. Wind Power, Discourse Coalitions and Climate Change: Breaking the Stalemate? European Environment, 14 (6): 314–330.

41. Victor J.N., Montgomery A.N. and Lubell M.N. (Eds.). 2017. The Oxford Handbook of Political Networks. Oxford: Oxford University Press: 1008 p.

42. Wallaschek S., Starke C. and Brüning C. 2020. Solidarity in the public sphere: A discourse network analysis of German newspapers (2008–2017). Politics and Governance, 8 (2): 257–271.

43. Weible C.M. and Sabatier P.A. (Eds.). 2017. Theories of the policy process (4th ed.). New York, NY: Routledge: 416 p.

44. Wodak R. and Meyer M. 2009. Critical discourse analysis: History, agenda, theory and methodology. In: Wodak R. and Meyer M., (eds.). Methods for Critical Discourse Analysis. London: Sage Publications Ltd: 1–33.

45. Yanow D. 2000. Conducting Interpretive Policy Analysis. London: Sage: 120 p.

References

1. Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. 2017. Setevaya publichnaya politika: konturi predmetnogo polya [Network public policy: the subject field contours]. Polis. Politicheskiye issledovaniya. No. 2: 82–102.

2. Atkinson R. 2000. Narratives of Policy: the Construction of Urban Problems and Urban Policy in the Official Discourse of British Government 1968–1998. Critical Social Policy, 20: 211–232.

3. Baumgartner F.R. and Jones B.D. (1991) Agenda dynamics and policy subsystems. The Journal of Politics, 53 (4): 1044–1074.

4. Berardo Ramiro and John T. Scholz. 2010. Self-Organizing Policy Networks: Risk, Partner Selection, and Cooperation in Estuaries. American Journal of Political Science, 54 (3): 632–649.

5. Berardo Ramiro and Mark Lubell. 2016. Understanding What Shapes a Polycentric Governance System. Public Administration Review, 76 (5): 738–751.

6. Berardo Ramiro. 2014. Bridging and Bonding Capital in Two-Mode Collaboration Networks. Policy Studies Journal, 42 (2): 197–225.

7. Brandes U. and Corman S.R. 2003. Visual unrolling of network evolution and the analysis of dynamic discourse. Information Visualization, 2 (1): 40–50.

8. Bryman A. 2012. Social Research Methods. Oxford: Oxford University Press: 766 p.

9. Clegg S.S. 1989. Frameworks of Power. London: Sage: 297 p.

10. Falk D. 2007. Policy Framing in the European Union. Journal of European Public Policy, 14 (4): 654–666.

11. Ferrari F. 2007. Metaphor at work in the analysis of political discourse: investigating a 'preventive war' persuasion strategy. Discourse & Society, 18 (5): 603–625.

12. Fischer F., and J. Forester. (eds.) 1993. The argumentative turn in policy analysis and planning. Durham: Duke University Press: 352 p.

13. Ghinoi S. & Steiner B. 2020. The political debate on climate change in Italy: A discourse network analysis. Politics and Governance, 8 (2): 215–228.

14. Haas P.M. 1992. Introduction: Epistemic communities and international policy coordination. International Organization, 46 (1): 1–35.

15. Hajer M. 1993. Discourse Coalitions and the Institutionalization of Practice: The Case of Acid Rain in Britain. In: Fischer F. and J. Forester (eds.). The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning. Durham, NC: Duke University Press, pp. 34–76.

16. Hajer M. 1996. Ecological Modernization as Cultural Politics. In: Lash S., B. Szerszynski and B. Wynne, (eds.). Risk, Environment and Modernity: Towards a New Ecology. London: Sage: 246–268.

17. Hajer M. (2002) «Discourse Analysis and the Study of Policy Making», European Political Science 2 (1): 61–65.

18. Hall P.A. 1993. Policy paradigms, social learning, and the state: the case of economic policymaking in Britain. Comparative Politics, 25 (3): 275–296.

19. Haunss S., Kuhn J., Padó S., Blessing A., Blokker N., Dayanik E. & Lapesa G. (2020) Integrating manual and automatic annotation for the creation of discourse network data sets. Politics and Governance, 8 (2): 326–339.

20. Howe A.C., M.C.J. Stoddart and D.B. Tindall. 2020. Media coverage and perceived policy influence of environmental actors: Good strategy or pyrrhic victory? Politics and Governance, 8 (2): 298–310.

21. Hurrelmann A., Krell-Laluhov Z., Nullmeier F., Schneider S. and Wiesner A. 2009. Why the democratic nation-state is still legitimate: A study of media discourses. European Journal of Political Research, 48 (4): 483–515.

22. Johnson D.W. and Johnson R.T. 2000. Civil political discourse in a democracy: The contribution of psychology. Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology, 6 (4): 291–317.

23. Kukkonen A. and Ylä-Anttila T. 2020. The science-policy interface as a discourse network: Finland's climate change policy 2002–2015. Politics and Governance, 8 (2): 200–214.

24. Laclau E. and C. Mouffe. 1985. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso: 240 p.

25. Leifeld P. 2010. Ideas, policy design and policy instruments: casting light on the missing link. Paper presented at the workshop of ECPR Joint Sessions, Munster, March 22–27, 2010. https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/d9d2e2b4-306f-4bed-a1a9-8be194ff7dbf.pdf

26. Leifeld P. 2013. Reconceptualizing major policy change in the advocacy coalition framework: A discourse network analysis of German pension politics. Policy Studies Journal, 41 (1): 169–198.

27. Leifeld P. 2014. Polarization of coalitions in an agent-based model of political discourse. Computational Social Networks, 1 (1), article No. 7. https://doi.org/10.1186/s40649-014-0007-y.

28. Leifeld P. 2017. Discourse network analysis: Policy debates as dynamic networks. In: Victor J.N., A.H. Montgomery & M.N. Lubell (Eds.). The Oxford handbook of political networks. Oxford: Oxford University Press: 301–325.

29. Leifeld P. and S. Haunss. 2012. Political Discourse Networks and the Conflict Over Software Patents in Europe. European Journal of Political Research, 51 (3): 382–409 doi: 10.1111/j.1475-6765.2011.02003.x.

30. Leifeld P. and L. Brandenberger. 2019. Endogenous coalition formation in policy debates. Retrieved from https://arxiv.org/abs/1904.05327.

31. Leifeld P. and S. Haunss. 2012. Political discourse networks and the conflict over software patents in Europe. European Journal of Political Research, 51 (3): 382–409.

32. Leifeld P. 2020. Policy Debates and Discourse Network Analysis: A Research Agenda. Politics and Governance, 8 (2): 180–183.

33. Lenschow A. and A.R. Zito. 1998. Blurring or Shifting of Policy Frames? Institutionalization of the Economic-Environmental Policy Linkage in the European Community. Governance: An International Journal of Policy and Administration, 11 (4): 415–441.

34. Linder S. 1995. Contending Discourses in the Electric and Magnetic Fields Controversy: The Social Construction of EMF Risk as a Public Problem, Policy Sciences, 28 (2): 209–230.

35. Muller Allan. 2015. Using Discourse Network Analysis to Measure Discourse Coalitions: Towards a Formal Analysis of Political Discourse. World Political Science. 11 (2): 377–404.

36. Popping R. 2003. Knowledge graphs and network text analysis. Social Science Information, 42 (1): 91–106.

37. Sabatier P.A. and C.M. Weible. 2007. The advocacy coalition framework. In: Sabatier P.A., (ed.) Theories of the Policy Process. Boudler CO: Westview Press: 189–222.

38. Sederberg P.C. 1984. The Politics of Meaning. Tucson, Arizona: The University of Arizona Press: 294 p.

39. Schaub S. and Metz F. 2020. Comparing discourse and policy network approaches: Evidence from water policy on micropollutants. Politics and Governance, 8 (2): 184–199.

40. Szarka J. 2004. Wind Power, Discourse Coalitions and Climate Change: Breaking the Stalemate? European Environment, 14 (6): 314–330.

41. Victor J.N., Montgomery A.N. and Lubell M.N. (Eds.). 2017. The Oxford Handbook of Political Networks. Oxford: Oxford University Press: 1008 p.

42. Wallaschek S., Starke C. and Brüning C. 2020. Solidarity in the public sphere: A discourse network analysis of German newspapers (2008–2017). Politics and Governance, 8 (2): 257–271.

43. Weible C.M. and Sabatier P.A. (Eds.). 2017. Theories of the policy process (4th ed.). New York, NY: Routledge: 416 p.

44. Wodak R. and Meyer M. 2009. Critical discourse analysis: History, agenda, theory and methodology. In: Wodak R. and Meyer M., (eds.). Methods for Critical Discourse Analysis. London: Sage Publications Ltd: 1–33.

45. Yanow D. 2000. Conducting Interpretive Policy Analysis. London: Sage: 120 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корюшкин Александр Иванович, доцент кафедры теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander I. Koryushkin, associate professor of the department of theory and philosophy of politics of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

УДК 94(48)082.94(47)084.5
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-933-938

Практика политического процесса в Сомали

А.В. Орешкина
Национальный исследовательский Нижегородский Университет им. Н.И. Лобачевского (ННГУ)
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23
E-mail: oreshkina_nastja@mail.ru

Аннотация. Распад государства всегда ведет к гражданской войне, экономическому коллапсу, краху социального обеспечения и т. д. Государство не может выполнять функцию гаранта безопасности для своих граждан. Политическое участие граждан становится минимальным. На примере Сомали видно, что проведение преобразований в условиях кризиса выливается в усиление конфликтности. Западная псевдодемократия не вплетается в канву межклановой борьбы, в стране нет разных политических взглядов. Национальное самосознание не приемлет компромиссов, «победитель забирает все». Поэтому навязанная метрополиями модель управления государством в итоге вылилась в коррупцию и непотизм в правительстве. Из-за длительного периода колониальной зависимости Сомали в умах народа укоренились ограничение суверенитета и экономическая экспансия. Только традиционные структуры несут ценностные ориентиры для сомалийского общества, которые потенциально могут переродиться в конфедеративную общность или автономные самоуправляемые провинции.

Ключевые слова: гражданская война, межклановая борьба, национальное самосознание, ограничение суверенитета, псевдодемократия, непотизм, трайбализм.

Для цитирования: Орешкина А.В. 2020. Практика политического процесса в Сомали. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 933–938. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-933-938.

The practice of political process in Somalia

Anastasia V. Oreshkina
National research Nizhegorodsky University named after N.I. Lobachevsky (NNGU)
23 Gagarin avenue, Nizhny Novgorod, 603950, Russia
E-mail: oreshkina_nastja@mail.ru

Abstract. State collapse always leads to a civil war, economic and welfare crises, etc. The state doesn’t secure its citizens anymore. Political activities among people are minimal. As we can see in Somalia any changes in the abovementioned situation empower the conflict. Western pseudo-democracy cannot interact with infighting. The country has no different political opinions. National identity doesn’t accept a compromise, «the winner takes it all». Parent states model of country management in Somalia turns into corruption and nepotism in the government. Due to a long-term colonial dependence Somali people connect it with limited sovereignty and economic expansion. Only traditional structures such as clans, secure social values. Potentially they can evolve into confederation or autonomous self-governed provinces.

Keywords: civil war, infighting, national identity, limited sovereignty, pseudo-democracy, nepotism, tribalism.

For citation: Oreshkina A.V. 2020. The practice of political process in Somalia. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 933–938 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-933-938.

Хаос, царящий в некоторых государствах современного мира, порождает нестабильную внешнеполитическую обстановку. Это объясняется слабостью правления, нелегитимностью власти и неэффективностью государства как института [84], в котором «отсутствует реальное воплощение права граждан на участие в политике, равно как и подотчетность лидеров народу» [85]. По словам Р. Ротберга, «ситуация распада государства всегда создается людьми; она не может быть случайностью, не может быть вызвана географическими, экологическими или какими-то внешними факторами. Именно ошибочные решения лидеров стран неразвитого региона разрушают государства и вообще любую, самую слабую форму политического управления, которая остается на руинах государственности» [86].

Если перед нами государство, находящееся на грани краха, то по образу и подобию раненого зверя его пытаются растерзать другие участники политического процесса. Р. Дорфф утверждает, что в такой ситуации степень бессилия государства не имеет значения, так как суть проблемы одна – слабая законная власть, которая впоследствии приводит к таким последствиям, когда государство гибнет [87]. В итоге страна превращается в «распавшееся государство». В этом случае международную помощь распределяет между собой правящая элита, в след за этим страну покидают иностранные торгово-экономические представительства. Государство начинает экономить, рушится социальный сектор, растет безработица и инфляция. Беспорядок во всех сферах общества знаменуется утратой у людей каких-либо гарантий безопасности в лице государства, произвол во власти провоцирует расхищение имущества и ресурсов. Отменяются выборы, участие граждан в политике сводится к нулю. Такая анархия порождает формирование военных группировок, которые, обладая зарубежной поддержкой, вступают в борьбу за власть. Сомалийский кризис 1990-х – начале 2000-х годов происходил именно по такому сценарию.

В Сомали на лицо полное отсутствие желания у всех территориальных образований объединяться с целью создания единого унитарного государства, поэтому поиск универсального способа разрешения сомалийского кризиса остается открытым. Помимо этого, препятствиями на пути мирного урегулирования в Сомали являются постоянные конфликты между представителями кланов и подкланов, наличие автономных образований (Сомалиленд, Пунтленд), которые не стремятся войти в состав единого государства, и нехватка средств на миростроительство как таковое. С другой стороны, проведение каких-либо реформ в стране может обернуться только усилением конфликта, неуправляемостью политических процессов и гражданской войной, как в Сомали.

Хотя национальное самосознание у сомалийцев было всегда. Чтобы понять это, достаточно посмотреть на сомалийский флаг. На синем фоне (как и на флаге ООН) изображена пятиконечная звезда, лучи которой обозначают Британский Сомалиленд, Итальянский Сомалиленд, сомалийцев, проживающих на территории Кении, Эфиопии и Джибути [88]. Даже глядя на сомалийский флаг, мы понимаем, что сомалийское подсознание воспринимает государственность только в рамках концепции государства-нации.

Однако модель западного образца в данном случае не применима. Так, первый президент Сомали, Аден Абдулла Осман, был прекрасным примером того, как колониальные силы годами взращивали и поддерживали верных себе сторонников. Бывший гражданский служащий времен итальянской колонизации Сомали, представитель суб-клана хавийя.

[84] Ротберг Р.И. Когда государства терпят поражение: причины и последствия. Принстон, Нью-Джерси: Принстон Юниверсити Пресс. 2004. С. 5. ISBN-10. 2004.

[85] Патрик С. Слабые государства и мировые угрозы: факты и вымысел? // Вашингтон Квотерли, Т. 2. № 29. 2006.

[86] Ротберг Р.И. Коррупция, глобальная безопасность и мировой порядок / Под ред. Роберта И. Ротберга. Вашингтон. 2009. С. 47.

[87] Dorff R. Failed States After 9/11: What Did We Know and What Have We Learned? // International Studies Perspectives. № 6. P. 24. 2005.

[88] Contini P. The Somali Republic: An Experiment in Legal Integration. London. 2013. P. 50.

При нем в течение девяти лет страна жила в относительном мире, поскольку большинство колониальных привилегий было в руках, определенных «излюбленных» кланов, реорганизовывать государственное устройство не было нужды [89]. Президент и его сторонники пытались строить парламентарную демократию, и на выборах 1964 г. принимала участие 21 политическая партия [90]. Однако сомалийское общество было не в силах выработать демократию, основанную на разных политических взглядах каждого клана. Не было противоречащих друг другу идей, так как, по сути, кланы рознит только их происхождение и место дислокации.

Практика политического процесса в Сомали идет по принципу «победитель забирает все». Поэтому война является частью быта сомалийцев наравне с совместным трудом. Суровые климатические условия, выжить при которых можно только вступая в союз, определяют бытие сомалийцев. Культура сомалийцев не приемлет компромисса. У них нет понимания, что слабых надо защищать, поэтому наиболее крупные кланы доминируют [91]. Можно легко провести параллель с США, когда на выборах президента судьбу Джорджа Буша и Альберта Гора решил один единственный штат Флорида [92].

Коррупция и непотизм – основные черты, которые отличали политическую систему в сомалийском обществе. Корни коррупции крылись в трайбализме, поскольку неквалифицированные люди занимали ключевые посты по праву крови. Постепенно на парламентских выборах учащались случаи насилия, которые уносили жизни десятков людей [93]. По сути, капитализм и демократия западного образца породили враждебную политическую обстановку. Существовало устоявшееся мнение, что бюрократы расхищают иностранную помощь, а служба безопасности помогает им в этом деле. История знает примеры, когда в случае конфликтов из-за ресурсов или территории миротворческие силы принимали сторону одного клана и снабжали его оружием, разжигая таким образом войну.

В.А. Попова считает: «многопартийность, парламентаризм и другие атрибуты буржуазного общества оказались прикрытием трайбализма, а сам он, по существу, представляет собой не что иное, как использование элементов традиционной культуры в борьбе за власть» [94].

Колониальный раздел Африки вызвал следующие проблемы. Вновь созданные государства были этнически, лингвистически и конфессионально разнородны [95]. Искусственность государственных границ уже в первые годы независимости вызвала напряженность в отношениях между Сомали и Кенией. В феврале 1964 г. началась эфиопо-сомалийская война [96].

В купе с вышеизложенным, эксплуатируемое на протяжении столетий сомалийское население не имело своих средств для независимого развития. Метрополии разорвали многовековые связи между колониями.

Развитие государственности и становление современных политических структур в Сомали тоже приобрело ряд принципиальных особенностей из-за длительного периода колониальной зависимости. Во-первых, эволюция традиционного способа производства прервалась вследствие чужеземного завоевания, ограничения суверенитета и экономиче-

[89] Metz Helen Chapin ed. Somalia: A Country Study. Washington. 1992. P. 164.
[90] Contini P. The Somali Republic: An Experiment in Legal Integration. London. 1969. P. 21.
[91] Andrejewski B. Pastoralism and Politics among Somali // The Journal of African history. Vol. 3. № 3. Cambridge University Press. 1962. P. 517.
[92] Palast Greg. The Best Democracy Money Can Buy: The Truth about Corporate Cons, Globalization and high-finance Fraudsters. London. 2004. P. 33.
[93] Payton G. The Somali Coup of 1969. The Case for Soviet Complicity // The Journal of Modern African Studies. Vol. 18. № 3. Cambridge University Press. 1980. P. 501.
[94] Tareke G. The Ethiopia-Somalia War of 1977 Revisited // International Journal of African Historical Studies. – 2000. Vol. 33. № 3. P. 644.
[95] Breen B. A Little Bit of Hope: Australian Force Somalia. Canberra. 1998. P. 7.
[96] Lewis I.M. Understanding Somalia and Somaliland. London. 2008. P. 29.

ской экспансии. В результате формировавшиеся столетиями принципы производства и уклад жизни постепенно ушли на второй план, в жизнь вводился навязанный капиталистами формат. В результате было блокировано общение и взаимодействие с другими африканскими обществами. Развитие сомалийского народа, по существу, было заторможено и даже в некоторой степени повернуто вспять.

С другой стороны, создание новых форм государственности не означало установления всеобщего контроля. В этом особенность традиционных экономик, которые живут замкнутой жизнью закрытого общества. Именно этим объясняется появление многочисленных сепаратистских движений, чей разрушительный потенциал до сих пор неоколониализм пытается использовать в своих корыстных интересах.

В начале 60-х гг. на смену навязанному африканцам капитализму пришел социализм с африканским лицом. В число его задач входили:

– культивация африканских традиций;
– обмен опытом со странами Запада и Востока;
– построение единого общества, невзирая на классовую рознь;
– формирование массовой политической партии.

Нормы морали следовало брать из религии, которая составила культурный базис страны.

Однако Сомали, как и другие страны Африки, находившиеся в составе колониальных империй, прошли через процедуру принудительной этнизации населения, когда каждому племени или клану отводилась своя территория с четко очерченными границами. Общности, которые не удавалось связать с какой-либо территорией, игнорировались колониальными властями. В результате африканский народ связал борьбу за создание государства-нации с борьбой против колонизаторов. Это наиболее ярко видно на примере идеи создания «Великого Сомали», лелеянной С. Барре.

До колонизации Сомали решения всех вопросов в сомалийском обществе принимались после длительного обсуждения советом старейшин. Назначаемые колонизаторами вожди племен были удобными марионетками для управления.

Но кланы живут и кочуют не только в Сомали, но и на территории соседних государств. Поэтому власти метрополий так и не смогли найти баланс между интересами разных сторон. Такая ситуация дает возможность предполагать, что в Сомали возможно образовать конфедеративное государство.

Другая проблема состоит в большом количестве участников переговорного процесса. Отсюда клановый подход к разрешению конфликта не является абсолютно верным. Получается, что навязывание норм управления страной извне не дает долгосрочного эффекта. Чтобы сгладить основные противоречия, необходимо найти точки соприкосновения между политиками и лидерами политических группировок.

Вопрос об урегулировании сомалийского кризиса остается открытым, так как в стране наблюдается высокий уровень бедности, социального неравенства, этнических противоречий, неэффективности государственных структур. В такой ситуации построение государства-нации воспринимается как искусственное насаждение чужеродных устоев, что может привести к эскалации конфликта. Эту проблему мировое сообщение должно рассматривать стратегически. Предыдущие попытки разрешения этой ситуации путем миростроительства сопровождались военной интервенцией и заменой одного недееспособного института другим. «В итоге государство само по себе должно выработать свою уникальную стратегию преодоления кризиса правления, которая учитывала бы реальную легитимность и, следовательно, способность государства эффективно управлять» [97].

[97] Dorff R. Failed States After 9/11: What Did We Know and What Have We Learned? // «International Studies Perspectives». No 6. P. 30.

Список литературы

1. Africa: Forecasts. Standard Bank, Johannesburg, 2010.
2. Andrejewski B. Pastoralism and Politics among Somali // The Journal of African history. Vol. 3. No. 3. Cambridge University Press, 1962.
3. Breen B. A Little Bit of Hope: Australian Force Somalia. Canberra. 1998.
4. Central Bank of Somalia Annual Report. Mogadishu. 2012.
5. Contini P. The Somali Republic: An Experiment in Legal Integration. London. 1969.
6. Dorff R. Failed States After 9/11: What Did We Know and What Have We Learned? // International Studies Perspectives. No 6. 2005.
7. Dubner B.H. On the definition of the crime of sea piracy revisited: Customary vs. treaty law and the jurisdictional implications thereof // The Journal of Maritime Law and Commerce. Vol. 42. No. 1. 2011.
8. Gauci G. Piracy and its legal problems: With specific reference to the English law and marine insurance // Journal of Maritime Law and Commerce. Vol. 41. No. 4. 2010.
9. Grubeck N. Civilian harm in Somalia: Creating an Appropriate Response civilians in armed conflict series // Campaign for Innocent Victims in Conflict (CIVIC). 2011.
10. Hassan F.A. Somali Clans are the Key // New African. T. 331 (June). No. 20.
11. Jeffrey R.S. An efficient solution in a time of economic hardship: The right to keep and bear arms in self-defense against pirates // Journal of Maritime Law and Commerce. Vol. 41. No. 4. 2010.
12. Kontorovich E., Art S. An empirical examination of universal jurisdiction' for piracy // American-Journal of International Law. Vol. 104. No. 3. 2010.
13. Lewis I.M. Understanding Somalia and Somaliland / London. 2008.
14. Metz Helen Chapin ed. Somalia: A Country Study / Washington. 1992.
15. Murphy M.N. Small boats, weak states, dirty money: piracy & maritime terrorism in the modern world. London. 2010.
16. Palast G. The Best Democracy Money Can Buy: The Truth about Corporate Cons, Globalization and high-finance Fraudsters. London. 2004.
17. Patrick S. Weak States and Global Threats: Fact or Fiction? // The Washington Quarterly. Vol. 2, No. 29. 2006.
18. Payton G. The Somali Coup of 1969. The Case for Soviet Complicity // The Journal of Modern African Studies. Vol. 18. No. 3. Cambridge University Press. 1980.
19. Population Estimation Survey. For the 18 Pre-War Regions of Somalia. United Nations Population Fund, Somalia Country Office. UNON, Publishing Services Section, Nairobi, ISO 14001: 2004-certified. October 2014.
20. Rotberg R. When States Fail: Causes and Consequences. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2004.
21. Talentino A.K. The Two Faces of Nation-Building: Developing Function and Identity // Cambridge Review of International Affairs. Vol. 17. No. 3. 2004.
22. Tarek G. The Ethiopia-Somalia War of 1977 Revisited // International Journal of African Historical Studies. Vol. 33. № 3. 2010.
23. The Thomson Reuters Foundation. The world’s most dangerous countries for women. 4 May, 2018.
24. Woodward P. Somalia and Sudan: A Tale of Two Peace Processes // The Round Table. Vol. 93. No. 375. 2014.

References

1. Africa: Forecasts. Standard Bank, Johannesburg, 2010.
2. Andrejewski B. Pastoralism and Politics among Somali // The Journal of African history. Vol. 3. No. 3. Cambridge University Press, 1962.
3. Breen B. A Little Bit of Hope: Australian Force Somalia. Canberra. 1998.
4. Central Bank of Somalia Annual Report. Mogadishu. 2012.
5. Contini P. The Somali Republic: An Experiment in Legal Integration. London. 1969.
6. Dorff R. Failed States After 9/11: What Did We Know and What Have We Learned? // International Studies Perspectives. No 6. 2005.

7. Dubner B.H. On the definition of the crime of sea piracy revisited: Customary vs. treaty law and the jurisdictional implications thereof // The Journal of Maritime Law and Commerce. Vol. 42. No. 1. 2011.

8. Gauci G. Piracy and its legal problems: With specific reference to the English law and marine insurance // Journal of Maritime Law and Commerce. Vol. 41. No. 4. 2010.

9. Grubeck N. Civilian harm in Somalia: Creating an Appropriate Response civilians in armed conflict series // Campaign for Innocent Victims in Conflict (CIVIC). 2011.

10. Hassan F.A. Somali Clans are the Key // New African. T. 331 (June). No. 20.

11. Jeffrey R.S. An efficient solution in a time of economic hardship: The right to keep and bear arms in self-defense against pirates // Journal of Maritime Law and Commerce. Vol. 41. No. 4. 2010.

12. Kontorovich E., Art S. An empirical examination of universal jurisdiction' for piracy // American-Journal of International Law. Vol. 104. No. 3. 2010.

13. Lewis I.M. Understanding Somalia and Somaliland / London. 2008.

14. Metz Helen Chapin ed. Somalia: A Country Study / Washington. 1992.

15. Murphy M.N. Small boats, weak states, dirty money: piracy & maritime terrorism in the modern world. London. 2010.

16. Palast G. The Best Democracy Money Can Buy: The Truth about Corporate Cons, Globalization and high-finance Fraudsters. London. 2004.

17. Patrick S. Weak States and Global Threats: Fact or Fiction? // The Washington Quarterly. Vol. 2, No. 29. 2006.

18. Payton G. The Somali Coup of 1969. The Case for Soviet Complicity // The Journal of Modern African Studies. Vol. 18. No. 3. Cambridge University Press. 1980.

19. Population Estimation Survey. For the 18 Pre-War Regions of Somalia. United Nations Population Fund, Somalia Country Office. UNON, Publishing Services Section, Nairobi, ISO 14001: 2004-certified. October 2014.

20. Rotberg R. When States Fail: Causes and Consequences. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2004.

21. Talentino A.K. The Two Faces of Nation-Building: Developing Function and Identity // Cambridge Review of International Affairs. Vol. 17. No. 3. 2004.

22. Tarek G. The Ethiopia-Somalia War of 1977 Revisited // International Journal of African Historical Studies. Vol. 33. № 3. 2010.

23. The Thomson Reuters Foundation. The world’s most dangerous countries for women. 4 May, 2018.

24. Woodward P. Somalia and Sudan: A Tale of Two Peace Processes // The Round Table. Vol. 93. No. 375. 2014.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Орешкина Анастасия Владленовна, соискатель кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшегообразования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia V. Oreshkina, applicant at the department of foreign regional studies and local history of the Institute of Foreign Relations and worlds history of the Federal state autonomous educational body of the higher education «National scientific Nizhegorodsky state university named after N.I. Lobachevskogo», Nizhniy Novgorod, Russia

УДК 111.1
DOI 10.18413/2687-0967-2020-47-4-939-950

О понятии политической реальности

А.И. Швырков
Брянский государственный технический университет,
Россия, 241035, Брянск, б-р 50 лет Октября, 7
E-mail: aishvyrkov@rambler.ru

Аннотация. В статье сделана попытка сформулировать определение понятия политической реальности. В своих более ранних публикациях автор уже обращался к этому вопросу. Тогда он полагал, что политическая реальность не может и не должна отождествляться с политическими фактами. Скорее, она служит их основой, порождает их, являет себя в них. Хотя с точки зрения автора подобное представление о политической реальности (да и о реальности вообще) является вполне адекватным, нельзя не признать, что для решения большинства задач, с которыми сталкивается политология, его сложность, даже изощренность излишни. Наоборот, определение, в основе которого лежит отождествление политической реальности и фактов, пожалуй, оказывается вполне достаточным. Однако при условии некоторой его коррекции. Такое скорректированное определение политической реальности может выглядеть следующим образом. Политическая реальность – это множество политических фактов, которым соответствует потенциально истинная картина. Картина – это набор утверждений, касающихся некоего политического события, персонажа и т. п. Утверждение истинно, если факт, в нем выраженный, имеет место, ложно – если не имеет. Картина истинна, если истинны составляющие ее утверждения. Новые факты, обнаруженные или выведенные, могут приводить к перестройке картины. Поскольку факты в принципе не могут закончиться, потенциально картина может перестраиваться бесконечно. Поскольку на счет фактов никогда нельзя быть уверенным, что они имеют/имели место, истинность любой картины является лишь возможной, то есть потенциальной – именно поэтому в приведенном определении речь идет о потенциально истинной, а не о просто истинной картине.

Ключевые слова: реальность, факт, утверждение, картина, потенциально истинная картина.

Для цитирования: Швырков А.И. 2020. О понятии политической реальности. Via in tempore. История. Политология, 47 (4): 939–950. DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-939-950.

On the concept of political reality

Aleksandr I. Shvyrkov
Bryansk State Technical University,
7 50 let Oktyabrya Boulevard, Bryansk, 241035, Russia
E-mail: aishvyrkov@rambler.ru

Abstract. The article attempts to formulate a definition of the concept of political reality. In his earlier publications, the author has already addressed this issue. Then he believed that political reality cannot and should not be identified with political facts. Rather, it serves as their basis, gives rise to them, manifests itself through them. Although, from the author's point of view, such an idea of political reality (and, probably, reality in general) is quite adequate, he cannot but admit that its complexity and even sophistication are superfluous for solving those problems which political science usually deal with. On the contrary, the definition, which is based on the identification of political reality as facts, seems to be quite sufficient. However, subject to some correction. Such an adjusted definition of political reality can look as follows. Political reality is a set of political facts

that corresponds to a potentially true picture. A picture is a set of statements regarding a certain political event, character, etc. The statement is true if the fact, expressed in it, takes place, false – if it doesn't. The picture is true if statements, which constitute it, are true. New facts discovered or deduced may lead to a rearrangement of a picture. Since facts cannot run out in principle, a picture can potentially be rearranged infinitely. Since it is never possible to be sure that certain facts took/take place, the truth of any picture is only possible, that is, potential. That's why the definition above speaks about a potentially true but not just true picture.

Keywords: reality, fact, statement, picture, potentially true picture.

For citation: Shvyrkov A.I. 2020. On the concept of political reality. Via in tempore. History and political science, 47 (4): 939–950 (in Russian). DOI: 10.18413/2687-0967-2020-47-4-939-950.

Понятие *политической реальности*, хотя и употребляемое сплошь и рядом в политологической литературе, тем не менее, как правило, нигде четко не эксплицируется, воспринимается как само собой разумеющееся [98]. Это, впрочем, неудивительно, коль скоро даже в чисто философской литературе попытки прояснить понятие реальности можно пересчитать по пальцам – чаще всего оно «теряется» в/среди таких понятий, как «бытие», «сущее», «существование» и т. п. Пожалуй, единственная серьезная попытка ответить на вопрос «что такое реальность?» с философской точки зрения была осуществлена в книге С.Л. Франка «Реальность и человек» [Франк, 2009].

Тем не менее понятие политической реальности, очевидно, нуждается в прояснении. Хотя бы по формальным основаниям.

Несколько лет назад я предпринял попытку такого прояснения. Причем существенным образом опираясь на идеи Франка (изложенные также в его «Непостижимом»).

Также в своем определении реальности я во многом отталкивался от понятия *политического факта*. Причем «отталкивался» в буквальном смысле, то есть утверждал, что политическая реальность к ним, фактам, не сводится, что ее нельзя рассматривать как всего лишь синоним *совокупности фактов*. Предварительные результаты моих размышлений были опубликованы в нескольких статьях (в частности [Швырков, 2014, 2016]).

В общем и целом то определение (или лучше *вѝдение*) политической реальности, на которое я тогда вышел, представляется мне вполне адекватным и сегодня. Однако должен признать, что работать с подобным определением политологу довольно трудно. Хотя бы потому, что оно слишком «философское».

С философской точки зрения реальность действительно нельзя сводить к фактам или всей их совокупности (в упомянутых статьях я предлагал говорить о том, что реальность «порождает» факты, что мы «черпаем» факты из реальности с помощью теории – см. ниже). Однако с другой стороны, когда мы используем термин «реальность» в конкретных науках, такая «точность измерений» нам просто не нужна, она оказывается излишней, а то и неоправданно усложняет построения.

Вообще, необходимость в более глубоком вѝдении реальности, как правило, появляется тогда, когда политолог вынужден действовать на границе политологии и философии (хотя необходимо признать, что такое бывает не так уж редко). В этом случае действительно может возникнуть необходимость в рассмотрении политического факта

[98] Как писал еще в 1968 году Джон Ганнел (John Gunnell), «В сфере политической науки философский вопрос о природе политической реальности… поднимался довольно редко, хотя ответ на него в конечном итоге определяет и обосновывает, что именно наука имеет в виду» [Gunnell, 1968: 166]. Судя по анализу политологической литературы последних десятилетий, ситуация с тех пор мало в чем изменилась. О необходимости более серьезного отношения к основам – в том числе и философским – политологии см., например, [Гаман-Голутвина, 2019].

не просто как первичного материала для анализа, а как *результата* некой интеллектуальной работы.

Другой случай, когда представление о реальности как факте нас уже не может (да, наверное, и не должно) удовлетворить, возникает тогда, когда мы обращаемся к анализу происхождения нашей науки, а также ее основаниям [99].

Возникновение той или иной науки знаменуется появлением нового типа фактов (см. ниже). То есть некая конкретная наука, как правило, начинается с обособления, выделения некоторых фактов или, точнее, «маркирования» тех или иных фактов особым образом. Причем маркирование этих фактов является *внешним* по отношению и к фактам, и к самой науке актом.

Когда мы обращаемся к истокам и основаниям той или иной науки, природа этого акта приобретает первостепенное значение, для нас становится важным, каким образом и почему определенные факты приобретают новую «маркировку». И здесь те отношения между реальностью и фактами, те сущностные различия, которые между ними есть и которые я попытался выявить в упомянутых выше статьях, действительно приобретают первостепенное значение. Однако, когда мы сами действуем *изнутри* науки, вопрос о том, что лежит за теми фактами, с которыми она имеет дело, оказывается почти излишним.

Кто-то мог бы усомниться в том, что та реальность, которую я ассоциирую с фактами, является той же самой реальностью, которая эти факты «порождает». Действительно, не имеем ли мы здесь дело с *разными* понятиями? Хотя этот вопрос, конечно, нуждается в серьезном анализе, думаю, ответ на него будет скорее отрицательным. Позволю себе образный пример, иллюстрирующий данную ситуацию: хотя над водой видна только часть айсберга (причем меньшая), это не значит, что под водой находится какой-то совсем *другой* айсберг.

Итак, резюмирую. Если не покидать сферу политологии, определение, в основе которого лежит отождествление реальности и фактов, пожалуй, может оказаться вполне достаточным для решения тех задач, с которыми чаще всего приходится иметь дело политологу. Для той «точности измерений», которая здесь необходима, его, такого определения, хватит.

Хотя, конечно, просто сказать, например, что политическая реальность – это «все политические факты», будет не достаточно. Вероятно, даже в этом «простом» случае все не так просто – иначе мы бы давно четко зафиксировали, эксплицировали данное тождество. То есть подобное утверждение должно быть дополнено, уточнено, конкретизировано.

Как раз этим я и собираюсь заняться ниже. Однако сначала еще несколько важных моментов.

Прежде всего, предвосхищая возможные возражения типа того, почему это философ указывает политологам, что им следует понимать под политической реальностью, хочу сказать следующее. А кто же еще, кроме философа, должен этим заниматься?! Вопрос о реальности – политической, физической, *просто* реальности – это вопрос фундаментальный, основополагающий. Вопрос о реальности, которую изучает и к которой апеллирует конкретная наука – суть вопрос о том, что выходит за рамки этой науки. Ее языковых, методологических и прочих средств просто не хватит для ответа на него. Поэтому философия за него и берется, *должна* браться. Ибо подобные вопросы как раз и определяют одну из основных сфер ее деятельности.

Другой вопрос: почему не начать с собственно реальности, «реальности вообще». Так, чтобы под результирующее определение подпадали любые «частные» реальности, в том числе и политическая. Здесь я должен апеллировать к случайным

[99] На это как раз указывал Дж. Ганнел в цитировавшейся статье.

обстоятельствам, связанным с моими научными интересами. Дело в том, что «исторически» вопрос о реальности для меня возник именно в связи с политологическими изысканиями, так сказать, в ходе философского вояжа в политологическую (и даже *политическую*) область. Именно поэтому я намеренно «зауживал» свой горизонт.

Однако я не имею ничего против, если кто-то захочет показать, что то определение, которое будет представлено ниже, можно расширить на реальность как таковую, реальность «вообще».

Наконец последняя вводная.

В своих построениях я в значительной степени буду опираться на наработки *аналитической философии.*

Хотя аналитическая философия, как кажется, во многом достигла своих пределов [Джохадзе, 2016], она тем не менее успела создать достаточно развитый аппарат (в том числе терминологический), который по крайней мере *позволяет говорить* о том клубке, узле проблем, которые порождаются (или составляют) отношениями фактов и реальности, не впадая при этом в откровенные спекуляции и не выходя в область совершенного умозрения [100]. Причем позволяет говорить *лучше*, чем любая другая теоретическая система.

Во многом разделяя скепсис по поводу возможности создания аналитической политической философии [Павлов, 2010], я все же решусь утверждать, что в отдельных вопросах – в частности таких, как тот, который исследуется в данной статье, – аналитическая философия может оказаться достаточно эффективной. Сформулирую по-другому. Хотя аналитическая философия вряд ли способна ответить на вопрос о том, что такое реальность (точнее, ответить на этот вопрос более глубоко, чем какие-то иные философские концепции, – того же С. Франка), она по крайней мере может обеспечить возможность для *конкретных наук* (в нашем случае – политологии) пользоваться некоторыми понятиями – той же политической реальности – не «повисая в воздухе», не апеллируя к некой их «интуитивной понятности». Впрочем, это не удивительно, поскольку аналитическая философия изначально стремилась к максимально точным, максимально конкретным, верифицируемым формулировкам, вообще к максимальному *наукоподобию* (в лучшем значении этого слова). Другое дело, конечно, насколько ей это удалось, точнее, действительно ли подобный путь – это магистральный путь философии.

Далее. Думаю, есть смысл привести краткое описание моего первоначального, не раз уже упоминавшегося выше понимания реальности. Отчасти для того, чтобы дать читателю более наглядное представление о тех проблемах, о которых шла речь в связи с возможностью двух определений политической реальности, отчасти для того, чтобы ему было проще проверить обоснованность того «поворота на 180°» (по сравнению с моими более ранними публикациями), который я собираюсь совершить.

Впервые это определение было сформулировано в статье «Об отношениях между политической теорией и реальностью», опубликованной в журнале «Полития» [Швырков, 2014]. В этой статье, как следует из ее названия, я попытался обрисовать то, каким образом политическая теория соотносится с политической реальностью.

Политическую теорию я понимал и понимаю вполне традиционно как комплекс вертикально и горизонтально связанных общих утверждений, толкующих политические факты.

---

[100] См., например, [Витгенштейн, 2009]. Современный терминологический аппарат, см. Wetzel T. *States of Affairs.* Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/states-of-affairs/ (accessed: 10.11.2019).

В случае политики в качестве фактов могут рассматриваться, например, результаты голосования, публичные заявления того или иного политика, те или иные политические решения и действия (например, объявление войны, политически мотивированное экономическое эмбарго, вхождение политической партии в коалицию) и т. п. Более строго, под политическим фактом я буду понимать некое действительное или предполагаемое политическое событие. Факт, как правило, выражается с помощью некоторого утверждения.

В упомянутой статье я также предложил не спешить отождествлять факты и реальность [101]. Ближайшая – но не единственная – причина этого та, что факты никогда не существуют, что называется, *сами по себе*, факты – это всегда результат некоей предварительной работы: ведь нам же надо было хотя бы разграничить политические, экономические, физические, исторические и т. д. факты. То есть, факты – это уже некий *полуфабрикат* [102].

Как *политический* факт возможен только благодаря, *в присутствии* политической теории. Факт немыслим в отрыве от некоего концептуального поля, обеспечиваемого, задаваемого теорией. То есть до того как появляется соответствующая теория, политических фактов не существует [103]. Тем не менее сказанное вовсе не означает, что политическая теория появляется *до* политического факта или *независимо* от него. Думаю, речь следует вести о неком *сдвиге в сознании*, порождающем и политическую теорию, и политические факты. И снова-таки сам по себе этот сдвиг не обязательно должен проявиться в создании некой политической теории. Часто он приводит лишь к тому, что некие ранее созданные теории начинают восприниматься как политические [104].

Важно отметить, что, как только возникает такой сдвиг, мыслить те факты и те теории, которые раньше считались неполитическими, – а теперь, после этого сдвига, считаются политическими – как неполитические становится очень трудно, то есть становится трудно представить, что когда-то эти факты и теории политическими не являлись.

Однако раз факты – это не *первое*, не изначальное, значит, за ними должно быть *что-то еще*, что-то, откуда мы «черпаем» факты (я бы сказал – с помощью теории). Факты, таким образом, оказываются представлением чего-то, скрывающегося *за* ними. И как раз то, что скрывается за фактами (или наоборот, *являет* себя в фактах), я и назвал *реальностью.*

Реальность, таким образом, суть нечто, лежащее в основе фактов (вещей, феноменов, явлений и т. д.), нечто, выражаясь метафорически, их *порождающее*. Эта реальность бесконечна, непостижима, неисчерпаема. Она подобна *Богу* средневековых философов или *Непостижимому* С. Франка (или его же реальности [Франк, 1990, 2009]).

Однако при всем при этом, пожалуй, нельзя сказать, что она абсолютно недоступна. Пожалуй, нет ничего доступней реальности – ведь она всегда «здесь», всегда «рядом», всегда «вокруг».

---

[101] Как кажется, к такому отождествлению был склонен Э. Дюркгейм [Дюркгейм, 1996]. Следует заметить, что чаще всего такое представление о реальности в политологических текстах не эксплицируется, а *подразумевается* (то есть выявить его можно только по контексту, в котором употребляется соответствующие термины).

[102] «…факты нельзя… просто воспринимать, они должны быть *установлены*… Факт не существует независимо от того, замечает ли его кто-нибудь или нет; скорее, факт – это итог размышлений» [Walsh, 1970: 77].

[103] Ср. с появлением *безумия* у М. Фуко [Фуко, 2010].

[104] Думаю, именно это произошло, например, с теориями Платона или Аристотеля. До этого их «политические» произведения могли рассматриваться только лишь как, например, учения о справедливом общественном устройстве или просто о справедливости.

Однако почему же в упомянутой статье я говорю об отношениях теории и реальности? Ведь из сказанного в предыдущих абзацах выходит, что теория имеет дело исключительно с фактами. Реальность же я понимаю как отличную от этих последних.

Теория – суть набор символов. Не будь языка, не будь письменности, ни о какой теории не могло бы быть и речи. Факты, как уже было сказано, не могут существовать без теории, факт, чтобы действительно *появиться*, должен быть описан. По сути, момент описания факта (причем – в терминах теории) и есть момент его рождения. Что касается реальности – по крайней мере, в моем понимании, – то она *принципиально невербальна*. То, что выражено в словах – *уже не реальность*. Соотносить можно только то, что имеет одну природу. Поэтому понятно, что теории всегда соотносятся только с фактами. Однако.

Однако теории не даны нам как нечто готовое (точно так же, как и факты). Теории *творятся*. Творятся же они *познающим субъектом* как ответ на реальность, реальность, воспринимаемую им, кстати сказать, непосредственно, во всей ее полноте (то есть *не как* совокупность фактов). Другими словами, хотя теория действительно соотносится с фактами (можно сказать, что и факты, и теории «состоят» из одной «материи»), *относится* она всегда к реальности.

Кратко напомнив свое первоначальное определение политической реальности, попытаюсь теперь сформулировать мое новое ее понимание.

Факт я буду понимать так же, как и раньше. Факт может *иметь место*, а может *не иметь места*. Если факт имеет место, то соответствующее утверждение (то есть утверждение, выражающее факт) будет истинным. Если факт не имеет места, соответствующее утверждение будет ложным. Например, если США действительно ввели войска в Сирию, значит, факт ввода войск США имел место, а утверждение «США ввели войска в Сирию» будет истинным (утверждения, как это принято в аналитической философии, я буду брать в кавычки).

Установить факт – значит установить, что факт имеет место.

Картиной назовем набор утверждений, касающихся некоего события, персонажа и т. п. Может быть картина Уотергейтского скандала, протестов на Болотной площади, связи Билла Клинтона с Моникой Левински и т. д., и т. п.

Картина истинна, если истинны составляющие ее утверждения.

Реальность события, персонажа, вокруг которого выстраивается картина, не является заранее известной. То есть факт события, факт существования персонажа не обязательно должен быть установленным.

Некоторые утверждения, составляющие картину, могут быть истинными, некоторые – ложными. Факты, соответствующее первым, имеют место, вторым – не имеют.

Картина не является раз и навсегда заданной. Она может перестраиваться в связи со вновь обнаруженными фактами.

Некоторые утверждения картины могут противоречить другим утверждениям. Например, «некто был на месте убийства президента Кеннеди в момент убийства» и «некто не был на месте убийства президента Кеннеди в момент убийства». И то и другое утверждения могут быть основаны на показаниях свидетелей. В этом случае (наличия в картине противоречивых утверждений) могут производиться дополнительные изыскания. Рассмотрим это подробнее.

Предположим, мы захотим проверить, имеет место тот или иной факт или нет. Конечно, мы может попытаться это, что называется, «вычислить». То есть установить, имеет место факт или нет, чисто спекулятивным путем, с помощью анализа соответствующих утверждений (основываясь в первую очередь на законах формальной логики). Однако это возможно лишь в очень ограниченном числе случаев,

обычно тогда, когда у нас есть избыток информации (причем значительная ее часть является такой, в которой мы уверены). Поэтому чаще всего мы просто начинаем «копать», то есть искать факты, которые бы смогли подтвердить или опровергнуть данный факт. Например, ищем свидетелей, документы и т. п. Понятно, что в ходе таких поисков мы можем снова попасть в ситуацию, подобную той, которая заставила нас эти поиски предпринять. Тогда мы будем искать факты, подтверждающие факты, подтверждающие факты, подтверждающие факты и т. д., вообще говоря, до бесконечности. Важно в этом контексте то, что факты *можно найти всегда*, то есть невозможно представить себе случай, когда факты вдруг «закончатся» – сама эта фраза звучит нелепо.

Однако бесконечности у нас нет ни в плане времени, ни в плане ресурсов. Поэтому рано или поздно мы свои поиски остановим. Но, естественно, не просто так, не в произвольной точке (если, конечно, не случится чего-то экстраординарного). Для остановки поисков существует несколько критериев:

1. Картина события «сложится» таким образом, что существенных видимых противоречий, неувязок, необъясненных фактов в ней не останется. В политике такое бывает крайне редко, поскольку политические события обычно довольно сложны с точки зрения числа их участников, наличия специально скрываемых обстоятельств, возможности сознательной подтасовки фактов, манипуляций и т. п.

2. Мы зайдем в тупик. В том смысле, что у нас никак не будет возможности «собрать все в кучу», то есть, по сути, нарисовать целостную картину. Те или иные факты вроде бы будут относиться к тому или иному событию, персонажу и т. п., но соединить их таким образом, чтобы картина стала связной, логичной и проч., мы будем не в состоянии.

3. У нас не будет физической возможности установить тот или иной факт. Например, для проверки того или иного факта нам необходимо будет попасть на некую военную базу, в архив и т. п., однако у нас не будет для этого допуска.

Выше речь шла в основном о фактах, которые могут быть названы *первичными* (фактами первого порядка, базовыми и т. п.). Такие факты могут быть установлены непосредственно. Однако существуют и такие факты, которые устанавливаются в результате анализа, интерпретации первичных фактов. Назовем их *вторичными* (фактами второго порядка, выводными фактами и т. п.).

Получение вторичных фактов, очевидно, предполагает проведение некой интеллектуальной работы. Она основана на использовании интуиции, опыта, *теории*.

Существует ли принципиальная разница между первичными и вторичными фактами? Или вся разница – только в способе их установления? Чаще всего мы имеем дело со вторым случаем, то есть первичные и вторичные факты оказываются, так сказать, фактами *одной материи*. Однако дать окончательный ответ на этот вопрос еще предстоит [105].

В качестве примера вторичного факта рассмотрим «гибридную войну», якобы идущую между Россией и Украиной.

Некоторые политики, эксперты и проч. утверждают, что факт такой войны имеет место. Другие – что нет. При этом что такое гибридная война вроде бы секретом не является. Определение ее легко найти в интернете, научной литературе. В чем же тогда дело? Почему существуют противоположные мнения по поводу этого факта (гибридной войны)?

Есть два фактора, ответственных за это. Первый – собственно факты (которые подтверждали бы или опровергали факт гибридной войны). Часть этих фактов – первичные факты, часть – вторичные.

[105] Возможно, что разделение на первичные и вторичные факты является чисто *ситуативным*.

Обнаружение первичных фактов, очевидно, сопряжено со значительными трудностями, часто чисто физического плана (например, выезд в тот или иной населенный пункт может быть невозможен из-за боевых действий). Обнаружение вторичных фактов (точнее, формирование соответствующих утверждений) зависит от интуиции, опыта экспертов, теории, которой они располагают.

Второй фактор – это как раз теория.

Выше я сказал, что в литературе можно легко найти определение гибридной войны. Однако это определение не достаточно для того, чтобы точно определить, в каких именно случаях гибридная война имеет место, а в каких – нет. То есть оно слишком общее, слишком расплывчатое. Для того чтобы его уточнить, конкретизировать, необходимо, по сути, создать целую теорию. Причем такую, которую бы признали большинство ученых и экспертов. Сегодня такой теории нет.

Почему факт гибридной войны является вторичным? Потому что для его установления, как мы видим, необходимо собрать множество других фактов, интерпретировать их на основе теории и т. д.

Установление вторичного факта, вообще говоря, часто оказывается делом довольно непростым.

Эти предварительные разъяснения позволяют сформулировать понятие (новое) политической реальности следующим образом.

Под *политической реальностью я понимаю множество политических фактов, которым соответствует потенциально истинная картина*.

В этом определении, очевидно, самый «проблемный» момент – это фраза о потенциальной истинности картины. Почему речь идет именно о потенциально истинной картине, а не о просто истинной?

Когда речь заходит о политике, тех или иных политических событиях, мы, как правило, верим, что всегда или почти всегда есть кто-то, кто точно знает, «как было дело», кто наверняка знает, какие факты имели/имеют место, а какие – нет [106]. То есть что есть кто-то, кто знает «истину».

Ясно, что речь идет о людях, которые либо были непосредственно вовлечены в те или иные события (например, политики), либо «наблюдали» за участниками этих событий, так как это входит в их «служебные обязанности» (например, представители спецслужб), либо их «расследовали» (например, журналисты). Ведь, в конце концов, должен же какой-то политик точно знать, говорил он что-то другому политику в частной беседе или нет (случай, когда такой политик находится под действием психотропных веществ, мы здесь не рассматриваем) [107].

Мы выстраиваем картину того или иного политического события, опираясь на знание того / веру в то, какие факты имели место (знание о том / вера в то, какие факты места *не имели*, то есть *негативное знание*, очевидно, имеет для построения картины гораздо меньшее значение) [108].

Эти два момента (то есть что картина выстраивается на знании того / вере в то, что некие факты имели место, и что есть кто-то, кто точно знает, какие

[106] По крайней мере, в отношении некоторого количества *первичных* фактов. В отношении вторичных фактов этого утверждать нельзя, так как их вывод зависит от политической теории, а в отношении такой теории (ее истинности) действуют все те ограничения, которые действуют в отношении любой теории. В частности те, в соответствии с которыми любая теория может – и должна! – быть *сфальсифицирована*.

[107] Здесь, очевидно, можно усмотреть сходство с *преступлениями*. Однако между политическими событиями и преступлениями есть и существенное отличие – в случае с первыми для сокрытия их «истинных» причин, обстоятельств, с ними связанных, часто задействуются очень серьезные ресурсы. В случае со вторыми это случается гораздо реже (а если и случается, то чаще всего здесь как раз оказывается замешана политика и/или политики).

[108] Для выражения моей мысли здесь лучше всего подошло бы английское слово «believe».

факты имели место) порождают если не веру, то хотя бы надежду на принципиальную возможность получения представления об истинной картине того или иного события [109].

Причем, как кажется, существует иллюзия, что построение истинной картины не сопряжено с непреодолимыми трудностями (по крайней мере, *принципиально* непреодолимыми) – ведь если кто-то знает, какие факты, относящиеся к тому или иному событию, имели место, а какие – нет, почему бы и нам этого, в конце концов, не узнать. Ведь если тот или иной политик сегодня находится у власти и может отгородиться от нашего «интереса» охраной и высокими заборами, это не значит, что позднее его нельзя будет «допросить» (иногда и без кавычек) «со всей строгостью».

Я уже не говорю о возможности получить доступ к документам, видеозаписям, фотографиям, архивным материалам и проч. Пусть не сегодня, когда страной правит «хунта» и доступ ко многим данным закрыт, так завтра, когда хунта «падет».

Да, подумает кто-то, мы действительно далеко не всегда можем получить доступ к тем или иным людям или документам, но *в теории-то* это возможно. Да, может быть, я этого и не узнаю, но *другие-то* могут узнать («вообще», «в принципе»). Если не мы, то, возможно, другое поколение. Если те или иные документы мы не можем прочитать сегодня, потому что у нас нет доступа к архивам, их прочтут наши потомки. И т. д., и т. п.

Казалось бы, история только подкрепляет подобные предположения/надежды. Вспомним хотя бы Нюрнбергский процесс.

Можно без особого труда показать, что легкость здесь кажущаяся. Что всегда можно найти основания для того, чтобы поставить под сомнение даже самый очевидный факт, что любой документ можно подделать, что любую информацию (даже достоверную) можно представить таким образом, что картина того или иного события окажется бесконечно далека от истинной, и т. д., и т. п.

К тому же препятствия на пути исследователя (как то «охрана» и «высокие заборы» и т. п.), которые были упомянуты выше, на самом деле не являются *всего лишь* техническими, временными, случайными препятствиями, они сущностны, принципиальны для политической сферы. Хотя ты можешь находиться в метре от политика, можешь даже попытаться его убить (и даже убить) – что не так уж и редко происходило и происходит, – это вовсе не означает, что у тебя есть или когда-либо гарантированно появится к нему *доступ*, что ты *можешь действительно узнать, что он думает или хотя бы говорил*. То же самое касается документов и проч. [110]

Это «наблюдение» можно распространить на любые факты – как первичные, так и вторичные. Ведь поскольку *на самом деле* мы не можем «добраться» (то есть установить, что они имели/имеют место) даже до тех первичных фактов, о которых кому-то доподлинно известно, что они имели/имеют место, эти факты *уравниваются* в своем статусе с теми, о которых такого сказать нельзя в принципе. То есть все первичные факты (а уж тем более вторичные) оказываются *окончательно неустанавливаемыми* – при том, что по аналогии с фактами первого типа (о которых кто-то знает, что они имели/имеют место), «в принципе», то есть *потенциально*, их установить можно. К установлению их можно бесконечно приближаться, но так и не приблизиться вплот-

[109] На этом же во многом основана и вера в *теорию заговора*.

[110] Недоступность, закрытость политики – это вообще ее сущностная черта. А иначе откуда бы взялись все эти призывы к «открытости», «транспарентности» и т. п.?

ную (здесь напрашивается очевидная аналогия с определением *математического предела*).

Однако при всем при этом, какие бы основания *не доверять* тем или иным сведениям я или кто-то другой ни приводил, не существует *логических* оснований считать, что истинная картина того или иного политического события является принципиально невозможной. По крайней мере, вполне законно утверждать, что некто может составить себе (и даже описать, зафиксировать на каком-либо носителе и сделать достоянием гласности) представление о каком-либо политическом событии, которое *действительно является истинным*, но при этом не знать, что это представление истинно. То есть некая картина может быть истинной, но при этом о том, что она истинна, никто знать не будет (считая эту картину лишь *вероятной*).

Другими словами, у нас есть все основания утверждать, что даже если в той картине, которая у нас есть сейчас, мы и не уверены (например, по тем основаниям, на которые я указывал выше – закрытость политической сферы, возможные подтасовки, подлоги, искажения и проч.), это вовсе не означает, что истинная картина не может существовать *в принципе*. То есть, что *потенциально* она не может быть получена.

Подытожу.

Любая картина может детализироваться до бесконечности. То есть, мы можем находить и находить первичные факты, относящиеся к ней, можем без конца переформулировать вторичные факты и т. д., и т. п. [111] При этом какую бы картину мы ни получили, мы никогда не будем до конца уверены, что она истинная. То есть никакую «окончательную картину» мы не способны получить в принципе (сомневаясь даже в той, которая действительно истинной является).

Дело об убийстве президента Кеннеди или такие сравнительно недавние дела, как дело о «вмешательстве» России в президентские выборы в США, «дело Трампа» (расследовавшееся прокурором Мюллером) служат прекрасными иллюстрациями того, о чем я говорю. Потенциально такие дела могут расследоваться годами, десятилетиями. Единственное принципиальное ограничение длительности подобных расследований связано лишь с конечностью нашего существования.

И при всем при этом у нас нет логических оснований утверждать, что «истинная картина» не может существовать в принципе. То есть у нас нет оснований не верить, что рано или поздно мы станем обладателями такой картины.

Момент *ускользания реальности*, являющийся ключевым в приведенном определении, очевидно, роднит его с ранее приведенной трактовкой этого понятия [112]. При этом данное определение является более конкретным, кратким, *операционализируемым. Понятным*, наконец (надеюсь). Ясно также, что эти его характеристики были достигнуты главным образом за счет существенного сужения «базы» определения: введения ряда явных и неявных ограничений, условий, допущений.

[111] Аналогия с *фракталами!*

[112] Именно поэтому я удовлетворен этим определением и могу «смириться» с тем, что оно является более узким, чем первоначальное.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. 2009. Логико-философский трактат. М., Наука, 133 с.
2. Гаман-Голутвина О.В. 2019. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности. Полис. Политические исследования, 5: 19–42. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.03.
3. Джохадзе И. 2016. Аналитическая философия сегодня: кризис идентичности. Логос, 5: 1–15.
4. Дюркгейм Э. 1996. Метод социологии. В кн.: Западноевропейская социология XIX –начала XX веков: Тексты. М., Международный университет бизнеса и управления: 256–309.
5. Павлов А.В. 2010. Аналитическая политическая философия? Политическая концептология, 2: 175–184.
6. Франк С.Л. 1990. Непостижимое. В кн. Франк С.Л. Сочинения. М., Правда: 183–559.
7. Франк С.Л. 2009. Реальность и человек: метафизика человеческого бытия. Минск, Белорусская Православная Церковь, 560 с.
8. Фуко М. 2010. История безумия в классическую эпоху. М., АСТ МОСКВА, 698 с.
9. Швырков А.И. 2014. Об отношениях между политической теорией и реальностью. Полития, 4: 71–85.
10. Швырков А.И. 2016. Политическая теория, дискурс и реальность: предварительный анализ взаимоотношений. Полис. Политические исследования, 5: 66–79. DOI: 10.17976/jpps/2016.05.06.
11. Gunnell John G. 1968. Social Science and Political Reality: The Problem of Explanation. Social Research, 1: 159–201.
12. Walsh W.H. 1970. An Introduction to the Philosophy of History. London, Hutchinson, 215 p.

References

1. Vitgenshteyn L. 2009. Logiko-filosofskiy traktat [Logical and philosophical treatise]. M., Nauka, 133 p. (in Russian).
2. Gaman-Golutvina O.V. 2019. Bridging Methodological Differences: The Policy Cognition Controversy in an Age of Uncertainty. Polis. Political Studies, 5: 19–42. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.03 (in Russian).
3. Dzhokhadze I. 2016. Bridging Methodological Differences: The Policy Cognition Controversy in an Age of Uncertainty. Logos, 5: 1–15. (in Russian)
4. Dyurkgeym E. 1996. Metod sotsiologii [Method of sociology]. In: Zapadnoyevropeyskaya sotsiologiya XIX – nachala XX vekov: Teksty [Western European sociology of the XIX – early XX centuries: Texts]. M., Mezhdunarodnyy universitet biznesa i upravleniya: 256–309 (in Russian).
5. Pavlov A.V. 2010. Analytical Political Philosophy? Political conceptology, 2: 175–184 (in Russian).
6. Frank S.L. 1990. Nepostizhimoye [Incomprehensible]. In: Frank S.L. Sochineniya [Frank S.L. Texts]. M., Pravda: 183–559 (in Russian).
7. Frank S.L. 2009. Real'nost' i chelovek: metafizika chelovecheskogo bytiya [Reality and Man: Metaphysics of Human Being]. Minsk, Belorusskaya Pravoslavnaya Tserkov', 560 p. (in Russian).
8. Fuko M. 2010. Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu [The history of madness in the classical era]. M., AST MOSKVA, 698 p. (in Russian).
9. Shvyrkov A.I. 2014. On the relationship between political theory and reality. Polity, 4: 71–85 (in Russian).
10. Shvyrkov A.I. 2016. Political Theory, Discourse and Reality: A Preliminary Analysis of Relationships. Polis. Political Studies, 5: 66–79. DOI: 10.17976/jpps/2016.05.06 (in Russian).
11. Gunnell John G. 1968. Social Science and Political Reality: The Problem of Explanation. Social Research, 1: 159–201.
12. Walsh W.H. 1970. An Introduction to the Philosophy of History. London, Hutchinson, 215 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Швырков Александр Иванович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Брянского государственного технического университета, г. Брянск, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr I. Shvyrkov, PhD, Associate Professor of the Department of Humanities and Social Disciplines, Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia